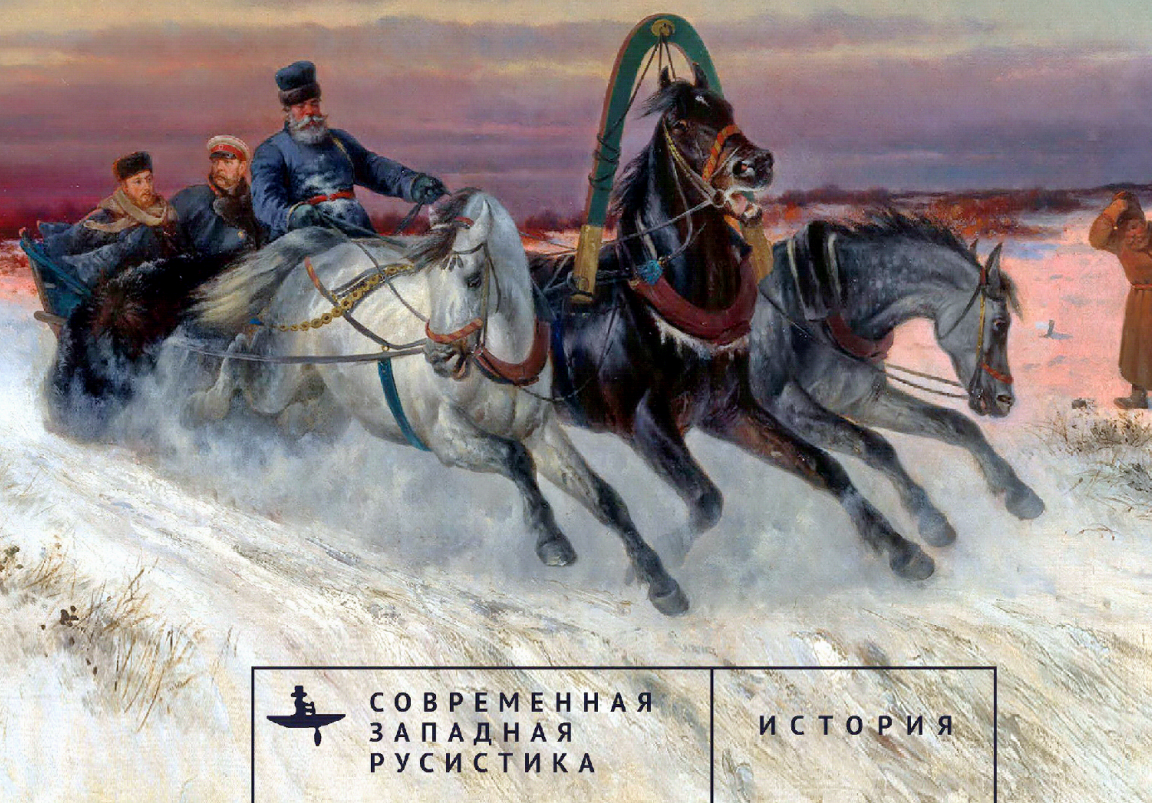

Александр М. Мартин

ИЗ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СТРАНУ ЦАРЕЙ

Одиссея одной семьи, 1768–1870

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

ИСТОРИЯ

Alexander M. Martin

•

From the Holy Roman Empire to the Land of the Tsars

One Family's Odyssey,
1768–1870

Oxford University Press

2022

Александр М. Мартин

•

Из Священной
Римской империи
в страну царей

Одиссея одной семьи,
1768–1870

Academic Studies Press

Библиороссика

Бостон / Санкт-Петербург

2024

УДК 94(47).072+94(430)
ББК 63.3(2)47+63.3(4Гем)
М29

Перевод с английского Ольги Бараш

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Мартин, Александр М.

М29 Из Священной Римской империи в страну царей: одиссея одной семьи, 1768–1870 / Александр М. Мартин; [пер. с англ. О. Бараш]. — Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. — 578 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 979-8-887195-16-2 (Academic Studies Press)

ISBN 978-5-907767-29-4 (Библиороссика)

В рукописи анонимный немецкий очевидец описывает то, что он видел в Москве во время русской кампании Наполеона. Кем был этот мемуарист и что привело его в Москву в 1812 году? Поиск ответов на эти вопросы открывает неизвестные страницы из жизни Германии и России на заре современной эпохи. Автор рукописи, Иоганн Амброзиус Розенштраух (1768–1835), половину своей жизни провел в Священной Римской империи, а другую половину — в России. Неугомонный странник и искатель, а также родоначальник влиятельной купеческой семьи, он был характерной фигурой своей эпохи. Демонстрируя широкую панораму жизни на немецких землях и в России, книга Александра Мартина показывает, как отдельные люди формируют свое время и сами и формируются под его воздействием.

УДК 94(47).072+94(430)
ББК 63.3(2)47+63.3(4Гем)

ISBN 979-8-887195-16-2
ISBN 978-5-907767-29-4

© Alexander M. Martin, text, 2022
© Oxford University Press, 2022
© О. Я. Бараш, перевод с английского, 2024
© Academic Studies Press, 2024
© Оформление и макет.
ООО «Библиороссика», 2024

Слова благодарности

Когда мне впервые попали в руки записки Иоганна Амвросия Розенштрауха об оккупации Наполеоном Москвы, я поначалу намеревался лишь добавить несколько интересных штрихов к книге об истории этого города, которую тогда писал. Но потом меня заинтересовал автор — захотелось узнать о нем побольше. Проект зажил собственной жизнью, и в результате два десятилетия спустя появилась эта книга.

В этом начинании меня поддержали многие организации и частные лица, за что я всем им глубоко благодарен. Впервые я натолкнулся на записки Розенштрауха и начал знакомиться с его жизнью во время исследовательских поездок в Москву, осуществленных за счет стипендий Американских советов по международному образованию и Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям. Сами записки хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Я благодарен сотруднику архива Ф. А. Петрову за то, что он привлек мое внимание к источнику, и заведующему архивом А. Д. Яновскому за то, что он позволил мне скопировать, а позже целиком опубликовать его текст.

Впоследствии я выяснил, что о Розенштраухе сохранилось гораздо больше свидетельств, но они разбросаны по множеству хранилищ. Межбиблиотечный абонемент библиотеки Хесбурга в Университете Нотр-Дам неустанно добывал для меня малоизвестные публикации, а Институт изучения свободных искусств и Институт европейских исследований Нанович, также входящие в Университет Нотр-Дам, финансировали поездки, в ходе которых я смог посетить российские и немецкие архивы.

Я благодарен за помощь замечательным сотрудникам архивов, в которых я работал, перечисленных в библиографии в конце этой книги. Кроме того, мне великодушно оказали помощь сотрудники некоторых собраний, которые я не смог посетить лично: в Польше — Януш Голашевский (Государственный архив Вроцлава); в Нидерландах — Сил ван Дорнмален (региональный архив Боммелерварда), Отто Оттенс (масонская ложа «Глубокое безмолвие»), Як Пипенброк (Масонский культурный центр князя Фридриха) и Ферри Сидерс (Дрентский архив); в Германии — Андреа Ханиш (городской архив, Штральзунд), Юлия Хенниг (Архиепископский архив Падерборна), Кэтлин Яндауш (Главный государственный архив, Шверин), Карола Крюгер (Государственный церковный архив, Шверин), Барбара Мюллер (Институт Генриха Тайсинга и центр документации по церковной и современной истории, Шверин) и Карстен Шлемер (дом-музей Хевенера, Брилон).

На начальной стадии работы Розенштраух интересовал меня в первую очередь как очевидец вторжения Наполеона в Россию. В 2012 году, когда отмечалось 200-летие войны 1812 года, сотрудник Германского исторического института в Москве Д. А. Сдвижков пригласил меня представить мою работу на конференции, организованной ГИИ, а позже — подготовить двуязычное немецкое и русское издание записок Розенштрауха для серии книг, издаваемых ГИИ.

Чем больше материалов я находил о Розенштраухе, тем лучше понимал, что о нем можно рассказать увлекательную историю, если только найти правильный подход. Занимаясь в основном городской и интеллектуальной историей, я не имел ясного представления о том, как подойти к истории малоизвестного частного лица, и я благодарен ряду коллег, которые указали мне полезные направления. Беседа с Франком Вольфом открыла мне глаза на историю мобильности. Об исторической памяти, гендере и транснациональных связях в век революций я начал глубже задумываться после того, как Карен Хагеман включила меня в программу нескольких конференций исследовательской группы «Нации, границы, идентичности: революционные и Наполеонов-

ские войны в европейском опыте и воспоминаниях». Вопрос, заданный моим коллегой из Университета Нотр-Дам Уилсоном Мискаблом, побудил меня обратить более пристальное внимание на религиозную веру как движущую силу в жизни Розенштрауха, а моему пониманию микроистории очень помогла беседа за ужином в Тель-Авиве с Одедом Рабиновичем, а также возможность принять участие в магистерском семинаре Университета Нью-Мексико вместе с Эрикой Монахан и Сэмюэлем Труэттом.

Благодаря этому проекту я расширил не только свой методологический инструментарий, но и географию исследований. Работа над книгой завела меня, исследователя императорской России, в глубь истории Германии XVIII века. Это был превосходный опыт обучения, и я сделал все возможное, чтобы отдать должное предмету.

Я смог вчера написать первые главы благодаря семестровой стипендии Института перспективных исследований Нотр-Дам: мне были предоставлены как время, чтобы писать, так и возможность плодотворных дискуссий с сообществом талантливых стипендиатов института. За этот опыт я благодарен тогдашнему директору института Брэду Грегори, а также Кэролин Шерман, Дональду Стеллуту и другим замечательным сотрудникам института.

По мере воплощения проекта я пользовался помощью и конструктивными соображениями многих исследователей. За прочтение черновых вариантов отдельных глав я хочу поблагодарить своих коллег из Университета Нотр-Дам, работающих в различных областях европейских исследований: Тобиаса Бозса, Джона Дика, Джулию Даутуэйт, Лорен Фолкнер, Роберта Фишмана, Перин Гурель, Кэти Джарвис, Томаса Ксельмана, Чарльза Ливитта, Витторио Монтемаджи, Иэна Ньюмана, Пьерпаоло Ползонетти, Джозефа Розенберга, Сару Шортолл, Ясмин Соломонеску, Соню Стоянович и Эмили Ванг. Я благодарен историкам России из других организаций за то, что щедро делились знаниями и опытом или помогали мне в исследованиях: в их числе Роджер Бартлетт, Мартин Бейсвенгер, Роберт Коллис, Бен Эклоф, Андрей Иванов, Елена Марасинова, Гэри Маркер, Татьяна Сабурова,

Андрей Серков, Элисон Смит, Уиллард Сандерленд, Илья Виницкий, Елена Вишленкова и Мартина Винклер. Столь же щедры на свое время и опыт были специалисты в других областях, в том числе Левке Хардерс, Марк Эдвард Хэй, Алисия Кусяк-Браунштейн, Роберто Панкери, Карстен Шлемер, Ян Снук, Джеймс Урри, Лесли Уокер и Ортруд Вернер-Хайль. И последнее, но, безусловно, не менее важное: я в долгу перед Джонатаном Ноулзом, Алиной Мезеновой, Стивеном Морганом и Хеленой Вебер за помощь в получении и расшифровке некоторых архивных документов. Всем им, а также анонимному рецензенту «Oxford University Press» моя сердечная благодарность.

Неотъемлемой частью такого проекта, как этот, служат иллюстрации. Я благодарен Мэтью Сиску из Центра цифровых исследований семьи Навари при Университете Нотр-Дам за создание карт, без которых эта книга, в подзаголовке которой как-никак содержится слово «одиссея», была бы неполной. Я также хотел бы поблагодарить несколько организаций, которые позволили мне воспроизвести изображения и документы из их коллекций: в Германии — Архиепископский архив Падерборна и Архив Дома-музея Хевенера в Брилоне; в России — Центральный исторический архив Москвы, Российскую национальную библиотеку, Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей; а также Австрийскую национальную библиотеку в Вене.

На протяжении ряда лет я представлял отдельные части этого проекта на лекциях в Джорджтаунском университете и университетах Торонто, Мичигана, Вилланова, Нью-Мексико, Билефельда и Тель-Авива; на конференциях в Педагогическом университете имени Герцена и Пушкинском Доме (оба в Санкт-Петербурге), а также на заседаниях Среднезападного семинара по истории, Исследовательской группы по России XVIII века и Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований. Я благодарен за эти возможности поделиться своей работой и за интеллектуальную щедрость участников оживленных дискуссий на ее предмет.

Как известно любому профессору, исследовательская и преподавательская деятельность взаимосвязаны. Я хотел написать

книгу, которая заинтересовала бы не только специалистов, но и начинающих историков, поэтому обсуждал черновые варианты глав на семинарах как с выпускниками, так и с первокурсниками. Студенты этих семинаров, спасибо вам за то, что помогли мне стать лучшим историком и писателем.

Повторяющаяся тема в этой книге — память: то, как воспоминания о прошлом влияют на жизнь людей и как время отдаляет эти воспоминания, пока они, наконец, не исчезнут за горизонтом. Люди эпохи Розенштрауха даже сейчас остаются для нас зримыми, но лишь как смутные тени на этом далеком горизонте. Особенно глубоко я это понял после того, как мне посчастливилось познакомиться с Эльке Бриер, Бригит Шуман и Сергеем Штраусом, тремя потомками Розенштрауха. Они щедро делились со мной фотографиями, документами и семейными историями — некоторые из них читатель найдет в этой книге.

Наконец, дела домашние: я в особом долгу перед двумя людьми. Это, во-первых, моя жена Лори — без ее любви, интеллектуальной поддержки, терпения, когда я был поглощен работой, и тщательного редактирования написанного книга, возможно, не появилась бы на свет. Во-вторых — мой отец Дональд Уоррен Мартин, который вдумчиво изучал европейскую историю и проявлял живой интерес к моим исследованиям. С любовью и благодарностью посвящаю эту книгу его памяти.

Введение

В 2002 году московские архивисты показали мне записную книжку, в которой анонимный немецкий купец повествовал о своих приключениях в Москве 1812 года во время оккупации города наполеоновской армией¹. События, последовавшие за оккупацией Москвы, обрекли на провал русскую кампанию Наполеона, стали началом конца его империи и определили направление, в котором пошла вся Европа XIX века. Об оккупации Наполеоном Москвы написано бесчисленное множество книг, и почти все значимые воспоминания очевидцев уже давно опубликованы. Поэтому тетрадь с записками купца оказалась уникальной находкой: это было важнейшее новое свидетельство, не только неопубликованное, но и совершенно неизвестное историкам. Но кто же был автором?

Два года спустя я снова оказался в Москве, на этот раз в другом архиве. После войны 1812 года москвичи подали властям более 18 000 прошений о вспомоществовании, несколько сотен из которых я прочитал, собирая материал для будущей книги. К моему удивлению, в одном из них обнаружили те же детали, что и в анонимной записной книжке. Прошение было подписано Иваном Розенштраухом, купцом из Санкт-Петербурга. Заинтересовавшись, я заглянул в адресную книгу этого города. Там действительно значился некий Иван Розенштраух, но не купец,

---

¹ Воспоминания озаглавлены «Geschichtliche Ereignisse in Moskau im Jahre 1812, zur Zeit, der Anwesenheit des Feindes in dieser Stadt». Полный немецкий текст наряду с переводом на русский и комментарием опубликован в книге «Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля», под редакцией и с введением Александра М. Мартина [Розенштраух 2015].

а актер. Мог ли это быть один и тот же человек? Ответ пришел сам собой несколько недель спустя. Роясь на полках московского книжного магазина, я наткнулся на книгу по истории театра, где приводилось факсимиле подписи этого актера: почерк был тот же, что в тетради и прошении. Иоганн-Амвросий Розенштраух — вот настоящее, немецкое имя этого человека [Реймерс 1809; Губкина 2003: 52; Мартин 2015a]².

Историки в ходе своей работы часто наталкиваются на подобные любопытные фигуры. Хочется узнать о них побольше, но где искать сведения? В отличие от предыдущих поколений, у меня было доступное решение: интернет. Исторические исследования в этом столетии пережили революцию благодаря массовой оцифровке книг, газет, описаний архивных фондов и других материалов, а мой поисковый запрос был идеальным: во всей документированной истории не нашлось другого человека по имени Иоганн-Амвросий Розенштраух. Сведения о нем отыскивались в самых разнообразных местах. Я обнаруживал его имя в письмах, дневниках, контрактах и прочих документах, хранящихся в целом ряде российских, немецких и голландских архивов; на генеалогических сайтах; в путевых заметках, мемуарах, городских справочниках, газетных статьях, театральных афишах и других публикациях XIX века на немецком, русском, голландском, датском, шведском, французском и английском языках, и даже в художественных произведениях и Полном собрании законов Российской империи.

Внутренняя жизнь века революций

История, поведанная мне этими источниками, полна тайн и приключений и похожа на плутовские романы, столь популярные во времена юности Розенштрауха. Он родился в Пруссии в 1768 году; в юности покинув родительский дом и родной город, всю дальнейшую жизнь он провел в скитаниях по немецким землям и Российской империи. Он сбежал с начинающей актрисой и об-

---

² См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 239; ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 2219. Л. 171–172 об.

венчался, а позже пытался развестись с ней. Он жил под вымышленным именем, сменил религию и гражданство. Он на собственном опыте познал цеховую систему раннего Нового времени как ученик цирюльника; внес свою лепту в эпоху Просвещения как актер и масон; был свидетелем французских революционных и Наполеоновских войн в Голландии, Германии и России; содействовал распространению капитализма в России как петербургский и московский купец. На момент своей смерти в 1835 году он был лютеранским пастором в немецкой общине в Харькове. Его сын Вильгельм стал видным российским купцом и продолжал торговое дело отца до самой своей смерти в 1870 году.

Биография Розенштрауха, конечно, обязана своей калейдоскопичностью уникальным обстоятельствам его личной судьбы, но, кроме того, она была продуктом особой исторической эпохи — века революций. Век начался с Американской (1775–1783) и Французской (1789–1799) революций, включил в себя Наполеоновские войны, войны за независимость в Латинской Америке и европейские революции 1820-х, 1830 и 1848 годов и закончился войнами и потрясениями в Европе и Америке в 1860–1870-е годы. Розенштраух родился до начала века революций; сын его умер, когда эта эпоха близилась к завершению.

Знакомство с жизнью таких людей, как Розенштраух, помогает нам понять век революций. Именно эта эпоха подарила миру явления, которые по-прежнему весьма важны в нашей жизни, такие как демократия, диктатура, идеологии левых и правых, а также современный капитализм, промышленность, техника, глобализация, колониализм, полиция, журналистика, медицина, образование, расовая и гендерная проблематика. Мы горячо спорим об уроках века революций, о том, как чтить его в праздниках и памятниках, как отображать в музейных экспозициях, кинофильмах и школьных программах. Однако время разорвало нашу личную связь с людьми той эпохи. Никто из ныне живущих не был с ними знаком, и лишь глубокие старики, возможно, знали тех, кто этих людей помнил. В результате, сколько бы мы ни обсуждали историческое значение и наследие того периода, нам зачастую трудно представить себе индивидуальную, челове-

ческую реальность: как люди того времени помнили свое прошлое, интерпретировали настоящее и рисовали себе будущее; что они знали о своем мире и что было от них скрыто; с какими сталкивались ограничениями и какой степенью свободы обладали в принятии личных решений.

С 1970-х годов историки уделяют много внимания восстановлению этой индивидуальной человеческой реальности. Предыдущие поколения ученых полагали, что историю определяют решения политических деятелей и безличное функционирование крупномасштабных социальных и экономических механизмов. По общему мнению, с конца XVIII века по настоящее время историю двигали силы, высвободившиеся в эпоху революций, такие как национализм, промышленный капитализм, классовая борьба между буржуазией и рабочими, упадок религии или мировое господство Запада. Считалось, что ключ к пониманию современной эпохи нужно искать именно в этих силах, которые, как казалось, действовали почти что с регулярностью законов природы³. Однако к 1970-м годам создалось впечатление, что они больше не работают. В западных странах глобализация поставила под вопрос автономность национального государства, экономика деиндустриализировалась, а классовая борьба была оттеснена на задний план новыми конфликтами вокруг проблем пола, расы, иммиграции и окружающей среды. Религия во всем мире укрепила свои позиции; подъем Восточной Азии, а позже и падение советского коммунистического режима изменили мировой порядок. Оказалось, что движущие силы, ранее управлявшие современностью, вовсе не являются непреложными законами истории, и базовый нарратив модернизации распался. Это не могло не встревожить историков, так как именно на этом базовом нарративе основывалась большая часть их исследований [Levi 1991: 93–94; Levi 2019: 37; Blackbourn 2013–2014: 50].

Одним из решений проблемы стало направление, получившее название микроистории. Суть этого метода — исчерпывающее изучение частной, казалось бы, повседневной темы, такой как

---

³ См., например, [Хобсбаум 1999: 11; Мур 2016: 10–11].

местное сообщество, жизнь отдельного человека или семьи, либо событие, например преступление или судебный процесс. В микроистории существуют разные подходы. Некоторые исследователи пытаются проверить существующие теории о крупномасштабных исторических процессах, рассматривая их сквозь призму свидетельств отдельных людей или ситуаций. Другие стремятся выявить исторические силы, еще не получившие признания, так как они возникают в результате микроуровневых взаимодействий между соседями, родственниками, друзьями или в других небольших группах. Эта книга, в которой рассматривается жизнь конкретного человека в Германии и России в век революций, относится к третьему типу: микроистория, цель которой — заглянуть в сознание людей прошлого и связать, по выражению одного исследователя, «внешнюю жизнь» общества с «внутренней жизнью»: желаниями, страхами, воспоминаниями и фантазиями людей, из которых это общество состояло [Rothschild 2011: 4]⁴.

Человек своего времени

Для эпохи революций Розенштраух был типичной фигурой. Он родился в 1768 году, так что его взросление пришлось на 1780-е годы; именно тогда Иоганн Вольфганг фон Гёте написал стихи, ставшие, по сути, гимном самоутверждения личности:

В путь! Покорствуй указанью!
 Как ступать тропинкой правой,
 Загодя учись, дружок!
 На весах судьбы лукавой
 Редко дремлет стерженек:
 Приглядишь к их колебанию!
 Кто ты? Победитель новый?
 Или сам в полон попался?
 Гордым молотом поднялся
 Или наковальней лег? [Гёте 1975: 252]⁵.

⁴ О микроистории см. [Robisheaux 2017: 7–52; Cohen 2017: 53–73].

⁵ Гёте И. В. Кофтские песни (II). (Пер. с нем. Н. Вильмонта.)

Стремление подняться на «весах судьбы лукавой» обуревало многих юношей из поколения Розенштрауха, в которое входили Бетховен, Гегель и Наполеон — великие новаторы, изменившие музыку, философию и политику, — а также множество молодых участников и сторонников Французской революции. Все они, в том числе Розенштраух, страстно желали быть молотом, а не наковальней.

Прослеживая его путь в пространстве — по Германии и России — и во времени — из XVIII в XIX век — в поисках связей между его внутренней жизнью и внешней жизнью его эпохи, мы будем постоянно выходить на пять более широких лейтмотивных тем.

Первая тема — это его личность, характер как таковой, его внутренняя жизнь в самом непосредственном, буквальном смысле. Тип личности, к которому относился Розенштраух, в XVIII–XIX веках становился все более распространенным. В юности — бунтарь, бросивший вызов общественным установлениям, сбежав из дома и выбрав сомнительную профессию актера, в зрелости он, напротив, руководствовался строгими жизненными правилами буржуазии, стал преуспевающим предпринимателем и набожным прихожанином. В том и другом случае он вел себя как человек своей эпохи. Личностные черты одновременно универсальны и индивидуальны, но также содержат аспекты, характерные для определенной исторической эпохи. По мере того как общество модернизируется, а его экономика, механизмы власти и культура усложняются, связь с семьей, родными и людьми из ближнего окружения утрачивает важность по сравнению с целой сетью связей с чужими, посторонними, — сеть эта постоянно растет, а связи усложняются. В результате этого сдвига во внешней жизни общества появляются личности, менее терпимые к вмешательству извне в их частную жизнь, но более охотно подчиняющиеся многочисленным правилам, которые поддерживают функционирование сложной социальной системы [Elias 2000: 367–368, 410, 422, 425; Хабермас 2016: 64]. Все это напрямую касается Розенштрауха. И его юношеская жажда независимости, и принятие в зрелости правил буржуазной ре-

спектабельности говорят об образе мыслей и чувств, который, после того как Европа вступила в современную эпоху, становился все более типичным.

Был и другой аспект, в котором его личный характер отражал внешнюю жизнь века революций. В то время идеи находились в постоянном бурлении: система раннего Нового времени рушилась, а внутри нее уже зарождалась культура современности. Он родился при Старом порядке — авторитарном общественном строе, в котором людям присваивался жесткий статус в соответствии с их классом, вероисповеданием и предполагаемой мерой чести. Как и многие современники, он ненавидел образ мысли Старого порядка с его узколобым принципом исключительности, но, как выяснилось, отвергнуть старые убеждения легче, чем обрести новые. Поиски смысла вовлекли его в культурную сумятицу века революций: он искал высшую истину в Просвещении и мистических доктринах масонства, и соприкасался с национализмом, политическим утопизмом, и апокалиптическими религиозными идеями. В конце жизни он, наконец, обрел твердую почву под ногами: традиционное лютеранство и буржуазный этос. Так завершилась его личная эволюция — превращением в человека XIX столетия.

Измерения истории

И внутренняя жизнь Розенштрауха, и внешняя жизнь века революций разворачивались в координатах времени и пространства. Это и есть наша вторая лейтмотивная тема. Изучая масштабные исторические процессы, мы зачастую вынуждены игнорировать эти факторы и собирать воедино свидетельства из разных эпох и стран. Однако, чтобы понять, почему отдельные люди и целые общества вели себя именно так, а не иначе, мы должны разобраться, в какой степени реальность была для них ограничена конкретными факторами времени и места.

История Розенштрауха наглядно демонстрирует нам, что означало для человека эпохи революций время. Он-то воспри-

нимал век, в котором жил, совсем не так, как мы. Оглядываясь на два столетия назад, мы рассматриваем рубеж XVIII–XIX веков как хронологический водораздел. Исходя из наших представлений, Розенштраух (1768–1835) родился в конце раннего Нового времени, начало которого мы отсчитываем с эпохи Возрождения, а умер в начале современной эпохи, длящейся по сей день. Но его отсчет времени был иным. Он лично помнил 1770-е годы и слышал рассказы людей, помнивших, что происходило за десятилетия до его рождения. Заглядывая вперед, он мог надеяться дожить в лучшем случае до 1830-х или 1840-х годов. Период с середины XVIII по середину XIX века был для него единым отрезком — временем жизни. До этого было далекое прошлое, известное только по книгам; все, что будет после этого, окажется за пределами его жизни.

Пытаясь взглянуть на мир его глазами, мы также вспоминаем о некоторых свойствах времени: они, по сути, всем известны, но думая об истории, мы иногда о них забываем. Во-первых, ретроспективный взгляд позволяет нам сопоставлять более ранние и более поздние периоды и судить о делах по результатам. Понятно, что Розенштраух не располагал такой возможностью: он не был прорицателем и в своих поступках основывался только на собственном прошлом и настоящем, но никак не на будущем, которое еще не наступило. Во-вторых, прошлое для него было более многослойным, чем — ретроспективно — для нас. В памяти потомков, как правило, остается только один слой, состоящий из важных исторических переживаний, общих для множества современников. Для него же не менее важными были и другие аспекты: уникальный опыт, сформировавший его как личность, и жизненный цикл, в рамках которого ход времени размечал путь всего его поколения от рождения до смерти. Третий момент, касающийся времени, состоит в том, что память переносит прошлое в настоящее. Пережитое оставляло свой след в памяти Розенштрауха, эти воспоминания влияли на его жизнь, а позже отзывались и в жизни его потомков. По-настоящему понять Розенштрауха, да и любую другую фигуру из прошлого, мы сможем,

только если будем знать, как формируются такие воспоминания и как они передаются из поколения в поколение⁶.

Его биография также позволяет нам увидеть, как переживалось людьми пространство. Поскольку историков в первую очередь интересует подъем и упадок государств, карта прошлого традиционно видится им как набор государств, очерченных четкими границами. Создается обманчивое впечатление, будто внутри каждого государства условия были однородными, но стоило пересечь границу, как картина менялась. Кризис теории модернизации заставил историков усомниться в этом ориентированном на государство подходе. Мы больше не считаем, что границы имеют определяющее значение, и концентрируемся скорее на разнообразии внутри каждого государства. Также мы уделяем больше внимания тем аспектам пространства, которые мало связаны с государственностью, но зато были важны в жизни населения, таким как местные сообщества и соединяющие их длинные дороги [Epple 2012; Burson 2013; Ghobrial 2019; Spaulding 2017: 356–357].

В биографии Розенштрауха эти аспекты пространства составляют центральную тему. Он то и дело пускал корни в некоем месте, откуда потом уезжал на далекое расстояние и селился где-то еще. Следя за его передвижениями, мы можем увидеть сети дорог и формы передвижения, благодаря которым осуществлялась связь между разными странами: торговые пути, судоходные линии, гастрольные маршруты театральных трупп. Наблюдая, как он оседает в определенном месте и заново строит свою жизнь и личность, мы видим каждое из местных сообществ с его ограничениями и возможностями, а также способы коммуникации, которыми он пользовался, чтобы поддерживать связь с друзьями, оставшимися на старом месте. Ведь пространство имело и личное, субъективное измерение. Путешествовать означало идти пешком под дождем или палящим солнцем, трястись в экипаже по ухабам проселочных дорог или плыть на корабле,

---

⁶ О передаче памяти из поколения в поколение см., например, [Crete 2014; Pettitt 2018].

страдай морской болезнью. Это означало знакомиться с местом назначения и размышлять об увиденном в дороге. Как и время, пространство было внешней реальностью, отраженной в географических картах и расписаниях дилижансов, и одновременно внутренним переживанием тела и души.

Скитальцы, народы, империи

Помимо личности нашего героя и пространственно-временных координат, третья тема, к которой нам придется все время возвращаться, это место Розенштрауха в больших человеческих сообществах века революций. С одной стороны, он принадлежал к многочисленному племени скитальцев, которое в ту эпоху коллективно меняло историю. Это были образованные люди, которые по каким-то причинам, будь то враждебные обстоятельства или жажда приключений, вырывались из узких рамок своего непосредственного социального окружения. Кочевая жизнь расширяла их кругозор и позволяла ощущать связь с более широкими кругами общества; по мере того как они обменивались идеями с близкими по духу, в них рождались мечты о будущем, в котором люди станут более свободными и великодушными, а социальные разграничения не такими резкими [Polasky 2015: 5, 8–13].

Некоторые из самых выдающихся революционеров того периода были именно такими скитальцами. Так, английский писатель Томас Пейн, участник и Американской, и Французской революций, был сначала корсетником, потом акцизным чиновником, школьным учителем, табачником и матросом на каперском судне⁷. Жизнь Розенштрауха была не менее пестрой. Он путешествовал по немецким землям и России, менял веру, подданство и род занятий, имел дело и с просветителями, и с масонами. Он не был революционером, но его мобильность и устремления делали его характерной фигурой эпохи революций.

---

⁷ Philp M. Thomas Paine (1737–1809) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford and New York, 2004–. URL: <https://www.oxforddnb.com>

Притом что Розенштраух принадлежал к интернациональному племени скитальцев, его история также неразрывно связана с национальной историей Германии и России. В начале века революций в обеих странах царил Старый порядок: население по закону делилось на сословия дворян, крестьян и другие социальные категории с неравными правами и обязанностями. К тому же обе страны были империями, хотя и разного типа: Германия представляла собой рыхлое объединение независимых государств; Россия была политически единой, но включала в себя множество непохожих друг на друга регионов и национальностей. Так что основополагающими принципами социальных систем обеих стран были разнородность и неравенство. В век революций оба этих принципа были дискредитированы, и их место все чаще занимал идеал, противоречащий как Старому порядку, так и самому понятию империи, — национализм. Суть его в том, что все, кто имеет общую национальную идентичность, должны быть равноправными гражданами своего, единого национального государства.

В биографии Розенштрауха отражается множество уродливых, репрессивных черт империи и Старого порядка: удушливый провинциализм, религиозный фанатизм и социальное неравенство в Германии, а также жестокое крепостничество и самодержавие в России. Это соответствует пессимистическому взгляду на немецкую и российскую историю, распространившемуся на Западе в середине XX века. Историки того времени хотели понять, почему при переходе к современности эти две страны свернули на фатальный путь, который в конце концов привел к тираническим режимам Гитлера и Сталина. Дело в том, утверждали они, что в век революций ни в той, ни в другой стране не удалось заложить основы для здоровой модернизации. Германия так и не построила единого национального государства и не преодолела историческую традицию авторитарного правления; в России же не возникло энергичного гражданского общества, которое могло бы отобрать власть у царского самодержавия и повести крестьянские массы в современную эпоху⁸.

---

⁸ О России см. [Raeff 1966: 3, 73–75; Пайпс 1993: 11, 174; Raeff 1983: 223–224]. О Германии см. следующее примечание.

В последние десятилетия эта интерпретация утратила авторитет; понять, почему это произошло, помогает нам, в частности, биография Розенштрауха. Странствуя по немецким землям и России, он не только сталкивался с классовыми, религиозными и этническими предрассудками, но также встречал благосклонное отношение и возможности продвинуться по общественной лестнице. Да, режимы, при которых он жил, были авторитарными, но они не попирали его права каждый день и каждый час. Сам он не стал поборником демократии, но твердо верил в универсальное достоинство каждой человеческой личности. Коротко говоря, его опыт показывает, что либеральное по сути своей мировоззрение может существовать даже при нелиберальных режимах.

Этим открытием только подтверждается имевшее место в последние десятилетия общее переосмысление немецкого и российского прошлого. Историки поняли, что постгитлеровский и постсталинский режимы в Германии и России оказались слишком прочными, чтобы быть отклонением, поэтому начали искать их истоки в более ранних периодах. Кроме того, историки стали в целом уделять меньше внимания официальным политическим институтам страны и больше — ее практической, повседневной способности поддерживать порядок на основе общего согласия и учитывать различные социальные группы. В результате историческая репутация как Германии, так и России до новейшего периода улучшилась. Историки Германии XVIII–XIX веков теперь утверждают, что отсутствие в стране государственного единства на самом деле имело и положительную сторону: оно способствовало свободе и препятствовало укреплению деспотической централизованной власти⁹. Такому же переосмыслению подверглась императорская Россия. Сегодня историки утверждают, что российская монархическая власть не просто творила произвол, но и искала поддержки подданных; простые люди и этнические меньшинства обладали определенной свободой

---

⁹ О Германии: [Green 2003; Smith H. 2005: 272–275; Forum 2017; Whaley 2015; Whaley 2018; Williamson 2018; Maxwell, Davis 2016].

действий в управлении своими делами; а слияние русской традиции с европейскими веяниями создало большее культурное единство, чем предполагалось ранее¹⁰. Общая суть рассуждений состоит в том, что свобода, терпимость и уважение к правам других существовали в обеих странах. В истории Розенштрауха отражены как их масштабы, так и их границы.

История и домыслы

Розенштраух лично не наблюдал ни одной из революций своего времени, но косвенно был связан с ними так тесно, что нашим четвертым лейтмотивом оказывается сам век революций. Его повествовательная арка совпадает с аркой биографии Розенштрауха. Кризис социальной системы раннего Нового времени и новые идеи эпохи Просвещения не только послужили основными причинами революций той эпохи; они также подтолкнули Розенштрауха к решениям, которые он принял в юности, в 1780-е, и которые сформировали его дальнейший путь. В зрелые годы ход его жизни был нарушен насилием и экономическими кризисами, вызванными Французской революцией и Наполеоновскими войнами. После поражения Наполеона он несколько лет процветал, принимая участие в несбыточных попытках российского императора преобразовать послевоенную Европу. Но в 1820-е, когда стало ясно, что из этого ничего не выйдет, Розенштраух, как и большинство европейцев, перешел к консервативному существованию в условиях порядка и стабильности. Его наследники продолжали процветать при этом режиме, пока последняя волна великих потрясений 1848–1871 годов окончательно не разрушила Старый порядок как в семье Розенштраух, так и в европейской жизни в целом.

И последний лейтмотив этой книги. Сравнение исторического исследования с детективным расследованием уже давно стало

---

¹⁰ См. [Wortman 1995–2000, 1: 3–4; Burbank, Ransel 1998; XVI–XX; Smith A. 2014: 13; Hamburg 2016: 742; Kollmann 2017: 2, 6; McCaffray 2018: 4; Offord et al. 2018: 35–44].

избитым, но когда речь идет о микроистории, в этом штампе обнаруживается доля правды. Розенштраух — неуловимая цель: в истории он оставлял лишь фрагментарные следы, а иногда активно их замечал. Подобно сыщикам, мы будем внимательно изучать каждую мельчайшую улику, а пробелы заполнять обоснованными предположениями. В одних случаях улик более чем достаточно, в других они лишь косвенные, а в третьих мы полностью сбиваемся со следа и все, что нам остается, — искать на стороне похожие моменты и делать выводы по аналогии. Я не уверен, что все мои догадки в точности соответствуют истинным перипетиям жизни Розенштрауха. Однако они дадут читателю представление о том, каково было жить в Германии и России в век революций.

Часть I

.....

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ
НАЧАЛО,
1768–1790

.....

Глава 1

Силезский цирюльник

В исторических записях Розенштраух впервые упоминается 25 ноября 1788 года. Это был необычайно холодный день. Первая половина месяца была теплой для ноября, но потом температура на большей части европейской территории резко упала, и наступила самая холодная зима на памяти современников. Во Франции, уже пребывавшей в глубоком политическом кризисе, тяготы той зимы послужили населению дополнительным толчком к революции. В Германии зима тоже была суровой. В сельской местности вокруг Берлина глубина снега местами превышала шесть метров; многие замерзли насмерть [Sutherland 2015: 274]¹. Как записал один хроникер, в городе Камене в Рурской долине ртуть в термометре с ноября по апрель почти не поднималась выше точки замерзания, а наступившее лето было омрачено проливными дождями. Эта цепь «прискорбных природных явлений», писал он, привела к «великой и повсеместной нужде» [Buschmann 1841: 211].

В 70 километрах к юго-востоку от Камена, среди живописных холмов района Зауэрланд в Вестфалии, в маленьком городке Брилоне состоялось в тот день торопливое бракосочетание. Главной достопримечательностью города была (и остается) величественная средневековая церковь Святых Петра и Андрея.

---

¹ См. записи за ноябрь 1788 года: Weikinn'sche Quellensammlung zur Witterungsgeschichte Mitteleuropas (Meteorologischer Teil), DOI:10.6094/UNIFR/11658, URL: <https://freidok.uni-freiburg.de/data/11658> (данные по окрестностям Берлина см. запись `ma_324_Nov_Jan_1788_89_Mark.jpg` (дата обращения: 07.07.2023)).

Как мы читаем в ее приходской книге, во вторник, 25 ноября 1788 года, сочетались браком Зузанна Барбара Антонетта Хампе и Иоганн Амвросий Розенштраух. Судя по подробной записи священника — это была, безусловно, самая длинная из всех записей о венчаниях за тот год, — в парочке было что-то необычное. (См. рис. 3.2.) Как правило, он венчал юношей и девушек из местных католических семей, но эти двое не только не были местными — они вообще не имели постоянного места жительства. У невесты было при себе письмо о согласии от матери из соседнего города Касселя и свидетельство о крещении в протестантскую веру; прежде чем венчаться в католической церкви, она должна была перейти в католицизм. Жених сообщил, что он католик родом из Прусской Силезии, из далекого города Бреслау, но имен своих родителей не назвал. Пара так спешила обвенчаться, что ей потребовалось особое разрешение, освобождающее от брачных формальностей².

Старый порядок

У брилонского священника были веские основания счесть молодую пару необычной. Образ жизни жениха и невесты шел вразрез с основополагающим принципом того времени: что у каждого должно быть свое четко определенное место в системе семей, городов, церквей и других самоуправляющихся образований — сословий или корпораций, которые вместе составляют общественный порядок. В современном мире, порожденном эпохой революций, общество регулируется в первую очередь государством, но при Старом порядке, в Европе раннего Нового времени, государства были слишком слабы, чтобы выполнять эту

---

² Erzbistumsarchiv Paderborn (Архиепископский архив Падеборна), St. Petrus und Andreas, Brilon. Bd. 9, Trauungen (1779–1807), 59–60. Я благодарю Юлию Хенниг за предоставленный мне скан этого документа. Доступен также микрофильм: «Liber Copulatorum 1779–1807» (Brilon, Propstei St. Petrus u. Andreas. Bd. 9, Trauungen 1779–1807). FamilySearch.org, film no. 1055337, 59–60. Все отсылки к приходской книге, где записаны данные о венчании Розенштрауха, содержатся в этом документе.

функцию. Ответственность за порядок в повседневной жизни лежала в первую очередь на сословиях, а они могли эффективно функционировать только в том случае, если люди были укоренены в местном сообществе.

Германия в 1788 году была квинтэссенцией Старого порядка. Она строилась по принципу матрешки: мелкие корпорации вкладывались в более крупные. Крестьянские хозяйства образовывали деревни, которые, в свою очередь, подчинялись дворянам-землевладельцам. Жители небольших городов, таких как Брилон, были организованы в гильдии, приходы и другие сообщества. В деревнях и городах были свои системы самоуправления, но они подчинялись князьям и прочим суверенам, начиная от крошечных владений имперских рыцарей и вольных городов и заканчивая могущественным королевством Пруссии и габсбургской монархией (Австрией). Все вместе они составляли свободную федерацию, Священную Римскую империю германской нации, которая просуществовала к тому моменту более 800 лет [Scholz 2020: 27–30; Martus 2015: 197–216; Bruns 1970].

Для большинства людей того времени Старый порядок был статичным мирком с узкими горизонтами. Например, мой прадед родился в 1860 году в Саксонии, в той же сельской местности, в которой жили его предки по меньшей мере с 1550 года. Двенадцать сменяющих друг друга поколений родились и умерли в одной и той же кучке деревень. Земли и люди за пределами этой небольшой территории, вероятно, казались им пугающе чужими. Зато в пределах своего родного региона они, должно быть, досконально знали историю каждой семьи, звуки каждого животного и запах каждого поля и луга.

Однако и при Старом порядке существовали люди, которые путешествовали, налаживали связи и перенимали новые идеи. На дорогах было полно странствующего люда: бродячие торговцы, сезонные работники, ремесленники, ищущие заработка, студенты, меняющие университеты, а также множество бродяг и прочих бедняков. Всю Священную Римскую империю охватывали сети связей между священниками, торговцами, учеными и масонами, а также писателями, издателями и читателями. Новые

идеи Просвещения, оспаривая любого рода традиции, порождали в свободомыслящих людях стремление к независимости, желание вырваться из-под власти корпораций Старого порядка. Розенштраух и его невеста были типичными представителями этого легкого на подъем, вольнолюбивого звена Старого порядка.

В 1788 году Розенштрауху было 20 лет. С того времени его документальный след почти не прерывается, но все, что мы можем сказать о его предшествующей жизни, сводится к намекам и догадкам. В этой и двух следующих главах речь пойдет о пути, который привел его из родного Бреслау к свадебному алтарю в Брилоне. Это история тройной неопределенности: его личной, в том, что касалось его жизненного пути; нашей, в том, что касается исторических свидетельств; и Старого порядка, в том, что касается оптимального равновесия между укладом и подвижностью, стабильностью и новизной на заре века революций.

Умолчания

Сколько я ни искал, мне так и не удалось найти ни одного источника, в котором упоминался бы Розенштраух до его женитьбы в 1788 году. Одна из причин, конечно, просто в том, что в документах XVIII века лишь изредка упоминаются люди, не принадлежащие к высшим кругам общества. Другая причина — то, что в последние недели Второй мировой войны Третий рейх бросил все силы на оборону Бреслау от советских войск, что привело, помимо множества других потерь, к уничтожению большей части городского архива³. Наконец, даже если бы он где-то упоминался, мы могли бы его не опознать, поскольку, как

---

³ О archiwum. URL: <http://www.ap.wroc.pl/wroclaw/historia>. Я тщетно искал запись о его крещении. В приходских книгах семи церквей Бреслау, доступных на FamilySearch.org, нет ни одной записи о младенце, который в 1768 году был бы крещен как Иоганн Амвросий. Книги еще двух церквей, находящиеся в Государственном архиве Вроцлава, также не содержат подобных записей. За эти сведения я благодарю Януша Голашевского и Алицию Кусяк-Браунштейн. В конце XVIII века в Бреслау было 35 церквей [Zimmermann 1794: 52].

Карта 1.1. Священная Римская империя времен молодости Розенштрауха, включая его родной город (Бреслау, Силезия) и место его женитьбы (Брилон, Вестфалия)

мы увидим, его настоящая фамилия, скорее всего, была не Розенштраух.

До конца своих дней человек, называвший себя Розенштраухом, не хотел, чтобы кто-либо знал о его прошлом. Нет ни одного свидетельства о том, чтобы он когда-либо рассказывал о детстве и юности, а если его спрашивали напрямик, он отделялся общими фразами. Массонские ложи, как правило, регистрировали все детали происхождения новых членов, но когда в 1801 году он вступил в ложу, в протоколах было указано лишь то, что он «родился 1 апреля [1768 года] в Бреслау, католического вероисповедания [и] бюргерского происхождения». В 1820-е годы, в бытность пастором в России, ему пришлось заполнить послужной список: в графе о «нации» и «сословии», где другие пасторы называли профессию отца, он написал только: «по происхождению из бюргеров, родился в Бреслау, в прусской Силезии», а в графе «образование» упомянул лишь о попытках учиться самостоятельно уже во взрослом возрасте. В частных разговорах он тоже ограничивался теми же скудными фактами. Один из его друзей, знавший его в 1800-е годы, писал, что «он никогда не распространялся о своем происхождении, не называл он и свое настоящее имя. Непреодолимая тяга к сцене, возможно, наряду с несчастливыми семейными обстоятельствами, привела его в театр» [Nettelbladt 1862: 198]⁴. В 1820-е он сообщил другому знакомому, что, «родясь в Германии и получив достаточное общее образование, он почувствовал страстное влечение к театру, вступил на подмостки» [Рейнгардт 1887а: 153]. А третьему в 1830-е сказал, что он «уроженец Бреслау, некоторое время посещал высшую школу, а потом стал актером и оперным певцом» [Simon 1855: 306]⁵.

Какие выводы мы можем извлечь из этой скудной информации? Слово «бюргер» (Bürger) могло означать кого угодно, кроме

⁴ GStA FM 5.2. S82 R35 Nr. 32, б/с, запись от 31 августа 1801 года; РГИА. Ф. 828. Оп. 1 доп. Д. 37. Л. 30 об. — 31. Это последнее архивное дело содержит множество записей о пасторах.

⁵ См. также [Мартин 2015б: 16].

дворянина или крестьянина, но в более узком смысле оно также означает узаконенного гражданина определенного города. Только граждане города (зачастую составлявшие меньшинство городских жителей) могли, например, владеть магазином или голосовать на местных выборах [Adelung 1774–1786, 1: Kol. 1138]⁶. И если Розенштраух действительно происходил из семьи бюргеров Бреслау, то, вероятно, следует думать, что его родители занимались торговлей или ремеслом и давно обосновались в этом городе. На своей свадьбе Розенштраух заявил, что он «хирург», или цирюльник — то есть ремесленник, который занимается зашиванием ран и удалением зубов, а заодно выполняет работу парикмахера. Возможно, его отец тоже был цирюльником. Данные по его родной провинции, Силезии, мне не попадались, но исследование Вюртемберга, региона на юго-западе Германии, показало, что 78 % тамошних цирюльников были сыновьями цирюльников [Sander 1989: 140].

Больше о его родителях нам ничего не известно. При Старом порядке вероисповедание и сословная принадлежность (крестьянин, дворянин и т. п.) наследовались от родителей, так же как имущество и социальные связи, помогавшие определить жизненные перспективы. Обучением своих детей в значительной степени занимались родители, и мальчики часто продолжали ремесло отца. Отношения между родителями и детьми были сложными, но близкими: семьи жили в тесноте, и родители могли быть любящими, но при этом суровыми блюстителями дисциплины. Неудивительно, что именно эти отношения играют центральную роль в мемуарах и художественной литературе XVIII века [La Vora 1988: 88–90]. Однако не сохранилось никаких свидетельств о том, что Розенштраух когда-либо упоминал устно или письменно о родителях, а также братьях, сестрах или родственниках. Как мы видели, один из его знакомцев предположил, что уйти из дома его могли заставить «несчастливые семейные обстоятельства».

---

⁶ См. также [Allgemeines Landrecht 1794, 3: 394, 396, 401, 402, 406–409] (Teil. 2, Titel. 8, Kol. 1, 2, 18, 60, 73, 109, 115, 121–122, 128–129); [Statutarische Rechte 1793: 74–75].

А его молчание наводит на мысль, что обстоятельства, по всей видимости, и вправду были несчастливыми, как бы это ни проявлялось.

Его семья для нас загадка. Почему он никогда не упоминал о ней? Поссорился с родными? А может быть, скрывал какую-нибудь постыдную тайну — что родился вне брака, что его отец был преступником, — кто знает, что еще там могло быть? Нам не на что опереться, чтобы представить себе дом, в котором он вырос. Однако мы можем реконструировать некоторые влияния, которые он испытал, когда рос в городе Бреслау.

Бреслау

Родной город Розенштрауха был крупным центром одной из окраин Восточно-Центральной Европы. Бреслау, ныне польский город Вроцлав, был столицей Силезии, плодородной провинции, раскинувшейся вдоль реки Одер на юго-востоке Прусского королевства. (См. карту 1.1.) Во времена юности Розенштрауха в Силезии проживало 1 725 000 человек, и она была немногим меньше, чем сегодняшние Нидерланды или Швейцария [Berndl 2004: 19; Meißner 1805: 2]. Расположенная на краю обширной равнины, тянувшейся от Франции через северную Германию до Польши, Силезия представляет собой низинную местность, за исключением южной границы с габсбургскими провинциями — Богемией и Моравией (территория сегодняшней Чешской Республики). Эта изначально польская земля была колонизирована немцами в XIII веке, а в XIV веке вошла в состав Священной Римской империи. В XVI–XVII веках это была зона конфликта между католиками и протестантами. До 1742 года здесь правили католики Габсбурги; в 1742-м, за 26 лет до рождения Розенштрауха, бо́льшая часть провинции была аннексирована протестантской Пруссией [Irgang 2007: 3–8, 36–43].

Эти исторические перипетии не могли не отразиться на людях, среди которых вырос Розенштраух. Силезия была немецким поселением, вклинившимся между землями славян — поляков и чехов, — и, следовательно, областью, где соседствовали разные

этнические группы. Она также была необычна своим религиозным разнообразием и терпимостью. Вестфальский мир 1648 года, положивший конец ужасающему религиозному кровопролитию Тридцатилетней войны, предоставил христианам лютеранской, реформатской (кальвинистской) и римско-католической конфессий право лично исповедовать свою веру на большей части территории Священной Римской империи. Однако право открывать церкви и проводить религиозные службы, а также право евреев на проживание как таковое оставалось в юрисдикции местных властей. В большинстве государств предпочтение отдавалось какой-либо одной конфессии, а евреям запрещалось селиться среди местных сообществ [Whaley 2012, 1: 624–625, 2: 264; Martus 2015: 201–202, 600]. Среди исключений оказалась Силезия. Она была поровну разделена между католиками и протестантами. Среди жителей самого Бреслау преобладали лютеране (69 %), но немало было и католиков (25 %); меньшинство составляли евреи (4 %) и реформаты (2 %). Каждая община имела право содержать молитвенные дома и свободно исповедовать свою религию [Zimmermann 1794: 316; Berndt 2004: 19; Baumgart 2009: 409].

Бреслау был одним из крупнейших городов Восточно-Центральной Европы. Во времена молодости Розенштрауха в нем проживало около 50 000 человек, из которых законные граждане города составляли только пятую часть, плюс гарнизон из 5270 военных⁷. Это была столица и резиденция католического епископа Силезии. Экономика города была диверсифицированной: здесь производили текстиль, изделия из металла и другие товары, к тому же это был крупный торговый центр, из которого силезские товары поставлялись на внешние рынки. Король Пруссии Фридрих II Великий признал значимость города: назначил своей третьей столицей (после Берлина и Кенигсберга), разместил там большой гарнизон и лично посещал город почти каждое лето вплоть до своей смерти в 1786 году [Zimmermann 1794: 3, 339–340, 363–371; Fink 1897: 101–130].

⁷ В 1780 году население составляло 50 524 человека, а число муниципальных граждан в 1790 году достигало 10 117 человек [Zimmermann 1794: 309].

Образованные пруссаки, считавшие, что они находятся на переднем крае Просвещения, писали о Силезии со смесью восхищения и презрения. Это крупный экономический центр, утверждали они, но большинство ее населения живет в бедности⁸. Зде́шняя религиозная терпимость внушает уважение: согласно анонимному автору, подписавшемуся одним инициалом «М.», «[в Бреслау] привлекают каждого добродетельного человека, честно зарабатывающего себе на пропитание, какой бы ни была его вера, и могут предоставить ему право гражданства [города]»⁹, — но здесь же бытует расхожее мнение, что все католики и евреи грязны и невежественны [Adams 1804: 6, 183–184, 194–195]¹⁰.

Элиас Трошель, лютеранский пастор из Берлина, с уважением относился к разным христианским конфессиям, но не мог скрыть своего отвращения к барочному благочестию, которое увидел в Бреслау. Барокко было культурным и художественным стилем, прославлявшим аристократию, монархию и Бога. Следуя духу барокко, и католики, и протестанты обучали своих священников на латыни, дабы возвысить их над простыми людьми, а католическая церковь прививала верующим инстинктивное чувство присутствия Бога в мире с помощью богато украшенных церквей, эмоционального культа святых и чудес и экзальтированных проповедей. Трошель считал, что такой тип благочестия способствует невежеству среди паствы и лицемерию среди духовенства. В этом мнении он был не одинок: теологи, разделявшие идеи эпохи Просвещения, в целом находили эмоциональность барокко вульгарной, а его риторику напыщенной и нравственно пустой [Dülmen 1999, 3: 120; Schütz 1972: 140–145, 160–162, 170–171; Troschel 1784: 26–28]¹¹.

⁸ М. Briefe über Breslau: Dritter Brief // Der Breslauische Erzähler. № 7 (15 Februar 1800). S. 103–109, здесь: 103–108; [Adams 1804: 60–62, 83, 96, 157].

⁹ М. Briefe über Breslau: Zweiter Brief // Der Breslauische Erzähler. № 6 (8 Februar 1800). S. 88–93 (91).

¹⁰ См. также: Bemerkungen auf einer Reise durch Schlesien im Sommer 1801 // Zeitung für die elegante Welt. № 137 (14 November 1801): Kol. 1104.

¹¹ См. также: М. Briefe über Breslau: Vierter Brief // Der Breslauische Erzähler. № 8 (22 Februar 1800). S. 121–127 (127).

Рис. 1.1. Эдуард Гертнер. Рыночная площадь в Бреслау (1847). Готическое здание с башнями — это городская ратуша Бреслау. Художник романтической школы, Гертнер не разделял презрения эпохи Просвещения к готической архитектуре

С точки зрения Просвещения городской пейзаж Бреслау тоже выглядел допотопным. Для образованных пруссаков градостроительный прогресс ассоциировался с архитектурой классицизма и широкими симметричными улицами. Поэтому они отнюдь не восхищались средневековой атмосферой Бреслау, как могли бы восхищаться современные туристы. (См. рис. 1.1.) По словам М., «[Бреслау] выглядит мрачно и рядится по преимуществу в готические одежды. Фронтоны большинства домов остроконечны и украшены всевозможными завитушками, а сами дома узки и кривы»¹². Джон Куинси Адамс, посетивший Бреслау в 1800 году, в бытность свою послом США в Пруссии, выразился еще прямолинейнее: «Это место в точности таково, каким его нам описали

¹² Ibid. S. 123.

[пруссаки]: всего лишь большой, старый и очень грязный город» [Adams 1804: 220].

Каким образом детство, проведенное в Бреслау, могло повлиять на картину мира Розенштрауха? Прежде всего, оно дало ему чувство принадлежности к месту. Государства Священной Римской империи состояли из регионов с ярко выраженной самобытностью. Совсем недавно — это помнили еще бабки и деды Розенштрауха — Силезия принадлежала Габсбургам; ко времени самого Розенштрауха большая ее часть стала прусской. Но независимо от того, кто там правил, у жителей региона были свои обычаи и институты, а также, как заметил Адамс, острое чувство силезской гордости [Adams 1804: 118]. Розенштраух говорил с силезским акцентом¹³, при венчании сказал священнику, что он из «Бреслау в Силезии (с прусских земель)», а в России написал в послужном списке, что его родина — «Бреслау в Прусской Силезии». Очевидно, он чувствовал себя в первую очередь «бреслауэром» и силезцем, и лишь во вторую пруссаком.

Эта внутренняя обособленность от Пруссии, вероятно, была обусловлена и тем, что ему не довелось служить в прусской армии. В прусском обществе армия имела огромное значение. Финансирование, которое она получала, и уважение, которым она пользовалась со стороны гражданских, для других стран были чем-то неслыханным. Как гласит часто цитируемая острога, Пруссия была «не государством, у которого есть армия, а армией, у которой есть государство». Однако Розенштраух, по крайней мере в последние годы жизни, был человеком сугубо гражданским и относился к военным без всякого пиетета. Возможно, это объяснялось тем, что жители некоторых районов Силезии, в том числе Бреслау, были освобождены от воинской повинности. Как отмечал Адамс, представлялось, что жители этих районов, в отличие от прочих пруссаков, не считали военную муштру «высшим земным достижением», а эполет — «золотым идиолом, перед которым все должны падать ниц в знак поклонения» [Adams 1804: 177; Wilson 2016: 117; Schulze 2014: 201–203].

¹³ Об акценте Розенштрауха см. ниже, с. 143 и 229.

Бреслау также оказал воздействие на восприятие Розенштраухом географии Европы. Он никогда не тяготел ни к югу Германии, ни к Франции, ни к странам Средиземноморья. Напротив, странствия вели его на северо-запад Германии и в Россию. Возможно, на выбор именно этих направлений повлияло положение Бреслау на пересечении двух торговых путей Центральной Европы. Один шел на северо-запад, соединяя Бреслау с северной Германией и побережьем Атлантики. Другой вел на восток: через Бреслау проходил важный торговый путь из Германии в Польшу, Украину и к Черному морю [Conrad et al. 1890–1894, 5: 875–876; Kuzmanu 2007: 115]. Эта дорога приводила в Бреслау и множество гостей из Восточной Европы, хотя в 1790-е годы многие отмечали, что их число в последнее время сократилось. Так, один из авторов вспоминал, что в прежние времена многие молодые дворяне из России и Польши приезжали в Бреслау учиться [Zimmermann 1794: 255, 259]. Другой же писал, что до того, как Пруссия ввела новые пошлины, «все обширные рынки города ломились от русских, польских, венгерских и турецких товаров», а «польские баре, купцы и евреи сновали по всему городу» [Ludovici, Schedel 1797–1801, 1: 2272–2273].

Однако Бреслау, по-видимому, помог Розенштрауху осознать не только свое личное местоположение на карте, но и место в социальном устройстве. В годы странствий он ни разу не осел в деревне, и из его писаний мы ничего не узнаем о природе или крестьянской жизни. Он был горожанином до мозга костей, возможно, именно потому, что вырос в Бреслау. Все же это была провинциальная столица с многоуровневой социальной иерархией — от бедных горожан и скромных торговцев до епископа, а порой и короля с придворными. К тому же Бреслау приучил нашего героя к сложной системе градаций внутри иерархии. Люди любого звания были высокомерны с нижестоящими, заискивали перед вышестоящими и демонстрировали свое социальное положение одеждой, речью и поведением в целом. Розенштраух научился презирать высокомерие и лизоблудство и одновременно понял, что социальный статус не является чем-то незбылемым. Это в деревне трудно сменить общественный статус:

ведь все здесь друг друга знают и ведут примерно одинаковый образ жизни. Но в городе, полном незнакомцев, которые могли только догадываться о социальном статусе друг друга, имелись шансы вырваться из тесных рамок. Розенштраух настолько хорошо усвоил этот урок, что одним из главных мотивов его жизни стало именно перестраивание собственной идентичности¹⁴.

Мир, в котором социализировался Розенштраух по мере взросления в Бреслау 1770–1780-х годов, был иерархичным и разделенным на непроницаемые отсеки: католики и протестанты жили обособленно друг от друга, евреи оставались на обочине общества, а сословия, на которых зиждился Старый порядок, ревностно блюли свои привилегии. Но, с другой стороны, это общество поддерживало индивидуальность и широту взглядов. Сосуществование религий поощряло терпимость, люди разных сословий общались в кофейнях и на городских празднествах, а культура и идеи Просвещения проникали к горожанам благодаря библиотекам, книжным магазинам, художественным выставкам и концертам [Troschel 1784: 44–47; Zimmermann 1894: 715–722]. Общество ограничивало возможности людей, но оно же расширяло их умственные горизонты.

Образование

Какое образование получил Розенштраух? Мы не можем сказать наверняка, но, скорее всего, дальше начальной школы дело не пошло. В годы его детства прусская школьная система только зарождалась: в XIX веке она станет предметом зависти для всего западного мира, но это произойдет лишь в далеком будущем. А тогда полученное им образование было не тем, чем следовало гордиться, так что он предпочитал его скрывать или обходить этот вопрос. В частной беседе он как минимум один раз заявил, что «посещал высшую школу» (то есть университет) [Simon 1855: 306]. Но в российском послужном списке, где высшее образование

---

¹⁴ О связи между городской жизнью, одеждой и социальной идентичностью см. [Roche 1989: 14, 110–113, 488–489].

было бы весьма ценным преимуществом, он не сказал об этом ни слова, предпочтя попросту пропустить этот пункт.

Возможно, скрывал он это потому, что плохое образование поставило бы на нем клеймо человека низкого звания. Как и большинство учреждений Старого порядка, школы в Священной Римской империи скорее укрепляли, чем стирали социальное неравенство. Средние школы, как правило, предназначались для дворян, или же для бюргеров, желавших получить определенную профессию. Они давали не только академические знания, но и навыки и умения, владение которыми указывало на высокий социальный статус: дворяне брали уроки французского языка, танцев и верховой езды, а «ученые» (*Gelehrte*) — начинающие пасторы, юристы, врачи и государственные служащие — учились пересыпать свою речь витиеватыми латинскими фразами. Начальные же школы для народных масс находились в ведении церкви: организовывать и финансировать их должны были местные общины, но это делалось, как правило, без особого рвения, так что школы оказывались на положении нелюбимых бедных родственников [La Vopa 1988: 66–70, 118, 132; Martus 2015: 118–119, 122–124].

В середине XVIII века эта образовательная модель подверглась атакам с разных сторон. Пиетисты, реформаторское движение в протестантизме, считали, что даже самые никудышные из детей Божьих могли бы стать куда лучшими христианами, если бы получили хоть какое-то образование. Светские мыслители эпохи Просвещения были уверены, что школы могли бы научить крестьян более эффективному труду или же повысить степень социального равенства, помогая бедным развивать свои таланты. Король Фридрих II и его советники, напротив, считали, что школы могли бы научить бедняков довольствоваться своим местом в мире. Но все эти тенденции сходились в одной точке: начальное школьное образование должно быть реформировано и расширено [Schleunes 1989: 9, 13–16, 29–30; Martus 2015: 140–152].

Движение за школьную реформу дошло до Бреслау незадолго до рождения Розенштрауха. Как и большинство немецких пра-

вителей, Фридрих II видел свой идеал в концепции «регулярного полицейского государства», согласно которой усовершенствование общества возможно путем государственных постановлений («полиции»), выполнявшихся совместно государством и сословными корпорациями [Raeff 1983: 50, 154–156, 170–171, 174]. В 1763 году король постановил, что все протестантские мальчики и девочки должны посещать «тривиальные» (начальные) школы, находившиеся под попечительством пасторов, но подчинявшиеся государству. В исторической перспективе это был шаг к тому, чтобы сделать начальное школьное образование всеобщим и превратить школу в институт государства, а не церкви. Аббат Иоганн Игнац Фельбигер разработал аналогичный устав для католиков Силезии, в 1765 году утвержденный Фридрихом; позже этот устав послужил образцом для школьной реформы в католических государствах Священной Римской империи [Schleunens 1989: 14; Melton 1988: 100–105; Baumgart 2009: 440, 446–450, 452–453; Martus 2015: 604–605].

Розенштраух родился через три года после реформы аббата Фельбигера. Согласно уставу, в возрасте 6–13 лет, то есть в 1774–1781 годах, он должен был посещать тривиальную школу, где учили читать, писать и считать, а также давали элементарные знания по французскому языку, истории и другим дисциплинам¹⁵. Выполнялась ли эта программа в годы, когда он учился, неизвестно. Создавать школы, финансировать их и находить учителей правительство поручило местному духовенству и общинам, так что школы развивались медленно. Учителя получали низкое жалованье, не пользовались особым уважением в обществе и чаще всего не имели педагогической подготовки. В 1808 году средний показатель в католических тривиальных школах Бреслау составлял одного учителя на 60 детей, а все педагогические приемы сводились к тупой зубрежке и порке¹⁶.

¹⁵ Königlich-Preußisches General-Land-Schul-Reglement für die Römisch-Catholischen in ... Schlesien und der Grafschaft Glatz (Glogau, o. J.). Art. 19–22, 25.

¹⁶ См. [Rencke 1808: 165–166; Berndt 2004: 32; Fischer 1892, 1: 224, 229, 242–243, 254–255, 265, 293–297, 303, 308, 322–332].

Что же вынес юный Розенштраух из начальной школы? Судя по его позднейшим рукописям, он писал прекрасным почерком, без орфографических и грамматических ошибок: всему этому должны были обучать в тривиальной школе. (См. образец его почерка на рис. 11.1.) Кроме того, в нем выработалась личная стойкость, которую, возможно, помогла сформировать суровая школьная дисциплина. Аббат Фельбигер хотел, чтобы школы прививали ученикам внутреннее благочестие и желание приносить пользу обществу — эти идеалы, вдохновленные пиетизмом, шли вразрез с внешней обрядовостью и узколобой догматичностью католицизма эпохи барокко [Melton 1988: 95, 102–105]. Розенштраух впоследствии разделял эти взгляды, но сказалось ли в этом влияние школы, мы утверждать не можем.

Чем же он занимался после окончания тривиальной школы? Едва ли можно верить его утверждению, будто он посещал университет: он не владел ни древними, ни современными языками и не имел широких познаний в естественных и гуманитарных науках¹⁷. Так что, скорее всего, он пошел в подмастерья. Эта гипотеза основывается на единственном слове из одного-единственного документа — записи в приходской книге о его венчании: там он назван «chirurgus» — хирург. (См. первую строку на рис. 3.2.) Как и сведения о том, что он был католиком и бюргером Бреслау, эта подсказка может пролить свет на более широкое окружение, в котором он сформировался, пусть даже она не рассеивает тьму вокруг его личных обстоятельств.

Цирюльники

Чтобы понять, что тогда значило слово «chirurgus», нам требуется экскурс в историю медицины. Во времена юности Розенштрауха здравоохранение переживало такую же встряску, что и образование. В обеих сферах сословным корпорациям проти-

---

¹⁷ От данного периода не сохранилось ни одного списка студентов Леопольдины — единственного в Бреслау высшего учебного заведения [Schnelling-Reinicke 2013: 150–151; Głąb, Suleja 2013: 174].

востояли, с одной стороны, идеи Просвещения, а с другой — стремление правительств подмять корпорации под себя. Теперь-то мы знаем, что это была эпоха становления современного образования и медицины, но тогда люди могли видеть только одно: многовековой жизненный уклад рушился.

В здравоохранении, как и в других отраслях экономики раннего Нового времени, различным корпорациям законом предоставлялась монополия на определенные виды деятельности. Лечение внутренних заболеваний занимались врачи, окончившие университеты и уважаемые широкой публикой как «ученые», сведущие в латыни. Прочие виды медицинской помощи были прерогативой всевозможных практиков, которые проходили обучение как подмастерья и имели статус ремесленников. Роды принимали повитухи, лекарства готовили аптекари, а лечение внешних повреждений, такое как перевязка ран, вправление сломанных костей, удаление зубов и проведение вскрытий, было предоставлено хирургам. Поскольку немногим общинам требовались специалисты, которые занимались бы исключительно этим, хирурги выполняли по преимуществу и другую работу, также связанную с поверхностной обработкой тела, но иного характера. Как правило, они становились парикмахерами — отсюда повсеместное распространение «цирюльников-хирургов» (см. рис. 1.2) — и несколько реже выступали в роли банщиков (содержателей общественных бань) [Sander 1989: 59–60, 96; Lindemann 1996: 182–192].

Университетское образование врачей в основном ограничивалось теорией, тогда как подготовка хирургов была прежде всего практической. Немецкие власти, следуя принципу «регулярного полицейского государства», попытались устранить этот перекос: ввести в обучение студентов-медиков практические знания, а практиков-хирургов обучить теории [Lindemann 1999: 109; Broman 1996: 43, 67]. В Пруссии, например, требовалось, чтобы хирурги посещали университетские занятия по анатомии — возможно, именно это имел в виду Розенштраух, когда говорил, что учился в университете, — и сдавали государственный экзамен. В конце концов эти реформы привели к тому, что врачи и хирур-

ги объединились в единую современную медицинскую профессию. Но, как и в школах, реформы продвигались медленно, и прусское законодательство по-прежнему разрешало вправлять сломанные кости палачам (для которых хирургия издавна была отхожим промыслом) [Vater 1800, 1: 29, 88, 145, 155, 159]¹⁸.

Таким был мир медицины, в который вступил Розенштраух. Предположим, что он, как и большинство хирургов, был парикмахером. Как и многие профессии в раннее Новое время, цирюльники были организованы в цехи. Будущий цирюльник начинал учеником у мастера. Потом он становился подмастерьем и несколько лет «странствовал» — совершенствовался в ремесле, работая у мастеров в других городах. Если он успешно завершал свои «годы странствий», то сам получал право стать мастером и открыть собственную цирюльню. Цехи были типичными дуэликами институтами Старого порядка. С одной стороны, независимые корпорации ремесленников, призванные защищать профессию своих членов от чужаков и поддерживать авторитет мастеров перед учениками и подмастерьями. С другой стороны, особенно после принятия в Священной Римской империи единого устава для всех цехов в 1731 году, они были также средством, с помощью которого правительства могли регулировать обучение и передвижение ремесленников [Bade 1982: 4, 17–18; Schmoller 1888: 335–342].

Представители различных ремесленных профессий относились друг к другу с завистью и подозрением и зачастую обвиняли друг друга в отсутствии чести. При Старом порядке честь была неотъемлемой составляющей общественного положения человека. Некоторые профессии, например пастух, мельник, цирюльник и банщик, считались сомнительными. Еще более презираемым был «бродячий люд», в частности разносчики и бродячие комедианты. В самом низу лестницы стояли палачи и живоде́ры (те, что убрали из общественных мест мертвых животных). Ремесленники столь бдительно заботились о чести, так как их собствен-

---

¹⁸ Другие немецкие государства шли в том же направлении, что и Пруссия [Lindemann 1999: 50–62, 163–164]; см. также [Druffel 1907: 44–128, *passim*].

Рис. 1.2. «Цирюльник». Гравюра А. Габлера из книги для юношества о разных профессиях 1791 года. Слева направо: операция на руке мужчины; кровопускание на руке женщины; бритье

ное социально-экономическое положение было шатким. Поэтому цехи отказывались принимать тех, у кого в роду были евреи или незаконнорожденные, а также всех, кого по той или иной причине считали лишенными чести. Священная Римская империя пыталась бороться с этим предубеждением: в XVI веке позорное клеймо было снято с профессий цирюльника и банщика, а позже, в XVII и XVIII веках, и с большинства других ремесел. Но в повседневной жизни предрассудки оставались очень стойкими [Robisheaux 2009: 140; Dülmen 1999, 2: 64, 94, 103; Deichert 1908: 55–57; Harrington 2014: 23–26].

Цирюльников и банщиков недолюбливали не только посторонние: они и сами видели друг в друге соперников. Как отметил один современник, они были втянуты в ожесточенную вражду, которая, как и подобало при Старом порядке, касалась одновременно работы, групповой принадлежности, чести и денег:

Цирюльники и банщики издавна завидуют друг другу из-за куска хлеба, и каждый из цехов ненавидит другой. Первые считают, что они выше по положению, так как уже подмастерьями имеют право носить шпагу. Однако в городах банщики обычно богаче цирюльников [Voit 1791–1804, 1: 409].

Цирюльники не соответствовали не только устаревшим понятиям о чести, но и новым идеалам Просвещения. Некоторым претило, что хирурги были еще и брадоброями: получалось, что, брея клиента, они прикасаются к его лицу руками, с которых, как выразился один автор, «капал гной и венерические выделения». Другие выдвигали противоположный аргумент, утверждая, что брадоброям не пристало быть хирургами. По словам одного врача, бесчисленное множество жизней было погублено из-за того, что «слепая, неразумная чернь» доверяла свое здоровье «брдобреям, живодерам [и] старым бабам» [Salzmann 1784–1788, 5: 165; Schmidtman 1804, 1: 275–276, цит. с. 2].

Историки долгое время принимали подобные утверждения за чистую монету. Авторы XIX — начала XX века, в благоговейном восхищении прогрессом, который они наблюдали в свою эпоху,

превозносили реформаторов XVIII столетия как героических первопроходцев модернизации. В частности, один из таких авторов считает аббата Фельбигера и Фридриха II великими просветителями, создавшими школы, которые вывели народ из «тумана заблуждений» к «яркому свету истины». Другой, по сути, бездумно воспроизводит утверждение немецкого врача XVIII века, что хирурги обычно «знали о строении человеческого тела не больше, чем мясник знает о внутренних органах животного» [Krebs 1840: 29, 32; Hoffmann 1782: 43]¹⁹. Сегодня историки скептически относятся к таким заявлениям: по их мнению, врачи не столько пропагандировали новый взгляд на здравоохранение, сколько отстаивали присущее Старому порядку представление о социальном ранге. По сути, они и сами-то не очень хорошо умели лечить: ведь их образование сводилось к устаревшим медицинским теориям, опровергнутым современной наукой. На самом деле их претензии на превосходство были обусловлены желанием сохранить свой престиж как «ученых», свободно владеющих латынью, а нападки на цирюльников — отказом признавать презренных ремесленников равными себе по рангу [Sander 1989: 42, 44; Broman 1996: 7–8, 18–22].

Подмастерье

Если Розенштраух шел общепринятым путем, он должен был стать учеником цирюльника в возрасте 14 лет, в 1782 году, и учиться три года. Согласно уставу цеха от 1637 года, владеть собственными заведениями в Бреслау имели право не более 16 мастеров-хирургов, из них десять цирюльников и шесть банщиков. В Вюртемберге каждые двое из троих сыновей цирюльников, продолживших дело отца, начинали как ученики в семейном заведении. Возможно, так же поступил и Розенштраух. Хороший мастер обучал ремеслу и заменял ученикам отца. О том, как вел себя плохой, свидетельствует прусский устав цеха от 1733 года, который запрещал использовать учеников в качестве

---

¹⁹ Также пересказано в [Druffel 1907: 51].

домашней прислуги и подвергать их «незаслуженным или чрезмерным побоям». Как много лет спустя написал в письме сам Розенштраух, ученику, если он хотел стать подмастерьем, годами приходилось мириться с «побоями и издевательствами» [Ortloff 1803: 66; Mittheilungen, 90]²⁰.

Завершив обучение, теоретически в 1785 году, он должен был отправиться странствовать. В течение семи лет ему предстояло искать работу по специальности, беречь здоровье, держаться подальше от дурных компаний и ускользать от разбойников и вербовщиков. Ситуацию усугубляло плачевное состояние экономики. С середины XVIII века рост населения в Пруссии опережал возможность создавать рабочие места, и так продолжалось до XIX века, пока в стране не развилась промышленность. Бóльшая часть населения перебивалась временными заработками и оказалась в тисках нищеты. Силезия, как и вся Священная Римская империя, была наводнена нищими и бродягами; Розенштрауху нужно было очень постараться, чтобы не пополнить их ряды [Vater 1800, 1: 144; Bade 1982: 18; Schleunes 1989: 18–24; Adams 1804: 28, 83, 157, 180].

Черты, которые мы наблюдаем в его характере в зрелые годы, могли сослужить ему хорошую службу и в молодости, в бытность его цирюльником-подмастерьем. Сильная воля и крепкие нервы весьма ценились в эпоху, когда хирургические и стоматологические операции проводились без анестезии. Кроме того, он был хорошим собеседником. Хорошо подвешенный язык увеличивал шансы на дружелюбный прием в деревнях и маленьких городках, где на чужаков смотрели с любопытством и подозрением. К тому же по работе ему приходилось общаться с незнакомцами из самых разных слоев общества. Цирюльник просто не имел права быть грубым или молчаливым, как многие ремесленники, или высокомерным и снисходительным, как врачи и другие «ученые»²¹.

²⁰ О цирюльниках Бреслау и Вюртемберга см. [Vater 1800, 1: 141; Zimmermann 1794: 372; Sander 1989: 140, 150].

²¹ О конфликтах между врачами и простыми людьми см. [Lindemann 1996: 109–111, 123, 294–295].

Цирюльни были центрами общественной жизни, поэтому цирюльнику не пристало быть букой. Как хирург он тоже должен был быть разговорчивым и уметь слушать. В раннее Новое время медики оценивали состояние пациента не столько осматривая его, сколько выслушивая описание болезни. Поэтому для хирурга было жизненно важно вытащить из пациента побольше сведений, а если требовалась операция, он должен был излучать мягкость и авторитетность в правильном сочетании, чтобы боязливые больные доверяли скальпелю в его руке [Harrington 2014: 191; Lindemann 1996: 300–302].

О хирургической деятельности Розенштрауха мы точно знаем только одно: он ее бросил. Может быть, не смог найти работу, а возможно, пал духом из-за постоянных нападков на его ремесло. Или же его привлекла другая деятельность. Какими бы ни были его мотивы, цирюльником и хирургом он пробыл недолго.

Вполне возможно, и, скорее всего, так и было, что в 1788 году, когда при венчании в Брилоне он назвался *chirurgus*, Розенштраух уже бросил эту профессию. Как мы увидим, со своей невестой он, скорее всего, познакомился в Касселе. Если он оказался там в ходе странствий, то, вероятно, нарушил прусский закон, запрещавший подмастерьям пересекать границу без разрешения властей [Bade 1982: 16]²². Запреты покидать пределы страны, призванные предотвратить потерю налогоплательщиков и солдат, были в XVIII веке обычным явлением. Маленькие немецкие государства были просто вынуждены позволять своим подданным учиться и искать работу за границей, но в более крупных это запрещалось.

К тому же мало кто из подмастерьев забирался так далеко. Путешественник мог пройти около 25 километров в день по прямой дороге, и чтобы добраться от Бреслау до Касселя, то есть

²² Запрет записан в уставе гильдии банщиков и хирургов Бреслау от 1755 года: «Bestätigte Innungs-Articul vor das Mittel der Bader und Wund-Aerzte zu Breslau» [Sammlung 1759–1790, 6: 94–114, esp. 97]. Тот же запрет для подмастерьев всех ремесел в своде законов 1794 года: [Allgemeines Landrecht 1794, 3: 432] (Teil 2, Titel. 8, Kol. 330, 331).

преодолеть расстояние в 528 километров, потребовалось бы три недели. В Вюртемберге такое расстояние прошли только 2,5 % цирюльников; 81,4 % прошли путь, требовавший не более недели. Кроме того, подмастерья предпочитали регионы, где исповедовали ту же религию, что и они сами. Но Кассель был протестантским. И наконец, небольшой город Кассель — вовсе не то место, где мы ожидали бы найти Розенштрауха в качестве подмастерья. Хирургам нужно было освоить множество разных процедур, поэтому подмастерья зачастую становились армейскими хирургами или направлялись в крупные города; так, в одном источнике того времени им рекомендуют Вену, Берлин, Страсбург или Париж [Bade 1982: 16; Sander 1989: 154, 157–160, 164–165; Oettingen 1785: 18].

Как бы то ни было, не похоже, чтобы он собирался вернуться домой, стать мастером и открыть собственную цирюльню. Напротив, он навсегда разорвал свою связь с Бреслау, и нет никаких признаков того, что его нога когда-либо снова ступала в Пруссию.

Глава 2

Непреодолимая тяга к сцене

Итак, в 1780-е годы Розенштраух в какой-то момент бросил ремесло цирюльника ради поприща, которое определит его жизнь на следующие два десятилетия: театра. Мы не знаем, когда он дебютировал на сцене, но, по всей вероятности, это случилось достаточно рано. Впоследствии он скажет, что вырос в Бреслау и пошел на сцену, подразумевая, что между этими фактами его биографии прошло совсем немного времени. И подмастерьям, и актерам было трудно найти работу, они то и дело меняли хозяев и переезжали с места на место, так что, возможно, какое-то время он чередовал эти два занятия. Первые документально подтвержденные сведения о нем как о профессиональном актере относятся к 1790 году; о том, что было раньше, мы можем только строить догадки.

Актерская профессия сделала его активным носителем идеологии Просвещения. В 1784 году Иммануил Кант написал:

Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. <...> Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения [Кант 1966: 25].

Розенштраух и раньше сталкивался с этой идеей. Медики-реформаторы призывали к искоренению невежества среди

простого народа, а в школьном уставе аббата Фельбигера говорилось, что учителя должны «не только заполнять память учеников, но и просвещать и упражнять их разум». Протестантское духовенство также действовало в ключе идей Просвещения, отказавшись от помпезности барочного богослужения и заменив ее трезвой религией разума и морали¹. В том же направлении двигался и театр. В 1784 году Фридрих Шиллер провозгласил:

Театр есть общий канал, по которому от мыслящей, лучшей части народа струится свет истины, мягкими лучами распространяясь затем по всему государству. Более верные понятия, более высокие правила поведения, более чистые чувства растекаются отсюда по всем жилам народа; туман варварства и мрачного суеверия рассеивается, мрак уступает победоносному свету [Шиллер 1957: 22]².

Идея была освободительной, но в то же время авторитарной: хотят того или нет невежественные массы, свет мудрости они должны получить в любом случае. Школьником Розенштраух был в числе таких невольных «получателей», а став цирюльником, попал в число тех, кого обвиняли в распространении «тумана варварства». Однако как актер он вошел в «мыслящую часть народа» и теперь вместе с нею рассеивал «мрачные суеверия» и нес «победоносный свет».

Однако на деле в театре эти высокие устремления так же расходились с реальностью, как в образовании и медицине. При Старом порядке людей искусства, равно как учителей и хирургов, считали простыми ремесленниками. Даже самые сливки театральной профессии — актеры и музыканты, работавшие при княжеских дворах, — по статусу были не выше придворных по-

¹ См. [Reglement o. J.: Art. 19–22, 25]. Примеры риторики реформаторов медицины см. в [Hessische Medicinalordnung 1778: 35–36; Schütz 1972: 161–172].

² Первоначально доклад, прочитанный Шиллером в 1784 году и озаглавленный «Какое влияние может иметь хорошо устроенный театр?» (Was kann eine gute stehende Schaubühne eigentlich bewirken?). Впервые опубликован в журнале: Thalia. 1785. № 1. S. 1–27.

варов и портных. По-другому к ним начали относиться только в XIX веке, после того как романтики создали современный культ художника — вдохновенного гения. Чтобы понять, как изменилось это отношение, достаточно вспомнить похороны двух величайших композиторов того времени. Когда в 1827 году в Вене умер Людвиг ван Бетховен, проводить его к месту последнего упокоения пришли тысячи людей. Но всего несколькими десятилетиями ранее, в 1791 году, в том же городе умер Вольфганг Амадей Моцарт: он был похоронен в общей могиле, а на похоронах присутствовали только два священника [Blanning 2010: 24–36, 94–96; Blanning 1996: 138]. Розенштраух впервые вышел на подмостки в эпоху Моцарта, а не Бетховена.

Театр в Германии эпохи Просвещения

В XVIII веке в Германии существовало два театральных мира, резко отличавшихся друг от друга. Княжеские дворы, подражавшие французским обычаям, нанимали французские театральные и балетные труппы, а также французские или итальянские оперные труппы. Таким образом, дворы субсидировали иностранцев, ставивших иностранные спектакли для узкого круга аристократов. Напротив, немецкоязычный театр целиком зависел от кассовых сборов, которые обеспечивала широкая публика. Поскольку в Германии не было крупных столиц вроде Лондона или Парижа, которые могли бы содержать постоянный коммерческий театр, немецким труппам оставалось одно: странствовать. Во многих странах театр держался на бродячих труппах, и такая ситуация сохранялась еще много лет после Розенштрауха. В романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби» Чарльз Диккенс изобразил такую труппу в Англии 1830-х годов, а в США так называемые плавающие театры курсировали по рекам Огайо и Миссисипи вплоть до XX века³.

В Германии XVIII века бродячие актеры, располагавшие лишь самыми примитивными костюмами и реквизитом, гастролиро-

³ О плавающих театрах см. [Bryant 1994].

вали по стране и развлекали зрителей непритязательными пьесками, зачастую перекроенными из французских, английских или итальянских источников [Sharpe 2007: 17–19, 22; Williams 1985: 3–5; Maurer-Schmoock 1982: 5–6, 51–53]. (См. рис. 2.1.) Каждую труппу возглавлял «антрепренер» (Prinzipal), обычно ее ведущий актер, правивший железной рукой. Он, а иногда и она нанимали актеров, договаривались о праве выступать в определенных городах, имели дело с богатыми, но несносными покровителями, в случае необходимости — если труппе не хватало реквизита или актеров — переписывали пьесы и контролировали, а иногда и присваивали выручку [Huray 1801: 104, 116–118; 192, 211; Christ 1912: 69, 84–85; Bemerkungen 1784: 142]. Отношение публики к актерам было бесцеремонным: во время спектакля зрители ели, пили и разговаривали, а если им не нравилось представление, насмехались над актерами, а то и угрожали им. Актеры платили той же монетой: учили роли кое-как и даже выходили на сцену пьяными [Christ 1912: 87, 187–188; Weil 1932: 87–89; Devrient 1848–1874, 3: 210].

Немецкие мыслители эпохи Просвещения считали, что театр способен на большее. По их мнению, из-за территориальной и социальной раздробленности страны ментальный горизонт немцев оказывался либо слишком узким, либо слишком размытым. Крестьяне и большинство бюргеров не видели ничего дальше границ своего поселения, тогда как дворяне и духовенство, склонные либо к французской аристократической беспечности, либо к латинскому академическому педантизму, были далеки от собственного народа. Чтобы немцы обрели единение и построили разумное, гуманное общество, им требовалось единое понимание общего блага, в котором утонченность дворян сочеталась бы с основательной образованностью среднего класса, а также с энергичностью и национальной укорененностью простого народа [Martus 2015: 701–702, 711–717; La Vopa 1995].

Одним из распространителей этой новой культуры должен был стать «национальный» театр. Предполагалось, что это будет театр высокого художественного уровня, с репертуаром из пьес на немецком языке, созданных в разных землях Германии; его

Рис. 2.1. Карл Шпицвег. Странствующие комедианты (около 1838 года). Искусство и нищета — вот тема этой юмористической картины. Из средств передвижения труппа может позволить себе только осла, и большинство актеров вынуждены идти пешком. Ослик с трудом тянет тележку, подталкиваемую сзади двумя актерами и нагруженную сценическим реквизитом; из людей внутри помещаются только трое взрослых и двое маленьких детей. Впереди один из актеров пытается заставить упрямого ослика двигаться в нужном направлении, театрально размахивая перед его носом лавровым венком вместо морковки. Другой актер позади пытается репетировать на ходу, таща «на буксире» малыша, вцепившегося в фалду его фрака. Город, в который направляется труппа, маячит далеко на горизонте

публикой стали бы дворяне и образованные бюргеры, которые и составили бы ядро просвещенной немецкой нации. Поскольку от такой публики можно было ждать, что она потребует права голоса в политике, перспектива ее консолидации не привлекала немецких князей. Однако Семилетняя война 1756–1763 годов истощила казну княжеств, и тут-то правители увидели преиму-

щества театра, финансируемого за счет продажи билетов широкой публике. Это сочетание идей Просвещения и финансовых затруднений на государственном уровне положило начало кардинальным изменениям в истории театра. Придворные французские и итальянские труппы никуда не делись, немецкоязычный театр по-прежнему держался на бродячих комедиантах, но теперь к ним добавились национальные театры, которые играли на немецком языке и финансировались за счет кассовых сборов и субсидий двора [Carlson 2008: 21–22; McConachie 2008: 52; Sharpe 2007: 23–24].

Появлению национальных театров сопутствовало создание нового репертуара. В середине XVIII века немецкий театр захлестнула волна переводных французских классицистических трагедий. Эти стихотворные драмы о великих событиях и исторических фигурах требовали крайне стилизованной манеры исполнения: актеры должны были стоять лицом к публике, а не друг к другу, и сопровождать свою торжественную декламацию строго регламентированными жестами. Такой театр соответствовал представлениям барочной придворной культуры о величественном, но подвергался нападкам критиков за то, что внешняя форма в нем преобладала над настоящими чувствами. Это, утверждали они, было в духе французов, но не немцев [Williams 1985: 31–32].

Неприятие такого театра выразилось, в частности, в «Буре и натиске» (*Sturm und Drang*) — так называлось предромантическое литературное движение 1767–1785 годов, в котором царил культ сочного, приземленного языка, бурных страстей и героя-бунтаря, к примеру, рыцаря или разбойника, восстающего против властей и условностей. В «Бурю и натиск» входил целый ряд крупнейших немецких авторов, включая молодых Шиллера и Гёте, однако обширного канона популярных пьес это движение не дало.

Главным жанром в немецком театре эпохи Просвещения стала так называемая мещанская драма. В отличие от классицистической трагедии, она рассказывала о бюргерах и мелкой знати, то есть о людях, похожих на самих зрителей. Диалоги в ней были написаны разговорной прозой, а стиль актерской игры имити-

ровал повседневное поведение. Просвещение стремилось бороться с грубыми нравами общества, поощряя моральную чувствительность, и мещанская драма хорошо послужила этой цели, выведя на сцену истории о добродетели и пороке, взятые, казалось, непосредственно из реальной жизни. Однако, в отличие от своих британских и французских прототипов, немецкая мещанская драма редко критиковала Старый порядок как таковой. Великобритания и Франция были едиными государствами с сильным средним классом, который остро интересовался делами всей нации. Германия, напротив, была раздроблена, и средний класс здесь в значительной степени составляли люди, зависящие от властных структур Старого порядка, в частности, государственных служащие, пасторы или профессора. В результате немецкий театр, хотя в нем часто изображались личные конфликты между добродетельными бюргерами и надменными аристократами, как правило, не давал зрителям повода ставить под сомнение сами устои общества⁴.

Из-за раздробленности страны культура Просвещения в Германии не только оказалась политически более консервативной, но и больше, чем в других странах, зависела от печатных средств информации. Образованные круги Великобритании и Франции по преимуществу сосредоточивались в Лондоне и Париже, что облегчало им общение. Поэтому общественное мнение в этих странах не в последнюю очередь формировалось в процессе личных бесед. Напротив, в децентрализованной Германии образованные люди были рассеяны по множеству небольших городов, поэтому, чтобы создать некое сообщество, им приходилось больше рассчитывать на книги и журналы [Хабермас 2016: 82–87; Elias 2000: 26; North 2008: 48–50, 57]. Связь между журналистикой, политической раздробленностью и идеями Просвещения была разъяснена в 1775 году Г. А. О. Райхардом в первом выпуске его ежегодного «Театрального календаря»:

---

⁴ См. [Maurer-Schmoock 1982: 150–157; Salehi 1990: 12, 17, 19–25, 33, 40; Sharpe 2007: 10–11, 24–34; Lampert 1990: 15, 25, 31, 35, 39; Klingenberg 1962: 32–37; Dülmen 1999, 3: 249–252].

Настоящим была предпринята попытка составить такое [издание], которое будет *одинаково* полезно и *человеку искусства*, и *любителю* и поможет возместить отсутствие единой театральной сцены за счет единства сведений, поскольку первая, из-за особенностей немецкого политического устройства, возможно, никогда не появится на свет⁵.

«Театральный календарь» Рейхарда способствовал объединению немецкого театрального мира, публикуя новости театральных трупп: их маршруты и местонахождение в данный момент; их репертуар, где пьесы подразделялись на стандартные категории; имена актеров и их амплуа (герой-любовник в трагедиях, простак-слуга в комедиях и т. д.). Печатались также фамилии актеров, объявленных неблагонадежными за то, что они «сбежали» из своей труппы — по всей видимости, из-за разногласий по поводу контракта⁶. Все эти сведения удовлетворяли любопытство обычных читателей, а также помогали труппам, искавшим исполнителей, и актерам, искавшим ангажементы, найти друг друга. Сам Рейхард в своих мемуарах с гордостью вспоминал, что его «Театральный календарь» был «полезным справочником для всех странствующих театральных трупп, разбросанных по немецким землям» [Reichard 1877: 127].

В том, что касается биографии Розенштрауха, информативная роль «Театрального календаря» и других подобных изданий несколько парадоксальна. Позволяя следить за его карьерой, они прячут обстоятельства его личной жизни. Из них читатели узнавали о профессиональной деятельности «г-на Розенштрауха», но не о его личности; собственно, им даже не было известно его имя, а только фамилия. Актеры ценили эту анонимность. Поми-

⁵ Цит. по: [Reichard 1877: 126].

⁶ О беглых актерах см., например: Herzoglich Strelitzisches Hoftheater [Theater-Kalender, 1788: 209]; Toskanische Gesellschaft [Theater-Kalender, 1788: 212]; Wilhelmische Gesellschaft [Theater-Kalender, 1790: 117]; Meddoxsche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1790: 135–136]; Müllersche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1792: 296].

мо данных о театральных труппах, Рейхард старался по возможности предоставить полный список действующих на тот момент немецких актеров хотя бы с минимальными биографическими данными, такими как год и место их рождения, а также год дебюта. В отдельных случаях в календаре раскрывались и настоящие фамилии актеров, пользовавшихся псевдонимами. Однако Рейхард также с некоторой растерянностью признавался, что для многих актеров из опубликованных им списков (включая Розенштрауха) ему не удалось составить биографических справок:

У многих актеров имеются веские причины окутывать свою персону тайной, так что они всячески стараются уходить от любых вопросов об их жизни; или же, если уйти от вопроса невозможно, дают столь туманные ответы, что от них нет никакой пользы⁷.

Актеры и их недоброжелатели

Желание Розенштрауха держаться в тени легко понять: ведь профессия актера не пользовалась в обществе особым уважением. Странствующие комедианты приближались к категории «бродячего люда» — тех, чей род занятий требовал постоянных переездов с места на место и в ком власти видели источник преступности и беспорядков. О том, сколь широкий круг людей подпадал под эту категорию, свидетельствует работа — победитель конкурса статей, проведенного в 1789 году Королевским научным обществом Гёттингена. Чтобы защитить крестьян от мошенников, которые выманивают у них деньги и обирают до нитки, утверждалось в статье, правительствам следует оградить свои земли от бродячих торговцев-евреев, попрошаек-иностранцев и прочего

странствующего сброда, такого как шпильманы, дудочники, лекари-глистоконы, вожаки медведей, разносчики мазей, кукольники, мальчики с сурками [дрессированными], фо-

---

⁷ См. [Theater-Kalender, 1794: 181; Theater-Kalender, 1797: 128].

кусники, камнеглотатели [глотавшие камешки на потеху публике], владельцы волшебных фонарей, лирники, зубодеры, целители грыжи, крысоловы [и] канатоходцы [Schmettow 1789: 25].

Как мы видим по этому списку, в «бродячий люд» входили представители низового сегмента как прежней профессии Розенштрауха (целительство), так и новой (развлечение публики). Организованные театральные труппы в список обычно не включались, но бывало и по-другому: актер Леонгард Дидрих Пробст вспоминал — вероятно, потому, что это был из ряда вон выходящий случай, — как однажды проезжал через город, где постановлением властей взимался специальный налог с «лекарей-чудодеев, зубодеров, канатоходцев, евреев, вожаков медведей, комедиантов и прочего неприкаянного сброда» [Probst 1839: 67]. Актеров возмущали подобные предрассудки, и они старались не усугублять их общением с людьми, стоящими на общественной лестнице еще ниже. Так, актер Иоганн Кристиан Брандес вспоминает, как однажды его труппа обнаружила, что в соседний город их перевозит помощник палача. Тут же раздались «вопли женщин, которые сочли, что такой возница бесчестит их и всю труппу», поддержанные «бранью и проклятиями» мужчин [Brandes 1799–1800, 1: 279; Schubert 1983: 238].

Даже образованные люди, уважавшие театр как вид искусства, были невысокого мнения о тех, кто сделал его своей профессией. Считалось, что актеры и актрисы — люди морально распушенные, слишком ленивые для того, чтобы зарабатывать на жизнь честным трудом. Да, действительно, в перерывах между ангажементами им зачастую приходилось жить в праздности и бедности, покупать у лавочников в долг, занимать деньги у знакомых или ростовщиков и отдавать вещи в залог⁸. Что касается их репутации безнравственных людей, то она во многом объяснялась тем, что актеры и актрисы близко общались во время работы, были окружены поклонниками, а во время гастролей все вместе юти-

⁸ См., например, [Christ 1912: 36, 296–297; Brandes 1799–1800, 1: 229, 242].

лись в тесных помещениях. Актрисы служили объектом сексуального вожделения поклонников мужского пола, а любовные отношения, складывавшиеся между актерами и актрисами, зачастую были недолговечными. Так, Пробст в мемуарах рассказывает, что влюбился в Жанетт Брюкль, дочь своего коллеги-актера. Он сделал ей предложение, но ее отец не дал согласия, и тогда он заключил неудачный брак с другой актрисой своей труппы, Бетти Шольц, которая уже побывала замужем за актером, когда жила в другом городе. Позже Жанетт вышла замуж за музыканта и оказалась в одной труппе с Пробстом. В конце концов Пробст с Бетти развелись, а муж Жанетт умер, так что давние возлюбленные наконец смогли соединиться [Christ 1912: 25, 66–67, 205, *passim*; Probst 1839: 109–121].

Ко времени Розенштрауха социальный остракизм, которому подвергались актеры, стал менее суровым. В 1753 году драматургу Адаму Готфриду Улиху было отказано в соборовании из-за того, что он когда-то был актером. Однако в 1790 году театральный альманах сопроводил сообщение о смерти некоего актера в Кенигсберге обнадеживающим комментарием: «Предрассудки постепенно исчезают даже в этих краях; подтверждение тому — похороны этого человека, которого несли в могилу собратья и сопровождали многие почтенные граждане»⁹.

Истории об актерам XVIII века были окрашены в несколько сатирические тона, что, хотя это, несомненно, имеет под собой реальную почву, должно настораживать нас на предмет предвзятости источников. Критика отсталости общества была неотъемлемой частью просветительской риторики. Для актеров это к тому же было способом отомстить за перенесенные унижения, и если они, подобно Пробсту и Брандесу, писали мемуары, читателям там было чем поразвлечься. Подобные мемуары, а также, по-видимому, устные рассказы, передававшиеся из поколения в поколение, и сформировали представление потомков о XVIII веке. Образование, медицина и театр в Германии XIX века стали уважаемыми профессиями. Мы уже могли убедиться, что авторы,

⁹ Gesellschaft der Schuchischen Geschwister [Theater-Kalender, 1790: 114].

жившие в этом столетии, были невысокого мнения о школах и хирургах века предшествующего. То же касалось и театра. Эдуард Девриент (1801–1877), актер, автор монументальной истории немецкого театра, был всего на одно поколение моложе Розенштрауха, но XVIII век у него изображен как совершенно чуждый мир. Общество того времени, писал он, чуралось актеров «как зачумленных», терпело их только потому, что они развлекали публику, и всячески шельмовало за пьянство, азартные игры, сексуальную распущенность, недолговечные браки и нарушение контрактов.

Каждый актер вынужден был соглашаться с тем, что он невежда и бездельник, каждая актриса — что она особа легкого поведения, до тех пор, пока они не доказывали обратное. И добросовестным артистам, честным и преданным людям театра, число которых тихо, но заметно росло, такое положение в обществе доставляло постоянные страдания.

По мнению Девриента, актеры только доводили до крайности грубость нравов, повсеместную при Старом порядке, и когда общество говорит о каком-то их особом злонравии, вспоминается поговорка о том, как горшок котел сажей корил [Devrient 1848–1874, 2: 313, 321; 3: 209–213].

Рождение актера

Вполне возможно, что любовь к театру проявилась у Розенштрауха еще в юности, в Бреслау. В 1771 году труппа Иоганна Кристиана Везера получила монопольный контракт на всю Силезию и каждый год большую часть времени проводила в Бреслау. В 1781 году, после смерти Везера, контракт перешел к его вдове и принадлежал ей, пока она, в свою очередь, не умерла в 1797 году. Об успехе труппы говорит то, что ей удалось собрать деньги на строительство великолепного нового театра — по словам восхищенного современника, это был настоящий «храм сценического искусства», а спроектировал его Карл Готтгард Лангганс,

автор знаменитых Бранденбургских ворот в Берлине [Pies 1973: 377–378; *Kurze Geschichte* 1788: 35].

Каким же ремеслом собирався заниматься Розенштраух, когда уезжал из Бреслау, — цирюльника или актера? Может быть, и тем и другим. Начинающие актеры зачастую вступали во второстепенные труппы, чтобы создать себе репутацию, а на хлеб зарабатывали всевозможными сторонними промыслами [Huray 1801: 64, 147]. Розенштраух никогда об этом не вспоминал, зато в мемуарах других актеров имеется множество колоритных рассказов об их жизни на сцене и вне ее, по аналогии с которыми мы можем представить себе и его опыт.

Иоганн Кристиан Брандес (1735–1799), актер, которого Розенштраух, возможно, видел в спектаклях труппы Везера, родился в обедневшей бюргерской семье в прусском городе Штеттине. Подростком он нанялся в ученики к лавочнику, но поссорился с хозяином и сбежал. Полтора года он скитался по Восточной Пруссии и Польше, перебивался случайными заработками и попрошайничал на улицах, целиком завися от милости посторонних людей и подумывая о самоубийстве. Потом он ненадолго вернулся в Штеттин, а оттуда отправился в Берлин и северо-западную Германию, но работы нигде не нашел, так как у него не было рекомендаций. Он уже начал думать, не перебраться ли ему за океан или, может быть, податься в солдаты или матросы. Когда деваться было уже совсем некуда, он пошел в услужение. Хозяин стал брать его с собой на представления, и он не только влюбился в театр, но и увидел в нем свой билет в лучшее будущее, способ «сменить свой прежний монотонный и по преимуществу пустой образ жизни на более пристойный и осмысленный». В 22 года Брандес стал актером. Он часто переходил из одной труппы в другую, а чтобы оставаться на плаву между ангажементами, работал слугой и секретарем, и даже на какое-то время примкнул к шайке карточных шулеров. Только в 25 лет или около того он нашел постоянную работу и обрел надежный доход как странствующий актер [Brandes 1799–1800, 1: 165, *passim*; Pies 1973: 65–66].

Леонгард Дидрих Пробст (1770–1840), по возрасту примерно ровесник Розенштрауха, происходил из более благополучной

социальной среды, чем Брандес. Он родился в зажиточной бюргерской семье в остзейских губерниях России, регионе, где бюргерство и дворянство состояло из немцев, а крестьяне были латышами или эстонцами. В 1790 году он отправился в Германию, в Йенский университет, изучать медицину. Увы, оказалось, что он не переносит вида и запаха трупов, и однажды, когда его чуть не вывернуло наизнанку прямо на профессора, тот посоветовал ему сменить поприще. Некоторое время Пробст плыл по течению, время от времени посещая лекции по гуманитарным наукам и накапливая долги, но потом, вступив в любительскую театральную труппу, понял, что нашел свое призвание. В конце концов он и его четыре друга-студента дали торжественную клятву, что станут актерами [Probst 1839: 7–39].

В любой немецкой труппе конца XVIII века можно было встретить немало людей, подобных Брандесу, Пробсту и Розенштрауху. Их возраст, профессиональная подготовка и браки — все трое женились на актрисах — были типичными. Анализ биографий 2000 человек, ставших актерами в Германии между 1775 и 1850 годами, показал, что возраст первого выхода на сцену составлял от 18 до 22 лет для мужчин и от 15 до 16 лет для женщин. Ни у кого не было официального театрального образования: актерские дети учились у своих родителей, а «пришлые» — у более опытных коллег. Около 90 % актерских браков заключалось в театральной среде.

Актеры происходили из разных слоев общества. Благодаря большому числу браков между актерами и актрисами театр часто становился семейной профессией. Исследование биографий 2000 актеров показало, что 57 % лиц, родившихся до 1800 года, происходило из актерских же семей; вполне возможно, что эта оценка занижена, так как выборка не полностью учитывает мелкие труппы, а среди них было много семейных предприятий. Хотя подавляющее большинство населения составляли крестьяне, они были малограмотны и редко соприкасались с культурой среднего и высшего классов, так что среди актеров выходцы из крестьянства составляли всего 1 %. Существенную часть (25 %) составили дети чиновников и выпускники университетов. Театр влек их к себе, так как они были проникнуты культурой Просве-

щения, жаждали оставить след в обществе, а вот работу по специальности могли найти не всегда. Гораздо меньше было среди артистов выходцев из среды, где царили консервативные представления о респектабельности: только 16,5 % актеров происходили из семей ремесленников, купцов или дворян, причем многие из них сбежали из дома и выступали под псевдонимом [Schmitt 1990: 43–48, 92–109, 112, 119].

С какими трудностями приходилось сталкиваться актерам из этих консервативных кругов, мы видим из биографий Брандеса и Пробста. Брандес стал актером, бросив обучение ремеслу торговца. При этом он испытал серьезное противодействие со стороны родных. Он вспоминал, что его тетушка, благочестивая и любящая, «считала комедиантов отродьем сатаны» и настаивала, чтобы он пошел в услужение. Когда он отказался, она разорвала с ним отношения [Brandes 1799–1800, 1: 230–231]. Похожий конфликт разыгрался в семье Пробста. Когда его отец понял, что медика из сына не выйдет, и потребовал, чтобы тот возвращался домой, Пробст не осмелился рассказать ему о своих театральных планах, а просто прекратил с ним общаться. Возможно, желая, чтобы известия о его работе в театре не дошли до семьи, он взял сценический псевдоним. Этим он не нарушил никаких законов. При Старом порядке в немецких государствах фамилия была предметом личного выбора, и ее можно было изменить по собственному усмотрению: незаконным это стало лишь в XIX веке, с общим ужесточением бюрократического контроля¹⁰. А тогда это было легко проделать и на практике. Первой ролью Пробста был персонаж по фамилии Линденштейн:

...поэтому я взял себе имя Линденштейн, что было в то время тем проще, что по всей Германии можно было спокойно путешествовать без паспорта [и] никто вас особо не спрашивал об имени и сословии, разве что при въезде в городские ворота — да и там можно было назвать любое случайное имя, которое позже никого не интересовало [Probst 1839: 43].

¹⁰ См. также [Probst 1839: 40–41; Caplan 2001: 59–63].

Было ли что-то подобное в жизни Розенштрауха? Именно так предполагал один из его знакомых, позже написавший, что «непреодолимая тяга к сцене, возможно, наряду с несчастливыми семейными обстоятельствами, привела его в театр» и что он «никогда не называл... свое настоящее имя» [Nettelbladt 1862: 198]. Если «Розенштраух» — это псевдоним, почему он выбрал именно эту фамилию, означающую «розовый куст»? На современный слух она звучит как еврейская, но в то время это было не так. Такие фамилии, как Розенберг («розовая гора») или Розенфельд («розовое поле»), получили широкое распространение среди евреев только после 1787 года, когда император Иосиф II приказал своим еврейским подданным в Австрии брать немецкие фамилии. В Бреслау евреям было предписано брать фамилии только в 1790 году¹¹. Возможно, у Розенштрауха, как и у Пробста, была личная причина для такого выбора. Или же фамилия Розенштраух казалась ему необычной, а потому запоминающейся: это могло стать преимуществом в профессии, где единственное, что можно было узнать об актере из афиш и театральных журналов — это его имя. Кроме того, у этой фамилии имеется христианский подтекст. Роза — символ Девы Марии, а пятилепестковая роза символизировала пять ран Христовых, следовательно, Воскресение; поэтому розовые кусты так часто сажали на могилах [Miller 2002: 166–167; Kraus 1882–1886, 2: 6]. Розенштраух впоследствии стал глубоко религиозным человеком; возможно, эта склонность также повлияла на его выбор сценического псевдонима.

Взять новое имя, скрыв при этом старое, было достаточно легко. Власти требовали, чтобы путешественники могли подтвердить свою личность, но стандартных документов не существовало, а в контроле не было никакой системы. Для антрепренеров, нани-

¹¹ Beider A. Names and Naming // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. URL: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Names_and_Naming (дата обращения: 16.04.2023). Об австрийских и прусских законах см.: K. K. Verordnung die Annahme eines bestimmten Geschlechts und eines bekanten deutschen Vornamens // Churpfalzbaierisches Intelligenzblatt. 1787. № 32. S. 249–250; [Neue Sammlung 1792–1824, 3: 323].

мавших Розенштрауха, документы, удостоверяющие личность, в любом случае были менее важны, чем его послужной список, а о последнем могла рассказать молва или рекомендательные письма. Кроме того, мир был тесен, особенно для тех, кто работал в одной области. Розенштраух в конце концов побывал на одной сцене и с Пробстом (псевдоним Линденштейн), и по меньшей мере с двумя из четырех друзей, поклявшихся вместе с Пробстом стать актерами; как мы увидим, он также подружится с профессором медицины, на которого Пробста некогда чуть не вырвало¹². Внутри театрального мира никто, скорее всего, не знал, кем на самом деле были люди, называвшие себя Линденштейном и Розенштраухом, и едва ли это кого-нибудь интересовало. Что же касается широкой публики, то единственной информацией, которую она ожидала получить об актере, была фамилия. В таких условиях Пробсту или Розенштрауху ничего не стоило замести следы.

Вхождение в театральную профессию было делом не для слабоверных. Начинающие актеры должны были проявлять находчивость, настойчивость и жесткость, любить приключения и обладать здоровым чувством юмора. Актеры в своих мемуарах пишут, как годами скитались по незнакомым проселочным дорогам, без гроша в кармане и с пустым желудком, кидаясь на каждый слух о вакансиях в какой-нибудь малоизвестной труппе, гастролирующей неподалеку. Конечно, годы спустя все это можно было описать как увлекательные приключения, но на самом деле это было тяжелое, полуголодное существование.

Даже когда удавалось получить ангажемент, условия для начинающих были тяжелыми. В 1795 году Пробст, всего годом ранее ставший актером, и его друг Фридрих Людвиг Эвест (еще один будущий коллега Розенштрауха) основали собственную труппу [Губкина 2003: 434]. Пробст вспоминает:

---

¹² Этими друзьями были Томас Берлинг и Карл Людвиг Крикеберг. Вместе с Пробстом Розенштраух выступал в Касселе в 1799 году, см.: *Fürstliches Hoftheater zu Cassel* [Theater-Kalender, 1800: 273–275]. Он состоял в одной труппе с Пробстом и Берлингом в Санкт-Петербурге в 1805–1806 годах [Губкина 2003: 417, 425, 429]. О Крикеберге см. главу 6; о Юстусе Кристиане Лодере, том самом профессоре медицины, см. главу 12.

Большой деревянный сарай, где в дождливую погоду почтенная публика вынуждена была сидеть под зонтиками, а нам на сцене капала на нос вода, — вот где занимались мы своим ремеслом, и поначалу получали приличную прибыль. Но постепенно эта жалкая деятельность стала вызывать у меня отвращение, и я начал думать, не пора ли сворачивать все предприятие. Мне становилось стыдно всякий раз, когда, как часто бывало по воскресеньям, из соседнего Нюрнберга приезжали патриции и актеры городского театра и собирались у нас в сарае. Их смех и глумление над нашей маленькой компанией звучали для меня как издевательский хохот из преисподней [Probst 1839: 58].

Пробст и Эвест в конце концов распустили свою труппу и направились было в Гейдельберг, более чем за 170 километров, чтобы присоединиться к другой. Но денег на дорогу у них не было. По счастью, Эвест отличался необычайно высоким ростом, так что находчивый Пробст надел на голову своему смущенному другу большой тюрбан, набил его ботинки бумагой, чтобы тот казался еще выше, и собрал нужную сумму, за определенную мзду демонстрируя «великана» жителям окрестных деревень [Probst 1839: 65]. Эти двое юношей мечтали поставить театр на службу Просвещению, но, оказавшись на бобах, вынуждены были вернуться к замшелой традиции «цирка уродов».

Проблемой Пробста и Эвеста было противоречие между их художественными устремлениями и ограниченными средствами. Таких устремлений не имели другие труппы, например те, которые Даниэль Гурай, также будущий коллега Розенштрауха [Thombrinck 1792: 2], по его воспоминаниям, видел юношей в Богемии в начале 1780-х годов:

В нашей округе имелись всевозможные мелкие труппы по пять, максимум шесть человек, которые давали представления в каждом базарном городке. Несколько раз я наблюдал такие слепленные на живую нитку спектакли, в которых основная работа на сцене выпадала на долю Кашперля [немецкий аналог Петрушки]. Поставили в трактире пару бумажных задников, — и театр готов. Главный их реквизит,

который они всегда таскают с собой, — это барабан. С ним Кашперль расхаживает по улицам во всем великолепии своего сценического наряда и зазывает зрителей, чтобы те пришли любоваться на поганца под трубочку табаку и кружку пива [Huray 1801: 112–113].

Гурай презирал подобные труппы, но сам в ту пору был так беден, что пытался продать свой последний носовой платок, чтобы наскрести денег на еду [Huray 1801: 117].

Притягательность сцены

Учитывая все эти трудности, как вообще кто-то мог захотеть стать актером? На этот вопрос дал ответ Гёте в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера», впервые опубликованном в 1795–1796 годах, несколько лет спустя после дебюта Розенштрауха. Это, конечно, художественное произведение, но Гёте исходил из глубокого знания театра и общества, и его анализ помогает нам понять многие эпизоды и поступки, которые мы встречаем в биографии Розенштрауха и мемуарах других актеров.

Как и Розенштраух, Брандес и Пробст, герой романа Вильгельм Мейстер — бюргерский сын, который отворачивается от мира торговли и становится актером. Разделяя возвышенные представления эпохи Просвещения о театре, он мечтает поднять души людей над мелкими предрассудками и повседневными заботами: миссия театра, считал он, сходна в этом с миссией церкви [Гёте 1978: 54]. Гурай также пишет в своих мемуарах, что, прежде чем стать актером, он хотел быть проповедником в церкви, Розенштраух же, напротив, сначала был актером, а потом сделался проповедником [Huray 1801: 12–13, 18].

Актеры ощущали противоречие между просветительским идеалом братства, который они воплощали на сцене, и реальной иерархией Старого порядка, царившей вне сцены. Работая в театре, они порой вступали в общение с дворянами, чье внимание производило на них сильное впечатление. Из воспоминаний Брандеса и другого актера, Йозефа Антона Криста, мы видим,

какой честью для себя они считали знаки благосклонности со стороны знати; Розенштраух, судя по его более поздним отношениям с аристократами, тоже. Гётевский Вильгельм Мейстер испытывает глубокую благодарность за самые их мимолетные любезности. Так, он вне себя от восторга, когда ему удастся несколько раз переглянуться с красавицей-графиней:

Как часовые двух враждующих сторон, не помышляя о войне, мирно и весело перекликаются через реку, которая их разделяет, так графиня и Вильгельм обменивались многозначительными взглядами через гигантскую пропасть рождения и положения в обществе [Goethe 1978: 142–143].

Такие моменты близости чередуются с унижительными напоминаниями о низком социальном статусе актера. И в романе Гёте, и в мемуарах Криста слуги в благородных домах относятся к заезжим актерам пренебрежительно, да и дружелюбие дворян, как чувствует Вильгельм, на самом деле не что иное, как простая снисходительность [Гёте 1978: 131, 141, 142, 144; Christ 1912: 106, 252–253; Brandes 1799–1800, 2: 21, 59, 139]. Крист вспоминает, что однажды, когда его труппа переживала кризис, он обратился за помощью к курфюрсту Саксонии. Курфюрст обещал помочь, но правила этикета не позволяли ему разговаривать с простым бюргером, поэтому он обращался к Криту через адъютанта, хотя актер стоял прямо перед ним. «Если бы курфюрст сказал хотя бы одно слово лично мне, — пишет Крист, — мой дух воспрял бы до необычайных высот, но вместо этого... Я покинул ложе курфюрста крайне подавленным» [Christ 1912: 79–80].

Для бюргера поступление на сцену было шансом войти в публичную сферу. «Годы учения Вильгельма Мейстера» демонстрируют нам один из способов, которым это могло произойти. Элиты Старого порядка утверждали свою власть, отстаивая «представительскую» концепцию публичной сферы. Согласно этой концепции, монархи и дворяне наделены высшим статусом, поскольку они воплощают («представляют») страну; народу дозволялось лишь подтверждать превосходство знати, подобно

тому как ликующие болельщики свидетельствуют о величии спортивной команды. Высокомерие, с которым дворяне относились к простолюдинам, давало понять, что дело обстоит именно так. Тех, кто, по выражению Гёте, «может и должен чем-то казаться», и тех, кто «должен только быть» [Гёте 1978: 238], разделяла пропасть. Дворяне демонстрировали власть уже тем, что являли собой внушительные фигуры; бюргерам, с их ценным трудом и умениями, оставалось одно: быть полезными. Вильгельму Мейстеру претит это ограничение — иметь право только быть и ничего собой не являть. Он тоже хочет подавать себя таким образом, чтобы вызывать восхищение. Поэтому он и решает стать актером: ведь актеры на сцене разыгрывают спектакль для публики, точно так же, как аристократы в представительской публичной сфере. По словам Вильгельма, «на подмостках человек образованный — такая же полноценная личность, как и представитель высшего класса; дух и тело при всяком труде должны идти нога в ногу, и здесь я так же могу и быть и казаться, как в любом другом месте» [Гёте 1978: 238]¹³. Возможно, Розенштраух тоже хотел быть включенным в представительскую публичную сферу.

К концу XVIII века Просвещение породило новую концепцию публичной сферы, которую иногда называют «буржуазной». Согласно этой концепции, публичная сфера формировалась путем постоянного обмена идеями между гражданами через прессу, искусство и прочие средства информации, включая театр. Иными словами, публичная сфера теперь включала в себя все образованное общество, а не только элиту Старого порядка, и право участвовать в ней имели все, постольку, поскольку были в состоянии разумно формулировать свои идеи. Так как Розенштраух находился под определенным влиянием идей Просвещения, вполне возможно, что его решение стать актером диктовалось желанием, чтобы его голос как голос участника буржуазной публичной сферы был услышан [Хабермас 2016: 73–77, 91, 94–95; Martus 2015: 37; Элиас 2001, 1: 19–25; Williams 1985: 31–32].

---

¹³ См. также [Хабермас 2016: 59–62; Brandes 1799–1800, 1: 168–169].

Роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» помогает нам понять, каким образом идеалы и роптания эпохи Просвещения могли привести образованного бюргера на сцену. Кроме того, на более элементарном уровне эта книга демонстрирует притягательность театра для людей неутомленных и жаждущих приключений. Временами труппа Вильгельма переживает поистине тяжелые времена: актеры сидят без гроша или яростно враждуют между собой, к тому же однажды Вильгельма чуть не застрелили разбойники. Но в остальное время это веселая компания остроумных мужчин и кокетливых женщин, предпринявших беззаботное путешествие в неизвестность. Дальнейшая жизнь Розенштрауха показала, что он был обаятельным и упорным человеком, который не побоялся повысить ставки и отправиться искать счастья за границей. Нетрудно представить его сотоварищем Вильгельма Мейстера.

Глава 3

Дочь печатника

В ноябре 1788 года жизненный путь привел Розенштрауха к брачному алтарю в маленьком городке Брилоне. Ему было 20 лет. Венчание — самый ранний факт его биографии, засвидетельствованный в документах того времени. В записях указаны имя, вероисповедание и родной город невесты и ее родителей, имя священника, совершавшего обряд, и краткий отчет о трудностях, с которыми был сопряжен брак согласно католическому каноническому праву. Эта информация впервые позволяет нам с некоторой степенью уверенности реконструировать события и обстоятельства.

Кассель

Невеста Розенштрауха была родом из Касселя, и, вероятно, именно там они и познакомились. (См. карту 1.1.) Что привело его в Кассель, неизвестно. В 1788 году там не гастролировала ни одна немецкая театральная труппа, а в труппе Бема, выступавшей в городе в 1787 году, Розенштраух не числился [Engelbrecht et al. 1959: 36]¹. Возможно, он оказался там в поисках ангажемента или примкнул к какой-нибудь второразрядной труппе. В любом случае в жизни Розенштрауха Кассель занимает важное место. Мало того что он более чем на десять лет оказался лично связан с этим городом — весьма вероятно, что атмосфера Касселя способствовала формированию некоторых из его политических и идеологических предпочтений.

---

¹ См. также Böhmishe Gesellschaft [Theater-Kalender, 1788: 168–173].

Кассель, город средней величины с населением 20 000 человек, был резиденцией ландграфа Гессен-Кассельского. Это был первый из нескольких столичных городов — монарших резиденций, — в которых Розенштрауху предстояло провести важнейшие отрезки своей жизни. В раздробленном политическом ландшафте западной Германии Гессен-Кассель, по преимуществу реформатское (кальвинистское) княжество, выделялся как одно из наиболее значительных государств, но при этом не был ни богатым, ни большим: с площадью 6650 квадратных километров и населением 454 000 человек, он как по размеру, так и по населению составил бы не более четверти Силезии [Hessen 1996: X; Hildebrand 1853: 1, 5]².

Несмотря на ограниченные ресурсы Гессен-Касселя, ландграфы (титул, равнозначный герцогскому) стремились превратить свою столицу в центр культуры Просвещения. Ранее Кассель, как и многие немецкие города после Тридцатилетней войны 1618–1648 годов, заключил себя в прочную защитную скорлупу религиозной нетерпимости и ксенофобии. Клаустрофобия ощущалась и физически: Кассель был городом плотной застройки, с узкими улочками, вдоль которых тянулись высокие четырех- и пятиэтажные фахверковые дома; по периметру его окружали мощные крепостные стены, а снаружи — ров. Броня начала давать трещины в конце 1680-х годов, когда ландграф Карл предложил поселиться в городе нескольким тысячам гугенотов — французских реформатов, недавно изгнанных из родной страны королем Людовиком XIV. Чтобы их разместить, был построен Верхний Новый город, пригород с широкими симметричными улицами и домами в стиле барокко. Карл также пригласил итальянских строителей и художников, которые создали пригородные сады с огромной барочной статуей Геракла; она и по сей день остается самой узнаваемой достопримечательностью Касселя [Engelhard 1778, 1: 52–54; Schminke 1767: 417–426; Klingebiel 2000: 54].

---

² См. также: *Kurze Nachrichten von Städten // Allgemeine Handlungszeitung*. 1790. № 30. Juli 24. S. 469.

Дальнейшие изменения произошли в годы долгого правления внука Карла, Фридриха II (1760–1785), умершего всего за несколько лет до прибытия в город Розенштрауха. Фридрих создал мощный государственный аппарат и произвел масштабные реформы в области социального обеспечения, образования и судебной системы. Центром общественной жизни Касселя был двор, который обеспечивал средствами к существованию каждого восьмого жителя. Кроме того, образованные и состоятельные классы содержали собственную сеть частных библиотек, коллекций произведений искусства, масонских лож и магазинов, торгующих предметами роскоши. Фридрих также сделал многое, чтобы превратить Кассель в красивый город. После опустошительной Семилетней войны 1756–1763 годов он приказал снести старую городскую стену, а Верхний Новый город с архитектурой барокко и неоклассицизма был расширен и объединен со Старым городом, застроенным в стиле раннего Нового времени. Кассель стал жемчужиной градостроительства XVIII века и оставался таковым вплоть до разрушительного воздушного налета 1943 года³.

Розенштрауху-актеру, вероятно, пришелся по душе культурный динамизм Касселя, но Розенштраух-католик едва ли был доволен религиозной атмосферой города. Как и в Силезии, в Гессене существовали различные церкви. Однако религиозной терпимости было меньше. В XVI и XVII веках династические распри, усугубленные религиозными конфликтами, разделили землю на два княжества: Гессен-Дармштадт, где правили лютеране, и Гессен-Кассель, отошедший под власть реформатов. Законы 1730–1740-х годов предоставили кассельским лютеранам свободу вероисповедания, но не равноправие. Смешанные лютеранско-реформатские пары имели право воспитывать всех своих детей

---

³ О реформах ландграфа Фридриха II см. [Ingrao 1987: 22–26, 74–85]. О доле жителей города, занятых при дворе, см. [Wunder et al. 2000: 325]. О культуре и светской жизни в Касселе см. [Wunder et al. 2000: 47–88, 212–261; Günderode 1781: 178–181, 185–189; Ingrao 1987: 33–34]. О кассельском урбанизме см. [Wunder et al. 2000: 145–157; Ingrao 1987: 164–173; Engelhard 1778, 1: 55–59; Wegner 1991: 11].

в реформатстве, но не в лютеранстве; можно было также воспитывать сыновей в вере отца, а дочерей — в вере матери. Кроме того, лютеране могли венчаться и крестить детей только у реформатского священника. Ко времени появления в городе Розенштрауха католикам были предоставлены те же права, что и лютеранам. Сам ландграф Фридрих обратился в католичество; его стараниями к 1780-м годам в Касселе начали служить католические мессы, а в 1786 году правила о детях от смешанных браков с лютеранами были распространены на браки с католиками [Ledderhose 1781: 453–455; 1787–1789, 1: 264–265; Ingraio 1987: 183].

Упорное стремление расширить границы терпимости показывает, что шрамы, оставленные религиозным насилием XVII века, заживали медленно. Даже в 1780-е, когда в Кассель приехал Розенштраух, воспоминания о тех временах еще не совсем стерлись. Актер Даниэль Гурай (1760–1826), будущий коллега Розенштрауха, пишет в воспоминаниях, что его бабушка родилась во Франции в конце XVII века в семье крестьян-гугенотов. Она росла в атмосфере вражды между гугенотами и католиками, и когда ей было всего шесть лет, ее семья была вынуждена эмигрировать. Во время бегства из Франции она оказалась разлучена с родителями. Больше она никогда их не видела и предполагала, что их убили католики. Все это наполнило ее такой глубокой ненавистью, что она запретила внуку даже заглядывать в католическую церковь. Сам Гурай, который был всего на восемь лет старше Розенштрауха, вырос в другую эпоху и не разделял враждебных чувств бабушки, но болезненность этих чувств поразила его в детстве до глубины души [Huray 1801: 1–3]⁴.

Отголоски революции

Родной город Розенштрауха Бреслау, с его еврейским меньшинством и связями с Польшей и империей Габсбургов, был развернут к востоку. Кассель был обращен к западу. Как отраже-

---

⁴ Гурай был родом из Берлина, а не из Касселя, но нет никаких оснований предполагать, что чувства кассельских гугенотов были иными.

ние наследия гугенотов и типичных вкусов немецких княжеских дворов, французская культура пронизывала здесь все: в 1781 году гость города отметил, что в Касселе было четыре театральные труппы — одна итальянская (опера) и три французские (опера, оперетта и комедия), — но ни одна из них не играла на немецком языке. Сады в английском стиле и неоготическая архитектура свидетельствовали о том, что Кассель также имел связь с Великобританией — связь, которую ландграф Фридрих укрепил, женившись на британской принцессе [Günderode 1781: 192; Ingraio 1987: 173–174; Wegner 1991: 12]. Еще дальше на запад Кассель открывался Атлантическому миру, трансокеанскому сообществу народов, возникшему в результате западноевропейской колонизации Америки и африканской работорговли. Атлантический мир был не чужд Касселю, потому что грандиозные проекты ландграфа Фридриха стоили дорого, и он собирал на них средства, следуя давней гессен-кассельской традиции: сдавая войска в аренду иностранным монархам, с которыми состоял в союзе. Главным заказчиком был племянник его жены, британский король Георг III, которому нужны были солдаты для борьбы с Американской революцией. Масштаб развертывания был огромен: ландграф направил за океан 19 000 военнослужащих, число, равное 4 % всего населения княжества [Ingraio 1987: 127–128, 132, 143–144].

Война в Америке закончилась только в 1783 году, так что к приезду Розенштрауха память о ней была свежа и люди, вероятно, все еще говорили об этом. Писатели по всей Германии клеймили ландграфа за торговлю кровью своего народа, а некоторые интеллектуалы в самом Касселе открыто поддерживали Американскую революцию. Но чувства ветеранов-гессенцев, около 11 000 из которых вернулись с войны, были более сложными. Многие в конце концов пришли к выводу, что ландграфу не следовало посылать их сражаться на чужой войне, но несколько не сожалели о том, что поддержали британцев. В основном выходцы из бедных крестьянских семей, они ничуть не сочувствовали американским колонистам, зажиточным, но не желающим платить налоги, и к тому же считали лицемерием проповедь

свободы из уст тех, кто преследует лоялистов и владеет рабами [Auerbach 1996: 242–243, 270, 316, 338–343; Ingraio 1987: 154–157].

Рабство страшно возмутило гессенских солдат. Привыкшие к европейскому Старому порядку, при котором предполагалось, что у помещиков и крестьян имеются взаимные обязательства, они были потрясены неприкрытой эксплуататорской природой рабства. Их также ужаснул расизм американцев. Со временем немцы тоже примут взгляды Нового света, согласно которым чернокожие пригодны только для рабства, но в тот период они еще мыслили старыми категориями, сформированными за века взаимодействия Европы с Ближним Востоком. Они не различали черных и белых как биологические расы; чернокожие для них были «маврами» — слово, вызывавшее ассоциации с новозаветными волхвами, средневековыми чернокожими святыми или мусульманскими народами Османской империи. В Северной и Южной Америке африканцы составляли массовую рабочую силу капиталистической плантационной экономики. В Германии они не только были в диковинку, но и выполняли иную функцию: служили декорацией для представительской публичной сферы Старого порядка. Немногочисленные мавры, которых можно было увидеть в Германии, занимали видные должности слуг при княжеских дворах: их экзотическая внешность и восточные костюмы должны были подчеркнуть величие правителя. В глазах европейцев османский султан обладал над своими подданными такой властью, какая и не снилась европейским правителям, и слуги-мавры при немецких дворах были намеком на такое же могущество. Собственно, эти «мавры» на самом деле и были в основном рабами из Америки, но это не имело значения — немцы считали их наследниками гордой восточной цивилизации и символом величия Старого порядка [Auerbach 1996: 221–225; Diedrich 2013: 95–98; Kuhlmann-Smirnov 2013: 17, 19–20, 80, 93].

Во время Войны за независимость по меньшей мере 131 беглый американский раб завербовался в гессенскую армию, — чаще всего они становились барабанщиками. Многие последовали за своими подразделениями в Гессен, где вызвали всеобщее любопытство, и были приписаны к личному элитному корпусу ланд-

графа [Hoffman 1981: 81–82, 91; Buettner 1915: 66; Diedrich 2013: 108]. Видел ли их Розенштраух, и если видел, то что о них думал? Всего несколько лет спустя он начал играть в пьесах и операх с сюжетами из «мавританской» жизни и примкнул к масонам, учившим, что все люди — братья. Эти обрывочные свидетельства наводят на мысль, что «мавры» для него были такими же людьми, как он сам, а не выродившейся расой рабов.

Американская война за независимость стала первым залпом века революций — эпохи, на фоне которой прошла почти вся сознательная жизнь Розенштрауха. Поборники Просвещения ратовали за реформы, основанные на «разуме», но не могли прийти к единому мнению по поводу того, какая политическая система была бы самой «разумной». Одни выступали за монархию, другие — за республику. Во время американских событий обе стороны впервые схлестнулись всерьез, а вскоре разразилась Французская революция, положившая начало почти непрерывным войнам, длившимся четверть века. Как мы увидим, Розенштраух всегда оставался в стане монархистов, как физически, так и в своих политических симпатиях. Однако он — по крайней мере в последние годы жизни — скептически относился к военной героике и агрессивной риторике, независимо от того, какому делу они служили. Возможно, эти его взгляды начали формироваться еще в Касселе, под воздействием полученных из первых или вторых рук историй о войне в Америке.

Возможно, американская война способствовала его политическому воспитанию и в другом смысле. Гессенские солдаты, воевавшие в Америке, были в основном из крестьян. Розенштраух, пропутешествовав от Бреслау до Касселя, мог видеть, что Священная Римская империя неоднородна: в ее восточной части (включая Силезию и остальную часть Пруссии) крестьяне были в основном крепостными и работали на помещиков; на западе и на юге они владели собственными хозяйствами, а помещикам платили денежный оброк. Именно такими свободными крестьянами были гессенцы, но это приносило им мало радости: многие жили в такой беспросветной нищете, что даже отправиться воевать за океан казалось им предпочтительнее, чем

прозябать дома [Ingrao 1987: 117, 131–132, 141, 160–161]. Таким образом, докатившиеся до Касселя отголоски Американской революции, возможно, привели Розенштрауха к двум убеждениям в пользу Старого порядка: во-первых, все разговоры республиканцев о свободе были пустопорожней болтовней; во-вторых, освобождение крестьян из-под ига помещиков само по себе еще не создавало более справедливого общественного строя.

Розенштраух был перекаати-полем, и этим свойством определялись его отношения с окружающими везде, куда забрасывала его жизнь, в том числе и в Касселе. В Европе и Атлантическом мире XVIII века люди, как правило, были прочно укоренены в местном сообществе: они усваивали его убеждения, язык и обычаи, мало знали о происходящем за его пределами и четко делили мир на «своих» и «чужих» — местных жителей и всех прочих. Но существовали и другие: солдаты, моряки, бродячие торговцы, эмигранты, ученые, миссионеры, актеры, постоянно перемещавшиеся с места на место. Кочевая жизнь придала им гибкость, научила взаимодействовать с чужаками и привила новые формы общения и поведения. Их кругозор по необходимости расширялся. Поскольку они были мобильны и везде находились на положении чужих, между ними создавались определенные связи; тем не менее каждый был отмечен печатью своего происхождения. В Касселе Розенштраух, возможно, встречал людей, чья жизнь была определена мобильностью, хотя и иного рода, чем его собственная: это были «мавры», потомки беженцев-гугенотов и солдаты, вернувшиеся из Америки. Но знал он и тех, кто был прочно укоренен в Касселе. Такой, в частности, была его невеста.

Дочь печатника

Зузанна Барбара Антонетта Хампе родилась в Касселе в марте 1770 года, то есть двумя годами позже Розенштрауха. Она была лютеранкой. Когда она родилась, ее родители были женаты меньше года, так что Барбара Антонетта — именем Зузанна ее,

по-видимому, не называли, — скорее всего, была в семье старшим ребенком [Könnеске 1894: 35]⁵.

Отец Барбары Антонетты, Филипп Отто Хампе, владел печатным двором в Старом городе Касселя. По данным 1830-х годов, типография Хампе располагалась к востоку от ренессансного замка ландграфа, в тупике под названием «Мешок». После Семи-летней войны территория вокруг «Мешка» преобразилась: ближайший сегмент городской стены снесли и разбили на его месте внушительную новую площадь Фридриха, объединившую Старый город с Верхним Новым городом. Главная церемониальная ось Касселя, соединявшая замок ландграфа с оперным театром, музеем и другими величественными зданиями Верхнего Нового города, теперь проходила в непосредственной близости от «Мешка»⁶.

Но типография Филиппа Отто Хампе была центром кассельской общественной жизни не только благодаря своему расположению. Немецкие печатники и книготорговцы обычно создавали династии, передавая дело от отца к сыну и пользуясь ограничительными экономическими законами, чтобы защититься от конкуренции [Martus 2015: 436]. Семейство Хампе, чей печатный двор в течение полутора столетий оставался крупным предприя-

⁵ См.: Getaufte in Cassel, vom 7ten bis 14ten März // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1770. 19 März. № 12. S. 165. Она названа Барбарой Антонеттой, с указанием лютеранского вероисповедания, в приходской записи о ее венчании; см. Archiv des Erzbistums Köln (Архив архиепископства Кёльна), GVP (1788), л. 94, запись от 17 ноября 1788. В записи о крещении ее сына Вильгельма она названа Антонеттой Барбарой; см. Streekarchief Bommelerwaard (районный архив Боммелерваарда), DTB 1901, с. 191. Я благодарен Хелене Вебер и Сил ван Дорнмален за предоставление мне доступа к этим двум документам.

⁶ Самый ранний источник, относящийся к 1834 году, указывает, что типограф Хампе владел домом на Амброзиенштрассе (прозванной в городе der Sack — «мешок») — тупиковом ответвлении Элизабет(ер)штрассе (также называемой Steinweg — «Каменная дорога»); см. Polizei-Kommissar Preime, Kasselsches Adreß-Buch für das Jahr 1834 (Kassel, 1834), 73, 237. «Мешок» отмечен на «Плане Касселя 1878 года». URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karte_Kassel_\(Neumann\)_1878.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karte_Kassel_(Neumann)_1878.jpg) (дата обращения: 19.04.2023). См. также [Krieger 1805: 62, 371–372].

тием местного значения, не было исключением. В 1710 году типографию основал дед Филиппа, и до 1852 года она оставалась во владении семьи. Как и другие ремесла в Германии Старого порядка, типографское дело регулировалось правительством, и печатники старались добиться для себя монопольных «привилегий» на выполнение определенных видов работы. Семье Хампе это обычно удавалось, и в разное время они получали монополии на печать местных известий, правительственных документов и школьных учебников.

Хампе были уважаемым бюргерским семейством. Как правило, они заключали браки с людьми из социально близкой среды, роднясь с семьями преуспевающих ремесленников или мелких чиновников, выросших корнями в местное сообщество и имеющих связи при дворе ландграфа. Филипп, отец Барбары Антонетты, был внуком ризничего придворной реформатской церкви и упоминался в официальном справочнике Касселя наряду с семьей ландграфа, чиновниками, священниками и прочими столпами общества⁷. Его сестра вышла замуж за канцеляриста, а жена (мать Барбары Антонетты) была дочерью перчаточника. Один из братьев Барбары Антонетты женился на дочери смотрителя богадельни. Одна из ее сестер вышла замуж за печатника, а другая — за сына кровельщика, который стал комиссионером в типографии Хампе⁸.

Барбара Антонетта познакомилась с Розенштраухом, когда семья переживала трудные времена. Глава семьи умер в 1786 году в возрасте 40 лет, и вдове, Иоганне Елизавете Хампе, пришлось содержать детей и поддерживать на плаву семейное предприятие. Трудности, с которыми столкнулась Иоганна Елизавета, и типичная для Старого порядка стратегия, с помощью которой она пыталась вернуть благополучие своей семье, очевидны из прошения, которое она отправила ландграфу в 1793 году; это, похоже, единственный сохранившийся документ из написанных ближайшими родственниками Барбары Антонетты.

---

⁷ См.: Hochfuertl. *Hessen-Casseler Staats- und Adreß-Calender auf das Jahr Christi 1784*. Kassel, o. J. S. 154.

⁸ Об истории семьи Хампе см. [Könnecke 1894: 24–46, 351].

В своем прошении Иоганна Елизавета писала, что в прежние времена Хампе процветали, поскольку обладали монополией на печать кассельских ведомостей и ряда других материалов. Однако позже правительство передало часть этих прав типографии, созданной для финансирования городского сиротского приюта, а другие заказы стала выполнять придворная типография ландграфа. Печатный двор Хампе пришел в упадок. Муж Иоганны умер и оставил ее с девятью детьми, долгами и предприятием, от которого, по ее словам, «осталось одно название». Это положение дел, писала она, тем более несправедливо, что позволяет чужакам получать выгоду за счет местных жителей Касселя: придворный типограф — иностранец, женившийся на вдове прежнего типографа, а сыновья этой вдовы в настоящее время служат в иностранных армиях; кроме того, переплетчик, который ныне обладает привилегией выпускать школьные учебники и сборники церковных гимнов, печатает эти книги за пределами Гессен-Касселя. При Старом порядке общество держалось на убеждении, что любой член общины любого звания имеет право на заработок, подобающий его положению. Апеллируя к этому чувству, Иоганна утверждала, что правительство должно помогать ее семье зарабатывать на жизнь, как в прежние времена. Поэтому она обратилась к ландграфу с просьбой приказать переплетчику прекратить печатать книги за границей и отдавать ей половину заказов, которые теперь получал придворный типограф-иностранец. Ее прошение было отклонено, но сам факт, что оно было рассмотрено высшими правительственными чиновниками, говорит о малом, едва ли не семейственном масштабе политической системы Гессен-Касселя⁹.

Любовь

У нас нет возможности выяснить, при каких обстоятельствах Розенштраух познакомился с Барбарой Антонеттой, но мы можем попытаться представить себе чувства, которые их сблизили.

---

⁹ HStA Bestand 17g, № 239. Прошение было рассмотрено правительственным органом, отвечавшим за повседневные дела (Regierung).

Барбара Антонетта впоследствии стала актрисой; актером стал и ее брат, который был на два года младше¹⁰. Обладал ли для них театр такой же магнетической притягательностью, как для Розенштрауха? Может быть, в лице Розенштрауха девушка встретила молодого красноречивую с большими амбициями, путешествовать вместе с которым по свету в поисках славы и приключений показалось ей куда более заманчивым, чем помогать матери тянуть дом, полный детей, и предприятие, терпящее крах? Актер Гурай пережил похожую ситуацию. Когда ему было 20 лет, как Розенштрауху в 1788 году, он познакомился в театре с девушкой, страстно мечтавшей стать актрисой, и влюбился в нее. Он пишет: «она жаждала похищения [то есть чтобы Гурай похитил ее], чтобы таким образом поступить в театр». Из этого мелодраматического плана ничего не вышло — как он понял задним числом, это было даже к лучшему, ибо что могло ждать их впереди? «Я, начинающий, у которого ничего не было, кроме надежд; она, милейшая девица, но без заметного актерского дарования. Это, — иронично заключает он, — вызывало некоторое беспокойство» [Huray 1801: 66].

Актер Розенштраух и Барбара Антонетта, дочь книготорговца и, возможно, театралка, вполне могли воспринимать жизнь в категориях, почерпнутых из пьес и романов. Эти понятия включали в себя и новое представление о любви. Европейские мыслители предыдущих поколений восхваляли духовную форму любви как возвышенное выражение души, но осуждали чувственную страсть как низменный зов плоти. Прочность брака, считали они, определяется не столько любовью, сколько такими факторами, как родительская мудрость, происхождение, имущественные интересы и социальное положение. Однако писатели-сентименталисты середины XVIII века, а потом и штюрмеры 1760–1780-х годов опрокинули эту модель. Для них

¹⁰ Вольфганг Фридрих (или Фридрих Вольфганг) Хампе родился в 1772 году и дебютировал на сцене в 1792-м; см.: Getaufte in Cassel, vom 25ten bis den 31ten März // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1772. 6 April. № 14. S. 209; [Theater-Kalender, 1797: 146].

любовь стала средством реализовать свою уникальную личность; чувственное желание они считали неотъемлемой частью любви, а любовь с первого взгляда — знаком судьбы. В этой картине мира любовь представляла собой возвышенную страсть и достаточное основание для счастливого брака [Wurst 2004; Martus 2015: 535, 570–579].

Эволюция представлений о любви отражала более масштабные изменения во всем обществе, ознаменовавшие сдвиг в сторону современных взглядов на индивидуальную личность. В Средние века и раннее Новое время европейцы воспринимали собственную личность через сообщества, в которые они были встроены. Так, Иоганна Елизавета Хампе, вероятно, считала такие характеристики, как «лютеранка», «мать», «владелица типографии» и «гражданка Касселя», неотъемлемыми составляющими ее личности. Во второй половине XVIII века такое восприятие личности стало менее распространенным. Отчасти это было вызвано социально-экономическими изменениями; например, поскольку стать мастером-ремесленником делалось все труднее, подмастерья откалывались от цехового сообщества. С другой стороны, налицо был культурный сдвиг. Литература, особенно авторы из «Бури и натиска», превозносила неповторимость личности; с другой стороны, в сочинениях на социальные и политические темы все чаще использовалась статистика, что побуждало читателей видеть в социуме скорее безличную абстракцию, чем живое сообщество. В совокупности все эти изменения вели к характерному для Нового времени убеждению, что основой личности человека служит его неповторимая индивидуальность, а вовсе не принадлежность к семье, профессии или другому сообществу. Возникающее при этом ощущение одиночества и неприкаянности уравнивалось романтической любовью, возвращавшей человеку цельность и чувство единения через особую связь с родной душой [Martus 2015: 586; Landgraf 2004: 36–37; Arlinghaus 2015: 1, 2, 20–25, 29–30, 38]¹¹.

---

¹¹ Э. Ландграф и Ф.-Й. Арлингхаус опираются на теорию систем социолога Н. Лумана.

Возможно, Барбара Антонетта и Розенштраух и испытывали друг к другу подобные чувства, но едва ли страстная романтическая любовь произвела бы впечатление на ее мать. Она, скорее всего, не преминула бы напомнить дочери, что той всего 18, а ее избраннику 20 лет. В Германии XVIII века было принято вступать в брак позже, в возрасте от 25 до 30 лет, причем жених, как правило, был примерно на два года старше невесты. В Германии, как и во всей Западной и Центральной Европе раннего Нового времени, предполагалось, что вступление в брак (а для женщин и начало сексуальной жизни) следует откладывать до тех пор, пока молодые люди не обретут финансовую независимость, то есть обзаведутся собственным хозяйством или получают право заниматься ремеслом. Позволить себе ранние браки могли только люди состоятельные и те, кому в жизни не светило ничего, кроме наемного труда [Wunder 1998: 29, 30; Sheehan 1989: 83; Dawson 2002: 66–67].

Должно быть, мать Барбары Антонетты не одобряла отношений дочери с Розенштраухом. Кем бы он ни был, бродячим актером или цирюльником-подмастерьем, он не мог бы содержать семью и, в отличие от прочих родственников Хампе, никак не содействовал бы их связи с другими кассельскими семьями. Сам факт, что он покинул свою семью и родной город, не позволял надеяться, что он осядет в Касселе и займет какую-нибудь младшую должность в семейном деле Хампе. Хуже того, он был католиком. Скорее всего, будущая теща считала его молодым бездельником без средств к существованию и перспектив, ни на что не годным болтуном, который никогда не будет честно зарабатывать на жизнь и только испортит жизнь ее дочери и репутацию всей семьи.

Вышеизложенный сценарий, — любовь юных сердец, восставшая против бездушия Старого порядка, — весьма правдоподобен, но может быть и ошибочным. Повод для сомнений состоит в том, что Барбара Антонетта, возможно, была беременна. По крайней мере, при венчании в ноябре 1788 года она воспользовалась послаблениями, которые обычно предоставлялись беременным невестам, а в 1789 году, по-видимому, родила¹². Кроме того, вы-

¹² О старшем сыне Розенштрауха см. с. 230.

ходя замуж, она представила письмо согласия от матери. Как это все понимать? Возможно, они с Розенштраухом поняли, что она беременна, сбежали, а потом получили вынужденное согласие от ее матери. А может быть, мать убедила или даже заставила их уехать из города, пожениться и держаться подальше от города, пока все не забудется. Была ли это неземная любовь или случайная интрижка, закончившаяся принудительным браком из-за беременности невесты? Этого мы не узнаем никогда.

В любом случае неудивительно, что поженились они не в Гессен-Касселе, хотя закон открытым текстом запрещал бракосочетания за пределами княжества. Благодаря раздробленности Священной Римской империи людям, желавшим избежать внимания властей, таким как дезертиры, лица, уклоняющиеся от уплаты налогов, или, в нашем случае, беглые любовники, было легко пересекать прозрачные границы между государствами [Ledderhose 1787–1789, 1: 265; Scholz 2020: 88]. Розенштраух и Барбара Антонетта отправились в католическое герцогство Вестфалия — это говорит о том, что религиозный фактор играл для них не последнюю роль. Почему в таком случае они не выбрали Падерборн, также католический и к тому же расположенный ближе к Касселю, неизвестно. (См. карту 1.1.)

Розенштраух обратился в католическую церковь с просьбой о разрешении вступить в брак, находясь в вестфальской деревне Мельрих, а само венчание было совершено в городе Брилоне¹³. Основываясь на этих двух подсказках, я предполагаю, что события развивались следующим образом. Дилижансы из Касселя не ходили ни в один населенный пункт Вестфалии: этот регион был печально известен плохими дорогами, по которым было невозможно проехать. Поэтому, сев в дилижанс в Касселе, Розенштра-

---

¹³ Канцелярия генерального викария в Кельне указала, что жених был «из Мельрихштатта, епископство Мюнстер» (Archiv des Erzbistums Köln, GVP [1788], л. 94, запись за 17 ноября 1788 года; все ссылки на генерального викария относятся к этому документу). Я не нашел никаких свидетельств того, что место с таким названием и расположением существовало. Предположительно, имеется в виду Мельрих. Мельрих упоминается в [Jäger 1782–1784, 2: 58].

ух доехал вдоль вестфальской границы до прусского эксклава Липпштадта, а потом пешком дошел до Мельриха (уже находившегося в пределах Вестфалии), откуда и подал свое прошение¹⁴. Между тем Барбара Антонетта, чтобы не привлекать внимания, не поехала вместе с ним в дилижансе из Касселя, а отправилась напрямик. Одним из первых вестфальских городов, куда она бы таким образом добралась, был Брилон, так что именно там они договорились встретиться и обвенчаться.

Брилон

В силу исторических причин Вестфалия раннего Нового времени заметно отличалась от Гессен-Касселя. Хотя формально это было независимое герцогство, последние 600 лет им управлял иерарх католической церкви, архиепископ Кельнский, который, в свою очередь, номинально подчинялся как папе римскому, так и императору Священной Римской империи. По странному, но характерному для политической жизни Старого порядка стечению обстоятельств, тогдашний архиепископ Максимилиан Франциск был не профессиональным священнослужителем, а австрийским эрцгерцогом, который был назначен архиепископом для продвижения политических интересов дома Габсбургов. Младший брат двух правивших друг за другом императоров и королевы Франции Марии-Антуанетты, он сменил военную карьеру на духовную только потому, что, упав с лошади, покалечил себе ногу [Schlömer 2017–2020, 1: 47; Seida und Landensberg 1803: 9–10].

Брилон, расположенный в регионе под названием Зауэрланд, был главным городом одного из четырех округов Вестфалии. (См. рис. 3.1.) Приехав из Касселя, города, знаменитого своей неоклассической архитектурой и улицами, которые не только

¹⁴ О маршрутах дилижансов см.: Neue und vollstaendige Postkarte durch ganz Deutschland und durch die angränzenden Theile der benachbarten Länder (1796). URL: http://digitool.is.cuni.cz/R/-?func=dbinjump-full&object_id=1064534&silo_library=GEN01 (в настоящее время ресурс недоступен). О дорогах Вестфалии см. [Schöne 1967: 201; Senger 2012: 500].

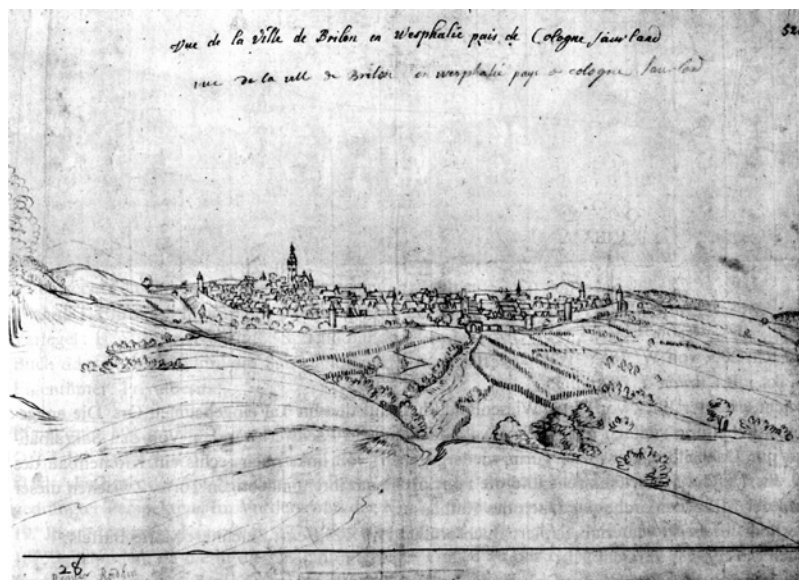

Рис. 3.1. Ренье Рoadкен. Вид города Брилона в Вестфалии, территория Кельн, Зауэрланд (около 1720–1730). На рисунке Брилон изображен с точки зрения путешественника, прибывающего с востока, по дороге, ведущей из Касселя. Мы видим холмистый ландшафт Зауэрланда, город, окруженный крепостной стеной, и высокую колокольню церкви Святых Петра и Андрея, где обвенчались Розенштраух и Барбара Антонетта

были хорошо вымощены, но и освещались по ночам (новшество для XVIII века), Розенштраух и Барбара Антонетта, должно быть, сочли Брилон настоящей дырой. Как случилось со многими маленькими городками западной и южной Германии, дни его славы остались в прошлом. В позднее Средневековье он процветал, но впоследствии сильно пострадал от религиозных потрясений, многочисленных войн XVI–XVII веков и недавней Семи-летней войны [Wegner 1991: 15; Schlömer 2017: 50, 56–57; Bruns 1970: 23; Tochtrop 1970: 180–181; Seibertz 1890: 33–44]. Местный хронист с горечью написал что в 1763 году, когда война наконец завершилась,

Мы надеялись, что нашим несчастьям настает конец, но были обмануты. Почти вся армия союзников [протестантские союзники Пруссии Ганновер, Брауншвейг и Гессен-Кассель. — А. М.] прошла по нашей земле и через сам город. Попытки, издевательство солдат, нападения, вымогательство, воровство и откровенный грабеж, от которых пришлось страдать жителям, не говоря уже о надругательстве над женщинами, не поддаются описанию [Seibertz 1890: 44].

Вестфалия в целом была, согласно резкой оценке прусского офицера по имени Карл Фридрих фон дем Кнезебек, страной «бедности и глупости». Ее жители, писал он, невежественны, суеверны и пребывают в отсталости под негодным правлением католиков: «Просвещение и культура ума здесь не ночевали. Образование народа целиком отдано на откуп монахам. В этой земле нет ни одного книжного магазина или читательского общества». Брилон, писал он, представляет собой особенно жалкое зрелище: «Дома сложены кое-как [и] по большей части крыты соломой, за исключением нескольких, что несколько лет назад сгорели и были отстроены заново. Здесь сохранилась [городская] стена, но в нескольких местах она рушится». К тому же, добавляет он, «улицы завалены навозом, так что сквозь него едва можно пробраться; от этого в городе нездоровый воздух и мерзкий запах»¹⁵.

Свидетельство Кнезебека проникнуто тем же презрением протестанта к католицизму и просветителя к старому образу жизни и мысли, с которым мы уже сталкивались в других контекстах, так что его слова не следует полностью принимать на веру. У некоторых богатых бюргерских семей в Брилоне были и частные библиотеки, и красивые, добротные дома, так что картина материального и культурного убожества, которую рисует Кнезебек, является преувеличением. Однако Брилон и в самом деле был маленьким, консервативным городком. По состоянию на 1784 год его население составляло всего 2592 человека. В социальном плане, согласно установлениям Старого порядка,

---

¹⁵ Цит. по: [Schöne 1967: 202].

гражданам и негражданам города предоставлялись разные права, а 63 человека, которые к тому же были евреями, должны были платить специальный налог, чтобы избежать высылки. В плане экономики город оставался центром добычи и переработки железной руды, но большинство жителей вело натуральное хозяйство, не отличаясь в этом от крестьян [Gorißen 2001; Linde 2001; Bruns 1988: 423]¹⁶.

Почему же Розенштраух и Барбара Антонетта выбрали именно этот город, чтобы пожениться? Как мы видели, Брилон располагался недалеко от Гессен-Касселя. При этом городок был довольно важным центром церковной жизни благодаря Антону Фердинанду Йозефу Миттермайеру, его талантливому и энергичному приходскому священнику. Генеральный викарий, глава административного аппарата архиепископа Кельнского, назначил Миттермайера своим заместителем по всему герцогству Вестфалия; к тому же он был одним из трех человек, отвечавших за школы герцогства. В 1785 году архиепископ Максимилиан Франциск оказал ему честь, лично приехав в Брилон и отслужив мессу для 5000 человек [Seibertz 1890: 51]. Как мы увидим, для того чтобы обвенчать Розенштрауха и Барбару Антонетту, потребовалось обойти некоторые важные церковные правила; возможно, в этом помогли связи Миттермайера. Кроме того, он имел косвенное отношение к Мельриху, где Розенштраух оставался перед свадьбой: духовенство Мельриха, как и Брилона, подчинялось церковным властям близлежащего города Зоста¹⁷. Подробностей мы не знаем, но вполне возможно, что причина, по которой Розенштраух и Барбара Антонетта смогли пожениться в Брилоне, кроется именно в этих связях между Мельрихом, Зостом, Брилоном и генеральным викарием в Кельне.

---

¹⁶ Цифры, касающиеся населения, см. в [Brökel 2003: 26]. Я благодарю Карстена Шлемера за то, что он щедро поделился со мной соображениями об истории Брилона.

¹⁷ Мельрих принадлежал к церковному округу Зост. Мельрихский священник получал приход и полномочия от настоятеля аббатства Святой Вальпурги в Зосте, тогда как брилонский священник получал приход и полномочия от диакона Зоста. См. [Binterim, Mooren 1892–1893, 2: 457–458].

Актер и ученый

Священником, перед которым предстали Розенштраух и Барбара Антонетта в тот морозный ноябрьский день 1788 года, был тем не менее не Миттермайер, арестованный ранее за финансовые злоупотребления [Kindl 1970: 113], а Иоганн Йодокус Альберт Бранденбург, его викарий (помощник приходского священника). Бранденбург являл собой образцовое порождение Старого порядка. Его встреча с Розенштраухом была столкновением двух миров.

Бранденбургу в 1788 году было 68 лет, и все, что нам о нем известно, достаточно легко здесь изложить. Если Розенштраух воплощал мобильность, то Бранденбург был его противоположностью. Всю жизнь, за исключением школьных и университетских лет, он провел в Брилоне. Он был назван в честь святого Йодока, фигуры столь серьезного местного значения, что жители Брилона с 1450 года чтили его ежегодной процессией [Kindl 1970: 102, 111]. Очевидно, целью жизни Бранденбурга было стать «ученым», получившим классическое образование. Он не только изучал теологию, но и получил степень в области гражданского и канонического права; в студенческие годы он писал латинские стихи в честь аристократов, занимавших высокие церковные посты и оказывавших ему покровительство. Хотя его семья была настолько бедна, что мать окончила свои дни в богадельне, он тратил огромные средства на приобретение книг для своей обширной латинской библиотеки. Окончив университет, он вернулся домой и в 1747 году стал брилонским викарием. На этом его продвижение по службе остановилось: в 1745 году приходским священником был назначен Миттермайер, который оставался на этой должности 43 года. Между тем Бранденбург нашел другие способы вести жизнь «ученого»: он открыл небольшую школу и продолжал пополнять свою личную библиотеку [Seibertz 1819–1823, 1: 94–98; Rosenkranz 1970: 202]¹⁸.

¹⁸ См. статью о Бранденбурге и Миттермайере в: Verzeichnis der Vorbesitzer. URL: <http://www.uni-muenster.de/imperia/md/content/hbw/brilon-provenienzen.pdf> (дата обращения: 06.12.2023); Brilon: Historische Bibliothek der Propstei St. Petrus und Andreas. URL: <http://www.ulb.uni-muenster.de/hbw/bibliotheken/brilon-propstei/> (дата обращения: 19.04.2023).

Что он мог подумать о 20-летнем Розенштраухе, годившемся ему во внуки? Когда-то Бранденбург тоже был бедным, но честолюбивым и интеллектуально одаренным юношей. Возможно, он и ощутил некое родство душ, но все же они были порождением разных эпох в истории европейской культуры.

С точки зрения общественного положения то небольшое, что мы знаем о биографии Бранденбурга, — бедная семья, латинские стихи, покровители-аристократы, десятилетия службы викарием при другом священнике — говорит о принадлежности к тем, кого в те времена называли «бедными студентами». «Бедный студент» — характерная фигура для Германии XVIII века: по расхожему представлению, это был юноша из бедной семьи, который изучал в университете теологию в надежде на продвижение по социальной лестнице; стремясь повысить свой статус и сделать карьеру, он выставлял напоказ свою латинскую эрудицию и искал высокопоставленных покровителей, но зачастую все оканчивалось тупиковой должностью [La Vopa 1988, *passim*].

В культурном плане Бранденбург был порождением традиции барочного католицизма. Это было естественно, учитывая его возраст, классическое образование и тот факт, что всю свою сознательную жизнь он посвятил католической церкви. С середины XVIII века общее культурное влияние барокко пошло на убыль, но оставалось сильным в Брилоне и в личном мировоззрении Бранденбурга. В эстетике барочного католицизма величие выражалось посредством вычурных форм: в барочных латинских текстах это была нарочитая усложненность языка, а в архитектуре церквей — замысловатые украшения. Даже в 1770-е годы монахи-францисканцы Брилонского монастыря сочли барокко самым подходящим стилем для новой монастырской церкви, алтарь которой был создан на личные пожертвования Бранденбурга [Schmitz 1970: 148, 150; Seibertz 1890: 52]. Барочный католицизм не отгораживался от культуры XVIII века, но взаимодействовал с ней на своих условиях — в рамках, сформированных католической теологией и типичным для ренессансного гуманизма интересом к классической античной мысли. Следуя этим традициям, библиотека монастыря францисканцев, крупнейшая

в Брилоне, собирала книги по самой разной тематике, но особое место в ней отводилось теологии и античной классике. Такой же была личная библиотека Бранденбурга, состоявшая из сотен томов, в основном написанных на латыни и датируемых XVI — началом XVIII века [Schlömer 2019: 20–21, 37, 71–72]¹⁹. По мере того как Просвещение отдалялось от церковной культуры, подобные книги занимали на рынке все меньшую нишу: с 1740 по 1800 год доля латинских названий книг в каталоге большой лейпцигской пасхальной ярмарки сократилась с 28 до жалких 4 %; доля книг по теологии за тот же период упала с 38,5 до 13,6 % [North 2008: 9–10].

Возможно, Бранденбург чем-то напомнил Розенштрауху его будущую тещу. Казалось бы, что может быть общего между многодетной вдовой-протестанткой, владелицей прогорающего предприятия в столице княжества, и давшим обет безбрачия католическим священником и «ученым» из провинциального городка? Тем не менее сходство имелось. Прежде всего, обоим было свойственно характерное для Старого порядка обостренное чувство места, как в обществе, так и в пространстве. Касательно общества они были уверены, что место человека в мире определяется его сословной принадлежностью и положением в структурах церкви и государства. Именно поэтому вдова Хампе чувствовала себя в своем праве, настаивая на получении от правительства лицензий на печать, и именно поэтому викарий так старался подтверждать свой статус священника и «ученого». Та же логика объясняет, почему он публиковал стихи во славу вышестоящего начальства, а она обратилась со своим ходатайством лично к ландграфу: в иерархической системе было важно поддерживать личные связи с могущественными покровителями [Martus 2015: 308–312]. Понимание своего места в обществе предполагало локализацию в пространстве, так как сеть соци-

¹⁹ Получить представление о составе библиотеки Бранденбурга можно по перечню принадлежавших ему томов, находящихся в библиотеке церковного округа Брилон; см.: Verzeichnis der Vorbesitzer. URL: <http://www.uni-muenster.de/imperia/md/content/hbw/brilon-provenienzen.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).

альных связей, в которую был вписан человек, существовала только в определенном месте. Поэтому ни викарий, ни вдова никогда не покидали своих родных городов, а вдова Хампе даже недвусмысленно утверждала, что приезжим полагается меньше прав, чем местным жителям.

Розенштраух, напротив, воспринимал себя по-современному: прежде всего как личность, а не как часть сообщества. Много лет спустя он никогда не упоминал в своих записках ни о родителях, ни о родном городе, не отождествлял себя ни с одной группой себе подобных и дивился «редкостному стечению необычайных событий», придавшему его жизни такое своеобразие. В 1788 году он начал вести дневник, который, к сожалению, теперь, похоже, утерян. Ведение дневников было широко распространено среди пиетистов, считавших подобный самоанализ средством возрождения протестантской духовности. Дневники вели многие сторонники идей Просвещения [Mittheilungen, 2; Розенштраух 2015: 246; Dülmen 1999, 3: 132, 255]. Хотя мы не знаем истинных побуждений Розенштрауха, сам факт, что он вел дневник, говорит о его желании исследовать собственную личность, что никак не соответствовало барочным ценностям таких людей, как Бранденбург.

Венчание

Желание Розенштрауха и Барбары Антонетты пожениться в Брилоне поставило викария Бранденбурга в трудное положение. В обязанности священника, совершавшего обряд, входила проверка права жениха и невесты на вступление в брак. Поскольку церковь и государство были едины в том, что брак — это в первую очередь религиозное таинство, возможность пожениться определялась каноническим правом. Например, вступать в брак запрещалось несовершеннолетним или лицам, принесшим монашеские обеты целомудрия; брак не мог быть полигамным, кровнородственным или принудительным. Католический священник венчал только христиан. Браки с евреями или другими нехристианами были запрещены. С другой стороны, браки

с христианами-некатоликами допускались, поскольку каноническое право рассматривало их как отступников, но не как неверных [Eybel 1779–1782, 4, I: 428–454; Stapf 1820: 240–241].

Соблюдать эти правила обычно было довольно легко. Чаще всего браки совершались между соседями из одного прихода, так что священник и другие прихожане знали их лично. Кроме того, во избежание обмана и недоразумений каноническое право предписывало определенные меры предосторожности. Свадьбы должны были проходить, по возможности, в родном приходе невесты или жениха, где их все знали. Три воскресенья подряд священники в приходах жениха и невесты произносили во время мессы оглашение — предварительное объявление. Если кому-то из общины было известно о препятствиях к браку, оглашение давало время, чтобы об этом сообщить. Но при некоторых обстоятельствах этим требованием можно было пренебречь. Людям, вступающим в брак вдали от дома, требовалось отпускное письмо от своего священника, разрешающее им венчаться в другой церкви. Власти также предупреждали священников, чтобы те не позволяли людям венчаться без согласия родителей или без доказательств, что у них есть законное право вступить в брак [Eybel 1779–1782, 4, I: 455, 457, 461; Scotti 1830–1831, 2: 757]²⁰.

Помимо свадьбы Розенштрауха, викарий в том году сделал записи еще о десяти венчаниях. Ни одно из них не вызвало осложнений. В четырех случаях он написал отпускные письма, в которых разрешал прихожанам обвенчаться в другом приходе; остальные шесть венчаний он провел сам. Записи в приходской книге соответствовали стандартному формату, предписанному законом. Разумеется, все женихи и невесты были католиками. Они содержали имена нареченных и, как правило, их место жительства (согласно семи записям, где указывалось место жительства супругов, никто из них не жил дальше, чем в 16 километрах от Брилона), а также данные о свидетелях на свадьбе. Также

---

²⁰ Во втором указанном источнике см. № 504, эдикт от 26 июня 1747 года; брак без согласия родителей был наказуем, но прямо не запрещался: см. [Scotti 1830–1831, 1: 636] (№ 358, полицейский ордонанс от 20 сентября 1723 года).

в записях содержались имена родителей жениха и невесты и отмечалась законность рождения обоих супругов; исключениями были три отпускных письма, в которых священник записал эти данные только для одного из нареченных — того, кто был его прихожанином и за кого он ручался в письме. В одном случае было отменено правило о кровном родстве; в другом пара была освобождена от оглашения. Все остальное не выходило за рамки обычного²¹.

Запись о венчании Розенштрауха, предпоследняя из сделанных викарием в 1788 году, была более сложной. Ни один из нареченных не был местным жителем, у жениха, по-видимому, отсутствовали документы, невеста была лютеранкой, и к тому же пара очень торопилась. Розенштраух подтвердил, что он католик и имеет право жениться, но, очевидно, нашел отговорки, чтобы не называть имен родителей, и не предъявил отпускного письма из своего далекого родного города — впрочем, на получение такого письма в любом случае потребовались бы недели. Запись Бранденбурга гласит, что «[в] прусских землях» отпускные письма «выдавать не принято». Может быть, это поведал ему Розенштраух? На самом деле прусское законодательство предписывало обратное: отпускные письма были обязательны в случаях, когда священник выполнял функцию, которую закон обычно возлагал на священника другого прихода [Cosséj 1749–1751, 1: 53]²².

В отличие от жениха, Барбара Антонетта предоставила все необходимые документы. Она была лютеранкой, хотя, согласно закону Гессен-Касселя, ее крестил пастор-реформат. 7 ноября преподобный Иоганн Аппелиус подтвердил, что она крещеная лютеранка и, следовательно, имеет право венчаться в католиче-

²¹ См. записи за 1788 год в *Liber Copulatorum 1779–1807* (Brilon, Propstei St. Petrus u. Andreas, 9. Band, Trauungen 1779–1807), FamilySearch.org, микрофильм № 1055337. Указание имен родителей невесты и жениха было законным требованием: см. № 723, эдикт от 27 февраля 1779 года, в [Scotti 1830–1831, 2: 990].

²² Часть 1, книга 2, параграф 3, статья 25, раздел 1. См. также: *Allgemeines Landrecht*, 4: 780 (часть 2, параграф 11, статья 427).

ской церкви²³. Необходимое родительское согласие ее мать-вдова дала 8 ноября.

Если бы, как того требовало каноническое право, оглашение проводилось три воскресенья подряд, возникли бы трудности с расписанием: с первого дня Адвента (воскресенье, 30 ноября 1788 года) до Крещения (6 января 1789 года) венчания были запрещены [Stapf 1820: 120–123]. Однако молодая пара не хотела ждать так долго, поэтому было отправлено прошение — предположительно, нареченными и викарием Бранденбургом — генеральному викарию Кельна. Каких-либо документов, обосновывающих их просьбу об отмене оглашения, не сохранилось. Все, что осталось, это резолюция генерального викария от 17 ноября 1788 года:

Преподобному отцу Бранденбургу, администратору прихода Брилон, дается разрешение заключить брак между Иоганном Амвросием Розенштраухом, католиком из Мельрихштатта, епископство Мюнстер [такого места, похоже, никогда не существовало, так что, скорее всего, речь шла о селении Мельрих в Вестфалии] и Барбарой Антонеттой, лютеранкой, из Касселя, [оба] без определенного места жительства, минуя оглашение, а также святые дни; [при условии, что] жених приносит клятву, что имеет право жениться, а невеста дает клятвенное заверение, что все потомство будет воспитано в католической вере²⁴.

Готовность генерального викария отменить оглашение служит косвенным доказательством беременности Барбары Антонетты. Отмена всех трех оглашений была необычным шагом, для которого требовались весьма серьезные основания. Некоторые в данном случае явно не подходят: например, риск подвергнуться публичному унижению из-за слишком большой разницы в возрасте или социальном статусе жениха и невесты или нахо-

---

²³ Аппелиус стал (реформатским) пастором церкви Святого Мартина в 1771 году, год спустя после крещения Барбары Антонетты [Ledderhose 1781: 29].

²⁴ Archiv des Erzbistums Köln, GVP (1788), fol. 94.

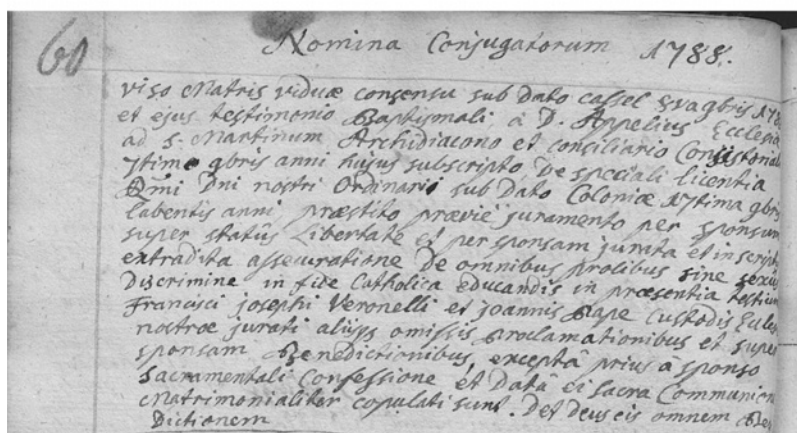
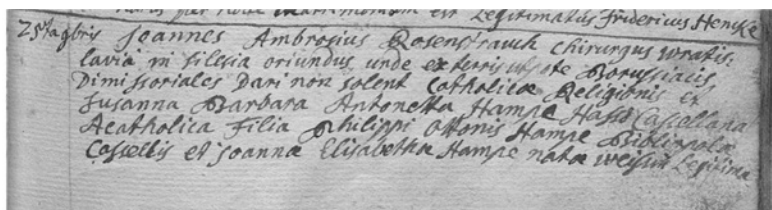

Рис. 3.2. Запись о венчании Розенштрауха и Барбары Антонетты в брилонском приходском регистре, сделанная рукой vicaria Бранденбурга

ждение одного из них при смерти. Однако оглашение можно было отменить и ради того, чтобы защитить их репутацию, если они уже жили вместе и все считали их мужем и женой. Так поступали и в том случае, если невеста была беременна, особенно на таком большом сроке, что рисковала родить внебрачного ребенка, не дождавшись третьего оглашения [Stapf 1820: 91–93].

Разрешение было получено, и неделю спустя, во вторник 25 ноября, состоялась свадьба. Запись Бранденбурга в приходской книге, безусловно, оказалась самой длинной за тот год; пробравшись сквозь замысловатый синтаксис, характерный для барочной латыни XVIII века (см. рис. 3.2), мы получаем представление о сложности случая:

Иоганн Амвросий Розенштраух, хирург, уроженец Бреслау в Силезии (в прусских землях, где выдавать отпускные письма не принято), католического вероисповедания; и Зузанна Барбара Антонетта Хампе из Гессен-Касселя, католичка [то есть принявшая католичество], законная дочь Филиппа Отто Хампе, книготорговца из Касселя, и Иоганны Елизаветы, урожденной Вайсен; предоставлено согласие [ее] вдовой матери, данное в Касселе 8 ноября 1788 года, и свидетельство о ее крещении, подписанное 7 ноября сего года г-ном Аппелиусом, архидиаконом и советником консистории церкви Святого Мартина; по специальному разрешению нашего римского владыки, ординария [то есть генерального викария], выданному в Кельне 17 ноября сего года; женихом предварительно принесена клятва, что он имеет право жениться; невестой же даны клятва и письменное заверение, что все дети, без различия пола, будут воспитаны в католической вере; в присутствии свидетелей Франциска Йозефа Флавия Веронелла и Иоганнеса Папе, помощника ризничего нашей церкви; и опуская иные оглашения и благословения над невестой; после принесенной женихом священной исповеди и полученного им святого причастия, соединяются браком. Да дарует им Господь всякое благословение.

Часть II

.....

АКТЕР НЕМЕЦКОЙ
СЦЕНЫ,
1790–1809

.....

Глава 4

Театр, революция и масонство

После женитьбы Розенштраух снова на два года исчезает из поля зрения. Объявляется он лишь в начале 1790-х годов, сначала в Германии, а потом в Голландской республике. Эти годы можно назвать поворотным пунктом в трех смыслах. Для нас это момент, с которого начинаются свидетельства, позволяющие последовательно реконструировать местонахождение и деятельность Розенштрауха. Для его современников это был переломный исторический момент: именно тогда войны Французской революции повергли старые режимы Европы в кризис и ознаменовали конец эпохи раннего Нового времени. А для самого Розенштрауха это были годы, когда многое случилось для него впервые: впервые театральный мир увидел его имя в печати; он впервые посетил чужую страну, впервые встретился с масонами и революционерами и впервые узнал на собственном опыте, что такое война.

Труппа Мюллера

Первое упоминание о нем мы встречаем в ежегодном «Театральном календаре» Рейхарда: вместе с Барбарой Антонеттой он включен в список актеров, игравших в 1790–1791 годах в труппе Мюллера. Эта труппа гастролировала в Вестфалии, регионе, в который входило одноименное герцогство (где находился Брилон) и несколько других небольших государств. Широкая публика впервые узнала о существовании молодых супругов-

Der Halbe Ring.

Ein
Original Schauspiel

in
Fünf Aufzügen.

Von
W. Thombrink,
Canonicus.

L i n g e n,
bey Friedrich Adolph Zälicher,
1 7 9 2.

Рис. 4.1. Титульный лист и список актеров, игравших в пьесе В. Томбринка «Половина кольца», поставленной в Мюнстере труппой Мюллера. Первым актером в списке значится Д. Гурай; Розенштраухи занимают пятую и шестую позиции снизу. Занятые в спектакле дети названы по имени и фамилии; взрослые указаны только как Herr (г-н) или Mad. (г-жа)

P e r s o n e n.

Herr von Breitstein	=	Herr Huray.
Louise, seine Tochter, vers		
mält mit	= = = =	Mad. Müller.
Herr von Schönhof	=	Herr Nößelt.
Srig	} ihre Kinder zwischen 3 und 5 Jahren	{ Clemens Huray. Louise Müller.
Blärchen		
Mamsell Sommer, Gou-		
vernannte der beyden Kin-		
der	= = = =	Mad. Sabrizius.
Herr Sommer, Geistlicher		
und Rentmeister bey		
Hrn. von Schönhof	=	Herr Rheinfels.
Ein Einsiedler	= = =	Herr Sabrizius.
Ein alter Bauer	= = =	Herr Müller.
Meister Baumann, ein		
Schreiner	= = = =	Herr Rosenstrauch.
Frau Baumann	= = =	Mad. Rosenstrauch.
Amalie	= = = =	Mad. Amor.
Peter, Bedienter bey dem		
Hrn. von Schönhof	=	Herr Schwarz.
Erster Gerichtsdiener	= =	Herr Glammann.
Zweyter Gerichtsdiener	=	Herr Beckesheim.

Aufgeführt zu Münster.

Карта 4.1. Маршруты Розенштрауха в 1790–1794 годах

актеров и об их сценических амплуа: «Г-н Розенштраух [играет] стариков, крестьян, трактирщиков и солдат»; «Г-жа Розенштраух [играет] трактирщиц, комических персонажей, старых кокеток, [а также] поет»¹.

Как и везде в децентрализованной Священной Римской империи, театральная публика в Вестфалии была рассредоточена и малочисленна, и труппа Мюллера строила свою программу соответствующим образом. В регионе не было городов достаточно крупных, чтобы содержать постоянный театр, поэтому труппа

¹ Müllersche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1792: 295–296].

переезжала с места на место: так, зимой 1790–1791 годов она выступала в Мюнстере и Оснабрюке, а следующим летом в Нендорфе. (См. карту 4.1.) Любителей театра и там, и там было мало, поэтому труппа должна была разнообразить репертуар, чтобы зрители приходили снова и снова. Например, в Мюнстере было сыграно 57 разных спектаклей, в том числе 19 опер, 22 комедии, 11 трагедий, две мещанские драмы, один фарс и два спектакля, жанр которых в источниках не указан. Согласно «Театральному календарю», драма А. фон Коцебу «Дитя любви» («Das Kind der Liebe») сорвала такие аплодисменты, что ее повторили на следующий день; по-видимому, другие спектакли игрались только по одному разу. Труппа состояла из 24 актеров, так что, вероятно, не все были заняты в каждой пьесе, но можно представить себе, что график репетиций и выступлений был весьма плотным².

Места, которые Розенштраух посетил с труппой Мюллера, каждое по-своему воплощали многообразие Священной Римской империи. Епископства, столицами которых были города Мюнстер и Оснабрюк, представляли собой отдельные государства. Здесь правили князья-епископы — не священники, поднявшиеся по ступеням церковной иерархии, а отпрыски великих монархических семей. Правителем католического Мюнстера был князь Максимилиан Франциск из рода Габсбургов, и он же был князем-епископом Кельна. Оснабрюком, вследствие одного из компромиссов, положивших в 1648 году конец Тридцатилетней войне, поочередно правили католик и протестант. Тогдашний князь-епископ Фридрих Август был сыном британского короля Георга III; он также был герцогом Йорка и Олбани и по сей день известен благодаря детскому стишку «Великий старый герцог Йоркский» («The Grand Old Duke of York») [Whaley 2012, 2: 324; Stüve 1789: 5; Opie, Opie 1951: 442–443]³. Максимилиан Франциск

² Müllersche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1792: 295–297]; [Krollage o. J.: 25, 166].

³ В вольном переводе С. Я. Маршака — «Королевский поход»: «По склону вверх король повел / Полки своих стрелков. / По склону вниз король сошел, / Но только без полков» [Маршак 1968: 96].

и Фридрих Август были слишком заняты европейской политикой, чтобы проводить много времени в своих епископствах, поэтому в Мюнстере и Оснабрюке, в отличие от Касселя, не было дворов, которые служили бы центром общественной жизни и культуры, в том числе театральной. Мюнстер с населением 26 000 человек был довольно велик: здесь имелись монастыри, школы и полотняные мануфактуры, а присутствие «каноников, высшей знати, судейских и многолюдного гарнизона» делало город, согласно отзывам, «очень оживленным». Оснабрюк насчитывал всего 6000 жителей и не был заметным центром [Krebel 1783, 2: 166]⁴.

Третьим пунктом в маршруте труппы был Нендорф, курорт неподалеку от Ганновера, в небольшом эксклаве Гессен-Кассель. Он оставался ничем не примечательным селением, пока в 1786 году ландграф Вильгельм IX не узнал о целебных свойствах тамошних минеральных источников и не решил открыть курорт. Летом туда начали приезжать состоятельные гости, включая самого ландграфа, чтобы вести светскую жизнь и лечиться от таких недугов, как подагра и ревматизм, ваннами и питьем воды. Для них были построены купальни, гостиницы и ландшафтные набережные, а также объекты инфраструктуры — магазины, бальные и банкетные залы, театр, — чтобы им было где потратить деньги и провести время [Hessen 1996: 252, 271; Krünitz et al. 1773–1858, 102: 251–264; Knigge 1793: 152–159; Schaub 1802].

Мюнстер и Оснабрюк, где князь-мирянин мог быть епископом и править как независимый монарх, были пережитками старой Германии, которую вот-вот должна была смести Французская революция. Нендорф, напротив, представлял собой окошко в будущее. Город был обязан своим развитием оздоровительному туризму, который возник в XVIII веке и достиг полного расцвета в XIX. Водолечебницы и курорты также формировали новый

---

⁴ Описание Оснабрюка см. в [Krebel 1783, 2: 161–162]. Численность населения Мюнстера и Оснабрюка приводится по [Jacobi 1786–1795, 3, I: tab. 31, 32]. О полотняной промышленности см. в [Ludovici, Schedel 1797–1801, 4: 1099–1101, 1699–1705].

образ жизни. При Старом порядке взаимодействие разных социальных классов по месту жительства, как правило, регулировалось жесткими предписаниями. Но в таких местах, как Нендорф, каждое лето правила на несколько недель смягчались, и дворяне с бюргерами учились общаться между собой неформально. Как и новые национальные театры, водолечебные курорты были гибридными созданиями позднего Старого порядка. Их архитектура, ландшафтный дизайн и княжеское покровительство принадлежали к той же придворной культуре, что и традиционный придворный театр, но другие особенности курортной жизни, такие как кофейни и лавки, торгующие предметами роскоши, были продуктом потребительской культуры, которая только начинала зарождаться. Как и национальные театры, они способствовали созданию более однородной немецкой культуры XIX века [Blackbourn 2002: 12; Steward 2016: 235–253].

После Нендорфа труппа Розенштраух вернулась в Мюнстер. Об этом свидетельствует наш следующий источник: в апреле 1792 года театральный журнал сообщил, что вместе с другим актером труппы Розенштраух уехал из Мюнстера в Дюссельдорф, чтобы присоединиться к труппе, которая направлялась в Голландскую республику⁵.

Голландская республика

Причины, по которым Розенштраух отправился в Голландию, были связаны с кризисом, начавшим охватывать старые режимы Европы. По обе стороны Атлантики республиканцы, которых также называли патриотами, воевали с монархией. За Американской революцией 1775–1783 годов последовало в 1781 году восстание голландских патриотов против штатгальтера (наследственного должностного лица, наделенного полномочиями монарха). В 1789 году произошли революции во Франции и австрийских Нидерландах (Бельгии). Обеспокоенные немецкие

⁵ Die Rein- und Schöppenbergische Gesellschaft zu Düsseldorf besteht izt (im April) noch aus... // Allgemeines Theaterjournal. 1792. Bd. 1, № 3. S. 213.

монархи бросали свои войска на подавление этих революций. Гессенцы и другие немцы сражались в Америке; в 1787 году пруссаки разгромили голландских патриотов и восстановили власть штатгальтера, а ряд немецких государств разместил в стране свои военные гарнизоны. В 1790 году австрийцы подавили бельгийскую революцию [Schama 1977: 5, 45–50, 64–74; Jourdan 2008: 45–50; Kubben 2011: 158–159].

Безусловно, из всех этих конфликтов наиболее масштабной и чреватой последствиями для Священной Римской империи была революция во Франции, стране, представлявшей собой культурный центр Европы и служившей образцом для всех прочих государств Старого порядка. Французская революция уничтожила привилегии знати, духовенства, провинций и гильдий. Король Людовик XVI стал конституционным правителем, и идеи Просвещения о свободе вероисповедания и равных правах для всех граждан были закреплены законом. Немцы пристально следили за этими событиями. Поначалу многие отнеслись к ним сочувственно, но неуклонная радикализация Франции омрачала их настроение. Наконец, в апреле 1792 года Пруссия и Австрия вступили в войну с Францией — так называемую войну Первой коалиции. Так совпало, что несколькими неделями ранее скончался император Леопольд II. Эти два события вызвали лихорадочную активность на берегах Рейна, так как Рейнская область стала плацдармом военных операций коалиции против Франции, а расположенный неподалеку Франкфурт был местом, где собрались немецкие князья, чтобы избрать нового императора [Blackbourn 1998: 47–60].

Скопление такого количества монархов, их свит и армий создало спрос на развлечения, так что в результате в регион начали стекаться театральные труппы. В апреле 1792 года Розенштраух покинул Мюнстер, чтобы присоединиться к труппе Рейнберга-Шеппленберга, которая находилась в то время в Дюссельдорфе и собиралась в Голландскую республику. В списке труппы значился только «г-н Розенштраух», без Барбары Антонетты, в то время беременной вторым ребенком. Труппа в конечном счете

распалась, так и не выехав из Дюссельдорфа, но Розенштраух все-таки добрался до Голландии. В начале июня 1792 года он уже был в Кампене (см. карту 4.1), недалеко от берегов Зейдерзее, обширного мелководного залива Северного моря, простирающегося вглубь голландской земли. Насколько нам известно, это был его первый выезд за пределы Священной Римской империи: он впервые вдохнул соленый морской воздух и увидел водное пространство, соединявшее Европу с большим миром [Christ 1912: 256–257; Pies 1973: 288]⁶.

Возможно, на первый взгляд Голландия не показалась ему такой уж чужой страной. Ее язык был близок к нижненемецкому диалекту — повседневному наречию северо-западной Германии; своим равнинным ландшафтом и домами из красного кирпича страна также напоминала соседние регионы Германии. Но за этим поверхностным сходством скрывались глубокие различия. В XVII веке, в ходе Тридцатилетней войны, немцы раскололи собственную нацию на части, после чего замкнулись в себе и погрязли в застое и авторитаризме, еще сохранявшихся во времена Розенштрауха. Голландцы шли противоположным путем. В XVII веке они проявили религиозную терпимость, создали у себя динамичную экономику и мировую империю, стали финансовым центром Европы и ведущей морской и торговой державой. К XVIII веку они уступили господство на море британцам, но торговля и колониальное богатство продолжали обеспечивать им уровень жизни, не имеющий себе равных в континентальной Европе; они жили в самой урбанизированной стране Европы и имели доходы на 60–70 % выше, чем их соседи-немцы. Демократический характер страны отразился в работах ее художников, которые Розенштрауху, возможно, были известны, так как они преобладали на немецком художественном рынке. Героическим сюжетам из истории и мифологии голланд-

⁶ См. также: Die Rein- und Schöppenbergische Gesellschaft zu Düsseldorf besteht izt (im April) noch aus... // Allgemeines Theaterjournal. 1792. Bd. 1, № 3. S. 213. О пребывании Розенштрауха в Кампене см. ниже, с. 118.

ские живописцы предпочитали пейзажи, портреты, натюрморты и бытовые сценки, характерные для жизни среднего класса и напоминавшие мещанские драмы, в которых по преимуществу играл Розенштраух [North 2008: 99–104, 111]⁷.

Высокий уровень голландской экономики привлекал постоянный поток иммигрантов из Германии, особенно из регионов, где гастролировал со своей труппой Розенштраух. Многие мюнстерские юристы и врачи учились в Хардервейкском университете недалеко от Кампена. Голландцы также арендовали у стесненных в средствах немецких князей войска и набирали в Германии целые армейские подразделения. Однако основную массу трудовых мигрантов составляли бедняки. Они шли в батраки, фабричные рабочие, матросы или служанки. Некоторые оставались в стране на постоянное жительство, но большинство этих «ходоков в Голландию» (Hollandgänger) были сезонными рабочими. В некоторых частях епископства Оснабрюк в трудовой миграции была задействована треть мужского крестьянского населения⁸.

Немцы питали к голландцам смешанные чувства. Они дивились чистоте и процветанию голландских городов и деревень, но сами голландцы вызывали у них скорее восхищение, чем симпатию. Немецкий автор И. Г. Хохе писал о «холодности и безразличии, даже недоверии» [Hoche 1800: 391] голландцев к чужакам. Немецких солдат, отмечал он, презирали как наемников, а голландские крестьяне обращались с немцами работниками «как с рабами» [Hoche 1800: 66]⁹. Преобладающим мо-

⁷ Об урбанизации см. [Kloek, Mijnhardt 2004: 32]. О доходах см.: Groningen Growth and Development Centre, Maddison Project Database 2018. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018> (дата обращения: 06.12.2023); Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD. URL: <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm> (дата обращения: 06.12.2023).

⁸ О немецких студентах в голландских университетах см. [Steveling 1999: 25; Evers 2006: 59–60; Druffel 1907: 45]. О немцах на голландской военной службе см. [Obser 1888: 901; Dethlefs 2014: 59–86; Eelking 1856, 3: 28]. О рабочих-иммигрантах см. [Lottum 2007: 31; Aengenvoort 1999: 69].

⁹ См. также [Hoche 1800: 82–83, 349–350, 363, 375–380, 416].

тивом у немецких авторов была меркантильность и практичность голландцев, которым противопоставлялась склонность немцев к искусству, наукам и военной героике. В положительном смысле это можно было понять как утверждение, что голландцы люди честные, но скучные; однако зачастую подразумевалось, что они филистеры и невежды, которых интересуют только деньги. Немцы чувствовали себя униженными богатством и высокомерием голландцев и компенсировали это притязаниями на культурное превосходство. Особенно частые издевки вызывал у них голландский язык. Одной из целей немецкого Просвещения было создание верхненемецкого литературного языка, свободного от французских, латинских и диалектных влияний. Это поощряло снобистское презрение к региональным диалектам, таким как нижненемецкий. Поскольку голландский язык был родственен нижненемецкому, немцы относились к голландскому языку и, следовательно, к голландскому народу как к некультурному и грубому¹⁰.

Розенштрауху, без сомнения, такие мнения были известны. Немецкие актеры часто выступали в Голландии, и то, что им приходилось там переживать, их раздражало. Голландская сцена испытывала влияние в первую очередь французского, а не немецкого театра; театр любого рода сталкивался с враждебностью со стороны официальной реформатской церкви; к тому же театральные труппы должны были отдавать существенную часть сборов на муниципальную помощь бедным [Brandt, Hogendoorn 1993: 339]. Выставляя голландцев филистерами, немцы таким образом выражали свою досаду и разочарование. Один немецкий актер писал в 1789 году:

...как бы ни была прекрасна эта страна, как бы великолепно ни были построены города, а кое-где и театры, как бы много ни было здесь денег, так же много и лицемерия. Священникам здесь слишком много почета, а с большинством жителей

¹⁰ О том, что думали немцы о голландском национальном характере, см. [Hoche 1800: 392, 509–510; Rebmann o. J., 1: 98, 123, 173; Volkmann 1783: 8]. О голландском языке см. [Rebmann o. J., 1: 171; Forster 1791, 2: 439–440].

трудно вести беседу. Все они здесь торгаши и обычно судят о ценности человека по тысячам или миллионам, которыми он обладает¹¹.

Другой недоброжелатель высказался резче: в голландском театре, с издевкой писал он, ему пришлось видеть игру актеров, которая сводилась к «беготне взад-вперед» и «яростным воплям»: ни дать ни взять «буйнопомешанные из сумасшедшего дома». Что касается зрителей, «[они] были голландцы. Одного слова достаточно, чтобы сказать о них все»¹².

Оранжисты-благотетели

В Голландской республике у Розенштрауха, скорее всего, имелись театральные связи. Незадолго до того один из его мюнстерских коллег возглавлял там труппу¹³, а еще пятеро его знакомых на тот момент пребывали в этой стране, причем четверо из них в немецком театре Амстердама¹⁴. Скорее всего, Розенштраух

¹¹ Etwas vom deutschen Theater in Holland (Aus dem Schreiben eines deutschen Schauspielers, von Gröningen den 4. May d. J.) // Annalen des Theaters. 1789. № 4. S. 85–86. То же чувство выражено в статье: Ueber Musik und Theater in Holland // Theater Kalender. Mannheim. 1795. S. 140–150.

¹² Maastricht // Annalen des Theaters. 1797. № 20. S. 30.

¹³ Nuthsche Gesellschaft: Aus einem Briefe, Breda d. 19. März 1790 [Theater-Kalender, 1791: 225–226]. Некий г-н Нут также фигурирует одновременно с Розенштраухом в «Müllersche Gesellschaft».

¹⁴ Г-н Любенау назван в «Müllersche Gesellschaft» (295) и в: Vereinigte deutsche Schauspielergesellschaft: Auszug eines Briefs. Breda, den 16. May 1792 [Theater-Kalender, 1793: 182]. Г-н Книп был в труппе Рейнберга-Шепленберга до Пасхи 1792 года, а позже в том же году отправился в Амстердам: Die Rein- und Schöpplenbergische Gesellschaft zu Düsseldorf besteht izt (im April) noch aus... // Allgemeines Theaterjournal. 1792. Bd. 1, № 3. S. 213; Auszug eines Briefs Neuwied den 29. Sept. 1792 [Theater-Kalender, 1793: 83–84]. Г-н и г-жа Амор и г-н Райнфельз были в Амстердаме в 1790-м и в Мюнстере в 1791–1792 годах; на сезон 1792–1793 годов было объявлено об их возвращении в Германию из Амстердама: Dietrichsche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1791: 205]; [Thombrinck 1792: 2]; Carl Döbbelinische Gesellschaft [Theater-Kalender, 1793: 131]; Koberweinsche Gesellschaft [Theater-Kalender, 1794: 304].

тоже приехал за ангажементом. Но почему он оказался именно в Кампене? В своих мемуарах о Москве в 1812 году он мимоходом упоминает, что питал «большое уважение к этой [голландской] нации» и «нашел там много благородных благодетелей» [Розенштраух 2015: 269]. Похоже, именно наличие благодетелей и привлекло его в этот город.

При Старом порядке «благодетели» были частью системы «покровитель — подопечный», способствовавшей укреплению социальной иерархии. Все знали, что хорошие люди иногда переживают трудные времена и нуждаются в помощи. Вдове трудно прокормить детей. У девушки нет приданого, чтобы выйти замуж. Молодому человеку нужны деньги или связи, чтобы получить образование или сделать карьеру. Студент только что приехал в город, где у него нет знакомых. И тут горемык берут под крыло богатые и влиятельные люди, помогая им гостеприимством, деньгами, рекомендациями или устройством на работу. Взамен те должны были демонстрировать преданность и признательность. Брилонский викарий Бранденбург выполнил это обязательство, написав в честь своих благодетелей латинские стихи; актеры Брандес, Крист и Пробст выразили свою благодарность в мемуарах¹⁵.

Одним из голландских благодетелей Розенштрауха был, по всей видимости, граф Анне Виллем Карел ван Хайден-Хомпеш: семья графа владела поместьем в окрестностях Кампена, а о его знакомстве с Розенштраухом нам известно потому, что он согласился стать крестным отцом сына актера¹⁶. На какой почве они познакомились, неясно, но сам факт, что Розенштраухи дали всем родившимся впоследствии детям одно из имен в честь графа (Карл Вильгельм, Елизавета Каролина и Вильгельмина), наводит на мысль о неизменном желании почитать Хайден-Хомпеша.

¹⁵ См. [La Vopa 1988: 83–97; Martus 2015: 308–312; Seibertz 1819–1823, 1: 96–98; Christ 1912: 92, 104, 191, 192, 252; Probst 1839: 80; Brandes 1799–1800, 2: 21, 59, 71, 172, 199, 253].

¹⁶ Streekarchief Bommelerwaard, DTB 1901, p. 191.

Граф Хайден-Хомпеш происходил из среды политически консервативных дворян, которые были напрямую связаны одновременно с Голландской республикой и с Германией¹⁷. Реформатские (кальвинистские) дворяне из католических государств Священной Римской империи порой отправлялись в Голландию в поисках религиозной свободы и карьерных возможностей. Хайден-Хомпеш был как раз из таких. Среди его родных имелись и голландцы-реформаты, и вестфальцы, а его жена была дочерью гессен-кассельского дворянина, служившего в голландской армии. Граф и его семья были оранжистами, то есть сторонниками голландского штатгальтера Вильгельма V Оранского, и врагами патриотов. Граф был крестником штатгальтера, а его отец и дед были близки к штатгальтерам своего времени. Другие члены семьи также активно участвовали в борьбе с революционерами: немецкий шурин графа командовал брауншвейгскими войсками, арендованными Великобританией во время Американской революции, а позже войсками, которые арендовал штатгальтер для подавления патриотов¹⁸.

Масоны и патриоты

Помимо оранжистов, связанных с Германией Старого порядка, среди голландских знакомых Розенштрауха были и патриоты, связанные с революционной Францией. С ними его объединяло масонство, в которое он был посвящен в Кампене в июне 1792 года и которому суждено было сыграть важную роль в его будущей судьбе¹⁹.

¹⁷ О Хайден-Хомпеше см. [Dethlefs 2014: 75, 77–78; Hulshoff, Eijken 1991].

¹⁸ Это был генерал Фридрих Адольф Ридезель, чей брат был женат на сестре графа [Eelking 1856, 3: 11, 28–30]. О связях между семьями Хайден-Хомпеш и Ридезель см. [Molhuysen, Blok 1911–1937, 10: 351–352; Tombe 1905: 584; Repertorien 2006: 19, 22].

¹⁹ До тех пор он, похоже, не был масоном. Его имя не значится в списках ни одной кассельской ложи. За эту информацию я благодарю доктора Ортруду Вернер-Хейль. В Мюнстере была только одна ложа, и списки ее членов за 1790–1802 годы не сохранились [Bröcker 1894: 147; Förster 1902: 190].

Масонство было важным институтом эпохи Просвещения. Провозглашенная им цель состояла в том, чтобы научить мужчин — масонские организации, как правило, состояли исключительно из мужчин — познавать самих себя, укрощать страсти и становиться новыми людьми, подчиненными высшей морали. Оно основывалось на вере в существование тайной мудрости, способной очищать душу и раскрывать тайны Вселенной. О том, в чем именно состоит великая тайна, единого мнения не было; важна была сама идея о том, что она существует и тысячелетиями передается от одного поколения посвященных к другому. Бог дал это знание Адаму, от него оно перешло к ветхозаветным пророкам и царям, потом к великим правителям, мыслителям и архитекторам древности и, наконец, к братствам каменщиков средневековой Европы [Smith D. 1999: 37–44, 131–134; Anderson 1746]. Этот миф о происхождении отразился в том, что масоны называли Бога «Великим архитектором Вселенной», а собственное стремление к самосовершенствованию — «обработкой дикого камня». Преимуществом старинных братств стали масонские ложи — объединения, участники которых собирались, чтобы изучать древнюю мудрость и шаг за шагом проникать в ее тайны. Существование лож и рассказ об их возникновении были общеизвестны, но конкретные учения и ритуалы, а также личности их членов хранились в тайне.

Современные историки возводят зарождение масонства к братствам каменщиков, существовавшим в XVI–XVII веках в Шотландии. К началу XVIII века центр масонства переместился в Англию, где членами лож становились в основном дворяне. В 1717 году четыре ложи объединились, образовав Великую ложу Англии, которая претендовала на обладание истинными древними учениями и была готова учреждать новые ложи. Чтобы стать членом ложи, необязательно было быть христианином; достаточно было приверженности монотеизму. Как и в старинных братствах каменщиков, в ней была принята иерархия из трех степеней: посвященные начинали как ученики, а по мере того, как они глубже проникали в тайну, они становились подмастерьями и, наконец, мастерами. Позже масонство распространилось на континент, где оно приобрело более религиозный и оккультный характер: поми-

мо первоначальных трех были учреждены «высшие степени», а некоторые масоны начали уделять внимание христианскому мистицизму, алхимии и другим эзотерическим занятиям [Smith D. 1999: 7–10; Jacob 1991: 35, 128, 146, 208–209; Hughtan 1884: 1; Anderson 1746: 143; Dotzauer 1977: 14–21].

На континенте отношение к масонству было неоднозначным, так как у многих современников вызывали подозрение его британские черты. Тот факт, что члены ложи избирали офицеров, а также расплывчатое учение о Боге как «Великом архитекторе Вселенной» соответствовали британским традициям конституционного правления и религиозного скептицизма, а не континентальной модели союза абсолютной монархии и официальной церкви. Папа римский пытался запретить католикам вступать в масонские ложи; некоторые протестантские священнослужители также усматривали в масонстве угрозу для религии. В 1780-е годы все европейское масонство оказалось втянутым в политический конфликт: одно псевдомасонское течение — иллюминатство — стало синонимом радикализма, тогда как другое — розенкрейцерство — было оплотом реакции. Недоброжелатели осуждали масонов как шарлатанов или врагов церкви и государства, а после Французской революции напуганные правительства в России, а также в Австрии и других немецких государствах объявили масонство вне закона или подвергали преследованиям [Jacob 1991: 23, 87, 94–5, 145–146; Epstein 1966: 84–111; Madariaga 1981: 524; Herrero 1971: 59–68].

Что привлекло Розенштрауха к масонству? Одним из факторов, вероятно, были его доктрина, организация и церемонии. Непосвященных интриговал ореол тайны, окутывавший масонов, а также их элитарное чувство превосходства над «профанами». К тому же перспектива получения масонской степени была привлекательна в обществе Старого порядка, в котором чины и должности играли столь важную роль [Smith D. 1999: 92–94, 111; Jacob 1991: 34–35, 123]. Более того, масонство напоминало театр или церковь постановочностью своих ритуалов и стремлением искупить мир, возвышая мысли и чувства людей. Гёте уловил эту связь в «Годах учения Вильгельма Мейстера»: поиск

истины и мудрости приводит героя сначала в театральную труппу, а затем в псевдомасонскую организацию.

Масонство привлекало еще и тем, что обещало братство и равенство внутри сообщества образованных людей. Брандес и Крист в мемуарах пишут, что хотя мистические тайны масонства были им интересны, в первую очередь быть масонами означало иметь друзей везде, куда бы их ни заносила работа в театре. В ложах они находили умную беседу и изящную праздничность, присущие культуре высших кругов; но кроме того, все, в том числе городские столпы общества и князья, относились к ним как к равным, так как масонская идеология учила отбрасывать классовые предубеждения и видеть во всех прочих масонах братьев [Christ 1912: 14–15, 37, 55; Brandes 1799–1800, 2: 16, 72–73, 95–96, 118, 178, 241; 3: 42, 87–88]. Этот идеал братства, возможно, привлекал Розенштрауха и эмоционально, как замена биологической семьи, которой ему недоставало. Это означало также, что в трудную минуту масоны всегда оказывались рядом. Когда Крист в Брауншвейге остался без гроша, местные масоны одолжили ему денег, а когда в Риге умерла его жена, устроили пышные похороны. И напротив, когда Крист (католик) находился в протестантском Гамбурге и там у него умер сын, католический священник, к которому он обратился, не сказал ему ни слова в утешение, а только разбранил за то, что он похоронил мальчика на протестантском кладбище [Christ 1912: 50, 120–122, 191].

Масонский путь Розенштрауха начался в воскресенье, 10 июня 1792 года: в тот день в Кампене он был принят учеником в ложу под названием «Глубокое безмолвие». Возможно, следующую степень — «подмастерье» — ложа присвоила ему на том же собрании. В протоколах ложи указано, что в доме мастера стула (главы ложи) было проведено специальное собрание по поводу его посвящения, поскольку Розенштраух собирался покинуть город. Вступительный взнос обошелся ему более чем в трехнедельное жалованье, так что его желание стать масоном, должно быть, было сильным²⁰.

²⁰ Книгу записей ложи см. в: Frans Walkate Archief Kampen, archief van de Vrijmetelaarsloge Le Profond Silence, inv. nr. XII, map 1, Notulenboek 16 juli 1770–3 mei 1821. Я благодарю Отто Отгенса, куратора архива ложи «Глубокое безмолвие»,

Как Розенштраух впервые вышел на эту ложу, мы не знаем. Он слишком мало времени пробыл в Кампене, чтобы завести достаточно знакомств; возможно, его порекомендовал человек, который его уже знал. Может быть, это был граф Хайден-Хомпеш, чей тесть вступил в «Глубокое безмолвие» в 1776 году. А может быть, все началось с голландских патриотов, которые нашли убежище в Мюнстере в 1787 году, после того как их восстание потерпело крах. Возможно, кто-то из них был знаком с Розенштраухом и свел его с другими патриотами, членами «Глубокого безмолвия».

Вообще-то, судя по списку членов ложи, люди, с которыми Розенштраух встречался в ложе, были совершенно непохожи на графа Хайден-Хомпеша и его немецкое и оранжистское окружение. Голландские масоны в целом тяготели к Франции, Атлантическому миру и заморским владениям: 21 из 69 лож страны находилась в голландских колониях, а 40, в том числе «Глубокое безмолвие» (*Le Profond Silence*), имели французские названия²¹.

и хранителя Я. Пипенброка из масонского культурного центра «Князь Фридрих» (*Cultureel Maçonniek Centrum «Prins Frederik», Гаага*) за помощь в поиске информации. Согласно протоколу ростокской ложи «Храм Истины» за 1801 год, Розенштраух был «подмастерьем Почтенной ложи Иерусалима в Кампене» (*GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, с. 24, протокол от 12 августа 1801 года*). О том, что эта ложа была идентична «Глубокому безмолвию», можно предположить из документа 1776 года, выпущенного в Кампене «Ложей Святого Иоанна Иерусалимского, под эмблемой “Глубокое безмолвие”»: *Drents Archief* (Дрентский архив, г. Ассен), инвентарный номер 0185 («*De Milly van Heiden Reinestein (1641) 1741–1949, waarin opgenomen het familiearchief Van Heiden Reinestein (1552) 1589–1886*»), № 1182, «*Akte waarbij aan L. B. von Weitolshausen genannt Schrautenbach de graad van “apprentif et compagnon” in de vrijmetselaarsloge van St. Johannes van Jeruzalem te Kampen wordt verleend*». Благодарю архивиста Ферри Зидерса за предоставление мне этого документа. В 1770-е годы вступительный взнос составлял 52,10 флоринов [*Erdtsieck* 2009: 29]. Позже, в 1790-е, Розенштраух зарабатывал 6 рейхсталеров в неделю (см. ниже, с. 137). Один рейхстальер эквивалентен 2,5 флоринам [*Reichard* 1784: 170].

²¹ Тестем Хайден-Хомпеша был Людвиг Бальтазар фон Вайтольсхаузен по прозвищу Шпраутенбах. О его членстве в масонских ложах см.: [Anon 1872: 245, 255]; *Drents Archief*, инвентарный номер 0185, № 1182. О голландских патриотах в Мюнстере см. [Schama 1977: 141, 143]. Перечень голландских лож и их местонахождений см. в [*Nederlandsche vry-metzelaars almanach* 1794: 29–31].

«Глубокое безмолвие» было ложей с сильными патриотическими наклонностями, в состав которой входили люди, активно участвовавшие как в колониальной политике, так и в патриотическом движении. Адриан де Нейс, в чьем доме Розенштраух получил посвящение, был мастером ложи до конца 1792 года, пока не вступил во французскую армию. Позже он стал голландским колониальным чиновником на Яве. Другой член ложи, Ян Маттейс де Рейн, был офицером Голландской Ост-Индской компании и служил в правительстве Батавской республики, режима, который установили патриоты в 1795 году, когда французская революционная армия захватила Голландскую республику. Другие, включая основателя ложи Якоба Абрахама де Миста, аналогичным образом совмещали колониальную службу с официальными должностями в Батавской республике²².

Интересно представить себе, как Розенштраух общался с этими людьми. Взгляды графа Хайден-Хомпеша и его немецких родственников формировались под влиянием Священной Римской империи и голландских оранжистов. От них Розенштраух, скорее всего, слышал мнения, в основном враждебные революции и республиканству. С другой стороны, члены «Глубокого безмолвия» по национальности были голландцами, а ориентировались на Атлантический мир и колонии. Возможно, они рассказали ему о репрессивности режима штатгальтера и насилии оранжистских толп [Schama 1977: 165]. Их взгляды как патриотов представляли собой смесь революционного утопизма и прагматичной привер-

---

²² О патриотах и ложе «Глубокое безмолвие» см. [Rosendaal 1995: 69]. О де Нейсе (Нисе) см. [Molhuysen, Blok 1911–1937, 9: 721–722; Kemp 1903: 91–92; Colenbrander 1905–1922, 1: 91; 4: XXXVIII; Mirabeau 1912]. О де Рейне см. [Carey 2008: 237]. О де Мисте см. [Erdsieck 2009: 32; Johnson 1998]. Л. Нольст и де Мист служили в правительственном колониальном комитете. Нольст и Я. Й. Х. де ла Сальбоньер входили в региональную ассамблею провинции Оверэйссел. Нольст и де Рейн были членами Генеральных Штатов; см. «Repertorium van ambtsdragers en ambtenaren 1428–1861» на сайте Института Гюйгенса. URL https://resources.huygens.knaw.nl/repertoriumambtsdragersambtenaren1428-1861/index_html (дата обращения 13.1.2024).

женности голландским республиканским традициям; из-за этого они не были уверены, считать ли революционную Францию союзником или угрозой для их маленькой страны [Schama 1977: 133]. Благодаря «Глубокому безмолвию» Розенштраух единственный раз в своей жизни непосредственно приобщился к революционным силам Атлантического мира.

Война

Следующее свидетельство о Розенштраухе после посвящения в масоны 10 июня 1792 года — запись о крещении его сына Вильгельма, которое состоялось 22 сентября 1792 года в Залтбоммеле, небольшом городке примерно в 100 километров к юго-западу от Кампена²³. Залтбоммел находился недалеко от линии крепостей, охранявших южную границу Голландской республики от возможного французского вторжения. В этих крепостях стояли и полки из Германии, а немецкая театральная труппа, в которую входил бывший товарищ Розенштрауха по Мюнстеру, гастролировала здесь с января 1791 по май 1792 года²⁴. Возможно, он и сам подписал контракт с этой или какой-либо другой труппой, выступавшей в тех краях.

Война Первой коалиции к тому времени вступила в более острую фазу. В августе 1792 года пруссаки и австрийцы вторглись во Францию, но несколько недель спустя их наступление провалилось. Тем временем в самой Франции революция приняла радикальный оборот. Монархия была свергнута, а страна объявлена республикой. В знак полного разрыва со Старым порядком французы ввели республиканский календарь: время теперь отсчитывалось не от Рождества Христова, а от основания респуб-

²³ Streekarchief Bommelerwaard, DTB 1901. P. 191.

²⁴ Vereinigte deutsche Schauspielergesellschaft: Auszug eines Briefs. Breda, den 16. May 1792 [Theater-Kalender, 1793: 181–184]. О том, что немецкие войска были размещены в Хертогенбосе (недалеко от Залтбоммела) в апреле 1792 года, указано в: Naamregister der heeren militaire officieren. 's-Graavenhaage, 1792. P. 48–49, 148–149, 174–177, 216–218.

лики. Первый день I года стал также днем крещения сына Розенштрауха. Зимой 1792–1793 годов границы конфликта расширились: французы гильотинировали своего свергнутого короля, а в войну вступили Англия и Голландия, а также Испания, Португалия и несколько итальянских государств. В феврале 1793 года французская армия под командованием генерала Дюмуре, адъютантом которого служил собрат Розенштрауха по масонской ложе де Нейс, вторглась в Голландскую республику [Kubben 2011: 162–163; Ditfurth 1839–1840, 2: 270].

Армия Дюмуре состояла из профессиональных военных, революционных добровольцев и молодых новобранцев. Для своих сторонников эти несколько разношерстные войска олицетворяли революционную нацию с оружием в руках, но для противников, включая Розенштрауха, служили символом анархии. «Я видел французскую армию в Голландии», — писал он впоследствии; по его воспоминаниям, в ней состояли «одни пожилые старцы, много наглых бабенок, и безбородые юноши, едва сменившие детскую обувь» [Розенштраух 2015: 270]. Что касается женщин, то французская армия не брала их даже сопровождать войска в качестве гражданской поддержки, не говоря уже об участии в боевых действиях, поэтому маловероятно, что Розенштраух действительно видел «много наглых бабенок». Однако, вероятно, именно такую картину он ожидал увидеть в революционной армии, и со временем в его памяти произошла абберрация. Это выдуманное воспоминание — если это было именно так — наводит на мысль, что он, в отличие от французских революционеров, не верил, что мир будет спасен, если массы восстанут против Старого порядка. Напротив, верный учению немецких просветителей, он считал, что лучшее будущее человечеству может обеспечить только возвышение характера отдельной личности [Cardoza, Hagemann 2020: 183–184; Esdaile 2019: 92–99].

Позже, в 1793 году, антифранцузская коалиция вытеснила французов из Голландской республики и Бельгии и, казалось, была готова вторгнуться в сердце Франции. Однако в 1794 году, когда террор в самой Франции достиг высшей точки, француз-

ские армии перешли в контрнаступление. В июле 1794 года они взяли Брюссель, а сразу после Рождества Залтбоммел; к середине января 1795 года сама Голландская республика была ликвидирована и сменилась революционной Батавской республикой, во главе которой встали патриоты и их французские союзники [Jourdan 2008: 81–102]. Французы останутся здесь еще на 18 лет. Однако Розенштраух ничего этого не увидит, потому что к 1793–1794 годам вместе с Барбарой Антонеттой вернется в Кассель.

Глава 5

Театр ландграфа

После французского вторжения в Голландскую республику в феврале 1793 года следующее свидетельство о местонахождении Розенштрауха относится к 26 августа 1794 года. В этот день еженедельник «Кассельские полицейские и коммерческие ведомости», в котором печатались как правительственные, так и частные объявления (поэтому газета была и «полицейской», и «коммерческой»), сообщил о крещении «Елизаветы Каролины, дочери актера, г-на Иоганна Амвросия Розенштрауха»¹. С этого момента в документации больше нет пробелов, и мы уже не теряем его след.

Что же он и Барбара Антонетта делали с февраля 1793 по август 1794 года и что привело их в Кассель? Нам известно, что летом 1794 года они играли в театральной труппе Карла Теодора Хасслоха, которая выступала в Касселе и его окрестностях с предыдущего лета². Мы точно не знаем, когда они вступили

---

¹ Getaufte und Begrabene vom 20ten bis den 26ten Aug. // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1794. 1 September. № 35. S. 746. Согласно надписи на ее надгробии, она родилась 13 августа 1794 года; см. «Elise Rosenstrauch Kinen», Find a Grave Memorial 123593085. URL: <https://www.findagrave.com> (дата обращения: 06.08.2023).

² Verzeichniß der jetzt in Hessen-Cassel spielenden Haßlochschen Schauspielergesellschaft // Rheinische Musen 1794. № 8. S. 184–185. О передвижениях труппы в первой половине 1794 года см.: [без заглавия] Rheinische Musen. 1794. № 11. S. 261; Fremde und hiesige Personen, die vom 2ten bis den 8ten Jul. allhier einpasirt sind // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1794. 14 Juli. № 28. S. 595.

в эту труппу, так как не располагаем более ранними списками ее актеров; косвенные свидетельства указывают на две возможности.

Первая: они вступили в труппу раньше и оказались в Касселе, потому что туда их привел гастрольный маршрут. Прежде Хасслох играл в Мангейме, на юге Германии. В 1792 году он перешел в амстердамский немецкий театр, где по меньшей мере четыре актера были знакомыми Розенштрауха. В 1793 году Хасслох и еще несколько человек покинули Амстердам и в августе того же года начали играть в Касселе. Возможно, Розенштраухи поддерживали связь со своими знакомыми в Амстердаме, присоединились к новой труппе, когда она еще находилась в Голландской республике, примерно во время французского вторжения, и по этой причине приехали в Кассель³.

Вторая возможность состоит в том, что они вступили в труппу только летом 1794 года. Такое предположение имеет свои причины: как мы увидим, на осень 1794 года Хасслох пригласил Розенштрауха исполнить певческие партии в операх, но потом, вероятно, решил, что это было ошибкой. Поскольку Хасслох был опытным театральным деятелем и, по-видимому, умел оценивать таланты своих актеров, это наводит на мысль, что Розенштраух был новичком в труппе. В таком случае мы не располагаем информацией о передвижениях Розенштраухов и о мотивах, заставивших их вернуться в родной город Барбары Антонетты.

---

³ О Т. Хасслохе см. [Skizzirte Geschichte 1795: 34; Walther 1899, 1: 323; Geelen 1947: 58]. Четверо амстердамских актеров, с которыми был знаком Розенштраух, это г-н и г-жа Амор, г-н Райнфельз и г-н Книп; см. выше, с. 116. Актеры амстердамского немецкого театра перечислены в: *De Amsteldamsche Hoogduitsche Schouwburg // Algemeene Amsterdamsche Schouwburgs Almanach, voor't Jaar. Amsterdam, 1793*. P. 132–134. О переезде труппы Хасслоха в Кассель см.: *Von Hessen Cassel im Februar // Rheinische Musen oder Zeitung für Theater und andere schöne Künste*. 1794. № 4. S. 93; [Meidenbauer 1991: 97, 98]. Частичные списки труппы Хасслоха в Касселе см. в [Linnebach 2014: 221–222]; *Von Hessen Cassel im Februar*. Предположительно полные списки в: *Verzeichniß der jetzt in Hessen-Cassel spielenden Haßlochischen Schauspielergesellschaft; Berichtigungen und Aenderungen bei der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Rheinische Musen*. 1795. № 4. S. 82–84.

Ландграф аплодирует первым

К моменту возвращения Розенштрауха и Барбары Антонетты в Кассель театр там, как и в большей части Германии, находился в переходной стадии между ранним Новым временем и собственно Новым временем. Ландграф Фридрих II был большим любителем театра, но в духе придворной культуры барокко, а не Просвещения: он считал, что задача театра — восхвалять правителя, а не способствовать развитию национальной культуры, которая объединила бы двор и народ. Поэтому он щедро финансировал французский театр и балет, но немецкий театр оставил частным труппам, а публике запретил аплодировать, когда ей захочется, — никому не позволялось хлопать, если он не захлопает первым! — чтобы помешать театру стать местом, где формировалось бы независимое общественное мнение. Его преемник Вильгельм IX, пришедший к власти в 1785 году, был озабочен расходами, поэтому он распустил дорогостоящий французский театр и балет, но, по некотором размышлении, решил из финансовых соображений не создавать постоянный немецкий «национальный театр». В результате кассельский театр продолжал зависеть от частных трупп, которые из года в год заключали контракты с двором [Stieglitz 2000: 342–343; Meidenbauer 1991: 92–96; Engelbrecht et al. 1959: 33–34].

Когда разразилась Французская революция, ландграф Вильгельм занял жесткую позицию. Он вступил в австро-прусскую войну против Франции, а от своих подданных требовал беспрекословного повиновения. Он приказал священникам читать проповеди, направленные против Французской революции, подтвердил запрет на стихийные аплодисменты в театре, а масонские ложи объявил вне закона. Чтобы заклеить позором круглые шляпы и длинные брюки, которые Французская революция популяризировала взамен треуголок и кюлотов, он сделал их униформой заключенных, подметавших улицы Касселя [Meidenbauer 1991: 33, 39, 432–433; Wörner-Heil 2000: 251–252; Wegner 1991: 16]⁴.

⁴ См. также: Applaudiren in Cassel verboten // Journal des Luxus und der Moden. 1798. Dezember. № 13. S. 683–684.

Теоретически идея «национального театра» в Касселе поддерживалась, но на практике буксовала из-за жесткой экономии средств и политической реакции. Соответственно, антреприза Хасслоха носила гибридный характер, что было вполне обычным делом для того времени. По сути, это был придаток двора, державшего труппу на коротком поводке. Труппа должна была участвовать в придворных празднествах, а ее певцы — выступать при дворе бесплатно. Театрально-концертная дирекция при ландграфе решала, какие показывать спектакли и кому давать какую роль; жалование актеров могло быть понижено за любое из длинного списка нарушений; чтобы покинуть город, им требовалось разрешение, а увольняться до истечения срока контракта запрещалось [Meidenbauer 1991: 85–98]⁵. Взамен труппа Хасслоха получила контракт только на год и субсидию, которая покрывала лишь половину ее расходов. В 1798 году Хасслох подсчитал, что его ежегодные расходы составили 13 754 рейхс-талера; 6800 талеров предоставил двор, а остальная сумма должна была быть покрыта за счет кассовых сборов. Из этих сборов более половины приходилось на абонементы, и чтобы зрители не потеряли интерес, труппе приходилось ставить как можно больше разных спектаклей, какими бы посредственными они ни были [Engelbrecht et al. 1959: 33–34]⁶.

К тому же театр должен был следовать за зрителями. Поздняя осень и зима были светским сезоном при дворе. Много работы приходилось также на двухнедельные торговые ярмарки в августе

⁵ См. также: *Vorstellungen der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel* // *Journal für Theater und andere schöne Künste*. 1797. Bd. 2. № 1. S. 235; HStA Bestand 5, Nr. 12765. «Den mit der Schauspiel-Unternehmerin Grossmann geschlossenen Vertrag betr. 1799», fol. 135–136v («Gesetze für die Hochfürstlich-Hessische deutsche Bühne zu Cassel», 1 November 1789); HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 109 (контракт, 20 марта 1796 года).

⁶ См. также: HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 142 (письмо Хасслоха ландграфу, март 1798 года). HStA Bestand 5, Nr. 12765, fol. 61 (бюджет, 12 октября 1800 года), где недельная выручка распределялась по следующим статьям: 25 рейхс-талеров — абонементы для военных; 65 — абонементы для гражданских; 65 — ежедневные кассовые сборы и 112 — поступления от двора.

и перед Пасхой, когда правительство предоставляло льготы, чтобы привлечь в Кассель побольше торговцев. Эти факторы диктовали расписание театра. Во время августовской ярмарки он давал спектакли пять вечеров в неделю, затем, до марта, три вечера в неделю, а потом, во время пасхальной ярмарки, снова пять вечеров в неделю. (Из уважения к религиозным чувствам по воскресеньям представлений практически не давалось.) После пасхальной ярмарки театр покидал Кассель и отправлялся на гастроли до следующей ярмарки в августе [Schminke 1767: 325–326]⁷.

Результат был парадоксальным. С одной стороны, труппа Хасслоха достигла высокого уровня театрального мастерства. Она располагала прекрасными актерами и декорациями, а также впечатляющим сценическим пространством; как написал один рецензент, это был «театр, который... соперничает с лучшими нашими [немецкими] сценами». Труппа также добилась большего постоянства, чем предыдущие, приезжавшие в Кассель всего на сезон или два. С другой стороны, она страдала от нестабильности. Хасслоху приходилось каждый год ходатайствовать о заключении контракта и новых субсидиях, а состав труппы постоянно менялся. В общей сложности Розенштраух прослужил там шесть или семь лет, с 1793 или 1794 по 1800 год, но такое долголетие было исключительным. Не считая приглашенных артистов, мне удалось установить личности 34 актеров и 22 актрис, выступавших в составе этой труппы в какой-либо промежуток времени между летом 1794-го и осенью 1800 года; из 56 человек все это время там прослужил только Розенштраух, да еще г-н и г-жа Ваксмут [Engelbrecht et al. 1959: 34–41, 43–45]⁸.

⁷ Согласно Гессен-Кассельскому государственному и адресному календарю (Landgraefl. Hessen-Casselischer Staats- und Adreß-Kalender) за 1794–1797 годы, ярмарки в 1794 году начинались 31 марта и 18 августа; в 1795-м 16 марта и 17 августа; в 1796-м 7 марта и 22 августа; в 1797-м 27 марта и 21 августа (страницы календаря не пронумерованы). Театральные представления по субботам и воскресеньям были запрещены во многих городах [Maurer-Schmoock 1982: 146–147].

⁸ См. также: Briefe über Cassel // Journal des Luxus und der Moden. 1798. № 13 (Mai). S. 283; [B. S. 1900: 167]. Сведения о 56 членах труппы почерпнуты из источников, цитируемых на протяжении всей главы.

Труппа Хасслоха

Драматический театр Касселя выступал в здании оперы — приспособленном для спектаклей аристократическом особняке на небольшой площадке у северо-западного угла площади Фридриха, вокруг которой организован Верхний Новый город Касселя. Внутри он был устроен таким образом, чтобы можно было наблюдать сразу два зрелища, одно из которых разыгрывалось актерами, а другое двором. Актеры и зрители с равным вниманием следили за обоими спектаклями, хотя бы потому, что, как и во многих театрах того времени, сцена и публика были освещены одинаково; кроме того, зрителям приходилось следить за ложей ландграфа, чтобы понять, разрешено ли им аплодировать⁹. Придворная культура барокко стремилась прежде всего возвысить государя, и этот оперный театр не был исключением, как дает понять Давид фон Апелль, глава театрально-концертной дирекции, в путеводителе для гостей Касселя:

Амфитеатр просторен и состоит из четырех рядов лож. Ложа монарха находится в центре, она вдвое выше прочих и выступает наружу. Наверху она украшена княжеским гербом и княжеским плащом, который несут несколько летящих ангелов. Потолок театра украшен красивой аллегорической фреской. Над авансценой прикреплены прозрачные часы. На занавесе также есть аллегорическая роспись, изображающая храм муз, на переднем плане которого Эрато [муза любовной поэзии], Мельпомена [трагедия], Талия [комедия] и Терпсихора [танец] спешат навстречу богине-покровительнице Гессена¹⁰.

Зрителей рассаживали по ранжиру. Например, одна ложа была зарезервирована для иностранных дипломатов, а другая — для пажей ландграфа. Люди не столь высокого положения или

⁹ Briefe über Cassel // Journal des Luxus und der Moden. 1798. № 13 (Mai). S. 284.

¹⁰ Цит. по: [Engelbrecht et al. 1959: 41].

купившие билеты в последний момент сидели в партере или, если средства их были скромными, на галерке¹¹.

У каждой из этих зрительских групп были собственные ожидания, которым актеры должны были соответствовать. Для актеров зрители самого высшего ранга не всегда были самыми важными. Дворяне, сидевшие в ложах, могли находиться там только потому, что этого требовал придворный этикет. Простолюдины, напротив, приходили по собственному желанию. В числе бюргеров в партере были театральные критики из газет и другие искушенные ценители исполнительского искусства, в то время как публика победнее на галерке, как правило, хотела просто отдохнуть и развлечься после тяжелого рабочего дня [Maurer-Schmoock 1982: 78, 118–119].

Необходимость угождать столь разнообразной публике диктовала репертуар театра. Примерно половину спектаклей труппы Хасслоха составляли пьесы: трагедии, героями которых обычно были дворяне или средневековые рыцари; комедии, в которых могли действовать представители разных общественных классов; и мещанские драмы — серьезные, но без трагического финала, с персонажами из современного среднего класса или дворян. Вторая половина спектаклей труппы состояла из опер. Это были почти сплошь комические оперы, в основном венские, но также несколько французских и итальянских. Сюжеты обычно брались из популярных комедий или повседневной жизни, а поскольку музыкальные сцены в них перемежались разговорными и часто не требовали особенных вокальных данных, исполнять их могли те же труппы, что ставили драматические спектакли [Grout, Williams 2003: 284–285].

У каждого актера было определенное амплуа. Те, кому посчастливилось обладать особенно приятной внешностью и проникновенными интонациями, исполняли главные роли любовников или героев. Прочие играли второстепенных персонажей, служивших фоном для главных героев, таких как мудрые старики, задорные служанки и другие стереотипные фигуры. Была и третья

---

¹¹ HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 111–111v (контракт, 20 марта 1796 года); B. S. Beiträge zur Geschichte des Kasseler Theaters. S. 167.

группа актеров: они играли крестьян или прочих шаблонных персонажей, которые появлялись лишь в эпизодах. Эти различия были важнее для комедий, чем для трагедий; в операх же главным фактором было наличие вокальных данных [Diebold 1913: III–IV, 9–11, 18–19; Williams 1985: 9–10]¹². Один журналист написал о Розенштраухе, что он играет «в драмах первого и второго благородных стариков», а «также поет»; Барбара Антонетта же играет «роли шутих, служанок, [и] поет». Таким образом, он играл второстепенные и эпизодические роли, она — эпизодических персонажей, и оба пели в операх. Хотя Розенштрауху было всего под 30, он специализировался на ролях отцов, очевидно потому, что умел излучать серьезность и говорить отеческим тоном. Его немногие оперные роли охватывали всю гамму голосов: он исполнял по меньшей мере две басовые партии, одну для баритона, две теноровые и одну, которую мог петь либо бас, либо тенор [Diebold 1913: 33]¹³.

Благодаря статье в журнале «Рейнские музы» мы знаем расписание труппы на октябрь 1794 года. В том месяце они поставили 12 спектаклей: шесть опер, две комедии и четыре драмы. Труппа тогда состояла из десяти актеров и девяти актрис, и, похоже, в большинстве спектаклей требовалось участие практически всех¹⁴. Первым спектаклем в том месяце была опера Моцарта «Дон Жуан», в которой участвовали пять певцов и три певицы, а также второстепенные персонажи, танцоры и хор. Во втором спектакле, комедии

¹² См. также: *Berichtigungen und Aenderungen bei der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Rheinische Musen*. 1795. № 4. S. 83.

¹³ Розенштраух исполнял следующие оперные партии: бас — Артенио в опере А. Сальери «Аксур, царь Ормуза» и Бартоло в «Свадьбе Фигаро» В. А. Моцарта; баритон — Капулетти в «Ромео и Джульетте» Г. А. Бенды; тенор — Коррадо в опере В. Мартин-и-Солера «Редкая вещь, или красота и добродетель» и Михель в «Охоте» И. А. Хиллера; бас либо тенор — первый жрец в «Волшебной флейте». Он также исполнял роль сельского старосты в опере Ф. Л. Э. Кунцена «Праздник виноделов».

¹⁴ *Kritisches Verzeichniß der in Cassel von der Haßlochischen Gesellschaft im Okt. 1794 gegebenen Schauspiele und Opern // Rheinische Musen*. 1795. № 2. S. 184–189; *Berichtigungen und Aenderungen bei der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Rheinische Musen*. 1795. № 4. S. 82–83.

И. Ф. Юнгера «Сам на себя петлю надел» («Er mengt sich in alles»), было восемь мужских и четыре женские роли. В третьей, драме Ф. Г. Ю. Бурхарда «Граф Санта Веккья» («Graf von Santa Vecchia»), — девять мужских и три женские роли; в числе персонажей присутствуют также некие гости неустановленного пола на званом вечере. Шесть актеров и три актрисы, а также «рыцари, оруженосцы, слуги рыцарей, работники мельницы, обитатели замка [и] простолюдины» требовались для четвертого спектакля «Священный трилистник» («Das heilige Kleeblatt»), оперы, сочиненной местным кассельским музыкантом Г. К. Гросхаймом и отпечатанной в магазине тещи Розенштрауха [Freisauff 1887: 38; Jünger 1792–1795, 2: 2]¹⁵.

Согласно официально установленному правилу, актерам давалось три-четыре недели на то, чтобы освоить новую главную роль, а на роль второго плана выделялась неделя или две. По-видимому, у них всегда имелся целый список предстоящих пьес, и каждый работал сразу над несколькими ролями. В немецком театре было принято проводить несколько читок новой пьесы, за которыми следовало несколько репетиций. Генеральных репетиций обычно не проводилось, так что возможности репетировать в декорациях и костюмах, со всем надлежащим реквизитом, у актеров не было¹⁶.

По-видимому, Розенштраух играл во всех или по меньшей мере в большинстве спектаклей. В обзоре «Рейнских муз» за октябрь 1794 года он упоминается как участник пяти из них. В одной мещанской драме он исполнял главную роль, в другой второстепенную, кроме того, выступал в эпизодических ролях в драме и комедии¹⁷. Рецензенту он понравился только в одной

¹⁵ См. также: Max Roller [F. G. J. Burchard], Graf von Santa Vecchia: Ein Gemälde der Schwärmereyen des achtzehnten Jahrhunderts (Berlin, 1792); Das heilige Kleeblatt, ein Schauspiel mit Gesang in zwey Aufzügen; nach Veit Webers Sagen der Vorzeit, in Musik gesetzt von Herrn C. G. Großheim (Kassel, 1793).

¹⁶ HStA Bestand 5, No. 12765, fol. 135v («Gesetze für die Hochfürstlich-Hessische deutsche Bühne zu Cassel». 1 November 1789); [Maurer-Schmoock 1982: 175–179].

¹⁷ Розенштраух играл заглавную роль в пьесе Х. Г. Шписа «Генерал Шленсгейм», второстепенную роль в пьесе «Фридрих фон Ольденбург, или Человек из соломы» («Friedrich von Oldenburg, oder der Mann von Stroh») Ф. Г. Харемана и эпизодические роли в пьесах «Зигфрид фон Линденберг» («Siegfried von Lindenberg») Ф. Л. Бунзена и «Дочь природы» А. фон Лафонтена.

роли, но не в других, очевидно потому, что его интонациям не хватало естественности. Также он сыграл второстепенного персонажа в опере Г. Бенды «Ромео и Джульетта» («Romeo und Julie»). По-видимому, певцом он был плохим, особенно рядом с Адольфом Филиппом Кристианом Кейльхольцем и его сестрой Кристианой Магдалиной Элизабет Хасслох, которые пели главные партии и были ведущими оперными солистами труппы. Рецензент написал: «...мы просим этого человека прекратить оскорблять наш слух своим отвратительным пением»¹⁸. Судя по сохранившимся свидетельствам, в Касселе он больше не пел.

После пасхальной ярмарки труппа обычно покидала Кассель и искала работу в других местах. В 1795 году этот поиск привел актеров в Майнц на Рейне. (См. карту 4.1.) Оказалось, что они вернулись на линию фронта в войне с революционной Францией. Майнц стоял на пути вторжения французских войск в южную Германию. Французы оккупировали его в октябре 1792 года, когда Розенштраух находился на территории Голландии; в марте следующего года местные якобинцы основали в Майнце республику. Она прожила недолго — до июля 1793 года, когда Майнц пал под натиском войск Коалиции, — но на следующий год французы вернулись и осаждали опустошенный город с 8 ноября 1794-го по 29 октября 1795 года [Peth 1879: 114–115; Lautzas 1973: 93–94].

В самый разгар этой второй осады в город прибыли Розенштраух и его коллеги. Как и в Голландии, здесь шла война французов и их местных союзников с немецкими монархиями, и он снова оказался в тылу антиреволюционных сил. Сорок лет спустя он мысленно вернулся к тому времени, вспомнив, что в Москве 1812 года он узнал «дробь французских барабанов», знакомую ему «по *Рейну*», а оглушительные взрывы в Москве напомнили ему о том, что он «уже слышал... в Майнце, когда в 1795 году тамошняя военная лаборатория взлетела на воздух» [Розенштраух 2015: 231, 272] — очевидно, пороховой погреб, взорвавшийся в конце июня [Rieck 1840: 41].

---

¹⁸ Kritisches Verzeichniß der in Kassel von der Haßlochischen Gesellschaft im Okt. 1794 gegebenen Schauspiele und Opern // Rheinische Musen. 1795. № 2. S. 186.

Пережив осаду Майнца, труппа, вероятно, испытала облегчение, вернувшись в Кассель на августовскую ярмарку. График выступлений был плотным: с 17 августа по 1 сентября было сыграно 12 спектаклей, из них пять опер (одна опера была исполнена дважды), три драмы, две комедии и одна трагедия. Барбара Антонетта исполнила разговорную и второстепенную певческую роль в опере П. Враницкого «Оберон, или Король эльфов» («*Oberon oder König der Elfen*»); в остальном о ее конкретных ролях нам почти ничего не известно¹⁹. Труппа оставалась в Касселе до конца сезона.

В марте 1796 года Хасслох подписал новый контракт с двором. Барбара Антонетта вообще отсутствовала в списке, а Розенштраух был указан последним среди актеров-мужчин и оказался одним из самых низкооплачиваемых актеров труппы. Одной актрисе — маленькой девочке — платили 4 рейхсталера в неделю. В остальном контракт предусматривал 6 рейхсталеров в неделю для исполнителей «второстепенных ролей», а именно Розенштрауха плюс одного актера и двух актрис, должности которых не были заняты; г-жа Кейльхольц, игравшая «третьи» роли в пьесах и операх, зарабатывала 8 рейхсталеров; еще одна актриса и четверо актеров получали по 10 рейхсталеров. Двое — г-н Кейльхольц («первый тенор») и г-жа Ваксмут («вторые роли в пьесах и операх») получали по 12 рейхсталеров. Жалованье самого Хасслоха и его жены, которая играла «первые роли в пьесах и операх» и была главной звездой труппы, не уточнялось. Однако в документе 1798 года он назначил себе (предположительно, вместе с женой) 30 рейхсталеров²⁰.

После пасхальной ярмарки в 1796 году труппа снова отправилась в Майнц. Ситуация там улеглась: в 1795 году Пруссия (а также Гессен-Кассель) заключила мир с Францией, а Франция и Австрия подписали перемирие. Однако в мае 1796 года боевые действия неожиданно возобновились, и с середины июля до на-

¹⁹ Die Haßlochische Gesellschaft spielt jetzt wieder in Cassel // Rheinische Musen. 1795. № 2. S. 199–200.

²⁰ HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 111–111v (контракт, 20 марта 1796 года), 142 (письмо Хасслоха ландграфу, март 1798 года).

чала сентября город был не только в осаде, но и полностью отрезан от мира. Застряв в Майнце, труппа Хасслоха пропустила августовскую ярмарку в Касселе и смогла возобновить там выступления только в начале ноября. Можно представить себе страх, гнев и досаду, которые испытывал Розенштраух, переживая уже третье вторжение со стороны революционной Франции. Актер Крист считал майнцских республиканцев, поддержавших французов в 1792 году, предателями, а их последователей — отвратительным простонародным сбродом; вполне возможно, что Розенштраух разделял эти чувства [Lautzas 1973: 101; Peth 1873: 114–115; Christ 1912: 262–263]²¹.

Театральный сезон 1796–1797 годов

С ноября 1796 по начало сентября 1797 года труппа почти безвыездно находилась в Касселе. Благодаря рецензиям в журнале «Театр и другие изящные искусства» у нас есть полный список ее постановок (за исключением восьминедельного летнего перерыва, когда труппа уехала из города) и актеров, сыгравших главные роли в ряде спектаклей. Объединив эти данные с полученными из «Рейнских муз» за октябрь 1794 и август 1795 года, мы получаем общую картину деятельности театра и роли в ней Розенштрауха.

За период, охватываемый этими источниками, труппа сыграла 135 спектаклей. Она поставила 86 разных пьес и опер, а это означает, что большинство из них было показано только один раз. Ставить оперы было сложно, так как для этого требовались музыка, массовые сцены и спецэффекты, но при этом они пользовались большим успехом и составили почти половину репертуара труппы — 65 спектаклей. Всего было поставлено 36 разных опер, так что многие спектакли игрались повторно. Выбирались

²¹ См. также: Hoftheater in Cassel // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 1. № 1. S. 121; Mainzer Theater // Rheinische Musen. 1796. № 3. S. 197–198; Fremde und hiesige Personen, die vom 19ten bis den 25ten Oct. allhier einpassiert sind // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1796. 31 Oktober. № 44. S. 853.

любимые публикой произведения популярных композиторов того времени. Во главе списка стоит Моцарт: 16 исполнений. К. Д. фон Диттерсдорф набрал 11 «баллов»; В. Мюллер — семь; Н. Далеирак — пять; П. Враницкий, А. Сальери и В. Мартин-и-Солер — по четыре; и еще девять композиторов по три и меньше²². Бесспорной оперной примой была г-жа Хасслох. Частых похвал рецензентов удостаивались также г-жа Ваксмут и г-да Кейльхольц, Ваксмут и Хасслох. В рецензиях на оперы мелькало и несколько других имен, но реже. Розенштраух и Барбара Антонетта не указаны в списках исполнителей, за исключением двух опер, упомянутых ранее. По-видимому, явное отсутствие у Розенштрауха вокальных талантов сильно ему мешало.

Другую половину спектаклей составляли постановки пьес. Предпочтение отдавалось легким, зачастую сентиментальным развлекательным произведениям. Пьесы игрались 70 раз, из них 37 драм, 20 комедий и 13 трагедий. По сравнению с оперой повторений было меньше: 50 пьес было показано всего по одному разу, и только 20 были повторами. До 1760-х годов в немецком театре преобладали трагедии и комедии, переведенные с французского [Maurer-Schmoock 1982: 130–133]. Высококачественный немецкий театр, особенно мещанская драма, появился совсем недавно. Это нашло отражение в репертуаре труппы: срединная дата публикации или первого представления — 1781 год для трагедий, 1788-й для опер, 1790–1791-й для комедий и 1794 год для драм. Из 70 постановок 21 раз были сыграны пьесы Иффланда и 11 — Коцебу, самых популярных немецких авторов комедий и мещанских драм. Остальные были написаны 21 автором, на каждого из которых пришлось всего от одного до пяти показов²³. Шекспир был представлен тремя постановками «Гамлета». Дра-

²² Г. А. Бенда, К. В. Глюк, А. Гретри, Г. Х. Гроссхайм, Ф. Й. Гайдн, П.-А. Монсиньи, Дж. Сартри, И. Л. Шубаур, П. Винтер.

²³ Й. М. Бабо, А. Блумауэр, К. Ф. Бретцнер, Ф. Л. Бунзен, Дж. Бургойн, Ф. Г. Ю. Бурхард, Ф. В. Готтер, Ф. Г. Хагеман, И. Г. Хагемейстер, Х. Л. Хейне (псевдоним Антон Валь), И. Ф. Юнгер, Ф. Краттер, А. Г. Ю. Лафонтен, Г. Э. Лессинг, Ф. Л. Шрудер, У. Шекспир, Ю. фон Зоден, Х. Г. Шпис, Й. А. фон Терринг, Ф. В. Циглер, Г. Чокке.

матурги того времени, ставшие впоследствии классиками немецкой литературы, практически не были представлены: лишь одна постановка трагедии Г. Э. Лессинга («Эмилия Галотти») и ни одного произведения Шиллера или Гёте.

Розенштраух сыграл семь ролей достаточно заметных, чтобы быть упомянутыми в рецензиях. Его по-прежнему назначали на роли стариков или отцов. В пьесе «Адвокаты» («Die Advokaten») он выступил в роли злодея, судебного советника Рейсмана. Остальные его персонажи были сплошь положительными: деревенский житель Шульц в «Завещании» («Das Vermächtnis»), купец Драве в «Подопечных» («Die Mündel»), судебный советник Листар в «Долге службы» («Dienstpflicht») и председатель Дарнер в «Приданом» («Die Aussteuer»). Все это были драмы А. Иффланда. Розенштраух также сыграл фермера Зайберта в комедии Иффланда «Осенний день» («Herbsttag») и Клавдия в «Гамлете» Шекспира. За исключением председателя Дарнера, каждый из этих персонажей неоднократно появляется на сцене на протяжении всей пьесы и важен для сюжета. Так что это не просто второстепенные роли, о которых говорилось в его контракте. В этом не было ничего необычного, так как амплуа не были жестко предписаны контрактом. Актеры дорожили ими как защитой от понижения до второстепенных ролей, а антрепренерам они были полезны при подборе трупп, но в Касселе, как и в других придворных театрах, концертно-театральная дирекция оставляла за собой право назначать актеров на любую роль по своему выбору [Diebold 1913: 43–61].

Таким образом, в сезоне 1796–1797 годов Розенштрауха назначали на роли по меньшей мере средней значимости. Однако дальнейшему росту помешало прибытие в декабре 1796 года г-на Хартвига и г-на Штайгера, которые сразу же вышли на первые роли в большинстве спектаклей. Например, в «Подопечных» Штайгеру была отдана роль, которую прежде исполнял Розенштраух. В общей сложности Розенштраух упоминался в 12 рецензиях на пьесы. Это не так плохо: из 20 актеров и актрис, названных в рецензиях за рассматриваемый период, только пятеро упоминались чаще, чем Розенштраух, тогда как десятеро заслу-

жили всего от одного до четырех упоминаний. Однако актеры, возглавляющие список, намного превосходили его: г-н и г-жа Хасслох (соответственно 17 и 19 упоминаний); Штайгер (20 упоминаний); на первом месте оказался Хартвиг, упомянутый 22 раза. Популярность Штайгера и Хартвига особенно поразительна, так как они присоединились к труппе только после того, как она уже дала почти треть своих спектаклей.

Предпочтение, отдававшееся Хартвигу, Штайгеру и г-же Хасслох, носило также качественный характер. Отзывы об их актерской работе в журнале «Театр и другие изящные искусства», нашем основном источнике информации, были восторженными. Мнения о других актерах, включая Розенштрауха, не были столь однозначными. Похвалы, как правило, отличались лаконичностью: например, Розенштраух и другие «заслужили всяческой похвалы» в «Подопечных», или он «хорошо сыграл» в «Завещании»²⁴. Напротив, критические замечания иногда были достаточно подробными. Взглянув на них более пристально, мы сможем лучше понять идеалы, вдохновлявшие немецкий театр конца XVIII века.

Критики эпохи Просвещения хотели, чтобы театр возвышал зрителей, поэтому следовало избегать всего, что разрушало его чары. Актеры должны были избегать излишеств, характерных для предыдущих десятилетий: как высокопарных жестов и декламации классической трагедии, так и фарсовых импровизаций комедии дель арте [Maurer-Schmoock 1982: 150–157, 193]. Текст, декорации и костюмы, сыгранность актеров и индивидуальная игра каждого — все должно было быть безупречным. Реальность, однако, заключалась в том, что актеры обладали неодинаковыми способностями, а из-за необходимости постоянно показывать новые пьесы времени на репетиции или приобретение необходимого реквизита не хватало.

В результате рецензенты часто оставались недовольными. Иногда театрам с трудом удавалось наскрести материал для постановки, и тогда критики раздражались гневными тирадами: так, журнал

---

²⁴ Hoftheater in Cassel. S. 123; Vorstellungen der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 2. № 1. S. 237.

«Театр и другие изящные искусства» однажды заметил: «...непостижимо, что эта пьеса [трагедия А. Блюмауэра «Эрвин фон Штайнхайм»] была вырвана из заслуженного забвения». Актеры порой казались растерянными: в одном спектакле, как писал журнал «Рейнские музы», трое из них «не выучили свих ролей и поэтому так изуродовали своих персонажей, что выносить это было невозможно»²⁵. На репетиции не хватало времени, и это не давало актерам сыгратся: так, в «Гамлете» королева сосредоточила внимание публики на себе в сцене, где все взоры должны были быть прикованы к Гамлету. Еще одной проблемой была дикция. Так, в некоей пьесе у одного актера «речь была неразборчивой»; в другом случае рецензент сделал г-же Хасслох двусмысленный комплимент, заявив, что «ее произношение было чистым и ясным, благодаря чему мы сегодня пропустили лишь очень малую часть ее диалогов, — хотелось бы всегда так говорить об этой уважаемой актрисе». Сила воздействия спектакля определялась также спецэффектами. Журнал «Театр и другие изящные искусства» похвалил декорации «Волшебной флейты» за то, что они вызвали «неописуемое удивление», но чары были разрушены, когда в ответ на игру Тамино на флейте, которая должна была приворожить диких зверей, на сцене появилось лишь четыре фигуры, наряженные обезьянами, и начали кривляться, «к ужасу всей приличной публики»²⁶. Обычно критика в журнале «Театр и другие изящные искусства» была конструктивной, но порой, писали рецензенты, на сцене творилось нечто невообразимое. Один ветеран труппы провалил выступление, потому что был пьян, а о другом актере написали, что «даже марионетки на самой грязной деревенской ярмарке покраснели бы от стыда, если бы их сравнили с этим олухом»²⁷.

²⁵ Aufgeführte Stükke in Cassel im Januar und Februar 1797 // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 1, № 1. S. 254; Kritisches Verzeichniß der in Kassel von der Haßlochischen Gesellschaft im Okt. 1794 gegebenen Schauspiele und Opern // Rheinische Musen. 1795. № 2. S. 185.

²⁶ Vorstellungen der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 2. № 1. S. 232, 234, 236, 241–242.

²⁷ Hoftheater in Cassel. S. 124, 125.

Подобная критика позволяет нам поставить отзывы на игру Розенштрауха в контекст. Его никогда не обвиняли в том, что он был пьян или не выучил свои реплики. Однако временами ему не удавалось достичь желаемого натуралистического реализма и четкости дикции. Его игра порой казалась деревянной, а экспрессия — недостаточной. «Рейнские музы» рекомендовали ему выработать «более естественный стиль декламации и отбросить поучающий тон». Журнал «Театр и другие изящные искусства» высказался мягче, но на ту же тему: в «Гамлете» «г-н Розенштраух в роли короля [Клавдия] не удовлетворяет. Его монотонность, отсутствие разнообразия в телодвижениях и нюансов в жестах и интонации раздражает зрителя». В другой пьесе «его игра была холодной и бездушной»²⁸. Критики также придирались к его верхненемецкому выговору, владение которым было важным признаком культурной утонченности. Похоже, он так до конца и не избавился от силезского акцента; по крайней мере, журнал «Рейнские музы» сетовал, что «его произношение зачастую так же отталкивает, как и устаревший стиль декламации»²⁹.

Ближе к концу сезона, в мае 1797 года, театр был официально объявлен придворным. Это не повлекло за собой увеличения субсидий, но повысило престиж труппы и, по-видимому, привело к более длительным выступлениям в Касселе. В том году труппа задержалась после пасхальной ярмарки надолго, до 17 июня. Что она делала в последующие три недели, неясно. Затем, с 9 по 20 июля, она четыре раза выступила в Хофгейсмаре, курортном центре недалеко от Касселя. После 20 июля мы снова теряем труппу из виду до 10 августа, когда до августовской ярмарки оставалось 11 дней: в этот день она возобновила выступления в Касселе. Расписание на 1798 и 1799 годы неизвестно, но,

---

²⁸ Kritisches Verzeichniß der in Kassel von der Haßlochischen Gesellschaft im Okt. 1794 gegebenen Schauspiele und Opern // Rheinische Musen. 1795. № 2. S. 186; Vorstellungen der Haßlochischen Gesellschaft in Cassel // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 2. № 1. S. 241, 243.

²⁹ Kritisches Verzeichniß der in Kassel von der Haßlochischen Gesellschaft im Okt. 1794 gegebenen Schauspiele und Opern // Rheinische Musen. 1795. № 2. S. 189.

вероятно, оно было примерно таким же. Согласно «Театральному календарю» за те годы, «труппа выступает в Касселе с начала августа до конца апреля. Летом она должна последовать за двором на княжеский курорт». В 1799 и 1800 годах она провела по меньшей мере часть лета в другом курортном городе, Пирмонте, в княжестве Вальдек близ Касселя [Engelbrecht et al. 1959: 44, 46]³⁰.

Ведомость расходов, подготовленная Хасслохом в марте 1798 года, свидетельствует о растущем авторитете Розенштрауха. По сравнению с контрактом 1796 года недельное жалованье, которое выплачивалось 52 недели в году, несколько повысилось. Так, в контракте 1796 года была одна незанятая вакансия «первого героя и любовника» за 12 рейхсталеров. Теперь Хартвигу и Штайгеру, игравшим эти роли, платили по 13 рейхсталеров каждому. В 1796 году Барбара Антонетта вообще не значилась в списке, а Розенштраух зарабатывал всего 6 рейхсталеров за «второстепенные роли», но в 1798 году указаны были они оба, а их совместное жалованье составило 10 рейхсталеров. В 1796 году 10 рейхсталеров платили за роли «благородных или капризных стариков» — во многих пьесах это были важные персонажи, и теперь играть их было де-факто делом Розенштрауха. Объявление в прессе от 30 июля 1798 года подтверждает, что он играл «благородных и комических стариков», в то время как Барбара Антонетта исполняла небольшие эпизодические роли («служанок»)³¹.

Летом 1798 года Розенштраух, должно быть, видел свое будущее в розовом свете. Он набирал профессиональный и социальный статус как актер театра при княжеском дворе. Его жена была придворной актрисой, а теща — печатницей, связанной с двором. Его дети будут расти под крылом материнской родни, их гори-

³⁰ См. также [Theater-Kalender, 1799: 228; 1800: 275]; Tagebuch des Hoftheaters in Cassel // Journal für Theater und andere schöne Künste. 1797. Bd. 3, № 1. S. 286; Cassel, den 20. März 1800, Journal des Luxus und der Moden. 1800. März. № 15. S. 186–187.

³¹ HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 142 (письмо Хасслоха ландграфу, март 1798 года); Cassel, den 30. July 1798 // Journal des Luxus und der Moden. 1798. September. № 13. S. 533).

зонты будут определяться двором и бюргерской общиной Касселя. Возможно, когда-нибудь они унаследуют профессию родителей или же предприятие бабушки либо другого родственника. Это могла бы быть обычная история бюргерского успеха при Старом порядке, и тогда эта книга не была бы написана. Но тут совершенно неожиданно Барбара Антонетта исчезла из его жизни.

Семейные неурядицы

Ни сам Розенштраух, ни кто-либо другой не оставил свидетельств о его личной жизни в эти годы. Попытаемся, однако, реконструировать, что же произошло.

Розенштраух был главным кормильцем растущей семьи. Когда они с Барбарой Антонеттой прибыли в Кассель, у них было двое маленьких сыновей: старший, родившийся (по-видимому) в 1789 году, и младший, Вильгельм, который родился в голландском городке Залтбоммеле в 1792 году. В 1794 году в Касселе у них родилась дочь, Елизавета Каролина (Элиза), а вторая дочь, Вильгельмина (Мина), появилась на свет в 1795 или 1796 году³². Были ли у Розенштраухов, как во многих семьях, другие дети, умершие в младенчестве? Этого мы не знаем.

Что значила для них семейная жизнь? Будучи актерами, они, должно быть, жили в постоянном внутреннем напряжении, что, наверное, характерно для театрального мира. Мещанская драма восхваляла узы быта среднего класса, а сам Розенштраух специализировался на ролях благостных патриархов. Это были люди, глубоко укорененные в своей семье, сообществе и классе. Как главы семей они правили домочадцами с любовью и твердостью, и если сентиментальные романы или лесть молодых аристократов кружили головы их дочерям, они возвращали девиц на стезю добродетели и долга [Klingenberg 1962: 73]³³. Дальнейшая жизнь

---

³² В 1812 году ей было 16 [Розенштраух 2015: 226].

³³ О двух таких персонажах, которых играл Розенштраух, см. [Salehi 1990: 167–170, 270–274].

Розенштрауха наводит на мысль, что он и сам стремился быть человеком такого склада, но специфика его профессии противоречила этому образу жизни. Ведь актеры, по сути, должны были быть оборотнями. Они изображали других людей, жаждали аплодисментов от незнакомцев и обычно не имели стабильного дома. Они жили под знаком текучести и соблазна, а не постоянства и правдивости. Неудивительно, что им было трудно вести размеренную семейную жизнь. Браки между актерами и актрисами были обычным делом, да и разводы тоже. Например, Хасслох и один из его актеров, Эмануэль Ваксмут, были женаты на двух сестрах, актрисах той же труппы; в ней состоял и брат актрис, оперный певец Кейльхольц. Сам г-н Кейльхольц был разведен, как и г-н Хартвиг, ведущий актер труппы [Kutsch, Riemens 2003, 4: 2348–2349; Kosch et al. 1953–2021, 7: 3720–3721]³⁴.

Для Розенштрауха и Барбары Антонетты переезд в Кассель, по-видимому, означал воссоединение с ее семьей. Можно представить себе счастливый сценарий: вдова Хампе истосковалась по дочери, была покорена своим очаровательным зятем и открыла для себя радость быть бабушкой. Барбара Антонетта почувствовала облегчение, оказавшись дома; а Розенштраух, порвавший с собственной семьей, был рад, что ее ему заменили Хампе. О возможности такого всеобщего примирения говорит то, что Розенштраухи называли одну из дочерей именем бабушки (Елизавета). Но, возможно, все было как раз наоборот. Может быть, вдова не могла смириться с тем, что ее дочь вышла замуж за человека, у которого не было ни денег, ни родственников? Может быть, Барбара Антонетта тяготилась пребыванием вблизи своей семьи и заботой о детях после романтики гастрольной жизни молодой актрисы? (Судя по опубликованным отзывам, она лишь изредка появлялась на сцене в Касселе.) Может быть, Розенштрауха раздражала необходимость угождать родственникам жены, или они отнеслись к нему холодно? Может быть, он скрывал свое

---

³⁴ См. также: Wilhelmine Hartwig // Neuer Nekrolog der Deutschen. Bd. 27, № 1. Weimar, 1851. S. 122. Сестрами Кейльхольца были Кристиана Магдалена Елизавета Хасслох и Доротея Елизавета Ваксмут.

прошлое, так что семейство Хампе заподозрило неладное? А возвращение жены домой заставило его чувствовать себя еще большим отщепенцем?

Как и все браки, брак Розенштраухов строился на их личных отношениях, а об этих отношениях история умалчивает. Из более поздних свидетельств мы знаем, что Розенштраух был человеком волевым и временами вспыльчивым, но одновременно тактичным и заботливым. Но Барбара Антонетта для нас полная загадка. Однако на браки влияют также социальные условия, и в этом мы можем попробовать разобраться. Одной из проблем, по-видимому, были деньги. Могли ли они рассчитывать на чью-либо финансовую поддержку? Мы не знаем, имелись ли у них друзья или дальние родственники, но если они обратились к семье Барбары Антонетты, то их, вероятно, постигло разочарование. Семья Хампе переживала трудные времена. Мать Барбары Антонетты овдовела и изо всех сил старалась, чтобы семейное предприятие не разорилось; остальные восемь ее детей еще не могли оказывать финансовую помощь. О пяти из них имеются некоторые сведения. Вольфганг Фридрих (р. 1772) в 1792 году стал актером и выступал по меньшей мере на протяжении 1790-х годов; похоже, он был единственным, у кого имелся собственный доход³⁵. Доротея Амалия (р. 1773) вышла замуж за управляющего семейным предприятием и, таким образом, жила на его жалованье, которое выплачивала ее же мать. Мария Юлиана (р. 1776) приближалась к брачному возрасту и нуждалась в приданом. Что касается Иеронима (р. 1779) и Иоганна Германа (р. 1783), то они были несовершеннолетними и только готовились возглавить семейное предприятие [Könneske 1894: 39, 41, 43, 46]. Мать Барбары Антонетты, похоже, содержала их всех, кроме Вольфганга, и четверо младших, предположительно, тоже жили с ней. Таким образом, когда объявилась ее блудная дочь с мужем и выводком малышей, едва ли у нее было много лишних денег или жилой площади, которые она могла предложить. Возможно, они помо-

---

³⁵ В театральных календарях он значится в списках играющих актеров [Theater-Kalender, 1799: 108; Theater-Kalender, 1800: 135].

гали друг другу как могли, но с таким же успехом можно представить себе взаимные обвинения.

При отсутствии поддержки со стороны семейство Розенштрауха зависело от его доходов. В 1796 году он зарабатывал 6 рейхсталеров в неделю (312 в год), а с 1798 года ему и Барбаре Антонетте вместе платили 10 в неделю (520 в год). Для сравнения, главный чиновник города в Гессен-Касселе имел базовое жалованье в 320 рейхсталеров, а благодаря всевозможным дополнительным доходам получал 980 рейхсталеров. В Веймаре, столице княжества, сопоставимой с Касселем, элита, составлявшая 4 % жителей, около 1820 года зарабатывала более 600 рейхсталеров в год; средний класс, составлявший 16 %, — от 200 до 600 в год; а остальные 80 % — менее 200. В число 16 %, чей доход был примерно таким же, как у Розенштрауха, входили мелкие чиновники, учителя, преуспевающие ремесленники и многие торговцы. Эти цифры говорят о том, что жизнь среднего класса могла быть Розенштраухам по силам, но только в том случае, если свой вклад вносили оба: он — как добытчик, а она, возможно, с помощью служанки, — как рачительная домохозяйка, на плечах которой лежали уход за детьми, почти ежедневная закупка провизии, таскание воды и дров, стряпня, уборка, стирка, домашние заготовки на зиму и прочая работа, необходимая в доиндустриальном домашнем хозяйстве³⁶.

Можно только гадать, какую роль в их отношениях сыграл театр. Добровольно ли Барбара Антонетта отказалась от своих театральных амбиций? (Ее последующее поведение говорит об обратном.) И как относилась к театру ее семья? Люди круга ее матери обычно смотрели на него скептически, в немалой степени потому, что актеры жили такой беспорядочной жизнью. С другой стороны, хотя Розенштраух действительно гастролировал несколько месяцев в году, по крайней мере, его положение в Касселе было довольно стабильным, а статус труппы как придворного

³⁶ HStA Bestand 5, Nr. 12280, fol. 111–111v, 142. О размерах заработной платы в Гессен-Касселе см. [Friedeburg 1997: 355]. О доходах в Веймаре см. [Bruford 1965: 18]. Красочное описание работы по дому в семье среднего класса того времени см. в [Lewald 1992: 85–86].

театра придавал ей символический престиж, к которому вдова Хампе, возможно, была чувствительна. Вдова также была лично заинтересована в том, чтобы с этим смириться, поскольку в противном случае ей пришлось бы вечно враждовать с дочерью, зятем и старшим сыном.

Еще одним камнем преткновения могла служить религия. Нет никаких признаков, что Розенштраух был набожен, но он оставался католиком, и Барбара Антонетта сменила веру, чтобы выйти за него замуж. У нас есть только отрывочные сведения об их религиозной жизни. В 1792 году, когда в Голландии у них родился сын Вильгельм, они крестили его у католического священника. Залтбоммел был преимущественно реформатским городом с внушительным католическим меньшинством и небольшим числом лютеран. Если бы Розенштраухам было все равно, проще всего, наверное, было обратиться к реформатскому пастору; если бы они посчитались с лютеранским прошлым Барбары Антонетты, на этот случай там был и лютеранский священник [Manen 2001: 237–238]³⁷. Но что случилось после того, как они вернулись в Кассель? Их дочь Элизу крестил пастор-реформат, но так было (по закону) со всеми детьми в Касселе, независимо от вероисповедания. Много лет спустя Барбару Антонетту похоронили по лютеранскому обряду, но мы не знаем, была ли это ее воля или выбор ее семьи³⁸. Сталкивался ли Розенштраух с антикатолическими предрассудками со стороны семьи Барбары Антонетты? Хотела ли Барбара Антонетта вернуться в лютеранство или на нее оказывали давление? Спорили ли родители, в какой вере воспитывать детей? В этом пазле не хватает слишком многих деталей. С уверенностью мы можем сказать только одно: поводов для конфликта хватало.

---

³⁷ По статистике на 1849 год в Залтбоммеле было 3488 жителей, в том числе 2285 реформатов, 979 католиков и 37 лютеран. См.: Tabellen in jaar 1849 // Volkstellingen 1795–1971. URL: <http://www.volkstellingen.nl/nl/index.html> (дата обращения: 02.08.2023).

³⁸ Gestorbene // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 6 November 1819. № 89. S. 1678.

Деньги, театр и религия — возможные сферы разногласий. Могли быть и другие причины, такие как контраст между укорененностью Барбары Антонетты в Касселе и отсутствием корней у ее мужа. В какой-то момент стало ясно, что любви, личного интереса и заботы о детях недостаточно, чтобы сохранить брак. В понедельник в начале июня 1798 года читатели «Кассельских полицейских и коммерческих ведомостей» узнали, что «настоящим актер Розенштраух уведомляет всех о том, что под его счет не следует давать никаких займов, поскольку он ни за что не несет ответственности без собственноручной подписи». Был ли это камень в огород жены? Заманчиво так думать, потому что в том же году она без предупреждения уехала в Мюнстер и разорвала с ним все связи. По крайней мере, так он утверждал позже, когда подавал в суд на развод. Была ли ее версия иной, мы не знаем. Почему она отправилась в Мюнстер, также неясно. Там имелась труппа, два актера которой ранее выступали в Касселе, но присоединилась ли она к ним, неизвестно. Последнее, что мы о ней слышим, это то, что в ноябре 1800 года она и ее брат Вольфганг были в другой труппе в Эссене³⁹.

Розенштраух пробыл в Касселе еще два года. Там у него была хорошая должность, а поскольку они с детьми, которых Барбара Антонетта, по-видимому, не взяла с собой, остались без домохозяйки, они, возможно, нуждались в поддержке ее семьи. А потом в театре наступил кризис. В 1799 году, прослышав, что Хасслох подумывает об уходе, ландграф оштрафовал его и попытался — по-видимому, безуспешно — отменить летние гастроли труппы в курортном городе Пирмонте. Перед Рождеством, представляя свой бюджет, Хасслох пожаловался, что ландграф намеревается сократить его субсидию, а поскольку финансовое положение

³⁹ Bekanntmachung von verschiedenen Sachen // Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1798. 4 Juni. № 23. S. 473. Объявление было повторено год спустя: Bekanntmachung von verschiedenen Sachen // Ibid. 1799. 3 Juni. № 23. S. 502. О попытках Розенштрауха развестись с Барбарой Антонеттой см.: Edictalvorladungen // Ibid. 1804. 30 Juli. № 34. S. 803. О труппах, выступавших в Мюнстере и Эссене, см. [Döring 1931: 325–326]; Auszug eines Schreibens aus Münster vom Decemb. 1798 // Neues Journal für Theater und andere schöne Künste. 1799. № 1. S. 265.

труппы ухудшилось, у него произошла ожесточенная ссора с двоюродом. На Пасху 1800 года он наконец уволился и уехал в Гамбург вместе с женой, ведущей актрисой театра [Engelbrecht et al. 1959: 46]⁴⁰. Но сначала он должен был расплатиться с долгами. Как сообщали «Кассельские полицейские и коммерческие ведомости», «имущество уходящего театрального режиссера Хасслоха: стулья, кушетки, столы, комоды, зеркала, шкафчики и т. д.; кухонные принадлежности, оловянная посуда, печь для выпечки, а также различные довольно хорошие предметы мужской и дамской одежды» были самым унижительным образом проданы с молотка⁴¹.

Начиная с 1799 года Хасслох руководил театром совместно с Маргаретой Викторией Гроссман, известной актрисой и вдовой ведущего театрального антрепренера. После ухода Хасслоха она оказалась не в состоянии изменить ситуацию. К сентябрю 1800 года она перестала вовремя и целиком выплачивать жалованье актерам, а в начале ноября газеты сообщили, что ее имущество было опечатано по требованию кредиторов, а суд ландграфа временно взял театр под свое управление. Розенштраух не стал дожидаться следующей главы эпопеи. (А если бы дождался, то увидел бы, что на следующий год Хасслох был восстановлен в должности антрепренера.) Вместо этого в конце октября он и еще несколько актеров объявили, что через шесть недель уйдут в отставку [Engelbrecht et al. 1959: 47]⁴².

Просвещение и общество в Касселе

Годы, проведенные в Касселе, стали важным этапом в жизни Розенштрауха. Ему удалось добиться профессионального успеха. Он играл заметных персонажей и выучил много ролей; его имя

⁴⁰ См. также: HStA Bestand 5, No. 12765, fol. 5 (письмо Хасслоха ландграфу, 25 декабря 1799 года); Theater // Journal des Luxus und der Moden. 1800. April. Bd. 15. S. 185–186.

⁴¹ Casselische Polizey- und Commerzien-Zeitung. 1800. 12 Mai. № 20. S. 492.

⁴² См. также: Aus Cassel // Journal des Luxus und der Moden. 1800. Dezember. Bd. 15. S. 654–655; HStA Bestand 5, Nr. 12765, fol. 88–89.

регулярно появлялось в прессе. Однако его личная жизнь рухнула. В Касселе он имел шанс — который потом долго ему не предоставлялся — стать респектабельным человеком среднего класса, укоренившимся в своей семье и местном сообществе, таким, каких он играл на сцене. Он оставался в труппе Хасслоха дольше, чем почти все другие актеры; только когда распались и его брак, и труппа, он снова пустился странствовать. Похоже, он пытался обрести респектабельность, став частью местного сообщества бюргеров, основанного на родственных связях. После того как эта попытка провалилась, его личность вновь стала определяться разрозненным, подвижным театральным сообществом.

Возможно, Кассель повлиял на его взгляды и в ином плане. Отношения города с ландграфом отличались определенной интимностью — правителя можно было увидеть в театре, сады его дворца были открыты для публики, а гостям города иногда даже показывали спальни правящей семьи [Merkel 2000], — но за этой дружелюбностью таился жесткий иерархический порядок. Взаимодействие ландграфа с театром сводилось к тому, что правитель требовал выполнения каждого своего приказа, но мало что давал взамен. Контракты он заключал всего на год, субсидии давал мизерные, а верная служба Хасслоха кончилась тем, что его имущество ушло с молотка. Кроме того, ландграф только укрепил стену, изолировавшую актеров от общества. Спонтанные аплодисменты, создававшие связь между актерами и зрителями, были запрещены. Масонство интегрировало новичков в местное общество, но ландграф запретил и это. И дело не только в самом ландграфе — проблема была глубже. В 1798 году один посетитель города сетовал, что дворяне высокомерно отгораживаются от среднего класса, а это мешает двум классам учиться друг у друга, так чтобы сочетать изысканный стиль и манеры знати с интеллектуальной глубиной представителей среднего класса, получивших университетское образование⁴³.

---

⁴³ Briefe über Cassel // *Journal des Luxus und der Moden*. 1798. № 13 (Mai). S. 278–279.

Одной из целей театра Просвещения было прийти к такому сочтению, но Розенштраух имел все основания сомневаться в том, что эта цель была достигнута, во всяком случае в Касселе.

Но даже если что-то его раздражало, нет никаких свидетельств того, чтобы он полностью отвергал Старый порядок. Как утверждает историк Р. Дарнтон, в литературной и художественной жизни Франции XVIII века ведущую роль играли театры, академии и другие учреждения, которые осыпали наградами нескольких избранных писателей, в то время как остальные вынуждены были опускаться на «литературное дно», зарабатывая на жизнь бульварщиной, порнографией и т. п. Радикализм Французской революции, по словам Дарнтона, отчасти был результатом накопившейся злости этих маргинализированных писателей и художников [Darnton 1982: 20–21]. Розенштраух, несмотря на все свои разочарования, не опустил на «дно», ненавидящее само себя. Пусть ландграф был скупым работодателем, но он дал Розенштрауху решающий шанс в карьере; пусть его правление было деспотичным, оно, по крайней мере, стало оплотом против насилия, которое Розенштраух увидел, столкнувшись с армиями революционной Франции. Раздробленность Германии, помимо прочего, означала, что ни один центр не доминировал в национальной культуре, и если актерам или писателям не нравилось в одном месте, они могли уехать куда-нибудь еще. Иерархия не везде была такой жесткой, как в Касселе; Розенштраух, вероятно, знал об этом по выступлениям в курортных городах — Нендорфе в 1791 году, Хофгейсмаре и Пирмонте в конце 1790-х, где дворяне и бюргеры общались более непринужденно [Bott 2001: 54]. Наконец, на его взгляды могли повлиять роли, которые он играл. Мещанская драма показывала множество достойных презрения дворян, но судьба человека в конечном счете зависела от его характера и взаимоотношений, а честный человек был морально равен князьям и мог жить с гордо поднятой головой.

Розенштрауху не было свойственно действовать под влиянием момента. В октябре 1800 года, увольняясь со своей должности в Касселе, он знал, куда направится дальше. Незадолго до этого кассельский театр нанял на главные роли двух новых актеров:

Карла Людвига Крикеберга и его жену Софию Фридрику. Они прибыли из Гамбурга около Пасхи 1800 года, примерно тогда же, когда уехали Хасслохи⁴⁴. Ранее Крикеберги выступали с труппой в герцогстве Мекленбург-Шверин, на побережье Балтийского моря, и уехали в Гамбург только осенью 1799 года, когда эта труппа распалась. Увидев, какой хаос царит в Касселе, они, вероятно, возобновили свои старые контакты. В сентябре 1800 года Крикеберг выиграл концессию на управление придворным театром герцога Мекленбург-Шверинского и пригласил нескольких актеров из Касселя присоединиться к нему в Шверине, столице герцогства. Четверо, включая Розенштрауха, согласились [Bärensprung 1837: 166–167, 169]⁴⁵.

---

⁴⁴ В первый раз они появляются в списке невыплаченных жалований, датированном 29 сентября 1800 года; HStA Bestand 5, Nr. 12765, fol. 36–37. О Крикебергах см.: Theater // Journal des Luxus und der Moden. 1800. April. Bd. 15. S. 185–186.

⁴⁵ Помимо Розенштрауха согласились также г-н и г-жа Богнер и Фридрих Рекке [Bärensprung 1837: 183].

Глава 6

Непревзойденная игра и честный характер

Розенштраух выехал из Касселя предположительно в конце 1800 года. До Шверина лучше всего было добираться дилижансом: путь длиной 315 километров занимал около 80 часов. Дилижансы отправлялись из Касселя в полдень по воскресеньям и четвергам, проезжали через эксклав Ганноверского курфюршества, ночью пересекали герцогство Брауншвейг, вновь въезжали в Ганноверское курфюршество и прибывали в Ганновер на следующие сутки после полудня. В Ганновере Розенштраух пересел на другой ночной экипаж до Люнебурга, а затем на третий — до Шверина, куда прибыл вечером на третьи сутки пути¹. (См. карту 6.1.)

Всякий, кто совершал такое путешествие, на своем опыте ощущал необычное сочетание единства и разнообразия, характерное для Священной Римской империи. С одной стороны, осуществить поездку через несколько немецких государств было несложно. Дилижансы возили почту и пассажиров по всей империи и за ее пределы. Для удобства путников маршруты и расписания экипажей печатались в ежегодных «календарях» разных государств — справочниках, содержавших списки должностных

---

¹ Allgemeines Post- und Reise-Handbuch durch Deutschland, Frankreich, Holland, Helvezien, Italien und andere angrenzende Länder. Nürnberg, 1805. S. 58, 87; Landgräfl. Hessen-Casseler Staats- und Adress-Kalender (1800). S. 143; Königl.-Grossbritannischer und Churfürstl.-Braunschweig-Lüneburgscher Staatskalender auf das Jahr 1799. Lauenburg, o. J., 6. n. Verzeichniß der Posten; Herzoglich Mecklenburg-Schwerinscher Staats-Kalender 1800. Schwerin, o. J. Teil. 2. S. 3–4.

лиц, перечни государственных праздников и другую официальную информацию. Путешественникам не требовались визы, так как свобода передвижения по империи была записана в Вестфальском мирном договоре 1648 года, а пограничный контроль, так или иначе, был точечным [Scholz 2020: 33].

С другой стороны, из-за раздробленности империи путешествия были обременительны. В каждом государстве ходила своя валюта. Серебряный рейхсталер был в ходу во всей империи, но монеты меньшего достоинства, более удобные для повседневных расходов, у каждого государства были свои: так, по маршруту Розенштрауха, один рейхсталер составлял 32 альбуса по 9 пфеннигов в Гессен-Касселе, 36 грошей по 8 пфеннигов в Ганновере и 48 шиллингов по 12 пфеннигов в Мекленбурге-Шверине [Kruse 1808, 1: 140, 279, 463, 610–615]. Раздробленность империи также делала дорогу долгой и неудобной. В отличие от Великобритании или Франции, в Германии не было централизованного правительства, которое могло бы ввести монополию на перевозку почты и пассажиров; в результате имперской почте, претендовавшей на такую монополию, приходилось конкурировать с местными почтами, находившимися под началом правителей разных государств.

От местных интересов и ресурсов каждого правителя зависело и дорожное строительство, поэтому дороги зачастую находились в аварийном состоянии или просто заканчивались на границе государства. Технические требования к конструкции экипажей также разнились от княжества к княжеству. Экипажи оставляют на грунтовых дорогах колеи, соответствующие расстоянию между колесами. Согласно справочнику для путешественников, стандартное расстояние между колесами в государствах, через которые ехал Розенштраух, — как указано в пособии, в рейнландских футах, поскольку длина фута тоже различалась, — составляло 4 фута 4,5 дюйма в Брауншвейге, 5 футов 1,5 дюйма в Ганновере, 5 футов 5,5 дюйма в Люнебурге и 3 фута 6 дюймов в Мекленбурге. Экипажам, ехавшим по дорогам, где колеи не совпадали с расстоянием между их колесами, грозила опасность опрокинуться или сломать колеса. Во избежание этой угрозы констрк-

Карта 6.1. Передвижения
Розенштрауха в 1801–1804 годах

ция немецких дилижансов подчинялась в первую очередь требованиям прочности и устойчивости, а не легкости, скорости или удобства [Scholz 2020: 26, 43; Martus 2015: 204; Gilbert 1791–1792, 1: 3–5].

Империя отличалась разнообразием и в социально-экономическом плане. Уже наступила ночь, когда Розенштраух сразу за Люнебургом пересек реку Эльбу, границу между курфюршеством Ганновер и герцогством Мекленбург-Шверин. Полями, которые он видел в Ганновере, владели свободные крестьяне, в основном

обязанные платить дворянам только ренту. А в Мекленбурге крестьяне были крепостными. Помимо того, что они не обладали личной свободой, дворяне все чаще захватывали их земли и превращали крестьян в обычных батраков. Так создавался аграрный режим, который вызывал споры внутри Мекленбурга и широко осуждался в других регионах [Wittich 1896: 1–12; Whaley 2012, 2: 251, 256]. Движимые теми же идеалами разума и прогресса, что заставляли их презирать «отсталость» цирюльников-хирургов, бродячих актерских трупп и готической архитектуры, мыслители эпохи Просвещения возмущались несправедливостью порабощения человека человеком. Ранее мы видели, как были потрясены гессенские ветераны американским рабством; крепостное право в землях к востоку от Эльбы вызывало похожие чувства. По словам автора из Ганновера, «тот, кто проведет день в сельской усадьбе в Мекленбурге, наверняка увидит зверства, от которых сердце обливается кровью». «Первое, что я увидел, войдя в дом [помещика]», добавляет он, была «большая, прочная плеть»². Барон Карл фом Штайн, который позже способствовал отмене крепостного права в Пруссии, считал дворянские усадьбы в Мекленбурге «логовом хищного зверя, который все опустошает и распространяет вокруг себя могильное оцепенение»³.

Эльба была не просто границей между Ганновером и Мекленбургом. На двух ее берегах лежали две разные Европы, каждая со своим общественным укладом. К концу Средневековья крепостное право исчезло в западной и южной Европе, но укрепилось в восточной. Позже урбанизация, капитализм и либеральные революции бросили вызов Старому порядку, — но произошло это только на северо-западе Европы. Восточная половина этой раздвоенной Европы начиналась на границе с Мекленбургом; отмечая этот факт, один немецкий географ писал, что крестьяне Мекленбурга похожи на польских и русских крестьян, потому что все они пребывают в «рабстве» [Jacobi 1794: 43–44; Rösener 1993: 80, 108–110, 140, 161–162].

² Анонимные путевые заметки 1787 года, цит. по: [Rösener 1993: 138].

³ Цит. по: [Sugenheim 1861: 433].

Кроме того, Эльба была политической и культурной границей. Теперь Розенштраух вступил в область, которую современники называли «Севером», — бассейн Балтийского моря. Этот регион был домом многих народов, но в основном здесь правили шведы, немцы и русские. На северо-западе Балтии население было в основном шведским, а на юге и юго-западе — немецким. Дальше на восток крестьяне принадлежали к другим национальностям, но в результате многовековой колонизации дворяне и бюргеры были либо шведами (в Финляндии), либо немцами (в остзейских губерниях). Позже Россия аннексировала Финляндию и остзейские губернии, но предоставила шведскому и немецкому меньшинствам власть на местах. Какие силы объединяли Балтию, было наиболее очевидно при путешествии морем. Крестьянская культура в деревнях разнилась от района к району, но портовые города во всем регионе были похожи: почти во всех дворяне и бюргеры были протестантами и говорили либо по-немецки, либо по-шведски, везде имелись постройки в стиле кирпичной готики, стояли корабли под британскими или голландскими флагами. Присутствие этих кораблей давало понять, что Балтия интегрирована в более крупную международную систему. Великобритания и Голландская республика нуждались в балтийском зерне, чтобы прокормить свои растущие города, и в балтийской древесине, чтобы строить корабли для своих флотов; за эти и другие сельскохозяйственные товары они платили из доходов, получаемых от колоний. Таким образом, сельские районы Балтийского региона, портовые города вдоль Балтийского побережья, капиталистические экономики Северо-Западной Европы и европейские колониальные империи соединились в одну морскую торговую сеть [North 2015: 78, 88, 99–104, 129–132, 158–164].

Мекленбург, с 1701 года разделенный на два герцогства со столицами в Шверине и Стрелице, был сформирован этим окружением. Его порты были повернуты лицом к Балтике и торговали в основном со Швецией; его население и правители, хотя и давно германизированные, были славянского происхождения, а наследник престола был женат на русской великой княжне.

Герцогский театр

Поездка Розенштрауха из Касселя в Шверин, по всей вероятности, была тоскливой, особенно после того, как дорога спустилась с живописных холмов на Северогерманскую равнину. По мере его продвижения на север дни становились короче, а погода ближе к побережью — все более ветреной. В окрестностях Шверина весь ноябрь и первую неделю декабря было ветрено и дождливо, потом дождь сменялся морозом и снегом, но дни по-прежнему оставались в основном пасмурными⁴. Путешествуя по сырой, серой стране, он наверняка обращался мыслями к тому, что ждало его впереди. Скорее всего, он был наслышан о Мекленбурге, и в любом случае Крикеберг, его новый директор, описал ему эти места. Тамошние порядки сильно отличались от тех, что оставались позади. В начале 1790-х годов в княжествах-епископствах Мюнстер и Оснабрюк труппа Розенштрауха могла сводить концы с концами, только кочуя из города в город. Но потом он переехал в Кассель. Благодаря честолюбивым ландграфам, построившим столицу, способную содержать театр большую часть года, у него появился шанс осесть и остепениться. В течение нескольких лет бюргерская мечта — семья, респектабельность, укоренение в местном сообществе — была в пределах его досягаемости, но уход Барбары Антонетты нанес по ней тяжелый удар. Другой удар нанес он сам, бросив Кассель.

Город Шверин, расположенный в красивейшей местности среди лесов и озер, возможно, напомнил ему Кассель. Как и Кассель, это был старинный город, ставший княжеской столицей, с замком, средневековым Старым городом, узкие улочки которого современники находили уродливыми, и геометрически спланированным Новым городом. Шверинский замок стоял (и по сей день стоит) на живописном острове посреди озера. Подъемный мост отделял замок от площади под названием Старый сад: одним

---

⁴ О погоде в окрестностях Шверина в ноябре–декабре 1800 года см. соответствующие месяцы в начале календаря: Herzoglich-Mecklenburg-Schwerinscher Staats-Kalender 1802. Schwerin, o. J., 6. n.

из окружавших ее величественных зданий был театр, где соби-
рался играть Розенштраух⁵.

К сожалению, Шверин был слишком мал, чтобы содержать постоянный театр. С населением чуть менее 12 000 человек, он был вдвое меньше Касселя. Герцог предпочитал проживать в загородной местности, поэтому двор обычно находился за пределами Шверина и не мог обеспечить постоянную публику. Кроме того, доходов герцога не хватало на строительство мануфактур или создание большой армии, которые могли бы привлечь людей в Шверин, поскольку, в отличие от ландграфа Гессена, ему мешал парламент, контролируемый знатью. Кроме того, в экономике, в которой доминировали знатные землевладельцы — экспортеры зерна, не было активного сектора частного предпринимательства. Факторы, придававшие динамизм Касселю, — двор, армия и предприятия, которые их обслуживали, — в Шверине практически не действовали. Ресурсы, выделяемые театру, были, соответственно, скромными. Правительство пообещало Крикебергу субсидию в размере всего 2600 рейхсталеров в год, плюс выручку буфета и доходы от балов-маскарадов во время карнавала, а также единовременную выплату в размере 500 рейхсталеров на первоначальные расходы. По сравнению с 6800 рейхсталерами, которые получил Хасслох в Касселе, это было не так уж много [Whaley 2012, 2: 246; Jacobi 1794: 43–44, 48–51, 55–59, 61, 70–71]⁶.

Почему Розенштраух все же поступил в театр на таких условиях? Вероятно, Крикеберг сумел его убедить. Он выступал в Шверине в конце 1790-х годов, так что знал, что к чему. В отличие от Хасслоха, которому приходилось каждый год бороться за продление контракта, Крикеберг получил трехлетний контракт на 1801–1803 годы. Зимы он проводил в Шверине, а летом следовал за двором на морской курорт Доберан. В промежутках

⁵ Местоположение театра и исторические карты Шверина см.: URL: <http://hartmutstein.com/theater.html> (дата обращения: 08.12.2023); URL: <http://www.uni-muenster.de/Staedtegeschichte/portal/einfuehrung/stadttypen/residenzstadt-bildergalerie/index.html> (дата обращения: 08.12.2023).

⁶ О численности населения Шверина см. [Wehnert 1802] (таблица перед с. 52); о субсидиях двора театру см. [Bärensprung 1837: 182].

труппа выступала в других городах. Если Хасслох вынужден был выполнять приказы театрально-концертной дирекции ландграфа, то Крикеберг мог свободно нанимать и увольнять актеров, и только в присутствии двора, то есть в Доберане, а иногда и в Шверине, мог получать указания, какие пьесы ему ставить. Розенштрауху были предложены неплохие условия. Мы не знаем, какое ему положили жалование, но, как и в Касселе, он должен был играть роли «стариков второго плана и злодеев». «Злодеи» считались одним из самых сложных амплуа, и, как мы увидим, Крикеберг, похоже, давал Розенштрауху более важные роли, чем Хасслох⁷.

На гастролях

Труппа дала свое первое представление 2 января 1801 года, на второй день нового столетия. Актеры оставались в Шверине в течение пяти месяцев, обычно давая по три представления в неделю. В январе театр закрылся на три недели, так как при дворе был траур по дочери герцога, принцессе Саксен-Готской. Двор посетил пять представлений в конце февраля и начале марта. В остальном, по-видимому, контакты с двором были незначительными⁸.

5 мая труппа отправилась на гастроли. (См. карту 6.1.) Первой остановкой был Росток, главный морской порт Мекленбурга и его крупнейший город с населением почти 14 000 человек. Крикеберг получил ангажемент на выступления во время городской ярмарки в честь Пятидесятницы, которая проходила в том году с 26 мая по 6 июня [Bärensprung 1837: 185]⁹. Шверин был похож на другие

⁷ Landeshauptarchiv Schwerin (Главный гос. архив Шверина), 2. 26–1 «Großherzogliches Kabinett 1», 10246 («Kunst und Kunstgewerbe: Schauspieler und Schauspielregisseure», раздел «Acta des Engagement der Krickebergischen Schauspieler-Gesellschaft betr.»); см. также [Bärensprung 1837: 166, 168, 182–183; Düringer, Barthels 1841: Kol. 600–602].

⁸ О расписании спектаклей труппы в разных городах см. [Bärensprung 1837: 183–202].

⁹ См. также: Herzoglich MecklenburgSchwerinscher Staatskalender 1801. (Schwerin, o. J.). Teil 1, б. п. Цифра, касающаяся численности населения, включает в себя тех, кто причащался, и детей старше 5 лет: Herzoglich-Mecklenburg-Schwerinscher Staatskalender 1804 (Schwerin, o. J.). Teil. 2, S. 174.

немецкие второразрядные столицы, которые Розенштраух уже видел, такие как Мюнстер, Оснабрюк, Кассель и Майнц, но Росток был городом другого типа. В нем доминировали представители среднего класса, а не двор князя или епископа. Его корабли развозили сельскохозяйственную продукцию Мекленбурга по всему Балтийскому региону. До 1788 года он был независимым городом-государством, продолжал чеканить собственные монеты и в целом пользовался такой автономией, что посторонние ошибочно считали его вольным имперским городом вроде Гамбурга или Любека [Jacobi 1794: 67; Martus 2015: 189]. К тому же это был культурный центр. Розенштраух, насколько нам известно, никогда не жил в университетском городе, а после отъезда из Голландии — и в городе с действующей масонской ложей. В Ростке, где располагались единственный университет (небольшое учебное заведение, насчитывающее около 60 студентов) и единственная масонская ложа Мекленбурга-Шверина, он встретил и то и другое. Как мы увидим, он начал посещать ложу, возглавляемую университетским профессором. Что касается студентов, то они посетили столько спектаклей его театра — Крикеберг поощрял их, продавая билеты со скидкой, — что герцогское правительство выразило обеспокоенность «беспорядками, вызванными чрезмерно частыми посещениями местными студентами Ростокского театра»¹⁰.

В Ростке труппа пробыла восемь недель и 26 июня дала свое последнее представление. Затем, отъехав на небольшое расстояние, она провела июль и август неподалеку от Ростка, в маленьком приморском городке Доберане, первом пляжном курорте Германии. Оздоровительный туризм на морском берегу был модой, привезенной из Англии. Врачи рекомендовали холодную морскую воду при недугах, которые сегодня определили бы как проблемы с кровообращением, обменом веществ и кожей, при поражениях внутренних органов, для общего оздоровления,

¹⁰ Письмо герцога Фридриха Франциска I Крикебергу от 4 декабря 1802 года [Raabe 1844–1859, 4: 205]; [Wildberg 1810: 284; Bröcker 1894: 158–160, passim; Allgemeines Handbuch 1900–1901, 2: 515].

а также при тревоге, депрессии и других нервных расстройствах [Müller-Dietz 1967: 240–242, 244–245; North 2015: 219]. Крупнейшим сторонником таких методов лечения в Германии был С. Г. Фогель, профессор медицины и глава ростокских масонов. Фогель служил у герцога придворным врачом и в 1793 году убедил его основать курорт в Доберане. В 1801 году, когда сюда прибыл Розенштраух, в остальной Германии существовал только один подобный курорт — далеко на западе, на острове Нордней в Северном море.

Основываясь на холистических идеях медицины раннего Нового времени, врачи полагали, что морская вода бодрит тело, в то время как разум восстанавливается благодаря спокойной атмосфере курорта и потрясающему, а для многих посетителей новому зрелищу, которое представляют побережье и прибой. Веселье и непринужденность были важны для задачи Доберана не меньше, чем для сухопутных курортов, известных Розенштрауху. По утрам следовало окунуться в воду на пляже — либо в купальне, где насосы и водонагреватели позволяли купальщикам наполнять ванны морской водой той температуры, которую рекомендовал им врач, либо непосредственно в море [Wundemann 1800–1803, 1: 233; Röper 1808: 33–39]. После купания можно было перекусить, прогуляться по берегу или послушать музыкантов на пляже. Вторую половину дня отдыхающие проводили в городе: гуляли, играли в азартные игры, читали или посещали стекавшихся в Доберан торговцев, художников, парикмахеров, дантистов и пр. В первое лето пребывания там Розенштрауха в Доберане по меньшей мере с одной ночевкой побывали 1003 человека. Из них купаться приехал только 341; остальные, по-видимому, явились просто ради светской жизни. Почти все они были из Германии либо из Балтийского региона в целом: в записях за 1803 год числятся туристы из Англии, России, немецкоязычных остзейских губерний России, Польши, Франции, Швеции и Дании, и даже один испанец [Röper 1808: 7–8, 12–13, 48, 50–52, 57–58]¹¹.

¹¹ См. также описание: *Neue Annalen des Seebades von Doberan* // *Neue Allgemeine Deutsche Bibliothek*. 1805. Bd. 95, № 5. S. 321.

Курортники начинали съезжаться в июне, но пик сезона наступал только в начале июля, когда прибывал герцог — и не случайно именно в это время там оказалась труппа Крикеберга. Театр был неотъемлемой частью вечеров в Доберане, как и балы, фейерверки и другие развлечения. Розенштраух и его труппа квартировали в частных домах и выступали четыре-шесть вечеров в неделю. Поскольку здание театра все еще строилось, представления давались на мельнице и в заброшенном монастыре [Röper 1808: 53–56]¹². Доктор Фогель представлял себе свой курорт как некий анклав, где лето было необычным временем, когда дворяне и бюргеры могли купаться, обедать, играть в карты вместе. В путеводителе объяснялось, что в новом театре почти не будет лож, «чтобы избежать любых споров о чинах» [Röper 1808: 9]. Были ли эти усилия успешными? Один из посетителей сообщал, что Доберан действительно был «веселым и дружественным», с «небольшим неравенством или вовсе без него». За это «мы должны в первую очередь благодарить герцога», который «ненавидит всяческие подобные разделения и стремится по возможности предотвратить их». На самом деле это стоило борьбы, и сам Фогель процитировал газету, которая придерживалась иного мнения: «Слишком строго и холодно богатый дворянин охраняет сословные границы»; так, писала газета, создается атмосфера отчуждения, которая «вынуждает почти каждый класс создавать свой отдельный круг»¹³.

В некотором смысле Доберан напоминал театр или масонскую ложу. Историк М. Норт утверждает, что суть Просвещения состояла не только в идеях и формах общения, но и в том, что

¹² См. также: *Viertes Verzeichniß der beim Doberaner See-Bade angekommenen Cur-Gäste und Fremden*, 1802 (Rostock, o. J., 6. п.), 1803; *Fünftes Verzeichniß... 1804; Ueber Dobberan im Jahr 1799 (Auszug eines Briefes)* // *Journal des Luxus und der Moden*. 1800. Februar. Bd. 15. S. 79; C. St. *Rückblick auf Doberan (Schluß)* // *Der Freemüthige*. 1805. 16 Februar. № 34 S. 135.

¹³ Слова курортника цит. по: *Seebad in Doberan im Meklenburg-Schwerinschen (Auszug eines Briefes)* // *Journal des Luxus und der Moden*. 1801. Januar. Bd. 16. S. 14. См. также [Wundemann 1800–1803, 1: 251–254]; C. St. *Rückblick auf Doberan (Schluß)*. S. 135–136 (эта статья упоминается в [Vogel 1805: 51]).

все больше людей становились потребителями книг, музыки, моды и тому подобного. Театры, ложи и курорты, такие как Доберан или водолечебницы Ненндорф, Пирмонт и Хофгейсмар (где Розенштраух выступал в 1790-х годах), были местами, где происходила эта синергия идей, общения и потребления. Все они были созданы для того, чтобы способствовать общности, цивилизованности и равенству. О них писали в прессе, и они привлекали посетителей из дальних мест. Люди приезжали не только для того, чтобы укрепить дух или излечить тело, но и ради впечатляющего спектакля и приятного времяпрепровождения в хорошем обществе. Плата за посещение имела уравнивающее действие: Фогель описывал Доберан как «место, где так много людей самых разных классов, заплатив свои деньги, претендуют на одинаковые права»; то же самое можно сказать о театре или ложе [Vogel 1805: 36–37; North 2008: 1–3]. Розенштраух был актером, масоном, а в дальнейшем предпринимателем; возможно, лета, проведенные в Доберане, помогли ему увидеть во всех этих занятиях вклад в один и тот же масштабный проект Просвещения.

Купальный сезон в Доберане закрылся в конце августа. Уехали и двор, и отдыхающие, а вместе с ними и труппа Крикеберга. Ее следующий ангажемент в Шверине начинался только на Рождество. А куда деваться актерам в промежутке, должен был придумать Крикеберг.

В марте 1801 года он связался с городом Штральзундом в шведской Померании, немецкой территории к востоку от Мекленбурга, находившейся под властью Швеции. Штральзунд также был морским портом и административным центром, хотя и меньше Росток. Отцы города, люди консервативные, предоставляли театральные ангажементы только на один сезон. По-видимому, они опасались, помимо прочего, что актеры окажутся никуда не годными, разорятся и сядут на шею властям. Кроме того, их беспокоило то, что театр ставит под угрозу общественные приличия и отвращает людей от религии. Шведское правительство было с этим не согласно: оно разделяло просвещенческие взгляды о воспитательной функции театра. Воскресные спектакли

были в Швеции запрещены, но в 1797 году правительство сделало исключение для Штральзунда, основываясь на том, что театр повышает нравственность населения и отвлекает от посещения кабаков. Городской совет выразил протест, но это не возымело действия [Struck 1895: 72–74].

Из писем Крикеберга в городской совет, сохранившихся в архивах Штральзунда, видно, как он старался развеять эти опасения. Совет может быть уверен в профессионализме его труппы, писал он, потому что ее нанимал «один из ведущих княжеских дворов Германии» и в ее состав входят актеры, известные совету «из публичных театральных новостей», — тут он перечислил несколько фамилий, правда, Розенштрауха среди них не было. Финансовое положение труппы стабильно, так как герцог щедро ее субсидировал, личная репутация директора герцогского театра, начальника Крикеберга, служит гарантией ее «нравственного поведения». Очевидно, это успокоило городской совет, и с Крикебергом был заключен контракт на период с сентября по ноябрь 1801 года, при скромном требовании, что после каждого представления 24 шиллинга — половина рейхсталера, стоимость нескольких билетов, — из вырученных средств будут пожертвованы в фонд помощи бедным¹⁴.

В начале сентября 1801 года труппа прибыла в Штральзунд. До 20 октября она давала по четыре спектакля в неделю, затем увеличила их число до шести, а в начале ноября покинула город. Перед отъездом Крикеберг попросил разрешения вернуться в следующем году. Он объяснил, что переезды и жилье стоят дорого, поэтому он должен позаботиться об этом заблаговременно. Два года спустя, запрашивая еще одно возобновление контракта, он добавил, что хотел бы сократить транспортные расхо-

¹⁴ Stadtarchiv Stralsund (роп. архив Штральзунда), Bestand 1.03.13 «Polizeiwesen der Stadt Stralsund», Rep. 18, Nr. 1172 («Die Krickebergsche Herzoglich-Mecklenburgische Hofchauspielgesellschaft aus Schwerin»), письмо от 27 марта 1801 года; решение городского совета на обороте письма. Благодарю архивиста Андреа Ханиш за предоставление мне сканированных копий писем Крикеберга. Билеты в театр в Росток стоили от 4 до 16 шиллингов, в зависимости от места (см. [Ebert 1872: 91]).

ды, оставив часть имущества своей труппы в Штральзунде¹⁵. Из Штральзунда труппа вновь отправилась в Росток и оставалась там до середины декабря. На зиму она вернулась в Шверин и 21 декабря сыграла там свой первый спектакль.

В 1802, 1803 и 1804 годах этот маршрут повторялся. Единственным изменением был заезд в город Гюстров. Актеры Крикеберга находились в Шверине с Рождества по апрель; в Гюстрове до середины мая; в Росток до последних чисел июня; в Доберане в июле и августе; в Штральзунде в сентябре и октябре; в Росток с ноября до середины декабря; к Рождеству они снова возвращались в Шверин.

Репертуар и спектакли

С сугубо театральной точки зрения передвижение между городами имело свои плохие и хорошие стороны. Кажется маловероятным, что труппа путешествовала с костюмами, декорациями, музыкантами и хористами, сравнимыми с теми, что имелись в наличии в Касселе. Возможно, по этой причине Крикеберг ставил меньше опер: судя по пространным, хотя и неполным записям, оперы составили лишь треть (33 %) всех постановок, тогда как у Хасслоха в Касселе они достигали почти половины (48 %)¹⁶. Но постоянные разъезды имели и свои преимущества. В каждом городе повторялся один и тот же репертуар, поэтому актерам чаще приходилось выступать в одной и той же роли; таким образом, у них было больше времени на разучивание

---

¹⁵ Stralsundische Zeitung. 1801. 5 September. № 107; 1801. 20 Oktober. № 126; Stadtarchiv Stralsund, Bestand 1.03.13, Rep. 18, Nr. 1172 (письма от 6 ноября 1801 года и 26 октября 1803 года).

¹⁶ Сведения о спектаклях труппы взяты из [Bärensprung 1837: 183–202; Struck 1895: 78], а также афиш, доступных в библиотеке университета Ильменау с помощью инструмента Ilmenauer Discovery Tool: URL: <https://find.bibliothek.tu-ilmenau.de/Search/Results?lookfor=rosenstrauch+theaterzettel+1804&type=AllFields&page=2> (дата обращения: 08.12.2023); и газеты: Stralsundische Zeitung. 1801, № 120, 123, 126 (6, 13, и 20 октября); 1802, № 109, 119, 127, 130 (11 сентября, 5, 23 и 30 октября); 1803, № 106, 118, 125 (3 сентября, 1 и 18 октября); 1804, № 105, 113 (1 и 20 сентября).

текстов и отработку слаженной игры в ансамбле. Что касается Хасслоха, то у нас есть данные о 135 спектаклях, поставленных по 86 разным пьесам или операм. У Крикеберга это соотношение равно 364 к 120. Это означает, что в среднем у Хасслоха каждая пьеса игралась полтора раза, а у Крикеберга — три раза. На самом деле у Крикеберга эта цифра была еще выше, так как у нас нет данных о повторных представлениях спектаклей, сыгранных в Штральзунде.

Состав зрителей, возможно, менялся от города к городу, но спектакли и набор жанров оставались неизменными. Это было удобно для актеров, а также соответствовало идеалу Просвещения — использовать театр для объединения образованной публики. Оперы составляли от четверти всех постановок в Доберане до трети в Гюстрове. Что касается пьес, то трагедия занимала от 7 % постановок разговорного театра в Доберане до 20 % в Ростоке, а остальное примерно поровну распределялось между драмой и комедией¹⁷. Как репертуар Крикеберга соотносился с тем, который Розенштраух знал по Касселю, помимо того, что Крикеберг ставил меньше опер? Доля трагедий была примерно одинаковой: 17 % всех постановок разговорного театра в Касселе, 13 % в Мекленбурге. Но в других жанрах соотношение поменялось: в Касселе драм игралось почти вдвое больше, чем комедий (54 % против 29 %); в Мекленбурге их было равное количество (43 % против 44 %).

Однако эти цифры не говорят о том, насколько отличен был репертуар Крикеберга. Театры всегда искали новый материал, и два первостепенных немецких писателя как раз в то время

---

¹⁷ Постановки опер в абсолютных числах и процентах от числа всех постановок: Шверин — 52 (33,3 %); Доберан — 15 (26,7 %); Росток — 16 (31,3 %); Гюстров — 25 (35,7 %). Постановки пьес в абсолютных цифрах и в процентах от всех постановок разговорного театра: Шверин — 47 комедий (45,1 %), 41 драма (39,4 %), 16 трагедий (15,4 %); Доберан — 19 комедий (46,3 %), 19 драм (46,3 %), 3 трагедии (7,3 %); Росток — 13 комедий (37,1 %), 15 драм (42,8 %), 7 трагедий (20,0 %); Гюстров — 22 комедии (48,8 %), 19 драм (42,2 %), 4 трагедии (8,8 %). Данные по Штральзунду слишком отрывочны, чтобы сравнивать.

работали над некоторыми из своих главных произведений. Жанр трагедии был возрожден Шиллером. Написав несколько пьес в 1780-е годы, он замолчал в 1790-е, но когда Розенштраух был в Мекленбурге, у Шиллера случился новый подъем творчества. Это нашло отражение в репертуаре обоих театров. Хасслох ставил в основном старые трагедии, и ни одна не принадлежала перу Шиллера; напротив, у Крикеберга из 32 трагедий 15 спектаклей было по Шиллеру, причем 12 пришлось на две новые пьесы — «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева». Однако по-настоящему преобразило театр не что иное, как громадное влияние Августа фон Коцебу, который в то время обретал славу как плодовитый и популярный драматург. В театре Хасслоха на долю Коцебу пришлось всего 11 из 70 постановок разговорного жанра, зато у Крикеберга этот показатель составил 109 из 245, включая пятую часть трагедий и около половины всех комедий и драм.

То, что мы знаем об участии Розенштрауха, отличается от аналогичных сведений по Касселю. Мекленбург, по сути, считался заштатным княжеством, и, возможно, поэтому у нас мало театральных рецензий, упоминающих игру Розенштрауха. С другой стороны, о его значимости для труппы мы знаем больше, поскольку сохранился комплект афиш зимнего сезона 1803/04 годов в Шверине, по-видимому, полный. Он содержит 49 спектаклей, в которых было занято 24 актера и актрисы, и становится ясно, что Розенштраух был опорой труппы. В отличие от большинства других актеров, он одинаково часто выступал в драматических спектаклях и в операх (хотя не в важных певческих ролях). В целом он появился в 45 из 49 спектаклей. Сравниться с ним мог только один актер; на счету всех остальных было менее 40 спектаклей¹⁸.

Если взглянуть на его биографию в свете сыгранных им ролей, в пору поверить, что жизнь подражает искусству. Так или иначе, они продолжают друг друга. В последние годы жизни он представлял себя аполитичным мудрецом, считающим, что суть жизни в повседневных делах, а не в деяниях королей и револю-

¹⁸ См. программы, доступные в библиотеке Университета Ильменау.

ционеров. Чтобы мир стал лучше, должны измениться люди, а не политика. Это лежало в основе немецкой мысли эпохи Просвещения, и это пронизывало все роли, которые он играл. Только один его герой, лорд Берли из «Марии Стюарт» Шиллера, побуждал к размышлениям о государственных делах. Во всех прочих спектаклях он играл типичного персонажа эпохи Просвещения, мудрую отеческую фигуру. В опере он ограничивался второстепенными ролями или теми, где не требовалось петь, но в пьесах, если нужно было сыграть старого слугу или непоколебимого патриарха, который говорит правду женам, соблазнителям или молодым любовникам, эта роль отдавалась ему. Некоторые из этих персонажей обладали особым авторитетом, поскольку наблюдали за обществом со стороны, будь то сельские отшельники или представители чуждых культур: Розенштраух сыграл двух мусульманских владык, пашу Селима в «Похищении из сераля» Моцарта и эмира в «Крестоносцах» Коцебу, а также самого знаменитого из таких персонажей во всем театре Просвещения — заглавного героя-еврея в пьесе Лессинга «Натан мудрый»¹⁹. Долг,

¹⁹ Его разговорные роли следующие: Глубокомысл («Тирольский калач» Я. Хейбеля); Артенио («Аксур, царь Ормуза» А. Сальери); Паша Селим («Похищение из сераля» В. А. Моцарта); граф Бургау («Дунайская русалка» Ф. Кауэра, ч. 1, 2 и 3); мельник («Глупый садовник» Б. Э. Шака). Певческие роли: Коррадо («Лилья, или Красота и добродетель» В. Мартин-и-Солера); сельский староста («Праздник виноделов» Ф. Кунцена); Бартоло («Свадьба Фигаро» В. А. Моцарта); Михель («Охота» И. А. Хиллера); первый жрец («Волшебная флейта» В. А. Моцарта). Он также играл персонажа по имени Рорбах в опере В. Мюллера «Воскресное дитя». Отцов он играл в следующих постановках: «Хамелеон» (Г. Бек), «Тирольский калач» (Я. Хейбель), «Дунайская русалка» (Ф. Кауэр), «Мир в доме» (А. Иффланд), а также в трех пьесах А. фон Коцебу: «Проделки посыльного», «Гуго Гроций» и «Гуситы под Наумбургом в 1432 году». В пьесе Шредера «Тихие воды глубоки» он играл роль дяди. Также он играл мужей в пьесах «Спасение за спасение» Г. Бека и «Клеветники» А. фон Коцебу. Он играл мудрого учителя (пьеса Ж. Н. Буйи «Abbé de l'Erée, или Глухонемой») и старых слуг («Октавия» Коцебу, «Сила характера» Иффланда и «Лилья, или Красота и добродетель» Мартин-и-Солера). Роли деревенских отшельников: Вайлерт (в «Семье Лонау» Иффланда), Старый Роок («Ипполит и Розвида» Г. Чокке); Петер («Граф Бургундский» Коцебу); Арльштайн («Визит, или Жажда блистать» Коцебу) и Варбергер («Отцовский дом» Иффланда).

любовь, уважение к порядку и доброжелательность ко всему человечеству — таковы были идеалы, олицетворяемые этими фигурами. Если он эти идеалы усвоил, то легко понять, почему, подобно многим своим немецким современникам, он, критически относясь к обществу Старого порядка, враждебно принял Французскую революцию.

Весьма стесненное положение

Если на сцене в те годы Розенштраух имел успех, этого нельзя сказать о его личной жизни. При Старом режиме, если у кого-то наступали трудные времена, например кончались деньги или болел ребенок, пережить их помогали родственники и соседи, а также торговцы, уступавшие товары в долг. Но Розенштраух, которому в год приходилось совершать полдюжины переездов с места на место, имел мало возможностей завести такие связи. Даже просто найти жилье порой удавалось с трудом. Актер Й. А. Крист вспоминал, что, когда его труппа останавливалась на ночлег по пути на очередные гастроли, им «все пришлось довольствоваться соломой... ибо у какого трактирщика в прусской деревне найдутся постели примерно для 30 человек?» Проблемы не заканчивались и тогда, когда актер прибывал на место. Однажды Криста прогнали два домовладельца: «Не-е, для актеришек никаких комнат», — сказал первый из них, цирюльник. Второй, плотник, заявил, что «были тут уже комедианты и натворили делов, откель мне знать, что новые лучше». Крист утешался тем, что пренебрежительно отмечал ремесло хозяев и передразнивал их диалект, но был сильно задет отказом [Christ 1912: 66–67, 249].

Можно представить, как губительно сказался этот беспорядочный образ жизни на детях Розенштрауха. В 1801 году старшему сыну было около 12 лет, Вильгельму 9, а Элизе и Мине — 7 и 5. (Мы не располагаем сведениями об их местонахождении после расставания родителей, но нет никаких признаков того, что мать взяла их с собой, а один из друзей Розенштрауха пишет, что позже они были вместе с отцом в Мекленбурге [Nettelbladt 1862].)

Сначала их бросила мать, а потом, уехав из Касселя в Шверин, они лишились и родственников. Оставлял ли их Розенштраух на время гастролей на чьем-то попечении, чтобы они могли посещать школу и имели постоянный дом, или же они странствовали с ним? Единственное свидетельство, которым мы располагаем, указывает на последнее: никто из детей не получил первого причастия в Шверине, где был единственный в герцогстве католический приход [Jacobi 1794: 59]²⁰.

Много лет спустя он рассказал другу эпизод из своего прошлого. Говорил он, по сути, о жизни в целом, поэтому не привел обстоятельств этой истории, но поскольку в ней упомянуты его маленькие дети, но не упомянута жена, вполне возможно, что это произошло в Мекленбурге. Это дает нам редкую возможность услышать об этом периоде его жизни из первых рук. По словам его друга, он сказал следующее:

Однажды я оказался в весьма стесненном положении, когда у меня буквально не было куска хлеба для себя и своей семьи. Все сколько-нибудь ценное, что у меня было, я уже продал или заложил. Все мои так называемые друзья отдалились от меня; поистине, завидев меня издали на улице, они разбегались во все стороны, и, видит Бог, поступали так лишь из-за ужасного положения, в котором я оказался: ведь я был по-прежнему честен, но беден, и этого хватало, чтобы бежать от меня. Ни булочник, ни мясник, ни лавочник не дали бы мне ни единой унции товара. А ногти моих бедных детей почти посинели от голода. Неподалеку от меня жил богатый булочник, большой распутник, на которого богатство что ни день изливалось как из рога изобилия; ибо он добивался успеха во всем, за что бы ни брался, хотя и презирал религию со всеми ее добродетелями. Когда он выходил на улицу, карманы его жилета всегда были полны дукатов; он похлопывал по ним и приговаривал: «Вот она, истинная религия» [Simon 1855: 306].

²⁰ Согласно архивным данным, в 1800–1808 годах в католической церкви Шверина не причащался ни один прихожанин по фамилии Розенштраух. За эту информацию я благодарю Барбару Мюллер, сотрудницу Института Генриха Тайсинга в Шверине.

Отвращение и презрение Розенштрауха к булочнику — временно моральное, экономическое и культурное — напоминает чувства актера Криста к цирюльнику и плотнику. Не в силах смотреть на страдания детей, Розенштраух послал одного из них купить хлеба в долг, но булочник отказал. В тот вечер булочник устроил званый вечер:

Уважаемые люди не погнушались явиться на бал, который давал этот дурно воспитанный, ничтожный булочник, не умеющий ни читать, ни писать, ни вести себя, как подобает настоящему бюргеру, потому что там было вдоволь еды и питья, а две его юные дочери были недурны собой. <...> Вскоре мы услышали звон бокалов, громкую болтовню и шумную суету, которые в подобных кругах принято называть весельем. А я сидел со своими бедными детьми в полном унынии. Католикам нет нужды описывать чистилище с пламенем и тому подобным — это я вместе с детьми пребывал в чистилище [Simon 1855: 316–317].

В отчаянии он начал молиться, и тут случилось чудо. Явилась дочь булочника и принесла окорок, от которого жаждала тайком избавиться, потому что испортила его, приправив сахаром вместо перца. Когда он сказал, что это слишком жирная еда, она принесла и булок. «Мы поблагодарили Бога за этот дар и, не пытаясь выяснить, чем там посыпан окорок, перцем или сахаром, или угадать, что обычно побуждает богатых делать подарки бедным, сразу приступили к трапезе». На вопрос друга, что стало с булочником, он с сожалением ответил, что тот разорился и повесился, чем обрек свою душу на вечные муки [Simon 1855: 319].

Мы не можем знать, насколько точно друг Розенштрауха передал его слова, но стиль соответствует рассказам, написанным самим Розенштраухом²¹. Его более поздний опыт проповедника сказывается и здесь: история напоминает известную евангельскую притчу, в которой Иисус рассказывает о безымянном богаче, который жил в роскоши, но отказал бедному Лазарю даже

²¹ См., например, «Исторические происшествия...» [Розенштраух 2015].

в крошках со своего стола и был осужден на адские муки за свое нечестие (Лк. 16:19–31). Сказались и годы, проведенные на сцене. Его немецкий литературен, но энергичен, идиоматичен и свободен от галлицизмов или латинизмов, которых можно было бы ожидать от дворянина XVIII века или «ученого» с университетом за плечами. Он осуждает жадность и порок и видит себя таким же хорошим отцом, как и его сценические персонажи. Он внимателен к зрительным и звуковым деталям, таким как посиневшие ногти или звон бокалов, и умело балансирует между напряженностью, сентиментальностью и размышлением. Как и в мещанской драме, здесь практически отсутствует развитие характера; история держится на поворотах сюжета и завершается нравоучительным финалом [Klingenberg 1962: 68–78].

Зачастую актеры преодолевали изоляцию, превращая в род сообщества сам театр. На момент основания труппы Крикеберга 15 из 24 ее членов были супружескими парами или родителями с детьми, а некоторые происходили из актерских семей. Дети выступали с раннего возраста: дочь коллег Розенштрауха супругов Богнер дебютировала в шесть лет²². Однако Розенштраух не пускал своих детей на сцену, хотя деньги ему, несомненно,годились бы. Вместо этого он искал себе место в сообществах за пределами театра.

«Храм Истины»

Пропуском Розенштрауха в общество за пределами театра было масонство. По крайней мере, это тот пропуск, о котором мы знаем, так как масонские ложи вели протоколы, сохранив-

---

²² Крикеберг с женой; Кристиан и Софи Деммер; Иоганн Георг и Фридерика Августа Богнер и их дочь Софи; Иоганн Бернхард Дистель и его малолетние сыновья Кристиан и Фридрих; г-н Лева и две его малолетние дочери; г-н и г-жа Мюллер. Г-н Деммер и, по-видимому, г-н Лева происходили из актерских семей. См. [Bärensprung 1837: 183; Theater-Kalender, 1799: 96, 100, 117]; Diestel, Johann Bernhard // Carl Maria von Weber Gesamtausgabe. URL: <https://weber-gesamtausgabe.de/de/A008407.html?q=Diestel&d=all> (дата обращения: 09.12.2023); Demmer, Familie // Oesterreiches Musiklexikon online. URL: https://musiklexikon.ac.at/0xc1aa5576_0x0001cb7f (дата обращения: 15.1.2024).

шиеся в архивах. В голландской ложе «Глубокое безмолвие» в 1792 году он был посвящен в подмастерья, среднюю из трех степеней иоанновского масонства (ученик, подмастерье, мастер), на которых строилась иерархия большинства лож. Похоже, что он присутствовал всего на одном собрании этой ложи, после чего не имел никаких связей с масонством в течение девяти лет. В это время он жил преимущественно в Касселе, где после Французской революции ложи были запрещены. Не было их и в Шверине. Первая возможность воссоединиться с масонством представлялась ему в Ростове²³.

За год до приезда Розенштрауха пастор Й. К. Ф. Вундеман, уроженец Ростка, составил описание города, благодаря которому мы можем поместить опыт Розенштрауха в контекст. Вундеман был адептом Просвещения и смотрел на свой родной город со смесью разочарования и надежды. Общество Ростка, писал он, узко и замкнуто. Городской порт оживлен, но в остальном в самой оцепенелости улиц ощущался экономический застой. Гильдии подавляли деловую инициативу и не пускали в город новичков. Из-за лютеранского фанатизма евреям не разрешалось постоянно проживать в городе, а реформатских или католических молитвенных домов не было как таковых. Граждане устраивали мелочные свары из-за социального положения. Готическая архитектура, запленившая Росток, служит внешним проявлением удручающей отсталости. Однако последние события дают повод для оптимизма. Дворянская и бюргерская элиты еще не утратили добродетелей, свойственных старому укладу, прежде всего сильной склонности к семейной жизни, но их традиционная чопорность и провинциализм уступают место новой любви к моде и искусству, любезности в общении и интересу к жизни ума. Знамением времени пастор считал то, что горожане недавно создали любительский театр, который давал представления

²³ Сведения о масонской деятельности Розенштрауха в период между 1801 и 1804 годами в основном содержатся в следующих трех собраниях протоколов ложи: GStA FM 5.2. R35 (Tempel der Wahrheit, Rostock); GStA FM 5.2. S82 (Quatuor Elementa, Stralsund); GStA FM 5.2. S85 (Gustav Adolf zu den drei Strahlen, Stralsund).

для пубрики [Wundemann 1800–1803, 1: 270–285, 333–362; Ebert 1872: 123].

К этим признакам оживления гражданской жизни можно добавить возрождение масонства. В 1799 году группа жителей Ростока восстановила исчезнувшую ложу под названием «Три звезды». Это была первая ложа во всем Мекленбурге с 1780-х годов. Поскольку масоны утверждали, что продолжают многовековую традицию, им нужен был формальный источник их учений и ритуалов. Поэтому новые ложи обращались за уставом к какой-то из существующих великих лож, каждая из которых имела свою собственную интерпретацию масонской традиции. «Три звезды» присоединились к Великой ложе Англии. В 1800 году в результате раскола несколько братьев покинули ложу. Они получили новый устав от Национальной великой ложи масонов Германии и основали новую ложу — «Храм Истины» [Findel 1878: 465; Lock 1995: 18, 20–22, 36]. К маю 1801 года, когда в город прибыл Розенштраух, она успела просуществовать всего год.

Офицеры ложи «Храм Истины» представляли собой срез дворянского и бюргерского общества: это были люди, занимавшие видное положение в правительстве, торговле, медицине и праве, духовенстве и науке. Основал ложу Самуэль Готлиб Ланге, пастор и профессор теологии в Росток. Мастером стула в 1801 году был профессор Фогель, врач, управлявший морским курортом в Доберане; его преемник, профессор права Мартини, был главой Ростокской консистории (высшего духовного суда герцогства) и бывшим ректором университета. В числе других офицеров ложи были два врача, юрист, торговец и несколько чиновников²⁴. Троиц из офицеров — музыканта, коллекционера

---

²⁴ В протоколах «Храма Истины» названы только фамилии этих людей. Профессии и имена некоторых можно восстановить по списку членов штральзундской ложи «Четыре стихии» (GStA FM 5.2 S82 Nr. 107/1), во многом совпадавшему со списком «Храма Истины», и по календарю Herzoglich Mecklenburg-Schwerinscher Staatskalender 1801. Это Иоганн Матиас Мартини, врач Георг Густав Детхардинг, юрист Иоганн Фридрих Теодор Бурхард, купец Карл Фридрих Аренд, местный чиновник (Amtmann) Кристиан Альберт Тиссинг, государственный чиновник (Domänenrat) Мартин Иленфельдт и Кристиан фон

произведений искусства и натуралиста-любителя — пастор Вундеманн отметил в своей книге как людей, стоящих на переднем крае новой культуры и общения в Росток [Wundemann 1800–1803, 1: 339–344]; несколько членов ложи, в частности органист и композитор Евхариус Флоршютц и скульптор по фамилии Бер, были деятелями искусства.

Собрания ложи, как правило, проводились раз в месяц и длились от одного до трех часов. В протоколах обычно фиксировалось присутствие примерно десятка рядовых членов ложи, а также офицеров, которые избирались сроком на один год: мастер стула, два стража, два казначея, два обрядона начальника и два оратора. На собраниях офицеры произносили назидательные речи; принимались новые члены, а прежние повышались в степени; обсуждались заслуги потенциальных новых членов; зачитывались письма из других лож; собирались деньги для нуждающихся; обсуждались текущие дела. Офицеры встречались отдельно, чтобы посоветоваться на важные темы; так же поступали и мастера (обладатели высшей из трех иоанновских степеней), чтобы оценить возможности повышений в степени. Некоторые собрания ложи были посвящены главным образом дискуссиям, другие — ритуалам посвящения или повышения, третьи же служили поводом для праздничных обедов.

Розенштраух как брат-масон из другого города был желанным гостем на собраниях ложи. Контакты с другими ложами были важны в масонстве. В период, когда Розенштраух посещал собрания «Храма Истины», в протоколах отмечалось присутствие посетителей из лож Лондона, Любека и Варшавы [Wundemann 1800–1803, 1: 339–344]. Имеются также записи о зачитывании приветственных писем со списками членов базировавшейся в Берлине Национальной великой ложи масонов Германии и 22 других лож, в основном филиалов Национальной великой ложи. В этих записях

Неттельбладт. Фамилии Боутми (служащий лесничества) и фон Квален (ландрат) упомянуты в [Fessler 1804, 1: XXXIII]. Фридрих Витте (врач и фармацевт) числится в списке ложи «Густав Адольф к трем лучам»; там же указано о его переходе в «Храм Истины». См.: GStA FM5.2 S85 Nr. 24, Stralsund □ Gustav Adolph zu den drei Strahlen 5801. (Значок □ обозначает масонскую ложу.)

отразилась география как внешних связей Востока, так и филиалов Национальной Великой ложи: в основном побережье Северной Германии, Саксония, Берлин либо другие города Пруссии. Исключением были ложа в Регенсбурге (протестантском анклав в Баварии) и две в Варшаве (которую Пруссия недавно аннексировала при третьем разделе Польши)²⁵. Таким образом, членам «Храма Истины» постоянно напоминалось, что он составляет часть более крупной масонской сети, раскинувшейся по протестантскому северо-востоку Германии²⁶.

Каким образом отыскиали друг друга Розенштраух и «Храм Истины», неизвестно. Узнать о существовании ложи было нетрудно, так как зашифрованные объявления о ее собраниях публиковались в газете, но как можно было связаться с ее членами? Актер Крист в свое время справился с этой задачей, публично демонстрируя тайные масонские жесты всюду, где бы он ни был, даже на сцене²⁷. Возможно, Розенштраух после прибытия в Росток в мае 1801 года начал поступать так же. В любом случае масоны были ему рады, но он настоял на своих условиях. О сво-

²⁵ На побережье Северного моря: три ложи в Гамбурге, две в Любеке и одна в Штральзунде. В Саксонии: по одной в Дрездене и Лейпциге. В Пруссии: Великая ложа и еще четыре ложи в Берлине, по две в Бреслау и Варшаве и по одной в Альтенбурге, Ашерслебене, Хиршберге, Штаргарде и Трептове. Только шесть лож, приславших приветствия или списки членов, не были отделениями Великой ложи: ложи Альтенбурга, Лейпцига и Регенсбурга были независимыми, а ложи Дрездена, Штаргарда и Штральзунда были филиалами соответственно Великой провинциальной ложи Нижней Саксонии, Великой национальной материнской ложи «Три глобуса» и Великой ложи Швеции. Принадлежность лож указана в алфавитных справочниках: *Allgemeines Taschenbuch für Freimaurer auf das Jahr 1810*, Bd. 2 (Pappenheim, o. J.); [Bröcker 1894].

²⁶ Если не указано иное, все ссылки на протоколы «Храма Истины» относятся к: GStA FM 5.2. R35 Nr. 32: 12 и 31 августа, 1 сентября и 1 декабря 1801 года; 17 и 24 июня 1802 года; 24 июня и 6 декабря 1803 года; 30 мая, 24 июня, 3, 18, и 19 июля 1804 года.

²⁷ GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, протокол от 17 июня 1802 года (пример такого зашифрованного объявления см. в: *Stralsundische Zeitung*, 1801. 15 September. № 111); [Christ 1912: 13]).

ем прошлом он рассказал им только то, что так или иначе было невозможно скрыть. Он хотел, чтобы о нем судили по тому, кем он был сейчас, а не по происхождению или биографии. Он произвел в ложе такое впечатление, что три десятилетия спустя один из ее членов, барон Кристиан фон Неттельбладт, счел целесообразным опубликовать о нем биографическую заметку. Неттельбладт вспоминал:

Этот примечательный человек был уроженцем Бреслау. Он никогда не распространялся о своем происхождении, не называл он и своего настоящего имени. Непреодолимая тяга к сцене, возможно, наряду с несчастливymi семейными обстоятельствами, привели его в театр. После долгого пребывания в Касселе, где он женился, и в нескольких других городах он приехал в Шверин и Росток с тогдашней труппой Крикеберга. Многие братья вспоминают его непревзойденную игру и, более того, его честный характер. Весьма даровитый человек, он везде умел завоевать уважение и стал вхож во многие семейные круги, что в то время все еще было редкостью. <...> [Он] разошелся с женой [Nettelblatt 1862]²⁸.

Впервые имя Розенштрауха появляется в протоколах «Храма Истины» только 12 августа 1801 года, когда он приехал из Доберана на празднование годовщины основания ложи, но к тому времени в ложе его уже хорошо знали. На собрании 12 августа Второй оратор попросил всех, кроме мастеров, выйти, после чего выдвинул кандидатуру Розенштрауха для повышения из подмастерьев в мастера. Предложение обсудили — в протоколе, к сожалению, нет подробностей — и приняли отдельным голосованием мастеров и офицеров.

Его официальное посвящение состоялось 31 августа. Присутствовали мастер стула Фогель, девять офицеров и еще четыре мастера, а также гость, актер Иоганн Бернгард Дистель, товарищ Розенштрауха по труппе. Пока Розенштраух ждал за дверью,

²⁸ Заметка Неттельбладта о Розенштраухе первоначально была опубликована в [Nettelblatt 1837: 69].

мастер стула открыл заседание. Он начал с короткой речи, в которой, как отметил секретарь,

...сообщил им [братьям], что... получить одобрение на присвоение степени мастера подмастерью Иоганну Амвросию Розенштрауху было легко... так как всем известен его примерный образ жизни, но в будущем, если кто-то из подмастерьев об этом попросит, следует соблюдать все меры предосторожности. Он добавил, что «никто не должен быть повышен до этой степени, если своим поведением и знанием масонских обязанностей и трудов не может служить образцом и примером для других подмастерьев и учеников и тем самым не выделяется и т. д.». Он специально указал мне занести это в протокол.

Последовавшая за этим церемония была тщательно срежиссирована по сценарию длиной в 20 печатных страниц²⁹. Мастер стула начал с того, что дал указание брату-подготовителю, известному также под зловещим именем брата-ужасителя, отправиться к Розенштрауху, разъяснить ему серьезность предстоящего события, оценить его достоинства и доложить о результатах. Затем за ним был послан обрядоначальник, чтобы привести его в ложу. Когда его спиной вперед ввели в зал, перед ним предстала мрачная картина. Собравшиеся мастера-масоны были одеты во все черное. Стены и церемониальный алтарь были задрапированы черным, а пол частично покрыт черным ковром. По углам ковра вертикально стояли три скелета, каждый из которых держал три свечи, а посередине находился гроб. На алтаре лежали три черепа. На стенах были нарисованы три черепа и скрещенные кости, каждый с предостерегающей подписью: «Думай о смерти». Зал был освещен 30 свечами.

Церемония воспроизводила историю Хирама Абиффа, по масонской легенде главного строителя храма царя Соломона, который был убит вероломными подмастерьями. С мечом, при-

---

²⁹ Мое описание церемонии повышения Розенштрауха основывается на [G. U. V. 1836: 89–108].

ставленным к груди, Розенштрауха трижды обвели вокруг комнаты, все время спиной к свету и гробу, чтобы он не отвлекался от черепов на северной, южной и восточной стенах. Затем он повернулся, преклонил колени, поклялся хранить тайну обо всех масонских делах и приблизился к гробу. Мастер стула трижды постучал молотком по его лбу и объявил его мастером. После третьего удара его столкнули в гроб и накрыли окровавленным саваном, а масоны собрались вокруг и направили на него мечи. Мастер стула прочитал историю о Хираме, умершем после того, как его трижды ударили молотком: у северного, южного и восточного входов в храм. И когда был найден его разлагающийся труп, — доносилось до лежащего в гробу Розенштрауха, в то время как офицеры сдавливали его пальцы, — плоть уже отваливалась от костей. Смерть неизбежна, но духовное возрождение возможно — вот какой урок должна была преподать церемония. Как только ритуал был завершен, Второй оратор произнес речь, и новый масонский мастер — «брат Иог. Амврос. Розенштраух, 33 лет, родился 1 апреля в Бреслау, католического вероисповедания, бюргерского происхождения, член герцогской труппы придворных актеров Мекленбург-Шверина» — был занесен в протоколы ложи.

Церемония состоялась в понедельник 31 августа. Это был самый конец сезона в Доберане. На следующий день Розенштраух вернулся в Росток на очередное собрание «Храма Истины», после чего его театр уехал на двухмесячные гастроли в Штральзунд. Он знал, что там тоже есть ложа, возможно потому, что один из ее членов недавно вступил в «Храм Истины», поэтому заручился рекомендательным письмом. В пятницу он уже был в Штральзунде, а три дня спустя посетил собрание ложи «Густав Адольф к трем лучам», филиала Великой ложи Швеции, носившего имя правящего шведского короля³⁰.

³⁰ Stralsundische Zeitung. 1801. 5 September. № 107; GStA FM 5.2. S85 Nr. 107, протокол от 7 сентября 1801 года. Масон из Штральзунда, вступивший в «Храм Истины», брат Витт, упоминается в протоколе «Храма Истины» от 12 августа 1801 года и числится в списке членов ложи «Густав Адольф к трем лучам», где отмечается его переход в «Храм Истины»: GStA FM 5.2 S85 Nr. 24.

Рис. 6.1. Собрание масонов по случаю посвящения в мастера. Посвящаемого укладывают на символ, нарисованный на полу ложи, его лицо закрывают окровавленным полотнищем, а офицеры во время обращения мастера прикладывают обнаженные мечи к разным частям тела посвящаемого. Опубликовано 1 марта 1812 года Т. Палсером, Сарри-Сайд, Вестминстер-бридж». Английская литография, основанная на оригинальной работе французского гравера середины XVIII века, известного под именем Габанон. Слева — другие кандидаты, ожидающие того же ритуала. Изображенная здесь церемония в некоторых деталях отличается от той, которую пережил Розенштраух

Недавняя история масонства в Штральзунде была во многом такой же, как в Ростокe. Ранее существовавшие ложи закрылись в 1770-е годы, а новая, «Густав Адольф к трем лучам», была основана только в 1798-м. Как и «Храм Истины», это было место встреч местного образованного общества. Благодаря документу, сохранившемуся в архивах, мы имеем представление о людях, с которыми встречался Розенштраух: 29 из них были дворянами, а 62 — бюргерами. Среди членов ложи было 26 армейских офицеров, 19 чиновников, 15 торговцев и ремесленников, 11 морских

капитанов, шесть врачей и хирургов, три священника и несколько человек других профессий. За исключением одного музыканта и одного художника — специалиста по архитектурным чертежам, никто не был занят, подобно Розенштрауху, в сфере искусства или развлечений [Lock 1995: 283–284]³¹.

Записи в протоколах позволяют нам отследить присутствие Розенштрауха на собраниях. Приехав в Штральзунд, он посетил два ближайших ежемесячных собрания 7 октября и 6 ноября 1801 года. Там же были двое его коллег: актер Дистель пришел как гость, а музыкальный директор труппы Йоахим Николаус Эггерт был принят в ложу. Затем труппа вернулась в Росток, и 1 декабря мы обнаруживаем его на ежемесячном собрании «Храма Истины». За этим последовал полугодовой перерыв, пока он выступал в Шверине и Гюстрове, где лож не было. Затем его имя вновь появляется в масонских протоколах Ростка и Штральзунда летом и осенью 1802 года (в том году он также посетил ложу в университетском городке Грайфсвальде в шведской Померании), а потом в 1803 году³².

Среди масонских документов Розенштрауха имеется диплом, указывающий, что в марте 1803 года, когда театр находился в Шверине, он был принят в орден Талии в Штральзунде. Еще один документ представляет собой, по-видимому, список членов ордена Талии, содержащий 33 фамилии. Из них отношение к театру имели двое: жена Крикеберга, обозначенная как один из офицеров группы, и «г-н Розенштраух, Шверин». Прочие в ос-

³¹ См. также: GStA FM 5.2. S85 Nr. 24.

³² GStA FM 5.2. S85 Nr. 107, протоколы от 7 октября и 4 ноября 1801 года. О посещениях Розенштраухом лож в 1802–1803 годах см.: GStA FM 5.2. S85 Nr. 107/2, протоколы от 7 октября и 4 ноября 1802 года; GStA FM 5.2. S85 Nr. 108, протоколы от 5 октября и 1 ноября 1803 года; GStA FM 5.2. S82 Nr. 60, протоколы от 26 и 29 октября 1803 года; GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, протоколы от 17 и 24 июня 1802 года, 24 июня 1803 года и 6 декабря 1803 года. О посещении Грайфсвальда см.: НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 340. Л. 194 об. «Протоколы заседаний, списки членов, речи — в ложе Александра к тройственному спасению».

новном были дворянами; половину ордена составляли женщины, а некоторые его члены также входили в ложу «Густав Адольф к трем лучам». Мои попытки узнать больше об этой группе оказались безрезультатными. Учитывая ее название (Талия — муза комедии) и наличие в ней женщин, можно предположить, что это было объединение любителей театра с псевдомасонской формой организации³³.

«Храм Истины» и «Густав Адольф к трем лучам» были иоанновскими ложами, то есть присваивали всего три степени: ученик, подмастерье и мастер. Чтобы глубже проникнуть в тайну масонской мудрости, нужно было вступить в андреевскую ложу, где присваивались так называемые высшие степени. В 1800 году мастера ложи «Густав Адольф к трем лучам» основали в Штральзунде такую ложу под названием «Четыре стихии», и вскоре в нее вступили четыре ведущих члена ростковского «Храма Истины». В октябре 1803 года Розенштраух стал пятым [Lock 1995: 284]³⁴.

Что давала Розенштрауху активная масонская деятельность? За пределами ложи он приобрел влияние как человек, умеющий оказать помощь при вступлении в ложу. Влиятельные лица внутри самой ложи относились к нему с уважением, и когда он приезжал в новый город, перед ним открывались все двери; как выразился Неттельбладт, благодаря масонству он стал «вхож во многие семейные круги». Возможно, была и материальная выгода, так как часть пожертвований, собираемых ложей, отдавалась нуждающимся масонам и их семьям. Масонская жизнь также познакомила его с демократическим принятием решений и дала возможность проявлять власть. Не будучи жителем Ростoka, он не имел права быть офицером «Храма Истины», но, по крайней

³³ НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 349. Ед. хр. 31; НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 340. Л. 92–92 об.

³⁴ См. также: GStA FM 5.2. S82 Nr. 107/1, «Verzeichniß sämmtlicher Mitglieder der St. Andreas Loge Quatuor Elementa zu Stralsund seit deren Stiftung» (Розенштраух указан как член № 42); GStA FM 5.2. S82 Nr. 60, протоколы от 26 и 29 октября 1803 года.

мере, один раз выступил в роли брата-устрашителя, который допрашивал кандидатов перед церемонией посвящения³⁵.

В основе масонства лежал поиск истины, необходимой для искупления падшего человеческого рода. Некоторые масоны надеялись найти ее в филантропии или политической деятельности. Другие — в алхимии, религиозном мистицизме или иных видах эзотерического знания. Третьи искали ее в сочетании христианства с рационализмом эпохи Просвещения. Это последнее направление, по-видимому, и было наиболее привлекательным для Розенштрауха. Ничто не говорит о том, что он когда-либо интересовался политикой или эзотерикой. С начала 1790-х годов он вел жизнь католика в протестантских землях, но в протестантизм, по-видимому, не перешел и активным католиком не был. Возможно, в масонстве он отыскал духовность, которая делала такие конфессиональные различия несущественными.

Распад империи

Годы, проведенные Розенштраухом в Мекленбурге, пришлось на период затишья в Европе после того, как Франция, теперь возглавляемая Наполеоном, одержала победу в войнах Первой и Второй коалиций (1792–1797 и 1798–1802). Однако это было всего лишь затишье, и в 1805 году враги Наполеона снова вступили в войну. Когда в 1807 году пушки снова замолчали, вся Центральная Европа лежала у ног Наполеона.

Торжество французских войск высвободило в Германии те же силы перемен, которые ранее свергли Старый порядок во Франции. Мир раннего Нового времени, в котором был воспитан Розенштраух, начал рушиться. Просуществовавшая более 800 лет Священная Римская империя распалась. Вместе с ней исчезло

³⁵ Новые члены ложи, рекомендованные Розенштраухом, упомянуты в: GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, протоколы от 6 марта и 27 июня 1804 года. О сборе ложей средств на помощь неимущим братьям см.: GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, протокол от 6 декабря 1803 года. Розенштраух как брат-устрашитель упоминается в: GStA FM 5.2. R35 Nr. 32, протоколы от 18 и 19 июля 1804 года.

множество приютившихся в ней мелких государств, поскольку немецкие государства, союзные Наполеону, поглотили княжества-епископства, большинство независимых городов и многочисленные княжества. Герцогства Вестфалии, где Розенштраух женился, больше не существовало. Гессен-Кассель тоже исчез, а Мекленбург-Шверин был оккупирован армией Наполеона. Пруссия была вынуждена провести серьезные реформы, такие как отмена крепостного права. Во всей Германии по институтам старого режима, например гильдиям и церквям, были нанесены сокрушительные удары, а религиозная свобода, политический либерализм, дерегулирование экономики и национализм получили мощный толчок. Из поражения рождалась новая Германия. Розенштраух не принимал в этих событиях никакого участия. Менее чем за год до начала войны он навсегда покинул Германию.

Глава 7

Страна крайностей

Немецкие актеры регулярно принимали приглашения выступать за пределами Священной Римской империи. Империя не являлась национальным государством не только потому, что была внутренне разделена, но и потому, что включала в себя лишь часть немецкого мира. Земли Восточной Пруссии, Швейцарии и Эльзас-Лотарингии, в основном немецкоязычные, лежали за пределами империи. Кроме того, немецкие меньшинства проживали в Восточной Европе — в российских остзейских губерниях (современные Эстония и Латвия), венгерских и украинских областях империи Габсбургов и Польско-Литовском государстве, которое незадолго до того разделили между собой Россия, Пруссия и империя Габсбургов. Наконец, немецкие эмигранты и временные экспатрианты жили в Голландской республике, в других странах Западной Европы, а также в Америке и России. Гастроли в немецких общинах за пределами империи входили в программу немецких актеров и театральных трупп, и Г. А. О. Рейхард, чей ежегодный театральный календарь служил точкой сбора поступавших от них новостей, пишет в своих мемуарах о «бесчисленных письмах, просьбах, пожертвованиях и требованиях различного рода, которые поистине захлестывали [его] ежегодно со всех сторон, от Амстердама до Темешвара [современная Тимишоара в Румынии] и от Петербурга до Базеля» [Reichard 1877: 127].

Одним из самых отдаленных форпостов немецкого театра был Санкт-Петербург, столица Российской империи. Петербургский театр в то время оказался на слуху благодаря книге драматурга

А. фон Коцебу о странных, а порой страшных 13 месяцах, которые он провел в России в 1800–1801 годах¹. За этот короткий период с Коцебу случилось многое: он въехал в Россию; на границе был арестован по тайному приказу императора Павла I как сторонник Французской революции; был разлучен с женой и детьми и перевезен более чем за 3000 километров в Сибирь; получил помилование после того, как переменчивый император прочитал одну из его пьес; проехал 3000 километров обратно в Санкт-Петербург; был назначен руководителем тамошнего немецкого театра; стал свидетелем государственного переворота, в результате которого Павел был свергнут и убит; и, наконец, вернулся в Германию. История Коцебу подкрепляла расхожее в эпоху Просвещения представление о гигантской, деспотической России, по словам одного автора, «стране крайностей», где судьбы приезжих претерпевали взлеты и падения с фантастической непредсказуемостью [Storch 1794, 2: 516]. Неудивительно, что небылицы барона Мюнхгаузена — литературная сенсация 1780-х годов — были представлены как рассказы о путешествиях именно по России [Blamires 2009: 8–21].

Немецкий театр в Санкт-Петербурге, как и многие другие немецкие театры, испытывал финансовые трудности, но в 1803 — начале 1804 года читатели в Германии узнали о волнующих событиях. Новый император Александр I, фигура гораздо более либеральная, чем его зловещий отец Павел I, объявил о щедрых субсидиях театру и даже о пенсионном плане для актеров². Директор театра Жозеф Мире, внезапно ощутив себя богачом, отправился в длительное турне, чтобы нанять новых актеров. В середине апреля 1804 года он прибыл в Гамбург, где подписал контракт с бывшим товарищем Розенштрауха по труппе Христлибом Георгом Генрихом Арресто. От Гамбурга было недалеко до

¹ Эти события Коцебу описывает в книге «Достопамятный год моей жизни» [Коцебу 2001].

² *Günstige Aussichten für die Theater in St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt*. 1804. 26 Januar. № 11. Kol. 87–88 (статья отсылает к газете «Hallische Allg. Lit. Zeit.» как первоисточнику); *Aussichten für die deutsche Bühne in St. Petersburg // Ibid*. 1803. 23 April. № 49. Kol. 388–339.

Мекленбурга. Ездил ли туда сам Мире, неясно, но, так или иначе, он нанял двух актеров из тех, что ранее уехали с Крикебергом из Касселя в Шверин: Фридриха Рекке, который должен был играть юных персонажей, и Розенштрауха на роли «отцов первого плана» [Губкина 2003: 42–43, 227]³.

Немцы в России

Существует лишь одно личное свидетельство Розенштрауха о причинах, заставивших его отправиться в Россию. Спустя несколько лет после его смерти современники вспоминали, будто он рассказывал, что работал в Брюсселе театральным художником-декоратором, но вынужден был бежать, когда в страну вторглись революционные французы:

Когда запад Европы погрузился для него во тьму, он обратился на восток; купив на последний шиллинг, заработанный в Брюсселе, духов и благовоний, он вместе с семьей погрузился на корабль, плывший из Любека в Петербург. В Петербурге он открыл так называемую косметическую лавку [Kohl 1841, 2: 169].

Эта байка, сплетение лжи и полуправды, была одной из его попыток задним числом приукрасить свое прошлое. Вероятно, он назвал себя художником-декоратором, потому что это бросало на него меньшую тень театральной безнравственности, чем если бы он был актером. Он и вправду был в Нидерландах во время войны Первой коалиции, но перенес действие из Голландской республики в Брюссель, то есть в Австрийские Нидерланды (Бельгию), а хронологическая расплывчатость его рассказа позволила ему пропустить десять лет работы актером в Касселе и Мекленбурге, а также замять неудобный вопрос о браке. Однако в этой истории содержалась и доля правды: немцы действительно считали Россию страной возможностей.

---

³ См. также: Schauspielveränderungen in Hamburg // Zeitung für die elegante Welt. 1804. 19 Juni. № 73. S. 582.

Отправляясь в Россию, он, как и ранее, при поездке в Голландскую республику, следовал давно проложенному мигрантами маршруту. Постоянный приток немцев в Голландию объяснялся контрастом между двумя странами, возникшим в XVII веке, когда Голландская республика стала открытым, процветающим обществом, в то время как Священная Римская империя после Тридцатилетней войны осталась раздробленной и нищей. Причины, по которым немцев привлекала Россия, тоже восходили к XVII веку. Обширное, малонаселенное православное государство на восточной окраине континента, Россия долгое время была отделена от Европы расстоянием и религиозным противостоянием и принимала незначительное участие в ее политических, культурных, религиозных и экономических преобразованиях после Средневековья. Однако в XVII веке Россия пережила затяжной внутренний кризис, единственным выходом из которого, казалось, была перестройка государства и общества по западному образцу. Поэтому начиная с Петра Великого (годы царствования 1689–1725) ее правители стремились наладить политические и торговые отношения с Европой и перекроить российскую культуру и институты на западный манер⁴.

Российские государственные деятели видели в немецких государствах подходящий образец, так как они сталкивались с теми же проблемами, что и Россия, и выработали стратегию их решения. Как в России, так и в германских государствах не было ни богатого среднего класса, ни энергичного частного предпринимательства, которые существовали в Великобритании, Франции и Голландской республике. Из-за этого главной движущей силой модернизации вынуждено было стать государство⁵. Однако ни одно из государств раннего Нового времени не располагало институтами, способными непосредственно контролировать повседневную жизнь населения. Чтобы их политика могла набрать обороты, немецкие правительства заручились помощью корпо-

---

⁴ О петровских реформах см., например, [Cracraft 2003].

⁵ О полезности идеи «модернизации» для понимания России XVIII века см. [Dixon 1999: 6].

раций Старого порядка. Такое соглашение требовало, чтобы князья считались с желаниями и интересами корпораций, но, с другой стороны, позволяло им использовать опыт, людей и структуру корпораций в своих целях.

Русские реформаторы высоко оценивали способность этой системы — «регулярного полицейского государства» — максимально использовать скромные ресурсы немецких государств. Проблема России заключалась в слабости ее собственных корпораций. Например, как мы видели ранее, немецкие князья в XVIII веке повелели духовенству открыть начальные школы для простого народа; в России это было бы невозможно, поскольку православное приходское духовенство в большинстве своем само не имело формального образования [Freeze 1977: 78]. Благодаря общей слабости российских корпораций ничто не ограничивало власть российских императоров, но у них не было и инструментов, которые помогали бы им понимать жизнь своих подданных и воздействовать на нее. В результате законы, принимавшиеся правительством, зачастую плохо вязались с реалиями российского общества и в повседневной жизни широко игнорировались. В XIX веке эта проблема предстала в полный рост. Но во времена Розенштрауха иностранцы видели в первую очередь то, что Россия приобрела черты европейского Старого порядка и была одной из доминирующих держав Европы. Поэтому многие считали, что российский вариант регулярного полицейского государства удался [Raeff 1983: 186–199, 208, 214–218, 237; Wirtschafter 2008: 30–32, 135–143]⁶.

России не хватало квалифицированных кадров, обладающих необходимыми умениями, чтобы построить развитое европейское государство; поэтому правительство нанимало иностранцев, предлагая налоговые льготы, свободу вероисповедания и воз-

---

⁶ М. Раев, как и Е. Н. Марасинова [Марасинова 2017: 316–321, 402–405], подчеркивает оторванность правительства от населения. Э. К. Смит, напротив, утверждает, что корпорации (сословия) пользовались большей лояльностью населения, чем предполагалось ранее [Smith A. 2014: passim]. О европейских взглядах на Россию того периода см. [Malia 1999: 27–36].

можность сделать карьеру при императорском дворе, в армии, на флоте, в чиновничестве, работая на шахтах, мануфактурах, верфях, строительных площадках, а также в образовательных, медицинских и научных учреждениях. В то же время Священная Римская империя уже произвела больше ремесленников, военных и выпускников университетов, чем могла обеспечить работой. Результатом стал поток немцев, которые искали счастья в России. В Санкт-Петербурге они сформировали сообщество, достаточно многочисленное, чтобы содержать театр, тем самым сделав российскую столицу местом притяжения для немецких актеров [Семенова 1998: 16–19, 29–38, 44–52, 70–87; Bartlett 1979: 34, 158–171].

Россия в представлениях немцев

Розенштрауху Россия, вероятно, казалась страной экзотической, но не совсем чуждой. Ему было кое-что известно о ее новой истории, так как он играл в драматической трилогии Ф. Краттера о Петре Великом⁷. Кроме того, между Германией и Россией были тесные связи. Во всем Балтийском регионе, включая Санкт-Петербург и остзейские губернии России, сформировалось единое коммуникационное пространство, отчасти потому, что одним из общих языков книг, журналов и путешественников по региону был немецкий [North 2015: 164–77]. Розенштраух, скорее всего, знал об этих связях. Если он когда-либо просматривал государственный календарь Мекленбурга-Шверина, то ему было известно, что каждый понедельник и пятницу почтовые курьеры с утра отправлялись из Росток в Санкт-Петербург, в путь длиной около 1860 километров. Наследный принц Мекленбург-Шверинский был женат на сестре императора Александра I, и Розенштраух однажды разработал костюмы для придворных празднеств, которыми она руководила. Порты Росток и Штральзунд торговали с Санкт-Петербургом, а одна из самых крупных гостиниц

⁷ Трилогия включает пьесы «Девушка из Мариенбурга», «Меншиков и Наталья» и «Мир на Пруте»; см. [Pfeiffer 2012].

Ростока называлась «Hôtel de Russie»⁸. Хотя в немецких газетах уделялось гораздо больше внимания Франции и Великобритании, они сообщали и новости из России, особенно о том, что касалось императорской семьи и взаимодействия страны с Западом. Например, если Розенштраух видел местную газету во время пребывания его труппы в Штральзунде, он мог прочитать о коронации Александра I и его реформах в российском правительстве, а также о первом кругосветном плавании российских кораблей, о полете французского воздухоплавателя в Москве и о развитии черноморского порта Одессы⁹.

Однако наличие этих связей подчеркивало и непохожесть России. В книгах она описывалась как обширная, замерзшая земля, где люди жили в примитивных избах, употребляли огромное количество спиртного и исповедовали странную форму христианства. Дворяне и некоторые горожане, говорилось там, были по-европейски просвещенными, но прочие жители Российской империи изображались как поразительное разнообразие народов, от оседлых крестьян европейского типа до племен диких кочевников [Вишленкова 2011: 52–61, 75, 86–88].

Представления европейцев XVIII века о России укладывались в более общие представления о различиях между народами и странами. Согласно одной из теорий, решающим фактором служила воля самих людей: массы были невежественны во всех странах, но у образованных слоев всегда имелась возможность приобщиться к офранцузенной культуре западных элит. Согласно этой логике, «просвещенные» люди были, по сути, везде одинаковыми. Однако

⁸ Herzoglich-Mecklenburg-Schwerinscher Staatskalender 1804 (Schwerin, o. J.). Teil 2. S. 9; Hoffete: Pantomimischer Tanz in Schwerin // Zeitung für die elegante Welt. 1802. 15 Juni. № 84. Kol. 675–676; Durchflüge durch Mecklenburg // Ibid. 1805. 28 Juni. № 78. Kol. 621–622. В 1802, 1803 и 1804 годах число кораблей, прибывавших из Ростока в Кронштадт, составляло соответственно 33, 15 и 15; см.: Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo2/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

⁹ Stralsundische Zeitung. 1801. № 114, 133, 135, 136 (22 September, 5, 10, 12 November); 1802. № 125 (19 Oktober); 1803. № 108, 123, 137 (8 September, 13 Oktober, 15 November); 1804, № 110 (13 September).

существовали и другие концепции, говорившие о непреодолимых различиях между разными частями мира. Одна из теорий объясняла все природной средой. Многие мыслители XVIII века считали, что человеческий организм формируется климатом: в умеренном климате воспитывается уравновешенный ум, в то время как чрезмерные жара или холод либо чересчур возбуждают, либо притупляют чувства. Таким образом, французы были уравновешенны и рациональны, в то время как итальянцы и другие «южные» народы оказывались жертвами бушующих страстей, а народы «северные», такие как финны и русские, были просто унылы. Именно эту теорию, по-видимому, имел в виду один апологет России, в 1803 году написавший в немецкой газете, что людей, которые никогда там не были, «холод и многое другое [в России] пугает. Они воображают, что человек там может быть лишь полуживым, а отсюда уже недалеко и до идеи варварства»¹⁰. Другая школа придерживалась мнения, что народы формируются не климатом, а историей. Опираясь на идеи, унаследованные от Древней Греции, приверженцы этой теории проводили грань между «Западом», где люди свободны и руководствуются разумом, и «Востоком», где правят деспотизм и суеверия. Географически Востоком была Азия, но многие утверждали, что он также включает Россию и Польшу [Malia 1999: 36–39; Romaniello 2016; Wolff 1994: 5–13]. Если Розенштраух верил в эти идеи, он, вероятно, представлял себе русских одновременно и тугодумами-«северянами», и экзотическим, иррациональным «восточным» народом, но при этом таким, чья просвещенная элита приветствовала бы иностранца, заинтересованного в распространении европейской цивилизованности.

Незавершенные дела

Летом 1804 года директор санкт-петербургского театра Мире завершил свое турне по Германии и привез с собой несколько новых актеров [Губкина 2003: 43]. Это было лучшее время года

¹⁰ Ueber Rußlands Klima // Zeitung für die elegante Welt. 1803. 24 Dezember. № 154. Kol. 1226.

для путешествий по Балтийскому морю: отсутствие штормов, умеренная температура и долгий световой день северного лета. Однако Розенштраух медлил. Как и в предыдущие годы, его труппа проводила большую часть лета и осени в Росток и Штральзунде, и здесь у него оставались неоконченные дела.

Одной из его целей перед отъездом за границу было получение следующей масонской степени. В октябре 1803 года он был посвящен в «высшую степень», вступив в Штральзундскую ложу «Четыре стихии» как андреевский ученик. Теперь он добивался следующего повышения. В протоколах ложи отмечалось, что «брат Иоганн Амвросий Розенштраух... неоднократно просил, чтобы перед его отъездом в Санкт-Петербург... его посвятили в степень Лучезарного Шотландского Мастера». Ложа удовлетворила его просьбу и 30 августа 1804 года, как только его труппа прибыла в Штральзунд, провела по этому поводу особое заседание: «Сегодня, после предыдущего голосования <...> брат Иоганн [sic] Амвросий Розенштраух, которому уже давно подошел срок, был принят в Лучезарные Шотландские Мастера»¹¹.

Почему это повышение было для него так важно? У нас есть множество более поздних свидетельств о том, что в масонстве он находил глубокий смысл, поэтому, несомненно, стремился к высокой степени ради нее самой. Но, возможно, уезжая в чужую страну, он также понимал, какие ценные связи сможет наладить, войдя в элитарные масонские круги. Наконец, связи с влиятельными масонами могли пригодиться и для решения более насущной проблемы: он чувствовал, что настала пора покончить со своим неудавшимся браком.

Расторгнуть брак было непросто. Брак находился под двумя юрисдикциями: само супружество регулировалось законами католической и протестантской церквей, тогда как его социаль-

---

¹¹ GStA FM 5.2. S82 Nr. 60, «Protocoll-Buch der leuchtenden St. Andreas Loge zu den 4 Elementen. Anfangen d. 19 Februar 1800 bis zum 21ten May 1807», запись от 30 августа 1804 года; GStA FM 5.2. S82 Nr. 69, «□Quatuor Elementa. 1803. Betr. die Protokoll-Auszüge über die Logen-Arbeiten und die [hpзб] Uebersicht über die Thätigkeit der Loge», запись от 30 августа 1804 года; Stralsundische Zeitung, 1804. 1 September. № 105. 6. п.

ные аспекты (раздел имущества, опека над детьми при разводе и тому подобное) были прерогативой каждого отдельного государства. Возникавшие в результате осложнения усугублялись неразберихой в юрисдикции Священной Римской империи. Розенштраух был живым воплощением этих осложнений: прусский католик, который женился в католической Вестфалии и теперь проживал в лютеранском Мекленбурге-Шверине, а жена его была лютеранкой из реформатского Гессен-Касселя, которая перешла в католичество, но, возможно, впоследствии вернулась к лютеранству.

Юридическая возможность развестись зависела от вероисповедания. Католики не могли ходатайствовать о разводе, поскольку католическое каноническое право считало брак божественным таинством. Самое большее, о чем они могли просить, — это раздельное проживание, то есть право жить порознь, оставаясь в законном браке. Протестанты, с другой стороны, не считали брак таинством и, следовательно, имели право подать в суд на полный развод. М. Лютер и другие протестантские реформаторы XVI века учили, что брак расторгается, если один из супругов ушел из семьи, совершил измену или умер. Таким образом, смысл ходатайства о разводе по протестантским законам, которые после Лютера продолжали развиваться и оставались в силе вплоть до революций 1848 года, заключался не в расторжении юридически действительного брака, а в подтверждении того, что брак уже фактически расторгнут другим супругом, и в ходатайстве о праве на повторный брак. Этим правом обладал только тот супруг, который не был виновной стороной.

Свидетельств о том, что Розенштраух собирался снова жениться, не сохранилось, но вполне естественно, что мужчина 36 лет, у которого было четверо детей, стремился, прежде чем отправиться в Россию, устранить препятствия для будущего брака. Чтобы получить право подать на развод, он должен был вначале перейти в протестантизм. Процедура была проста: единственное, что ему нужно было сделать, — это объявить в церкви перед священником об исповедании лютеранской веры. Шестнадцатью годами ранее Барбара Антонетта перешла из

лютеранства в католицизм, чтобы выйти за него замуж. Скорее всего — мы не можем быть уверены, потому что архивные источники не сохранились, — теперь он сделал обратное, чтобы развестись с ней¹².

Возможно, в этих делах ему помогали друзья из «Храма Истины». По меньшей мере двое из них занимали должности в лютеранской церкви: Самуэль Готлиб Ланге, основатель ложи, был пастором церкви в Ростке, а Иоганн Маттиас Мартини, мастер стула, — директором Ростокской консистории, высшего духовного суда герцогства. Еще двое братьев по ложе заседали в судебной канцелярии Ростка, светском суде, в юрисдикцию которого входили бракоразводные процессы: Кристиан фон Неттельбладт, который позже написал о Розенштраухе как о «примечательном человеке» с «честным характером», был судебным советником, а его отец — директором суда [Siggelkow 1797: 11]¹³.

В июне 1804 года, когда труппа находилась в Ростке, и примерно в то же время, когда он просил о степени «Лучезарного Шотландского Мастера», Розенштраух возбудил официальный бракоразводный процесс, обвинив жену в бегстве [Bärensprung 1837: 201]. Если она скрылась в неизвестном направлении и в течение девяти недель не ответила бы на уведомление, судебная канцелярия Ростка могла объявить о разводе. В прежние времена уведомления требовалось вывешивать в общественных местах в трех разных государствах Священной Римской империи; теперь же газеты предоставляли более дешевый вариант, поэтому начиная с 1777 года уведомления просто публиковались

¹² О бракоразводных законах см. [Wiese 1804, 3, I: 134–136, 412–415; 3, II: 177–178; Stölzel 1891: 10–11, 17–18, 42, 67; Strippelmann 1834: 328–332]. В приходских книгах лютеранских церквей Шверина, Гюстрова, Доберана или Ростка за этот период не фигурирует ни один человек по фамилии Розенштраух, но конкретный реестр конфирмаций, включающий записи о переходе из католицизма, сохранился в Ростке только с 1816 года. Я благодарю Каролу Крюгер из Шверинского церковного архива (Landeskirchliches Archiv Schwerin) за эту информацию.

¹³ См. также: Herzoglich-Mecklenburg-Schwerinscher Staatskalender 1804. Teil 1. S. 60, 76, 92.

в газетах трех государств. Развитие прессы, которое способствовало мобильности актеров, также облегчило разводы¹⁴.

Судебная канцелярия направила уведомление 2 июля, но, возможно из-за медленной связи, оно было опубликовано в Касселе только четыре недели спустя. Три понедельника подряд, с 30 июля по 13 августа, первым материалом на первой странице «Кассельских полицейских и коммерческих ведомостей» печаталось следующее уведомление:

Мы, Фридрих Франциск, милостью Божьей герцог Мекленбургский, князь Венденский, Шверинский и Ратцебургский, также граф Шверинский, правитель земель Росток и Штаргардт и прочая, и прочая, настоящим публично уведомляем тебя, Зузанна Антонетта Барбара Хампе, уроженка Касселя, что твой супруг, придворный актер Иоганн Амвросий Розенштраух из Шверина, всеподданнейше заявил Нам, что после того, как он женился на тебе в 1788 году и прожил с тобой в браке десять лет, ты в 1798 году без малейшей причины покинула Кассель и супруга и отправилась в Мюнстер, и что с тех пор с тобой стало, и жива ты еще или уже умерла, об этом, несмотря на все его расспросы, он ничего не смог узнать.

Барбаре Антонетте было предписано явиться в Росток в субботу, 15 сентября, в 9 часов утра, «чтобы объяснить по поводу твоего отдаления, зная, что, если ты не явишься, брак между тобой и заявителем будет расторгнут»¹⁵.

Приехала ли Барбара Антонетта в Росток, чтобы в последний раз попытаться спасти свой брак и не потерять детей? Явился ли сам Розенштраух? Никаких записей не сохранилось, возможно,

¹⁴ О протестантском бракоразводном законодательстве см. [Wiese 1804, 3, I: 418–419]. О местных законах Мекленбурга-Шверина см. [Siggelkow 1797: 198, 266].

¹⁵ Edictalvorladungen // Casselische Policey- und Commerzien-Zeitung. № 31. 1804. 30 Juli. S. 803–804; уведомление было напечатано повторно в той же газете: 1804. 6 August. № 32. S. 827–828; 13 August. № 33. S. 853–854. Оно также вышло в: Stralsundische Zeitung. 1804. 28 August. № 103. 6. п.

из-за того, что во время Второй мировой войны бо́льшая часть архива Судебной канцелярии была утрачена¹⁶. Однако позже Неттельбладт, его друг из судебной канцелярии, написал, что он только «разошелся», но не «развелся» с женой. Ни Розенштраух, ни Барбара Антонетта больше в брак не вступали¹⁷.

Через Балтику

Скорее всего, 15 сентября 1804 года, в день, на который было назначено судебное разбирательство, Розенштраух все еще находился в Росток, а к 12 октября, то есть 30 сентября по юлианскому календарю, или «старому стилю», используемому в России, его дебют на Санкт-Петербургской сцене уже состоялся¹⁸. (Если не указано иное, все даты событий в России далее приводятся по старому стилю.) Это означает, что его поездка, скорее всего, пришлась на конец сентября или начало октября. Затягивать с отъездом было бы неразумно. По мере того как дни укорачивались, а погода становилась холодной и штормовой, плавание по Балтике делалось все опаснее, а в ноябре или начале декабря море замерзало и судоходство полностью прекращалось [Storch 1794, 1: 8].

Такая поездка требовала тщательной подготовки. В путь он пустился один, оставив детей в Росток, с тем чтобы они присоединились к нему позже. Ему нужен был паспорт — документ,

¹⁶ Я благодарю д-ра Катлин Яндауш из Главного государственного архива Шверина (Landeshauptarchiv Schwerin) за эту информацию; см. также: Landeshauptarchiv Schwerin, Onlinefindbücher, 2.23–3, «Justizkanzleien Güstrow, Rostock, Schwerin und Hof- und Landgericht Güstrow». URL: <http://archivdatenbank.landeshauptarchiv-schwerin.de/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁷ О Барбаре Антонетте см. ниже, с. 339.

¹⁸ О дебюте Розенштрауха упомянуто в: Theater. Petersburg den 30. Sept. 1804 // Nordisches Archiv. 1804. November. S. 151. В статье отрицательно оценивается его игра в пьесе Иффланда «Охотники». Такая же оценка дана в другой статье, где добавляется, что он больше не выходил на сцену: Aus St. Petersburg, den 14/26 Oktober 1804 // Der Freimüthige oder Ernst und Scherz. 1804. 16 November. № 229. S. 396.

аналогичный современной визе, выданный в российском консульстве. Кроме того, ему требовались деньги. Несколькими годами ранее Мире, пригласив в свой театр актера Пробста, выдал ему деньги на дорогу, аванс в счет жалования и паспорт. Возможно, он оплатил эти расходы и Розенштрауху [Nettelbladt 1862; Probst 1839: 91–92]¹⁹.

Если верить его позднему рассказу, в Санкт-Петербург он отправился морем. В портах вроде Ростока и Любека те, кто собирался в путешествие, узнавали об отправлении торговых судов, просматривая местную газету и объявления, вывешенные в общественных местах. Судоходный путь через Балтику в Россию был оживленным: один путешественник вспоминал, что, следуя по нему в 1793 году, он ежедневно видел, как мимо проходит 10 или 12 кораблей [Liebeskind 1795: 231, 237]. За время, на которое пришлось плавание Розенштрауха, с 11 сентября по 6 октября 1804 года, в Кронштадте, островном порту, обслуживавшем Санкт-Петербург, пришвартовалось 74 торговых судна. 11 пришли из Любека, 10 из Ростока, а также 28 из Великобритании, четыре из Швеции, шесть из Дании, пять из Мекленбурга, семь из Пруссии, один из Испании и два из Португалии. Они привели разные товары, в зависимости от мест, из которых прибыли. Согласно российским источникам, из Ростока привезли яблоки, груши, сливы и лошадей. А корабли из Португалии, дальней страны с тропическими колониями, были нагружены «фруктами, обезьянами и попугаями»²⁰.

Эти суда были частью мировой торговой сети, связывавшей внутренние районы России с Санкт-Петербургом и Балтийским морем, а Балтийское море — с Северо-Западной Европой и всеми четырьмя концами света. В период около 1800 года с мая по ноябрь, когда море было свободно ото льда, в Кронштадт заходило примерно 1000 судов в год. Как правило, над половиной из них развевался флаг Великобритании, главной морской державы

¹⁹ ПСЗ (Собрание первое), т. 28, № 21284 (7 мая 1804), с. 302.

²⁰ Цифры указаны на период с 30 августа по 24 сентября по старому стилю. Кронштадт // Санкт-Петербургские ведомости. 1804. 4 октября. № 80. С. 2431.

мира; остальные были в основном скандинавскими, немецкими и американскими [North 2015: 158–164]²¹. Они привозили товары из Европы и ее колоний — сахар, кофе, изысканные ткани, вино, пиво, специи, красители, сыр, фарфор, бумагу, фрукты, — все то, без чего высшие круги России и других балтийских стран не смогли бы вести образ жизни европейских аристократов. В обратный рейс они отправлялись загруженные товарами, которые русские купцы привозили из континентальных районов Российской империи и которые были необходимы для поддержания экономики Британии и других западных стран, а также их колоний: например, зерно для городов, сырье для промышленности (железо, жир, поташ) и материалы для кораблестроения (древесина для мачт, лен для парусов, пенька для каната, смола для конопачения)²².

Розенштраух не оставил воспоминаний о своем плавании, но его впечатления можно реконструировать по рассказам других путешественников. В 1783 году тот же путь проделал актер Крист. Розенштраух, конечно же, был знаком с морскими видами и запахами по портам Штральзунда и Росток, но нет никаких свидетельств о том, чтобы он когда-либо ранее ступал на борт корабля. Крист, который прежде тоже никогда не покидал суши, счел свое путешествие по Балтике незабываемым. Оно было возвышенным в литературном смысле, как переживание, внушавшее благоговейный трепет перед величием природы. Крист пространно описал его, но так и не нашел подходящих слов. «Описать такое величие выше моих сил», — писал он о первом восходе солнца, который он встретил в море. Он был потрясен видом волн, разбивающихся о скалы острова Борнхольм. Позже корабль попал в шторм, и Крист был уверен, что они вот-вот

²¹ Об этих торговых сетях см. [Romaniello 2019]. О количестве кораблей, ежегодно прибывавших в Кронштадт, см.: Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo2/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

²² Эти примеры ввозившихся и вывозившихся товаров приводятся по [Storch 1797–1803, 8: VII–IX]. См. также [Munro 2008: 184, 194].

пойдут ко дну; ужасающий рев волн, ветра и грома «не поддавался никакому описанию». Он никогда ранее не видел ничего подобного, и это заставляло его задуматься об устрашающей мощи Создателя и собственной ничтожности. Другие путешественники точно так же вспоминали об огромном водном пространстве, страданиях от морской болезни и ощущении хрупкости их деревянных судов, когда море становилось бурным [Christ 1912: 151, 153; Liebeskind 1795: 239]²³.

Длительность путешествия зависела от погоды. Если ветер был попутным, Розенштраух мог доплыть до места назначения менее чем за неделю. Корабли шли на северо-восток через Балтийское море, а затем сворачивали на восток, в Финский залив, в самой восточной точке которого, в устье Невы, находился Санкт-Петербург. Это был холодный, малонаселенный регион Европы, и путешественникам из более южных стран зачастую казалось, что они приближаются к краю цивилизованного мира. Прусская писательница Фанни Тарнов, глядя ранним утром на скалистые, пустынные острова вдоль российского побережья, почувствовала, что перенеслась в какое-то отдаленное место из скандинавской легенды. На материковом берегу она заметила густые леса; экипажи в этом районе, как ей сказали, должны были ездить с колючками, чтобы отпугивать волков [Tarnow 1819: 12–13]²⁴.

Тарнов, по-видимому, описывала то, что на самом деле видела с палубы, но представление о дикости этих мест было также устоявшимся культурным стереотипом. Немецкие читатели знали, что Петр Великий основал Санкт-Петербург, чтобы сделать Россию европейской страной, предоставив ей выход к Балтийскому морю и новую столицу взамен континентальной Москвы. К моменту появления там Розенштрауха Санкт-Петербург вырос из небольшого форпоста в город с населением около 270 000 человек — больше, чем в любом городе Центральной или Западной Европы, за исключением Лондона и Парижа. В 1803 году, когда отмечалось его столетие, лейпцигская «Газета для эlegantного

²³ О понятии «возвышенное» см. [Konzett 2000: 8–9].

²⁴ О продолжительности такого плавания см. [Luchmann 1992: 43].

света» объявила Санкт-Петербург «самым красивым городом в мире». Город прославлялся как торжество железной воли великого человека над непримиримой враждебностью природы. Наблюдалось идеальное соответствие между мифами о Петре — жестком, но дальновидном лидере, России — варварской стране, возродившейся в виде цивилизованной империи, и Санкт-Петербурге — холодном болоте, превращенном в великую столицу²⁵.

Поскольку Нева в Санкт-Петербурге была слишком мелкой для океанских судов, корабли доставляли свои грузы и пассажиров в Кронштадт, остров-крепость в 25 километрах к северо-западу. Кронштадт был торговой гаванью города, а также портом приписки большей части российского Балтийского флота, то есть главным портом, где Российская империя встречалась с остальным миром. Розенштраух, скорее всего, никогда не видел крупного морского порта, поэтому Кронштадт, возможно, произвел на него такое же ошеломительное впечатление, как на Тарнов, которую восхитили «исполинские гранитные бастионы и бойверки» его укреплений и «этот лес из мачт шестисот кораблей, этот грохот, этот стук молотков». Кронштадт символизировал имперскую власть, но он также был мировым перекрестком. По словам Тарнов, там звучал разноголосый хор моряков из всех западных наций: «...этот смешанный гомон, как при строительстве Вавилонской башни, на всех мыслимых языках — немецком, английском, русском, шведском, испанском, итальянском и других, совершенно мне неизвестных». Но были там и признаки экзотического Востока: «...на улицах все эти турки, армяне [и] татары в своей национальной одежде» [Tarnow 1819: 16–17]²⁶.

Вновь прибывшие — путешественники, а также торговцы, перевозящие большое количество товаров, — должны были предъявить паспорта и распаковать багаж для досмотра, чтобы

²⁵ Sekulärfeier der Gründung von St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1803. 21 Juni. № 74. Kol. 587. См. также: Petersburg, den 31. May // Augsburgische Ordinari Postzeitung. 1803. 25 Juni № 151. б. п. О Петре Великом и Санкт-Петербурге см. [Storch 1794, 1: 4–8]. О населении города см. [Statistische Uebersicht 1805: 41].

²⁶ О Кронштадте см. также [Storch 1797–1803, 8: 30–32].

показать, что не везут через российскую таможенную никакую контрабанды. Когда в 1783 году приехал Крист, ему не разрешали забрать с корабля багаж, пока все на борту не было осмотрено. Въездные формальности могли занять у Розенштрауха несколько дней, в зависимости от того, насколько хорошо он ориентировался в сложной и коррумпированной бюрократии [Petri 1809, 2: 380, 390; Christ 1912: 155, 159, 162; Tarnow 1819: 18]. Когда же с проволочками было покончено, оставалось только добраться до самого города. Доехать туда можно было двумя способами. Первый — переправиться на близлежащий берег и проехать в экипаже по дороге, которая вела мимо великолепных императорских дворцов и аристократических загородных поместий, через окраины города и, наконец, к центру российской столицы. Другой вариант — добраться на пароме непосредственно до города, влившись в плотный поток отплывающих и подплывающих судов, и полюбоваться панорамой города, величественно поднимающегося из воды, а потом сойти в самом его сердце, по реке чуть выше Зимнего дворца [Luchmann 1992: 25; Tarnow 1819: 21]²⁷.

Когда Розенштраух наконец сошел на берег, погода ему благоприятствовала. Вообще-то осень в Санкт-Петербурге — унылое время года, с дождями, слякотью и порывистыми ветрами, с редкими снегопадами, предвещающими скорую зиму, но в год приезда Розенштрауха она оказалась на удивление теплой.

Мы здесь наслаждаемся осенью, какой не могут припомнить даже древние старики, — написал один местный житель 6 октября по старому стилю. — Сам воздух напоен теплом, а в полдень солнце так палит, что хочется снять пальто. Обычно в это время у нас на улицах уже лежит снег, или, по крайней мере, идет дождь или трещит мороз²⁸.

²⁷ См. также: Прибавление // Санкт-Петербургские ведомости. 1804. 4 октября. № 80. После с. 2436.

²⁸ St. Petersburg den 6. October 1804 // Nordisches Archiv. 1804. November. S. 155.

Глава 8

Вызов на сцену

Розенштраух, надо думать, первым делом направился в свой новый театр. Как и в других известных ему столицах, тот располагался на главной площади, служившей символическим центром монархической власти. Дворцовая площадь Санкт-Петербурга, однако, выглядела гораздо внушительнее, чем Старый сад в Шверине или площадь Фридриха в Касселе. Это было огромное полукруглое пространство, окруженное с северной стороны величественным ансамблем Зимнего дворца (ныне художественный музей Эрмитаж) и Адмиралтейства, а с южной — частными особняками. (См. рис. 8.1.) Один из них, расположенный к западу от нынешней арки Главного штаба, принадлежал статс-секретарю Г. Г. Кушелеву. «Дом Кушелева для Петербурга был то же, что Пале Рояль для Парижа, только в миниатюре. Тут были и лавки, и трактиры, и маскарадные залы, и [во внутреннем дворе] театр, на котором играли немецкие актеры», — вспоминал впоследствии писатель Ф. В. Булгарин [Булгарин 2001: 84]¹.

Не менее величественной выглядела и квартира директора театра Жозефа Мира в особняке Кушелевых. В подобных зданиях прислуга и квартиранты победнее обычно селились в тесных комнатах на нижних или верхних этажах, рядом с кухнями, кладовыми и прочими подсобными помещениями, в то время как богатые жильцы имели роскошные апартаменты в бельэтаже, с прекрасным видом и высокими потолками. В бельэтаже, в анфиладе более чем из десяти комнат, проживал и Мире. Он был

---

¹ Местоположение и интерьер театра описаны в [Губкина 2003: 221–224].

иммигрантом, простым учителем фехтования из Страсбурга, но в России жил как настоящий барин, в роскошной квартире напротив Зимнего дворца. Говорили, что он держал верховых лошадей, охотничьих собак и многочисленных слуг. Когда в 1799 году в Санкт-Петербург приехал Пробст, Мире предложил ему пожить у него, пока тот не найдет собственное жилье. Возможно, он пригласил впоследствии и Розенштрауха [Probst 1839: 93; Жихарев 1989, 2: 310].

Окно в Европу

Прежде чем лечь спать, Розенштрауху, несомненно, было о чем подумать. Бреслау, Кассель, Росток и прочие старинные города были зажаты в крепостных стенах, поэтому застройка в центре была очень плотной, с громоздкими готическими зданиями и промозглыми переулками. Градостроительный идеал XVIII века, с геометрически выровненными улицами, просторными площадями и архитектурой в стиле барокко или неоклассицизма, мог быть реализован только в районах, где имелось свободное пространство, таких как Верхний Новый город, пригород Касселя. Но Санкт-Петербург был достаточно молодым городом, и весь его центр был выстроен именно так. Если Розенштраух, пользуясь хорошей погодой, прогуливался по близлежащему Невскому проспекту, главной магистрали города (см. рис. 8.1 и рис. 9.1), он видел элегантные иностранные магазины, множество европейцев, богатых русских, носивших западную одежду и разговаривавших по-французски, а также церкви — не только православной, но и лютеранской, католической, реформатской и армянской христианских конфессий, что демонстрировало высокий уровень религиозной терпимости в России. Найти дорогу было нетрудно, так как таблички с названиями улиц в центре города были на двух языках, русском и немецком [Werth 2014: 34–39; Storch 1804–1808, 3: 372–374; Franklin 2019: 134, 158].

В целом архитектура Санкт-Петербурга и его богатые жители выглядели импозантно, но достаточно привычно. Зато простые люди, вероятно, казались ему необычными: в Голландии, един-

Рис. 8.1. Бенжамен Патерсен. Вид на Дворцовую площадь от начала Невского проспекта (1801). С наблюдательной точки на Невском проспекте на полотне изображены Адмиралтейство (слева), Зимний дворец (в центре) и часть Дворцовой площади. За Адмиралтейством и Зимним дворцом скрывается река Нева. Чтобы пространство выглядело обширным, величественным и упорядоченным, художник населил его не суетливыми толпами, а лишь несколькими почти статичными фигурами. Большинство фигур — либо солдаты, либо гражданские лица в европейской одежде, что позволяет предположить, что это русские дворяне или иностранцы. Но некоторые одеты в традиционную простонародную русскую одежду, в том числе разносчик с коробом на голове (на переднем плане слева) и кучер, беседующий с купеческой супружеской парой (на переднем плане справа)

ственной чужой стране, где он уже бывал, ничего подобного он увидеть не мог. В городах повсюду встречалось множество крестьян только что из деревни: их легко было отличить по сельской одежде и обветренным лицам. На взгляд Розенштрауха они выглядели экзотично, особенно мужчины (на каждые десять жителей Санкт-Петербурга приходилось семь мужчин), с бородами, в рубахах, напоминавших туники, и лаптях. Класс мещан здесь ничем не выделялся, как будто его и не было: ремесленники

и уличные торговцы на вид мало чем отличались от крестьян [Storch 1794, 2: 361, 381–382; Statistische Uebersicht 1805: 42].

Если он пытался сопоставить свои впечатления с тем, что говорилось о России в Германии, то с первого же дня он должен был понять две важнейшие вещи. Во-первых, шаткость своего положения в российском общественном устройстве. Здесь ровней ему были в основном другие европейские эмигранты. Едва ли он смог бы сблизиться с простыми русскими людьми — слишком чужды они были друг другу. Сближение с российской элитой представляло меньшие трудности, но и определенный риск: роскошь, окружавшая Мире, и ссылка Коцебу в Сибирь показывали, насколько легко в этой среде могли вознести и низвергнуть человека, подобного ему.

Вторым фактом было то, что Санкт-Петербург питали два мощных потока. Первый шел из самой глубины России и обеспечивал город средствами к существованию: это было зерно, чтобы прокормить множество людей на этой северной широте; крестьяне-мигранты как рабочая сила; и денежные средства, которыми оплачивались проявления богатства и власти, которые он видел вокруг. Другой поток тек с Запада через порт Кронштадта и нес в Россию товары и культурное влияние, которые потом распространялись вглубь страны и помогали правителям воплотить мечты о превращении России в великую европейскую державу. Петербург был точкой пересечения России и Европы, «окном в Европу» для России. А точкой, в которой сходились Запад, элита Российской империи и ее простой народ, было то самое место, где находился театр Розенштрауха, Дворцовая площадь: она примыкала к городским докам, была домом императорского двора и городским пространством, открытым для всех [Munro 2008: 263–276; McCaffray 2018: 5–6, 66–8].

Прислушавшись к языкам, звучавшим на улицах, можно было понять, что в этом потоке с Запада каждая нация играла свою роль. Судоходство в Кронштадте было в руках британцев, но они редко поселялись в России. По сведениям на 1817 год, в Санкт-Петербурге проживало около 36 000 иностранцев (13 % от общей численности населения). Среди них было только

900 британцев, составлявших богатое, влиятельное торговое сообщество. Французов было гораздо больше — 4000 человек: французская культура так привлекала русских аристократов, что в городе всегда находились рабочие места для гувернанток, модисток, поваров, парикмахеров, торговцев предметами роскоши и т. п. Немецкая диаспора имела совершенно иные масштабы. В городе проживало почти 24 000 немцев, в основном лютеран, которые составляли две трети всех иностранцев и 8 % от общей численности населения [Attenhofer 1817: 85–86]². Это был не только самый большой город, который когда-либо видел Розенштраух, но и самый крупный *немецкий* город, в котором ему доводилось жить в зрелом возрасте: число немцев здесь превышало все население Касселя (20 000), Ростoka (14 000) или Шверина (12 000)³.

Как и в Голландской республике, немцы здесь представляли не весь спектр социальных классов, а лишь занимали определенные ниши. Они играли видную роль в имперской верхушке: мать и жена императора Александра были немками; немцами были многие высшие аристократы и придворные чиновники, а также нынешние или будущие супруги семи из восьми братьев и сестер императора. На этом уровне российского общества немцы разделяли те же ценности и моральные воззрения, что и их ровня в германских государствах, но своей страной считали Россию; подобно аристократии большей части Европы, они часто говорили по-французски и строили свой образ жизни по образцу французской знати. За пределами этой немногочисленной элиты немцы Санкт-Петербурга, как правило, принадлежали к среднему классу. В основном это были ремесленники; прочие были владельцами магазинов, чиновниками, офицерами, врачами или другими специалистами. Вместе с семьями они пустили корни в Санкт-Петербурге, научились свободно говорить по-русски и переняли некоторые русские обычаи, но при

² Такое же соотношение на 1789 год указывает Г. Шторх [Storch 1794, 1: 111]. О занятиях британцев и французов см. [Storch 1794, 2: 497–499].

³ О населении Касселя, Ростoka и Шверина см. с. 160 и 161–162.

этом сохранили для себя немецкий язык и чувство национальной принадлежности⁴.

Как мы уже видели, немецкая культура эпохи Просвещения, включая театр, обрела определенное единство благодаря мобильности людей и универсальности публикаций. Театр в Санкт-Петербурге попал на ментальную карту немцев благодаря отзывам в прессе, написанным немцами, переехавшими в Россию. Георг Рейнбек, писавший для «Северного архива», ежемесячника, издававшегося в Риге и Лейпциге, покинул Пруссию, чтобы воспитывать детей русских аристократов, а позже зарабатывал тем, что преподавал в Санкт-Петербурге в немецкой школе и школе для русских дворян. Карл Музеус сотрудничал в веймарском «Журнале роскоши и мод»; он приехал в остзейские губернии как домашний учитель, а позже сделался секретарем немецкого драматурга и русского чиновника Ф. М. Клингера. Энох Шредер, издававший журнал «Рутения, или Санкт-Петербургский ежемесячник», также приехал в Россию как домашний учитель, а потом стал библиотекарем императора Павла I. Теодор Шмидер, сотрудничавший в штутгартской газете «Утренний листок для образованных классов», приехал в Санкт-Петербург служить в театре Мира, но позже поступил на государственную службу⁵. Все они служили связующим звеном между немецкими государствами, немецкой общиной в России и российской верхушкой, и сочинение театраль-ных рецензий было для них побочным занятием.

Благодаря наличию таких связующих звеньев немецкие актеры стали включать Россию в свои гастрольные маршруты. Они выступали в остзейских губерниях или Санкт-Петербурге и либо оста-

⁴ Из всех братьев и сестер Александра I только великая княжна Мария не вышла замуж за немца: она стала королевой Нидерландов. О немцах в санкт-петербургской элите и о немецком и французском влиянии на культуру высших кругов России см. [Storch 1794, 2: 489; Offord et al. 2018: 183, passim; Raeff 1967]. О немецком среднем классе в Санкт-Петербурге см. [Storch 1794, 2: 45, 438, 483, 485, 491; Семенова 1998: 18; Attenhofer 1817: 86–87].

⁵ О Шредере см. [Keuten 2006: 52]. Статьи «Musäus, Carl», «Reinbeck, Georg» и «Schmieder, Heinrich Gottlieb» см. в: Carl Maria von Weber Gesamtausgabe. URL: <https://www.weber-gesamtausgabe.de/en/Index> (дата обращения: 10.09.2023).

вались там, либо возвращались в Германию; все прочие части России были для них *terra incognita*. Особенно прочные связи Россия наладила с севером Германии, поэтому актеров в основном поставлял именно этот регион. Историк театра Н. В. Губкина упоминает Розенштрауха и еще 55 человек, пересекшихся с ним в немецком театре Санкт-Петербурга. Мы располагаем информацией (хотя и неполной) о предшествующей деятельности 33 из этих актеров. Только шестеро, по-видимому, работали исключительно в южной Германии или империи Габсбургов; восемь актеров выступали как в южной, так и в северной Германии или остзейских губерниях, а остальные 19, включая Розенштрауха, — только в северной Германии и (в нескольких случаях) в остзейских губерниях⁶.

Сосредоточиваясь в одних и тех же регионах Германии, актеры заводили круг знакомств. Для Розенштрауха подписание контракта с Мире означало новую встречу со старыми друзьями или, по крайней мере, с людьми из известных ему трупп или мест. С пятью из новых коллег он работал в Шверине; еще пятеро выступали там ранее. В труппе также состояла актриса, которую Губкина, по-видимому, упустила из виду в своем исследовании, — Вильгельмина Шарлотта Альбертина Цайбиг, четырежды разведенная. Ее нынешним (пятым) мужем был один из санкт-петер-

---

⁶ Только в Южной Германии или империи Габсбургов работали следующие шесть актеров: Анна Дальберг; Фридрих Людвиг и Вильгельмина Эвест; Йозеф Адольф Кудич; Фридрих и Эмилия Затценхофен. Восемь актеров, выступавших и там, и в северной Германии или остзейских губерниях: Фридрих Йозеф Брюкль, Жанетт Брюкль (впоследствии жена Пробста); Иоганн Бапист Хюбш; Фридрих Вильгельм Герман Гунниус; Леонард Дидрих Пробст; Карл Франц Гуольфингер, рыцарь фон Штайнсберг; Винсент и Жанетт Вайраух. Двенадцать человек выступали только в северной Германии: Христлиб Георг Генрих Арресто; Жанетт Дробиш; Иоганн Баптист Эльменрайх; Иоганн и Иоганна Гаппмайер; Фридрих Хальтенхоф; Тереза Каффка; Доротея Леве; Фридрих Вильгельм Милиус; Фридрих Рекке; Розенштраух; Бетти Шольц. Пятеро выступали также в остзейских губерниях: Томас Берлинг; Карл Фридрих Борк; г-н Пилих; г-н Трулль; Бенедикт Цайбиг. Наконец, двое работали только в остзейских губерниях: Фридрих Альберт Гебхардт и актриса по фамилии Паузер. О деятельности данных актеров см. [Губкина 2003: 416–435]; сведения о них также содержатся во многих других источниках по истории немецкого театра.

бургских коллег Розенштрауха, а третьим — тенор Кейльхольц, его бывший товарищ по Касселю⁷.

Круг общения Розенштрауха в Санкт-Петербурге, по-видимому, состоял из коллег-актеров и прочих немцев. Да и в поздние годы жизни, о которых мы располагаем более обширными свидетельствами, он, похоже, так и не сблизился ни с кем из русских. Отчасти мешал язык: многие образованные русские знали немецкий, но предпочитали говорить по-русски и по-французски. Поскольку Розенштраух так до конца и не овладел первым и был лишь поверхностно знаком со вторым, во многих разговорах он не мог участвовать. Кроме того, возможностей встречаться с русскими было не так много. Они редко заходили в немецкий театр или лютеранские церкви. По сравнению с западными городами, в Санкт-Петербурге почти не было мест, где могли бы общаться незнакомые друг с другом люди класса Розенштрауха: здесь было мало кофеен или изысканных ресторанов, а прогулки в общественных парках были не очень-то приняты. В городе имелись этнически разнообразные публичные клубы, а также масонские ложи, о которых мы подробнее поговорим в следующей главе, но в основном люди общались в гостях друг у друга. В Санкт-Петербурге даже мимолетного знакомства могло быть достаточно, чтобы получить приглашение на обед или ужин. Это, однако, означало встречу с другими немцами, хотя на таком приеме могли быть и русские гости. Когда Розенштраух освоился в новой жизни, общностью, в которую он ассимилировался, стала санкт-петербургская немецкая диаспора, а не русское большинство⁸.

⁷ Актеры, которых Розенштраух знал по Шверину — Арресто, г-н и г-жа Гаппмайер, Лева и Рекке [Bärensprung 1837: 183, 196]. Ранее в Шверине выступали Берлинг, Борк, Дробиш, Гунниус и Труль [Bärensprung 1837: 131, 158, 162, 170; Mooser 1948–1951, 2: 651]. О Вильгельмине Шарлотте Альбертине Цайбиг см. [Kosch et al. 1953–2021, 7: 3721].

⁸ О соотношении статусов немецкого и французского языков в России см. [Offord et al. 2018: 135–146]. Многие дворянские семьи нанимали немецких воспитателей или гувернанток; см. [Antonova 2013: 178; Randolph 2007b: 103; Richter 1799: 143]. О языковых навыках Розенштрауха см. ниже, с. 302. О местах встреч и этикете общения в Санкт-Петербурге см. [Storch 1794, 1: 225–227, 232; 2: 283–293, 296, 318, 394, 429, 435–437, 508].

Немецкий театр

Немецкий театр в Санкт-Петербурге был устроен примерно так же, как и в Германии. Он управлялся на частной основе директором и получал лишь ограниченную поддержку от правительства, поскольку аристократия предпочитала французский и итальянский театры. В XVIII веке здесь время от времени возникали немецкие труппы, но только в 1799 году, за пять лет до приезда Розенштрауха, Мире удалось создать организацию, которая оказалась достаточно стабильной [Губкина 2003: 221].

Мире мыслил масштабно и был готов рисковать. Он обладал дальновидностью и харизмой; по словам Губкиной, это был «отъявленный авантюрист». Он нанимал лучших актеров и ставил роскошные спектакли, чтобы привлечь зрителей, а когда у него заканчивались деньги, объявлял о банкротстве, переставал платить актерам и обращался за помощью к правительству. Отчасти это объяснялось жадностью и бесхозяйственностью, но верно и то, что содержание театра обходилось недешево: отопление было дорогостоящим, а жалованье должно было быть достаточно высоким, чтобы привлечь актеров из самой Германии и соответствовать высокой стоимости жизни в Санкт-Петербурге. Самые высокооплачиваемые актеры Мире в 1800 году получали жалованье, равное 80 % жалованья вице-губернатора Санкт-Петербургской губернии, высокопоставленного государственного чиновника. При этом доходы оставались низкими, поскольку театр посещали в основном скромные бюргеры, к тому же он часто закрывался из-за холодной погоды, в периоды православных постов и по поводу траура по российским либо немецким августейшим особам [Губкина 2003: 24, 28–29, 40, 51–53]⁹.

Как и придворным театрам Германии, труппе Мире требовались субсидии. В 1800 году, чтобы предотвратить разорение,

---

⁹ В 1800 году Мире платил актерам 400–1500 рублей в год [Keller 1995: 49]. Для сравнения: вице-губернатор по состоянию на 1800 год получал 1875 рублей (см.: ПСЗ (Первое собрание), т. 44, с. 394 («Общий штат губернских и уездных присутственных мест», 1800)).

театр был передан Дирекции Императорских театров, а руководителем Павел I назначил А. фон Коцебу. При Александре I он вернулся под начало Мире, но к 1803 году уже накопил долгов на 56 000 рублей; для сравнения, годовой доход составлял 80 000. Надеясь завоевать симпатии либерального молодого Александра, Мире объявил о пенсионном плане для своих актеров. Александр согласился покрыть его долги и увеличил ежегодную субсидию с 5000 до 25 000 рублей, но к этому времени Мире настолько настроил актеров против себя, что семеро из них уволились и переехали в Москву. Затем он убедил Александра предложить дополнительные субсидии и в 1804 году отправился в путешествие по Европе, во время которого нанял девять новых актеров. Новости о его дорогостоящих постановках, пенсионном плане и субсидиях были опубликованы в немецкой прессе [Губкина 2003: 17, 40–42]¹⁰. Эта реклама в сочетании с обаянием Мире, вероятно, и заставила принять решение Розенштрауха.

Факт, что Розенштраух согласился покинуть Шверин, говорит о том, что он поверил щедрым посулам, которые, без сомнения, слышал от Мире. Если это так, то первые месяцы пребывания в Санкт-Петербурге должны были заставить его призадуматься. Вслед за теплой осенью наступила зима — суровая, именно такая, какими русские зимы представлялись на Западе. Корреспондент газеты «Прямодушный», которую издавал в Берлине Коцебу, сообщал, что 13 декабря по старому стилю обер-полицмейстер Петербурга отменил спектакль, который вот-вот должен был начаться в плохо отапливаемом немецком театре, потому что температура упала до –29 градусов Цельсия. Было так холодно,

¹⁰ О финансах театра см.: Ueber die Theater von St. Petersburg // Konstantinopel und St. Petersburg: Der Orient und der Norden. 1805. Bd. 1, № 9. S. 36. О дорогостоящих постановках театра см.: Deutsche Bühne in St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1803. 13 Januar. № 6. Kol. 44–46; Fragment eines Schreibens aus St. Petersburg // Der Freimüthige. 1804. 20 September. № 150. S. 599–600. О пенсионном плане см.: Aussichten für die deutsche Bühne in St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1803. 23 April. № 49. Kol. 388–389. О субсидиях см.: Günstige Aussichten für die Theater in St. Petersburg // Ibid. 1804. 26 Januar. № 11. Kol. 87–88.

что отменен был даже бал в Зимнем дворце по случаю дня рождения Александра I. Обстановка в самой труппе Мире была ненамного теплее. Как сообщалось в той же статье, ходили слухи о планах выкупить его долю и заменить его актером Пробстом. В марте 1805 года та же газета сообщила, что Мире ведет переговоры об очередном переходе под начало Дирекции Императорских театров. Репетиции на тот момент были приостановлены, а жалование актерам выплачено из резервных средств, предоставленных двором [Губкина 2003: 53]¹¹.

К лету 1805 года Мире снова оказался не в состоянии окупить свои расходы. В результате в июле-августе труппа была передана Дирекции Императорских театров, а затем возвращена в частное управление; руководителем стал актер и драматург Арресто, который опрометчиво согласился взять на себя долги Мире. Репутация Арресто как артиста и честного человека вселяла надежды, но вскоре они рухнули. Оказалось, что как художественный руководитель он никуда не годится. У него также не было предпринимательской жилки Мире, и его попытка сбалансировать бюджет, сократив количество дорогостоящих постановок, привела к обратным результатам, когда продажи билетов упали. В ночь на 1 февраля 1806 года театр сгорел. Декорации уничтожил огонь, но по крайней мере некоторые костюмы удалось спасти. Могло быть и хуже: у здания был только один выход, а собравший полный зал спектакль закончился всего часом раньше. Александр I, недавно вернувшийся в столицу после поражения при Аустерлице, кинулся из дворца через площадь, даже не набросив шубы, чтобы помочь руководить пожарными. Впоследствии он согласился передать театр под постоянное управление Дирекции Императорских театров [Губкина 2003: 47–51]¹².

¹¹ См. также: St. Petersburg, den 25ten December 1804 // *Der Freimüthige*. 1805. 31 Januar. № 22. S. 88; St. Petersburg, den 8/20 März 1805 // *Ibid*. 1805. 8 April. № 70. Kol. 280.

¹² См. также: *Das deutsche Theater in St. Petersburg* // *Zeitung für die elegante Welt*. 1806. 18 März. № 33. Kol. 268–270.

Первые отзывы на игру Розенштрауха были непосредственно связаны с этими раздорами. Корреспонденты «Прямодушного» и «Северного архива» критически отзывались о Мире во время его поездки 1804 года и как доказательство его малой компетентности приводили список набранных им новых актеров, включая Розенштрауха¹³. Опровержение этой критики опубликовал другой автор из «Северного архива», который вскоре после дебюта Розенштрауха написал, что у Мире превосходный театр и что «здешняя публика в основном приветствовала вновь нанятых артистов аплодисментами. Г-да Гунниус, Арресто [и] Розенштраух, а также г-жи Дальберг [и] Леве уже стали любимцами публики, причем заслуженно»¹⁴.

Когда Розенштраух утвердился в театре, критики начали относиться к нему теплее. Он никогда не был звездой труппы, но отзывы получал благожелательные. В сентябре 1805 года Шредер расхвалил его выступления в ролях князя Амилки в «Меншикове и Наталье» Ф. Краттера и индийского верховного жреца в «Марии фон Монтальбан» И. Н. Комарека. В «Коварстве и любви» Шиллера, как писал Шредер в октябрьском номере, он сыграл гордого бюргера, который отказывается выдать свою дочь замуж за дворянина: «В роли городского музыканта г-н Розенштраух был полностью на своем месте, и в целом он особенно хорош, играя отцов». Незадолго до пожара 1806 года он удостоился похвалы в «Газете для элегантного света» за исполнение роли «развратного, коварного грешника» в «Вице-канцлере» Краттера¹⁵.

В первую же неделю после пожара он оказался на жалованье у Дирекции Императорских театров. Его жизнь стала более упо-

¹³ Theater. St. Petersburg den 30. Sept. 1804 // Nordisches Archiv. 1804. November. S. 151; Aus St. Petersburg, den 14/26 Oktober 1804 // Der Freimüthige. 1804. 16 November. № 229. S. 396; продолжение: Ibid. 1804. 20 November. № 232. S. 408.

¹⁴ Briefauszüge. St. Petersburg d. 5. Oktob. 1804 // Nordisches Archiv. 1804. November. S. 170.

¹⁵ Schröder E. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. 1805. September. № 1. S. 58, 62; Schröder E. Deutsches Theater // Ibid. 1805. Oktober. S. 134; Aus St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1806. 5 April. № 41. Kol. 335.

рядоченной и предсказуемой. Финансовое положение театра стабилизировалось, и жалование выплачивалось вовремя. Одним из рычагов, которые использовал Мире при найме, было обещание пенсий; при Дирекции они существовали в реальности. Иностранные актеры должны были получать треть своего жалования через десять лет и половину — через 20; если они становились российскими подданными, то через десять лет эта сумма составляла половину, через 15 — две трети, а через 20 и более лет службы — полное жалование. Учитывая нестабильность профессии, это служило стимулом для того, чтобы актеры брали на себя долгосрочные обязательства перед театром [Губкина 2003: 70–71]¹⁶. Когда Розенштраух стал подчиненным Дирекции и его пенсионный срок начал отсчитываться, оставалось два месяца до его 38-го дня рождения: возраст, когда человеку уже приличествует задумываться о старости.

В последующие годы, когда его труппа выступала на сцене Малого театра на Невском проспекте (на месте нынешнего Александринского театра на площади Островского), деля ее с французским театром, он продолжал получать благосклонные отзывы. Например, в 1806 году и «Прямодушный», и «Венская театральная газета» написали, что он «довольно хорош» в комедии Коцебу «Поджог» и «достоин похвалы» в роли Берли в шиллеровской «Марии Стюарт» [Губкина 2003: 51]¹⁷.

15 сентября 1809 года, спустя три с половиной года после пожара, театр вернулся в свое восстановленное прежнее здание напротив Зимнего дворца. 9 октября Розенштраух стал первым актером, давшим там бенефис, то есть спектакль, после которого кассовый сбор частично или целиком шел в его пользу. Бенефисы, особенно в прибыльный «зимний» сезон с сентября до Великого поста, были привилегией ведущих актеров труппы. Карл Музеус,

¹⁶ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 8. «О принятии в подданство и записке в купечество Ганса Литха, Ивана Розенштроха, Андрея Ремплера, Антона Силейки».

¹⁷ См. также: Aus St. Petersburg, den 10ten May // Der Freimüthige. 1806. 3 Juni. S. 440; Das deutsche Theater in St. Petersburg // Wiener Theater-Zeitung. 1806. 22 Oktober. № 16. S. 58–59.

корреспондент «Журнала роскоши и мод», писал, что «помещение было полно <...>. Пьеса пришлась по вкусу. После представления г-на Розенштрауха вызывали на сцену»¹⁸.

Тремя неделями ранее, 29 сентября по новому стилю (17 сентября по старому), лейпцигская «Газета для элегантного света» опубликовала недатированное письмо из Санкт-Петербурга. Письма обычно шли несколько недель, так что это письмо, вероятно, было написано в августе или начале сентября. В нем сообщалось, что «прекрасный актер г-н Розенштраух, вероятно, вследствие некоторого недоразумения, почувствовал себя оскорбленным новым директором и попросил об отставке. Следует постараться, чтобы удержать его, ибо для сцены это будет большая потеря». Спустя три дня после октябрьского бенефиса Музеус также сообщил: «Ходят слухи, что г-н Розенштраух покидает театр. Эта потеря огорчит зрителей; следовательно, дирекция вряд ли легко пойдет навстречу его желанию, но скорее сделает все, чтобы удержать, ради себя и зрителей, этого хорошего актера и достойного члена труппы»¹⁹.

Розенштраух принял твердое решение: после двух десятилетий службы на сцене с театром было покончено. 1 октября 1809 года, за девять дней до бенефиса, он подал в отставку. В декабре император улучшил пенсионный план, так что он получил право на половину жалованья по истечении 18 лет вместо 20, но когда Дирекция Императорских театров попыталась вновь нанять его на следующий год, он отказался [Губкина 2003: 71]²⁰. В 41 год он уже не был молодым человеком, а после того, как из Ростока приехали его дети, он нес ответственность за содержание семьи в чужой стране, язык которой едва знал и где не имел рекомендаций ни для одной профессии, кроме актерской. Тем не менее

¹⁸ Цит. по: [Мартин 2015б: 48]. Похожий отзыв появился в [Hünemohr 1810: 135]; см. также [Губкина 2003: 53, 57].

¹⁹ Aus St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1809. 29 September. № 194. Kol. 1551–1552; Musäus C. Miscellen aus St. Petersburg // Journal des Luxus und der Moden. № 25. 1810. Januar. S. 57.

²⁰ См. также: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 8; РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 550. Л. 11, 13. «Об артистах немецкой труппы».

он бросил профессию, которой посвятил всю свою взрослую жизнь и которая сформировала его личность, и, как мы увидим, попытался стереть даже память о ней.

Нужда и неуважение

«Газета для эlegantного света» предположила, что он уволился в порыве досады, но представляется вероятным, что разочарование накапливалось годами. Причинами были, скорее всего, материальная нужда и отсутствие общественного уважения к его профессии.

Мы не знаем, сколько ему платили под руководством Дирекции Императорских театров, но в 1810 году Дирекция, пытаясь заманить его обратно, предложила 2000 рублей, к которым бенефис время от времени мог добавить еще несколько сотен²¹. Это было среднее жалованье, которое отражало и положение лично Розенштрауха, и статус немецкой труппы в целом. Предпочтение иностранного (особенно французского) театра отечественному, которое он наблюдал в Германии, присутствовало и в Санкт-Петербурге и было здесь еще сильнее, так как петербургская элита была более интернациональной, а местный средний класс — малочисленным и менее образованным. Больше всего платили французским актерам, меньше всего русским, а немцы находились посередине. По состоянию на 1 января 1810 года заработная плата обычно колебалась от нескольких сотен до 2000 рублей в русской труппе, от 500 до 3000 рублей в немецкой и от 1000 до 6000 рублей во французской. Самый высокооплачиваемый актер в русской труппе зарабатывал 3500 рублей; для немцев максимум составлял 5000, а для французов — 15 000. Эта последняя сумма составляла жалованье Маргариты-Жозефины Веймер, прославившейся под именем мадемуазель Жорж, —

---

²¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 550. Л. 11. Билеты на большинство мест стоили 1–1,25 руб., а театр называли «маленьким»: Deutsches Theater in St. Petersburg (im Oktober 1809) // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift. 1809. Dezember, № 5. S. 304–305.

столько Дирекция Императорских театров не платила никому. Это была всемирно известная трагическая актриса такой звездной притягательности, что ходили слухи о ее романах с Александром I, Наполеоном и герцогом Веллингтоном; ни в немецкой, ни в русской труппе не было знаменитостей сопоставимого уровня²².

По словам авторов, разъяснявших немецким читателям стоимость жизни в Санкт-Петербурге, достойно жить на 2000 рублей было трудно. В 1794 году Г. Шторх писал, что «в целом средний класс в Санкт-Петербурге живет с большими расходами, комфортом и помпой, чем в большинстве крупных городов Европы» [Storch 1794, 2: 389]. Семья из пяти человек (как у Розенштрауха), по его подсчетам, могла бы жить скромно, но прилично, держа карету и пятерых слуг, на 2950 рублей. Однако из-за инфляции цены неуклонно росли, и уже в 1805 году Г. фон Реймерс подсчитал, что уровень жизни, описанный Шторхом, теперь требовал около 6000 рублей [Storch 1794, 2: 389, 408; Reimers 1805, 2: 320].

Каковы были расходы Розенштрауха? Плата за жилье, вероятно, была высокой, а вот карета ему, может быть, и не требовалась — ведь он жил на Невском проспекте недалеко от Гостиного двора, в нескольких минутах ходьбы от театра как до, так и после пожара 1806 года. Неттельбладт, его собрат по масонству из Ростка, пишет, что когда Розенштраух переехал в Россию, его дети «поначалу остались в Ростке, но позже последовали за ним». Он больше не женился и в одиночку растил четверых детей: старшего сына, которому в 1806 году было около 17 лет, Вильгельма 14 лет, 12-летнюю Элизу и 10-летнюю Мину. О том, что чувство отчужденности от театра возникло у него не внезапно, говорит тот факт, что, в отличие от многих актеров, он никогда не позволял детям играть вместе с ним на сцене [Nettelbladt 1862: 198; Реймерс 1809, 2: 347; Fechner 1876, 2: 117]. Конечно, это уменьшало доходы семьи. Дети, возможно, помогали по дому, но, поскольку сам он целыми днями был на службе, для

²² РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 543. Л. 2–5 об. «Об удовлетворении чинов и артистов Театральной дирекции заслуженным жалованьем по 1 января 1810 г.»; см. также [Delaforce 2004: 74; Schieman 1904: 71].

тяжелой и трудоемкой работы по хозяйству ему нужно было нанимать слуг.

Неттельбладт также пишет, что Розенштраух «вкладывал немалые средства» в образование детей. В какой школе они учились, неясно. В России существовала небольшая сеть государственных школ. Система обучения могла показаться ему знакомой, так как была создана по образцу австрийской школьной системы, а та, в свою очередь, строилась по силезскому образцу. Даже главная книга для чтения в русских школах «О должностях человека и гражданина», учившая детей повиноваться монарху и мириться со своим общественным положением, представляла собой адаптацию текстов аббата Фельбигера, реформатора силезской и австрийской школ [Nettelbladt 1862: 198; Munro 2008: 81–83; Dixon 1999: 154; Okenfuss 1985: 343]. Но дети Розенштрауха, только-только приехавшие в Россию, едва ли владели русским языком, поэтому он, скорее всего, выбрал немецкую школу. Такие школы существовали при лютеранских церквях Святого Петра и Святой Анны.

Училище Святого Петра (Петришуле), в котором по состоянию на 1811 год обучалось 354 мальчика и 140 девочек, предлагало семилетнюю программу гимназии (средней школы), готовившую мальчиков либо к профессиональной карьере, либо к поступлению в университет; девочкам преподавалась трехгодичная программа. В школе изучались практические предметы, необходимые для предпринимательства (такие как бухгалтерия, чистописание и современные языки — немецкий, русский и французский) и домоводства («женской работы», как это называлось в школе), а также латынь и гуманитарные науки (в частности, история и естествознание). Казалось бы, Розенштраух должен был выбрать Петришуле, так как она находилась недалеко от его дома, но в списках учащихся его дети не значатся²³.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–2. «Списки преподавателей мужского и женского отделения училища Св. Петра с указанием учебных предметов и недельной нагрузки, а также расписание занятий за 1805, 1806 и 1807 год»; ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. «Списки учеников и учениц, принятых в Главное Немецкое училище Св. Петра». См. также [Lemmerich 1862, 2: 309–313].

В том же 1811 году в училище Святой Анны (Анненшуле) обучалось всего 59 мальчиков и 87 девочек; оно располагалась дальше от дома Розенштрауха, хотя и в пределах пешей доступности. У школы была более узкая задача, чем у Петришуле: целенаправленная подготовка будущего «ремесленника, торговца, фармацевта, хирурга [или] государственного служащего», то есть человека практической профессии, а не университетского «ученого», сведущего в латыни. Здесь преподавались многие из тех же предметов, что и в Петришуле, но программа как для мальчиков, так и для девочек была только четырехгодичной. К тому же обучение стоило 120 рублей на ребенка в год — гораздо дороже, чем в Петришуле, где плата составляла от 32 до 60 рублей, в зависимости от года обучения [Tuchtenhagen 1994: 68]²⁴.

Хотя письменных свидетельств не сохранилось, вполне вероятно, что именно эту школу мог посещать по крайней мере сын Розенштрауха Вильгельм. Впоследствии у него был аккуратный почерк, причем он свободно писал по-немецки, по-русски и по-французски — всему этому обучали в школе. Розенштраух приехал в Россию в 1804 году; предположим, что Вильгельм присоединился к нему годом или двумя позже. В таком случае он мог окончить четырехлетний курс в Анненшуле к 1810 году. Как мы знаем, именно в этом году он в течение семестра изучал фармацевтику в недавно открывшемся прибалтийском немецком университете в Дерпте (современный Тарту, Эстония). Поскольку он не был выпускником гимназии вроде Петришуле, ему нужно было держать вступительные экзамены, но на его специальность сдавались только предметы, связанные с фармацевтикой; умение читать по-гречески и писать по-латыни, необходимое для всех прочих курсов обучения, здесь не требовалось [Haselblatt, Otto 1889: 35; Vorschriften 1821: 85].

Розенштраух хотел, чтобы его семья вошла в respectable мир предпринимательства и требующих образования профессий.

²⁴ О двух школах см. [Tuchtenhagen 1994; Amburger 1984]. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 22. Л. 148–150. «Поступление платы за учение и расходование ее с 1/I 1804–31/XII 1808». О принятых в Анненшуле и плате за обучение см. [Zur Jubelfeier 1889: 21].

Для этого нужно было оплачивать школьное обучение и отказаться от доходов, которые могла принести игра его детей на сцене; при таких условиях его жалования могло и не хватать. Эти проблемы были характерны для его профессии. По словам Губкиной, у немецких актеров и их семей

...значительные средства уходили на театральный гардероб, на обустройство жилья на новом месте (в чужой стране), на обучение детей русскому языку и т. д. <...> Практически все актеры входили в хронические, затяжные долги к своим кредиторам, в долги за наем квартиры <...> закладывалось все, что могло принести доход... причем без всякой надежды на последующий выкуп [Губкина 2003: 94].

В придачу к материальной нужде немецкие актеры страдали от недостатка общественного уважения. Немецкая община, численность которой была сравнима с населением немецкого города средней величины, представляла собой пирамиду с широким основанием, состоявшим из ремесленников и лавочников, с узким слоем образованных чиновников и специалистов и небольшой верхушкой, связанной с императорским двором. Это сообщество было вписано в крупный российский город с космополитической аристократией, состоящей из русских и европейцев. Что же думала каждая из этих групп о немецком театре?

Русское население в массе своей его попросту не замечало. Что касается высших кругов, в том числе немцев по происхождению, то они относились к нему с некоторым презрением. По словам русского мемуариста Ф. Ф. Вигеля, «несмотря на общее недоброжелательство к Наполеоновой Франции, лучшая публика продолжала французский театр предпочитать всем прочим», а «три четверти петербургской публики из одних афишек только знали, что дают на немецком театре» [Вигель 2000: 246, 250].

Это неприятие отчасти объяснялось своеобразным классовым снобизмом. Многие русские относились к немцам так же, как многие немцы относились к голландцам: считали, что все они в глубине души мещане, а следовательно, мелочные людишки. Немцев в России уважали за честность, благочестие и трудовую

этику, но они не пользовались таким почетом, как французы и британцы. По мнению Вигеля, дело было в том, что «французы, наши наставники, приучили нас видеть в немцах одно смешное» [Вигель 2000: 251]. Обрусевший поляк Ф. В. Булгарин, ссылаясь на физиологические и экологические теории, утверждал, что угрюмый климат Германии, а также тяжелая пища и неумеренное потребление пива «способствуют к сгущению крови и какой-то неподвижной холодности» [Булгарин 2001: 208]. Экономист Г. Шторх, остзейский немец, считал, что проблема заключается в чувстве неполноценности самих его соплеменников. Немцам, жившим за границей, утверждал он, недоставало уверенности и патриотической гордости французов и британцев; напротив, они были чопорны, педантичны, стеснялись своей национальности и легко ассимилировались в местную культуру. В Санкт-Петербурге, писал он, они вели себя грубо, выставляя напоказ свое богатство и свысока глядя на русских, а постоянный приток новоприбывших из Германии, стремящихся сколотить состояние, только укреплял мнение о немцах как о приземленных выскочках [Storch 1794, 2: 486–488].

Одним из последствий этого предубеждения было то, что элита, включая ее немецких представителей, избегала немецкого театра. Среди держателей абонементов во французский театр в Санкт-Петербурге были высокопоставленные придворные и аристократы, а также послы крупнейших немецких государств. У немецкого театра список был намного короче, он включал в себя гораздо меньше важных персон и только одного посла²⁵. Таким образом, по словам Вигеля, все лучшие места в немецком театре доставались простым бюргерам: «Пасторы, аптекари, профессеры и медики занимают в нем кресла; семейства их — логи всех ярусов; булочники, портные, сапожники — партер; подмастерья их, вероятно, раек» [Вигель 2000: 335]. Такое же

²⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 918. «Реестр абонементам по Малому и Немецкому Театрам на 1811 год с 1 генваря по 1е июля»; РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 919. «2я часть: Реестр абонементам по Малому и Немецкому Театрам с 1го июля 1811 года».

впечатление сложилось у русского актера П. А. Каратыгина. С немецким театром он познакомился в молодости, в 1820-е годы, когда со времен Розенштрауха мало что изменилось. В 1870-е он вспоминает: «Немецкая публика, в то патриархальное время, была очень простодушна: мне несколько раз случалось видеть в ложах, даже 1-го яруса, пожилых зрительниц в простых чепчиках, одетых по-домашнему, с чулком, или филейным вязаньем в руках» [Каратыгин 1875: 730].

У Вигеля и Каратыгина не было необходимости объяснять, насколько абсурдна эта ситуация. Ранее (с. 71–72) мы видели, что общество при Старом порядке сформировало «представительскую публичную сферу», в которой величие считалось подобающим монархам и аристократам, так как они воплощали («представляли») государство, но смешным, когда на него претендовали простые бюргеры, чья личность исчерпывалась их профессией. Знатный дворянин должен излучать величие; зеленщик — продавать овощи. Таков был подтекст, когда Каратыгин насмехался над тем, что

...в этих спектаклях, за неимением статистов и хористов, нанимали просто булочников и колбасников, которым платили обычную плату за вечер; и благородные рыцари, гранды, или римские патриции, по окончании спектакля, сняв знаки своих достоинств, отправлялись месить тесто, или начинать блютвурсты [Каратыгин 1875: 729].

Само место, где игрались эти спектакли, писал Каратыгин, было столь же непрезентабельным: «Помню я, что зрительская зала этого театра была очень некрасива: закоптелая позолота, грязные драпри у лож, тусклая люстра, на сцене ветхие декорации и кулисы, в коридорах повсюду деревянные лестницы, в уборных постоянная копоть от неисправных ламп...» [Каратыгин 1875: 728].

По мнению космополитического высшего общества Санкт-Петербурга, немецкий театр отличался пошлостью, свойственной как классу мещан, так и немецкой нации; в нем не было того

аристократического величия, которое придавало театральному искусству его чарующую силу. Этим сетованиям пусть неохотно, но вторили другие современники, глубоко верившие в культурную миссию немецкого театра эпохи Просвещения. Основную часть публики составляли ремесленники и лавочники, и театру, чтобы не прогореть, необходимо было считаться с тем, что они приходят ради развлечения, а не просвещения. По мнению меньшинства, желавшего видеть в театре высокое искусство, так создавался порочный круг: театр выживал исключительно за счет малохудожественных спектаклей для необразованной публики, но пока он ставил эти спектакли, ему нечем было привлечь более искушенных зрителей, — а ведь только это могло бы поднять его художественный уровень и общественный престиж²⁶.

У театральных критиков такое положение дел вызывало сильнейшую досаду. Постоянно звучали жалобы на неотесанность театральной публики. «Газета для элегантного света» сетовала, что хорошие спектакли не вызывают отклика, в то время как «безвкусовые, карикатурные фарсы неизменно заканчиваются бурными аплодисментами, что должно вызывать справедливое чувство стыда у образованного зрителя». Чтобы заполнить зал, театр устраивал вульгарные представления для толпы. Критик Э. Шредер сетовал, что посредственные оперы приходится «здесь публике по вкусу»; новая «грандиозная комико-романтическая опера» Ф. Затценхофена, члена немецкой труппы Санкт-Петербурга, была таким «чудовищем», что композитору следовало «задушить [ее] в колыбели». Шредер был не одинок в своих взглядах. Другой рецензент заявил, что если бы театр избегал такой чепухи, как оперы Ф. Кауэра «Дунайская русалка» и В. Мюллера «Чертова мельница в Винерберге», он бы «со временем завоевал более взыскательную публику», а еще один критик сожалел, что театр привлекает больше всего зрителей «тем, что пока-

²⁶ Schröder E. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. 1805. November-Dezember. № 1. S. 233–234; Schröder E. Deutsches Theater in St. Petersburg // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift. 1808. Februar. № 4. S. 158–159. См. также [Müller 1813: 266].

зывает дунайских русалок, чертовы мельницы и подобный жалкий вздор»²⁷.

Такой же критике подвергались и актеры. Не все, писал Шредер, «в равной степени одушевлены влечением к искусству» и отвержены «его прекрасной, возвышенной цели, [а именно] *совершенству и нравственности*». В перерывах между репликами они мешают другим, «болтая друг с другом, смеясь или даже заводя разговоры со зрителями в ближних ложах». Им следовало бы брать пример со своих французских собратьев, которые добросовестно выучивают текст роли (и поэтому не нуждаются в суфлере) и помогают друг другу на сцене²⁸.

Еще одна претензия состояла в том, что актеры, привыкшие к натуралистической манере игры в мещанских драмах, были не в состоянии передать торжественную размеренность классической трагедии. В декабре 1807 года, посмотрев «Императора Клавдия» Коцебу, Шредер заметил, что ни драматург, ни труппа не сумели придать римским персонажам античное величие, что с легкостью удастся французскому театру, хотя Розенштраух в роли римского полководца справился с этим лучше, чем его собрат²⁹. В январе 1808 года он выступил с аналогичной критикой пьесы о короле Франции Генрихе IV. Он написал, что «г-н Розенштраух сыграл Генриха достаточно прочувствованно и похвально. Конечно, ему далеко до царственности, но где вы видели на сцене королей?»³⁰ По мнению Шредера, труппе не

²⁷ Deutsche Bühne in St. Petersburg (Beschluss) // Zeitung für die elegante Welt. 1803. 15 Januar. № 7. Kol. 53; Schröder F. E. Deutsche Bühne in St. Petersburg // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift 1807. November. № 3. S. 236, 243, 244; Musik und Theater in St. Petersburg // Zeitung für die elegante Welt. 1804. 17 Juni. № 85. Kol. 679; Ueber die Theater von St. Petersburg // Konstantinopel und St. Petersburg: Der Orient und der Norden. 1805. Bd. 1, № 9. S. 38.

²⁸ Schröder E. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. 1805. Juli-August. № 1. S. 256; Schröder E. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. № 1, 1805. November-Dezember. S. 243–244.

²⁹ Deutsches Theater in St. Petersburg // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift. 1808. Februar. № 4. S. 158.

³⁰ Deutsches Theater in St. Petersburg // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift. 1808. März. № 4. S. 246. Речь идет о пьесе «Генрих Четвертый и прекрасная Габриель» Вернера (Ibid. S. 239).

удалось подняться над повседневной мещанской обыденностью до уровня истинного искусства. По этой же причине его раздражало, что он слышит «столько провинциализмов, неверно произносимых слов и, прежде всего, столько грамматических ошибок»³¹. Одним из актеров, чью дикцию он упомянул отдельно, был Розенштраух, который так до конца и не избавился от силезского акцента³².

Религиозное обращение

Театр явно не приносил Розенштрауху ни материального дохода, ни морального удовлетворения от того, что он несет в массы нравственные идеалы Просвещения. Но в этом смысле работа в Санкт-Петербурге ничем не отличалась от его предыдущих ангажементов, к тому же в аналогичном положении находились и многие другие актеры, но это не побудило их бросить профессию. Что же тогда заставило его сделать решительный шаг и навсегда уйти со сцены, и почему он поступил так именно в тот момент? Ответ, по-видимому, в том, что он пережил религиозное обращение, изменившее его жизнь.

Первое доступное нам свидетельство об этом — потрясающий короткий отрывок из письма 1834 года, в котором он утешает друга, потерявшего своего 17-летнего сына Вольдемара:

Мой старший сын был очень похож на вашего почившего благословенного *Вольдемара*: тот же возраст, примерное усердие. Он был убит в собственной комнате *в Санкт-Петербурге*, на несколько часов до того попрощавшись со мной

³¹ Schröder E. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. 1805. September. № 1. S. 62–63.

³² Deutsches Theater in St. Petersburg // Ruthenia, oder St. Petersburgische Monatsschrift. 1808. Februar. № 4. S. 158; Deutsches Theater in St. Petersburg // Ibid. 1808. Juni. S. 151; см. также: Schröder. Deutsches Theater // St. Petersburgische Monatsschrift. 1805. September. № 1. S. 63. Шредер называет акцент Розенштрауха саксонским. Предположение, что выговор, критикуемый Шредером, был характерен также для Силезии, см. в [Weinhold 1853: 26, 71, 74].

цветущим и полным здоровья. <...> [Его] смерть настигла меня, когда я был фарисеем, христианином на словах, а не в сердце, и привела меня на грань отчаяния³³.

Несколько иную версию рассказа Розенштрауха приводит в своей книге его друг: будто «разбойники убили в лесу его родного сына» [Simon 1855: 319]. Если мы не ошиблись, предположив (см. с. 87–88), что в ноябре 1788 года, выходя замуж, Барбара Антонетта была беременна, мальчик родился в 1789 году, а умер в 1806-м. Я не нашел никаких других упоминаний о нем ни в архивных документах, ни в текстах Розенштрауха или о нем. Если бы не эти два кратких упоминания, само существование старшего сына кануло бы в такое же забвение, как и другие жизненно важные аспекты жизни Розенштрауха — например, сведения о семье его родителей, о которой не сохранилось никаких документов.

Нетрудно представить себе, что убийство привело его «на грань отчаяния», поколебав всю его веру в идеи Просвещения об изначальном добре, присущем человеку и миру. Это, вероятно, и стало причиной его обращения, то есть быстрого изменения и усиления религиозной веры. Его письмо 1834 года содержит типичные признаки истории обращения, когда жизнь, в которой ранее царила духовная пустота («я был христианином на словах, а не в сердце»), внезапно преобразается и центром существования новообращенного становится вера. Социологи религии утверждают, что внутренний духовный кризис новообращенного является и кризисом во внешних отношениях, приводящим его к уверенности, что он не сможет идти вперед, если радикально не изменит свое социальное положение и отношения с людьми и не примкнет к единоверцам³⁴.

На то, что с Розенштраухом произошло именно такое, указывает наше второе свидетельство: запись на обороте его масонско-

³³ Цит. по: [Мартин 20156: 57]. См. [Mittheilungen: 111]. Сын друга умер «на 18-м году», то есть ему еще не было 18 лет [Mittheilungen: 110].

³⁴ О религиозном обращении см. [Menger 2014: 213–224]. Менгер ссылается на социологов П. Л. Бергера и Т. Лукмана [Menger 2014: 218].

го диплома из Штральзунда, из которой явствует, что 15 августа 1806 года он посетил санкт-петербургскую ложу «Умирующий сфинкс»³⁵. Для нас это самое раннее указание на то, что он проявлял интерес к масонской жизни в России.

По-видимому, он не случайно посетил именно эту ложу. Просвещение учило ставить под вопрос общепринятые убеждения общества, так как это помогало подняться на более высокую ступень мудрости. Кого-то это привело к религиозному скептицизму, а кто-то, особенно члены ряда масонских и околосмасонских организаций, пошел противоположным путем — путем теософского мистицизма с проповедью миллениализма (веры в то, что конец времен и Второе пришествие Христа близки) [Collis, Bayer 2020: 67, 172] — и стал искать духовную истину в алхимии, нумерологии и животном магнетизме (так называли незримую природную силу, якобы воздействующую на все формы жизни). Из российских лож «Умирующий сфинкс» был наиболее открыт подобным идеям [Серков 2019, 2: 5–8; Серков 2020, 4: 486–494]. Основатель и мастер стула ложи Александр Лабзин проявлял особый интерес к немецкой религиозной мысли и публиковал переводы сочинений немецких мистиков. Ложа состояла в основном из русских, и, вероятно, это было одной из причин, по которым Розенштраух официально в нее не вступил. Но если он переживал обращение и искал как духовного просветления, так и общения с другими верующими, нетрудно понять, почему его заинтересовал «Умирующий сфинкс».

Запись о его посещении «Умиющего сфинкса» была подписана Бенедиктом Фридрихом фон Девелем, секретарем ложи. Девелю было за 60; как и Розенштраух, он был немецким иммигрантом [Серков 2020, 1: 464]. Нам неизвестно, в каких отношениях он был с Розенштраухом, но, судя по различным документам, в которых встречаются обе фамилии, можно предположить, что обращение ввело Розенштрауха в новые социальные круги. Девель (а может быть, его сын) знал Розенштрауха по театру и был о нем достаточно высокого мнения, чтобы сочинить и опубли-

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 349. Ед. хр. 32.

ковать стихотворение, восхваляющее его актерскую игру. Кроме того, их связывало лютеранство. Источники не позволяют нам реконструировать списки прихожан большинства лютеранских церквей Санкт-Петербурга, но одно из исключений — церковь Святого Михаила на Васильевском острове. Она находилась далеко от дома Розенштрауха на Невском проспекте, но поблизости от Морского кадетского корпуса, где преподавал Девель. В 1805 и 1806 годах Девель фигурирует в списках причащавшихся; Розенштраух и его дети Вильгельм, Элиза и Мина появляются в списке в 1809 году. Девель появляется снова в 1811 и 1813 годах, а дети Розенштрауха — в 1813 и 1814 годах [Daewel 1814: 248–250]³⁶. Могло ли быть так, что Девель познакомился с Розенштраухом в театре, узнал о его невзгодах, познакомил его со своими друзьями-масонами и привел в свою церковь? Скорее всего, именно благодаря подобному знакомству обращение Розенштрауха и вывело его за пределы театральных кругов.

После письма о гибели сына и возврата в масонство в августе 1806 года наше третье свидетельство о его религиозном обращении — запись в дневнике С. П. Жихарева, русского поклонника немецкого театра, который часто общался с членами труппы. В январе 1807 года, после представления «Разбойников» Шиллера, Жихарев отмечает: «Франца Мора играл Розенштраух недурно. Он, говорят, очень добрый, религиозный человек». И добавляет, что тот «будто бы готовится в пасторы, но, в ожидании хорошего пастората, играет на театре» [Жихарев 1989, 2: 316].

Эти слухи, возможно, объясняются тем, что Розенштраух стал заметно религиозен и поговаривал об уходе из театра, но едва ли он всерьез намеревался сделаться лютеранским священником: это была профессия для «ученых» с латинским образованием. Согласно Шведскому церковному уставу 1686 года, которым регулировались дела лютеранской церкви в России после 1721 года, когда Россия аннексировала у Швеции остзейские губернии,

³⁶ См. также: ЦГИА СПб. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 17. Л. 14–15 об., 21 об. — 22. «Списки причащавшихся конфирмантов»; ЦГИА СПб. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 4 об., 5 об., 7 об., 8. «Списки причащавшихся».

для того чтобы сделаться пастором, нужно было сдать экзамены по латыни, греческому, древнееврейскому, теологии и целому ряду гуманитарных дисциплин. В документе не уточнялось, где и как должны быть приобретены эти знания, но на практике все тогдашние пасторы петербургских немецких церквей учились в университетах; в остзейских губерниях, где сосредоточилось большинство немецких лютеранских общин России, наличие университетского диплома было юридическим требованием. Устав также требовал, чтобы кандидаты на служение были «достойными», «целомудренными» и имели «незапятнанное имя и репутацию»³⁷.

Бывший актер с начальным образованием, так до конца и не оформивший развод, едва ли мог надеяться, что его сочтут соответствующим этим стандартам образованности и респектабельности. Таким образом, Розенштраух прослужил в театре 1807, 1808 и почти весь 1809 год. Он ушел в отставку только осенью 1809 года, будучи готовым начать новую карьеру предпринимателя.

---

³⁷ Текст Шведского церковного устава см. в [Sammlung 1821, 2: 1813]. Требования Остзейских губерний см. в: ПСЗ (Собрание первое), т. 27, № 20 675 (21 марта 1803 года), с. 505. Пасторами в Санкт-Петербурге в 1807–1809 годах были: Иоганн Георг Лампе и Иеронимус Хамельман (оба в приходе Святого Петра), Томас Теодор Фридрих Рейнботт (приход Святой Анны), Иоганн Генрих Буссе (приход Святой Екатерины), Август Фридрих Хиршфельд (приход Святого Михаила) и Даниэль Фридрих Цахерт (приход Святого Георгия). См. [Busch 1867, 1: 34, 36, 37, 42]; Amburger-Datenbank, запись 94577 (Буссе), 94821 (Хамельман), 94894 (Хиршфельд), 95082 (Лампе), 95387 (Цахерт). О Рейнботте см. [Schlarb 2007: 22].

Часть III

.....

КУПЕЦ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

.....

Глава 9

Так называемый косметический магазин

Почему, уйдя из театра, Розенштраух остался в России? Не проще ли было вернуться в Мекленбург, где все говорили по-немецки, а друзья-масоны наверняка нашли бы ему новый способ зарабатывать на жизнь? Вероятно, его останавливало несколько соображений. Новый переезд мог оказаться тяжелым для детей. Он уже разлучил их с кассельской родней, втянул в свою кочевую жизнь в Мекленбурге, а потом привез в этот чужеземный город, где убили их старшего брата. Возможно, он колебался, стоит ли в очередной раз сдергивать их с места. К тому же в Мекленбурге его не ждало ничего хорошего: герцогство переживало экономический кризис, после того как в 1805–1807 годах в немецкие государства вторгся Наполеон и заставил их разорвать торговые отношения с Великобританией¹.

Были и положительные доводы в пользу Санкт-Петербурга. Актеру, привыкшему к гастрольным маршрутам немецкого театра, город, вероятно, казался дальней окраиной, но люди, занимающиеся коммерцией, могли втолковать Розенштрауху, что это крупная столица и ворота между Европой и Россией, а значит, место, где зарабатывают деньги и делают карьеру.

Помимо величины и расположения, у Петербурга было еще одно преимущество: благожелательное отношение России к иммигрантам. В германских государствах общественный порядок

---

¹ См. главу «Napoleonische Zeit und Befreiungskriege 1806–1815» в [Karge et al. 2011].

основывался на местных корпорациях, ревниво охранявших свои монопольные привилегии от конкуренции со стороны пришельцев. Уже невозможность для него стать священником предупреждала о трудностях, с которыми столкнулся бы Розенштраух, если бы вернулся в Германию и попытался сменить профессию. Напротив, в России было сильное правительство, которое хотело ввести в своей стране европейские порядки и потому не создавало особых препятствий на пути иммигрантов, которые могли бы способствовать этой программе. В России, по восторженному отзыву одного немецкого автора, «иностранца не угнетают никакие патриархальные обычаи; никакая монополия гильдии не мешает ремесленнику работать, ученый и художник (если сдают экзамены) могут использовать свой талант, а торговец — свои деньги, как им заблагорассудится» [Richter 1799: 37]. Следовательно, считал этот автор, мало у кого из иностранцев возникало желание вернуться на родину, к обществу, которое судило о них больше по происхождению, чем по способностям. Большинство жителей Российской империи жили в своей стране под властью деспотического Старого порядка, но для пришлого европейца она могла стать страной возможностей и свободы.

Масоны в Санкт-Петербурге

Нехватка источников ограничивает нашу возможность реконструировать деятельность Розенштрауха. Из-за отсутствия писем или воспоминаний мы ничего не знаем о его личной жизни в Санкт-Петербурге. Мы видим его только сквозь призму театральных рецензий или в тех случаях, когда он вступает в контакт с учреждениями, где велись записи, такими как театр, правительство, церкви и масонские ложи. Основываясь на этих свидетельствах, можно предположить, что он вошел в общество за пределами театра тем же путем, что и в Мекленбурге: через масонство.

Посещение российской ложи не могло стать для него сильным культурным шоком, так как внутренняя жизнь масонских лож — учение и ритуалы, система степеней, выборы офицеров ложи — была в Германии и России примерно одинаковой. Чтобы увидеть

различия между немецким и русским масонством, нужно сделать отступление и рассмотреть место масонства в более широкой системе культуры эпохи Просвещения в обеих странах. В Германии эпохи Просвещения главной проблемой была разобщенность нации: антагонизм между бюргерами и знатью, между лютеранами, реформатами и католиками, а также между государствами Священной Римской империи. Немецкое Просвещение стремилось преодолеть эти разногласия путем создания единого гражданского общества. Масонство являлось одной из площадок, где должно было возникнуть это гражданское общество.

В России главной проблемой была не разобщенность, а отсталость. Чтобы достичь целей Просвещения, гражданское общество должно было взять на себя моральное верховенство в стране, а законы и институты — защищать права граждан, а также позволять правительству управлять эффективно. В России эти условия не выполнялись. Ранее мы отмечали, что россияне в основном общались в частных домах, а не в публичных местах, таких как парки, рестораны или кофейни. Образованная общественность также была малочисленна, так как в России было мало школ и университетов, мало газет, театров и других площадок, где могло бы формироваться общественное мнение. Таким образом, гражданское общество было недостаточно развито.

Российские законы и институты также отставали в развитии. Пытаясь внедрить свои порядки в повседневную жизнь страны, режим издавал законы, но помещики и чиновники на местах, под непосредственной властью которых жило большинство русских, обращали на это мало внимания и действовали по собственному усмотрению. Попытка правительства создать институты, объединив население в корпорации Старого порядка, также потерпела неудачу, отчасти потому, что само правительство не желало ни с кем делить свои полномочия. Например, оно учредило ремесленные цехи, но не позволило им самим решать, кто может в них состоять. Оно также создало сословные институты для дворянства, но положение дворянских семей по-прежнему зависело от ранга их членов на государственной службе, что заставляло их выказывать верность в первую очередь правительству,

а не дворянству как сословию. На бумаге Россия управлялась законами, а ее граждане были объединены в корпорации. На самом же деле законы повсеместно игнорировались, а общественный порядок строился главным образом на неофициальных связях родства и покровительства, а также на произволе помещиков-крепостников и чиновников².

Масонство помогло заполнить вакуум, образовавшийся в результате отсталости России. Оно позволяло почувствовать вкус жизни, где идеология Просвещения совпадала с действительностью: институты были по-настоящему значимы, закону должны были подчиняться даже начальники, а каждый человек имел гарантированные права и мог лично вносить вклад в развитие своей страны. Ложи сближали русских с европейцами, приобщали их к западному образу жизни, направляли к самосовершенствованию и побуждали нести идеалы Просвещения в общество в целом, поддерживая школы, благотворительные организации и издательства. Идеи Просвещения в основном привлекали русских, получивших образование западной ориентации, таких как армейские офицеры, государственные чиновники, врачи или университетские преподаватели. Эти люди обычно состояли на государственной службе и либо происходили из дворян, либо получали дворянство в награду за службу. Поэтому русское масонство, в отличие от немецкого, состояло в основном из дворян: купцы и духовные лица меньше контактировали с европейской культурой и редко вступали в ложи [Smith D. 1999: 5, 177–178; Wirtschafter 2008: 160].

Общественная функция масонства в России была иной, чем в Германии, но развивалось оно тем же путем. Как и в Германии, первые ложи появились в России в середине XVIII века и достигли расцвета в 1770–1780-е годы. В 1790-е годы, когда началась Французская революция, они были распущены вследствие полицейских репрессий и враждебности общественного мнения. Однако Александр I стремился к либерализации страны и лично

---

² См. [Марасинова 2017: 318–319; Dixon 1999: 98–100; Wirtschafter 2008: 26, 56, 182–183; Hartley 2008: 48–54; Мартин 2015a: 43–44].

симпатизировал масонству, поэтому позволил ложам открыться заново [Smith D. 1999: 165–167, 173–175, 180].

Мы лишь отчасти представляем себе начало масонского пути Розенштрауха в Санкт-Петербурге. При Екатерине II существовала ложа под названием «Пеликан». В 1805 году Александр I дал дозволение возродить ее, и она была переименована в его честь в ложу «Александра благотворительности к коронованному пеликану». Она становилась все более многочисленной и многонациональной, а в 1809–1810 годах разделилась на три ложи. Одна из них, названная ложей «Елизаветы к добродетели» (в честь императрицы Елизаветы, супруги Александра), предполагала вести заседания на французском языке, но в конце концов ее рабочим языком стал немецкий, а позже — русский. Ее членами были в основном русские, в том числе представители аристократической верхушки. Вторая, получившая название ложи «Петра к правде», пользовалась немецким языком и состояла в основном из немцев среднего класса, но среди ее офицеров были также итальянцы, французы и русские. Третья, в которую входило больше предпринимателей и иммигрантов из Германии, сохранила название «ложы Александра благотворительности к коронованному пеликану»; именно в эту ложу вступил Розенштраух. Духовные и светские проблемы масонства, которыми занималась каждая из трех лож, различались. По словам историка А. И. Серкова, ложи «Петра к правде» и «Елизаветы к добродетели» проявляли больший интерес к масонской философии и религиозному мистицизму, в то время как ложа Розенштрауха имела более практическую ориентацию на филантропию [Серков 2020, 4: 262, 369–370; Серков 2000: 66–67; Соколовская 1991, 2: 164–165].

В биографическом словаре русского масонства А. И. Серкова приводится список из 100 человек, принадлежавших к ложе «Пеликана» (то есть «Александра благотворительности к коронованному пеликану») в то же время, что и Розенштраух. Лишь немногие из них входили в придворную или правительственную верхушку. Скорее, это были представители образованного, обеспеченного слоя среднего класса. Около трети из них состояло на государственной службе: 10 военных офицеров и 24 штатских чиновника. Еще

треть подвизалась на поприщах медицины, религии или культуры: 13 врачей, четыре аптекаря, три пастора, шесть музыкантов, один актер, четыре художника и четыре учителя. Оставшаяся треть, в том числе Розенштраух (после того как ушел из театра), занималась коммерцией: 25 купцов, два счетовода и четыре ремесленника (бондарь, бронзовых дел мастер, гравер и седельщик)³.

Протоколы этой ложи сохранились только с 1810 года. Тогда же ее члены избрали Розенштрауха мастером стула сроком на год [Серков 2020, 4: 363]⁴. Этот факт говорит о том, что среди успешных и высокопоставленных лиц, из которых состояла ложа, он был уважаемой фигурой. Согласно свидетельству одного из них, Э. Шредера, Розенштраух стал членом ложи в 1806 году, вскоре после ее восстановления, и примерно тогда же посетил ложу «Умиравший сфинкс». Ранее мы видели, что как театральный критик Шредер нелестно отозвался о произношении и недостаточной образованности Розенштрауха. Но в 1816 году он, будучи масоном, поставил свою подпись под свидетельством с перечнем заслуг, выданным «...честному немецкому мужу, готовому услужить другу человечества, благородному каменщику, другу всякой добродетели, врагу всякого порока, Ему, чьей работой и примером десять лет назад снова процвело истинное масонство в Санкт-Петербурге»⁵.

Принадлежность к масонству также приблизила его к императорскому двору. Это стало возможным благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, масонство повысило его социальный статус: поскольку оно представляло культурную традицию Европы, а европеизация была приоритетом режима, европеец — пусть даже простой бюргер, но с высокой масонской степенью — мог общаться с высокопоставленными русскими, если те тоже были масонами. Во-вторых, в правление Александра I масоны приоб-

³ Эти цифры включают членов ложи до конца 1811 года. См. [Серков 2020, 4: 344–369].

⁴ В некоторых ложах мастер стула избирался пожизненно, но более распространенной практикой, которой придерживалась ложа «Пеликан», было избрание на годичный срок, начинающийся и заканчивающийся в Иоаннов день [Gesetzbuch 1815: 10–13; Gädicke 1818: 54–55, 333–334].

⁵ НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 349. Ед. хр. 35. Цит. по: [Мартин 2015б: 61].

рели исключительную влияние. Правительство постоянно стремилось создать структуры, с помощью которых могло бы воздействовать на жизнь всей огромной, аморфной империи. Екатерина II видела свое самое многообещающее орудие в образованном дворянстве и потому поощряла идеи Просвещения и предоставляла дворянам больше свободы. Ее сын Павел I ограничил свободу знати и усилил вертикаль власти сверху вниз. Александр последовал примеру Павла, сделав правительство более централизованным, но в других отношениях он черпал вдохновение у Екатерины: ослабил цензуру и расширил образование, чтобы создать более широкое гражданское общество. Кроме того, он планировал конституционные реформы, которые должны были дать гражданскому обществу право голоса в правительстве; правда, они так не были осуществлены. Задачи масонства во многом совпадали с программой Александра: членов лож учили нравственно совершенствоваться, участвовать в управлении ложей и искать способы возвысить общество в целом. Поэтому Александр видел в масонах родственные души⁶.

Из отдельных намеков, которыми мы располагаем, можно сделать вывод, что благодаря масонскому окружению Александра у Розенштрауха образовались некоторые связи с двором. Сам Александр, как сообщается, присутствовал на нескольких собраниях ложи «Пеликан», так что вполне возможно, что они встречались лично. Главный советник Александра, либеральный реформатор М. М. Сперанский, был другом и братом-масоном немецкого мистика Игнаца Аурелиуса Фесслера, дружившего, в свою очередь, с Розенштраухом. А. Лабзин, мастер стула ложи «Умиравший сфинкс», также близкий ко двору, был произведен в почетные члены ложи «Пеликан» незадолго до того, как Розенштраух стал мастером стула, или как раз в это время; в свою очередь, он произвел Розенштрауха в почетные члены своей ложи⁷.

⁶ См. [Wortman 1995–2000, 1: 122, 130–131, 153–156, 164, 182–186, 195–196, 201–205; Rey 2012: 125–130, 213–217, 224; Smith D. 1999: 181].

⁷ Об императоре и ложе «Пеликан» см. [Бухаркин, Яковлев 2001–2011, 2, IV: 89]. О Фесслере и Сперанском см. [Серков 2000: 71–75; Fessler 1851: 223]. О Розенштраухе и Лабзине см. [Серков 2020, 4: 357, 491].

Купеческое сословие в России

Судя по его масонской деятельности, Розенштраух к 1809 году наладил широкие связи в немецком сообществе и российской элите. В числе его знакомых, вероятно, были и купцы, торговавшие импортными потребительскими товарами. Иностранные производители не продавали свои товары напрямую российским потребителям, а заключали контракт с коммерсантом-иностранцем из Санкт-Петербурга на выполнение функций комиссионера. Этот комиссионер предоставлял товары в кредит местным розничным торговцам, которые могли реализовывать их несколькими способами: во-первых, на улицах через лоточников; во-вторых, в небольших лавках, составлявших торговые ряды, такие как Гостиный двор на Невском проспекте, всего в нескольких минутах ходьбы от дома Розенштрауха. Самым дорогим вариантом были элегантные магазины, владели которыми в основном иностранцы, чаще всего англичане или французы; здесь обычно предлагался ассортимент товаров из родной страны купца [Storch 1794, 1: 234, 238–239; 2: 33–34; Georgi 1790: 163–164]⁸.

Среди знакомых Розенштрауха наверняка был какой-нибудь комиссионер по иностранному импорту, разглядевший в нем талант и целеустремленность и предложивший ему товар, чтобы он мог открыть такой магазин. Возможно, это был Кристоф Андреас Ремплер, ювелир, иммигрировавший из Саксонии в Санкт-Петербург в 1790 году и ставший поставщиком ювелирных изделий императорскому двору⁹. Ремплер и Розенштраух были братьями-масонами, примерно в одно время подали документы о натурализации, и оба фигурируют в списке купцов, пожертвовавших деньги на военные нужды в 1812 году. Как мы увидим, их семьи поддерживали отношения на протяжении десятилетий. Благодаря Ремплеру, а может быть, какому-то друго-

⁸ В городском справочнике я насчитал 40 магазинов, из их владельцев только трое носили русские фамилии [Реймерс 1809, 2: 494, 516].

⁹ О Ремплере см. [Болин, Булатов 2001: 13; Скурлов 1997]; Скурлов В. В. Болин Карл Эдуард // Архив Валентина Скурлова 2012. URL: http://skurlov.blogspot.com/2012/08/blog-post_2565.html (дата обращения 15.1.2024).

му знакомому, Розенштраух смог открыть свое дело, и новые перспективы позволили ему окончательно распрощаться с театром. Бенефис, ознаменовавший конец его актерской карьеры, состоялся 9 октября 1809 года. Что он делал в течение следующих десяти недель, неизвестно. Затем, 18 декабря 1809 года, он подал заявление о принятии в подданство Российской империи [Серков 2020, 4: 362; Военский и др. 1914: 418]¹⁰.

В современном национальном государстве натурализация делает человека членом национального сообщества граждан, но в сословном обществе Российской империи это было не так. Общностью, в которую хотел влиться Розенштраух, была не русская нация, а конкретно купечество Санкт-Петербурга. Однако это сословие было открыто только подданным российского императора. Поэтому его прошение о подданстве было адресовано не в какое-либо ведомство по делам иммигрантов, а непосредственно министру коммерции, и начиналось оно так: «Желаю я ныне записаться в Санктпетербургское купечество»¹¹.

Чтобы понять, на какой риск он шел, принимая российское подданство, необходимо уяснить себе механизмы российской сословной системы. Если в Священной Римской империи купеческие гильдии и другие сословия Старого порядка активно защищали интересы своих членов, то в России наличие сословий скорее служило правительству средством получения податей, солдат для военной службы и других ресурсов от населения. Со времен Петра Великого российская армия финансировалась за счет так называемой подушной подати и комплектовалась рекрутами, призываемыми на 25-летний срок службы. Согласно этой системе, каждая местная община должна была платить подать и поставлять рекрутов в соответствии с числом жителей мужского пола («душ»). Трудное решение, как распределить это бремя — какая семья должна платить какую долю податей и чьего сына или мужа отдать в солдаты, — оставлялось на усмотрение самой общины. Чтобы общины имели возможность исполнять свои решения, им были

¹⁰ См. также: РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 7, 13–18.

¹¹ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 7.

предоставлены широкие полномочия в отношении своих членов, включая право сажать их в тюрьму или подвергать порке, а также запрещать им переезжать [Smith A. 2014: 18–20, 34, 49–50]. Принадлежность к такому сообществу означала полную зависимость от соседей и постоянную угрозу быть забритым в солдаты. Очевидно, что освобождение от рекрутчины и подушной подати было ценной привилегией, предоставляемой дворянству, духовенству и некоторым другим группам населения. Большинство людей, которых Розенштраух видел на улицах Санкт-Петербурга, принадлежали к «податным сословиям», то есть не были освобождены от уплаты подати. В их числе были представители ремесленных цехов и мещанства, двух сословий, являвшихся по закону городскими; но в основном это были крестьяне, жители деревень, на время приехавшие в город по паспортам.

При Екатерине II была проведена важная реформа. Многие русские и европейцы считали, что Россия сможет процветать только при условии, если помимо дворянства и массы крестьян и чернорабочих в ней будет существовать зажиточный средний класс. Екатерина попыталась создать такой класс, освободив от подушной подати и воинской повинности успешных предпринимателей. Так возникло новое сословие, получившее название купечества. Оно было разделено на три гильдии. Купцы третьей гильдии должны были (по состоянию на 1807 год) располагать капиталом не менее 8000 рублей, и им разрешалось вести местную и региональную розничную торговлю, а также содержать трактиры и постоялые дворы. Вторая гильдия (минимум 20 000 рублей) имела те же права, но также могла владеть мануфактурами и вести розничную и оптовую торговлю по всей России. Первая гильдия (50 000 рублей и более) могла, кроме того, торговать на международном уровне. Чтобы вступить в гильдию, нужно было заявить о наличии необходимого капитала. Сколько денег было у человека на самом деле, юридически не имело значения, но он должен был платить гильдии ежегодный взнос (в 1810 году он составлял 1,75 % от заявленной суммы) [Hildermeier 1986: 127]¹².

¹² Права гильдий были записаны в Жалованной грамоте городам Екатерины II (1785); см. [Грамота 1885].

В попытках Екатерины воспитать средний класс освобождение от подушной подати и воинской повинности служило пряником. Но был и кнут: гильдейский взнос нужно было выплачивать каждый год, и те, кто этого делать не мог в силу того, что их доход слишком мал, теряли право на освобождение от подати и переходили в податное сословие мещан. Иностранцы могли избежать этой участи, покинув страну, но эта лазейка закрылась, когда новый закон 1807 года ограничил членство в гильдии российскими подданными. Иностранцы по-прежнему могли выступать как оптовые торговцы в экспорте и импорте либо производители, но не могли владеть магазинами, и их право вести любой вид розничной торговли было жестко ограничено [Smith A. 2014: 113–117]¹³.

Вероятно, именно этот закон подтолкнул Розенштрауха к принятию российского подданства. Он рисковал своим будущим: ведь если бы его дело пошатнулось, вся семья перешла бы в податное состояние. Это не могло не беспокоить человека, чей единственный выживший сын 1792 года рождения приближался к призывному возрасту — и это в разгар Наполеоновских войн. Возможно, во избежание этой угрозы Вильгельм, родившийся в Голландской республике и являвшийся ее гражданином, не стал российским подданным¹⁴.

18 декабря 1809 года Розенштраух подал прошение о натурализации и начал процесс вступления в третью купеческую гильдию. Он заявил, что его капитал составляет 8010 рублей — на 10 рублей больше, чем установленный законом минимум. Самым подходящим временем для записи в гильдию было примерно начало января, так как гильдейский сбор за текущий календарный год нужно было платить полностью, независимо от времени

¹³ См. также ПСЗ (Собрание первое), т. 29, № 22418 (1 января 1807 года), с. 973–976.

¹⁴ В 1814 году Вильгельм назван бывшим голландским подданным [Найденев 1883–1889, 6: 257]. Указ от 1796 года гласил, что мещане, являющиеся иностранцами гражданами, могут быть призваны в русскую армию, но этому противоречил другой указ от 1798 года, согласно которому призываться могли только российские подданные: ПСЗ (Собрание первое), т. 23, № 17449 (26 марта 1796 года), с. 875; т. 25, № 18 525 (17 мая 1798 года), с. 248.

вступления¹⁵. В процессе натурализации от заявителей не требовалось подробных сведений об их прошлом. Поскольку они вступали в новое сословие и новое подданство, правительство требовало от них подтверждения их актуального сословия и подданства, но стандартной формы для этого не существовало. Некоторые заявители подавали довольно подробные сведения; так, один из них представил выписку из прусского ремесленного цеха, в которой указывались его имя, место рождения, возраст, описание внешности и послужной список; другой приложил свидетельство о крещении с указанием возраста, вероисповедания и имен родителей. Розенштраух, по своему обыкновению, сообщил немного. В его ходатайстве говорилось только о том, что он пруссак из Бреслау и бывший актер. (Российские чиновники сочли это недостаточным: «Спросить, женат ли и есть ли дети», — написал один из них на полях.) Он также предоставил письма из прусского посольства и Дирекции Императорских театров, но в них не содержалось никакой дополнительной информации. Ни в одном из документов не упоминались его возраст, происхождение, семейное положение или другие факты из его прошлого или настоящего¹⁶.

Рассмотрение его ходатайства длилось шесть недель. 30 января 1810 года оно было одобрено, и он был готов принести присягу на верность. Он поклялся, что всегда будет верен императору Александру и его преемникам, защищать самодержавный режим, не вступит в сговор с его внутренними или внешними врагами и никогда не покинет страну без разрешения императора. Он бесповоротно связал свою судьбу с Российской империей¹⁷.

¹⁵ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 7; ПСЗ (Собрание первое), т. 29, № 22 533 (27 мая 1807 года), с. 1193; т. 30, № 22 749 (12 января 1808 года), с. 21.

¹⁶ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 7–12 об., цит. л. 7; ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2548. Л. 4, 25 об. «Переписка разных лиц о принятии их в подданство России (1809–1910)». Закон требовал, чтобы заявители указывали, распространяется ли их просьба о натурализации на их детей; ПСЗ (Собрание первое), т. 29, № 22 560 (18 июля 1807 года), с. 1222.

¹⁷ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 680. Л. 7–12 об.; ПСЗ (Первая серия), т. 26, № 19841 (17 апреля 1801 года), с. 615–616.

Косметический магазин

Кристиан Неттельбладт, его друг-масон из Ростокa, с которым он продолжал поддерживать связь, пишет, что Розенштраух «открыл химическую фабрику» — по-видимому, мастерскую по изготовлению духов и подобной продукции — «и косметическую лавку». В таких магазинах продавалась не только косметика в узком смысле, но и всевозможные дорогие предметы домашнего обихода и продукты питания. В различных документах упоминается, что он продавал, среди прочего, духи, ленты, чернила, карандаши, шоколад, эстрагонный уксус и штопоры [Nettelblatt 1862: 198; Серков 2000: 29]¹⁸.

Санкт-Петербург был прибыльным рынком сбыта «косметики». В высшем обществе России было принято судить друг о друге не по происхождению, как в Германии, а по служебному чину, потреблению предметов роскоши и европейской культурной утонченности [Georgi 1790: 407–408; Storch 1794, 2: 394, 398, 403, 406, 412, 446, 512–513; Schönle, Zorin 2018: 53–57]. Россия импортировала с Запада товары, позволявшие вести роскошный европейский образ жизни: колониальные товары (цитрусовые, табак, кофе, сахар), продукты питания (вино, пиво), предметы домашнего обихода и одежды (текстиль, часы, зеркала, стеклянная посуда). Потребление таких товаров было финансово оправдано, поскольку Россия, как и другие страны Балтии, имела профицит в торговле с Западом, и большая часть этого профицита оседала в карманах дворян, в чьих поместьях производились экспортные товары [Storch 1794, 2: 27–28; North 2015: 164].

Розенштраух открыл магазин в том же доме, в котором жил, на южной стороне Невского проспекта, между Гостиным двором и Екатерининским каналом (см. рис. 9.1). Это было сердце коммерческого района Санкт-Петербурга [Storch 1794, 1: 236]¹⁹. Со-

¹⁸ См. также: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 494. Л. 2 (Розенштраух — М. П. Баратаеву, б. д.); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 203. Ед. хр. 8а. Л. 1–2 (Вильгельм Розенштраух — княгине Барятинской 21 января 1830 года); [Розенштраух 2015: 251–252].

¹⁹ См. также [Реймерс 1809, 1: 38; 2: 347, 436].

Рис. 9.1. Максим Воробьев. Казанский собор в Санкт-Петербурге (1817). На акварели изображен Невский проспект на пересечении с Екатерининским каналом. Магазин и квартира Розенштрауха находились в освещенном солнцем здании слева, через канал от величественного Казанского собора. На переднем плане баржа, проходящая под мостом, и женщины, стирающие белье в канале. На картине улица выглядит пустынной, но на самом деле она была полна прохожих и экипажей

седи, с которыми он сталкивался в вестибюлях своего дома, были, как и он, выходцами из среднего класса. Домом владел богатый, но неграмотный купец Сила Глазунов, сын которого был собратом Розенштрауха по масонству. Согласно городскому справочнику за 1809 год, в числе жильцов были два купца; часовщик; два производителя «инструментов» (то ли музыкальных, то ли измерительных); знаменитый архитектор А. Н. Воронихин, бывший крепостной и ветеран масонства, который на тот момент руководил строительством близлежащего Казанского собора; и отставной служащий Министерства иностранных дел — единственный из жильцов, обозначенный в справочнике как чиновник

[Реймерс 1809, 2: 248, 417, 539, 541, 543]²⁰. Нижний этаж здания занимали магазины, называвшиеся, по имени первоначального владельца здания, Милютинскими рядами. Здесь можно было купить вино и дорогие деликатесы (многие из которых, по-видимому, выращивались в теплицах), такие как вишня, клубника, ананасы, цитрусовые, фисташки и устрицы, — все это рекламировал один из магазинов в конце зимнего сезона 1810 года. Магазин Розенштрауха находился наверху, возможно, прямо в его квартире [Kolbe 1853, 1: 183]²¹. Представление о том, как это могло выглядеть, дает объявление в газете 1830-х годов, где сказано, что на Невском сдается «прекрасная квартира из двух комнат и кухни, подходящая для магазина»²².

Нельзя сказать, что новое занятие — розничная торговля изысканной косметикой — было для него таким уж непривычным. Как актер и бывший цирюльник он, вероятно, имел опыт изготовления и использования косметики и средств по уходу за волосами, а также разбирался в таких предметах домашнего обихода, как ткани, мебель и аксессуары: все это использовалось для театральных декораций и костюмов²³. Играя на сцене непреклонных, но благожелательных отцов, он, должно быть, научился излучать обаяние и авторитет, необходимые продавцу. Как актер он также должен был уметь сближаться с новыми коллегами, ладить с примадоннами, упрямыми директорами и капризными зрителями — это было хорошей школой для общения с деловыми партнерами и богатыми, привередливыми клиентами.

К этим умениям добавлялись способности его сына Вильгельма, которого он сделал своим помощником. В отличие от отца,

---

²⁰ О Глазунове, его сыне и А. Н. Воронихине см. [Бильбасов 1901–1903, 8: 139–140; Серков 2020, 4: 351; Серков 2019, 1: 303–304].

²¹ См. также: Дом Милютинных (Лесниковых, Глазуновых) // Прогулки по Петербургу. URL: walkspb.ru/istoriya-peterburga/zd/nevskiy²⁷ (дата обращения: 15.1.2024); *Intelligenzblatt der St. Petersburgischen Zeitung*. 1810. 15 April. № 30. S. 257.

²² *Vermiethungs-Anzeigen* // *Intelligenzblatt der St. Petersburgischen Zeitung*. 1837. 16 Juni. № 132 S. 368.

²³ Актеры сами изготавливали свой грим; [Düringer, Barthels 1841: Kol. 980–985].

Вильгельм свободно владел русским и французским языками, на которых предпочитали объясняться знатные русские клиенты. В 1810 году, когда его отец открыл магазин, Вильгельму исполнилось 18 лет и он поступил в остзейско-немецкий Дерптский университет на отделение фармацевтики. В то время в традиционной европейской медицине считалось, что болезни распространяются посредством витающих в воздухе зловонных «миазмов» и потому ароматические вещества, которые рассеивают неприятные запахи, имеют лечебную ценность. По этой причине, а также потому, что необходимые умения и ингредиенты были схожими, фармацевты наряду с лекарствами изготавливали духи и косметику. Вильгельм проучился в Дерпте всего семестр — слишком мало, чтобы получить право стать аптекарем, но, возможно, для торговли косметикой он приобрел достаточно базовых теоретических знаний и практических навыков [Corbin 1986: 61–70]²⁴.

Открытие магазина косметики было, в принципе, разумным шагом, но момент был выбран не самый удачный. В войне 1805–1807 годов Наполеон разгромил армии Александра I и вынудил Россию присоединиться к Континентальной блокаде, введя эмбарго на торговлю с Великобританией. Последствия для российской торговли были катастрофическими. Экспорт сократился с 60,7 млн рублей в 1805 году до 28,3 млн в 1808-м. Поскольку большая часть этого экспорта поступала из дворянских поместий, кризис ударил непосредственно по кошелькам потенциальных клиентов Розенштрауха. Ущерб усугубился инфляцией, когда российское правительство, чтобы компенсировать свои военные расходы и снижение таможенных поступлений, напечатало бумажные деньги (ассигнации), стоимость которых постоянно снижалась. Еще в марте 1805 года рублевая ассигнация стоила 0,8 серебряного рубля; к декабрю 1808 года ее стоимость упала до 0,37²⁵.

²⁴ Косметика продавалась в аптеках: ПСЗ (Собрание первое), т. 29, № 22607 (август [б. д.] 1807 года), с. 1260. О поступлении Вильгельма в Дерптский университет см. выше, с. 223.

²⁵ Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Podmazo2/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Однако для Розенштрауха кризис, возможно, имел и хорошую сторону. Эмбарго на торговлю с Великобританией, главным торговым партнером России, привело к резкому снижению цен на российские экспортные товары и росту цен на импортные. Это было разрушительно для экономики в целом, но отнюдь не для каждого торговца импортными товарами. Смысл Континентальной блокады состоял в том, чтобы заставить союзников Наполеона, включая Россию и германские государства, торговать только с Францией и друг с другом, и, по имеющимся данным, именно так оно и случилось. В 1804 году, в последний год перед войной, в Кронштадт зашло 769 кораблей, в том числе 374 британских судна. В 1808 году общее число составило всего 65 кораблей, но в 1809 году их число снова выросло до 376. Общий спад был почти полностью обусловлен запретом на вход судов из Великобритании. С другой стороны, число судов, ходящих под немецким флагом, выросло со 179 в 1804 году до 212 в 1809-м, то есть увеличилось с 23 % от общего количества до 56 %. Для коммерсанта, импортирующего немецкие товары, перспективы, возможно, выглядели более радужными, чем сулил общий экономический кризис²⁶.

В любом случае магазин Розенштрауха, по-видимому, процветал. Об этом говорит, в частности, его мимолетное упоминание в рассказе немецкого писателя из Курляндии, опубликованном в 1817 году [Schlippenbach 1816–1817, 2: 270–275]. Действие происходит в 1811 году, спустя год после открытия магазина и во время Континентальной блокады. Два персонажа прогуливаются по Невскому проспекту. Любуясь витринами в доме купца Глазунова, где выставлены заморские товары из Европы, Азии и Америки, они замечают «большую золоченую вывеску, золотом же богато изукрашенную и гласившую, что здесь открыт так называемый косметический магазин, держит который в прошлом весьма видный актер *Розенштраух*»:

Назначение предлагаемых изделий — не что иное, как сохранить красоту и изящество или даже вернуть их, если они утеряны. Напечатанное объявление гласило, что если пре-

---

²⁶ Там же.

лестное личико дамы портят веснушки, то здесь она найдет воду, которая их смывает, а с этого Розенштрауха [букв. «розовый куст»] можно получить не только розы [румяна], но и лилии [белила] для красоты лица [Schlippenbach 1816–1817, 2: 270–271].

Заинтересовавшись, какие нужды влекут сюда людей, двое главных героев потихоньку наблюдают за покупателями, входящими в магазин. Усатый гусарский офицер хочет перекрасить свои рыжие волосы в черный цвет; дородный господин ищет лекарство от облысения; несколько пожилых дам покупают косметику и аксессуары, чтобы снова выглядеть молодыми; а бледный, мечтательный, бедно одетый юноша покупает дорогой подарок любимой девушке [Schlippenbach 1816–1817, 2: 270–275].

Розенштраух, по сути, занимался тем же, чем и в театре, — продавал идеалы, привычки и прихоти европейской элиты, — но теперь его покупателями были русские, а не немцы, а товары, равно как и его собратья-купцы, были из самых разных стран. Прежде Санкт-Петербург был для него дальним уголком Германии, где он вместе с другими немецкими актерами старался донести немецкие пьесы до немецкой аудитории. Теперь он воочию видел, что это место встречи всей Европы с Российской империей.

Чтобы понять его новую роль, есть смысл воспользоваться концепцией историка Ю. Слезкина о «меркурианцах». Согласно Слезкину, традиционные общества состояли в основном из земледельцев, а управлялись военной аристократией и священством. Прочие функции, включая торговлю, образование и развлечения, брали на себя меньшинства, такие как евреи в Восточной Европе или греки и армяне в Османской империи. Слезкин называет их «меркурианцами» в честь Меркурия, бога свободы и всех, кто жил своим умом. Меркурианцы вели более «прогрессивный» образ жизни, чем окружающее население, поскольку были географически мобильны, а деньги и образование рассматривали как средство продвижения по общественной лестнице. Чтобы зарабатывать на жизнь, они должны были хорошо знать

культуру большинства, но не позволять себе ассимилироваться в нее. Общество большинства восхищалось их навыками и пользовалось налогами с их доходов, однако недолюбливало их за клановость, не доверяло им из-за безродности и презирало их за то, что они не занимаются единственно ценимыми этим обществом занятиями, то есть земледелием и войной²⁷. По словам Слезкина, «самыми главными меркурианцами Российской империи были немцы». Будучи «ремесленниками, предпринимателями и профессионалами», они служили «типичными меркурианскими посредниками и поставщиками услуг», которые несли европейскую культуру в российские города:

Опираясь на этническую и религиозную автономию, высокий уровень грамотности, сильные общинные институты, чувство культурного превосходства, международные родственные связи и множество специально культивируемых технических и лингвистических навыков, немцы были лицом (настоящим, из плоти и крови) бесконечной российской модернизации [Слезкин 2005: 151].

Розенштраух мог остаться немецким актером или найти себе какое-нибудь другое место среди немцев Санкт-Петербурга или остзейских губерний. Однако, занявшись торговлей, связывавшей русских с Западом, он стал, по выражению Слезкина, «меркурианским посредником».

---

²⁷ См. «Сандалии Меркурия», глава 1 книги [Слезкин 2005: 13–58].

Глава 10

Чистая Россия

Для жителей Запада, прибывавших в Санкт-Петербург морем, город был чем-то вроде острова или порта на побережье обширного колониального материка. О внутренних континентальных районах страны у них было смутное представление: туда доставлялись идущие с Запада грузы, оттуда поступали товары, которые корабли везли обратно на Запад, это была родина коренного русского населения города, но мало кто из приезжих был знаком с ними по собственному опыту. Однако они видели, что Санкт-Петербург полон иностранцев и построен по образцу иностранных городов. Поэтому многие подозревали, что он не является настоящей или, как выразился итальянский путешественник Дж. Казанова, «чистой Россией» [Казанова 1874: 548]. Российские территории к западу и северу от Санкт-Петербурга (остзейские губернии и Финляндия) были населены в основном латышами, эстонцами, немцами, финнами и шведами. Однако двигаясь на юго-восток, можно было добраться до этнического центра России и ее исторической столицы — Москвы. Поэтому путешественники, желавшие увидеть «чистую Россию», отправлялись именно туда¹.

Как и многие иностранцы, Розенштраух едва ли покидал пределы Санкт-Петербурга. Его театр выступал в основном для немецкой общины города и, в отличие от трупп, в которых он состоял в Германии, не ездил на гастроли. Как и многие иммигранты, он мог иметь лишь смутное представление о той России,

---

¹ Об этом же ощущении см. [Grève 1990: 212, 215, 225] (в книгу входят сочинения Д. Дидро, Д. Лескалье, Ж. Ансело и др.).

что лежала за пределами столицы. Все изменилось в 1811 году. В мае того года он потряс прочих членов ложи «Пеликан» тем, что сложил с себя полномочия мастера и взял бессрочный отпуск. В ноябре, возможно, после длительной подготовки, он назначил сына Вильгельма управляющим магазином на Невском проспекте и, как сам писал впоследствии, «покинул Петербург и учредил в Москве новое заведение» [Розенштраух 2015: 256]. Его младшая дочь, 15-летняя Мина, поехала с ним, а ее старшая сестра Элиза осталась в Санкт-Петербурге с братом Вильгельмом².

Открытие магазина в Москве было смелым, но потенциально прибыльным предприятием. Иностранцам в Санкт-Петербурге Москва казалась далекой и экзотичной, но для русских она была важнейшим городом страны. Расположенная в центре губерний, населенных этническими русскими, почитаемая как древняя столица русского народа, по численности населения сравнимая с Санкт-Петербургом и намного превосходящая любой другой российский город, вмещающая в себя множество правительственных, культурных и религиозных учреждений, Москва была уникальной метрополией в сердце России. Благодаря своей величине и расположению на пересечении основных транспортных путей России, она стала также превосходным рынком сбыта товаров и центром внутренней торговли империи [Максимович 1788–1789, 3: 241]. Переехав сюда, Розенштраух вышел из-под крыла многочисленного европейского сообщества Санкт-Петербурга, но оказался рядом с множеством покупателей его товаров.

Путешествие из Петербурга в Москву

Долгая поездка в Москву стала для Розенштрауха знакомством с «Россией» и, должно быть, дала ему немало поводов для размышлений. Он не оставил записей о своем путешествии, но мы

---

² Мое предположение, что в 1811 году он взял с собой Мину (но не ее брата с сестрой), основано на том, что в августе 1812 года она была с ним в Москве, а другие дети в Санкт-Петербурге [Розенштраух 2015: 226–227, 229]. О его выходе из масонской ложи см.: НИОР РГБ. Ф. 147. № 341.8. Л. 53–54.

можем попытаться реконструировать его впечатления, используя труды двух других авторов, которые, вероятно, видели Россию теми же глазами, что и он, — Иоганна Фридриха Раупаха и Георга Рейнбека. Это были его сверстники, такие же прусские бюргеры, жившие в Санкт-Петербурге. Раупах проехал от Санкт-Петербурга до Москвы, направляясь на юг в 1804 году, а Рейнбек — в 1805 году по пути в Германию. В 1806 году Рейнбек описал свое путешествие в книге, где изобразил Россию в мрачных красках. Книга Раупаха, опубликованная в 1809 году, была призвана опровергнуть столь безрадостную картину [Raupach 1809: X, 100–102]. Эти два сочинения дают представление о том спектре мыслей, который Россия вызывала у людей, подобных Розенштрауху, — того же возраста, той же национальности и классовой принадлежности.

На взгляд европейца Россия была огромной и пустынной страной. Согласно официальной российской книге почтовых маршрутов, протяженность дороги из Санкт-Петербурга в Москву, проходившей через Санкт-Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и Московскую губернии, составляла ровно 720 $\frac{1}{2}$ верст (верста = 1067 метров, около 1 километра). Продолав путь такой длины, можно было бы пересечь значительную часть Франции или Германии с их густонаселенными провинциями и разнообразными ландшафтами. Однако на карте России это расстояние выглядело не очень большим, населенные пункты по пути встречались редко, а равнинная местность практически не менялась [Дорожник 1824: 2; Reinbeck 1806, 1: 5]. (См. карту 10.1.) В Новгородской губернии, которая выглядела особенно пустынной, две трети территории были покрыты лесами, а сельскохозяйственные угодья занимали лишь 12 % земли. Число жителей на квадратную немецкую милю (56 квадратных километров) составляло 224 в Новгородской и 796 в Тверской губернии; для сравнения, в Гессен-Касселе оно составляло 1730 человек. Единственными сколько-нибудь значимыми городами были Новгород (12 000 жителей), Торжок (4000) и Тверь (16 000) [Storch 1795: 117, 119; Jones 2013: 109; Брокгауз, Ефрон 1890–1907, 41: 242; 64: 723]. Гостиницы имелись только в немногочисленных городах, а за их пределами

Карта 10.1. Путь из Петербурга в Москву

путешественники проводили ночи в пути и спали в экипажах, либо останавливались на почтовых станциях или находили приют в крестьянских избах [Raupach 1809: 9].

Путешествуя по этой дороге, можно было уяснить себе, что делало Россию империей. У Священной Римской империи был слабый имперский центр, но прочные горизонтальные связи между государствами, церквями, гильдиями и другими составляющими создавали чувство единой немецкой национальной идентичности. Россия, напротив, была евразийской империей, сродни Китаю или Османской империи. Как и другие евразийские империи, она имела сильную вертикальную структуру власти, но лишь слабые горизонтальные связи между регионами и местными сообществами. Если использовать другую метафору, то она

напоминала колесо, в котором регионы и сообщества были спицами, а режим — осью. Только правящий класс, дворянство, делил общую культуру и этос. В остальном империя представляла собой совокупность групп населения, мало связанных друг с другом и объединенных главным образом тем, что подчинялись имперскому центру, который диктовал им права и обязанности исходя из собственных интересов [Kollmann 2017: 160, 372, 435; Burbank, Hagen 2007: 17]. То, что иммигранты, подобные Розенштрауху, не сливались с населением в целом, а сохраняли особый статус, призванный максимально увеличить их полезность режиму, не было аномалией; скорее, это было присуще природе России как империи.

В соответствии с устройством России по принципу «ось — спицы», ее транспортная система служила скорее инструментом имперского правления, а не сетью, объединяющей общество. В Англии, Франции и Священной Римской империи, где расстояния были намного меньше, а плотность населения выше, почта и пассажиры доставлялись в города любой величины частными компаниями, дилижансы которых курсировали по регулярному расписанию. Россия была слишком обширной и малонаселенной для такой системы. В ней действовала сеть ямов — пересадочных станций, которая обслуживала почтальонов, путешественников по государственным делам и частных лиц, купивших подорожную. Ямские станции имелись только между крупными городами; между малыми населенными пунктами их не было. Путешественники пользовались собственными экипажами, но на каждой станции им давали свежих лошадей и нового кучера. На протяжении всей истории такие системы коммуникации использовались в евразийских империях, от Древнего Рима и Персии до Китая XIX века. Ям, как это явствует из монгольского происхождения самого слова, отчасти был наследием средневековой монгольской империи. После фазы быстрого роста в конце XVIII века ямская сеть к 1801 году насчитывала около 3200 пересадочных станций и примерно 38 000 лошадей. Как и подобало евразийской транспортной системе, она подчинялась правительству и использовала подневольный труд особого крестьянского сословия — ямщиков. Ям-

щики должны были служить кучерами и предоставлять лошадей. Без каких-либо затрат для государства, за исключением жалованья станционному смотрителю на каждом перегоне, сеть ямов позволяла, согласно официальной книге почтовых маршрутов, проделать весь путь от Санкт-Петербурга до Камчатки — маршрут, протяженность которого, как сообщалось со сверхъестественной точностью, составляла 12 948 $\frac{1}{2}$ версты³.

Путешествуя на перекладных, как, скорее всего, поступили Розенштраух с Миной, можно было испытать на себе действие Российской империи в миниатюре [Randolph 2007a: 46–50, 57]. Основопологающий принцип империи состоял в том, чтобы обязать сословия исполнять государственную службу (комплектование армии, содержание дорог, обслуживание ямских станций) за небольшую плату или вообще без нее, под наблюдением имперских чиновников. Эта система позволяла режиму сохранять целостность огромной империи за приемлемые деньги, но она же создавала дух тирании и подбострастия, который присутствовал и на ямских дворах. Для Рейнбека, резко критиковавшего Россию, ямские станции служили доказательством того, что русские были неотесанным народом-рабом, которым правили тираны. Ямщики, писал он, обступали прибывающие экипажи в надежде получить чаевые, крали вещи путешественников и работали так медленно, что на подготовку экипажа к отправлению уходило не меньше часа. Русские в чинах добивались быстрого обслуживания, ругаясь и раздавая зуботычины, но обычный, нечиновный пассажир должен был часами ждать лошадей, которых вечно не хватало, либо платить втридорога [Reinbeck 1806, 1: 85–94; Jesse 1841, 2: 69].

Сложности, сопряженные с российскими большими расстояниями, вероятно, стали причиной того, что Розенштраух отправился в путь в ноябре, ближе к началу зимы. (Из-за разницы в календарях, когда в России ноябрь только начинался, на Западе была уже середина этого месяца.) В Санкт-Петербурге в начале

---

³ См. [Дорожник 1824: 347, 425–433; Reinbeck 1806, 1: 84; Randolph 2017: 156, 166–173, 176–179; Gazagnadou 1994: 243–244, 246–247, 249–250].

ноября обычно стояла ветреная, туманная погода; позже температура падала, реки замерзали, и начинались снегопады — их было больше, чем в любом другом месяце. Путешественники радовались снегу и льду, так как передвижение в санях было намного быстрее, чем в колесном экипаже (см. рис. 10.1). Рейнбеку, который путешествовал поздней весной, потребовалось восемь дней, включая несколько круглосуточных перегонов, чтобы добраться до Москвы. Зимой, напротив, поездка могла занять 72 часа, а при оптимальных условиях всего сутки. Однако условия, в которые попал Розенштраух в 1811 году, были далеко не оптимальными. В середине октября в Петербурге было очень холодно, минимальная температура достигала -12 градусов по Цельсию, но ноябрь оказался теплым: пасмурное небо, снег, чередующийся с дождем, и температура, близкая к нулевой⁴. Так что его поездка в Москву оказалась не головокружительной гонкой на тройке по снегу, а унылой тряской по слякоти и грязи.

Если он следовал обычным маршрутом, то, скорее всего, выехал из дому, направился по Невскому проспекту на юго-восток, туда, где сейчас находится площадь Победы; тогда это место лежало за чертой города. Затем он повернул налево. На протяжении следующих 113 верст не было ни одного поворота. Как объяснялось в путеводителе, Петр Великий хотел, чтобы путь между двумя его столицами был как можно короче, и приказал проложить дорогу по прямой линии. Это было первым предупреждением Розенштрауху о том, что он въезжает в дикую местность, которую режим все еще пытается приручить. Сама столица, как он теперь мог видеть, была колониальным форпостом. В отличие от естественно развивавшихся городов, вокруг не было густонаселенных сельских районов, а отсутствие полей с зерновыми, которого, впрочем, поздней осенью можно было и не заметить, показывало, что продовольствие в город завозили издалека. В пригородах

⁴ О продолжительности поездки см. [Reinbeck 1806, 1: 94; Raupach 1809: 11; Wichelhausen 1803: 373]. О климате и погоде в 1812 году см. [Attenhofer 1817: 71; Веселовский 1857 (приложение I): 87–88]. См. также статистическую сводку погоды в «Intelligenzblatt der St. Petersburgischen Zeitung» за октябрь–ноябрь 1811 года.

Рис. 10.1. Н. Сверчков. Русские сани (1876)

он увидел еще одно свидетельство колонизации: дворянские усадьбы, императорский летний дворец в Царском Селе и поселения немецких иммигрантов, официально называемых «колонистами», которых приманила сюда Екатерина II, посулив освобождение от податей и воинской повинности [Reinbeck 1806, 1: 21, 71–72]⁵.

По мере того как Санкт-Петербург исчезал вдали, вокруг воцарялась мертвящая пустота. За Ижорой, станцией в 33 верстах от города, начался путь через пустынные леса и болота, тянувшийся примерно 80 верст — более 6,5 часа езды при установленной зимней скорости 12 верст в час, что предполагало твердую, глад-

⁵ О колонистах см. [Jones 2013: 60–68; Семенова 1998: 18; Bartlett 1979: 76–77].

кую, заснеженную дорогу — и без единого поворота, который хоть как-то нарушил бы монотонность. Это был унылый участок дороги. Рейнбек назвал его «невыносимым», а Раупах — «нестерпимым» [Reinbeck 1806, 1: 72; Raupach 1809: 18; Дорожник 1824: 432].

Ближе к Новгороду, расположенному в 184 ½ верстах от Санкт-Петербурга, сельская местность становилась все более населенной. Теперь дорога вела в национальное сердце России, и путешественники могли наблюдать сложное взаимодействие между прошлым и настоящим страны, ее народом и империей. Новгород, как и лежавшая далее по пути Тверь, был одним из крупнейших городов средневековой Руси. Новгородские древние монастыри и остатки кремля были молчаливыми свидетелями православного, восточнославянского национального прошлого России. Тверь же сгорела дотла в 1763 году и была восстановлена уже в виде европейского города по образцу Санкт-Петербурга⁶.

В расположенном между этими двумя городами Вышнем Волочке при Петре Великом был прорыт канал, соединяющий притоки Волги с Ладожским озером, из которого вытекает Нева. Таким образом был создан водный путь от Санкт-Петербурга на юг до Каспийского моря и на восток до края Сибири. В незамерзающий сезон по этой транспортной артерии проходили флотилии барж, которые перевозили зерно, кормившее столицу империи — в 1809 году почти 174 000 тонн, — и бóльшую часть товаров, экспортируемых на Запад. Это, в свою очередь, окупало товары, которые импортировались в Россию и доставлялись вглубь страны длинными тележными или санными обозами по той же дороге, по которой сейчас ехал Розенштраух⁷.

В этих краях редко встречались иностранцы, те же, кто здесь селился, не образовывали замкнутых сообществ, как в Санкт-Петербурге, а скорее играли «меркурианскую» роль поставщиков западных услуг в России. Если Розенштрауху по пути пришлось останавливаться на ночь в дворянских усадьбах, он, вероятно,

⁶ О восстановлении Твери см. [Gerth 2014, гл. 1].

⁷ См. [Munro 2008: 150–153, 176–177, 270; Ransel 2009: 16–17; Jones 2013: 151–179, 211–213; Storch 1794, 2: 23–25, 28; LeDonne 2020: 19].

встречал домашних учителей, гувернанток или поваров из Франции, немецких земель или Великобритании. Хозяевами гостиниц в Новгороде и Твери были итальянцы, а в Торжке — уроженка Мекленбурга-Шверина, которая пожаловалась Рейнбеку, что в городе всего двое немцев: она и местный цирюльник. По сравнению с Санкт-Петербургом присутствие европейцев было незначительным, поэтому Раупах советовал иностранцам не пускаться в путь без переводчика [Reinbeck 1806, 1: 109, 169, 173; Raupach 1809: 20–21].

Крепостничество и роскошь

Пока отец и дочь тряслись по лесам и полям в тусклом ноябрьском свете, у Розенштрауха было время подумать. Возможно, ему было интересно, что же это все-таки за страна. Раупах считал, что подобные размышления — единственный способ скоротать в дороге долгие, однообразные часы [Raupach 1809: 26]. Если Розенштраух читал книги о России или слышал разговоры в том же духе, ему наверняка попадалось соображение о том, что путешествие из Санкт-Петербурга в Москву в одиночестве, в компании одного лишь ямщика, дает возможность проникнуть в самую сущность России. В 1790 году в книге, которая сразу же была запрещена правительством, А. Н. Радищев описал путешествие из Петербурга в Москву как погружение в сердце русской тьмы, объятый мраком мир, где ни в чем не повинные крепостные крестьяне терпели издевательства со стороны жестоких дворян и чиновников [Dickinson 2006: 84–95]. Рейнбек в своих путевых заметках также осуждал крепостничество и деспотизм, но распространил свою критику на весь русский народ. Раупах был не столь прямолинеен: он допускал, что крепостное право несправедливо, а Россия — отсталая страна, но при этом считал русских талантливым народом, а царский режим — движущей силой прогресса⁸.

---

⁸ См., например, [Reinbeck 1806, 1: 189, 208, 250–252, 266, 347; 2: 47–48; Raupach 1809: 53–54, 183, 252–253].

Радищев писал свою книгу с чувством глубокого стыда за то, что он дворянин, а следовательно, соучастник несправедливости, которую видит вокруг. Соучастником был и Розенштраух. В Санкт-Петербурге, по крайней мере в его кругах, предметы, которыми он торговал, имелись в обиходе у каждого, но в провинции они были редкостью и служили знаком социальной власти. Их можно было встретить в основном в дворянских поместьях, которые он видел вдоль дороги. Усадьбы эти были главными провинциальными форпостами европеизированной имперской культуры Санкт-Петербурга. Здесь было занято большинство европейских экспатриантов, проживавших за пределами крупных городов; здесь имелись личные библиотеки, а кое-где даже крепостные оркестры и театры [Радищев 1983: 117–118; Randolph 2007b: 24, 36–40, 272–273; Schönle, Zorin 2018: 182–187; Stites 2005: 25–30].

Как ни парадоксально, потребление западных товаров, которое, как правило, только усугубляло классовые различия в России, иногда также сглаживало их. Западная материальная культура распространялась от дворянства к провинциальным купцам, врачам, священникам и другим простолюдинам. Были и более глубокие последствия. В уплату помещикам за пользование земель крепостные крестьяне на плодородном юге России в основном работали на барщине, но здесь, на севере, менее пригодном для сельского хозяйства, помещики обычно требовали оброка. Многие северорусские крестьяне, подобно вестфальским «ходокам в Голландию», которых Розенштраух видел в 1790-е годы (см. выше, с. 114), зарабатывали эти деньги, нанимаясь на сезонные работы в Санкт-Петербурге или Москве, и возвращались в свои деревни, неся на себе отпечаток столичной культуры⁹.

Благодаря этому взаимообмену провинциальная Россия на тот момент находилась на ранней стадии процесса, который уже

---

⁹ Примеры соприкосновения дворян с провинциальными простолюдинами см. в [Antonova 2013: 41–46; Ransel 2009: XIII, 44, 71, 79, 171–173]. О миграциях крестьян см. [Blum 1961: 396; Munro 2008: 274].

полным ходом шел в Северо-Западной Европе, — потребительской революции, посредством которой предметы роскоши и связанные с ними воззрения и формы поведения распространялись от верхушки к более широким слоям населения¹⁰. Петербургские немцы, которые, вероятно, повлияли на взгляды Розенштрауха, обращали внимание на это явление. Так, писатель Е. А. Энгельгардт утверждал, что вкус к изысканной мебели и посуде передался из гостиниц, принадлежавших европейцам, в простые русские трактиры, благодаря чему манеры посетителей последних становятся все более утонченными. Вероятно, покупателями Розенштрауха были в основном дворяне, но благодаря торговле подержанными вещами подобные товары распространялись по всей стране. Энгельгардт увидел зеркала, люстру и другие подобные предметы в избе крепостного слесаря и подумал, что хорошо было бы проследить, «когда тот или иной предмет обстановки покинул Петербург и как постепенно проложил свой путь из губернской столицы в уездный центр и, наконец, в фабричную деревню». Это, по его мнению, стало бы «вкладом в историю культуры и нравов» [Engelhardt 1828–1832, 3: 91–94; 4: 176].

Роль потребительских товаров в общественном порядке как таковом была предметом многочисленных споров. Так называемая полемика о роскоши подняла вопрос о последствиях потребления для простого народа. Некоторые, следуя логике Энгельгардта, утверждали, что приобщение к материальным благам улучшает грубые нравы народа, тогда как другие, например Рейнбек, считали, что оно поощряет неестественные аппетиты и оказывает на крестьян развращающее воздействие [Reinbeck 1806, 1: 4; Мартин 2015а: 171–181]. Полемика о роскоши пересекалась с зарождавшимися спорами о крепостном рабстве. Некоторые утверждали, что цивилизация в России все еще молода и хрупка, а прогресс требует, чтобы благожелательная власть держала массы под контролем до тех пор, пока народ не достигнет

---

¹⁰ См., например, дневник И. И. Лапина [Семенова и др. 2007: 87–130]. О революции потребления см. [Фрис 2016].

зрелости. Другие возражали, что крепостное право фактически тормозит развитие цивилизации, так как позволяет дворянам распространять собственные пороки на крестьян. Например, Рейнбек утверждал (вслед за Радищевым), что распутство помещиков-крепостников губило крепостных женщин и снижало сексуальную мораль крестьянства в целом [Raupach 1809: 182–187; Reinbeck 1806, 1: 119–126; Радищев 1983: 213–216, 296, 313].

К полемике о роскоши и крепостничестве примешивался и третий вопрос: не вели ли к саморазрушению попытки распространять просвещение таким авторитарным и централизованным способом? Не привела ли необходимость платить оброки и подати и отправлять работников в города к тому, что деревня обнищала и обезлюдела? Когда дворяне нанимают иностранцев на службу в свои поместья и обучают крепостных искусствам и ремеслам, не тормозят ли они тем самым рост местного среднего класса и не разжигают ли в народе ненависть ко всему чужому своим пристрастием к иностранным культурам? То есть, говоря обобщенно, не пошла ли демонстративная европеизация правящей верхушки во вред, а не на пользу прогрессу России? [Engelhardt 1828–1832, 3: 74; Schönle, Zorin 1918: 189–191.]

Ни в одном из сохранившихся сочинений Розенштраух не упоминает об этих спорах, но наверняка он о них знал. Скорее всего, эти темы всплывали в разговорах; им посвящались книги на немецком языке, и к тому же они перекликались со спорами в самой Германии о социальной иерархии Старого порядка и нравственном воздействии консюмеризма и театра. Раупаха и Рейнбека, его земляков-пруссиков, чьи воззрения в целом были схожи с его взглядами, заставила задуматься об этих вопросах дорога в Москву, где перед ними предстала та же картина, что и перед ним: скудость и застой в городах, убожество деревень и общее запустение сельской местности.

Если он собирался стать в первую очередь поставщиком статусных символов для московских крепостников, что это значило для его будущего? Русское дворянство в Москве было иным, чем в Санкт-Петербурге. Дисциплинированные, честолюбивые мужчины, стремившиеся сделать государственную карьеру,

стекались в столицу империи. В Москву тянулись дворяне другого сорта: мужчины, недостаточно целеустремленные или чересчур свободолюбивые; семьи, стремившиеся к легкой жизни и развлечениям, а также множество вдов и незамужних барышень. В отличие от петербургского, московское дворянство брало пример не с императорского двора, а с богатой аристократии, которая славилась расточительностью, обходительными манерами, щедрым гостеприимством и склонностью критиковать политику. Для русских этот контраст между двумя городами был устоявшимся стереотипом, а Розенштраух, вероятно, знал о нем из разговоров и трудов немецких авторов. Последствия для него были двусмысленными. Образ жизни московской аристократии создавал рынок для его товаров, но общественный порядок, лежавший в его основе, был жестко иерархическим. В распоряжении московской элиты были целые небольшие армии обученных крепостных, плюс некоторое количество иностранцев, которые работали парикмахерами и сапожниками, хирургами и учителями и много кем еще. Это влекло за собой не только унижения, но и потенциальную опасность, поскольку ухудшало социальное положение представителей среднего класса и втягивало иностранцев, таких как Розенштраух, в институт крепостного права [Engelhardt 1828–1832, 4: 122–124; Wichelhausen 1803: 316–320, 344, 346; Richter 1799: 95–103, 124, 130, 132, 134; Вигель 2000: 163–164; Благово 1989: 43].

Последнее было немаловажно. Московская аристократия порождала не только изворотливых индивидуалистов, но и жестоких тиранов. Само место, где Розенштраух собирался открыть свой магазин, когда-то принадлежало особе, на все времена ставшей символом ужасов крепостного права, — Дарье Салтыковой (Салтычихе): в 1760-е годы она снискала скандальную известность убийством десятков дворовых, чьей работой она была недовольна. Несколько лет спустя, во время эпидемии чумы 1771 года, Москва стала ареной величайшего народного восстания XVIII века, какого не случалось ни в одном русском городе, и когда во время Пугачевского бунта 1773–1774 годов мятежные казаки и крестьяне двинулись на Москву, дворяне опасались, что в горо-

де снова начнется восстание [Студеникин 1874: 497–546; Мартин 2015а: 25–29]. Часть бывших владений Салтыковой перешла к Демидовым, произведенной в дворянство семье металлургов, чьи заводы на Урале, используя крепостной труд, производили четверть всего готового чугуна в России. Во время Пугачевского восстания повстанцы уничтожили несколько демидовских заводов. В 1811 году, когда Розенштраух приехал с намерением открыть магазин в демидовском доме, мятежи 1760-х и 1770-х годов еще не были забыты, и трудно представить, чтобы он об этом не знал [Hudson 1986: 83, 88; Hartley 2008: 116]¹¹. В любом случае угроза восстания крепостных оставалась актуальной. Министр коммерции Александра I назвал крепостное право «ужасным бедствием» для России, и когда Александр в 1803 году издал указ, разрешающий дворянам при определенных ограниченных обстоятельствах освобождать своих крепостных, это получило минимальную огласку, чтобы не рисковать вывести массы из состояния пассивности. Опасность не уменьшилась и в последующие десятилетия: в 1839 году тайная полиция предупредила преемника Александра, что крепостное право — это «пороховой погреб под государством», готовый в любой момент взорваться, так что весь режим взлетит на воздух [Андреева 2019: 343, 106].

Если впечатления Розенштрауха были такими же, как у Рейнбека и Раупаха, то именно на эти темы он размышлял, наблюдая за проплывающим мимо снежным пейзажем. Добравшись до Ладожского канала в Вышнем Волочке, он оказался в 423 ½ верстах от Санкт-Петербурга. Проехав еще 134 ½ версты, он уже был в Твери, а затем, еще через 136 ½ верст, — в Черной Грязи, на последней пересадочной станции перед Москвой. Теперь путешественники могли ощутить близость города, так как дорога была заполнена телегами, везущими припасы в Москву [Дорожник 1824: 2; Reinbeck 1806, 1: 185].

¹¹ Розенштраух снимал помещение для магазина «у богача Демидова из Санкт-Петербурга» [Розенштраух 2015: 236]. Вероятно, это был Григорий Александрович Демидов (1765–1827), чей дом находился на южной стороне Кузнечного Моста, на пересечении с Рождественкой. См. [Тастевен 1993: 21–33, 30]. Об усадьбе Салтыковой см. [Никольский 1925: 119].

Далее путь вел мимо Петровского путевого дворца, где останавливались российские императоры перед торжественным въездом в Москву. Отсюда Розенштраух впервые увидел город. Это была незабываемая панорама. Иностранцев поражали размеры Москвы и множество луковичных куполов, усеивающих ее горизонт. Рейнбек восхищался «огромным городом с бесчисленными колокольнями», а Раупах — «несколькими сотнями церквей... тут и там с позолоченными куполами и колокольнями... [и] огромной массой малых и больших строений» [Reinbeck 1806, 1:187; Raupach 1809: 67].

Можно предположить, что он выбрал самый прямой путь и направился к Тверской заставе, пропускному пункту на месте, где сейчас стоит Белорусский вокзал. Здесь он предъявил паспорт и въехал в город. Первое впечатление о величии Москвы рассеялось, когда он увидел ее окраину — район сельских деревянных домов, дворянских поместий и пустырей. Дорога от Тверской заставы ухабистым коридором прорезала городской район, густо застроенный постоянными дворами, куда со стороны Санкт-Петербурга толпами прибывали ямщики, чтобы поставить лошадей в конюшню и переночевать [Мартин 2015а: 307]. Проехав чуть более километра, он миновал старинное укрепление, которое впоследствии стало Садовым кольцом, и прибыл в сам город. Здесь дорога превратилась в важную центральную магистраль, Тверскую улицу, путь по которой тянулся еще 1,4 километра. По пути он видел множество каменных зданий в стиле, знакомом ему по Санкт-Петербургу, но, возможно, также заметил, что в целом застройка напоминала скорее средневековые города вроде Новгорода: здания в европейском стиле перемежались деревянными домами и церквями с куполами-луковками; улицы были узкими и кривыми, а структура города была концентрической: в центре Кремль, вокруг — жилые и торговые районы, и наконец, внешний пояс полудеревенских окраин.

Не доезжая примерно 600 метров до Кремля, экипаж, в котором находились он с Миной, повернул налево, а затем проехал еще 800 метров до особняка Демидовых, расположенного на южной стороне Кузнецкого Моста на пересечении с Рождественкой. Часть владения, которую занял Розенштраух, представляла собой,

как он писал впоследствии, «[двухэтажный] деревянный флигель, тесно примыкавший к каменному главному зданию» [Розенштраух 2015: 229]. Лучшее место трудно было себе представить. Москва была столицей российского дворянства, а Кузнецкий Мост — центром дворянской потребительской культуры. На следующие шесть десятилетий магазину Розенштрауха предстояло стать неотъемлемой частью этой улицы.

Кузнецкий Мост

Хотя Санкт-Петербург был политической столицей России, он все же оставался молодым городом на окраине империи. Москва, напротив, располагалась в центре самых густонаселенных губерний страны. Два города были примерно одинаковой величины, но страну представляла скорее Москва. Санкт-Петербург был центром правительства, армии и международной торговли; все остальное было сосредоточено в Москве. Характерно, что в Санкт-Петербурге проживало втрое больше военных и моряков, чем в Москве, но духовных лиц в Москве было в десять раз больше, чем в Санкт-Петербурге. Кроме того, в Москве было значительно меньше иностранцев. По данным, опубликованным в 1817 году, в Санкт-Петербурге насчитывалось 285 500 жителей, в том числе 23 612 немцев, 4000 граждан Франции и 8075 иностранцев других национальностей. В Москве, по имеющимся сведениям, в 1811 году проживало 275 500 человек, и среди них всего лишь 1349 немцев, 668 граждан Франции и 1197 других иностранцев¹². Считалось, что эти различия влияют на общий дух повседневной жизни: по мнению русских дворян и писателей, Санкт-Петербург был угнетающе регулярным и европейским, тогда как Москва полнилась старинным русским жизнелюбием¹³.

¹² Число духовных лиц, военных и военных моряков в Санкт-Петербурге приводится по статистическим данным за 1801 год, см. [Munro 2008: 57]. Численность прочего населения дана по [Attenhofer 1817] для Санкт-Петербурга и по [Шукин 1897–1908, 4: 225–228] для всех слоев населения Москвы.

¹³ См. [Lilly 2002, 2004].

Выбрав временем своей поездки ноябрь, Розенштраух, конечно же, исходил из того, что зимой легче путешествовать; но он, несомненно, понимал, что для его торговли вот-вот начнется самый горячий сезон. Поскольку в Санкт-Петербурге находились правительственные министерства и большой военный гарнизон, множество дворян проживало в городе круглый год. В Москве присутствие дворян носило скорее сезонный характер. Многие знатные семьи проводили лето у себя в поместьях, где наслаждались прелестями сельской жизни, надзирали за сельскохозяйственными работами крепостных и ездили друг к другу в гости; все это им почти ничего не стоило, так как натуральное хозяйство удовлетворяло большую часть их потребностей. Осенью и зимой те, кто мог себе это позволить, уезжали в Москву. Богатые дворяне возвращались в город уже в сентябре или октябре и оставались там до первых теплых майских дней [Благово 1989: 81–83, 102–104, 193]. Дворяне с более скромным достатком приезжали на меньший, но все же достаточно длительный срок. Мемуарист Ф. Ф. Вигель пишет:

Помещики соседственных губерний почитали обязанностью каждый год, в декабре, со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять в деревню. Сии поездки им недорого стоили. Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупю, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами [Вигель 2000, 1: 162]¹⁴.

В Москве дворяне посещали спектакли и концерты и ходили друг к другу в гости. С конца ноября до конца апреля один вечер в неделю они посвящали обедам, балам, концертам, карточным играм и другим развлечениям в Дворянском собрании (ныне Дом союзов, рядом с Большим театром). Проводя зимы в Москве, дворяне пользовались возможностью возобновить старые зна-

¹⁴ См. также [Engelhardt 1828–1832, 4: 122].

комства, приобрести некоторый столичный лоск и завести связи, необходимые, чтобы продвинуть по службе сыновей и выдать замуж дочерей. Светским сезоном заправляли сказочно богатые аристократы, что вынуждало прочих дворян доказывать свое богатство и утонченность, одеваясь по самой последней и дорогой моде [Благово 1989: 164–165]. Лучшим местом для покупки необходимых нарядов, прямо за углом от Дворянского собрания, был Кузнецкий Мост, где и располагался магазин Розенштрауха.

Кузнецкий Мост прославился как центр модной торговли после того, как в 1782 году Екатерина II отменила требование о размещении розничных магазинов на специально построенных базарах и разрешила торговцам открывать магазины в своих домах. В последующие годы иностранцы открывали магазины в разных районах центра Москвы, но самая большая их концентрация была на Кузнецком Мосту и вокруг. Некоторые, в том числе магазин Розенштрауха, принадлежали немцам, но французские торговцы доминировали до такой степени, что весь район получил название «французские лавки» [Благово 1989: 150; Tastevin 1908: 47]¹⁵. Эта улица оставалась центром торговли предметами роскоши вплоть до распада Российской империи.

Как и в Санкт-Петербурге, да и вообще на протяжении почти всей взрослой жизни Розенштрауха, его положение в Москве строилось на мобильности вещей, идей и людей. Его товары производились за границей и экспортировались в Санкт-Петербург; оттуда его сын Вильгельм отправлял их на Кузнецкий Мост для продажи русским, а те распространяли сами вещи и воплощенный в них образ жизни по всей стране. В своих последующих сочинениях он ничего не пишет о тесных личных связях с русскими, что наводит на мысль о том, что его клиенты так и оставались для него иностранцами. Зато мы узнаем о двух других кругах, в которых он вращался в 1812 году. Первый составляли деятели немецкого театра, которых он, вероятно, знал по Санкт-

---

¹⁵ См. также: ПСЗ (Собрание первое), т. 21, № 15451 (28 июня 1782 года), с. 616; № 15462 (8 июля), с. 624. Неполный список французских магазинов в районе приводится в [Tastevin 1908: 63–72].

Петербургу. Его домовладелец Григорий Демидов, живший в Санкт-Петербурге, возможно, также имел связи с немецким театром, поскольку, когда в 1803–1806 годах немецкие актеры из Петербурга временно основали театр в Москве, они давали свои представления в особняке его родственника Ивана Демидова. Другой круг, более подходящий для будущего, к которому он стремился, состоял из французских и немецких торговцев, давно обосновавшихся в России¹⁶.

Мобильность товаров и людей, которую олицетворял Кузнецкий Мост, вызывала негодование некоторых русских, считавших ее угрозой своей культуре. Как и в Германии, современный национализм возник в России в конце XVIII века как реакция на ориентированный на Францию космополитизм аристократии и набрал обороты в результате негативной реакции на Французскую революцию и наполеоновский империализм. Поскольку французская мода формировала вкусы потребителей из высшего класса, национализмом окрасилась и полемика о роскоши. Для писателей-националистов Кузнецкий Мост был воплощением аморального, непатриотичного потребительства. Журналист С. Н. Глинка утверждал, что Кузнецкий Мост — «под сим общим наименованием, — писал он, — разумею я все модные лавки, все магазины, все жилища модных портных» — распространяет «роскошь и моду», развращающие русский дух. Роскошь и мода, писал он, отвращают дворян от исполнения долга перед обществом, позволяют слугам щеголять в господском обличье и поощряют женское бесстыдство. По его мнению, «язва *моды* и *роскоши*, заразив все состояния, погасила любовь к Отечеству, разорвала все общественные и родственные связи» [Глинка 1808: 331, 347]. Граф Федор Васильевич Ростопчин, будущий московский главнокомандующий, высказал схожее мнение, критикуя знатное юношество: «Как им стоять за Веру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русских счита-

¹⁶ Об участии Вильгельма в поставках товаров в магазин отца см. [Розенштраух 2015: 257]. О Демидове и немецком театре см. [Келлер 1997: 126]. О знаковых Розенштраухах см. [Розенштраух 2015: 228, 229, 246, 254, 258, 271].

ют за медведей? <...> Отечество их на Кузнецком мосту, а Царство небесное Париж» [Ростопчин 1853: 9–10].

Глинка и Ростопчин не без оснований утверждали, что выступают от имени крепких, патриотично настроенных сельских дворян, у которых не было ни желания, ни средств заниматься тем видом конкурентного потребления, который представлял Кузнецкий Мост¹⁷. Что об этом думали простые люди, в документах не отражается, но какой-то намек содержится в рассказе И. Т. Кокорева, написанном в 1853 году. Этот писатель, сын крепостного, живший в бедности, не понаслышке был знаком с низшими слоями московского населения. В рассказе простодушная молодая белошвейка хочет купить на Кузнецком Мосту косынку, но надменность продавца и «блестящих покупательниц» доводит ее до горьких слез [Кокорев 1932: 125–128]. В этой истории Кузнецкий Мост воплощает в себе все унижение простого русского народа русской знатью и ее западными союзниками.

Должно быть, в ту первую московскую зиму торговля у Розенштрауха шла бойко, потому что в Санкт-Петербург он не вернулся. В безоблачные ночи, подняв глаза к небесам, он мог видеть впечатляющую комету, которая бороздила черноту неба бóльшую часть 1811 и 1812 годов. Как торговец предметами роскоши он, возможно, думал об изысканных винах, широко известных как «вина кометы» — из винограда, уродившегося теплой осенью 1811 года: «Шато Лафит» того года, по словам счастливого энофила, попробовавшего его в 1926 году, было лучшим красным бордо в истории [Coates 1995: 50]. Однако простые русские люди относились к комете иначе. Они видели в ней дурное предзнаменование [Завалишин 1879: 146–147].

---

¹⁷ Примеры враждебности к городу в среде сельского дворянства см. в [Antonova 2013: 113, 173, 195].

Глава 11

Воля Божия

Весной 1812 года, под конец светского сезона, никто и представить себе не мог, какое бедствие вот-вот обрушится на город. Россия находилась в мире с Наполеоном с 1807 года. Но это был холодный мир. Наполеон хотел, чтобы Россия признала его господство над Центральной Европой, регионом, стратегически жизненно важным как для Франции, так и для России, и присоединилась к эмбарго против оставшейся его врагом Великобритании. Не имея выбора, российское правительство согласилось, но в последующие годы реорганизовало армию, закрывало глаза на нарушения эмбарго и в целом неохотно поддерживало Наполеона. Наполеон понимал, что его империя не будет в безопасности, если Россия останется для нее угрозой. Поэтому он форсировал события и в июне 1812 года вторгся в Россию с огромной армией, собранной во Франции, германских государствах, Польше и других землях, находившихся под его властью. Он надеялся нанести сокрушительное поражение, которое заставило бы русских признать его владычество. Ко всеобщему удивлению, российская армия отказалась сражаться. Вместо этого она отступила. Наполеон бросился в погоню, но чем дальше он продвигался на восток, тем меньше сил оставалось у его армии. Долгожданное сражение наконец состоялось при Бородино, в 115 километрах к западу от Москвы, 26 августа. Французы одержали победу, но не смогли уничтожить русскую армию¹.

---

¹ См. [Lieven 2015: 21–22; Forrest 2015: 45–49; Orlov 2015: 86–89; Lieven 2009: 60, 134–135, 148–149, 185–187, 526–527].

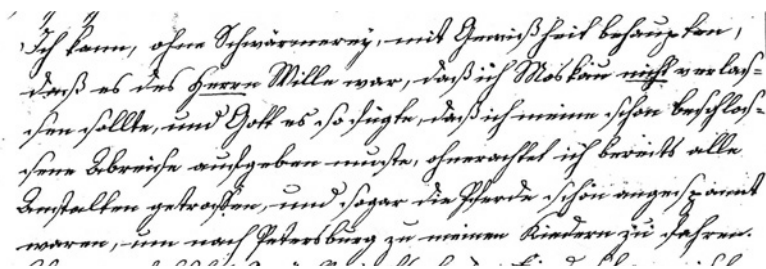

Рис. 11.1. Цитируемый ниже отрывок из воспоминаний о 1812 году, написанный рукой Розенштрауха © Государственный исторический музей. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 106.

Для русских эти события стали потрясением. В отличие от Германии, которая долгое время была полем битвы великих держав, центральная Россия не видела иностранного вторжения уже двести лет. По мере продвижения французов распространялась паника. Начался массовый исход из Москвы. Из населения, до войны составлявшего 275 000 человек, в городе осталось только 6000 жителей [Мартин 2015а: 254–259, 263]. Одним из них был Розенштраух. Много позже, оглядываясь назад, он увидел в этом Божье знамение:

Без фанатизма могу утверждать наверное: в том, что я не покинул Москвы, была воля Божия, и Он расположил так, что я должен был отказаться от своего уже решенного отъезда, хотя все было приготовлено и даже запряжены лошади, чтобы мне ехать в Петербург к своим детям. Однако ложный слух о том, что неприятель уже находится между Москвой и Клином [по дороге в Санкт-Петербург], побудил меня дать ямщику отступного в вознаграждение его усилий. И хотя в тот же самый день я убедился в беспочвенности этого слуха, впоследствии ни за какую цену я уже не мог достать лошадей и принужден был остаться в Москве, [поскольку] — как я теперь ясно понимаю — это споспешествовало моему и детей моих благу временному и, питая надежду на милосердие Христово, равно нашему уделу в вечности (223–224)².

² Здесь и далее ссылки даются по изданию [Розенштраух 2015] с указанием страниц в круглых скобках.

Записки Розенштрауха

Дальнейшие события стали одним из самых глубоких переживаний в его жизни, и он размышлял об их смысле до конца своих дней. В 1835 году он записал свои воспоминания в маленькую черную записную книжку. Благодаря этому документу мы знаем о тех шести неделях 1812 года, с конца августа по середину октября, больше, чем о любом другом периоде его жизни.

Эти записки позволяют нам проникнуть непосредственно в его мысли. Зачастую люди, пережившие великие события, обмениваются воспоминаниями до тех пор, пока на их память не накладывается отпечаток коллективного нарратива всего поколения³. С Розенштраухом этого не произошло. Он был как будто наедине со своей памятью. «Не знаю, опубликовано ли кем-нибудь описание событий этого необычайного и богатого последствиями времени? Мне не попало ни одной такой книги», — писал он (223). В то время он не делал никаких заметок, и ничто не свидетельствует о том, что позже он обсуждал с кем-либо свои воспоминания. Поэтому он оставался в неведении относительно вещей общеизвестных или тех, о которых легко было узнать, таких как названия Бородинского и Тарутинского сражений (228, 267), — настолько знаменитых, что недалеко от Одессы, где он жил в 1820-е годы, в их честь были названы немецкие поселения [Busch 1867, 1: 216–217]. О том, что он писал по памяти, говорит также его ощущение времени. Обычно он правильно указывает день недели, в который произошло то или иное событие, но не дату; его датировки точны, когда речь идет о начале и конце оккупации, но не о мрачном периоде между ними; он пишет о времени так, как проживал его изо дня в день, а не так, как оно могло бы быть восстановлено по дневнику, газетам или учебнику истории. Как и подобает бывшему актеру, он как будто пишет пьесу. Здесь мало обобщений и попыток анализировать события. Вместо этого он, подобно автору пьесы, рисует драматические сцены, в которых главные герои и статисты взаимодействуют

---

³ См. для примера [Eklof, Saburova 2017: 7, 323–326].

между собой в живо описанных декорациях, а сюжеты колеблются между пафосом и юмором и часто завершаются неожиданным благополучным поворотом.

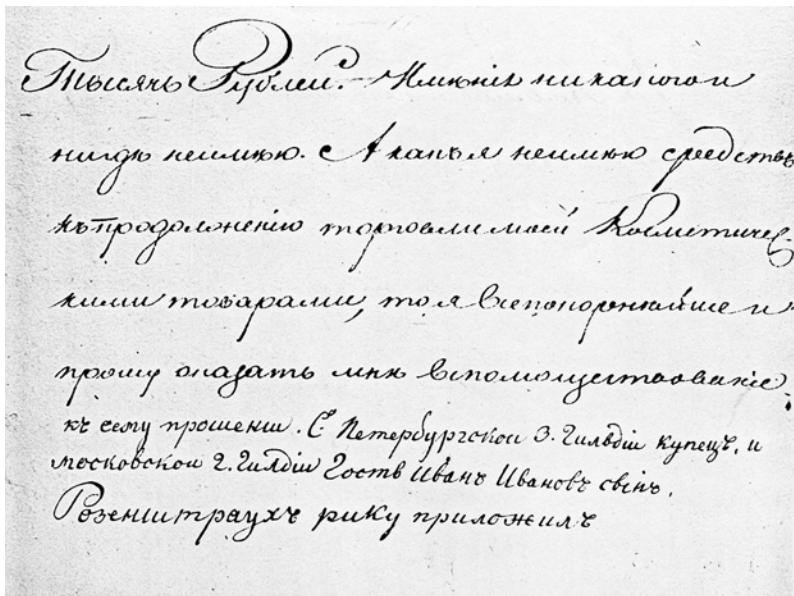
Почему и для кого он написал эти мемуары? Об этом он не говорит. Имя автора в рукописи не названо, а деталей, позволяющих идентифицировать рассказчика, мало. Он упоминает, что был купцом, а теперь стал пастором, но в остальном не раскрывает никаких подробностей своей жизни, за исключением нескольких воспоминаний об отдельных событиях, вырванных из контекста. Возможно, поэтому о его авторстве в конце концов забыли, а позже архивисты приписали авторство другому лицу⁴. Впрочем, рассказчик сообщает, что торговал предметами роскоши, недавно прибыл из Санкт-Петербурга, а русские называли его Иван Иванович. Кроме того, он рассказывает, как пытался защитить свои товары от мародеров, спрятав их в аптеке на Варварке и складах купцов Беккера и Ларме, а также упоминает торговца Шиллинга (226, 246, 253, 257). Эти подсказки позволили мне увидеть связь с неожиданно обнаруженным мною прошением о государственной помощи, написанным на русском языке в 1813 году:

Во время нашествия на Москву неприятеля, лишился я имущества своего, состоящего из Косметического товара, который был положен для охранения в Варварской Аптеке, у Купцов: Шилинга и Беккера, у Фабриканта Ларме, Аргузена и Гиппиуса, всего по цене по сущей справедливости и долгу присяги на *Пятьдесят Тысяч Рублей*.

Текст прошения был написан рукой профессионального писаря, но последние три строки — тем же почерком, что и мемуары (см. рис. 11.2): «К сему прошению С. Петербургской 3. Гильдии купец, и московской 2. Гильдии Гость Иван Иванов сын Розенштраух рику приложил»⁵.

⁴ Когда в 2002 году я впервые натолкнулся на эти записки, в архивной описи их автором значился Андрей Яковлевич Ауэрбах, владелец гончарного завода в Тверской губернии.

⁵ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 2219. Л. 171–171 об.

Прошение Рубин. Николай Николаевич
 нищю нещю. А какъ нещю средствъ
 къ продолженію торговлею маей Кошечки
 кини товарищи, то я вѣспомощаю и
 прошу оградить мнѣ вспомоуствоваіе
 къ сему прошенію. С Петербургской 3. Гильдіи купецъ, и
 московской 2. Гильдіи Гостъ Иванъ Ивановичъ свинъ.
 Розенштраухъ рикъ приложенъ

Рис. 11.2. Прошение Розенштрауха. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 20. Оп. 2. Д. 2219. Лл. 171–171об.

Из прошения явствует, что Розенштраух, хотя и провел в России девять лет, нетвердо владел русским алфавитом: в последней строке в словах «прошению» и «руку» он заменил кириллические «ю» и «у» латинским аналогом, так что у него получилось «прошении» и «рику». Прошение также дает представление о масштабах его дела. Сумма, которой он, по собственному утверждению, лишился, была достаточной, чтобы он мог войти в первую гильдию, высший слой русского купечества. Проверить это утверждение невозможно, но едва ли он так написал бы, если бы считал, что это может показаться неправдоподобным. К тому же подтверждение его словам мы находим в мемуарах, где говорится, что один только его запас эстрагонного уксуса стоил 2500 рублей (252).

Надвигающаяся угроза

Вспоминая войну, он видит в ней главным образом не столкновение армий или идеологий, а крах самой цивилизации. Демон-нов хаоса выпустил на волю Наполеон, но они присутствовали и на русской стороне:

К концу августа месяца многолюдная Москва совсем почти опустела. Положение немногих иностранцев, которые оставались [в ней] добровольно или вынужденно, становилось все более угрожающим, что показали безобразия, чинимые озлобленным народом на улице и в домах. Особенным бельмом на глазу народа стал Кузнецкий мост — улица, где находилось большинство *французских* магазинов и где жили почти одни *иностранцы* (224–225).

Во второй половине августа чувство обреченности быстро охватило город. Правительственная пропаганда призывала к спокойствию, но наступление Наполеона заставляло людей нервничать, и Розенштраух мучило дурное предчувствие. Примерно в конце недели, 24–25 августа, он вывез бо́льшую часть своего товара туда, где его можно было спрятать в подвалах или за кирпичными стенами. А в понедельник, 26 августа, произошло Бородинское сражение. Во вторник власти выпустили победную афишу, но когда главнокомандующий Ростопчин призвал жителей Москвы взяться за оружие, серьезность ситуации стала очевидной (228, 230),

Эти события, писал Розенштраух, посеяли панику и разожгли национальную и классовую ненависть. Его кучер, «молодой дерзкий парень с сатанинской физиономией», откликнулся на призыв Ростопчина тем, что каждый день собирал толпу «молодцов» для военных упражнений во дворе дома Демидовых, где располагались квартира и магазин Розенштрауха. Кучер «витийствовал» перед ними, говоря, что скоро «все, наконец, переменится, крепостные станут *господами*, а прежние господа или будут убиты, или должны будут сделаться мужиками» (227). В довершение всего он ущипнул Мину за щеку и заявил, что

будет ее «защитником». В пятницу, 30-го около полуночи Розенштраух и Мина, преследуемые толпой, кричавшей: «Мы вас прикончим, проклятые иностранцы!», бежали в дом Иоганна Петера Шиллинга, купца из остзейских немцев. В субботу Шиллинг с семьей уехал из города. В карете было свободное место, и они взяли с собой Мину. Розенштраух остался (226–227).

Первая неделя

Событиям следующей недели посвящено почти 40 % текста записок. Они так потрясли Розенштрауха, что два десятилетия спустя он все еще мог воссоздать их день за днем.

В воскресенье он отправился к своему собрату по театру Леопольду Чермаку, художнику-декоратору из Богемии (империя Габсбургов). У Чермака был знакомый русский священник, который обещал спрятать его и Розенштрауха у себя в церкви. Но священник только что отослал свою жену из города и теперь вел себя «как помешанный», так что Розенштраух посоветовал ему как можно быстрее поспешить за ней следом. Дом Чермака, находившийся всего в нескольких минутах ходьбы от дома Розенштрауха, казался еще менее безопасным, чем Кузнецкий Мост: вокруг были «одни публичные дома» (229), а других иностранцев по соседству не проживало. Розенштраух и Чермак попросили убежища в «похожем на маленькую крепость» доме немецкого купца Андреаса Кнауфа, но Кнауф эгоистично отказал им. Следующим утром, в понедельник 2 сентября, по улицам бродили пьяные толпы с оружием из городского арсенала. «Хотелось бы, конечно, чтобы французы никогда не дошли до Москвы», — пишет Розенштраух (231).

...но в прочем милостию Божией стало то, что они вошли в город в *этот же день*, ибо иначе в состоянии анархии, при разгоряченных водкой головах и при всей свободе невозбранно и неограниченно грабить, при всеобщей ненависти к *иностранцам* вряд ли кто-то из иноплемеников остался бы в живых; а они бы стали нападать и на *соотечественников*, и во хмелю пролили бы взаимно много крови (231).

В тот же день после полудня они с Чермаком слышали дробь барабанов, «звук которых был знаком ему по Вене, а мне по Рейну» (231). Затем он увидел, как в воздух взвилась ракета, и внезапное необъяснимое прозрение подсказало ему, что Москва будет сожжена. Тогда эта мысль показалась ему нелепой. И он, и Чермак видели французские армии и раньше. Несомненно, думали они, в Москве будет установлен оккупационный порядок, как это было ранее в других городах (231–232).

Улицу, где жил Чермак, вскоре заполнили голодные французские солдаты. Поначалу они были вежливы, и мадам Чермак, хорошо говорившая по-французски, пригласила их войти, но по мере того, как одна оборванная, дурно пахнущая компания следовала за другой, ситуация ухудшалась. К вечеру понедельника поведение солдат стало угрожающим; Розенштраух помешал им ограбить две русские семьи по соседству и защитил от оскорблений русского священника. Потом явился Кнауф, совсем недавно отказавший ему в убежище: он был в отчаянии из-за того, что его ограбили русские рабочие его же фабрики. Была и более благожелательная встреча: Розенштраух подарил французскому провиант-комиссару чистую рубашку, за что тот отплатил ему добром, призвав к порядку неуправляемых солдат в доме Чермаков (234–235).

Подобные эпизоды, снова и снова всплывающие в мемуарах, показывают, как Розенштраух истолковывал весь опыт французской оккупации. С его точки зрения, кризис, охвативший город, был скорее столкновением классов, чем наций. Простые массы, будь то русские из низших слоев общества или наполеоновские солдаты разных национальностей, легко превращались в анархические толпы. Когда это происходило, высшие классы должны были восстанавливать порядок, даже если это требовало усилий и риска. Некоторые представители высшего сословия, в частности Розенштраух и французский провиант-комиссар, оказались на высоте положения; другие, такие как Кнауф, нет.

К утру вторника Розенштраух и супруги Чермак, оставшись без сил и без припасов, с ужасом думали о том, что может произойти, если к ним ввалится еще одна толпа голодных французов.

В его записках подобные кризисы разрешаются неожиданным поворотом сюжета, как в театре. В то безрадостное утро случай принял облик французского полковника, который проходил мимо окна кухни в доме Чермака, по-французски и по-немецки расспрашивая прохожих о квартирах недалеко от Кремля. Розенштраух подумал: а почему бы не посоветовать ему дом Демидовых на Кузнецком Мосту? Если там поселится французский офицер, это обезопасит его от мародеров.

Дойдя с полковником до дома, они увидели семерых стоящих на коленях мужиков, которых французские солдаты собирались расстрелять. Розенштраух вмешался и, объясняясь, по-видимому, на немецком, а также на ломаных французском и русском языках, выяснил, что это слуги, которых оставили охранять хозяйское имущество. Три дня они объедались и опивались в кладовой хозяина, а потом сдуру начали стрелять в первого попавшегося француза. Услышав это, французы несколько смягчились и решили все-таки отменить казнь. Войдя к себе, он обнаружил, что его имущество в целости и сохранности, так как слуги разграбили только хозяйский погреб. Полковник поставил людей охранять дом, и когда Розенштраух дал одному из караульных какой-то еды, благодарный жандарм пригласил в дом Чермаков, двух их слуг и русскую семью, которую Розенштраух защитил прошлой ночью. Тем временем вернулся полковник, привел с собой еще трех полковников, и Розенштраух полночи занимался тем, что выполнял их поручения (238–240).

Пожары вспыхнули еще в понедельник, и в 1:30 ночи на среду в дом Демидовых прибыли Чермаки: улица, на которой они жили, была охвачена пламенем. Город был преимущественно деревянным, и поскольку никто ничего не тушил, местные возгорания переросли в гигантскую огненную бурю. Созерцание мощи стихий внушало благоговейный трепет:

Вокруг в ночной мгле были городские кварталы, как вдруг сразу над многими крышами показывались маленькие язычки пламени — после чего через короткое время весь квартал, где показывались эти предвестники пожара, похо-

дил на огненное море. Ибо все время в продолжение пожара в Москве дул сильный ветер, как будто специально, чтобы уничтожить город. Поднимавшееся пламя ветер горизонтально распластывал на земле и колебал его сверху, так что все это походило скорее на огненное *море*, чем на обычный домашний пожар (241).

Кое-где, по мнению Розенштрауха и многих других, поджоги были совершены умышленно. Если французы ловили поджигателя, вспоминает он, они вешали его на фонарном столбе или расстреливали на пустыре позади Демидовского дома (244).

Утром в среду, 4 сентября, один из французских полковников потребовал, чтобы Розенштраух проводил его до Кремля. Когда они подошли к лавкам Гостиного двора неподалеку от Красной площади, то увидели «зрелище [Schauspiel, букв. театральное представление], несомненно единственное в своем роде»:

Тысячи солдат всех родов оружия и почти столько же простых людей в русской одежде были заняты опустошением *открытых* лавок и взламыванием с тем же намерением лавок еще запертых. Все притом шло мирно и любовно, хотя обе нации не понимали языка друг друга. Каждый брал, что ему нравилось, никто не мешал другому, потому что хватало на *всех*. <...> Все зрелище напоминало *фуришет*, на котором каждый из приглашенных гостей выбирает *то*, что ему по вкусу (242).

Все надежды на упорядоченную оккупацию были разрушены пожаром, который бушевал до конца недели и уничтожил припасы, необходимые армии Наполеона для самообеспечения. Теперь солдаты рассыпались по разрушенному городу, где жестоко расправлялись с оставшимися мирными жителями и разграбляли остатки былой роскоши русских аристократов, при этом испытывая отчаянную нехватку предметов первой необходимости. Москвичи в ответ нападали на заплутавшихся солдат и поубивали «невероятное количество», зачастую раскраивая им головы топором во сне. Даже в «нужнике заднего двора» дома Демидовых был позже найден мертвый солдат (264). Розенштраух пишет:

Невозможно даже представить себе хаос в тогдашней армии, находившейся в Москве и состоявшей из столь многих разнообразных народов и наций. Дисциплины фактически более не существовало, а Наполеон был или слишком умен, или слишком слаб для того, чтобы восстановить ее со своей привычной строгостью. Можно понять, как жестоко обманулась армия, которая дошла до Москвы, прилагая огромные усилия, терпя на пути к ней крайнюю нужду, ибо города и деревни попадались на пути не так часто, как в других странах. И вот, *Москва* должна была с лихвой вознаградить их за все перенесенные тяготы — и что же они нашли здесь? Горящий город, разоренные магазины и припасы; отсутствовал даже хлеб. Фуража не было вовсе. Не найти ни мяса, ни сала. Большинство не имели даже крыши над головой (247–248).

Подобные попытки осмыслить события у Розенштрауха редки. Чаще всего, движимый актерским чутьем к театральности и умением сочетать пафос с комедией, он описывает свои собственные злоключения. Например, после пожара он отправился туда, где прятал товары, и обнаружил, что все сожжено или разграблено. Его предупредили, что в одном из мест на его раскиданных вещах лежит разлагающийся труп французского солдата. Он осторожно вошел в подвал, заваленный многими пудами принадлежавшего ему шелка-сырца:

На этом шелке лежал и солдат, а под его головой я увидел мой *дневник*, который я начал в 1788 г. и продолжал вести в течение 24 лет.

Велика была моя радость от этой важной находки, и я наклонился, чтобы взять дневник из-под головы умершего, что мне легко удалось сделать. Однако в этот самый момент мнимый труп начал *бурчать* ворчливым тоном, как тот, кого тревожат во сне (246).

Условия в городе были ужасными. Розенштраух пишет о невыносимом сраде, шедшем «от павших лошадей, собак, разлагающихся трупов и от сгоревших обуглившихся вещей» (264). Он старался не покидать свой район, пощаженный пожаром, где

французские полковники обеспечивали его безопасность, но порой ему приходилось выходить в город. Он описывает, как навещал друга на северной окраине города:

Я проходил пустынными местностями, где часто на версты вокруг я не находил ни единой живой души — разве только группы солдат, которые бросали на меня сверлящие взгляды, но не трогали меня, так что каждый раз я, слава Богу, доходил и возвращался домой невредимым (265).

Однажды его едва не заставили толкать тележку с больным — тогда, подумал он, ему пришел бы конец (257–259):

Беспокойство, страхи всякого рода, плохая непривычная пища, недосып и непрестанная занятость так ослабили мой организм, что я не смог бы увезти тележку с больным и на 50 шагов. Удары прикладов сопровождающих солдат не *придали бы мне сил*, а еще более ослабили (259).

Война тем временем зашла в тупик. На поле боя Россия не потерпела поражения, но ее великий город был в руках Наполеона, который намеревался оставаться там до тех пор, пока они не заключат мир. По мере того как оккупация затягивалась, время в рассказе Розенштрауха стало приобретать унылую плоскостность. По прошествии первой недели он редко упоминает даты и больше не пытается пересказывать события по минутам. Он начинает выборочно рассказывать о конкретных эпизодах. Это мешает нам реконструировать все пережитое им, но, с другой стороны, выявляет закономерность в том, какие события он считал значимыми.

Красной нитью через его мемуары проходит тема шаткости его положения. В довоенной Москве подобные ему фигуры выступали посредниками между российскими высшими кругами и Европой. Такие личности часто встречаются в иерархических, мультикультурных империях. Когда в таком обществе нарушается мир, эти люди зачастую оказываются пленниками на ничейной полосе⁶.

⁶ См., например, [Robisheaux 2017: 39–41].

Именно это случилось с Розенштраухом. Во время оккупации Москва даже в большей степени, чем в мирное время, представляла собой мешанину пришельцев из всевозможных мест, а объединяющих связей между ними почти не было. Дом Розенштрауха отражал эту ситуацию в миниатюре: он принимал мирных жителей, как иностранцев, так и русских, а также французских офицеров с их слугами — голландцами и немцами. Кроме того, у него случались драматичные встречи с крепостными из русских деревень и солдатами армии Наполеона — французами и немцами. Его настоящими друзьями были только другие гражданские лица из Европы, независимо от их национальности, потому что все они были в одной лодке. Для вражеских солдат, искавших добычи, он был богатым русским, а для русских крестьян — иностранным прихвостнем их хозяев-дворян. Французские офицеры его защищали, но он вынужден был перед ними заискивать и при этом не делать ничего такого, что русские власти впоследствии могли бы расценить как государственную измену (260, 261)⁷, — например, не служить в их гражданской администрации, не помогать им закупать припасы и не принимать от них «подарки» в виде награбленных ценностей. По сути, он балансировал над пропастью.

Наполеон

На протяжении всего текста записок на заднем плане в них маячит сам Наполеон, который поселился в Кремле, недалеко от Кузнецкого Моста. Розенштраух пишет, что Наполеон ежедневно проезжал мимо его дома, но сам он никогда не выходил хотя бы к воротам, чтобы увидеть императора собственными глазами. Французские полковники даже обижались. Почему их домохозяин не пользуется возможностью полюбоваться на величайшего человека своего времени? Он придумывал разные отговорки, но умалчивал об истинной причине: о том, что несколько не восхищался их императором (245).

⁷ О том, как московские иммигранты выступали посредниками для наполеоновской армии, см. [Ададунов 2017: 294].

По своему обыкновению, он не записывает своих прямых рассуждений на эту тему, но его отношение легко прочитывается между строк. Он рассказывает о знаменитом эпизоде: когда французы подошли к московской заставе, Наполеон ждал, что его встретит официальная депутация из Москвы, как это бывало в других европейских городах, но ничего подобного не произошло, и ему пришлось въехать в город «без всякой помпы» (261). Позже он переехал в Кремль, где проводил время в манере, оскорблявшей Розенштрауха как человека театра:

Для его развлечения в Кремле дилетанты ставили французские комедии, которые играли немногие оставшиеся модистки и гувернанты, — никто из них никогда не был артистом. И, как говорят, Наполеон, который видел все самое великолепное и блестящее, что могла предложить сцена, находил или делал вид, что находит вкус в этих жалких представлениях, и якобы смотрел их очень внимательно часами, как будто бы он действительно наслаждался (262).

По мнению Розенштрауха, Наполеон, вторгаясь в Россию, не понимал этой страны. Для примера он рассказывает историю, услышанную квартировавшими у него полковниками от фельдмаршала Луи-Александра Бертье, у которого они служили адъютантами. Он предупреждает: «...не могу *ручаться* за сообщенные мне известия, однако они могут содержать в себе *истину*, так как Бертье пользовался полным доверием Наполеона, а его адъютанты, в свою очередь, — доверием самого Бертье» (265). Согласно этому рассказу, в начале войны Наполеон собственноручно написал письмо Александру I, в котором приглашал русского императора приехать к нему, чтобы они вместе вступили в Россию с французской армией, сломили «тиранию» Сената и Синода — высших административных и церковных органов России, на самом деле не имевших никакой власти, — и сделали Александра «не по имени только, но *действительным самодержцем* всей России» (265). Когда этот план провалился, «ибо Наполеон не знал ни *императора*, ни *Россию*», он вознамерился привлечь на свою сторону русское дворянство, пообещав «дать

России конституцию с парламентом и палатами [представителей]». Когда не удалось и это, он захотел «поднять в народной массе возмущение и — как он это называл — сделать их свободными» (266). Все эти попытки провалились, как им и следовало, потому что в них совершенно не учитывался характер русского правителя, дворян и народа.

Как расценивать этот рассказ? Нет никаких оснований предполагать, что в нем описаны реальные планы и действия Наполеона. По сути, четкий параллелизм обращений к российскому императору, дворянам и крестьянам делает его скорее похожим на сказку. Однако здесь могут отражаться идеи, на самом деле обсуждавшиеся французскими властями. Так, в рассказе точно подмечены определенные линии конфликта в российском политическом порядке: попытки Павла I и Александра I усилить контроль над российским правительством; мятежный дух некоторых русских дворян, неоднократно приводивший к государственным переворотам (последний раз — против Павла I в 1801 году); и постоянная угроза крестьянских восстаний.

Наполеон, продолжает Розенштраух, начал наконец понимать «дух России» уже в Москве, поэтому он послал одного из своих приближенных, генерала Жака Лористона, на переговоры с русским главнокомандующим фельдмаршалом М. И. Кутузовым. Даже сейчас Наполеон считал себя вправе выдвигать требования. Он предложил мир, но только при условиях, что Россия выплатит ему контрибуцию, откроет французам путь для вторжения в Британскую Индию и признает его право назначить нового короля Польши (266). Кутузов притворился, что благодарен за столь мягкие условия, но на самом деле не собирався вступать в содержательные переговоры.

Как и в предыдущем рассказе, здесь смешаны факты и вымысел. Лористон действительно был послан с предложениями, а Кутузов делал вид, что ведет переговоры, хотя на самом деле просто тянул время: ждал приближения зимы, чтобы французы уже не могли безопасно отступить на свои позиции в Польше. Ни одного из требований, которые ему приписаны в рассказе, Наполеон не выдвигал. Однако его окружению такие требования

могли казаться вполне правомерными: если он действительно думал, что выиграл войну, имело смысл требовать контрибуции и права контроля над Польшей; что до планов совместного франко-русского похода против Индии, то они действительно обсуждались в 1800 году, когда Павел I и Наполеон на короткое время стали союзниками⁸.

Таким образом, рассказы Розенштрауха о Наполеоне — вымысел, но они дают представление о его взглядах на политику. Он по-прежнему мыслит в категориях XVIII века. Век революций породил новые идеологии, весьма влиятельные для Нового времени, но Розенштраух, судя по тому, что он пишет о Наполеоне, не принял ни одной из них.

Во-первых, в его записках отсутствуют доводы в пользу консерватизма, либерализма или демократического радикализма — трех основных политических идеологий, возникших как реакция на Французскую революцию. Судя по тому, что пишет Розенштраух, Наполеон выступал в роли консерватора, когда поддерживал самодержавие, либерала, когда говорил о конституции, и демократа, когда говорил о свободе для народа. Розенштраух не отдает предпочтения ни одной из этих идеологий и подразумевает, что Наполеон использовал их лишь как циничную уловку для подрыва российского государства.

Во-вторых, он не приписывает Наполеону и войне 1812 года религиозного значения. Консервативное политическое мировоззрение, сохранившееся у многих набожных христиан до сегодняшнего дня, исторически восходит к яростным нападкам радикалов на религию во время Французской революции и столь же яростной реакции, которую они вызвали. Главной мишенью этой отрицательной реакции был Наполеон, которого многие христиане во всей Европе считали в буквальном смысле предвестником апокалипсиса. Эти воззрения подкреплялись травмой самой войны. Например, император Александр I во время войны 1812 года пережил духовный кризис обращения: он внезапно стал

---

⁸ О переговорах Наполеона с Кутузовым см. [Земцов 2012]. О планах вторжения в Индию см. [Ragsdale 1980: 39, 79–80].

глубоко религиозным и поверил, что наделен божественной миссией победить Наполеона. Розенштраух в своих записках осторожен в этих вопросах. Он обрел Бога ранее; кроме того, мемуары он писал, когда уже был пастором и как священник берег свою репутацию. Таким образом, в записках он избегает всего, что отдавало бы мистической религиозной экзальтацией: он говорит об умиротворяющем действии молитвы и усматривает руку Божию в общем ходе событий, но ни слова не пишет о религиозном прозрении и не рассматривает конкретных людей или события через призму апокалипсиса [Herrero 1971: 237; Martin 1997: 47, 148–149, 154].

И наконец, в записках Розенштрауха нет и следа национализма. В Германии, России и других странах многие видели в экспансии наполеоновской Франции доказательство того, что вся французская нация — непримиримый враг, а их собственная страна терпит поражение из-за того, что Старый порядок в ней обветшал. Решение, по их мнению, состояло в том, чтобы их нация — то есть весь народ — выступила против французов, но больше не вверяла свою судьбу Старому порядку. Розенштраух в своих записках не выражает подобных чувств. Ему не нравятся французы, но только потому, что их вторжение породило анархию; легче всего ему ладить с другими немцами, но главным образом потому, что они говорят на одном языке; он называет Россию «отечеством», потому что обязан хранить верность ее монарху, а не потому, что это земля его народа (223, 256, 262).

Таким образом, неприязнь Розенштрауха к Наполеону не была порождена новыми идеологиями века революций. Напротив, она коренилась в более ранних традициях масонства и немецкого Просвещения, согласно которым человеческими делами управляет не политика, а характер отдельных людей. За исключением рассказа о попытках Наполеона привлечь на свою сторону русских, в мемуарах ничего не говорится о политических аспектах войны, а Наполеон показан главным образом как человек с недостатками. В отличие от многих современников, Розенштраух не благоговел перед французским императором. Наполеон, по его мнению, был не избранником судьбы, а всего лишь вульгар-

ным, самонадеянным субъектом, который был введен в заблуждение льстецами и ослеплен собственной склонностью принимать желаемое за действительное.

Оккупанты и оккупированные

Розенштраух не любил Наполеона и боялся солдат его армии, но о французских офицерах отзывался тепло. Такое же отношение мы находим в других воспоминаниях об оккупации, написанных гражданскими лицами из высших классов. Это дружелюбие объяснялось, в частности, благодарностью, которую мирные жители испытывали к офицерам за то, что те старались сдерживать бесчинства своих войск. Другое объяснение состоит в том, что между ними иногда устанавливалось некоторое понимание: они знакомились между собой лично, так как офицеры (в отличие от солдат) зачастую квартировали в домах мирных жителей, и им было довольно легко общаться, потому что те и другие были людьми одной и той же общеевропейской, франкоцентричной элитарной культуры [Мартин 2015а: 271–272].

Воспоминания Розенштрауха о французских офицерах окрашены этническими стереотипами. Немцы (да и русские) испытывали к французам нечто вроде любви-ненависти: считали их очаровательными, но в то же время дерзкими и поверхностными. Повествование Розенштрауха полно подобных предвзятостей. Когда мадам Чермак, жена его друга, пожаловалась проходившему мимо офицеру на поведение некоторых солдат, тот «с любезным выражением на лице и французской учтивостью» ответил, что «таковы следствия *войны*», послал ей воздушный поцелуй и ускакал (234). Французские офицеры не испытывали утрызений совести по поводу мародерства, но когда их солдаты начали совершать набеги на магазины на Кузнецком Мосту, они по-рыцарски встали на защиту «хорошеньких модисток» (248).

Однажды в магазин Розенштрауха (по-видимому, открытый для торговли) вошел офицер, потребовал 100 пузырьков чернил для канцелярии Наполеона и кликнул солдат, чтобы унести короб с товаром. Розенштраух в это время был занят с другой клиенткой,

соседкой, бывшей «отнюдь не образцом добродетели» (252). Увидев его растерянность, она «с героическим самообладанием» вступилась и «повелительно сказала» офицеру:

«Или вы заплатите за чернила, или не смейте трогать короб!» Вежливый француз осведомился, кто вы, мадам? Та отвечала, как будто это делало ей величайшую честь: «Я любовница генерала, который живет напротив, и прямо сейчас выглядывает из окна. Я тотчас позову его, чтобы он объяснил вам — позор для великого императора, если его дворцовые комиссары *грабят* от его имени». <...> Комиссар поклонился, вынул кошелек, положил 5 пол-40 франковых монет, приказал взять короб, вежливо откланялся и ушел (252–253).

В другой раз к нему пришел префект наполеоновского двора, генерал Жеро Дюрок. Он сказал, что адъютанты, квартировавшие у Розенштрауха, рассказали о нем много хорошего и принесли в Кремль бутылку эстрагонного уксуса из его лавки. Наполеон объявил, что и в Париже не пробовал лучшего уксуса, и послал Дюрока купить у Розенштрауха весь запас. Но когда тот «собрался с духом» и осведомился о деньгах, генерал «любезно» похлопал его по плечу и сказал: «Оставьте ваш уксус себе. У императора уксус будет, но *вы денег* не получите. Я скажу, что весь ваш запас уже вышел» (252).

Соседка Розенштрауха купила себе защиту, став любовницей французского генерала; он сделал то же самое, расквартировав у себя четырех полковников. Не зная толком, как правильно пишутся их фамилии, он назвал их «адъютанты маршала Бертье, гг. полковники Флао, Ноайль, Бонгар, Кутейль» (Flahau, Noail, Bongard, Couteil) (185, 239). Даже 23 года спустя, когда он писал мемуары, он сохранил о них живые воспоминания.

В обычное время Розенштраух добивался расположения русских высших кругов, поставляя им экзотические элементы европейского образа жизни. Теперь он поступал противоположным образом: обхаживал французов, стараясь, чтобы они почувствовали себя как на родине. В соответствии со своим теа-

тральным амплуа доброго дядюшки, он поддерживал беседу, угощал их вином и снедью из своего магазина. У него было «в избытке запасов ржаной муки, сечки, квашеной капусты и соли» — типичная местная еда, — но ничего из этого «французы не трогали, и уж тем более не ели» (251). Русский ржаной хлеб и квашеная капуста казались большинству европейцев слишком кислыми на вкус, и, похоже, четыре полковника не были исключением. Приправляя свою кашу и квашеную капусту перцем и эстрагонным уксусом (251), Розенштраух в буквальном смысле делал для них Россию «удобоваримой» [Smith A. 2016: 51–53]. Они, в свою очередь, защищали его магазин, обменивались сплетнями из штаба Наполеона и относились к нему с тем снисходительным дружелюбием, которое дворяне иногда проявляли к буржуа.

Письмо одного из полковников, хранящееся во французских архивах, подтверждает, что они поселились в доме некоего месье Демидова⁹. Однако мы не знаем, что они думали о своем хозяине, так как все их послевоенные рассказы касались в первую очередь их приключений на поле брани¹⁰. Но на Розенштрауха французские офицеры произвели неизгладимое впечатление. Большая часть его взрослой жизни прошла в тени Французской революции и Наполеона; знакомство с четырьмя полковниками дало ему шанс увидеть этот мир изнутри.

Наполеоновская элита, как и зарождающиеся элиты других стран в век революций, состояла в основном не из революционеров, а из честолюбивых буржуа и из дворян, безропотно принявших частичный демонтаж Старого порядка. Это были люди, нацеленные на карьеру, готовые приспосабливаться к самым разным, даже противоположным режимам. Самый старший из четырех полковников, виконт Жозеф-Бартеlemi де Бонгар де Ро-

⁹ В письме к матери Флао упоминает, что поселился с тремя другими офицерами в доме Демидова: Archives Nationales (Paris), 565 AP 5, dossier 5, fol. 109, письмо от 27 сентября 1812 года.

¹⁰ См. [Daridan 1994: 321; Bernardy 1956: 92–97; Beauharnais 1927, 2: 159; Thiébaud 2004: 29–31; Hamilton 1920: 51–52].

киньи (р. 1762), был на несколько лет старше Розенштрауха. Он происходил из знатной семьи, при Людовике XVI был королевским конюшим, пережил революцию и стал сторонником Наполеона [Roque, Barthélemy 1865: 42]. Остальные достигли зрелости уже после революции. Барон Альфред де Ноай (р. 1786) происходил из старинной аристократической семьи, некоторые члены которой окончили жизнь на гильотине во время революции; сам же он сражался за Наполеона, пока не погиб при отступлении из Москвы. Барон Шарль Эммануэль Ле Куте де Кантеле (р. 1789) был выходцем из пожалованной дворянством буржуазной семьи, разбогатевшей на судоходстве и банковском деле. Его отец в начале Французской революции служил в Генеральных штатах, во время террора был заключен в тюрьму, поддержал государственный переворот, приведший Наполеона к власти, а во время правления Наполеона помог основать Банк Франции [Biographie 1811–1862, 75: 413–417; Daridan 1994, *passim*; Zylberberg 2001, главы 8–9].

Пожалуй, самым колоритным из этой четверки был барон Шарль де Флао де ла Бийардери (р. 1785). Его жизнь напоминает сатиру на распущенные нравы французской аристократии и ее способность меняться, чтобы идти в ногу со временем. Говорили, что его мать была незаконнорожденной дочерью короля Людовика XV, а сам Флао — внебрачным сыном Талейрана, знаменитого аристократа, ставшего епископом, а затем политиком, который начал свою политическую карьеру при Старом порядке и оставался в правительстве во время революции, наполеоновского правления и реставрации монархии после поражения Наполеона. Флао был еще ребенком, когда муж его матери при якобинцах взшел на гильотину, а она вместе с сыном бежала за границу. Но потом Флао вернулся и вступил в армию Наполеона; он также стал любовником падчерицы и свояченицы Наполеона, Гортензии де Богарне, матери будущего императора Наполеона III [Marcade 1883: 133–137; Beauharnais 1927, 2: 110].

Розенштраух испытывал приязнь и уважение к этим «четырем храбрым воинам» (251). Помимо того, что они нуждались друг в друге, у них было больше общего, чем можно было ожидать.

Бонгар и Флао были масонами¹¹. Флао, Ноай и Ле Куте свободно говорили по-немецки, вероятно потому, что в течение последних 20 лет французские армии дислоцировались на немецких землях. Они рассказывали друг другу о своих путешествиях и то и дело вплетали в разговор упоминания о приключениях в далеких странах. Так, Ле Куте однажды вернулся из неудачной экспедиции за фуражом, в ходе которой вся его команда была перебита, и с восхищением отзывался о храбрости русских крестьян, устроивших им засаду: «Во всех походах Наполеона, даже в Египте, он не видал ничего подобного», — пишет Розенштраух (263).

Розенштрауху тоже было что рассказать о войне. Когда начались войны Французской революции, трое из полковников были детьми и не видели того, что видел он.

Я сказал однажды в обществе наших квартирантов в продолжение общего разговора: «Я видел Французскую армию в Голландии при Дюморье [то есть генерале Дюмуре] *детьми*, как они шли тогда — одни пожилые старцы, много наглых бабенок, сражавшихся в общем строю, и безбородые юноши, едва сменившие детскую обувь, совсем босые и в драных штанах. — Затем на Рейне в 1795 г. *юношами*. В Москве же *мужами* — ибо едва ли возможно увидеть красивейшую армию, чем 80 000 человек гвардейцев, которые вошли в Москву, из которых каждый *старый* гвардеец мог бы служить моделью для Юпитера или Геркулеса, а каждый *молодой* гвардеец — для Ганимеда. Теперь мне лишь остается ожидать увидеть этих *мужей старцами*» <...>. Наполеон наверняка не простил бы мне этого прорицания, если бы оно дошло до его ушей. Наши же полковники смеялись и превратили все в шутку. Лишь Флао по-дружески предостерег меня, чтобы я воздержался от подобных замечаний (270).

---

¹¹ См.: Fichier Bossu du Fonds maçonnique du Département des manuscrits de la Bibliothèque nationale de France: «de Flahaut». URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10000108m/f527.image> (дата обращения: 14.12.2023); «Bongars Joseph-Barthélémy-A., Vic. De». URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b100000337/f430.image> (дата обращения: 14.12.2023).

Несмотря на взаимную симпатию, между ним и полковниками лежала пропасть. Их воинственная бравада была ему чужда. Война, по его мнению, разрушала жизни, собственность и цивилизацию. Она делала человека беспомощным и отдавала его на милость внешних сил. Земли, где он провел юность и раннюю зрелость, — Силезия и Западная Германия — были разорены иностранными державами во время Семилетней войны и войн Французской революции, а сам он оказывался заперт в зонах военных действий в Голландской республике, на Рейне, а теперь и в Москве. Неудивительно, что ему не нравилось патриотическое прославление войны и смерти, которое стало общим местом военной пропаганды со времен Семилетней войны [Martus 2015: 648–663].

Его мужество состояло в другом: это было мужество осторожного, рационального бюргера. Он не искал опасности, хотя и был готов встать на защиту порядка. Он считал, что успешно выходил из столкновений с солдатами и крестьянами, потому что, в отличие от них, был хозяином своих порывов. Кроме того, он уважал собственность. Соблюдать права собственности означало соблюдать закон, поэтому он отказывался принимать от французов какие-либо краденые вещи (249, 268). Бессмысленное разрушение приводило его в ужас. Однажды он пошел проверить сохранность товаров своего друга, торговца Шиллинга:

Вид был совершенно удручающий. Сырой кофе лежал на дворе, вываленный на землю слоем в фут высотой. Ящики, в которых были упакованы его столовые вина, были открыты с узкой стороны, — драгоценная жидкость выливалась во двор, потому что с каждой бутылкой, которую выдергивали таким неудобным способом, приходилось разбить сразу несколько других бутылок (259).

Он не стыдился того, что ценил красивые вещи и цивилизованную жизнь. Он был вне себя от радости, когда обнаружил постоянный источник молока для своего кофе (255), и с теплотой вспоминал «бутылку старого доброго рейнвейнского», распить которую предложил ему голландец, камердинер Флао, чтобы отпраздновать поражение Франции (269).

Розенштраух был культурным посредником между высшими слоями русского и западного общества. Благодаря этому он стал товарищем для французских офицеров, но объектом агрессии солдат. Среди местных мирных жителей он также чувствовал общность только с высшими классами, особенно с людьми иностранного происхождения. В записках названы имена целого ряда мирных жителей, в их числе театральные деятели, торговцы, чиновники, врач и профессор¹². Русская фамилия только одна; все остальные немецкие или французские.

В остальном русские составляют лишь смутный фон повествования. Он писал это, будучи священником, в прошлом купцом, однако русских купцов или священников почти не упоминает. За исключением одного слуги (237), чье имя мимоходом проскальзывает в тексте, лица, не принадлежащие к дворянству, фигурируют только как безымянные представители социальных групп: «мой кучер» (227), «крестьянка» (239), «протопоп» (234), «шляпник» (275), «писарь» (262) «крестьяне» (262 и далее). Эта неспособность индивидуализировать русских красноречиво говорит о том, насколько чуждыми они ему казались. Отчасти, конечно, это объяснялось тем, что они были с ним разных национальностей, но не менее важную роль играла враждебность, создаваемая российской имперской системой.

Москва была городом, где люди, между чьими мирами лежала пропасть, взаимодействовали в условиях, гарантированно порождавших конфликты. Накануне войны 47 % жителей Москвы были крепостными, которые обычно приезжали в город либо как дворян, либо в качестве чернорабочих, стремящихся заработать деньги на уплату податей и поместных сборов. Еще 13 % составляли государственные крестьяне, которые не были крепостными, но нуждались в деньгах для уплаты податей¹³. Таким образом,

¹² Семья Чермак; актер Хальтенхоф; купцы Шиллинг, Ларме, Кнауф, Беккер и Арман; конторщик Зеттельмайер; музыкант Зук; чиновники Гранжан, Гельман и Вишневский; доктор Ветте; профессор Виллерс.

¹³ Цифры приводятся по полицейской статистике за январь 1812 года [Шукин 1897–1908, 4: 225–228].

60 % населения составляли сельские жители, которые трудились в городе, чтобы удовлетворить требования знати и правительства. Розенштраух, иностранный купец, живущий в доме богатей Демидовых на Кузнецком Мосту, в Мекке предметов роскоши, находился в самом центре системы, которая их угнетала.

Как и в русских мемуарах, война в его записках обнажает хрупкость общественного порядка. Паника, вызванная вторжением, вкупе с долго копившимся недовольством и внезапно проявившейся слабостью режима вызвали массовые выступления против знати и иностранцев. Русским дворянам крестьянские бунты казались, по памяtnому выражению А. С. Пушкина, «бессмысленными и беспощадными» [Пушкин 1984: 74]. Так же воспринимал их Розенштраух. Он повторял стереотипы, которые можно было услышать как от русских дворян, так и от живших в России иностранцев: что простые русские люди наивны и суеверны, агрессивны, когда чувствует свою силу, но их легко запугать демонстрацией власти. Они не умеют сдерживать свои чувства и мыслить наперед и нуждаются как в отеческой защите, так и в твердой руке¹⁴.

Розенштраух считал, что ими двигали не столько патриотизм или стремление к революции, сколько обычные ненависть и жадность. Кучер призывал к свержению крепостного права и убийству дворян, но хотел заодно надругаться над дочерью Розенштрауха. Дом немецкого купца Кнауфа разграбили его же рабочие; дом Розенштрауха уцелел только потому, что слуги Демидова, вломившись в хозяйский погреб, напились до бесчувствия. Крестьяне из окрестных деревень грабили разоренный город, поставляли французам продовольствие по завышенным ценам и продавали им серебряные и золотые монеты в обмен на бумажные и медные деньги, которые французам были ни к чему (234, 237, 262, 263). Когда французы ушли из города, крестьяне накинудись на брошенную ими добычу и, разграбляя Кремль, «убивали друг друга, как мух» (268). Как мы видели, Розенштраух

¹⁴ Примеры суждений дворян о крестьянах как склонных к бунту и примитивных см. в [Андреева 2019: 436, 532, Мартин 2015а: 28–29, 249].

проявлял некоторое сочувствие к невзгодам французов, но очень мало сочувствовал крестьянам. Его собственность и собственность его домовладельца, его личная безопасность и безопасность Чермаков представлялись ему звеньями одной цепи, поэтому он считал своим долгом следить, чтобы законы крепостного права соблюдались. Однажды, когда слуги прятали в доме краденое, он почувствовал, что должен вмешаться:

...я стал ругать их как воров и разбойников, за их греховное покушение на собственность их русских братьев. Я сказал им, что никогда не допущу, чтобы такие вещи несли домой. Я не могу запретить этого французским солдатам, но *запрещаю* им как русским и крепостным Демидова (250).

В подобных случаях язык становился препятствием. Как и многие его соотечественники в России, Розенштраух пересыпал свою немецкую речь русскими словами — так, в записках встречаются слова *Sastawa, Kaback, Dwornick, Tapor*¹⁵ — но, вспоминая о другом случае, когда он усмирил непокорных крестьян, он отмечает: «Я и до сих пор удивляюсь, как смог сказать все эти слова по-русски так хорошо, что смысл мужикам был совершенно понятен» (273). Вероятно, при ограниченном владении русской разговорной речью ему помогали невербальные навыки, которые он освоил на сцене, — интонации, жесты, язык тела. По словам его друга Иоганна Филиппа Симона, который познакомился с ним двадцать лет спустя, он «отчаянно коверкал русский язык, и тот, кто не понимал по-немецки, был лишен радости участвовать в проникновенных и поучительных разговорах с ним» [Simon 1855: 312].

Конец оккупации

Конец оккупации был таким же хаотичным, как и ее начало. По мере того как казацкие набеги на город становились все смелее, Наполеон наконец смирился с неизбежным и начал отступление,

¹⁵ См., например, (176, 177, 173, 206). См. также [Richter 1799: 34].

в связи с чем крестьяне стали грабить еще активнее. Тем временем французы тайно заложили в Кремле взрывчатку. 10 октября — Розенштраух ошибочно написал, что 13-го, хотя правильно запомнил, что это был четверг, — один доброжелательный француз стал уговаривать его покинуть дом. Когда он отказался, тот дал ему две бутылки красного вина и, ничего не объясняя, попросил выпить их до капли «пол-одиннадцатого *до полуночи*» (271). Ровно в 11:00 в центре Москвы прогремел мощный взрыв. Тут же крестьяне Демидова ворвались в амбары своего господина. Когда Розенштраух вмешался, они схватили его и приготовились убить. Но второй взрыв напугал их, и он вызывающе потребовал, чтобы они убили его, прежде чем весь город взлетит на воздух: «Тогда вы навеки попадете в преисподнюю как разбойники и убийцы, а я на небо, потому что я как честный человек противился грабежу имения вашего господина» (273). Они перепугались, и некоторые даже бросились на колени.

Взрывы оказались слабее, чем предполагалось, потому что чудесным образом пролившийся дождь погасил некоторые фитили (274). Тем не менее город был в ужасном состоянии. Розенштраух крепился изо всех сил, чтобы сохранять порядок в доме Демидовых, но однажды ночью, дежуря на крыше, он впал в экзистенциальное отчаяние:

...стрельба, крики, вой собак, грохот телег, конский топот, — короче говоря, все мрачное окружение моего одинокого поста — внушило мне настоящее чувство оставленности Богом. <...> Я боролся с настоящим смертным страхом, все время пока не забрезжило утро (277).

Внезапно «по Кузнецкому мосту стали медленно подниматься закутанные в плащи два всадника». Были ли это французы, вернувшиеся, чтобы заново заложить взрывчатку? Он в ужасе наблюдал, как «они остановились прямо напротив нашего дома на противоположной стороне улицы, один из них спешил». Но затем — характерный для записок прием — напряжение снимается внезапным комическим поворотом: «Я уже думал, что

они меня заметили... и мой страх снова вернулся с удесyтеренной силой <...> когда [я] увидел, что спешившийся всадник лишь хотел справить естественную нужду» (277–278).

Возвращение русских не прошло без потрясений. Обращение казаков с француженками, пытавшимися покинуть город, было «далеко от галантного», вспоминает Розенштраух (254), а когда 11–12 октября в Москву вернулись казаки, ходили слухи, что они собираются убить всех французов и немцев, которых встретят на пути. Вернувшаяся в город русская полиция приказала Розенштрауху продолжать следить за порядком в демидовском доме, а иначе его «повесят на входной двери» (279). У него были все основания вздохнуть с облегчением, когда порядок наконец был восстановлен и жизнь постепенно вернулась в разоренный город.

Глава 12

Влиятельная личность

Оккупация Москвы закончилась в октябре 1812 года, и вскоре Розенштраух уехал в Санкт-Петербург к детям. Подумывал ли он о том, чтобы навсегда покинуть Москву? Город был в таком запустении, вспоминал он позже, что смрад разносился далеко за его пределы. Там он также подвергался опасности со стороны закона, поскольку власти смотрели на всех гражданских лиц, оставшихся в оккупированном городе, особенно на иностранцев и тех, кто сотрудничал с французами, как на возможных предателей. (Амнистию объявят два года спустя, но тогда он не мог об этом знать.) Но в Санкт-Петербурге он пробыл недолго и в ноябре вернулся в Москву. Возможно, он оптимистично смотрел на будущее города. А может быть, ему вовсе не хотелось возвращаться, но к этому его вынудило состояние дел в магазине (254–255, 258, 261, 271)¹. Так или иначе, это было судьбоносное решение. Вспоминая об этом в своих записках, он утверждает, что именно благодаря переезду в Москву его жизнь изменилась:

...в Петербурге, не случись явного чуда, я не пришел бы ни к достатку при нашем *ограниченном* местными рамками торговом обороте, ни к совершенно *изменившимся* духовным воззрениям под воздействием страданий и опасностей в Москве, ни к заделу в церковных и школьных делах благодаря моему *деятельному* участию в заботах приходского

---

¹ См. также [Тартаковский 1973: 360–361]; ПСЗ (Первое собрание), т. 32, № 25671 (30 августа 1814 года), с. 909–910.

совета. Все это вкупе должно было случиться прежде, чем с некоторой надеждой на успех я смог принять решение сделаться *пастором*, и тем более осуществить его (224).

Он был прав: его судьба круто изменилась примерно в 1812 году. Успехи, которых он добился в различных сферах жизни, имели решающее значение для его будущего. По сути, они открыли всей его семье путь к процветанию и респектабельности на следующие 100 лет, хотя тогда он, конечно, об этом и не догадывался.

В мемуарах он приписывает свой успех божественному вмешательству, но дело еще и в том, что он оказался в нужном месте в нужный исторический момент. Провал французской оккупации Москвы оказался поворотным пунктом для России и Европы. Наполеон был вынужден поспешно отступить из России, а спустя еще год войны его империя потерпела крах. В 1814 году Александр I во главе победоносной армии вступил в Париж. Год спустя, после неудачной попытки вернуть себе власть, Наполеон был окончательно отправлен в ссылку. Два десятилетия войн, начавшихся в 1792 году, когда Пруссия и Австрия выступили против революционной Франции, завершились, оставив множество европейских стран с разоренной экономикой, рухнувшими институтами Старого порядка, обществами, разделившимися на враждебные лагеря консерваторов и либералов, и населением, полным тревоги и страха перед будущим.

В этот критический момент император Александр знал, чего он хочет. Во время французского вторжения он внезапно и сильно ощутил присутствие Бога и глубоко убедился в истинности христианства. Хотя формально он оставался православным, его новая вера была сформирована немецким протестантским движением возрождения, известным как «Пробуждение» (*Erweckung*). Теперь он усердно читал Библию, установил связи с другими «пробужденными» верующими, считал различия между христианскими церквями несущественными и поставил своей миссией перестроить Россию и Европу в христианском духе.

Александр уже давно считал Французскую революцию и порожденные ею войны свидетельством оторванности европейских

правителей как от своих подданных, так и друг от друга. Впереди он видел только один путь: монархи и гражданское общество должны были взаимодействовать, чтобы возвысить свои народы, а государства — сотрудничать, а не враждовать. Теперь он пытался строить послевоенный порядок, руководствуясь именно этими идеями, которые приобрели для него христианскую окраску. Его внутренняя политика состояла в том, что совместно с протестантскими реформаторами из Британии и других стран государь занялся построением гражданского общества, которое было бы более религиозным и охватывало бы большую часть населения. Открылось Российское библейское общество, чтобы печатать Библии, доступные для широких масс. Для распространения грамотности создавались Ланкастерские школы (где вечная проблема нехватки учителей решалась тем, что ученики выступали ассистентами преподавателя). Появились благотворительные организации, призванные нести нуждающимся материальную помощь и Евангелие. Крепостное право в остзейских губерниях было отменено. Что касается внешней политики, Александр объединился с протестантскими и католическими правителями в лигу монархов, Священный союз, чтобы привнести в международные отношения христианский дух. Он также укрепил международную торговлю, либерализовав российское тарифное законодательство. Кроме того, он пытался наладить сотрудничество между правителями и управляемыми, предоставив конституцию российской части Польши, и призывал королей Франции и Испании, когда они вернулись к власти после падения Наполеона, сделать то же самое в своих странах.

В начале 1820-х годов он решил, что его усилия потерпели неудачу. Его политика столкнулась с противодействием со всех сторон. По мнению консерваторов, его реформы зашли слишком далеко; по мнению либералов, они зашли недостаточно далеко. Внутри России православные традиционалисты возмущались влиянием, которое он предоставил протестантам; за рубежом либеральные революции охватили Южную Европу. Разочарованный, он перешел к консервативной политике репрессий, которая, в свою очередь, вызвала разочарование у российских либералов

и подтолкнула их к подпольному революционному движению. В декабре 1825 года, в условиях неопределенности, последовавшей за неожиданной смертью Александра, эти либералы (получившие название декабристов) предприняли попытку государственного переворота с целью свержения самодержавия и установления в России либерального режима².

В ноябре 1812 года, когда Розенштраух вернулся в Москву, до этих событий было еще далеко. Ясно было одно: французское вторжение провалилось. Но если он представлял себе, как действует российская социальная и экономическая система, то должен был понимать, что дворяне восстановят утраченное в пожарах и грабежах имущество, а Москва вернет себе главенство среди российских городов. Если он мог видеть сквозь мрак настоящего, будущее выглядело многообещающим. Этот оптимистический взгляд в последующие годы подтвердился: восстановление экономики и стремление императора расширить внешнюю торговлю России и укрепить гражданское общество предоставили Розенштрауху и другим немцам беспрецедентные возможности зарабатывать деньги и принимать участие в общественной жизни.

Глава семьи

Розенштраух был любящим отцом, но прочие семейные связи пустил под откос. Он порвал со своей родней в Бреслау и Касселе и не смог создать новую семью, женившись повторно, так как разрыв с Барбарой Антонеттой оставил его в подвешенном состоянии: он не был ни вдовцом, ни разведенным. (Были ли у него еще какие-либо романтические отношения, неизвестно.) Помимо того, что он был лишен семейного тепла, отсутствие родственников имело и другие серьезные последствия. Оно создавало экономическую нестабильность, так как некому было

---

² См. [Ivanov 2020: 206–208, 220–222, 229–231; O'Meara 2019: 150–153, 155–160, 215–218, 227–229; Werth 2014: 42–44, 53–55; Rey 2012: 274–275, 289–293, 300–326; Белоусов, Абдуллаев 2021].

поддержать его в трудные времена или в случае его смерти позаботиться о его детях. Оно также вредило его делу: ведь другие купцы могли с недоверием отнестись к человеку, от которого отвернулась собственная семья, а кроме того, в эпоху, когда современной инфраструктуры торговли и банковского дела еще не существовало, торговцы ожидали, что их деловыми партнерами и работодателями будут родственники. И наконец, бессемейность противоречила культуре его времени. Эпоха Просвещения породила новое уважение к достоинству личности, но она также учила, что мужчины, женщины и дети обладают разными личностными чертами и могут дополнять сильные и слабые стороны друг друга только в рамках нуклеарной семьи. Даже монархи следовали этому идеалу. В годы юности Розенштрауха Фридрих II в Пруссии и Екатерина II в России представляли себя публике как одинокие фигуры, живущие только ради своего государства. Однако в XIX веке их преемники изображались как преданные родители и супруги [Wortman 1995–2000, 1: 120, 123, 178, 247–249; Martus 2015: 588]³.

Брак самого Розенштрауха был разрушен безвозвратно, но когда его дети достигли совершеннолетия, жизнь дала ему еще один шанс. К 1814 году все трое воссоединились с ним в Москве⁴. Вильгельму в том году исполнилось 22 года, Элизе — 20, а Мине — 18.

Вильгельм был помощником отца, и тот готовил его в свои преемники. Он говорил не только по-немецки, но и по-французски и по-русски. Поскольку он занимался отправкой товаров из Санкт-Петербурга и в течение семестра изучал фармацевтику, он знал дело изнутри и, по-видимому, разбирался в косметике и парфюмерии. Он женился, принял российское подданство и, когда говорил или писал по-русски, называл себя русским именем (как многие Вильгельмы, он взял себе имя Василий, не

³ Свидетельства отношений Розенштрауха с детьми см. ниже, главы 13 и 14.

⁴ Имя Элизы впервые появляется рядом с именем отца в записи о причащении в московской лютеранской церкви Святого Михаила 27 марта 1814 года. ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 16. Л. 6.

являющееся русским эквивалентом Вильгельма, но немного сходное по звучанию). Об этом мы знаем из ревизской сказки 1815 года:

3-й гильдии купец Василий Иванов Розенштраух 23 года; — у него жена Софья Фомина 21 год; прибыл в [московское] купечество 1814 августа 21 дня, бывший голландский подданный; <...> торг галантерейным товаром [Найденов 1883–1889, 6: 257].

Эта запись — самое раннее свидетельство о браке Вильгельма, которым мы располагаем. Его жена, Софи Гудчайлд, происходила из британской семьи, жившей в Санкт-Петербурге. Из того немногого, что мы знаем о ее родителях, следует, что ее семья давно обосновалась в России. Ее отец, купец Томас Гудчайлд, прожил всю или почти всю жизнь в Санкт-Петербурге, а девичья фамилия ее матери, Элизабет Вестли, наводит на мысль, что та принадлежала к британской семье Уэстли (Вестлей), которая жила в Санкт-Петербурге по меньшей мере с 1770-х годов⁵.

Были ли Вильгельм и Софи влюблены друг в друга, неизвестно, но в этом браке явно была практическая выгода. У Гудчайлдов было по меньшей мере шесть дочерей, и каждую требовалось выдать замуж. Возможно, поэтому родители, радуясь блестящим деловым перспективам Вильгельма, закрыли глаза на его сомнительное происхождение от не до конца разведенного бывшего актера. Вильгельм и его отец, со своей стороны, возможно, сочли этот брак полезным для расширения связей. Например, в Санкт-Петербурге проживал некий Джон Вестлей, возможно, родственник матери Софи, — торговец импортом-экспортом, таможенник и недолгое время директор Английского собрания, светского

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 1344. Л. 4 об. «О внесении в дворянскую родословную книгу Санктпетербургской губернии рода Титулярного Советника Фомы Фомича Гудчайльда»; «Вестлей Джон» // Газета XVIII века «Санктпетербургские ведомости»: Указатели к содержанию (1761–1775 гг.). URL: <https://www.vedomosti1728.ru/?r=82> (дата обращения: 18.1.2024).

клуба, в который входили сливки российского общества⁶. Знакомство с людьми такого высокого положения было весьма выгодно для дела Розенштраухов.

Немалую роль играло и наличие препятствий к смешанным бракам с православными русскими, что ограничивало круг потенциальных женихов и невест для протестантских семей, таких как Розенштраухи и Гудчайлды. Русские купцы, как правило, были слишком «почвенны», чтобы стремиться к бракам с иностранцами, а для русских дворян породниться с купцами означало сделать шаг вниз по социальной лестнице. В свою очередь, для иммигрантов трудность состояла в том, что, хотя российское законодательство позволяло православным вступать в браки с лицами других христианских конфессий, оно также требовало, чтобы сами они оставались православными и воспитывали своих детей в православной вере. Если бы Вильгельм или Софи вступили в брак с православными русскими, они бы оказались единственными протестантами в полностью православной семье [Werth 2008: 300–308].

Вопрос о замужестве стоял и перед дочерьми Розенштрауха. Младшая, Мина, так и не вышла замуж. Она жила с отцом до самой его смерти, после чего ее след теряется⁷. Мужем старшей, Элизы, стал Георг (Егор) Кинен. Возможно, Розенштраух знал его семью, поскольку отец Кинена служил офицером в Голландии во время пребывания там Розенштрауха, а позже стал известным торговцем в Касселе, где Розенштраух в те же годы играл в театре. Такое почтенное семейство, как Кинены, могло бы косо посмотреть на простого актера, особенно учитывая, что в последний раз они слышали о нем в Касселе, когда о его намерении разве-

---

⁶ Дочерей Гудчайлдов звали Ханна (р. 1790), Элизабет (р. 1792), Софи (р. 1794), Люси (р. 1797), Мэри (р. 1807) и Сара (р. 1810); записи об их крещении см. в базе данных «Russia Births and Baptisms, 1755–1917» под фамилией «Гудчайлд». URL: <https://familysearch.org> (дата обращения: 15.12.2023). О Джоне Вестлее см. [Borissow 1819: 40]; Amburger-Datenbank, запись 84221; [Столетие 1870: 24].

⁷ Последнее упоминание, которое я о ней нашел, относится к 1838 году [Bienenmann 1893: 112].

стись с женой трубили на первой странице «Кассельских полицейских и коммерческих ведомостей». Однако во время Наполеоновских войн Кинены погрязли в долгах, что побудило юного Георга уехать в Россию и поступить на службу в одну из санкт-петербургских контор. Там он вступил в ту же масонскую ложу, что и Розенштраух. Вдали от Касселя оба были простыми иммигрантами, поднимающимися по карьерной лестнице, и Кинен, как и семья Софи Гудчайлд, отбросил предрассудки. Как и в случае Вильгельма и Софи, мы не знаем, как познакомились Георг и Элиза, но в январе 1814 года он записался в московское купечество, а в августе 1816 года они поженились⁸.

В то время как Вильгельм помогал управлять отцовским магазином, Кинен основал собственное торговое и банковское предприятие⁹. К 1820 году у Вильгельма и Софи было трое детей, а у Элизы и Кинена — двое; особняк, который построили себе Кинены, до сих пор стоит в центре Москвы¹⁰. Впервые после

---

⁸ Полное имя — Георг Филипп Дитрих Герхард Кинен (1784–1862). О его родителях, Георге Филиппе Кинене и Марии Адриане ван Ассендельфт, см.: *Vragen en antwoorden // Maandblad van het Genealogisch-heraldisch Genootschap: «De Nederlandsche Leeuw»*. 1918. Maart-april. Vol. 36, № 3–4. Kol. 108–109; *Naamregister der heeren militaire officieren*. Vol. 42 ('s-Gravenhage, n. d. [1794]). P. 221; *Landgraefl. Hessen-Casselischer Staats- und Adreß-Kalender (Kassel, o. J.)* за 1797–1801 годы, везде с. 10 или 11. О долгах семьи, отъезде Кинена в Санкт-Петербург и его членстве в петербургской масонской организации см.: *Intelligenz-Blatt des Departements der Fulda*. 1808. 17 Oktober. № 42. S. 1229; 1809. 22 Mai. № 21. S. 614–615; [Auerbach 1993: 105; Серков 2020, 4: 355]. О приезде Кинена в Москву и его женитьбе на Элизе см. [Найденов 1883–1889, 6: 154]; *Amburger-Datenbank*, запись 26770.

⁹ О Кинене см. [Amburger 1980: 17; 1982: 63].

¹⁰ См. [Найденов 1883–1889, 7: 233; 9: 283]. Дочь Элизы, Мария Адриана Иоганна Вильгельмина Кинен, вышла замуж за Германа Карла Нестле в 1836 году во Франкфурте и умерла в 1899-м: см. электронные базы данных: *Rhineland, Germany, Lutheran Baptisms, Marriages, and Burials, 1533–1950*; и *Hesse, Germany, Deaths, 1851–1958*. URL: <http://www.ancestry.com> (дата обращения: 15.12.2023). О сыне Элизы, Михаиле Георге Вильгельме Кинене, см.: *Amburger-Datenbank*, запись 26771. О доме Киненов см.: Старосадский 5/8 строение 5 // Район Покровки и Покровских ворот. URL http://pokrovka.narod.ru/RPokr/q16/StSad_5_8/StSad_5_8s5.htm (дата обращения: 15.12.2023).

Касселя у Розенштрауха появилась многочисленная родня. Так родилась династия дельцов, которая процветала в России и других странах Европы на протяжении большей части XIX века.

Успехи в торговле

Процветало и дело Розенштрауха. Его опыт говорит о важной роли, которую немецкие купцы играли в политике Александра I, но также и о недовольстве, которое эта роль вызвала у либерально настроенных русских националистов. По его словам, фундамент его процветания был заложен, когда Провидение удержало его от отъезда из Москвы в 1812 году, что позволило ему сохранить магазин:

*...мое жилище и обстановка моего магазина остались невредимы. Благодаря этому я смог начать торговать товарами, которые мне еженедельно высылал из Петербурга мой сын, *раньше* [остальных], как только неприятель был изгнан из России — тогда как прочие купцы, бежавшие из Москвы, даже если они не потеряли свои товары, долго не могли открыть магазина за недостатком помещения (257).*

Этому объяснению поверили не все. Розенштраух пишет, что «некоторые жители» Москвы заработали «крупные суммы», обменивая у вражеских солдат несколько золотых и серебряных монет на пачки ассигнаций (248). Писатель-путешественник Иоганн Георг Коль позже слышал то же о самом Розенштраухе:

Пожар Москвы сделал его на 14 дней бедняком, ибо его дома и товары сгорели вместе с остальными; но затем он снова сделался сказочно богатым, потому что оставшееся у него серебро умело употребил на то, чтобы скупить у французов задешево ставшие им ненужными при отступлении русские ассигнации. Благодаря этому и новой удаче в торговле он стал очень обеспеченным и совершенно независимым человеком [Kohl 1841, 2: 170]¹¹.

¹¹ Цит. по: [Мартин 2015б: 86–87].

Наши источники о торговых делах Розенштрауха немногочисленны. Одно из косвенных свидетельств мы получаем в силу необходимости ежегодно продлевать членство в гильдии. Каждой купеческой гильдии разрешалось торговать в пределах определенной территории. Чем выше гильдия, тем шире радиус действия. Первая гильдия могла торговать на международном уровне; вторая — только в пределах России; третья — только на местном уровне. Купцы, чей капитал не соответствовал требованиям третьей гильдии, понижались до сословия мещан, подлежавшего воинской повинности и платившего подушную подать. Когда Розенштраух в 1813 году подал прошение о государственной помощи (по-видимому, безуспешно), то назвал себя «санктпетербургским 3. гильдии купцом» и «московским 2. гильдии гостем». Закон в России привязывал большинство людей к местным сообществам, чтобы предотвратить побег рекрутов и плательщиков податей, но экономика требовала мобильности торговцев и работников; статус «гостя» был обходным путем для разрешения таких противоречий¹². Гильдейский статус Розенштрауха в 1813 году означал, что он был зарегистрирован в Санкт-Петербурге и имел право торговать также в Москве, но ввозить товары из-за границы мог только через посредника. Информация о его статусе в последующие годы противоречива. В документе 1816 года он указан как бывший купец третьей гильдии, «ныне в мещанстве». Это наводит на мысль, что он терпел серьезные неудачи, но даже если так, вскоре дела опять пошли на лад. В 1820 году он снова упомянут как санкт-петербургский купец второй гильдии. Согласно одному документу 1821 года, он тогда принадлежал к первой гильдии, согласно другому — к третьей. Членство в любой из первых двух гильдий было большим достижением: в Москве, городе с населением 275 000 человек, в 1812 году в обеих гильдиях, вместе взятых, насчитывалось всего 444 чле-

¹² ПСЗ (Первое собрание), т. 22, № 16188 (21 апреля 1785 года), с. 364, 368–369; т. 29, № 22418 (1 января 1807 года), с. 977.

на, а в 1822 году, из-за послевоенного экономического спада, только 200¹³.

Еще одно косвенное свидетельство его успехов в торговле — та роль, которую приобрела его семья в содействии международным торговым отношениям. Торговля была одним из аспектов международного сотрудничества, с помощью которого Александр I хотел восстановить послевоенную Европу. В 1816 году он либерализовал российскую таможенную, а в мае 1818 года то же самое сделал его союзник, король Пруссии Фридрих Вильгельм III. В июне 1818 года прусский король, чья дочь была замужем за братом Александра, будущим императором Николаем I, приехал в Москву, чтобы отпраздновать рождение внука, будущего императора Александра II¹⁴. Одним из итогов этого визита стало открытие прусского консульства в Москве. Функция консула состояла в развитии торговых отношений путем оказания помощи подданным своего короля, выдачи виз иностранным гражданам и информирования своего правительства о местных экономических событиях. Это была должность престижная, но неоплачиваемая, и обычно ее по совместительству занимал видный местный торговец. Человеком, которого выбрали пруссаки, был зять Розенштрауха Кинен. Должность прусского консула и, следовательно, представителя Пруссии в московском деловом сообществе оставалась за семьей Розенштраухов еще полвека [König 1854: 1–16; Amburger 1982: 242–253].

Род международной торговли, к которому имели отношение Розенштраух и другие торговцы предметами роскоши с Кузнецкого Моста (см. рис. 12.1), навлекал на себя критику. Как стало

¹³ В [Военский и др. 1914: 418] он записан мещанином, а в ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 40. Л. 53 об. — купцом второй гильдии. В письме от князя А. Н. Голицына от 12 мая 1821 года он назван купцом первой гильдии [Bienemann 1893: 109], но в том же 1821 году в Санкт-Петербургской купеческой управе значится как купец третьей гильдии (ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 430. Л. 69 об.; Д. 473. Л. 110). О численности купцов в Москве см. [Штейнгель 1985–1992, 2: 148].

¹⁴ О торговой политике России после 1815 года см. [Страхова 2006]. О визите Фридриха Вильгельма III см. [Татищев 1888: 364–365].

ясно в 1822 году, когда Россия отменила свободную торговлю и снова подняла пошлины, многие считали, что развернутая внешняя торговля вредна для интересов страны. В частности, русские либералы, как и либералы других стран, полагали, что для дальнейшего прогресса нации требуется не только либеральная политическая система, но и деятельный средний класс, объединенный сильным чувством национальной принадлежности. Следовательно, утверждали они, русских купцов и промышленников необходимо оградить от иностранных конкурентов, а иностранцы, переехавшие в Россию, должны ассимилироваться в российское общество и культуру [Rabow-Edling 2007].

В записке, широко циркулировавшей среди торговцев и чиновников¹⁵, экономист и будущий декабрист В. И. Штейнгель приводил доводы против внешней торговли с либеральных позиций. Почему, спрашивал он, русское купечество находится в бедственном положении? Во-первых, потому, что российские законы благосклоннее к дворянам, чем к купцам, что дало купцам плачевный повод бросать торговлю и стремиться во дворянство. Во-вторых, русское купечество не выдержало иностранной конкуренции. При либеральных таможенных тарифах 1816 и 1819 годов страну наводнили импортные товары, и это разорило отечественных производителей. Розничные торговцы тоже пострадали: хотя закон пытался защитить их, запретив иностранцам торговать в розницу, иностранцы обошли его, используя посредников — натурализованных российских подданных. Эти посредники не лояльны к России и бессовестно попирают закон с самодовольным западным чувством превосходства¹⁶. Штейнгель отдельно упоминает Кинена как незаконно монополизировавшего импорт некоторых товаров [Штейнгель 1985–1992, 2: 153]. Иностранцы, заявляет Штейнгель, «присвоили, кажется, себе право приезжать в Россию, как в лес, и почитать русских за дикарей» [Штейнгель 1985–1992, 2: 154].

---

¹⁵ «Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле» [Штейнгель 1992: 147–172].

¹⁶ См. [Штейнгель 1985–1992, 2: 31, 152–155, 160, 361–362].

Рис. 12.1. Огюст Виктор Деруа. Кузнецкий Мост (около 1850 года). На литографии изображены покупатели, зимним вечером разглядывающие ярко освещенные витрины магазинов. На вывесках русскими и латинскими буквами указаны имена владельцев магазинов. С наблюдательной точки художника магазин Розенштрауха находится на правой стороне улицы, сразу за дальним поворотом слева

Взгляды Штейнгеля и Розенштрауха на то, что значит быть немцем в России, были противоположными. Штейнгель тоже был немцем по происхождению (его предки носили фамилию Штайнхайль). Как и другие декабристы, в том числе немецкого происхождения, он заимствовал свою концепцию национальности у французских революционеров и немецких националистов времен Наполеона. Согласно этому образу мысли, Россия была деспотической страной, потому что в ее правящих кругах было

слишком много немцев и других иностранцев, которые не чувствовали никакой связи с основной массой народа. Россия могла бы стать свободной только в том случае, если бы все ее граждане говорили по-русски и разделяли общие национальные чувства; следовательно, нерусские, не давшие себе труда ассимилироваться, были врагами нации [Рогов 1997].

Взгляды Розенштрауха, напротив, сформировались раньше, при Священной Римской империи. К тому времени, когда наполеоновские нашествия убедили многих немцев в необходимости создания единого немецкого государства, он уже эмигрировал. В годы его созревания единство Германии достигалось благодаря объединению писателей, актеров и других образованных людей. Верный этому наследию, он не пытался, подобно Штейнгелю, помогать построить единую политическую нацию, которая охватывала бы все население. Вместо этого он направил свою энергию на создание небольших сообществ, которые могли бы функционировать в рамках Российской империи: церкви и масонской ложи.

Церковь Святого Михаила

Розенштраух был прихожанином лютеранской церкви Святого Михаила, которая до того, как была снесена советской властью в 1928 году, стояла недалеко от Лефортовского дворца в Немецкой слободе — районе Москвы, где иностранцы проживали до петровских реформ. В период с 1814 по 1821 год в церкви ежегодно причащалось от 458 до 699 человек, хотя это число может превышать численность прихожан, так как включает контингенты солдат и полицейских, которых, по-видимому, приводили к причастию офицеры¹⁷. Судя по 227 прихожанам, голосовавшим в 1822 году за нового пастора, община состояла из дворян, купцов, образованных специалистов и ремесленников¹⁸.

¹⁷ Все отсылки к спискам причащавшихся и конфирмантов в церкви Святого Михаила приведены по: ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 16.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 40. Л. 120–126 об.

Многие прихожане, без сомнения, были двуязычными, но в самой церкви царил немецкий. Это был язык как богослужения, так и повседневного общения. Немецкая идентичность паствы поддерживалась также российскими религиозными законами. Как мы уже видели, закон не позволял православным менять веру и требовал, чтобы при смешанных браках семьи воспитывали детей в православии. Это исключало какой-либо приток русских в лютеранские общины. Если, например, лютеранка выходила замуж за православного, она могла по-прежнему посещать лютеранскую церковь, но не могла брать с собой русского мужа и детей.

Розенштраух был в общине влиятельной фигурой. Будучи, по-видимому, богаче большинства других прихожан, он щедро жертвовал в благотворительный фонд церкви. Его авторитет в лютеранском сообществе выходил за пределы церкви, которую он посещал. В Москве была еще одна лютеранская церковь — Святых Петра и Павла. В 1812 году она сгорела, а в 1818 году, когда король Пруссии Фридрих Вильгельм посетил Москву, на ее месте был заложен фундамент новой. Как ведущий протестантский монарх Германии король выделил деньги на строительство новой церкви и заложил в фундамент первый камень. Год спустя, в 1819 году, состоялась церемония открытия храма. Алтарные принадлежности несли торжественная процессия; впереди шел Розенштраух, помогавший нести подаренное королем распятие. Он был богатым купцом, тестем прусского консула и масонским наставником нескольких участников шествия. То, что он занимал в церемонии столь видное место, отражало его влиятельное положение в сообществе, которое только укрепилось, когда о его роли в процессии доложили российскому правительству и написали в гамбургской и берлинской газетах¹⁹.

Какое духовное значение имело для Розенштрауха лютеранство? Иными словами, во что он верил? На этот вопрос нелегко ответить,

¹⁹ О благотворительном фонде см.: ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 43. О восстановлении и торжественном открытии церкви см. [Татищев 1888: 364; Fechner 1876, 2: 90–96, 98–99]; Moskau, vom 20. September // Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen. 1819. 26 Oktober. № 128; Статья, предназначенная для «Hamburger Zeitung», упомянута в [Fechner 1876, 2: 99].

поскольку тайники человеческого сердца непрозрачны, а наши свидетельства о его религиозных взглядах в тот период скудны.

Лютеранство не было единым в своем понимании божественного. В XVIII веке, в эпоху Просвещения, лютеране разделились на три лагеря: рационалистов, ортодоксальных лютеран и пиетистов. Для рационалистов главным было человеческое измерение религии. Они стремились примирить веру и разум, поэтому ставили под сомнение правдивость чудес, отрицали, что Библия — в буквальном смысле Слово Божие, и считали, что не так важно верить в церковные догматы, как жить согласно христианской этике. Ортодоксальные лютеране, напротив, подчеркивали мистическое измерение религии. Для них Библия была божественной, и достичь Бога можно было, только веря в лютеранскую догму. Пиетисты разделяли приверженность ортодоксов к мистической стороне религии, но верили, что путь души к Богу лежит не через догму, а через личный опыт греха и обращения, а также добрые дела, творимые в миру.

В начале XIX века различия между лютеранской ортодоксией и пиетизмом отчасти сгладились, и оба лагеря объединили силы в движении, получившем название супранатурализма. Супранатурализм черпал эмоциональную энергию во вдохновленном пиетистами движении возрождения «Пробуждение», немецком аналоге евангелического возрождения в Великобритании и Великого пробуждения в Америке. «Пробужденные» ощущали в своей греховной жизни присутствие Бога, который возродил их дух и обещал вечное спасение. Рационалистскую культуру Просвещения они считали порочной, Библию — единственной истиной, а себя — обязанными нести в мир христианскую весть и оказывать помощь тем, кому повезло меньше [Nipperdey 1987: 423–425; Vander Schel 2013: 4–7, 18–32; Riso 2015: 2–3; Ivanov 2020: 204–206].

Жизнь Розенштрауха была слишком нестабильной, а интеллектуальное становление слишком эклектичным, чтобы он мог точно вписаться в эту религиозную карту. Он вырос в многоконфессиональном Бреслау, а затем много лет прожил в протестантских землях, на бумаге оставаясь католиком, но, по-видимому, не посещая церковь и не имея католической семьи. К тому же он

был с головой погружен в философский рационализм и гуманизм масонства и театра Просвещения. По всей вероятности, эти влияния научили его уважать христианство как этическую систему, но при этом сомневаться в истинности утверждений какой-либо конкретной церкви. Однако травма, вызванная убийством его сына в 1806 году, ознаменовала перелом. Ранее он был, по его собственным словам, «христианином на словах, а не в сердце» [Mittheilungen: 118]²⁰, но уже в 1807 году, как сообщалось, он «готовится в пасторы» [Жихарев 1989, 2: 84]; а в 1810-х годах, по словам друга, он «ревностно читал и размышлял над Священным Писанием и душеполезными христианскими книгами» [Fechner 1876, 2: 118].

Как мы увидим далее, ему были чужды как теологический рационализм, так и его диаметрально противоположность — теософия, то есть религиозная вера в алхимию, нумерологию и другие эзотерические доктрины. Основными принципами веры, к которым он в конце концов пришел, были недоверие к человеческому разуму, повышенное внимание к сокровенному чувству, безразличие к догмам, вера в Библию и приверженность проповедованию и социальному действию. В этом он походил на «пробужденных», но отличался от них в том, как применял свою религию в отношениях с другими людьми. Пиетисты и «пробужденные» обычно объединялись в дружеские группы, которые вместе молились или открывали друг другу свои сердца в письмах. Не сохранилось никаких свидетельств того, что Розенштраух принадлежал к такой группе; центром его религиозной жизни была церковь. Для «пробужденных» также весьма важно было свидетельствовать миру о том, что они когда-то были грешниками, но теперь спасены Божьей милостью; он, напротив, предпочитал относиться к своему прошлому как к тому, о чем следует помалкивать [Gleixner 2005: 110–118, 145–165].

Мистическая, близкая к пиетизму религиозность определенных масонских кругов оказала на него некоторое влияние, но оно было незначительным. Как мы видели (с. 243), в Санкт-Петер-

---

²⁰ Цит. по: [Мартин 2015б: 57].

бурге он был дружен с двумя предводителями мистического масонства: русским А. Ф. Лабзиным и немцем Фесслером. Сохранилась краткая заметка, в которой Лабзин утверждает, что только благодаря ему Розенштраух стал религиозным человеком. В 1823 году Лабзина обвинили в том, что в своих публикациях он распространяет ложные религиозные учения. На полях документа, в котором повторялись эти обвинения, он написал в свою защиту вызывающий комментарий: «Спросите, напр. <...> пастора Розенштрауха [:] кто посеял в него семя христианства?» [Лабзин 1892: 384]²¹. Однако, как мы увидим, понимание религии, которое Розенштраух излагал в своих масонских речах, было ближе к рационализму или деизму XVIII века: Бог, по его словам, был «Великим архитектором Вселенной», божественным началом, которое сотворило мир, но затем активно не вмешивалось в его дела, и все религии, включая христианство, были всего лишь этапами в великом стремлении человечества жить по Божьему нравственному закону [Jacob 1991: 31, 55, 95, 146]. Эти идеи он провозглашал даже тогда, когда стал набожным христианином. Как он разрешал противоречие между двумя доктринами, остается загадкой.

Чтобы воссоздать его религиозный опыт, нам необходимо собрать воедино отрывочные сведения, а пробелы заполнить многочисленными догадками и предположениями. К счастью, другая сторона его общественной и духовной жизни — масонская деятельность — подробно задокументирована.

Благодетельные рыцари

В своей масонской деятельности, как и в других областях, Розенштрауху довелось стать первопроходцем в послевоенной Москве. В 1780-е годы Москва была самым активным масонским

²¹ В апрельском выпуске мистико-религиозного журнала А. Ф. Лабзина «Сионский вестник», выходившего на русском языке, Розенштраух указан в списке подписчиков. За эту информацию благодарю Реймонда Друзе.

центром России, но после Французской революции правительство закрыло ложи. Возрожденные при Александре I, они представляли собой типичный образец западного влияния: их члены в основном не были русскими (поэтому во многих ложах использовали польский, немецкий или французский язык), и большинство лож располагались в Санкт-Петербурге или на западных окраинах империи. В 1816–1817 годах в число действующих лож входили 22 в Санкт-Петербурге или его окрестностях, 14 в бывших польско-литовских землях и три в Остзейских губерниях; лишь семь из них находились во внутренних районах России, и из них только две (по одной в Москве и Крыму) существовали до 1815 года²².

Масонское движение в России раздирали ожесточенные споры. Одним из яблок раздора была масонская доктрина. Все масоны признавали три иоанновские степени (ученик, подмастерье, мастер), но желание глубже проникнуть в тайны вселенной привело к созданию отдельных «уставов» или масонских систем. Каждый устав выдвигал собственные мифы о происхождении масонства. Так, некоторые называли основателями масонства средневековых рыцарей-тамплиеров, в то время как другие эту версию отвергали. Они также различались системой высших степеней, или градусов. Обладатели высших градусов первой ступени обычно формировали андреевские ложи, а второй ступени — так называемые капитулы. Шведский устав — ему следовали ложи, к которым до сих пор принадлежал Розенштраух, — предполагал три андреевские степени и четыре степени капитула; Исправленный шотландский устав — только одну андреевскую и две степени капитула; что касается Древнего и принятого шотландского устава, он имел в общей сложности 22 высшие степени. Разногласия между разными уставами могли быть очень сильными: ведь если высшая истина одна, то лишь одна доктрина может быть правильной [Allgemeines Handbuch 1900–1901, 2: 249, 335, 381, 569; Smith D. 1999: 104].

²² Цифры указаны исходя из списка лож, названных в [Серков 2020, 4]. О значении Москвы в 1780-е годы см. [Smith D. 1999: 19].

Разобщенность российского масонства к тому же усугублялась личным соперничеством и конфликтами по поводу целей и форм организации. Так, существовал жесткий раскол между последователями Н. И. Новикова и О. А. Поздеева, двух ветеранов масонства 1780-х годов. Новиков считал, что масоны должны стремиться реформировать общество в целом, поддерживая школы и благотворительные организации, в то время как Поздеев, в этом смысле более близкий царскому режиму, предлагал предоставить эти дела государству и сосредоточиться на личной духовности масонов. Поздеев также полагал, что ложами должны управлять обладатели высших степеней; это привело к конфликту с молодыми масонами, которые считали высшие степени мистическим вздором и хотели, чтобы руководителей избирали члены лож.

Нейтральная позиция в этих спорах обычно исключалась. Каждая ложа должна была принять чью-либо сторону, поскольку ей требовалась хартия от одной из великих лож и она должна была действовать согласно определенному уставу²³. После 1812 года масонскую жизнь в России координировали две соперничавшие великие ложи, базировавшиеся в Санкт-Петербурге: Великая Провинциальная ложа под началом Поздеева и Великая ложа «Астрейя». Ложа «Астрейя» была более демократичной, так как руководителей избирали ее члены. Она также была более динамичной в создании филиалов: к 1818 году она располагала 23 дочерними ложами, насчитывавшими в общей сложности 1320 членов [Серков 2000: 129, 133, 134, 166, 208, 295; Leighton 1982: 259–261].

В ноябре 1816 года князь М. П. Баратаев, член Великой ложи «Астрейя», призвал Розенштрауха основать филиал «Астреи» в Москве. С помощью Баратаева Розенштраух получил от «Астреи» хартию на создание новой ложи. Однако, писал он Баратаеву, оставалось «много трудностей», так как разрешение на открытие каждой новой ложи отдельно рассматривалось властями. К счастью, московский генерал-губернатор А. П. Тормасов

---

²³ В соответствии с анализом в [Серков 2000].

«принял... дело близко к сердцу» и доложил о нем Александру I, когда в августе 1817 года тот посетил Москву²⁴. Одним из помощников Тормасова был В. И. Штейнгель, либеральный экономист, с которым мы уже знакомы как с критиком свободной торговли. Штейнгель вспоминал:

Некто, содержатель косметического магазина Розенштраух... тотчас по приезде государя подал просьбу военному генерал-губернатору о дозволении ознаменовать 30-е августа открытием масонской ложи. По докладе об этом, государь изволил отозваться: «Я формально позволения на это не даю. У меня в Петербурге на это смотрят так (государь взглянул сквозь пальцы). Впрочем, опыт удостоверил, что тут зла никакого нет. Это совершенно от вас зависит» [Штейнгель 1985: 119].

Такое проявление терпимости легко могло оказаться недолговечным, поэтому Розенштраух постарался обеспечить себе официальное покровительство с помощью показных проявлений преданности. Как дань Александру I, при котором процветала Россия, ложа получила свою хартию в день его именин, название ложи «Александра к тройственному спасению» и эмблему, изображающую букву «А», образованную из трех рогов изобилия. Офицеров ложи официально назначил Баратаев в годовщину своей свадьбы (15 сентября 1817 года), а зал заседаний был торжественно открыт в день рождения матери императора (14 октября 1817 года). Баратаев и еще 11 человек, в том числе прусский посланник в Санкт-Петербурге и большинство руководящих членов Великой ложи «Астрея», стали ее почетными членами. Этими шагами Розенштраух, по-видимому, надеялся защитить ложу от превратностей российской политики [Соколовская, Лотарева 2007: 449–450; Nettelbladt 1837: 69]²⁵.

²⁴ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 1, 4–4 об. (недатированные письма Розенштрауха Баратаеву); НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 153 об. (недатированная речь); НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 349. Ед. хр. 36 (хартия от «Астреи»).

²⁵ См. также: НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 36, 90.

Ложа «Александра к тройственному спасению» была иоанновской ложей. Великая ложа Астрей была индифферентна к высшим степеням, оставляя этот вопрос на усмотрение каждого филиала. Розенштраух был обладателем высших степеней и хотел внедрить их в своей организации. Чтобы понять, как он это сделал, требуется краткий экскурс в историю масонства. В Германии в 1770-х годах преобладал Устав строгого наблюдения, признававший высшие степени. В 1782 году в Вильгельмсбаде (близ Касселя) собрался масонский конвент с намерением реформировать Устав строгого наблюдения; в результате был учрежден Орден благотворительных рыцарей Святого града и исправленного масонства, широко известный как Исправленный шотландский устав. На конвенте присутствовал Иоганн Георг Шварц, союзник Н. И. Новикова, ведущего московского масона того времени, и Россия была принята как Восьмая провинция нового устава. В последующие десятилетия идея внедрения нового устава в России была в значительной степени забыта. Теперь, в 1818 году, Розенштраух написал Новикову, чтобы расспросить о материалах, которые Шварц привез из Вильгельмсбада. Его план состоял в том, чтобы возродить российский филиал устава и стать его главой [Leighton 1982: 248–249; Faggionato 2005: 95, 249; Серков 2000: 218; Отчет 1873: 53]²⁶.

В письме к другому масону Розенштраух объяснил, что привлекло его именно в этом уставе. Он против того, чтобы выводить масонство за рамки его основной этической миссии, писал он. И Орден благотворительных рыцарей он выбрал потому, что тот избегал «фанатизма, мистицизма и алхимии» — эзотерических интересов теософов, — предпочитая им «практическое применение гуманных и истинно христианских добродетелей мягкости, любви, человечности, милосердия и непритворного благочестия». Он написал, что вступил в Великую ложу «Астрей», потому что она позволяет своим филиалам выбирать устав и участвовать в совместном управлении. Напротив, соперница «Астреи», Великая провинциальная ложа, следует эксцентричному уставу соб-

²⁶ Розенштраух был обладателем высших степеней: шотландского мастера и брата Храма Соломона: НИОР РГБ. Ф. 147. Картон 349. Ед. хр. 32, 34.

ственного изобретения и проявляет лишь «недружество, небратство, холодное отвержение и презрение ко всем, кто не разделяет их мнения»: такова «главная черта этой системы, и все дочерние ложи под началом Провинциальной ложи должны действовать исключительно по ее системе»²⁷.

1 мая 1818 года он встретился с тремя другими немцами — носителями высших степеней. Это были профессор истории и статистики Иоганнес Кристиан (Иван Андреевич) Гейм, врач Филипп Фридрих Пфелер и пастор Карл Август Беттигер. Согласно протоколу их встречи, они приняли решение «восстановить исчезнувший капитул 8-й провинции Ордена благотельных рыцарей Святого града»²⁸. Учредив капитул, то есть ложу для носителей высших степеней, они проголосовали за присвоение высших степеней офицерам ложи «Александра к тройственному спасению», для которых учредили новую андреевскую ложу под названием «Гора Фавор». Так возникла трехступенчатая организация. На самом верху находился Орден благотельных рыцарей, в котором, насколько нам известно, за все время его существования насчитывалось пять членов. В середине стояла андреевская ложа «Гора Фавор», состоявшая, по нашим данным, из 21 человека. Основанием пирамиды служила иоанновская ложа «Александра к тройственному спасению», насчитывавшая 194 члена. Розенштраух возглавлял все три. Ложа «Александра к тройственному спасению» была единственным филиалом Великой ложи «Астрей» в Москве и при этом крупнейшим и, с точки зрения национального состава, самым немецким ее филиалом за пределами санкт-петербургского региона и остзейских губерний [Leighton 1982: 252, 259–261; Серков 2020, 4: 121–136, 138–140]²⁹.

Тремя ложами Розенштрауха руководили преимущественно люди из узкого круга его знакомых, представлявшие собой вид-

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 178–178 об.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 1. Цит. по: [Мартин 2015б: 98–99].

²⁹ См. также: НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 20 об. Помимо 194 регулярных членов в ложе «Александра к тройственному спасению» было 14 почетных членов [Серков 2020, 4: 121–136].

ные фигуры как в немецкой общине, так и в российском обществе. Пастор Беттигер служил домашним учителем в русской дворянской семье и знал князя Александра Голицына, министра духовных дел и народного просвещения. Композитор Фридрих Шольц был музыкальным руководителем главного московского театра — Петровского (позже Большого). Профессор Гейм был ректором Московского университета и директором Московского отделения Российского библейского общества. Друг Розенштрауха Чермак (с которым мы познакомились в предыдущей главе) и книготорговец Иоганн Кристиан Горн были владельцами частных школ. Юстус Кристиан Лодер был известным во всей Европе врачом и профессором медицины, который помогал организовать медицинскую службу в русской армии в 1812 году. Пфелер и Фердинанд Фридрих Рейс также были профессорами медицины, а Готлиб Иоганн Вильгельм Трейтер — главным врачом Московского Воспитательного дома. В ближайшее окружение Розенштрауха, помимо его сына Вильгельма, входили также пастор его церкви, председатель и несколько членов церковного совета³⁰.

Факт, что столь уважаемые люди относились к нему как к равному, показывал, как далеко он продвинулся со времен своей актерской карьеры, но в некотором смысле они отличались от него не так уж сильно. Никто из них не принадлежал к дворянам, офицерам армии и чиновникам, составлявшим правящую верхушку России, и не входил в закрепившуюся местную олигархию, которую можно было встретить во многих немецких городах. Как и Розенштраух, они были бюргерами, приехавшими из других мест — из остзейских губерний, немецких или габсбургских земель, — чья функция в России состояла в том, чтобы нести в русские высшие круги этику, умения и образ жизни Запада.

---

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 5–9 об., 21–26. О Беттигере см. [Bienemann 1893: 81]. О Шольце: [Fechner 1876, 2: 104; РБС, 23: 365]. О Гейме: [Fechner 1876, 2: 76; РБС, 4: 350–352]. О Чермаке и Горне: [Серков 2020, 1: 630; 3: 661]. О четырех врачах см.: [РБС, 10: 580–582 (Лодер); 15: 349 (Пфелер); 15: 559 (Рейс); Серков 2020, 3: 501–502 (Трейтер)]. О пасторе (Вильгельме Ноймане) см. [Fechner 1876, 2: 473]; о других членах церковного совета: [Fechner 1876, 2: 531–532].

Ложи Розенштрауха состояли в основном из немцев, но были в них и русские. Среди 21 члена «Горы Фавор» русских (судя по фамилиям) было трое: директор канцелярии генерал-губернатора, генерал и один из двух полицмейстеров Москвы. Среди 194 членов ложи «Александра к тройственному спасению» тоже имелись русские, в том числе два вице-губернатора, четыре профессора и четыре офицера, позже ставшие декабристами³¹. Как правило, эти русские были государственными чиновниками или армейскими офицерами, в основном потомственными или личными дворянами. Это выделяло их среди прочих членов лож, многие из которых имели бюргерские профессии и не могли похвастаться благородным происхождением.

В собрании, объединявшем немцев из среднего класса, русских дворян и чиновников, разногласия были неизбежны. В документе неизвестной даты и авторства говорится о необходимости «сохранять добрый дух нашей ложи и избегать, насколько это возможно, всего, что может вызвать недовольство, недоверие, зависть и негодование». Также в нем говорилось, что устав ложи необходимо изменить таким образом, чтобы решения больше не принимались «по усмотрению одного или нескольких членов» — предположительно, Розенштрауха и других офицеров ложи, а главное, немецкий, русский и французский языки должны иметь равный статус. Мы не знаем, был ли действительно пересмотрен устав, но попытки решить языковую проблему имели место. Основным рабочим языком оставался немецкий, но начиная с осени 1818 года в ложе «Александра к тройственному спасению» появились отдельные секции, которые время от времени собирались и вели заседания на русском и французском языках.

---

³¹ О составе лож «Гора Фавор» и «Александра к тройственному спасению» см. [Серков 2020, 4: 121–136]. В числе русских членов лож были: полицмейстер Иван Бибилов; директор канцелярии генерал-губернатора Андрей Шафонский; генерал Иосиф Куликовский; вице-губернаторы Дмитрий Бибилов и Матвей Муромцев; профессора Матвей Гаврилов, Иван Давыдов, Михаил Малов и Лука Пикулин; декабристы Илья Бибилов, Иван и Михаил Фонвизины и Федор Шаховской. О русских членах лож см.: [Серков 2019, 1: 331–333; Серков 2020, 1: 239–243, 245–246; 2: 5–8, 544–545; 3: 109–110; 4: 587–590, 688–691].

Такие же договоренности существовали и в других российских ложах, где преобладали немцы³².

В отличие от личной жизни и торговых дел, масонскую деятельность Розенштрауха можно реконструировать достаточно подробно. Один или несколько вечеров в неделю он посвящал тому, что, закрыв магазин на Кузнецком, совершал небольшую прогулку до Кисловки, улицы недалеко от нынешней Российской государственной библиотеки, где у его масонской организации были свои залы для собраний. (Она заседала в том же здании, что и ложа «Ищущих манны», филиал Великой провинциальной ложи. Он находил «Ищущих манны» невыносимыми, а они, в свою очередь, не желали иметь с ним ничего общего³³.) За 918 дней, прошедших с момента открытия 15 сентября 1817 года по 20 марта 1820 года, ложа «Александра к тройственному спасению» провела 181 собрание, в среднем каждые пять дней. Некоторые заседания — торжественные, или столовые ложи — проводились, чтобы отпраздновать даты, важные для ложи, масонства в целом или монархии: Иоаннов день (24 июня, когда начинался масонский год), тезоименитство императора (30 августа), день основания ложи (15 сентября), день рождения императора (15 декабря), канун Нового года и годовщина восшествия императора на престол (12 марта). Однако большинство собраний было посвящено тому, что масоны называли «работами»: принятию новичков или продвижению существующих членов ложи, или же это были «образовательные» ложи, на которых их членам преподавались уроки. Почти на всех собраниях выступали офицеры ложи. Розенштраух выступал на 145 заседаниях, или в среднем раз в шесть дней³⁴.

Представление о расписании Розенштрауха нам дает календарь собраний на октябрь 1819 года, типичный для любого месяца. В среду, 1 октября, состоялось собрание ложи «Гора Фавор»

³² НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 94, 113 (цит. л. 113); [Серков 2000: 149–150].

³³ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 178 об.

³⁴ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 89–91, 94. В этих документах перечислены даты собраний, с короткой заметкой о работе каждого из них, ложи «Александра к тройственному спасению» с 15 сентября 1817 по 20 марта 1820 года.

(андреевской), в члены которой был принят один купец³⁵. Все остальные заседания в этом месяце проходили в ложе «Александра к тройственному спасению». Некоторые из них были общими собраниями, открытыми для всех братьев; другие предназначались только для обладателей определенной масонской степени. На этих собраниях присутствовало от 14 до 42 членов и до восьми посетителей из других лож. В субботу, 4-го, в чине ученика был принят торговец мебелью. В среду, 8-го, в степень мастера был произведен химик. В субботу, 11-го, состоялась образовательная ложа для учеников. В среду, 15-го, трое учеников — купец, лейтенант и учитель — стали подмастерьями. Три дня спустя, в субботу 18-го, в ученики был принят капитан. В следующую субботу, 25-го, снова прошла образовательная ложа для учеников, а в среду 29-го купец был произведен в мастера. В этом месяце Розенштраух только дважды не выступал с речью: 11-го, когда заседание проходило на русском языке, и 25-го, когда оно проходило на французском³⁶.

Помимо самосовершенствования, члены ложи «Александра к тройственному спасению» стремились нести добро во внешний мир. Ложа разделяла воззрения Н. И. Новикова о том, что миссия масонства состоит в возвышении всего человечества, и своими действиями продвигала политику Александра I, старавшегося укрепить общественные связи посредством филантропии.

Благотворительная деятельность ложи описана в отчете за 1818–1819 масонский год³⁷. Несколько тысяч рублей было передано непосредственно нуждающимся. Другие денежные средства шли организациям, особенно школам, принадлежавшим членам ложи. Пастор Беттигер, который был назначен лютеранским суперинтендантом в Одессе, получил 545 рублей на церковь и школу для немецких колонистов в своем регионе. Чтобы способствовать распространению грамотности среди простого

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 9 об.

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 89.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 181–191 об. Автор — Фридрих Вильгельм Рейс, секретарь французского отделения.

русского народа, еще 147 рублей было отдано Ланкастерской школе. Львиная доля средств, более 9600 рублей, ушла на то, чтобы помочь Чермаку, другу Розенштрауха, входившему в его ближний масонский круг, открыть школу в Москве. В России было мало государственных школ, а частные учителя стоили дорого, поэтому состоятельные русские родители часто отправляли своих детей в частные школы, которыми руководили иностранцы. Школа Чермака стала главным благотворительным предприятием ложи. Согласно отчету, она обеспечивала образование, проникнутое масонскими идеалами, сыновьям членов ложи и восьми нуждающимся мальчикам (четырем немцам и четырем русским), чьи расходы оплачивала ложа. Школа под руководством Чермака процветала вплоть до его смерти в 1844 году и стала одной из самых уважаемых частных школ Москвы. Самого Чермака любили за его великодушное отношение к ученикам; одним из выпускников, сохранивших о школе теплые воспоминания, был Ф. М. Достоевский [Федоров 2004: 97–114].

Как показывают примеры Беттигера и Чермака, ложа поддерживала начинания своих членов в «профанном» мире. В свою очередь, масоны применяли свои умения и таланты на благо ложи. Розенштраух продавал масонскую атрибутику, нужную его другу Баратаеву для его ложи³⁸; наверняка для своих лож он делал то же самое. Композитор Шольц музицировал на собраниях, а пастор Беттигер, опытный проповедник, до своего отъезда в Одессу часто выступал в ложе. В недатированном документе Розенштраух хвалит Чермака, бывшего театрального художника, за его «замечательное усердие в украшении ложи». Этот документ также дает редкую возможность оценить роль жен в этой мужской среде: офицеры ложи выразили свою благодарность «нашей сестре фрау Чермак, которая изготовила безвозмездно все одеяния, и даже все относившееся к украшению ложи, жертвуя своим ночным отдыхом, и несмотря на ее обязанности матери и домохозяйки»³⁹.

³⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 2, 5 об.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 36 об., 39 [sic — листы пронумерованы неверно].

Секрет вольных каменщиков

Одной из главных функций Розенштрауха как мастера стула было ознакомление прочих членов с масонским учением. Поскольку свободного времени у него было мало, он не сочинял свои речи сам, а пользовался выдержками из книг, которые находил важными и значимыми. Знали ли его слушатели, что он так поступает? В записях его речей не указано, что слова принадлежат другим авторам; тексты, которые он использовал, были не особенно известны; и, если только он не заучивал свои речи наизусть (в конце концов, он был ветераном сцены), братья видели, что он читает по бумажке, исписанной его собственным почерком, а не по книге. Но мы не знаем, делал ли он устные пояснения от себя и насколько слушатели ждали от него оригинальности.

В исходных текстах его речей содержались господствующие идеи немецкого Просвещения. В них осуждалось классовое и религиозное неравенство, но принималась религия как таковая, и залог лучшего будущего виделся в нравственном воспитании личности, а не в политических переменах. В них редко упоминалась политика, а если упоминалась, то Розенштраух обычно эти места опускал, вероятно, чтобы избежать осложнений с правительством. Например, в речи об истории масонства, позаимствованной у прусского теолога Людвиг Августа Келера, он пропустил отрывок, где происхождение масонства возводится к стремлению «просвещенных людей» в Англии XVII века «защититься от тирании правительства и церкви». Точно так же, повторяя речь, произнесенную ранее в ложе в Германии, он сохранил общую критику оригинального автора в адрес поспешных социальных изменений, но опустил место, где тот в качестве примера называет Французскую революцию⁴⁰.

В выступлениях Розенштрауха излагалась последовательная теория о происхождении и назначении масонства. В речи, которую он взял у Келера, он рассказал, что люди, следуя универсаль-

⁴⁰ Речь из Келера см.: НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 171–172 об.; [Kähler 1814: 4]. Речь, произнесенная в Германии: НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 121 об.; [Installationsfeier 1830: 139].

ному принципу, согласно которому подобное ищет подобное, с незапамятных времен объединялись во враждующие семьи, народы и сословия. В результате «насилие, мародерство, кровопролитные войны, мятежи [и] заговоры образуют устрашающую нить» истории. Пользуясь терминами, близкими к политической риторике войн Французской революции, он заявил, что «патриотизм, героизм, религиозность, пагубный эгоизм и фанатизм — это те побуждения, которые превращают землю в арену жестокой борьбы между возмущенными народами». Перед лицом такой ненависти и раскола силам единства пришлось нелегко. Философы всех времен понимали сущностное единство человечества, но мало кто постиг их учения. Религия указала путь к высшей истине, но человек превратил религию в «служанку своих страстей» и орудие господства, что было очевидно из «расколов и вражды», которые преследовали христианство «с самого начала». Миссия масонства состояла в том, чтобы исцелить расколотое человечество. Научив немногих избранных любить друг друга, оно подготовило весь род людской к принятию объединяющей вести Христа⁴¹.

К этой теме он вернулся в речи, основанной на статье Г. Чокке, известного прусского либерала, эмигрировавшего в Швейцарию. Статья представляла собой обзор Древнего мира и Европы вплоть до времени ее написания, а масонство определялось в ней как проявление бесконечного поиска человеком нравственности и истины. Для своей речи Розенштраух выбрал отрывок, в котором излагался общий тезис Чокке. Читая между строк, можно понять, что это была полемика против попытки Французской революции создать республиканскую утопию. Потерянный рай, который человечество пытается вернуть, цитирует он Чокке, — это полное и всеобщее равенство:

Все народы, невзирая на различие цвета кожи, языка, конституции, религии и политического устройства, растворились в едином сообществе братьев и сестер; все свободны

---

⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 171–172 об.

от предубеждений, касающихся места, сословия и профессии... телом и духом не покоряются никому, кроме Отца духов.

Попытка насильственно восстановить этот потерянный рай — бессмысленная затея, ибо «дух человечества созревает *медленно...* не в *теплицах*, которые пытается изобрести *человеческий* разум». Истинные герои истории — те, кто без шума несет свет во тьму, пусть даже внешне они подчиняются господствующему порядку. Древние мистические культы разработали «речи, знаки и обычаи», которые вели посвященных к истине. И со временем переменялось общество в целом: «То, что было в древности содержанием египетских или греческих мистерий, стало теперь *общим достоянием* всех культурных народов, — вера в единобожие и бессмертие; ибо человеческий род в целом идет *вперед*, даже если некоторые пятятся *назад*»⁴².

Чтобы полностью восстановить в себе человеческое начало, нужно преодолеть придуманные людьми различия, будь то социальные, национальные или религиозные. Последнее было особенно важно для Розенштрауха. Перефразируя писателя эпохи Просвещения А. Книгге, он осуждал «лжебогословов и верные им полчища фанатиков-мирян», которые в прежние времена преследовали своих собратьев-христиан из-за вопросов «догматической софистики»⁴³. Это были расхожие постулаты Просвещения, но Розенштраух шел дальше и требовал также уважения к нехристианам. Клятва «благодетельных рыцарей» обязывала их «соблюдать и заставлять [других] соблюдать законы *истинной христианской любви* ко всем людям, к *какой бы* вере они ни принадлежали»⁴⁴. Ту же мысль Розенштраух делает темой одной из своих речей. Ее источником послужил текст,

⁴² НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 95–96; Schicksale der Freimaurerei in Europa: Ein geschichtlicher Umriss, в [Zschokke 1825–1828, 5: 344, 346–348]. Цит. по: [Мартин 2015б: 104].

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 149–149 об.; [Knigge 1786: 5–7].

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 40–40 об.

в котором поэт Х. К. Л. Зенф восхвалял современное общество за то, что оно ценит деятельную благотворительность выше аскетизма ранних христиан. Помимо прочего, Зенф пишет, что человека, который помогает нуждающимся, «с радостью и всепочтением / назовут, как встарь, святым» [Senf 1788: 2–3]. Розенштраух видоизменил эту строку, заменив христианскую святость масонской религиозной терпимостью: того, кто помогает нуждающимся, «будь он христианином, турком, евреем или язычником, однажды примут сюда [в масонскую ложу] с радостью и назовут братом»⁴⁵.

Цель масонства Розенштраух видел в том, чтоб научить людей видеть их общую человечность. Цитируя Чокке, он провозглашает:

*В этом секрет вольных каменщиков; по правде говоря, его нельзя передать словами. Его нельзя передать за несколько часов простым наложением рук. <...> О нем можно говорить вслух, не опасаясь раскрыть его несведущим. Он не в чувствах, не в научных познаниях; он не имеет касательства к политике или религии. Для каждого он заключен в совершенствовании лично себя и всего рода своего*⁴⁶.

Ложа могла способствовать «самосовершенствованию» лишь в том случае, если держалась на должном расстоянии от «профанного» общества. Необходимо было избежать двух опасностей. Первая заключалась в размывании границ между ложей и профанным миром. Масоны должны были избегать чрезмерных усилий, направленных на реформирование общества в целом, ибо масонство — «это жизнь более *внутренняя*, чем *внешняя*, более *созерцание*, чем *действенность*»⁴⁷. С другой стороны, нельзя было позволять условностям внешнего мира вторгаться в ложу, так как «в профанном кругу, к сожалению, в порядке вещей искусство казаться. По негласному договору врут и обма-

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 115.

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 95 об.

⁴⁷ Цит. по: [Мартин 2015б: 105].

нывают друг друга, чтобы друг другу понравиться. С ложью о покорнейшем, преданнейшем, нижайшем слуге вступают в общество и покидают его»⁴⁸. Эти обычаи должны были быть исключены из внутренней жизни масонской ложи⁴⁹.

Вторая опасность состояла в преувеличении элементов ритуала и символики, отделявших масонов от профанного мира. Нельзя сказать, что Розенштраух в принципе возражал против этих аспектов масонства. На самом деле они играли заметную роль в его собственной масонской деятельности. Как мастер стула он носил особый передник с тремя голубыми звездочками и с голубым кантом и подбоем, а также особую медаль с изображением всевидящего ока. Хартия ложи предписывала, что он должен сидеть на стуле, установленном на возвышении под голубым балдахином с золотой отделкой. У него было личное масонское имя: *Eques a lilio convallium* — Рыцарь Ландыша [Отчет 1873: 55; Charter 2013: 2]⁵⁰.

У него также была сургучная печать с эмблемой, которая описывала его личное положение в масонстве (см. с. 338 рис. 12.2). Помимо документов это, похоже, единственная личная вещь Розенштрауха, сохранившаяся до наших дней. Его замысловатая символика, по-видимому, отсылает к степеням св. Иоанна, св. Андрея и капитула, а также к Шведскому уставу и Исправленному шотландскому уставу («Благодетельных рыцарей»). Инструменты каменщиков и архитекторов в верхних квадрантах счита символизируют высшие авторитеты масонства: справа — циркуль (символ Великого архитектора Вселенной) и наугольник (мастер стула); слева — уровень с отвесом (эмблемы первых и вторых стражей). Нижние квадранты относятся к иоанновским степеням: слева — сломанная колонна (ученик в Исправленном шотландском уставе); справа — Храм мудрости и добродетели (мастера).

⁴⁸ Цит. по: [Мартин 2015б: 105].

⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 96 об., 118.

⁵⁰ См. также: НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 24, 25; URL: https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx21l2u1m5f3bjp/Free_masonry%20text.pdf (дата обращения: 16.12.2023).

Рис. 12.2. Масонская печать Розенштрауха

Корона в Шведском уставе символизирует степени святого Андрея и капитула. Сам щит отсылает к степеням капитула, так же как два феникса — к Капитулу феникса Шведского устава в Санкт-Петербурге, членом которого был Розенштраух. Буквы A-R-S означают, возможно, *Art Royal Suédois* (шведское королевское искусство, то есть масонство), или «ars» (по-латыни «искусство»), или *Ambrosius Rosen Strauch*, а может быть, имеют все три значения [Серков 2020, 4: 504]⁵¹.

Хотя Розенштраух и признавал церемониалы и символику неотъемлемой частью масонства, он не переносил заявлений о том, что масонская истина содержится в оккультных книгах и символах, а не в гуманистической мудрости старейшин ложи. Это ошибочное убеждение, утверждал он, привлекало чудаков, одержимых «иероглифами и пыльными фолиантами», порожда-

⁵¹ Я благодарю Роберта Коллиса и Яна Снека за помощь в истолковании смысла эмблемы.

ло те же догматизм и нетерпимость, которыми страдали христианские церкви, и заставляло посторонних считать масонов глупцами и шарлатанами. Аллегорические символы в декоре лож, по его словам, были лишь пережитками той эпохи, когда язык не мог выражать абстрактные идеи и масоны были вольны толковать их по-разному. В речи, взятой из романа прусского пастора Карла Августа Рагоцкого, он вопрошает:

Делает ли каменщика более *совершенным* ученость? Увы, не в большей степени, чем ученого богослова более совершенным христианином. Христианину, как и каменщику, нужны только простые истины, которые они находят в откровении их документов, и сердце, готовое выполнять требования, которые в них содержатся!⁵²

Жадность до деятельности

Зима 1819–1820 годов стала поворотным пунктом в жизни Розенштрауха. Уже в 1807 году ходили слухи, что он готовится стать пастором [Жихарев 1989, 2: 84]. Возможно, с тех пор он лелеял эту мечту. Теперь его магазин процветал, и бразды правления можно было смело передать Вильгельму, зрелому мужу и отцу семейства; Элиза была замужем и хорошо обеспечена. Чего еще ждать?

Должно быть, он сказал себе, что время пришло. Во всяком случае, его оставалось мало. В 1818 году ему исполнилось 50 лет. В октябре 1819 года умерла Барбара Антонетта: он поддерживал с ней связь; по крайней мере, каждый из них знал, что происходит с другим, возможно, от кассельских родственников Кинена, мужа Элизы⁵³. «Кассельские полицейские и коммерческие ведо-

⁵² НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 96; Bruchstücke aus Franz Hell's maurerischem Leben // Jahrbuch der Maurerey. 1803. Bd. 6. S. 9–22.

⁵³ Возможна также связь через Хасслоха, директора театра, в котором Розенштраух вместе с Барбарой Антонеттой выступал в Касселе в 1790-х годах и с которым незадолго до того общался. В 1817 году в Москве появилось объявление с просьбой предоставить сведения о сыне Хасслоха, который

мости» поместили извещение о ее смерти, указав, что она была женой московского купца Розенштрауха. А в извещении, которое он или его друзья опубликовали два года спустя, он был назван вдовцом — и это после долгих лет молчания о его браке. Кончина Барбары Антонетты, возможно, напомнила ему о собственной смертности, но, поставив наконец точку в его неудачном браке, также открыла ему путь: ведь по закону пастором мог стать только человек с безупречной репутацией⁵⁴. Примерно в то же время, когда до него, предположительно, дошло это известие, он сам оказался на волосок от смерти. 8 января 1820 года он писал своему другу по масонству Баратаеву: «...уже несколько недель я болен, на краю могилы, в глубину которой я смотрю мужественно, без страха, как подобает христианину и вольному каменщику»⁵⁵.

Возможно, готовя себя к пасторской деятельности, он начал активно участвовать в управлении делами прихода своей церкви. В январе 1820 года он вступил в ее совет (новых членов которого назначали уже существующие) и стал казначеем приходской школы. Эта должность ему подходила, так как он умел обращаться с деньгами и интересовался вопросами образования. Он также преподавал в воскресной школе. Верный идеалам масонства и немецкого Просвещения, он считал, что главной целью образования должно быть не привитие академических знаний, а формирование здорового характера в соответствии с природными склонностями каждого ученика. Вероятно, именно поэтому мы находим его имя в списке подписчиков на труды И. Г. Пе-

---

служил в армии Наполеона в 1812 году и пропал без вести. Читателей, которым было что-либо известно о судьбе молодого человека, попросили прислать информацию Розенштрауху (Объявления // Московские ведомости. 1817. 21 марта. № 23. Ст. 664–665).

⁵⁴ Todes-Anzeigen // Casselische Policey- und Commerzien-Zeitung. 1819. 30 Oktober. № 87. S. 1642; Gestorbene // Ibid. 1819. 6 November. № 89. S. 1678; Schreiben aus Odessa, vom 20. August // Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. 1821. 19 September. № 150; [Sammlung 1821, 2: 1813].

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 9. Цит. по: [Мартин 2015б: 109].

сталоцци, знаменитого швейцарского педагога, который пропагандировал именно такой подход к педагогике [Fechner 1876, 2: 530–532, 535; Pestalozzi 1819–1826, 4: III]. Летом 1820 года, когда здание школы решили расширить, пристроив к нему третий этаж, он взял на себя руководство проектом. Согласно хроникеру школы, оратор, выступавший на церемонии перерезания ленточки в 1821 году,

в подробностях отдал дань разностороннему вкладу *Розенштрауха*: тот не только руководил всем процессом строительства, но и [помимо того, что пожертвовал 1000 рублей ассигнациями] воспользовался собственным капиталом, чтобы оплатить все расходы, которые не были покрыты благотворительными дарами [Fechner 1876, 2: 417].

Год спустя председатель церковного совета, его друг-масон Лодер, высоко оценил роль Розенштрауха в обращении к прихожанам:

Спросите всех служителей нашей церкви; спросите учителей нашей школы; спросите учеников, которым он каждое воскресенье разъяснял Евангелия и Послания; спросите бедняков нашего города и общины; прочитайте протоколы заседаний нашего церковного совета... и вы услышите громкий хор благодарности и благословения этому достойному другу человека и истинному ученику Спасителя! [Fechner 1876, 2: 119]

Главным препятствием на пути к пасторству была, конечно, его профессиональная неподготовленность. Лютеранская церковь была консервативным институтом, и пасторами в ней, как правило, становились молодые выпускники богословских факультетов университетов. Однако Александр I открыл необычные возможности. Все российские правители пытались распространить в своей империи европейскую цивилизацию. Уникальной особенностью правления Александра было то, что он поставил в центр этой миссии христианство без разделения на конфессии

и привлекал к ее осуществлению иммигрантов и иностранцев. Так, Российское библейское общество основал миссионер из Шотландии, а двое немцев-масонов из числа друзей Розенштрауха были назначены суперинтendenteм лютеранского духовенства среди немецких поселенцев в отдаленных районах: Беттигер — в Одессе, а Фесслер — на Волге⁵⁶. Возможно, все это заставило Розенштрауха задуматься о том, что огромная Российская империя нуждается в пастырской заботе помимо той, которую могут обеспечить обычные священники, а для такого человека, как он, — богатого и с хорошими связями — это стало бы и исполнением долга, и возможностью осуществить давнюю мечту.

В какой-то момент Беттигер пригласил его приехать в Одессу и стать пастором. В феврале 1820 года болезнь Розенштрауха возобновилась, и он чуть не умер. Именно этот рецидив, как позже сказал его друг Лодер, заставил его принять решение. 2 марта Розенштраух написал Баратаеву, что он чувствует себя «более, чем когда бы то ни было, жадным до деятельности»⁵⁷. Неделью спустя Фесслер, приехав в Москву, обнаружил, что «призыв Господа к Евангелию уже мощно действует» в Розенштраухе⁵⁸.

Тайная червоточина

Эти события в жизни Розенштрауха совпали с периодом политического кризиса, который глубоко затронул и масонство. С самого окончания Наполеоновских войн европейским правительствам всюду виделись революционные заговоры. Теперь эти опасения усилились. В 1819 году в Германии драматург Коцебу был убит либерально-националистически настроенным студентом за то, что служил России осведомителем о немецких делах. В январе 1820 года в Испании вспыхнула революция; в следую-

⁵⁶ См. ниже, с. 366–367.

⁵⁷ Цит. по: [Мартин 2015б: 109].

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 10–11; [Fessler 1854: 238; Fechner 1876, 2: 118].

щем месяце был убит сын наследника французского престола, а лондонская полиция раскрыла заговор, предполагавший убийство всего кабинета министров Британии. Летом того же года революции вспыхнули в Неаполе и Португалии. Все эти события подпитывались сходной идеологией, и последовавшие за этим полицейские и цензурные репрессии были тем более свирепыми, что правительства во всей Европе полагали (ошибочно), будто имеют дело с организованной атакой международных революционных сил. Соответствующим образом изменилась и политика Александра I: он стал гораздо менее благосклонно относиться к либеральным идеям и все чаще видел в гражданском обществе не союзника, а угрозу [Белоусов, Абдуллаев 2021: 52–56]⁵⁹.

В такой обстановке все тайные общества, включая масонские ложи, попадали под подозрение и вынуждены были доказывать свою лояльность. Уже в 1817 году О. А. Поздеев, весьма авторитетный деятель Великой провинциальной ложи (конкурировавшей с Великой ложей «Астрей»), предупредил ее филиалы, что Розенштраух подозревается в связях с революционным подпольем и им следует избегать каких-либо дел с его ложей. В январе 1820 года Розенштраух с одра болезни написал своему другу Баратаеву, что недавняя смерть московского генерал-губернатора Тормасова лишила его ложу главного покровителя и что он обеспокоен сменой руководства в Великой ложе «Астрей». «Астрей», на самом деле, приняла новый наступательный курс, больше не предоставляя широкого поля деятельности отдельным ложам, а, напротив, насаждая единообразие масонского учения и ужесточая управление сверху вниз⁶⁰.

Розенштраух дал волю своим чувствам в речи, которую произнес в ложе «Александра к тройственному спасению» 30 августа 1820 года. В этот обычно праздничный день именин императора и годовщины основания ложи он разразился обличительной речью о ее моральном упадке:

⁵⁹ О революционном движении 1820-х годов см. [Stites 2014].

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 9; [Серков 2000: 159, 217, 239–240].

В фундаменте нашего храма тайная червоточина. Тайный змей, — заявил он, — точит основание нашего храма. Со стыдом должны мы взирать на протекший год. Всякий непредвзятый взгляд может увидеть холодность и теплохладность братьев в сравнении с предыдущими годами.

Все меньше братьев приходило на собрания ложи, а благотворительные пожертвования сократились. У проблемы было имя: Алчность. Приходили новые братья и, озираясь по сторонам, спрашивали: «Что, собственно, я (получаю. — А. М.) за мой звонкий рубль?» «Если новый год с основания ложи начнется так же, и соответственно закончится — о, тогда лучше нам тотчас закрыть наш храм, — ибо тогда не получится так, что ложа пережила самое себя!!!»⁶¹

Он также написал официальное письмо в Капитул Благотельных рыцарей, верховный орган его масонской организации, в котором требовал объяснить,

...является ли руководствующий нами дух, *гуманным*, или еще того менее *каменищичким*? — Что же мне делать? Бороться с этим? — простому *гражданину* против мужей с высоким *положением и рангом*? <...> Нет, это, похоже, бесполезно, да и борьба за доброе дело может легко получить ярлык революции⁶².

Учитывая все это, он отказался от своей должности «на *тот срок*», пока «предводители лож» — предположительно, Великой ложи «Астрей» — не проникнутся истинно масонским духом братства⁶³.

В сентябре 1820 года он свернул все свои дела в Москве. 22 сентября он объявил на заседании церковного совета, что слагает с себя членство, так как «должен *на долгое время* покинуть Москву». Тремя днями позже офицеры ложи «Александра к трой-

⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 105 об. — 106. Цит. по: [Мартин 2015б: 105–106].

⁶² Цит. по: [Мартин 2015б: 106].

⁶³ НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 58–59. См. [Мартин 2015б: 107].

ственному спасению» приняли его отставку с должности мастера стула⁶⁴.

Эти события оставляют у нас ощущение дежавю. Сценарий 1809 года, когда он покинул театр, повторялся. В обоих случаях события были вызваны одновременно масштабными историческими тенденциями и личными обстоятельствами. Многие современники разделяли его религиозное пробуждение и утрату веры в нравственную силу сначала театра Просвещения, затем масонства. Обе его новые карьеры — продажа европейских предметов роскоши в Санкт-Петербурге и Москве, а потом проповедование Евангелия в Одессе — стали возможными благодаря вестернизации Российской империи, и оба раза его масонские сети давали ему контакты, позволяющие начать все сначала. Однако вполне возможно, что он не достиг бы ни того, ни другого поворотного момента без личных экзистенциальных кризисов, вызванных сначала гибелью сына, а затем его собственным столкновением со смертью и смертью его отчужденной жены. Для Розенштрауха, как и для всех людей, силы истории были неотделимы от превратностей частной жизни.

---

⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 40. Л. 77; НИОР РГБ. Ф. 147. № 340. Л. 54.

Часть IV

.....

ПАСТОР
В СТЕПЯХ
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

.....

Глава 13

Новороссия

Вскоре после 25 сентября 1820 года Розенштраух попрощался с родными и друзьями, сел в карету и уехал из Москвы¹. Пунктом его назначения был черноморский порт Одесса. Это была столица Новороссии, региона, название которого наводит на мысль о Новой Англии, Новой Франции (Канада) и Новой Испании (Мексика и Центральная Америка) — свидетельство того, что земли эти были завоеваны и колонизированы. Подобно Соединенным Штатам, с которыми его иногда сравнивали, это было место, куда стекались европейские эмигранты, в том числе немецкие колонисты, у которых Розенштраух и намеревался стать пастором.

Новороссия, ныне Причерноморский регион Украины, была степной территорией на стыке Европы и Ближнего Востока. До XVIII века это была малонаселенная ничейная земля, расположенная между тремя полузависимыми территориями, служившими буфером между Россией и Османской империей; одна из них, православное Войско Запорожское, была вассалом России, а православные Дунайские княжества (современные Румыния и Молдова) и мусульманское Крымско-татарское ханство — вассалами османов. Однако к 1812 году Россия, завоевав Войско Запорожское, Бессарабию (Молдову) и Крымское ханство, взяла

---

¹ Источник от августа 1821 года указывает, что Розенштраух приехал в Одессу «год назад»: Schreiben aus Odessa, vom 20. August // Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten, 1821. 19 September. № 150.

под контроль все северное побережье Черного моря [Davies 2016: 30–32, 38–43, 79–82, 211–216, 234–240].

Чтобы эффективно управлять новыми территориями и развивать их, России требовалось их заселить. Беглые крепостные из других областей империи перебирались туда сами, но правительство также проводило политику колонизации. Она была направлена на заселение земель как крестьянами-славянами, так и религиозными меньшинствами (евреями и православными сектантами), к которым в целом правительство относилось настороженно, зато они вполне годились для колонизации приграничья. Более выигрышным вариантом была иностранная иммиграция, благодаря которой население империи росло, а не просто перемещалось с места на место. Привлеченные обещаниями земли, свободы вероисповедания и правовых льгот, греки, румыны, сербы и другие христиане с Балкан, контролируемых Османской империей, мигрировали в Новороссию².

А главное, туда в большом количестве прибывали немцы. В основном это были переселенцы из небольших южных и западных княжеств Священной Римской империи, в которых после Семилетней войны царил экономическая разруха, а их правители, в отличие от правителей более крупных государств, не пытались или не могли помешать иностранным вербовщикам переманивать подданных. Немцы преобладали среди примерно 100 000 колонистов разных национальностей, поселившихся на юге и востоке европейской части России при Екатерине II (годы правления 1762–1796), а еще около 80 000 немцев в период с 1720-х по 1780-е годы перебрались в империю Габсбургов. Таким образом, в Восточную Европу мигрировало больше немцев, чем в Северную Америку, где между 1727 и 1775 годами поселилось около 100 000 немцев [Bartlett, Mitchell 1999: 96, 98; Grubb 2011: 18; Bartlett 1979: 58, 189].

В результате колонизации в Причерноморье появились сообщества огромного культурного богатства и разнообразия. В от-

---

² См. [Davies 2016: 216–219; Herlihy 1986: 15–17, 24–34; Kardasis 2001: 11–34; Urry 2007: 63–74; Bartlett 1979: 19–20, 47–48, 188–189].

личие от эмигрантов в Северной Америке, здесь поселенцы, как правило, не сливались в единую нацию [Herlihy 1986: 33; Urry 2007: 83–66; Maxwell, Davis 2016: 7–8]. Со временем это привело к трагическим последствиям. В конце XIX века, когда Российская империя и империя Габсбургов погрузились в кризис, население этого региона оказалось втянутым в водоворот межнациональных конфликтов, вылившихся во время Второй мировой войны в убийства и массовую высылку целых народов.

Но осенью 1820 года у Розенштрауха не было никаких оснований предвидеть столь мрачное будущее. Личная одиссея приводила его к участию в строительстве Российской империи уже в третий раз. Будучи актером и коммерсантом в Санкт-Петербурге, он помогал превратить этот прибалтийский форпост в истинное «окно в Европу». Как московский купец и масон он способствовал вестернизации центральной части России. Теперь путеводная звезда вела его в Одессу, чтобы он принял участие в укреплении могущества империи на далеком черноморском пограничье.

Путь к Черному морю

Розенштраух по своему обыкновению не записывал дорожных впечатлений, поэтому мы не можем точно сказать, каким путем он добирался до Одессы. Из официального справочника почтовых маршрутов он мог узнать о существовании дороги длиной 1560 $\frac{3}{4}$ верст, которая вела через Киев [Дорожник 1824: 29, 157]. В этом городе в 1820 году (точная дата неизвестна) он стал почетным членом масонской ложи [Серков 2020, 4: 96]. Заезжал ли он по пути в Киев, чтобы вступить в ложу? Может быть. Однако, учитывая расстояние, время года и его спешку, кажется более вероятным, что он выбрал кратчайший маршрут, пролежавший южнее Киева. Протяженность этого маршрута составляла около 1382 верст, а время в пути составляло 12–14 дней [Дорожник 1824: 6, 13–14, 22, 27, 19, 30–31; Handbook 1839: 269]. (См. карту 13.1.)

Мы не знаем, когда он отправился в путь, но, вероятно, ему хватило благоразумия, чтобы не медлить. Осенние дожди вскоре

Карта 13.1. Путь из Москвы в Одессу

превратили бы дороги в грязь, а ледостав затруднил бы движение паромов на речных переправах. В 1820 году такая погода, с зимней смесью снега и дождя и атаками сильного мороза, установилась в местах его следования к середине октября. Даже при благоприятных условиях путь был нелегким. Британцу У. Джесси, который путешествовал в противоположном направлении в июне 1840 года, посоветовали взять с собой мешок, набитый соломой, потому что, за исключением нескольких городов, «нигде между Одессой и Москвой не было ни малейшей надежды отыскать ночлег». «Мы собирались в путь так, — ворчал он, — будто готовились разбить лагерь на [американском] дальнем Западе, а не путешествовать по стране, которая столь громко заявляет о своих притязаниях на место в ряду самых цивилизованных наций Европы» [Jesse 1841, 2: 10–11; Гераков 1828, 2: 86–105].

Покидая Москву, Розенштраух получил последнюю возможность полюбоваться панорамой древней столицы России с близлежащих холмов. Затем он повернулся к ней спиной и направился на юг. Вскоре он миновал дворянские поместья за городом и выехал на открытый простор. Больше он никогда не видел Москвы³.

Соотечественник Розенштрауха, пруссак Ф. Раупах, уже послужил нам одним из проводников по дороге из Санкт-Петербурга в Москву. Но путешествие Раупаха 1804 года не закончилось в Москве: он ехал дальше, на юг, в том же направлении, что Розенштраух в 1820 году. «Чем дальше мы продвигаемся отсюда [из Москвы] вглубь страны, — писал Раупах, — тем беднее» становились крестьянские деревни [Raupach 1809: 94], где он вынужден был ночевать при отсутствии постоянных дворов. В районе Тулы, расположенной в 185 верстах от Москвы, серые почвы Центральной России сменились жирным черноземом, благодаря которому юг России сделался житницей империи. Для местного населения этот земледельческий рай был сомнительной радостью, так как давал возможность дворянам держать крупные хозяйства, где крепостных принуждали выращивать товарные культуры для живущих в городах помещиков. «Красивые и плодородные ре-

³ Дорогу из Москвы описал Ф. Раупах [Raupach 1809: 92–93].

гионы, по которым мы путешествуем, — писал Раупах, — резко контрастируют с бедностью их жителей», а «блага, которые дарит здесь земледельцу чрево природы, стекаются в закрома лишь немногих» [Raupach 1809: 95]⁴.

Розенштраух, по-видимому, следовал тем же маршрутом, что и Раупах. Если, проезжая через Тулу, он смотрел в окно, то видел городской кремль — напоминание о том, что он приближается к окраине Центральной России. Дорога, по которой он ехал, была стратегическим коридором от Москвы до Черного моря. Тульский кремль был призван останавливать захватчиков с юга, таких как самозванец Лжедмитрий со своими восставшими казаками в 1605 году, или крымские татары, которые ранее совершали набеги на деревни в России и Польше, чтобы поставлять живой товар на ближневосточные невольничьи рынки. По некоторым оценкам, между 1500 и 1700 годами татары увели в плен не менее 2 млн человек, что сопоставимо с африканской работорговлей того же периода. В XVIII веке, на который пришелся пик африканской торговли людьми, российские власти постепенно положили конец татарским набегам, но еще в 1769 году, уже при жизни Розенштрауха, татарский отряд совершил крупный набег, уведя около 20 000 пленников. К счастью, к 1820 году подобные вторжения остались в прошлом. Теперь по этой дороге перемещались товары и люди из всех уголков Российской империи: один французский путешественник писал, что видел на ней дорогие меха, которые везли с Камчатки в Константинополь, православных паломников, шедших к киевским святыням, и этапы каторжников на пути в Сибирь [Kołodziejczyk 2006: 151–152; Kizilov 2007: 7, 31; Lagarde 1824: 11, 17, 21].

Из Тулы Розенштраух продолжил путь на юго-запад и, проехав 188 верст, оказался в Орле. Здесь было мало лесов, столь распространенных в Центральной России, и находился крупный евразийский водораздел. Орел был обращен на север и восток, поскольку он лежит в бассейне Оки. Ока, приток Волги, связывает Центральную Россию с Балтийским и Каспийским морями

⁴ См. также [Jones 2013: 71, 76; Raupach 1809: 103].

и Уральскими горами, то есть с Азией и Северной Европой. Следующий крупный город, Курск, на 152 версты южнее Орла, был развернут на юг. Оставшийся путь проходил через бассейны рек, которые несли людей и товары к Черному морю, Ближнему Востоку и Средиземному морю. Поскольку до 1794 года, когда была основана Одесса, в регионе не было прямого и надежного морского выхода для экспорта зерна, здесь было меньше крепостных хозяйств, чем в более северных областях. Курск был поворотным пунктом и в других отношениях. Леса по дороге теперь чередовались с лугами, говорившими о близости степи. Курская губерния была последней областью, где большинство населения говорило по-русски, а крепостное право имело глубокие корни. Проехав еще 201 ½ версту до Харькова, он оказался в украиноязычной стране, где крепостное право было установлено совсем недавно. Украинцы («малороссы») походили на русских в том, что тоже говорили на восточнославянском языке и исповедовали в основном православие, но при этом были склонны считать себя более вольнолюбивым и цивилизованным народом. Это мнение разделял британский путешественник У. Макмайкл: украинская крепостянская хата, по его мнению, отличалась

...духом уюта, непринужденности и сравнительного достатка, намного превосходя убожество изб, в которых мы обычно останавливались после того, как выехали из Москвы. Это превосходство не ограничивается жилищами, но удивительным образом отличает самих жителей Малороссии, которые внешне напоминают татар и носят только усы, а не густую бороду, подобно северным хамам [крестьянам] [Macmichael 1819: 38]⁵.

⁵ Описание местности между Тулой и Курском см. в [Macmichael 1819: 34–35; Raupach 1809: 103; Jones 2013: 76–79, 216]. См. также: Большой советский атлас мира. 2 т. Т. 1. М., 1937–1940. С. 123–124 («Растительность европейской части Союза ССР»). О языковой границе между Россией и Украиной см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи: 1897 г.: Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Demoskop Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=76 (дата обращения: 16.12.2023). О чувстве превосходства украинцев над русскими см., например, [Никитенко 1904: 5–6, 27, 31; Винский 1914: 23–25, 28].

В 140 верстах к юго-западу от Харькова находилась Полтава. Розенштраух теперь оказался в Гетманщине, бывшем казацком государстве, служившем России буфером против османов и крымских татар. На его пути лежали еще два подобных образования: Новая Сербия, заселенная колонистами с Балкан, и Войско Запорожское. Все три земли были автономны до 1770-х, когда Екатерина II положила конец их самоуправлению [Davies 2016: 214–217].

В 230 верстах пути на юго-запад от Полтавы, у Елизаветграда, дорога сворачивала на юг, в степи Новороссии. На самом деле это была вовсе не дорога, а, по словам путешественника Уильяма Джесси, «просто колея, отмеченная верстовыми столбами»: она «проложена в грунте колесами множеств повозок», и многие экипажи «сами выбирают себе путь, на сотню ярдов, а то и на полмили» отклоняясь от трассы «по усмотрению лошадей или кучера» [Jesse 1841, 2: 67]. Сама степь, пастбища, простирающиеся от Восточной Европы до Монголии, была не похожа ни на что, когда-либо виденное Розенштраухом. Американцы того периода описывали Великие равнины Соединенных Штатов по-разному: то как изобильный «Сад мира», то как «Великую американскую пустыню». Точно так же современники расходились во мнениях о степях Новороссии. Писательница К. А. Авдеева превозносила их как «благословенную сторону» с «умеренным, благорастворенным» климатом, где водятся огромные стаи журавлей, куropаток, пеликанов, аистов, гусей и уток [Авдеева 1842: 82–83.] Мемуарист В. А. Инсарский, с другой стороны, вспоминал: «Степи эти просто давили меня своей безжизненностью» [Инсарский 1898, 1: 218]. Шотландскому путешественнику Р. К. Портеру степь также показалась безрадостной. «Никакое земледелие, — писал он, — не разнообразило облик степи. Это было сплошным бесконечным пастбищем для бесчисленных стад крупного рогатого скота, овец и лошадей. <...> Как ни была она широка, как ни кишела животными, путешественник здесь чувствовал одиночество, как в пустыне» [Porter 1821–1822, 1: 5]⁶.

⁶ См. также [Allen 1985: 211–212].

От Елизаветграда до Николаевского порта было 165 верст. Затем дорога сделала последний поворот. Теперь она шла через бывшие османские земли, аннексированные Россией в 1774 году, и тянулась 121 версту на юго-запад вдоль побережья Черного моря до Одессы.

Розенштраух приехал в Причерноморье в период, когда степь меняла свой облик в результате колонизации и притока новопривывших. Для кого-то из них это была земля свободы. Правительство было заинтересовано в поселенцах, поэтому сквозь пальцы смотрело на беглых крепостных и других нелегальных пришельцев; даже в 1850-е годы крепостные составляли только четверть жителей Новороссии, тогда как в Центральной России — половину. Других новопривывших привлекала возможность изменить образ жизни. Евреи в Российской империи были скучены на бывших польско-литовских землях, где проживали в бедных поселках, называемых местечками, и образовывали компактную религиозную и этническую общину. Правительство Александра I хотело заселить степь, а также разрушить традиционную культуру местечек, поэтому поощряло евреев в Новороссии заниматься сельским хозяйством. Но для кого-то Новороссия стала местом порабощения. Дорога Розенштрауха проходила через основную территорию, на которой Александр I основал «военные поселения», — подчиненные армии деревни, где солдаты занимались сельским хозяйством наравне с крестьянами. Таким образом император намеревался сократить военные расходы, внедрить современные методы земледелия, сделать жизнь солдат более гуманной и цивилизовать крестьян с помощью военной дисциплины. Однако на практике военные поселения потерпели экономическое фиаско, жители их ненавидели и постоянно бунтовали⁷.

В географических названиях Новороссии отражались как древние пласты истории, так и разнообразные устремления ее

⁷ В конце 1850-х годов крепостные составляли 25% населения в Новороссии, 53% в Центральном промышленном районе и 46% в Центральном сельскохозяйственном районе. См. [Blum 1961: 423]. Закон о проживании евреев см. в ПЗС (Собрание первое), т. 28, №. 21547 (9 декабря 1804), с. 733. О военных поселениях см. [Hartley 2008: 190–208].

новых правителей и поселенцев; в этом она напоминала американский Запад. Новые еврейские поселения между Елизаветградом и Николаевом получали такие названия, как, например, Израйловка. Старые тюркские названия вблизи побережья — Янчокрак, Тилигуль — напоминали о татарском прошлом региона. Новоизобретенные греческие топонимы, такие как Одесса, выражали идею Екатерины II о том, что Новороссия, в состав которой входили древнегреческие колонии, могла бы стать для России мостом к Средиземноморью. Чуть западнее Одессы находилась колония Гросслибенталь (букв. «Великая долина любви»), где ожидали Второго пришествия немецкие сектанты [Зорин 2001: 31–64; Alber 1897: 17].

Шотландец Роберт Лайалл, побывавший здесь двумя годами позже Розенштрауха, описывает последний отрезок пути. Он проехал «Вормс, небольшую немецкую колонию, и Малый Буяльск, в котором, говорят, проживает много болгар, но, как мы обнаружили, населенный в основном евреями». Далее он пишет:

Дорога вела нас мимо голых скал, по вязким пескам вдоль залива; мы въехали в пригород Одессы, миновав ряд колонн, образовывавших заставу. Здесь стоял казак-патрульный, который забрал наши подорожные, но потом вернул, занеся наши имена в регистр. Долгая поездка через пригород под названием Пересыпь привела нас к довольно крутому холму, на который мы поднялись между двумя колоннами, называемыми Херсонской заставой, и въехали в город Одессу [Lyall 1825, 1: 156].

Одесса

Одесса была оживленным городом. В 1826 году здесь проживало 33 000 человек; десятилетие спустя население выросло до 54 000. Это была резиденция генерал-губернатора Новороссии, а из одесского порта отправлялось две трети всего зерна, которое Россия экспортировала через Черное море. Р. К. Портер в 1817 году прибыл в город к ночи, однако, пишет он, он «мог различить широкие улицы, просторные дома, многочисленные церкви, ряды

складов, сотни тягловых волов, отдыхающих на площадях, и пустыри, еще не застроенные зданиями» [Porter 1821–1822, 1: 6]⁸.

Одесса представляла собой южный аналог Санкт-Петербурга: судоходство и иммигранты связывали ее с Черноморьем и Средиземноморьем так же, как Санкт-Петербург — с регионом Балтийского и Северного морей. Однако атмосфера в этих двух городах была разная. В Санкт-Петербурге царили всепроникающий порядок и иерархия, поскольку большая часть общества была прямо или косвенно связана с императорским двором. В Одессе не было столь значимого центра, поэтому общество там дробилось на балканизированные этнические сообщества, а повседневная жизнь была более свободной. Небольшой пример: в Санкт-Петербурге запрещалось курить в общественных местах, в то время как в Одессе можно было курить сколько душе угодно [Herlihy 1986: 129–130].

Два русских дворянина, проезжавшие через Одессу буквально за несколько недель до приезда туда Розенштрауха, записали свои впечатления от города. Один из них, Г. В. Гераков, увидел в Одессе вульгарный город выскочек, объединенных только капиталистическими амбициями:

...мне Одесса весьма не нравится; все что-то не Русское, — записывает он в дневнике; — кажется, можно утвердительно сказать, что со всех стран света стеклись люди *смышленные* с пустыми кошельками, а ныне, что за дома у них, что за лавки, кареты! и жены их неграмотные, в нарядах богатых и со вкусом!

В местных жителях нет чувства общественного или национального единства:

...тут, кажется, один другому не доверяет, один другого боится, один другого остерегается... Нельзя сказать, на каком наречии говорят в Одессе: на улице, слышишь Русский язык, Греческий, Италианский, Французский, Еврейский, Немецкий [Гераков 1830: 68–69, 77–78].

⁸ См. также [Kardasis 2001: 46–48; Скальковский 1837: 266; Jones 2013: 216–217].

Вторым путешественником был молодой Пушкин, описавший Одессу в «Евгении Онегине». В отличие от Геракова, Пушкин пишет о средиземноморском колорите города и пестром переплетении национальностей с радостным любопытством:

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый...
[Пушкин 1959–1962, 4: 188]

Розенштраух, похоже, воспринял Одессу примерно так же, как Пушкин. Такое впечатление складывается у нас из его письма к детям — единственного подобного письма, дошедшего до нас, — которое он написал в мае 1821 года. В нем он пытается передать экзотический, многонациональный, «южный» колорит города. На дворе только весна, погода, пишет он, уже очень жаркая. Для укрепления здоровья он ест апельсины, а в последнее время начал купаться в море. В Москве, как мы видели, он призывал своих братьев по ложе почитать любого хорошего человека, «будь он христианином, турком, евреем или язычником». Теперь он проявляет такую же терпимость, описывая пляж в Одессе: «Здесь купаются все, большинство по два раза в день, без особого стеснения, мужчины и женщины вперемешку. Евреи, турки, греки, короче говоря, все 19 наций, которые пестрой смесью населяют Одессу»⁹.

Немецкие колонисты

Розенштраух приехал в Одессу, чтобы стать пастором у немецких колонистов. Это были его соотечественники, но путь, которым они сюда попали, был совершенно не похож на его собственный. Розенштраух принадлежал к тем представителям среднего

⁹ НИОР РГБ. Ф. 147. № 341.11. Л. 60. См. также [Мартин 2015б: 118].

класса из северной и восточной Германии, которые тонкой струйкой просачивались в Россию, чтобы самостоятельно искать там счастья в городах или в высшем обществе. Колонисты, напротив, были крестьянами и ремесленниками с юго-запада немецких земель и переселялись в приграничные районы России большими группами. Имперский режим ожидал, что такие люди, как Розенштраух, принесут западную культуру высшим классам России, а колонисты станут образцом западного сельского хозяйства и ремесленничества для простого народа [Sunderland 2006: 116–117; Brandes 1993: 149; Davies 2016: 83].

Бедность и религиозное противостояние долгое время вынуждали жителей юго-западной Германии и соседних Швейцарии и Эльзас-Лотарингии эмигрировать. В Россию им нужно было добираться, как правило, сложным маршрутом: более 2000 километров вниз по Дунаю, через территорию Габсбургов и Османской империи. Их численность в Новороссии росла: с 5500 в 1796 году до 85 600 в 1834 году и 138 800 в 1858 году. Они также селились в Поволжье и на Кавказе. Среди них были католики и протестанты самых разных конфессий — лютеране, реформаты, моравские братья (гернгутеры) и меннониты, а также «сепаратисты» из королевства Вюртемберг на юго-западе Германии. Последние были лютеранами, которых довели до крайних взглядов бедность, Наполеоновские войны и вдохновленные Просвещением церковные реформы. Убежденные в том, что они живут под властью Антихриста, они откололись от лютеранской церкви и отправились в Россию. Там они надеялись найти убежище на Кавказе и дожидаться Второго пришествия Христа, которого ожидали в 1836 году. Однако некоторые в итоге остались в Новороссии [Brandes 1993: 20–21, 61–62, 88–93; Kabuzan 1990: 78].

Первые колонисты в Новороссии столкнулись с большими трудностями, пытаясь построить новые общины и закрепиться в незнакомой среде региона. Отголоски этих тягот слышны в «Истории лютеранской церкви Одессы» Ф. Бинемана, опубликованной в 1893 году. Бинеман был профессиональным историком и основывал свой труд на официальных документах, но как уроженец близлежащей немецкой колонии и сын одесского па-

сторона он, должно быть, слышал и немало устных рассказов о прежних временах [Brandes 1993: 205–215; Gottzmann, Hörner 2007, 1: 239]. При Александре I, пишет он, общественные связи среди новоприбывших были слабыми и хрупкими. Он ссылается на некоего заезжего гостя из Германии, находившего, что «между ними [немцами в Одессе] невозможен никакой союз, и как бы они сами от этого ни страдали, они обижают и портят жизнь друг другу всеми возможными способами» [Bienemann 1893: 51; Мартин 2015б: 114]. Религиозная жизнь в те дни была свободной и стихийно экуменичной. На всех «евангелистов» — по-немецки это слово просто означает «протестанты» — в Одессе был один пастор, а если его не было на месте, они обращались по поводу крестин и похорон к католическому священнику. Во многих сельских колониях вообще не было пастора. Разводы были обычным явлением, секты процветали, а религиозная идентичность была нечеткой. Согласно архивным документам,

многие протестанты переходили в католическую церковь, а католики, наоборот, становились протестантами. <...> То поселенцы из Глюксталя отказываются от присяги, якобы противоречащей их совести, то мы узнаем о целом деле против вормских колонистов, якобы занимавшихся алхимией [Bienemann 1893: 99]¹⁰.

Это были типичные для колонизируемой территории проблемы роста. Не было ничего необычного в том, что аванпосты поселенцев отличались буйными нравами и сопротивлялись властям, или в том, что люди, чей религиозный неконформизм загнал их на отдаленную границу, следовали неортодоксальным учениям и образу жизни. Немецкие сектанты в колониальной Америке жили в похожих условиях [Fogleman 2013: 49].

Но с точки зрения российского правительства это была кризисная ситуация, требовавшая решительного реагирования. Как и другие правители своего времени, Александр I считал, что государство должно использовать религию — не только господ-

¹⁰ Цит. по: [Мартин 2015б: 114].

ствующую церковь, но и религиозные меньшинства — как орудие социального контроля. Во Франции при Наполеоне действовало министерство, контролировавшее духовенство всех религий; в 1817 году Россия и Пруссия создали у себя аналогичные министерства для координации всей религиозной жизни и государственного образования. В России оно называлось Министерством духовных дел и народного просвещения; во главе его был поставлен князь А. Н. Голицын. Под его руководством российская лютеранская церковь должна была создать в степи сеть общин и навести порядок в непокорных колониях [Werth 2014: 52–53].

Лютеранское духовенство не было подготовлено к такой миссии. Пасторы в большинстве своем были сыновьями священников, окончившими университет, и вся их карьера была связана с церковью. Такие люди желали иметь постоянную оплачиваемую должность, что было возможно в первую очередь в остзейских губерниях, Санкт-Петербурге и Финляндии, основных районах проживания протестантов в России. В остальной части империи (не считая поволжских колоний) в середине 1820-х годов насчитывалось всего 38 церквей, где служил постоянный пастор. Как и многие учреждения в России, лютеранская церковь была перегружена работой. Можно было, конечно, назначить пасторов по совместительству из местных мирян, но церковь предпочла этого не делать. Вместо этого отдаленным общинам приходилось довольствоваться редкими визитами разъездных пасторов, которые в некоторых случаях отвечали за целые губернии¹¹.

Когда в 1803 году началась основная волна иммиграции в Новороссию, в регион был назначен только один пастор, Иоганн Генрих Кристиан Пфферсдорф. К 1811 году перед ним встала невыполнимая задача — окормлять более 5000 душ в широко разбросанных сельских колониях [Schenk 1901: 6–7; Alber 1897: 17]. Чтобы найти новых священников, было испробовано несколько стратегий.

¹¹ О профессиональных путях пасторов см. личные дела в: РГИА. Ф. 828. Оп. 1 доп. Д. 37. «Послужные списки евангелических проповедников за 1826 г.». 38 церквей включают в себя все приходы в Московском и Санкт-Петербургском консисториальных округах, где по состоянию на 1826 год имелись пасторы. См. [Busch 1867, 1].

В 1809 году генерал-губернатор Новороссии герцог де Ришелье попросил министра внутренних дел А. Б. Куракина прислать ему трех лютеранских и четырех католических священников. Они должны быть выходцами из родных регионов колонистов, писал он; необходимо, чтобы они «собственным поведением могли бы подавать пример в благонравии новым поселенцам, и, соображаясь с отечественными их обычаями, наставлениями своими сокращать их легкомыслие»¹². Консул России во Франкфурте, на которого была возложена эта задача, счел невозможным выполнить просьбу Ришелье. Он сообщил, что Французская революция привела к резкому сокращению среди немецкоязычных католиков во Франции и Германии числа желающих стать священниками. Что касается протестантских священников, которым обычно приходилось содержать семьи, то здесь камнем преткновения были деньги. Россия предлагала им сельскохозяйственные угодья и скромное жалованье, но жалованье это было рассчитано только на десять лет, после чего, как ожидалось, община сможет сама содержать пастора. Потенциальные кандидаты, однако, предпочли бы оставаться на жалованье, так как не верили в надежность заработков и добрую волю колонистов. Возможно, свою роль играл и вопрос статуса, поскольку в Германии на пасторов, которым приходилось заниматься сельским хозяйством, коллеги смотрели как на неотесанную деревенщину [La Vora 1988: 327–328]¹³.

После этой неудачи преемник Куракина на посту министра внутренних дел О. П. Козодавлев обратился к моравским братьям — немецкой пиетистской церкви, миссии которой действовали на широком пространстве вплоть до Волги и Карибского бассейна. Эта попытка также ни к чему не привела¹⁴.

В конце концов власти Новороссии перестали надеяться на Германию и начали зазывать к себе священников из других обла-

¹² РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 74 об. Ришелье — Куракину, 6 ноября 1809 года.

¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 78–80. Симон Мориц фон Бетман — Куракину, 20 января / 1 февраля 1810 года.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 154 об. Козодавлев — Ришелье, 29 мая 1811 года.

стей Российской империи. К 1813 году Ришелье набрал восемь католических священников из иезуитского коллегиума в Полоцке, а у пастора Пферсдорфа появилось шесть новых коллег: собрат Розенштрауха по масонству Беттигер и пятеро лютеранских пасторов из Финляндии. Католические священники, похоже, хорошо приспособились к своему новому окружению, чего нельзя сказать о лютеранских пасторах. В отличие от католиков, им пришлось столкнуться с религиозной рознью сектантов; к тому же между финскими пасторами и прихожанами из Германии и Швейцарии, по всей вероятности, возникали культурные и диалектные барьеры — именно эту проблему предвидели власти, когда пытались нанять пасторов в Германии. Пферсдорф, чей источник дохода теперь сократился всего до одной колонии, умер в бедности в 1819 году. Беттигер в 1814 году уехал в Москву. Из пяти финляндцев преуспел только Адольф Фридрих Гранбаум, прослуживший в Новороссии до 1844 года. Он единственный приехал из Старой Финляндии (Выборгская губерния), которая принадлежала России с 1721 года и где преподавание в школах велось на немецком языке [Киуно 1993: 30]. Остальные были выходцами из Великого княжества Финляндского, которое Россия отобрала у Швеции только в 1809 году, и получили образование на шведском. В первые же несколько лет трое из них умерли или уехали. Четвертый, Хенрик Габриэль Крусберг, был уволен после того, как его прихожане пожаловались, что, помимо прочих прегрешений, он был пьяницей, крал у них волов, вступал в неподобающие отношения с их женами и сжег пасторский дом, стреляя из ружья по воробьям на крыше¹⁵.

¹⁵ О новом духовенстве см.: РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 249, Ришелье — Козодавлеву, 5 или 22 марта 1813 года; Helsingfors Universitet, Studentmatrikel 1640–1852. URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/> (дата обращения: 13.12.2023); записи 10 951 (Крусберг), 11 606 (Гранбаум), 11 875 (Хуппнер), 11 879 (Хорнборг), 12 089 (Зедергольм). О Пферсдорфе см. [Alber 1897: 18]; о Беттигере: [Busch 1867, 1: 219, 222; Bienemann 1893: 67–86]. О Гранбауме см. [Busch 1867, 1: 222]. О других пасторах из Финляндии см. [Busch 1867, 1: 74, 114, 231, 253, 255, 290]. О Крусберге: РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 500, 510 об., 602–602 об., 632–654 об.

Князь Голицын, чье министерство отвечало за наем подходящих пасторов, и министр внутренних дел Козодавлев, на которого было возложено их материальное обеспечение, сваливали вину за эти неудачи друг на друга. Голицын утверждал, что пасторы уходят в отставку из-за того, что у них нет достаточного количества земли и собственных домов. Козодавлев отвечал, что во всем виноваты сами пасторы. «Если бы они более старались возбуждать к себе уважение поселенцев доброю нравственностью своею, то сверх преимуществ, дарованных им от правительства, имели бы еще и многие другие хозяйственные от колонистов выгоды»¹⁶.

В конце 1810-х годов правительство вновь попыталось увеличить численность духовенства в колониях. Священники, которым было поручено наблюдать за этим процессом, не шли обычным путем духовенства. Три человека, которых выбрал Голицын, были движимы религиозностью «Пробуждения», на которую опирались и он сам, и император Александр, и успели продемонстрировать организаторские способности, связи с российской верхушкой и, насколько это возможно, опыт работы в колониях.

Игнац Аурелиус Фесслер был назначен в октябре 1819 года суперинтендантом новой лютеранской консистории, созданной в Саратове для управления духовенством в поволжских колониях. Он был другом Розенштрауха и пришел в лютеранское духовенство таким же кружным путем. Первоначально католический монах из Венгрии, он перешел в лютеранство и стал видным масоном в Берлине. В Россию он приехал преподавать в православной Санкт-Петербургской духовной академии, за нетрадиционные религиозные взгляды был уволен и сослан в российскую провинцию. Он поселился среди колонистов на Волге и теперь был назначен их суперинтендантом [Пыпин 1918: 320–327; Чистович 1894: 45–53]¹⁷.

¹⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 524. Козодавлев — Голицыну, 6 октября 1816 года.

¹⁷ См. также: ПСЗ (Собрание первое), т. 36, № 27953 (25 октября 1819 года), с. 362; т. 37, № 28794 (31 октября 1821 года), с. 895.

Еще одна новая консистория, предназначенная для Новороссии, должна была открыться в Одессе. Александр I одобрил это решение в июне 1818 года, но даже к 1823 году не было создано никакой административной инфраструктуры¹⁸. Руководить ею поставили Беттигера. Уроженец Саксонии, он изучал теологию и юриспруденцию в Лейпциге, затем эмигрировал в Санкт-Петербург, а в 1811 году был назначен пастором Одессы. В 1814 году он уехал из Одессы в Москву, где познакомился с Голицыным и вступил в масонскую ложу Розенштрауха. В 1818 году он вернулся в Одессу в должности суперинтенданта. Пройденный им духовный путь напоминал путь его друга Розенштрауха. По словам Бинемана, одесского историка церкви, университетское образование открыло для Беттигера рационалистическую теологию, которая рассматривала христианство главным образом как выражение нравственного чувства, заложенного в человеке от природы. Со временем он пришел к супранатуралистической вере в трансцендентного Бога, но так и не смог полностью расстаться с рационалистической идеей, что в основе религии лежат нравственные устремления самого человека [Bienemann 1893: 76–86; Krug 1830–1836, 2: 477–492; Брандес 1999].

Во главе католиков в Новороссии встал католический священник Игнац Линдль. Он был участником «альгойского Пробуждения» — католического движения в баварской области Альгой, приверженцы которого сочувствовали пиетизму и учили, что знание о Боге исходит из Библии и внутренней веры человека, а не из церковных догм. Для католической иерархии это было ересью, но Александру I и Голицыну идеи Линдля оказались близки. В октябре 1819 года, когда в Баварии его собирались арестовать, он бежал в Россию. Весной 1820 года Александр изгнал из империи иезуитов, включая тех, кто служил в Новороссии, и взамен отправил в Одессу Линдля, который к тому времени усугубил свою ересь женитьбой [Petri 1965].

Как мы видели, российское правительство было обеспокоено тем, что среди сектантских меньшинств протестантского населе-

---

¹⁸ См.: ПСЗ (Собрание первое), т. 38, № 29361 (18 марта 1823 года), с. 829.

ния колоний происходят, как оно считало, беспорядки. Летом 1819 года, когда Беттигер занял должность суперинтенданта, Голицын попросил его расследовать это дело. В своем отчете, повторяющем мнение российских властей, Беттигер в благоприятном свете представил меннонитов: это, писал он, «тихие, трудолюбивые, милосердные, набожные люди»; их проповедники-миряне знают толк в Библии и, что не менее важно, держатся особняком и не занимаются прозелитизмом. Однако «прочие сепаратисты и сектанты» — настоящие фанатики, порождающие бесконечные неприятности. Хуже всех вюртембергские сепаратисты: они «называют себя богоизбранным народом» и воображают, будто из их среды явится новый Христос и провозгласит Тысячелетнее царство. Их предводители, писал Беттигер, искажают смысл Библии, проповедуют ненависть к духовенству и обращают в свою веру колонистов, которых отсутствие пастырского руководства оставило без религиозных знаний. Пасторы официальной церкви бессильны противостоять различным сектам, потому что им самим не хватает истинной веры. В частности, как покойный пастор Пфферсдорф, так и его опальный коллега Крусберг

...во всеуслышанье объявляли учение о божественности Христа, исповедуемое церковью, фарсом для глупцов. Но [Пфферсдорф], по крайней мере, был человеком благонамеренным и жил праведно, тогда как [Крусберг], помимо того, что внушал эти пагубные заблуждения простым крестьянам, вел образ жизни, достойный всяческого порицания.

Нерелигиозность пасторов и фанатизм сектантов, утверждал Беттигер, по сути представляли собой одинаково вредные крайности духовного заблуждения и вели к духовному хаосу, при котором некоторые колонисты «пускались во все пороки», другие же «извлекали самые бессмысленные ошибки из мистических писаний, понять которые они были неспособны». К счастью, утверждал Беттигер, он сумел восстановить порядок, применив власть к предводителям сектантов и наведя мосты к их заблудшей пастве¹⁹.

¹⁹ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 652. Л. 8 об. Беттигер — в Департамент духовных дел, Одесса, 22 июля 1819 года. См. [Sunderland 2006: 117; Brandes 1993: 174, 191, 203].

Сети миссионеров

Из отчета Беттигера было ясно, что духовенству на новороссийском пограничье требовались исключительная находчивость и организационные способности, а также умение обеспечивать себя материально. Беттигер знал человека, обладавшего всеми этими качествами. Это был Розенштраух.

На момент приезда в Одессу у Розенштрауха не было образования, необходимого, чтобы стать пастором. В XVIII веке это было бы меньшей проблемой, но Александр I, стремясь построить гражданское общество и укрепить государственную власть, старался повысить образовательный уровень среднего и высшего классов. Он расширил в России сеть государственных школ и училищ для православного духовенства, основал новые университеты и сделал экзамены по академическим предметам обязательным условием для продвижения по государственной службе. В остзейских губерниях пасторы теперь должны были иметь диплом Дерптского университета. Однако в других местах лютеране продолжали следовать Шведскому церковному уставу 1686 года, в котором указывалось лишь, что претенденты на пастырское служение должны сдать экзамены по определенным дисциплинам. Сдав эти экзамены, Розенштраух мог бы стать пастором в Новороссии [Flynn 1988: 10–28, 36; Раев 1990: 159–164]²⁰.

Хотя ему было далеко за 50 и он давно привык к роли авторитетной фигуры, ему пришлось взяться за учебу. Он едва знал русский и совсем не владел французским, а с возрастом языки, конечно, давались ему труднее, но решимость его была так сильна, что, по словам друга, он сделался «довольно силен в греческом и еще сильнее в древнееврейском» [Simon 1855: 314]. Он отчасти сократил интеллектуальную дистанцию, отделявшую его от пасторов с университетским образованием, но разница в социальном статусе никуда не делась. То, что он продолжал этого стес-

²⁰ См. также: ПСЗ (Собрание первое), т. 27, № 20675 (21 марта 1803 года), с. 505; [Sammlung 1821, 2: 1813].

няться, видно из послужного списка, который он заполнил, когда уже был пастором. В нем, среди прочих, имелся вопрос, «когда и именно чему [он] учился». Другие пасторы в своих ответах перечисляли школы, университеты и степени, называли точные даты²¹. Розенштраух же ничего не сообщил ни о своем образовании, ни о том, что он делал до переезда в Москву в возрасте 43 лет. Вместо этого он подчеркнул то, чего достиг благодаря самообразованию и частным наставникам:

Прежде был московским купцом, но всегда стремился к изучению наук и недавно освоил древнееврейский и латинский языки в ходе частных уроков у некоторых известных ученых, а также греческий с суперинтендантом Беттигером, и все богословские науки с проповедниками-миссионерами Бецнером и Зальтетом, а также суперинтендантом Беттигером, благодаря чему выдержал публичный экзамен²².

Упоминание «проповедников-миссионеров» указывает, что он не один пришел в духовенство окольным путем. Условия в Новороссии были таковы, что все попытки набрать обычных пасторов зашли в тупик. Для решения проблемы власти обратились к миссионерским организациям, возникшим в Европе на фоне всплеска мирского благочестия в наполеоновскую эпоху и обучавшим мирян нести Евангелие европейским массам и нехристианам в далеких странах.

«Проповедники-миссионеры» Людвиг Фридрих Бецнер и Иоганн Бернгард Зальтет входили в Базельское евангелическое миссионерское общество (Базельскую миссию) — эта швейцарская организация готовила миссионеров для работы в Африке и Азии. С Базельской миссией был связан Роберт Пинкертон из Британского и иностранного библейского общества, соучредитель Российского библейского общества [Ledderhose 1890: 283–285; Jung, Fast 1988: 71–73; Missions-Zöglinge 1825: 324–346; Detzler

²¹ См. личные дела в: РГИА. Ф. 828. Оп. 1 доп. Д. 37.

²² РГИА. Ф. 828. Оп. 1 доп. Д. 37. Л. 30 об — 31.

2004: 270]²³. От него нить тянулась к князю Голицыну, министру духовных дел и народного просвещения, который был также президентом Российского библейского общества. Базельская миссия искала поле применения для миссионерской деятельности, а Голицыну требовались священнослужители. Базельской миссии было что ему предложить: как и моравские братья, к которым русские обращались ранее, ее миссионеры были подготовлены к трудностям зарубежного служения, а кроме того, они в основном происходили из тех же ремесленников или крестьян Швейцарии и юго-запада Германии, что и колонисты Новороссии. В январе 1819 года Базельская миссия получила официальный запрос от России о подготовке пасторов для колоний. Бецнер и Зальтет прибыли в Одессу в октябре 1820 года, почти одновременно с Розенштраухом, чтобы обращать в христианскую веру евреев и мусульман. Их коллеги, прибывшие позже, служили в немецких колониях и в те годы, когда Розенштраух был пастором, составляли там основную часть духовенства. В отличие от финляндцев они, как правило, оставались там до конца жизни²⁴.

До тех пор, пока российское правительство было готово назначать пасторов без университетского образования, Розенштрауху благоприятствовал целый ряд факторов. Его религиозное рвение и личная приспособляемость были не меньшими, чем у базельских миссионеров. У него также не было денежных затруднений. Наконец, он был лично знаком с Голицыным и Александром I. В феврале 1821 года Александр написал Голицыну

²³ См. также: Jenkins P. Basler Mission // Historisches Lexikon der Schweiz. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/> (дата обращения: 29.09.2023).

²⁴ Die ersten Jahre der Basler Mission: Ein kurzer Ueberblick (Fortsetzung) // Der evangelische Heidenbote. 1865. № 12. S. 162; [Bienemann 1893: 96]; Odessa: Edinburgh Jews' Society // Missionary Register. 1822. February. S. 41–42. О пасторах из Базельской миссии см.: [Busch 1867, 1: 225–226, 231, 244, 248, 252, 254]; РГИА. Ф. 828. Оп. 1 доп. Д. 37. Л. 145 об. — 148 (Föll, Voigt, Dietrich); 151 об. — 154 (Doll, Bonekemper); Statistisches // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands. 1861. Bd. 17, № 2. S. 188; Neujahrsblatt auf das Jahr... zum Besten des Waisenhauses in Zürich. 1848. № 11. S. 13.

письмо с Лайбахского международного конгресса, сделав в конце приписку: «Я пометил карандашом и загнутым уголком одно из писем Розенштрауха, заслуживающее вашего внимания. Я полностью согласен с тем, что он говорит» [Николай Михайлович 1912, 1: 557]²⁵. Хотелось бы знать содержание письма Розенштрауха, но, к сожалению, оно отсутствует в архивах. Однако из записки Александра ясно следует, что и он, и Голицын знали, кто такой Розенштраух, получали от него письма и интересовались его идеями.

Движимый сочетанием каких-то из этих соображений, Голицын в мае 1821 года послал Санкт-Петербургскому консисториальному заседанию письмо в поддержку кандидатуры Розенштрауха на пост пастора:

Суперинтендант Беттигер, по его собственному заявлению, нуждается в помощнике для тяжелой и требующей много усилий должности пастора в Одессе. Но этот помощник должен иметь духовные качества и прежде всего христианское мировоззрение, чтобы ему можно было без опаски поручить заботы о вновь прибывающих, поскольку в своей должности пастора Беттигер тратил и тратит много сил для борьбы с разными настроениями. Он желает себе в помощники Розенштрауха, который живет собственным состоянием и не желает ничего более, как проповедовать миру Иисуса Христа Спасителя [Bienemann 1893: 110]²⁶.

Несколько недель спустя, 16 июня, примерно через десять месяцев после прибытия в Одессу, Розенштраух выдержал публичные испытания. По закону приемная комиссия должна была состоять только из трех лютеранских священнослужителей, но он настоял, чтобы ее состав был более широким и более экуменичным: трое лютеран — Беттигер, Бецнер и финский пастор Гранбаум, двое реформатов — шотландцы Джон Патерсон и Эбенезер Хендерсон, оба владевшие немецким, и двое католи-

²⁵ Оригинал письма Александра находится в: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 803. Л. 77.

²⁶ Цит. по: [Мартин 2015б: 117].

ков — Линдль и священник по фамилии Дикас [Henderson 1826: 269, 454; Paterson 1858: 342, 353; Bienemann 1893: 110; Fechner 1876, 2: 118].

Разнообразны были пути, приведшие этих людей в церковь в Одессе. Беттигер и Розенштраух приехали из Москвы, Гранбаум — из Финляндии, а Линдль — из Баварии через Санкт-Петербург. Для них это была конечная южная точка странствия по России. Патерсон и Хендерсон тоже приехали через Москву, но их ментальная карта простиралась гораздо дальше на юг и восток. Они покинули Шотландию в 1804 году, намереваясь отплыть в Индию, но Ост-Индская компания запретила миссионерство, и они осели в Скандинавии, а после перебрались в Россию, где служили миссионерами и основали библейские общества. Однако их представления об Одессе показывают, что они не перестали думать о Востоке: как выразился Хендерсон, «немногие места обладают большей важностью» для миссионера, чем Одесса, благодаря «количеству бывающих в ней иностранцев, ее связям с различными портами Анатолии, [Греческого] Архипелага и Средиземного моря, а также возможностям, которые она предоставляет для посещения различных народов, населяющих области между Каспийским и Черным морями» [Henderson 1826: 272; Flynn 2017: 320]. В представлении Бецнера карта была перевернута. Он прибыл на корабле через Марсель, поэтому для него Одесса была местом, где заканчивался средиземноморский мир и начиналась Россия [Werner 1865–1869, 1: 174]. У заполнявших скамьи прихожан была между тем своя ментальная карта. Они в основном прибыли из Германии через Габсбургскую и Османскую империи, так что им Одесса представлялась самым отдаленным уголком юго-восточной Европы.

Все они встретились в Одессе, потому что Новороссия была полем социальных экспериментов. Одним из крупных проектов Александра I было содействие экуменическому христианскому единству в пиетистском духе, и все эти люди желали принять в нем участие. Несмотря на всю внешнюю многоконфессиональность, это была однородная группа. За исключением Гранбаума

и, возможно, Дикаса, они представляли движения и организации, разделявшие общую пиетистскую ориентацию и тесно связанные друг с другом: Бецнер — Базельскую миссию; Линдль — «альгойское Пробуждение»; Патерсон и Хендерсон — Британское и иностранное библейское общество и Российское библейское общество. Православных священников среди них не было. Русская православная церковь поддерживала связи с пиетистским движением благодаря совместному участию в Российском библейском обществе, а также потому, что протестантские богословские тексты широко использовались при обучении в российских семинариях. Однако епископ Иов (Потемкин), который отвечал за Одессу и активно работал в Российском библейском обществе, жил далеко, в Екатеринославе. Многие православные в самой Одессе были греками и прочими иммигрантами, так что они могли и не говорить по-немецки и не иметь отношения к пиетизму [Ivanov 2020: 168–74; РБС, 8: 301–303]²⁷.

Личные встречи в Одессе были не единственным путем Розенштрауха в европейскую сеть пиетистов. Его история также появилась в печати. Спустя два месяца после экзамена он сам или кто-то из его ближайших знакомых написал статью, которую опубликовали ведущие газеты в Лейпциге и Гамбурге, а может быть, и где-то еще. Возможно, это было сделано для того, чтобы подбодрить собратьев-пиетистов или сообщить давно потерянным друзьям и родственникам, что с ним стало. Статья представляла его в свете, отвечающем чувствам пиетистов, но так, чтобы обойти всякую критику, порой звучавшую в их адрес. Без упоминания о его актерском прошлом в статье туманно говорилось, что «в молодые годы [он] посвящал себя другим делам и перенес немало несчастий и нужды, [а] позже записался в купеческое сословие». Далее он восхвалялся как семьянин и успешный предприниматель, который употребил свое богатство на труд во имя Господа.

---

²⁷ Я благодарю Андрея Иванова за замечания и предложения по этому вопросу.

...он открыл в Москве магазин так называемых галантерейных товаров, один из лучших и самых посещаемых в этом месте. Он оставил свой процветающий магазин (передав его сыну) и семью, которая нежно его любила, и приехал сюда [в Одессу] год назад, чтобы исполнить свое давнее намерение посвятить остаток своей жизни исключительно служению Евангелию, отказавшись при этом от всех доходов и земных привилегий (ибо он намерен жить только за счет своего собственного состояния).

Статья была призвана развеять все сомнения в его пригодности для занимаемой должности. В ней ничего не говорилось о том, что некогда он был католиком, а потом масоном. О его браке было сказано лишь, что он «54-летний мужчина, вдовец». Отсутствие образования также не упоминалось, зато сообщалось, что «по его настоянию» он сдал экзамен экуменической комиссии в присутствии «многих членов общины», а на следующий день его проповедь снискала «бурные аплодисменты». Утверждалось, что «он не мечтательный мистик [Schwärmer] и не [религиозный] фанатик, но человек вдумчивый, проникательный и дружелюбный; он энергичен и пользуется всеобщим уважением за неподдельное благочестие и любовь к ближнему». Наконец, говорилось в статье, он обладает «недюжинными ораторскими способностями»²⁸.

Какое впечатление могло произвести такое сообщение на читателей? Представление об этом нам дают письма пиетиста Карла Кельнера, винодела из Вюрцбурга в Баварии. Его отец, ушедший на покой пастор, работал в Базеле в Базельской миссии, а сам Кельнер, некогда мечтавший стать миссионером «в далеких, мрачных языческих землях», был активным членом Немецкого христианского общества (головной организации Базельской миссии) и поддерживал связь с католическим священником-отступником

²⁸ Schreiben aus Odessa, vom 20. August // Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. 1821. 19 September. № 150; Odessa, den 20. Aug. // Leipziger Zeitung. 1821. 24 September. № 187. S. 2242. См. также [Мартин 2015б: 143]. Сообщение о его рукоположении см.: Kirchengeschichtliche Nachrichten // Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur. 1821. Bd. 3, № 4. S. 156.

Линдлем. В январе 1820 года он написал отцу, что Линдль «был весьма дружелюбно принят князем Голицыным, а также [российским] императором» и что «Россия в настоящее время являет собой образец истинного христианства, так что Германия, глядя на нее, должна стыдиться. Я диву даюсь, глядя туда» [Häberlin 1855: 15, 48–49]. Возможно, он проявлял интерес и к Одессе, и не только потому, что там жили его собратья — немецкие пиетисты: о городе много говорили из-за его близости к продолжающемуся греческому восстанию в Османской империи²⁹. Кельнер искал способ оставить предпринимательство и последовать духовному призванию. Осенью 1821 года он написал отцу:

Мои виноградники проданы, и вскоре я надеюсь отказаться и от своего дома, но куда потом? Это следующий вопрос. Несколько дней назад я с большим интересом прочел новость о том, что богатый купец из Москвы, Розенштраух, на 54-м году жизни отказался от своего магазина, чтобы посвятить оставшиеся ему дни провозглашению Евангелия; он вступил в духовное сословие и имеет назначение в Одесском районе. Это написано как будто специально мне в утешение в нынешней моей ситуации. Надеюсь, Господь otvorит дверь и нам тоже [Häberlin 1855: 78]³⁰.

Одесский пастор

Розенштраух был рукоположен в сан на следующий день после экзамена. Официально он был всего лишь помощником Беттигера, но фактически выполнял все его обязанности, поскольку с сентября 1821 по октябрь 1822 года Беттигер находился в Санкт-Петербурге [Bienemann 1893: 94, 97]³¹. Он был подготовлен

²⁹ С июня по сентябрь 1821 года в выходившей раз в две недели в соседнем Эрлангене «Real-Zeitung» Одесса была упомянута по меньшей мере в 28 выпусках, всякий раз в связи с греческим восстанием.

³⁰ Цит. по: [Мартин 2015б: 143].

³¹ См. также [Häberlin 1855: 35, 38, 43]; Schreiben aus Odessa, vom 20. August // Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. 1821. 19 September. № 150.

к литургической, организационной и образовательной сторонам своей новой должности благодаря предыдущему опыту мастера стула, предпринимателя и руководителя церковной школы в Москве. Тем не менее, как он позже писал, он был перегружен работой и «действительно очень занят»:

Приход в городе был велик; к нему причислены были еще многие колонии, которые от времени до времени надобно было навещать; в школе кроме того обучал я ежедневно Закону Божию; не мало было и писанья. Но я выиграл много времени, отказавшись от всех общественных удовольствий, которые не только время похищают, но и сердце охлаждают, и весь отдался обязанностям своего звания [Розенштраух 1863: 15].

Некоторые из этих обязанностей были тягостными. Позже он вспоминал, что был совершенно не готов утешать скорбящих на похоронах, поскольку испытывал «величайшее, по-видимому непреодолимое отвращение к трупному запаху и к самому зрелищу мертвеца» [Розенштраух 1863: 12]. Первым испытанием стали похороны девятилетнего мальчика, единственного сына немолодых родителей. Он знал, что тело уже начало разлагаться на летней жаре, поэтому предусмотрительно взял с собой губку, смоченную в уксусной кислоте, чтобы поднести к носу. Когда он прибыл, то обнаружил, что все обращают внимание только на родителей мальчика, а не на тело:

Войдя в комнату, я увидел отца и мать распростертыми над трупом их усопшего сына, которого нельзя уже было узнать, — они обнимали его, целовали попеременно, причем всякий раз поднимался с трупа рой мух, и потом опять садился на него. Я внутренне и глубоко устыдился своей изнеженности, и, как вор застигнутый врасплох, поспешно сунул свою коробочку в карман, не употребив ее ни разу [Розенштраух 1863: 13–14].

С того дня запах смерти больше не раздражал его «дотоле нежные нервы обоняния» [Розенштраух 1863: 14]. Отвращение к смерти перестало мучить его, и теперь он воспринимал похо-

роны как повод утешить скорбящих и напутствовать собравшуюся паству.

Одесса научила его пасторскому служению, но хотел ли он поселиться там навсегда, неизвестно. В конце концов, его семья и друзья были в Москве. Возможно, он приехал сюда только ради возможности принять сан. Спустя месяц после экзамена, в июле 1821 года, он написал письмо друзьям из совета церкви Святого Михаила в Москве, в котором делился своими новостями. Он просил их молиться за него, независимо от того, проповедует ли он «в старом имперском городе Москве, в Одессе или на приисках Сибири». Пастор церкви Святого Михаила Вильгельм Нойман был в то время тяжело болен³². Упомянул ли Розенштраух Москву, потому что жаждал занять его место? Мы знаем только, что в январе 1822 года, когда прихожане выбирали нового пастора, кандидатура Розенштрауха была выдвинута на голосование.

Его друг и собрат по масонству Лодер, председатель совета церкви Святого Михаила, беспокоился, что актерское прошлое помешает ему выиграть голосование. Не пытаясь скрыть это прошлое, он постарался преподнести его прихожанам как преимущество. Конечно, сказал он им, «нравственные недостатки» многих актеров бросают тень на их профессию в глазах «толпы», но «образованные люди» заслуженно уважают их за «необычные и приятные таланты». Своим красноречием и знанием человеческого сердца Розенштраух обязан своей актерской карьере и тем трудностям, с которыми она сопряжена. Лодер привел самые убедительные доводы из тех, что допускались условностями общества того времени. Но все же они звучали половинчато: он превозносил Розенштрауха в первую очередь за то, что тот возвысился над театральной профессией; подразумевалось, таким образом, что в целом она, конечно же, заслуживает порицания. Он даже не смог заставить себя произнести слово «актер», индифферентно говоря о «бывшем сословии» своего друга [Fechner 1876, 2: 117].

---

³² Письмо от 29 июля 1821 года [Fechner 1876, 2: 112]. О болезни Ноймана см. [Fechner 1876, 2: 473–474].

В конце концов победил соперник Розенштрауха Адам Кристиан Пауль Кольрейф. Целых 102 прихожанина подписали прошение сделать Розенштрауха вторым пастором, и он согласился с этим планом, но община в целом проголосовала против него. Кольрейф, как и Розенштраух, прибыл с социальной и географической периферии; образование он получил не в университете, а в Моравской семинарии в Саксонии, а позже служил пастором в поволжской колонии. Тем не менее, в отличие от Розенштрауха, отягощенного своим прошлым, он смог получить престижную должность в столице. Отказ, должно быть, задел Розенштрауха, и этим, возможно, объясняется, почему, как он писал другу в 1829 году, «за девять лет, прошедших после того, как я покинул Москву, а с ней детей, внуков и друзей, меня ни разу не посетило желание поехать туда, хотя мне было бы совсем легко его осуществить» [Мартин 2015б: 119; Mittheilungen: 79; Fechner 1876, 2: 121–122, 475].

Это была досадная неудача, но она не изменила того факта, что в Одессе в начале 1820-х годов он оказался в нужном месте в нужное время, точно так же как в Москве после войны 1812 года. Александр I хотел укрепить империю с помощью космополитического гражданского общества. С этой целью он поощрял международные контакты и социальную мобильность привилегированных слоев: например, масонские ложи объединяли русских дворян и иностранцев из среднего класса, а православные, протестантские и католические священники и миряне сотрудничали в Российском библейском обществе. Данное Розенштрауху разрешение стать пастором согласовывалось с этой политикой.

В 1821 году, ко времени рукоположения Розенштрауха, это окно возможностей начало закрываться. Главной заботой правительства стал страх перед революцией, а не желание развивать гражданское общество. Масонство было запрещено в России в 1822 году. Линдль был выслан из империи в 1823-м. В 1824 году Голицын отстранился от власти, Министерство духовных дел и народного просвещения было распущено, а Российское библейское общество фактически закрыто. В 1825 году Александр неожиданно умер, и декабристы предприняли попытку государственного переворота, чтобы помешать его брату-консерватору

Николаю I взойти на трон. Преследуемый этим опытом, Николай провел все свое 30-летнее царствование (1825–1855), подавляя политическое инакомыслие, усиливая цензуру и полицию и продвигая идеологию, которая провозглашала православие, самодержавие и народность основами российского государства³³.

Стремление Николая всюду насаждать власть и порядок распространилось и на дела религий. При его режиме установилось главенство православной церкви, разные христианские конфессии были обособлены друг от друга, и каждая церковь должна была придерживаться своего основного учения и практики. В 1832 году правила, регулирующие деятельность лютеранской церкви, официально закрепились имперским уставом. Одесскую и Саратовскую консистории закрыли, а управление было централизовано в Санкт-Петербурге и Москве. Все кандидаты на рукоположение теперь должны были предъявить диплом богослова, полученный в российском университете, свидетельство о свободном владении русским языком и, если с момента окончания университета прошло более трех лет, отзывы об их поведении от духовенства из мест, где они проживали [Werth 2008: 54–63; Ivanov 2020: 241]³⁴. Розенштраух никогда не смог бы соответствовать этим новым требованиям, но к тому времени, когда они вступили в силу, он уже утвердился в своей новой должности.

---

³³ См. [Werth 2008: 54; Ivanov 2020: 230–231; Petri 1965: 100; O'Meara 2019: 144; LeDonne 2020: 8, 143, 150–151].

³⁴ См. также: ПСЗ (Собрание второе), т. 7, № 5870 (28 декабря 1832 года), с. 971.

Глава 14

Харьковский мудрец

27 октября 1822 года, примерно в то время, когда Беттигер вернулся из годичной поездки в Санкт-Петербург, правительство назначило Розенштрауха пастором в Харькове. Месяц спустя он официально вступил в новую должность [Döllen 1880: 13–14]. В Харьков его сопровождала дочь Мина. Ему было почти 55 лет, и, возможно, он уже задумывался, сколько лет жизни ему осталось. Эти годы он надеялся провести в Москве, но Харьков оказался не такой плохой альтернативой. Это был оживленный город, так что предпосылки для формирования деятельной общины здесь имелись. Чтобы ее создать, пригодились бы все его способности: красноречие, обаяние, богатство, организационный и пастырский опыт, а также умение ясно видеть цель. Но результаты, которых он достиг, были двойственны. В церкви он распоряжался умело и авторитетно, но при этом оказался в большей изоляции, чем в Москве. Без магазина, масонской ложи и остальных членов семьи его мир сузился, и с возрастом он становился более замкнутым и косным.

Харьков оказался последней главой его жизни, и, не считая войны 1812 года, о ней осталось больше всего документальных свидетельств. Сохранились не только многие из его сочинений, но и свидетельства людей, которые с ним встречались и записывали свои впечатления. Эти источники позволяют нам реконструировать, каким он видел мир и каким мир видел его.

Харьков

Харьков был важным городским центром. По состоянию на 1837 год здесь проживало около 23 000 человек. Это была резиденция правительства Слободско-Украинской губернии. Харь-

ковский университет, один из шести университетов империи, отвечал за надзор за всем государственным и частным образованием на юге России, от австрийской границы до Каспийского моря и Кавказа. Это был также крупный торговый центр. Оптовая торговля Российской империи в основном проходила на ярмарках, где покупатели и продавцы встречались лицом к лицу. В конце 1830-х годов в Харькове, удобно расположенном между Москвой и Черным морем, проводилось четыре ярмарки в год, ежегодно привлекавшие 130 000 человек. Однако Харьков только недавно начал приобретать значимость и потому сохранял сельское обличье. Улицы были немощеными, и когда из-за длительных дождей грунт превращался в сплошную грязь, их зачастую забрасывали навозом, чтобы по ним можно было передвигаться [Аксаков 1858: 50, 53, 56, 59; Город Харьков 1840; Багалей 1898–1904, 2: 1049]. В таких случаях, по словам одного из гостей города, некоторые участки «можно было одолевать, только перепрыгивая с одной навозной кучи на другую» [Kohl 1841, 2: 142].

До приезда Розенштрауха городская лютеранская община была здесь слабо организованной. Поскольку состоятельных людей в ней было мало, ей не хватало средств и, по-видимому, руководства. Лютеранской церкви в городе не было, поэтому службы проводились на дому у прихожан или в университете. Как правило, не было и постоянного пастора; лишь время от времени сюда наезжали пасторы из других городов. Только в 1819 году город обеспечил пастору государственное жалованье, но уже в начале 1820 года, после того как эту должность оставил пастор Карл Зедергольм, она снова стала вакантной [Döllén 1880: 7–12; Fechner 1876, 2: 489]¹.

Возможно, прихожане слышали о Розенштраухе от пономаря, нанятого в 1819 году в Москве, или от Зедергольма, который после отъезда из Харькова вступил в масонскую ложу Розенштрауха [Döllén 1880: 11; Серков 2020, 4: 126]. Удивительная ис-

¹ См. также: РГИА. Ф. 828. Оп. 1. Раздел 1834 г. Д. 189. Л. 2. «Acta Unterl. des Charkowschen Ev. Kirchen-Raths die Rechnungsablegung über die Verwaltung des Kirchenvermögens etc.».

тория о московском купце, ставшем одесским пастором, возможно, также распространилась по торговым путям, которые вели из обоих городов в Харьков. Нетрудно понять, что привлекало в нем прихожан: он был ревностным слугой Божиим, но также располагал богатством и большим предпринимательским опытом: такой человек мог бы поставить общину на надежное основание. Также легко понять, почему он согласился. Харьков, с его университетом и прекрасными магазинами, пришелся бы по душе человеку, привыкшему к изысканной жизни и обществу образованных людей. Возможно, он также с нетерпением ждал возможности применить весь спектр своих способностей для создания общины. Наконец, от Харькова было 726 $\frac{1}{2}$ верст до Москвы — примерно такое же расстояние, как между Москвой и Санкт-Петербургом; путь, конечно, не ближний, но все же вдвое короче, чем от Москвы до Одессы, и достаточно короткий, чтобы можно было повидаться с московскими родственниками. (См. карту 13.1.)

Спустя два месяца после его приезда, в январе 1823 года, умерла его дочь Элиза, едва успевшая пригласить его в Москву, чтобы окрестить ее новорожденного сына. Ей было 27 лет. «Моя дочь, — писал он позже, — была богатой, уважаемой и талантливой, при этом счастливой женой, хорошей матерью, нежной дочерью и сестрой, молодой и красивой, и обладала всем тем, что обычно называют счастьем». Однако, писал он своему адресату, потерявшему сына отцу, которого пытался утешить, смерть — это не конец, а высший момент, когда решается судьба человека в вечности. Поэтому он «возблагодарил Бога за то, что она так рано достигла полноты жизни и обрела то, чего большинство даже не взыскует или желает, но *тицетно*, ибо много званных, но мало избранных». Кинен, ее муж, впоследствии снова женился и переехал с детьми в Германию [Mittheilungen: 118; Amburger 1980: 17–18]. О дальнейшем общении с ними Розенштрауха нам ничего не известно.

По почте он поддерживал тесную связь с сыном Вильгельмом. Жена Вильгельма Софи по меньшей мере дважды приезжала и привозила детей из Москвы в Харьков, чтобы повидаться

с ним, — целых 1453 версты в оба конца. После их визита в 1829 году он написал другу, что судит о своих внуках исключительно по их вере и «имеет все основания радоваться за них во Христе»². Что касается сына, в нем он видел собрата-христианина, полагался на него в снабжении различными товарами из Москвы и хвалил его «правдивость, искренность и знание человеческой натуры». Вильгельм отвечал взаимностью: в своем единственном сохранившемся письме к отцу он отвечает на похвалу словами: «Если бы только Господь сделал меня достойным, любезный батюшка, развязывать шнурки на вашей обуви!»³

Создание институтов

В 1880 году была опубликована история харьковской лютеранской общины, написанная А. Л. Делленом, членом церковного совета и профессором классической литературы Харьковского университета [Брокгауз, Ефрон 1890–1907, 19: 342]. Как и его одесский коллега Бинеман, Деллен работал с официальными документами и писал историю церкви с институциональной точки зрения, но, несомненно, использовал и устные рассказы о людях и событиях прошлого.

Розенштраух в его книге выступает как человек, который придал общине формальную организационную структуру. Он инициировал систематическое ведение документации, включая протоколы заседаний совета и метрическую книгу крестин, венчаний и похорон. Он также реформировал финансовую деятельность общины: церковный совет создал комитет помощи бедным и упорядочил расходы на благотворительность, а сборы от прихожан и пожертвования от покровителей выросли. Активизировавшейся общине — с 1823 по 1835 год ежегодное число причащавшихся выросло со 198 до 474 — требовалось постоян-

² Письма Розенштрауха княгине М. Ф. Барятинской находятся в архиве: НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 203. Ед. хр. 6 а, б, в, г, д, ж. Далее «Барятинская, а, б, в, г, д, ж». Здесь — Барятинская, б. Л. 26 об.

³ Барятинская, в. Л. 33, 41.

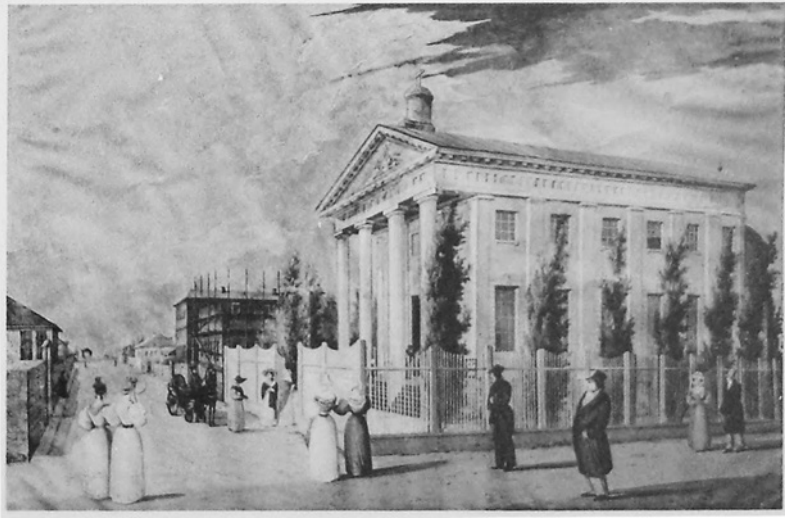

Рис. 14.1. Церковь Розенштрауха в Харькове. Это изображение 1840-х годов правильно отражает архитектурный облик церкви, но преуменьшает ее размеры.

ное помещение для богослужений, поэтому его стараниями была построена церковь. Недалеко от центра города, там, где сейчас находится Площадь поэзии, власти сносили старые укрепления и предоставляли немецким профессорам землю под строительство домов. Розенштраух получил участок, собрал средства (а также вложил часть собственных) и возглавил строительную комиссию. Начало было положено в 1827 году, а в 1830 году он уже освятил внушительную церковь в стиле греческого возрождения вместимостью 600 человек. (См. рис. 14.1.) Также началось строительство здания, где должны были разместиться дом священника и школа [Döllén 1880: 13–31, 148]⁴.

Как и в Москве, где он был казначеем церковной школы, а его масонская ложа финансировала школу его друга Чермака, Розен-

⁴ См. также: Пара столетий за пару шагов: Улица Гоголя. Старый Харьков. URL https://vk.com/page-17590728_50629136/ (дата обращения: 01.10.2023).

штраух проявлял интерес к образованию. В российских университетах богословие было обязательной дисциплиной и входило в программу каждого семестра, и он согласился бесплатно вести в Харьковском университете занятия для студентов-лютеран. В 1827 году он открыл церковную школу, причем оплатил из собственного кармана большую часть расходов на крышу, пожертвовал свое жалованье пастора, чтобы платить учителю, и сам вел подготовку детей к конфирмации. Наняли и православного священника, чтобы русские дети тоже могли посещать школу. В 1833 году в школе было четыре учителя и 25 учеников — примерно столько же, сколько в меньших из частных харьковских пансионов того времени [Döllen 1880: 22, 26, 27, 30; Данилевский 1866: 324–325]⁵.

Обязанности часто звали его в дорогу. На его ответственности были общины в радиусе более 200 километров, в том числе Курск, различные мелкие населенные пункты и, с 1825 по 1829 год, Полтава. Он бывал в разъездах целыми неделями: проводил службы, учил детей, совершал крестины и другие обряды, а также лично помогал нуждающимся семьям. Через Вильгельма он приобрел убранство для церкви в Курске и, также с помощью Вильгельма, оказал материальное содействие поселенцам-меннонитам в бассейне реки Молочная на юге Украины [Busch 1867, 1: 180, 183, 286; Fechner 1876, 2: 535, 577; Dyck et al. 2015–2020, 1: XL, 89, 356]⁶.

В духе доктринальной терпимости, которой его научили театр Просвещения и масонство, он протягивал руку помощи и харьковским церквям других конфессий. Его прихожане пожертвовали средства на строительство православной церкви. Католики приходили к нему причащаться и крестить детей, и даже получили предложение назначить своего представителя в совет лютеранской церкви; когда же была построена католическая церковь, лютеране пожертвовали для нее скамьи [Döllen 1880: 18, 20, 24].

---

⁵ См. также: РГИА. Ф. 733, Оп. 49. Д. 718; Барятинская, б. Л. 1; Барятинская, в. Л. 18 об.

⁶ За последнюю ссылку благодарю Джеймса Урри. См. также: Барятинская, в. Л. 28; Барятинская, ж. Л. 1; Барятинская, в. Л. 18 об.

Все это делалось невзирая на стесненные средства. Доходы поступали от взносов и добровольных пожертвований прихожан, от платы за обучение, которую церковная школа взимала только с состоятельных родителей, а также от похорон: богатые семьи могли за дополнительную плату воспользоваться катафалком или получить желаемый участок для захоронения; кроме того, катафалк сдавался в аренду другим общинам. Основная беда была в том, что, как указывалось в бюджетном документе 1834 года, в общину входило «очень мало состоятельных семей» и «ни одного капиталиста». (Это видно и по составу совета, в который входили в основном мастера, учителя и университетские преподаватели.) Обладая скромными ресурсами, община, возможно, и смогла бы оплатить текущие расходы, такие как годовичное жалованье пастора в размере 400 рублей, но едва ли изыскала бы 45 000 рублей на строительство новой церкви. Это была большая удача, что Розенштраух не пожалел собственного состояния и сумел собрать пожертвования на новую церковь от посторонних лиц, в том числе 2000 рублей от Николая I [Döllen 1880: 11, 21, 135–141]⁷.

Его пребывание в должности пастора пришлось на переходный момент между XVIII веком, когда русские правители увлекались рационализмом эпохи Просвещения и стремились строить космополитическое гражданское общество, и веком XIX, эпохой иерархии, централизации и национализма. Стиль греческого возрождения, в котором была построена его церковь, отражал мировоззрение XVIII века. Согласно российскому законодательству, лютеранские церкви можно было строить в любом стиле, по вкусу прихожан. Известные ему лютеранские церкви в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе были построены в стиле барокко или неоклассицизма⁸. Этим стилям отдавалось предпочтение для всех зданий,

⁷ См. также: РГИА. Ф. 828. Оп. 1. Раздел 1834 г. Д. 189. Л. 1–2, цит. л. 2. Все цифры даны в рублях ассигнациями.

⁸ ПСЗ (Собрание второе), т. 5, № 4165 (4 декабря 1830 года), с. 457. Изображения лютеранских церквей в Москве и Санкт-Петербурге см.: URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Лютеранская_церковь_Святого_Михаила_\(Москва\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Лютеранская_церковь_Святого_Михаила_(Москва)) (дата обращения: 02.10.2023); URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кафедраль->

имевших отношение к государству и его верхам, будь то правительственные учреждения, дворянские особняки или церкви любой конфессии. Выбрав стиль греческого возрождения, разновидность неоклассицизма, Розенштраух сделал архитектурное заявление о том, что лютеранская община была частью многоэтничного, многоконфессионального правящего порядка империи. Однако вскоре после того, как церковь была достроена, правительство изменило правила. С 1830 года проекты протестантских церквей требовали одобрения государства, и в храмовой архитектуре каждой конфессии было дано предпочтение своему особому стилю: православным — «русский стиль» (по образцу русских допетровских церквей), протестантам и католикам — романский или готический, а иудеям и мусульманам — стиль мавританского возрождения. Смысл был уже не в том, чтобы интегрировать молитвенные дома в единую космополитическую элитарную культуру, а, наоборот, в том, чтобы подчеркнуть обособленность их религиозной функции и национального происхождения [Кириченко 2001: 102, 110–111; Wortman 1995–2000, 1: 381–387]⁹.

Новый подход к управлению империей, при котором во главу угла ставился бюрократический порядок, создавали люди, которые сами были обязаны своей карьерой прежней, более гибкой системе. Розенштраух оказался одним из них. Он не только урегулировал делопроизводство своей церкви, снизив вероятность того, что отныне кто-то, подобно ему самому, сумеет скрыть свое прошлое, но и затруднил лютеранам всей России продвижение по социальной лестнице, если у них не было официальных документов, подтверждающих их компетентность. Законы в Российской империи сочинялись не только в порядке односто-

---

ный_собор_Святых_Петра_и_Павла_(Москва)#/media/Файл:Moscow_Lutheran_Church_(1835).jpg (дата обращения: 02.10.2023); URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Lutheran_Church_of_Saint_Peter_and_Saint_Paul (дата обращения: 02.10.2023). В Одессе и Харькове: Лютеранская церковь Св. Павла (Кирха) и пасторский дом. Архитектура Одессы. URL: <https://all.archodessa.com/all/kirche/> (дата обращения: 20.1.2024); Откуда родом Харьковская губерния. Харьков, Гоголя улица, Кирха. URL: <https://www.otkudarodom.ua/ru/kirha> (дата обращения: 02.10.2023).

⁹ См. также: ПСЗ (Собрание второе), т. 5, № 4165 (4 декабря 1830 года), с. 457.

ронных решений императора и его советников, но и на основе идей, которые зарождались в нижних эшелонах власти и распространялись по цепочке командования. Основываясь, по-видимому, на своем опыте преподавания богословия студентам университета, Розенштраух сообщил лютеранской консистории о своей обеспокоенности тем, что некоторые лютеране поступают на государственную службу, не пройдя обряда конфирмации. Рассудив, что у человека, занятого государственной службой, нет времени на религиозную подготовку, он предложил принимать в государственные учреждения только тех лютеран, которые уже прошли конфирмацию. Консистория направила предложение Розенштрауха правительству, добавив от себя аргумент, что люди, сведущие в своей религии, становятся лучшими чиновниками, и в 1830 году Николай I ввел его в законодательство¹⁰.

Отшельник в келье

После достижения 60 лет Розенштраух особенно часто фигурирует в источниках. В первый и единственный раз, благодаря портрету, написанному в 1834 году, мы узнаем, как он выглядел. (См. рис. 14.2.) Это поясной портрет, на котором лицо повернуто в три четверти. Перед нами мужчина плотного телосложения с крупным продолговатым лицом, полными щеками, двойным подбородком, выдающимся носом, кустистыми каштановыми бровями и пронизательными голубыми глазами. Художник привлекает наш взгляд к его освещенному лицу, обрамленному белым воротничком с проповедническими лентами, выдающимися в нем пастора, и длинными седыми волосами, указывающими на возраст и мудрость. Другой фокус — рука, в которой он держит тонкую книгу. Если внимательно присмотреться, мы увидим, что он сидит в мягком кресле с изящными резными подлокотниками, вероятно, в своем кабинете. Справа от него с трудом можно различить Библию и еще какую-то книгу. Остальная часть полот-

¹⁰ ПСЗ (Собрание второе), т. 5, № 3701 (10 июня 1830 года), с. 499. См. также [Марасинова 2017: 294–295].

на — темный фон, создаваемый портьерой. Со времен Ренессанса этот тип композиции был стандартным для портретов ученых, а позже — пасторов и Мартина Лютера. Здесь он видоизменен в соответствии со стилем бидермайер, популярным среди немецкого среднего класса после Наполеоновских войн. Общее настроение — интимность и сдержанное благополучие: основное внимание уделяется не богатству или высокому положению, а внутреннему миру личности [Assel, Jäger 1999: 642–643; Hartje 2005: 53–54].

Мы не знаем, при каких обстоятельствах был написан портрет, принадлежащий кисти венского художника Иоганна Баптиста Фердинанда Матиаса Лампи. Лампи происходил из влиятельной династии придворных портретистов: его дед, Иоганн Баптист Лампи, приехал в Россию в 1790-х и написал портреты Екатерины II и нескольких ее придворных¹¹. Нет никаких свидетельств того, что Лампи лично встречался с Розенштраухом; возможно, он работал по чужому эскизу. В конечном счете портрет оказался во владении потомков Розенштрауха, так что, возможно, его заказали родные, а не друзья или прихожане.

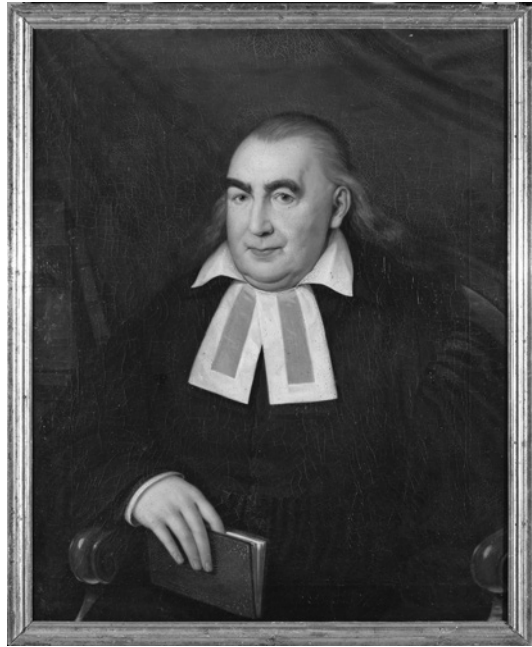
Представление о нем мы также получаем из воспоминаний трех его друзей: остзейского немца, профессора медицины Генриха Блюменталья (р. 1804), домашнего учителя, рейнландца Иоганна Филиппа Симона (р. 1810) и студента-медика Феликса Рейнгардта, также остзейского немца (р. 1812). Для этих молодых людей, только недавно прибывших в Харьков, он стал кем-то вроде доброго дедушки, и их воспоминания — лучшие из имеющихся у нас свидетельств о впечатлении, которое он производил на окружающих¹².

Блюменталь описывает Розенштрауха как человека сильной воли и «проникновенного ума», в котором «христианство выработало внутреннее смирение и приглушило естественный взрыв-

¹¹ Об истории портрета см. [Епатко 1998]. В статье авторство ошибочно приписывается Иоганну Баптисту Лампи-младшему, но также приводится подпись художника («Johann Bapt. Ferd. Ritter Lampi» [431]), которую Роберто Панчери любезно помог мне расшифровать как «Иоганн Баптист Фердинанд Матиас Лампи». О Лампи и его семье см. [Pancheri 2001: 95–115].

¹² О Блюментале, Симоне и Рейнгардте см. [Lenz 1970: 76; Gottzmann, Hörner 2007, 1: 248; Brümmer 1876–1877, 2: 357; Рейнгардт 1887: 1].

Рис. 14.2. Иоганн Амвросий Розенштраух. Художник Иоганн Баптист Фердинанд Матиас Лампи. 1834. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотографы: И. Э. Регентова, С. В. Покровский

ной характер его духа» [Mittheilungen: XI]. Его проповеди завораживали. Он не читал их глядя в записи, а окидывал взглядом храм, чтобы увидеть, кто присутствует, и соответствующим образом импровизировал. По словам Блюменталья, с годами он все чаще бывал «слаб и болен», так что ему стоило немалых усилий взойти на кафедру, но вскоре

...голос его начинал звучать, глаза сверкали божественным огнем, он говорил с такой мощью, которая уже в 30-летнем мужчине могла бы вызвать восхищение. После проповеди снова проступала физическая слабость, и тот, кто приходил к нему на квартиру к вечеру, должен был почти сомневаться, был ли этот болезненный, с трудом и тихим голосом говорящий старик тот же, кто сегодня в церкви потрясал души своей мощной речью [Mittheilungen: VIII]¹³.

¹³ Цит. по: [Мартин 2015б: 125–126]. См. также: [Kohl 1841, 2: 171–172; Simon 1855: 307–309, 312].

Он пылал миссионерским рвением и хотел говорить только о Боге и спасении. Однако, как бы он ни обрушивался на «театр, танцы, карточные игры и тому подобные занятия» (как он выразился в одной из своих проповедей)¹⁴, его прошлое как актера и продавца фривольных вещиц продолжало его преследовать, а статус главы лютеранской общины не позволял оставаться в стороне от мирских дел. Из-за этого отношения с местным обществом сделались для него источником разочарования.

Симон, приехавший в Харьков, когда Розенштраух уже восемь лет служил пастором, вспоминает, что тот жил «замкнуто в своем кабинете, как отшельник в келье». Когда в Харькове проездом оказывались имперские сановники, представители местной верхушки являлись, чтобы засвидетельствовать им свое почтение, однако «лютеранский пастор оставался в своем кабинете, сидя в кресле и вертя на столе, затянутом тонкой навоощенной тафтой, табакерку наподобие волчка»¹⁵. В результате приезжие высокопоставленные лица, влекомые любопытством, сами приходили повидаться с ним. «Он никогда не наносил визитов и сам был готов принимать визиты лишь при условии, что, как он выразился, “они наносятся пастору, а не г-ну Р[озенштрауху]”». Симон пишет:

Его дочь [Мина], сорокалетняя девица, заведовала хозяйством. Ее стол был всегда накрыт, как это заведено у всех состоятельных и богатых людей в России, дополнительно на шесть-восемь персон, для гостей, которые могли появиться неожиданно. <...> Пастор же никогда не появлялся за столом; он ел совсем один в своем кабинете, предпочитая немного супа и овощи... [Simon 1855: 309–310]¹⁶.

Однажды, когда Симон заметил ему, что своим отшельничеством он отвращает от себя прихожан, Розенштраух вначале вспылал, но потом объяснил, в чем дело. По приезду в Харьков

¹⁴ Бярятинская, в. Л. 39 об.

¹⁵ Цит. по: [Мартин 2015б: 73].

¹⁶ Цит. по: [Мартин 2015б: 122].

он наносил визиты «гражданскому губернатору и генералам», а также другим высокопоставленным лицам, русским и немцам. Те тепло принимали его, так как этот необычный богатый человек вызывал у них любопытство. Они также посещали его, и его стол каждый день был накрыт «на 16 и более персон». Мина готовила изысканные блюда, а его сын присылал ему из Москвы «драгоценные рейнские и французские вина». Именно этим он в 1812 году приручил французов, но в 1820 году его прощальная речь в масонской ложе показала, какой гнев у него вызывали люди, ставившие бытовую роскошь выше нравственного идеала. Возможно, это же он имел в виду и тогда, когда рассказал Симону, что гости с удовольствием ели и пили — «но когда я читал “Отче наш” после трапезы, они надо мной смеялись — не вслух, конечно, но так, что я мог слышать». Заметив это, он «несколько рассердился»: «Все, подумал я, это последнее, что вы от меня получите. С того дня я удалился в свой кабинет, где и принимаю пищу» [Simon 1855: 311]¹⁷.

Конфликт иного сорта возник у него с прихожанами из ремесленников. По описанию Симона, местные немцы-мастеровые были народом неотесанным, картежниками и пьяницами. Розенштраух, скорее всего, понимал, что людям, работающим в поте лица, претят нравоучения буржуа, поэтому им он приводил прагматичные доводы, объясняя, что дурное поведение ставит под угрозу их здоровье, работу и семьи. В ответ они называли его ханжой: дескать, сам был актером, а теперь читает им мораль. «Когда я произношу проповеди об этом, — рассказывал он, по воспоминаниям Симона, — все говорят: “Да пусть старик болтает! Сам таким был в молодости, а теперь, когда уже ни на что не годен, хочет испортить нам все веселье”» [Simon 1855: 309; Мартин 2015б: 128].

Пребывая в особенно мрачном расположении духа, Розенштраух обращал обвинение в ханжестве против них самих. Большинство приходов, писал он другу,

¹⁷ См. также [Мартин 2015б: 123].

...желают, чтобы проповедник был *беспощаден* и с кафедры обличал любые беззакония; *втайне* же они хотят, чтобы *поведение* проповедника *противоречило* тому, чему он учит, чтобы было чем *оправдаться*, если они не будут *поступать* так, как учит проповедник¹⁸.

Время прошлого

В пиетистской духовной традиции, к которой в остальном был близок Розенштраух, придавалось большое значение рассказам о собственной жизни и жизни своей семьи как свидетельству о том, что человек победил греховного внутреннего Адама и стал достоин искупления. Розенштраух, однако, позволял себе проговориться только перед несколькими людьми, разделявшими его веру, и даже тогда смешивал правду с недомолвками и откровенной ложью. Симон и Рейнгардт узнали о его жизни немало, но, по-видимому, ни слова не слышали о его родителях или браке; к тому же он лгал им, будто учился в высшей школе в Бреслау и руководил театром в Москве. Симон восхищался его историей: «Студент [университета], актер, купец, мастер логи, директор театра и, наконец, пастор — какая необыкновенная карьера!» [Simon 1855: 307; Рейнгардт 1887а: 153]¹⁹. Но чаще Розенштраух предпочитал уклоняться от разговора. Как вспоминал Блюменталь,

...каждый разговор он быстро и умело сводил к теме христианства. <...> Даже когда он рассказывал интересные случаи из своей жизни, они были лишь переходом к какой-нибудь христианской истине, которую он тогда воодушевленно влагал в сердца присутствующих [Mittheilungen: XI; Мартин 2015б: 128].

¹⁸ Барятинская, в. Л. 20 об.

¹⁹ О пиетистских нарративах см. [Gleichner 2005: 165]. В 1819–1821 годах в Москве действительно был немецкий театр, но о том, что Розенштраух имел к нему отношение, нет никаких свидетельств; директором театра был один из его коллег, знакомый ему по Петербургу [Погожев 1906: 246–247].

Иногда его рассказы о собственной жизни были вымыслом от начала до конца. Одну из историй записал автор путевых заметок Иоганн Георг Коль, проездом побывавший в Харькове вскоре после смерти Розенштрауха. По версии, услышанной Кодем, Розенштраух «родился и воспитан в Праге в низком состоянии, женившись там очень рано, получил место подмастерья художника по декорациям». Живя в бедности, «также декоратором он уехал в Брюссель, откуда его, австрийца, изгнала Французская революция». Некоторые моменты этой истории соответствуют его реальной биографии: театр, ранняя женитьба, бедность, пребывание в Голландии и Бельгии после начала Французской революции. Однако история эта позволяет ему избежать позорного пятна актерства; он как бы превращает себя в своего друга Чермака, художника-декоратора из Праги. Далее, переворачивая связь между службой в театре и торговлей, он, согласно Колю, уехал в Санкт-Петербург, открыл «так называемый косметический магазин» и «завел благодаря своим благовониям знакомства среди некоторых благородных, которые помогли ему получить место в театре». В соответствии с расхожим мнением, будто деспотический порядок в России использовал иммигрантов, которых мог с одинаковой легкостью вознести или низвергнуть, его рассказ гласит, что с «обыкновенной скоростью, с какой делают в России карьеру умелые и умные иностранцы», он стал «инспектором большого императорского театра». Потом театр сгорел — это случилось на самом деле, но с немецким театром и не под его началом — и, «так как в России принято, что все начальники отвечают головой за все, что им поручено», он решил, что его вот-вот сошлют в Сибирь. Он пришел в ужас, когда к нему домой заявился полицмейстер, но — драматический поворот! — тот принес добрую весть: оказалось, что здание театра будет отстроено. Подобные повороты судьбы были обычным делом при Павле I, о чем Розенштраух наверняка знал понаслышке и, возможно, из автобиографической книги драматурга А. фон Коцебу [Коцебу 2001]. «Тем не менее, — завершает свой рассказ Коль, — [он] стал со временем думать, что, учредив модную торговлю в Москве, он еще увеличит свое благосостояние, и отправился туда» [Kohl 1841, 2: 168–170; Мартин 2015б: 128–129].

Прошлое Розенштрауха вызывало нападки не только прихожан, но и других священников. Многие были склонны видеть в нем мошенника, или наивного религиозного мистика, или же незваного гостя в их профессии. В ответ он осуждал их за теологический рационализм и чувство превосходства, точно так же как ранее обрушивался на масонов, считавших, что мудрость заключена в мистических книгах, или использовавших свое положение в обществе, чтобы главенствовать над собратьями. В проповеди, которую Блюменталь записал по памяти, Розенштраух вопрошал: должны ли мы бояться насмешек нехристиан?

О нет, нет, — это книжники и фарисеи нашей *собственной* церкви, чьи возвышенные и надменные речи проникнуты высокомерием и спесью, — это *их*, *их* нам надо бояться; они столь легко сбивают с толку совесть слабых, ничтоже сумняшеся выступая с самозванными истолкованиями Святых писаний, да еще и дерзко объявляют свои заблуждения высокой истиной! *Они* суть волки в позаимствованных овечьих шкурах, которых должна бояться и бежать их всякая благочестивая душа; к *ним* применимо сказанное: «Ядущий со мною хлеб поднял на меня пята свою» [Mittheilungen: 177; Мартин 2015б: 125]²⁰.

Подобные взрывы негодования были ответом на презрение, которое он ощущал по отношению к себе. Он писал другу:

...так как я был призван к священству только на 53-м году моей жизни, я протягивал руки во все стороны, чтобы получить от опытных христиан поучение и совет. Но везде — и в особенности мои собратья по чину — со мной обращались пренебрежительно, часто насмешливо, потому что меня не понимали и принимали за лицемерие то, что было самым горячим побуждением моего сердца [Mittheilungen: 142].

Мы можем только догадываться о постоянных оскорблениях, вызывавших такие чувства, но сохранились свидетельства о четырех эпизодах, показывающих, каким он подвергался нападкам.

²⁰ Библейская цитата — Ин. 13:18.

Все они прошли для него без последствий, но из них ясно, насколько его обременяло прошлое.

В первом эпизоде выступает некто по имени Карл Лиммер. Как мы видели, для колоний поселенцев было так трудно найти священников, что власти были готовы назначать людей без должного образования. Это порой вызывало возмущение пасторов, у которых такое образование имелось. И они могли в отместку обвинить своих коллег не только в непригодности к церковной службе, но и в том, что те угрожают церкви и государству, — а в период, когда правительства России и Европы опасались революционных заговоров, это было серьезное обвинение.

И Лиммер, и Розенштраух были немцами одного поколения, но Старый порядок повел их разными путями. Розенштраух знал, что его положение отщепенца в обществе на его собственной совести — в конце концов, это он принял решение стать актером, — и стремился измениться. Лиммер, напротив, считал, что это мир поступает с ним несправедливо. Он всегда хотел стать пастором и сделал то, что от него зависело, — окончил курс теологии в Лейпциге. Но он так и не смог получить назначение в церковь и вынужден был довольствоваться местом учителя в России. В течение долгих 20 лет он преподавал то в одном, то в другом городе, пока, наконец, в 1809 году не был назначен пастором в Полтаве. В 1818 году его перевели в Саратов, где суперинтендантом был друг Розенштрауха Фесслер. Между ними произошел конфликт, и Лиммера уволили. Оставшись без гроша, разочарованный, миновавший тот возраст, когда можно легко начать все сначала, в 1822 году он вернулся домой, в Саксонию. Остаток своей долгой жизни — он умер в возрасте 85 лет в 1853 году — он с трудом сводил концы с концами, выступая как независимый ученый и наполняя предисловия к своим книгам лестными отзывами о себе князей и ученых и гневными тирадами в адрес своих вообразяемых преследователей²¹.

²¹ Краткий рассказ Лиммера о своей жизни см. в [Limmer 1823]. См. также [Recke 1827–1832, 3: 71–74; Egli 1886: 36]. Предисловия Лиммера см., например, в его книгах [Limmer 1837, 1845–1848].

Покинув Россию, он первым делом написал книгу с намерением отомстить Фесслеру. Фесслер был католиком, обратившимся в протестантизм, а в Поволжье, где он служил, сильное влияние имела моравская церковь. Нападки Лиммера вызвали яростный отпор со стороны Фесслера и других; их полемика освещалась на страницах немецкой прессы²². Лиммер обвинял Фесслера в том, что тот остался тайным католиком и благоволил моравским братьям, масонам и мистикам и все это было частью заговора иезуитов, желавших достичь мирового господства. После Французской революции конспирологические теории подобного рода широко распространились как в России, так и на Западе. В частности, иезуитов часто обвиняли в использовании своих школ и миссий для распространения религиозного мракобесия и возвышения папства за счет независимости наций [Healy 2003: 29–42]. Все эти измышления повторил Лиммер, утверждая, что экуменизм Фесслера был обманным ходом, направленным на «слияние евангелического протестантизма с иезуитским католицизмом, призванное установить всеобщую иерархию, в которой все государи, все правительства и все народы будут принуждены к слепому повиновению». Озлобленный тем, что официальные структуры его отвергли, Лиммер считал себя обязанным разоблачить врагов престола и алтаря, раболепных, корыстолюбивых и исполненных ложной мудрости, а следовательно, являвших собой противоположность истинным пастырям, таким как он сам. Испытывая особенно сильную ненависть к Беттигеру, Лиммер с отвращением приводит список его прошлых занятий: «домашний учитель у детей богатого портного»; «юрист-крючкотвор»; «приказчик в лавке»; «женатый на русской простолюдинке». И кто был союзником Беттигера? «Актер, ставший лавочником, Розенштраух». Наверняка у него нашлись бы и другие отборные оскорбления, если бы Розенштрауху не хватило благоразумия

²² О полемике по поводу книги Лиммера см.: *Vermischte Schriften // Allgemeine Literatur-Zeitung*. 1824. April. № 88. Kol. 697–704; № 89. Kol. 705–712; № 90. Kol. 713–720; № 91. Kol. 721–723; *Theologisches Literaturblatt: Zur Allgemeinen Kirchenzeitung*. 1825. 27. Mai. № 21. Kol. 197–200; *Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur*. 1823. Bd. 3, № 2. S. 145–147.

умолчать о своем неудачном браке и католическом прошлом [Limmer 1823: 13, 22, 176].

Второй эпизод имел место, когда некто усугубил нападки Лиммера, написав на Розенштрауха донос российским властям. К тому времени Александр I уже отказался от прежней политики религиозного экуменизма. Двумя фигурами, особенно живо напоминавшими об этой политике, были баварские католические священники Игнац Линдль и Йоханнес Госснер; оба проповедовали идеи, более близкие к пиетизму, чем к общепринятому католицизму. Линдля, курировавшего католические колонии в Новороссии, выслали из России в 1823 году, Госснера, проповедовавшего в Санкт-Петербурге, — в 1824-м. На фоне этих событий появился документ, сохранившийся в архивах Собственной Его Императорского Величества канцелярии — ведомства, которое занималось вопросами, требующими личного внимания императора. Выглядит он так:

1824 г.

В Одессе остались два последователя Линделя: Суперинтендант Беттигер и Пастор Розенштраух. Первый есть у Лютеран то, что Госснер у Католиков, а второй из евреев, бывший актер немецкого театра, выгнанный из Петербурга за плутовские дела и бывший в Москве начальником Массонской ложи, весьма дурного, вероятно, духу. Он после сих подвигов сделан пастором.

Беттигер женил в Одессе Католического священника Линделя²³.

Нет ни подписи, ни точной даты, ни вступления или заключения, так что, вероятно, это выдержка из более пространный документа. Нападки на неортодоксальных протестантских и католических богословов заставляют вспомнить о Лиммере, но содержащиеся в тексте обвинения, возможно, основанные на слухах, циркулировавших в Одессе, имели и политическую по-

²³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4395. Л. 2–2 об. «Собственная е. и. в. канцелярия. Записка о последователях учения Линделя: суперинтендант Беттигер и пастор Розенштраух. 1824 г.».

доплеку. Актеры изображают других людей, плутовство — признак недобросовестности торговца, предводители масонов, по распространенному убеждению, обманывали своих последователей, а евреи, как считалось, принимают христианство только для того, чтобы повысить свое положение в обществе. Коротко говоря, Розенштрауха обвинили в том, что он отъявленный жулик. Тот факт, что эти обвинения дошли до имперской канцелярии, показывает, что человек столь «дурного духу» считался способным поставить под угрозу не только христианскую веру, но и безопасность империи.

Приверженцы теорий заговора нередко расценивали масонство как угрозу государству. Особое подозрение вызывали логи с зарубежными связями и социально разнородным составом, а также те, что проявляли слишком сильный интерес к общественной деятельности. Учитывая, что масоны и группы, организованные по масонскому принципу, играли ведущую роль в движении декабристов, а также в испанской и итальянских революциях 1820 и 1821 годов, в этих опасениях было некое рациональное зерно. В 1822 году масонство было запрещено в России, а после восстания декабристов в 1825 году репрессии усилились. Именно к этому времени относится третий эпизод [Grandhay 2011: 116–118; Stites 2014: 77–78, 135, 139].

Розенштрауху никогда не ставили в вину масонские связи с несколькими декабристами, но его имя в деле упоминалось. Во время арестов в силки властей попал Федор Реннеман, казначей московской ложи «Ищущих манны», которая собиралась по соседству с ложей Розенштрауха. Реннеман в своих показаниях заявил, что ложа «Ищущих манны» состояла в основном из дворян и чиновников, вела собрания на русском языке, не имела связей за рубежом и занималась исключительно нравственным самосовершенствованием. Одним словом, она не представляла никакой угрозы. Напротив, ложа Розенштрауха вела себя подозрительно. В нее входили «дворяне, чиновники, доктора, ученые, купцы, мастера и пр.». Она имела сношения с иностранными ложами и функционировала на немецком языке. Ее «главной целью» считалась «благотворительность», то есть деятельность

в общественной сфере, и она следовала «Новой системе» (Исправленный шотландский устав, или «Благодетельные рыцари»). Сам Розенштраух, по словам Реннемана, «принадлежал, вероятно, к иностранным ложам»; он был актером, купцом в Санкт-Петербурге и Москве, а потом пастором в Одессе и Харькове. Хотя Реннеман признавал, что во всем этом нет ничего предосудительного и даже сомнительного, он сделал злое добавление, что «обстоятельство, что сии, Новой системы значительные масоны [Розенштраух и Беттигер], домогались быть учителями Христианской религии и в таких значительных местах — обращает особое внимание» [Корнеев 1999: 80–83]²⁴.

Начало четвертого эпизода относится к 1827 году: несколько одесситов обвинили Беттигера в неподобающем сексуальном поведении. Одна из женщин сообщила следователям, что ради нее он обещал бросить жену; две другие объявили его отцом своих детей; прочие обвиняли его в непристойных домогательствах и попытках изнасилования, говорили, что видели его в бане с женщинами или что он пытался запугать свидетелей. Дело дошло до высших уровней правительства и наконец было рассмотрено Комитетом министров. Комитет счел поведение Беттигера неприемлемым, но был обеспокоен тем, что сексуальный скандал нанесет ущерб нравственному авторитету духовенства. Поэтому в июне 1828 года вышло распоряжение, чтобы Беттигер был отстранен от должности по туманному обвинению в «соблазнительной жизни» и предстал перед судом за поведение, неподобающее священнослужителю. Судебное разбирательство, как и все процессы в России того времени, должно было быть закрытым для публики²⁵.

Вместо того чтобы предстать перед судом, Беттигер предпочел бежать. В феврале 1829 года он объявился в Лейпциге, под фамилией Рейхмейстер, с поддельным паспортом и намерением

²⁴ О масонских связях Розенштрауха с декабристами см. [Серков 2000: 195, 197–199, 203; Серков 2020, 4: 90–91, 96, 204, 215].

²⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 556. Л. 13, 107. «Журнал Комитета Министров» (июнь 1828 года); Д. 568. Л. 502–513. «Приложения к журналам» (июнь 1828 года).

провести громкие публичные лекции, в которых собирался раскрыть «высшую задачу человека». Лейпцигский профессор философии Вильгельм Трауготт Круг опубликовал брошюру, в которой утверждал, что Рейхмейстер распространяет мистический вздор — например, будто растениям свойствен первородный грех, ибо они эгоистически черпают пищу из почвы и воздуха, — чтобы собрать для иезуитов сведения о легковерии масс. Учтивый господин Рейхмейстер, писал он, это не кто иной, как Беттигер из Одессы, человек, ставший печально известным благодаря книге Лиммера, а помощником его, по словам Круга, был «актер, ставший лавочником, Розенштраух» [Krug 1830–1836, 2: 482, 485, 490–491]²⁶.

Беттигера арестовали и экстрадировали в Россию. В 1837 году его сослали в Вятку. Поскольку в провинциальной России был большой спрос на европейские навыки, образованных ссыльных часто хорошо принимали, и они находили работу, хотя и оставались под надзором полиции. Беттигер был принят в вятское общество. Он давал уроки немецкого другому ссыльному, будущему основателю русского социализма А. И. Герцену, и, поскольку когда-то изучал медицину, вел нелегальную, но терпимую местными властями медицинскую практику. Однако в 1840 году удача от него отвернулась: правительство встревожилось признаками «вольномыслия» в Вятке и отправило его дожидаться оставшиеся годы в Сибирь [Петряев 1984: 101–102].

Розенштраух был потрясен падением Беттигера. Правительству, по-видимому, удалось замять сексуальный скандал: своему другу Симону Розенштраух объяснил, что Беттигер был уволен, так как «скрылся с церковной кассой». Из тюрьмы Беттигер просил Розенштрауха о помощи, но тот отказал. Его негодование, несомненно, было искренним, но он должен был заботиться

---

²⁶ Этот текст вначале вышел под заглавием: Professor Krug, Enthüllung mystischer Umtriebe in und außer Leipzig: Ein Beitrag zur Geschichte unserer Zeit (Leipzig, 1829), а затем был перепечатан в: Die auf Missionen irrwandernde Erbsünde oder der zu Leipzig entlarvte Erbsünde-Prediger, Mr. de Reichmeister // Sophronizon: Eine unpartheyisch-freimüthige Zeitschrift. 1829. Bd. 11, № 4. S. 57–78.

и о собственной с таким трудом приобретенной респектабельности. Беттигер сумел отомстить Розенштрауху посмертно. По пути в Вятку, пишет Симон, Беттигер проезжал через Харьков и был приглашен на вечер в местное общество, где он флиртовал с дамами и вел себя как «безупречный придворный кавалер». Скромничая, он сказал, что за всю жизнь совершил только один непростительный грех. Когда его попросили объяснить, какой именно, он нанес удар в самое уязвимое место бывшего друга: «Грех в том, — ответил он со своей иронической улыбкой, — что я сделал актера Р[озенштрауха] пастором» [Simon 1855: 321–323].

Друзья по переписке

Розенштраух шел к пастырскому служению долгим кружным путем. Из-за этого многие относились к нему с подозрением. Однако среди пиетистов, вера которых основывалась на личном стремлении к искуплению, это только придавало ему духовный авторитет. Поэтому он, как и многие другие пиетистские пасторы, часто получал письма с просьбой о совете. В письме к одному из корреспондентов он извиняется за то, что не помнит, о чем писал ему ранее: «Потому что в каждый почтовый день я должен написать столько [писем] разного содержания, что спустя некоторое время уже не могу вспомнить, что писал тому или иному, ибо вся моя переписка в целом не выходит за круг *христианский*»²⁷.

В его сохранившейся переписке преобладают письма двум адресатам. (Сохранились только его письма, а не те, которые он получил в ответ.) Первый корпус хранился у Кристиана Фридриха Килиуса, купца из Бадена, региона на юго-западе Германии. Килиус вступил в Базельскую миссию и стал пастором в одной из крымских колоний. Сам он был слишком молод, чтобы письма адресовались лично ему; возможно, они написаны кому-то из его родственников в Крыму. Этот адресат — будем называть его

²⁷ Weitere Mittheilungen aus Rosenstrauch's Nachlaß // Evangelische Blätter. 1838. 20 März. № 12. Kol. 89–90. Цит. по: [Мартин 2015б: 124]. См. также [Gleixner 2005: 79, 91].

Килиусом — был примерно равен Розенштрауху по жизненному положению, чего никак нельзя сказать о другой его корреспондентке, княгине Марии Федоровне Барятинской. Это была известная немецкая красавица-аристократка, дочь прусского посла, племянница русского фельдмаршала (П. Х. Витгенштейна) и жена И. И. Барятинского, отпрыска богатой русской дворянской семьи. У нее было семеро детей, один из которых впоследствии стал фельдмаршалом, а еще двое — генералами [Инсарский 1898, 2: 323; РБС, 2: 526–527, 543–544]²⁸.

Письма Розенштрауха к Килиусу и княгине Барятинской во многом схожи. В эмоциональной, выразительной манере они провозглашают основные принципы пиетизма и «Пробуждения»: отрекитесь от мирской суеты. Молитесь. Читайте Библию. Верьте в Божью любовь. Не слушайте маловеров. Творите добро в этом мире. А главное, не страшиться смерти, ибо это врата к спасению.

По большей части он просто излагает свои убеждения, подразумевая, что это мудрость, пришедшая с опытом. Иногда он прибегает к приземленным сравнениям. «Что же, — вопрошает он, — если даже ученик сапожника, желая стать подмастерьем, должен в течение четырех-пяти лет терпеть побои и издевательства, то неужели и вечное блаженство не стоит нескольких лет борений?» Практически единственный авторитет, на который он ссылается, это Библия, толкуемая им сквозь призму «низшей», а не «высшей» критики. Мы убеждаемся в его интересе к низшей критике, касающейся точности текста Библии, когда он рассказывает, как вместе с друзьями сравнивал современные переводы Библии с греческим и еврейским оригиналами: английская версия, пишет он, кажется лучше французской и немецкой. Высшая критика изучает Библию в историческом контексте времени, когда она была написана, и предполагает, что для правильного ее прочтения требуется специальная подготовка. Такие взгляды он отрицает: «Слово Божье чисто, просто и понятно каждому, ибо

²⁸ См. также: Verzeichniß der gegenwärtig im fernen Auslande arbeitenden Zöglinge der evangelischen Missionschule zu Basel // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. 1832. № 3. S. 337.

писано оно для *всех людей*, а не только для ученых и философов...» [Mittheilungen: 90, 142]²⁹.

Скептицизм его распространяется на всю книжную ученость, которая, как он говорил еще в масонских речах, порождает лишь гордыню и заблуждения. Чтобы познать истину, не нужно ничего, кроме наития, отточенного опытом и подтверждаемого Библией. Дьявол реален, пусть даже «философы» это отрицают. Он соглашается с неким не названным им автором в том, что мертвые оберегают живых, но «мудрецы мира сего готовы тотчас же облить подобные объяснения едкой кислотой критики... дабы отнять у людей веру во все, чего нельзя постичь земным рассудком». «Глупцы, мистики, пиетисты, обскуранты, — пишет он, — так мир именует тех, кто на себе испытал, насколько больше духовного блаженства даруется божественным неразумием, чем пустопорожней философией нашего времени». Ключ к вере — не «мертвые теории», а «живой, благотворный опыт... даруемый лишь Божиим всемогуществом, но не людским красноречием» [Mittheilungen: 160–161]³⁰.

Он внушает обоим своим корреспондентам одни и те же идеи, но его отношения с ними не одинаковы. С Килиусом он ведет откровенный разговор с дружеской прямоотой отца или дяди. Из его писем следует, что они когда-то встречались лично, но теперь живут далеко друг от друга и не имеют возможности видаться; он даже сомневается, что узнал бы сейчас Килиуса в лицо. Иногда он упоминает события из жизни Килиуса, но в основном в письмах обсуждаются духовные проблемы.

Письма к княгине Бяратинской говорят о более сложных отношениях. Еще в Москве у него были деловые связи с Бяратинскими, они покупали у него товары, но до 1829 года, когда началась их переписка, они были мало знакомы. Теперь княгине было за 30, она овдовела и жила с младшими детьми в своем роскошном поместье Марьино в Курской губернии, а Розенштраух, периоди-

---

²⁹ См. также: Бяратинская, в. Л. 22. Письма Розенштрауха Килиусу, написанные между 1826 и 1835 годами, опубликованы в [Mittheilungen].

³⁰ См. также: Бяратинская, д. Л. 8; Бяратинская, в. Л. 10 об.

чески посещавший Курск, был ее пастором. Похоже, она обратилась к нему за советом, стоит ли ей снова выходить замуж и, на будущее, как укрепить веру в себе и в детях. Они переписывались по меньшей мере до 1833 года (дата его последнего сохранившегося письма), и он не менее пяти раз навещал ее в Марьине³¹.

Их дружба была глубокой и длительной. Это единственная женщина, отношения его с которой мы можем реконструировать по сохранившимся источникам. Они переписывались и встречались лично. По возрасту он годился ей в отцы, но по положению она стояла гораздо выше, и, конечно, он был мужчиной, а она — женщиной. Поэтому тон его писем к ней меняется в зависимости от обстоятельств. Он обращался к ней как к покровительнице, выступая от имени просителей и добиваясь пожертвований для своей церкви. Он также организовывал для нее деловые операции, поручая Вильгельму приобретать различные предметы церковного обихода. Называя себя ее «духовником», он давал ей религиозные наставления, но также говорил с ней с позиций мирского, житейского опыта: например, советовал ей не выходить повторно замуж, так как сводные семьи зачастую раздираются конфликтами, а дети не терпят, когда мать приводит к себе в спальню чужого мужчину³².

Выступая в ролях харьковского пастора и духовного наставника княгини, он столкнулся с уже знакомой двойственностью. У пастора есть нечто общее с актером: он обращается к обществу в целом, но должен мириться с тем, что люди привносят в театр или церковь обычаи мира сего — грубость, безразличие и борьбу за статус. Его отношения с княгиней Барятинской, напротив, несли на себе отпечаток «Пробуждения» и напоминали о масонском опыте. Оба учения гласили, что искатели истины — это лишь горстка избранных, чьи деяния в конце концов спасут мир, но

³¹ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 203. Ед. хр. 8а. Л. 1–2; Барятинская, б. Л. 3, 5; Барятинская, в. Л. 8, 30; Барятинская, д. Л. 5; НИОР РГБ. Ф. 219. Картон 92. Ед. хр. 2. Л. 4–4 об. (дневник Ольги Орловой-Давыдовой, урожд. Барятинской).

³² Барятинская, б. Л. 7, 9 об. — 10, 14 об.; Барятинская, в. Л. 1, 18, 21; Барятинская, ж. Л. 1 об. — 2, 3 об., 26; цит. Барятинская, б. Л. 24 об.

вначале они должны отречься от общества и вступить в братство под руководством мудрых старейшин.

Он позволял княгине Барятинской по-разному истолковывать их отношения. Чаще всего он подчеркивал лежащую между ними социальную дистанцию, представляя себя стариком, проявляющим к ней сугубо отеческое участие. Однако он также намекал, что их объединяет мистическая связь. Немецкие теософы и миллениалисты иногда заключали мистические «браки», в которых мужчина и женщина устанавливали духовную связь через молитву и преданность Христу. Похоже, к чему-то подобному он клонит, сравнивая их связь с браком и с великой мужской дружбой в истории: «В Священном Писании мы находим только один пример [истинной дружбы] — Давид и Ионафан, а во всей мирской истории есть только Орест и Пилад. Что Бог сочетал, — добавил он, цитируя запрет на развод в Евангелии от Матфея (19:6), — того человек да не разлучает». В другой раз он изъясняется почти романтически: «Я почитаю и люблю вас с истинно отеческой нежностью, и, если бы вы не стояли так далеко выше меня по титулу и положению, я бы постарался предоставить вам самые деятельные доказательства чистоты и искренности моих чувств к вам»³³.

Он неустанно повторял один совет: удалиться от мира, жить для Бога, в том же духе воспитывать своих детей и посвятить свое богатство делу усовершенствования человечества. Именно так поступил он сам, хотя и не упоминал об этом. Вера освятит ее жизнь как женщины, а он, как ее наставник и проводник, будет отвечать на ее вопросы о духовном и помогать справляться с социальными и эмоциональными трудностями, встающими на пути. Пусть второй брак, о котором она подумывает, останется целомудренной дружбой. Она должна быть матерью своим крепостным и использовать свое богатство для улучшения их положения. А главное, она должна обрести высшее материнское блаженство, ведя к спасению своих детей³⁴. Этот его совет пере-

³³ Барятинская, б. Л. 13 об., 24 об.; Барятинская, в. Л. 16. О мистических браках см. [Leu 1975: 89].

³⁴ Барятинская, б. Л. 14, 23, 24; Барятинская, в. Л. 4 об., 33 об.; Барятинская, ж. Л. 1 об. — 2.

кликался с пиетистской верой в то, что материнство для женщины то же, что профессия для мужчины: это ее «призвание», мирской труд, посредством которого она приближает Царство Божье [Gleixner 2005: 400–401].

Вопрос о вере детей очень беспокоил княгиню Барятинскую. Ее муж был православным, следовательно, в православие были крещены и дети, но для Розенштрауха это было несущественно. Его советы затрагивали не только духовную сферу, но и вопросы воспитания, особенно в том, что касалось ее старшей дочери Ольги: та была девушкой благочестивой, но с матерью не ладила. Судя по дневниковой записи, сделанной 16-летней Ольгой в ноябре 1830 года, Розенштраух действовал на нее вдохновляюще: «Пастор Розенштраух, — пишет она, — прибыл [в Марьино], чтобы освятить маленькую часовню на острове. Он говорил со мной так долго, как никогда прежде, и это доставило мне великое удовольствие». Два года спустя, когда она вышла замуж, он написал ее матери, что брак «*полон тайн*» и он хотел бы поделиться с Ольгой «кое-чем из того, чему научил меня многолетний опыт»³⁵. Учитывая его собственную семейную историю, возникает вопрос, чем таким он мог поделиться с Ольгой.

У одра умирающих

Розенштраух выбирал способ общения в зависимости от аудитории. Его проповеди слушали прихожане, его письма прочитывались адресатами и, возможно, их друзьями и родственниками [Seesemann 1979: 578]. Третьей аудиторией, до которой он хотел достучаться, было духовенство. Он верил, что наша судьба в вечности зависит от того, умрем ли мы примиренными с Богом, и поэтому у пастора нет более высокой обязанности, чем заботиться о прихожанах в их последние часы. Чтобы обнародовать наставления своим коллегам, он обратился к помощи прессы: цикл очерков «Наблюдения евангелического пастора у одра

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 219. Картон 92. Ед. хр. 2. Л. 4–4 об.; Барятинская, д. Л. 3 об.; Барятинская, в. Л. 9, 13.

умирающих» [Розенштраух 1863]³⁶ печатался в «Евангелических листках» в конце лета 1833 года³⁷.

Еженедельный журнал «Евангелические листки» издавался профессором Фридрихом Бушем в Дерптском университете, где был единственный в России немецкий теологический факультет. Буш учился в Берлине у Августа Толука и Августа Неандера, двух ведущих теологов, которые отвергали рационализм и уделяли особое внимание чувствам и внутреннему благочестию. Как выразился один историк XIX века, христианство Буша было «основано на вере в Библию, с ярко выраженной пиетистской окраской». Его «Евангелические листки» объединяли верующих-единомышленников, не только публикуя душеполезные тексты, но и предоставляя площадку для общения: например, в 1834 году, когда украинские колонисты страдали от засухи, в журнале печатались письма их пастора, а Буш собирал для них пожертвования [Rückblick 1866: 158; Stach 1942: 16].

Возможно, посредником между Розенштраухом и Бушем был друг Розенштрауха Блюменталь, выпускник Дерптского университета, который время от времени публиковался в «Евангелических листках». Блюменталь, врач и профессор медицины, активно занимался церковными делами и был посредником между русской и немецкой культурой: он возглавлял совет церкви Розенштрауха, а в последующие годы своей долгой и выдающейся карьеры руководил крупной московской больницей, возглавлял Московскую лютеранскую консисторию и переводил на немецкий язык Пушкина и труды по православному богословию [Döllen 1888: 135; Gottzmann, Hörner 2007, 1: 248]³⁸. Заметки Розенштрау-

³⁶ Далее цитируется по этому изданию (если не указано другое) с указанием страниц в скобках.

³⁷ См.: *Erfahrungen eines evangelischen Seelsorgers an Sterbebetten* // *Evangelische Blätter*. 1833. August 26. № 35; September 3. № 36; September 10. № 37; September 17. № 38. Kol. 331–334, 337–375. Перепечатано в [Mittheilungen: 1–55].

³⁸ Статьи Блюменталю опубликованы, в частности, в: *Evangelische Blätter*. 1833. 8 Januar. № 2; 7 Mai. № 19; 1834. 15 April. № 15; 1838. 24 Juli. № 30. В числе его переводов: Alexander Puschkin. Eugen Onegin: Roman in Versen (Moskau, 1878); Macarius [Макарий (Булгаков)]. *Handbuch zum Studium der christlichen, orthodox-dogmatischen Theologie* (Moskau, 1875).

ха могли заинтересовать его и как духовное размышление, и как утверждение братства между христианскими конфессиями. Они также отвечали его медицинским интересам. Литература о смерти благочестивых христиан входила в давнюю протестантскую традицию. Пиетистская версия этого жанра, к которой принадлежит текст Розенштрауха, отличалась пристальным вниманием к медицинским аспектам смертельной болезни и поведению не только самих умирающих, но и тех, кто их окружал. Возможно, Розенштраух и Блюменталь наблюдали одних и тех же пациентов, а затем вместе публиковали его записки [Gleichner 2005: 195]³⁹.

Открывая свой цикл очерков, Розенштраух допускает, что предрассудки и философский рационализм могут заставить читателей усомниться в его рассказе. Даже наблюдения уважаемых пасторов часто отвергаются как недостоверные, пишет он; а ему тем более не поверят из-за «моей прошлой жизни и необычного пути, которым я пришел к проповедованию». Однако

...именно в таковых обстоятельствах стоит передо мной великая задача... рассказать о том, что Его милостью сделалось со мной после того, как редкое стечение необычных событий привело меня в Его виноградник. Вере моей требовалось мощное подкрепление, и сперва я должен был сам убедиться в истинности всех божественных обетований, а потом уже наставлять и утешать других и призывать их к вере [Mittheilungen: 2–3].

Ключи к мудрости — вера и опыт; эта теория подкрепляла его собственный неортодоксальный жизненный путь. После смерти Розенштрауха автору путевых заметок Колю приходилось слышать, что, «поскольку проповедником его сделали не годы учения, а сама его жизнь и внутреннее побуждение, и поскольку обо всех жизненных обстоятельствах он знал из личных наблюдений и опыта», он мог находить общий язык с людьми «любого положения, возраста и образованности» [Kohl 1841, 2: 171]. В цикле «У одра умирающих» он рассказывает о собственном познании

³⁹ См. также [Згурский 2019]; о том, как это пересекается с английской евангелической литературой, см. [Riso 2015: 165–170].

смерти и спасения и призывает других священнослужителей последовать его примеру, сойдя с кафедр и выйдя в мир.

Он описывает смерть 17 человек — среди них 14 мужчин и всего три женщины. Он не объясняет этой диспропорции, но, похоже, он считал мужчин более склонными к неверию. Историки иногда говорят, что в XIX веке произошла «феминизация религии». По мере того как западная культура все резче разделяла гендерные роли, отводя женщинам место у семейного очага, а мужчинам — в мире профессиональной деятельности, народное благочестие приобретало черты, считавшиеся женскими: сентиментальность, антиинтеллектуализм и поклонение Богу любви, а не гневной справедливости. Участие женщин в церковной жизни росло, между тем как мужчины начали уходить из церкви. Личные убеждения Розенштрауха соответствуют этому новому, «женскому» восприятию религии, и он, наверное, сам видел, что мужчины отдаляются от церковной жизни. Я не нашел данных за его период, но в 1875 году в Харькове причащалось 50 % женщин-лютеранок и только 33 % мужчин [Pasture 2012: 8–10; Döllen 1880: 145, 150]. Все три женщины в его очерках набожны и привязаны к семьям; среди мужчин же таких немного. В основном мужчины отчуждены от Бога, будучи индивидуалистами, рационалистами или мирскими честолюбцами; все это качества, которые культура XIX века считала сугубо мужскими.

Чтобы обнаружить внимание к гендерным различиям, мы должны читать между строк. С другой стороны, о классовых различиях Розенштраух высказывается открыто. Привилегии, утверждает он, враждебны вере. Простые люди знают, что такое мирная смерть во Христе; у высших классов этого знания нет.

Он начинает с рассуждений о грубой телесности смерти: она превращает живого человека в отвратительный труп. Бедные относятся к этому честно, так как, в отличие от богатых, они не брезгливы. Его первый рассказ, который мы прочитали на с. 377, посвящен мальчику, умершему в Одессе. Далее он пишет о благочестивом перчаточнике, который, лежа на больничной койке, издает такое зловоние, что это отпугивает больничный персонал; однако за ним заботливо ухаживает другой пациент, сапожник.

Для Розенштрауха это преображающий опыт. История с мальчиком излечивает его от брезгливости, и позже он буднично описывает зловоние, исходящее от перчаточника, и изуродованное болезнью тело умирающего портного.

Бедняки не одиноки перед лицом смерти. Родители мальчика окружены близкими; у перчаточника есть сапожник; мать умирает в кругу семьи. Они принимают свою судьбу и предвкушают вечность. Две молодые женщины, одна из которых недавно стала матерью, умирают в экстатическом восторге. Более типичен портной: когда-то мирские книги сбили его с пути, но позже он вернулся ко Христу. Пока Розенштраух молился у его постели, «все тише, слабее и прерывистее становилось дыхание больного, пока совершенно не прекратилось. Так уснул он, как ребенок на груди матери! <...> Выражение лица его не только было спокойно, но и прекрасно» (91). Смерти часто предшествуют небесные видения. Последними словами перчаточника было: «Серебряные виноградные лозы, золотые грозды — и прекраснейший Садовник простирает ко мне Свои объятия! Ах, если бы вы могли все это видеть!» (31). Розенштраух утверждает, что не может сказать, насколько реальны такие видения, но называет их благословением, избавляющим от страха смерти.

С другой стороны, богатым и знатым может грозить тяжелая смерть. Их умы отравлены рационалистической «философией»: так, коллежский советник М. хочет, чтобы пастор Розенштраух проповедовал «по-философски», а не «по Библии» (32), а майор К. был набожным, пока профессора-атеисты в университете не превратили его в «философа» (67). К тому же они склонны встречать смерть в одиночестве. Порой они вступают с врачом и родными в заговор молчания о своей надвигающейся смерти, а если и молятся, то им неловко, если кто-то их за этим застает. Сам факт их привилегированного положения препятствует легкой смерти и спасению. Это люди, которые

неохотно отрываются от мира, где им так хорошо, которые думают, что еще успеют сделаться блаженными, и потому все далее и далее откладывают свое приготовление к смер-

ти, пока она внезапно не застигает их и — что еще хуже — думают: достаточно обеспечить свое блаженство, приняв святое причастие в полубеспамятном состоянии (59).

Если покойник был «так называемый добрый человек» (59), люди ошибочно полагают, будто добрые дела уже дают ему право на спасение, и не считают необходимым верить во Христа.

Временами Розенштрауху удастся перебороть упрямство таких людей, но другие случаи заканчиваются плачевно. Кандидат богословия М. воплощал в себе все, что Розенштраух презирал в духовенстве: это был высокообразованный богослов, который писал благочестивые проповеди, но «жил совершенно по-светски и своими разговорами старался совратить с пути истины слабоверных христиан» (47–48). На смертном одре он «кричал, охал, стонал так жалостно, что нельзя было слушать его без ужаса и глубокого сострадания» (50). Розенштраух молился за него, но тщетно: даже «после его смерти лицо его было разительно искажено» (51).

Богатых и знатных необходимо было подталкивать к принятию Христа. В проповеди в ноябре 1830 года об эпидемии холеры, от которой только что пострадал Харьков (наряду с остальной Россией и большей частью Европы), он сказал прихожанам:

Самые болезненные и отвратительные симптомы этого несчастья, как и скорость, с которой эта болезнь убивала, способствовали тому, чтобы даже *черствое* сердце было потрясено. *Частые* известия о смерти, доказательства того, как часто бесполезными оказывались все защитные средства и уверения в том, что ни положение, ни возраст, ни пол не могут *защитить* от смерти, усиливали впечатления и открыли *всем* сердца и уши для гласа Божия, который призывал к покаянию и перемене образа мыслей⁴⁰.

Частое лицемерие смерти подтверждало для него истинность главного тезиса лютеранства о спасении верой, а не делами, но также сблизило его с христианами других конфессий. У некоторых больных были православные жены и дети, которые стали его

⁴⁰ Барятинская, в. Л. 38 об. Цит. по: [Мартин 2015б: 127].

союзниками в борьбе за душу умирающего. В больнице, когда он молился с умирающим перчаточником, православные пациенты снимали шапочки. Его первая встреча с больным сапожником была менее дружеской: при виде приближающегося Розенштрауха он «воскликнул грубо: “Я католик, и вам нет до меня дела!”» Розенштраух пишет: «...я отвечал ему ласково, что я вовсе не имею намерения обратить его к евангелическому исповеданию, но хотел только изъяснить ему свое участие как больному и предложить ему, в чем могу, свои услуги» (27). Они подружились, и сапожник ухаживал за умирающим перчаточником, когда все прочие его покинули.

В начале 1835 года сам Розенштраух был болен и близок к смерти. Он выздоровел, но получил напоминание о своем возрасте и слабости. Однако ум его оставался острым, и он продолжал работать и общаться. Он написал или, по крайней мере, закончил свои воспоминания о войне 1812 года. Он также продолжал вести переписку, а в сентябре к нему приехали из Москвы погостить невестка Софи и трое внуков [Mittheilungen: 148–167, здесь 161].

Когда к нему наконец пришла смерть, она явилась как друг. По крайней мере, именно так ее описали доктор Блюменталь в дерптских «Евангелических листках» и автор таких же пиетистских взглядов в немецкоязычных «Санкт-Петербургских ведомостях». В пятницу, 6 декабря 1835 года, Розенштраух произнес проповедь по случаю именин императора Николая, а вечером отправился на заседание церковного совета. На следующее утро он, как обычно, занялся своей корреспонденцией. Около 10 часов, уже надев облачение и собираясь выйти, он почувствовал сильную боль в груди. Послали за Блюменталем, но найти его удалось не сразу. Он прибыл только в два часа дня и обнаружил Розенштрауха «хрипящим, с похолодевшими руками и ногами, хотя и в полном сознании». Он позвал хирурга, чтобы тот пустил ему кровь, но встревоженный Розенштраух, несмотря на боль, попросил сначала помолиться. Блюменталь прочитал молитву, и Розенштраух успокоился. Он благословил тех, кто был у его постели, и пристально посмотрел на изображение Христа в изножье своей кровати. Его дыхание стало поверхностным, а около

трех часов и вовсе прекратилось. Как писали «Санкт-Петербургские ведомости», он умер «с рукой, все еще поднятой в благословении, и с улыбкой на лице». Блюменталь же написал, что дух его «с торжеством вознесся в небесное царство вечной любви, оставив в безжизненных чертах потерявшего краску лица выражение глубокого, небесного покоя». Оба некролога сошлись на том, что это была благочестивая христианская смерть. Причиной смерти медики признали закупорку легких. Ему было 67 лет⁴¹.

На следующий день, в воскресенье, прихожане вместо обычной службы в церкви собрались у смертного ложа своего пастора. Во вторник утром из Полтавы в Харьков спешно прибыл пастор Генрих Дикхофф, и тело отвезли в церковь. В среду состоялись похороны. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что его «уважали и любили представители всех конфессий, ибо он дарил всех людей искренней христианской любовью», и потому на похоронах присутствовало «духовенство этих [разных конфессий]». Согласно метрической книге пастора Дикхоффа, к месту последнего упокоения его сопровождала «несметная толпа, насчитывающая, по оценкам наблюдателей, более пяти тысяч (некоторые даже говорят, десяти тысяч) человек». По словам Блюменталья, среди скорбящих были «не только его плачущие прихожане», которых одних насчитывались сотни, «но также многие, очень многие из других конфессий, для которых усопший был другом и советчиком и которым он так щедро дарил утешение, а также бесчисленное множество бедняков, потерявших в нем своего кормильца»⁴².

⁴¹ Schreiben aus Charkow, vom 20. December 1835 // St. Petersburgische Zeitung. 1836. 11/23 Januar. № 8. S. 31; Consistorialrath Rosenstrauch's in Charkow seliger Heimgang // Evangelische Blätter. 1836. 8 März. № 10. Kol. 85.

⁴² Schreiben aus Charkow, vom 20. December 1835. S. 31; Россия, дубликаты Лютеранских метрических книг, 1833–1885, база данных с изображениями, FamilySearch. URL: <https://familysearch.org/ark:/61903/1:1:QVRK-Y8XL> (дата обращения: 11.02.2018), Иоганн Амвросий Розенштраух, 7 дек. 1835 года, умер; цит. с. 263, т. 828–14/9, Полтава (РГИА); FHL микрофильм 1 882 645; Consistorialrath Rosenstrauch's in Charkow seliger Heimgang // Evangelische Blätter. 1836. 8 März. № 10. Kol. 86.

Часть V

НАСЛЕДИЕ

Глава 15

Память

С похоронами Розенштрауха его история не закончилась. В течение следующих семи десятилетий, вплоть до начала XX века, его имя регулярно появлялось в печати. Эти десятилетия ознаменовались неслыханными переменами: весь жизненный уклад Старого порядка был сметен неуклонным шествием современности. В 1835 году, когда умер Розенштраух, железные дороги пребывали в зачаточном состоянии, фотографии не существовало, а во многих странах Европы сохранялась абсолютная монархия. Примерно 70 лет спустя начался век аэропланов, кинематографа, современных демократий и диктатур. И все время, пока формировалось это будущее, Розенштраух жил в исторической памяти.

В этой главе речь пойдет об исторической памяти. Этот термин означает не исторические знания в целом, а то конкретное знание о прошлом, которое для людей определенной эпохи актуально в соотнесении с проблемами их времени. Подобно воспоминаниям отдельного человека, воспоминания общества в целом способны изменяться, исчезать или возрождаться в зависимости от обстоятельств. Существует два вида исторической памяти. После важного события пережившие его люди долго вспоминают о своем опыте: это живая память. Но живая память рано или поздно замолкает. Остается культурная память, и она может существовать бесконечно: это истории, которые культура в целом рассказывает сама себе посредством памятников, искусства, литературы и т. п. Рассказы наших бабушек и дедушек — это живая память. Кинофильмы и памятники — культурная память.

Живая память всегда касается недавних времен и полна парадоксов, так как каждый очевидец смотрит со своей точки зрения. Напротив, культурная память может относиться к любому времени, и в ней персонажи обычно четко поделены на героев и злодеев. Живая память — это действительная память о прошлом; культурная память — представление о прошлом, внедренное в наше воображение культурой¹.

Непреходящий интерес к биографии Розенштрауха свидетельствует как о силе, так и о податливости исторической памяти. Отдельные люди оставляют после себя воспоминания, которые находят отклик за пределами их собственной жизни, но потомство интерпретирует их в соответствии со своими представлениями. В случае Розенштрауха интерпретации представляют собой поистине тест Роршаха на разнообразные меняющиеся установки немецкого и российского общества при переходе от Старого порядка к современности.

От живой памяти к культурной

Живая память обычно передается изустно, но иногда доходит до нас через письменные источники. Книга Иоганна Филиппа Симона о русской жизни содержит длинный раздел, посвященный его другу Розенштрауху. В частности, он рассказывает следующее. Однажды, когда Симон был в гостях у Розенштрауха — именно тогда тот рассказал ему историю о скупом булочнике (см. с. 173–174) и обсахаренном окороке, — к пастору зашел незнакомец. Он сказал, что его фамилия Райх, что он еврей и религиозный скептик и хотел бы уверовать в христианство, но считает, что рациональные доводы против него слишком уж сильны. Приняв этот дружеский вызов, Розенштраух приводил все возможные теоретические аргументы, чтобы доказать истинность христианства, но был разбит в пух и прах философскими возражениями Райха. Раздосадованный, он наконец

---

¹ Данная классификация основывается на работах Я. Ассмана [Assmann 1995, 2008].

сменил тему и предался воспоминаниям о своем личном духовном путешествии. Райх был тронут, и когда Симон снова встретил его несколько лет спустя, сказал, что рассказ Розенштрауха побудил его обратиться в веру, правда католическую [Simon 1855: 313–316]².

Эта история показывает, что живая память, в отличие от культурной, возникает из реальных воспоминаний о прошлом, а не из потребности сделать некое заявление о настоящем. Правда, Симон рассказал ее отчасти как иллюстрацию своей общей мысли о силе религиозной веры. Однако, поскольку он лично знал и Розенштрауха, и Райха, они были для него не просто воплощениями этого общего тезиса, а реальными личностями со своими причудами и противоречиями. Отсюда и ирония: Розенштраух решил поделиться личным воспоминанием только после того, как его попытка философских рассуждений потерпела неудачу, а красноречие лютеранского пастора побудило Райха стать католиком.

Другим современникам тоже было что вспомнить. В 1830 году один путешественник из остзейских немцев познакомился с генералом, имевшим привычку каждое воскресенье читать своему семейству проповедь. Этот обычай ввел шурин генерала, которого «привел к познанию Христа старый харьковский пастор Розенштраух» [Lemm 1876: 49]. Это воспоминание было еще живо в 1876 году, когда сын путешественника упомянул о нем в своей книге. В 1845 году одна газета опубликовала некролог некоему барону, остзейскому немцу, жившему под Полтавой. В нем говорилось, что после многолетних метаний тот обрел Христа благодаря пастору Розенштрауху и с тех пор посвятил свою жизнь распространению Слова Божьего³. Учитывая, что на

² Еще одно упоминание дружественного отношения Розенштрауха к обратившемуся еврею: *Histoire de la conversion de J. G., Israélite wolhynien, baptisé à Pultawa, le 25 juin 1835 // L'Ami d'Israël, ou Nouvelles relatives à la propagation du règne de Dieu parmi les Israélites, publié par la Société des Amis d'Israël de Bâle. 1837. Décembre. № 4. P. 78.*

³ См. также: *Necrolog // Das Inland. 1845. 15 November. № 46. Kol. 804.*

похороны Розенштрауха пришли толпы, вероятно, что такие воспоминания были у многих.

Как показывают эти случаи, память о Розенштраухе влияла не только на образ мыслей, но и на жизнь тех, кто его знал. Мы не располагаем источниками, чтобы узнать, как отзывалась о нем княгиня Барятинская, но понимаем, что она восприняла именно ту активную экуменическую форму христианства, которую отстаивал Розенштраух, убеждая ее проявить к своим (православным) крепостным «всю возможную материнскую любовь и обеспечить этим тысячам людей всяческое душевное и телесное благополучие, насколько позволят... положение и средства». Позже она поселилась в Санкт-Петербурге, где воочию увидела бедность, от которой страдали города всей Европы в 1840-е годы. На Западе одним из решений стало создание общин христианских мирянок, которые предоставляли сестринский уход и другие социальные услуги, таких как сестры милосердия святого Венсана де Поля во Франции (у католиков) и дома диаконис в Германии (у протестантов). Следуя их примеру, княгиня основала дом сестер милосердия в Санкт-Петербурге. Хотя его создавали лютеранки, он был открыт для всех христианских конфессий [Карпычева 2005]⁴.

Ее дочь Ольга, в юности знавшая Розенштрауха, перенесла эти идеи в русскую деревню. В отличие от своей матери-лютеранки, Ольга была православной. Жизнь в ее имении описал в 1873 году ее сосед И. С. Аксаков в письме к одному из приятелей. Ольга, писал он, была редким примером аристократки, которая прекрасно знала крестьянскую жизнь. «Русская и православная до фанатизма», она также обладала такими чертами, как «протестантский ригоризм и немецкая нравственная отчетливость». Зная, что у некоторых крестьянок, особенно среди раскольников, был обычай отказываться от замужества и посвящать себя «богомольству и вообще богоугодным делам», она, преодолев недоверчивость этих женщин, определила их на работу в сельские больницы и школы, воспитывавшие детей в строгом православном направлении. Некоторые даже жили вместе в выделенном им доме, как

---

⁴ См. также: Барятинская, в. Л. 33 об.

городские сестры милосердия⁵. Аксаков, славянофил и критик прозападного российского дворянства, был поражен: «Это, брат, такие отношения к крестьянам, и вообще к простому народу, отношения христианского равенства, до того простые и естественные, что мы с тобой стать в них едва ли можем, хотя всю жизнь служим идее сближения с народом» [Аксаков 1900: 555–556].

Живая память интересуется прошлым ради него самого: для нее прошлое — это параллельная вселенная, не менее сложная и реальная, чем настоящее. Напротив, культурная память в основе своей связана с настоящим: из прошлого она берет только то, что считает полезным для настоящего, то есть чем люди могли бы руководствоваться и вдохновляться и сегодня. Для харьковских лютеран память о Розенштраухе была полезна как образец благочестия и участия в жизни общества, и усилия по увековечиванию его в культурной памяти начались почти сразу после его смерти. Его приходская школа учредила ежегодную премию Розенштрауха для достойных учеников. Первоначально премия была пожертвованием в размере 1000 рублей от врача из Санкт-Петербурга, отец которого возглавлял совет в церкви Розенштрауха. Церковный совет увеличил этот фонд, пустив в продажу портрет покойного. Это была гравюра, похожая на картину Лампи, за исключением того, что на ней отсутствовал фон, а сам пастор был изображен со скрещенными руками, а не держащим книгу (см. рис. 15.1). К 1839 году объем продаж составил 500 рублей. В том же году издательство рекламировало некий набор из шести гравюр неизвестного автора стоимостью в 1 рубль; если портрет Розенштрауха продавался по такой же цене, то 500 рублей было выручено за 3000 экземпляров [Döllen 1880: 35–36, 40, 44]⁶.

Культурная и живая память могут сосуществовать; об этом свидетельствуют написанные уже в конце XIX века истории лютеранских церквей Москвы (1876), Харькова (1880) и Одессы

---

⁵ О женщинах-староверках см. [Bushnell 2017].

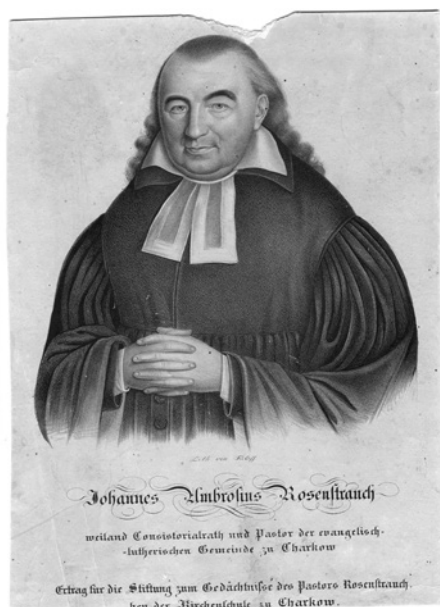
⁶ О наборе гравюр упоминается в [Адарюков, Сидоров 1925: 328]. Стоимость указана в рублях ассигнациями.

(1893). Все три автора писали по указанию церковного начальства: А. В. Фехнер был пастором московской церкви Святого Михаила; А. Деллену заказал книгу харьковский церковный совет, в который входил и он сам; Ф. Бинеман писал по просьбе отца, одесского пастора. Книги были формой культурной памяти постольку, поскольку представляли официальную историю и были призваны внушить читателям чувство единения и гордости за свою общину. Но они вступали в диалог и с живой памятью: люди хотели прочесть о личностях и событиях, которые еще были на слуху. Деллен и Бинеман даже принесли извинения на случай, если они пропустили или исказили какие-то факты, представляющие важность для отдельных читателей [Fechner 1876, 1: III; Döllén 1880: 3–4; Bienemann 1893: IV–V].

Все три автора исходили из того, что их читатели имеют собственное мнение о Розенштраухе и им будет интересно узнать подробности о его жизни. К началу 1870 годов его семья уже шесть десятилетий занимала видное положение в Москве, и Фехнер был рад возможности опубликовать документ, проливающий свет на ее корни: это была речь 1822 года (см. с. 378), в которой друг Розенштрауха Лодер призывал избрать его пастором, несмотря на его актерское прошлое. В документе нашли отражение споры о Розенштраухе, которые велись в общине в 1822 году и, очевидно, по-прежнему представляли интерес в 1870-е. Деллен считал, что харьковским читателям тоже будет интересно побольше узнать об отце-основателе их общины, поэтому он дословно воспроизвел речь из книги Фехнера. Из тех же соображений Бинеман включил ее в свою книгу об Одессе [Fechner 1876, 2: 116–119; Döllén 1880: 31–34; Bienemann 1893: 108–109].

Культурная и живая память сплелись и в институтах, которые учредил Розенштраух. Его церковная школа позже была разделена на школы для мальчиков и для девочек; каждая становилась все более русской и по учебной программе, и по составу учащихся. Еще в начале XX века директором школы для девочек был пастор церкви Розенштрауха, а в школе для мальчиков преподавали сын, дочь и внуки человека, который был в его время председателем совета. В 1907 году на праздничном собрании

Рис. 15.1. Иоганн Амвросий Розенштраух, покойный консисториальный советник и пастор харьковской евангелическо-лютеранской общины. Вырученные средства пойдут в Мемориальный фонд пастора Розенштрауха харьковской церковной школы». Литография Тюлева. Портрет был продан после 1835 года в рамках сбора средств харьковским церковным советом

в школе для девочек один из учителей произнес речь (позже перепечатанную в местной русской газете), в которой Розенштраух восхвалялся как «замечательно хороший и бескорыстный человек», чьей финансовой щедрости школа обязана своим основанием⁷. Что касается его церкви, то она простояла до 1912 года, когда здание снесли и заменили новым. В 1958 году советская власть снесла и его, чтобы освободить место для строительства жилого дома [Сергеев и др. 2003: 10–18, 22, 42].

За пределами Харькова о Розенштраухе узнавали из печатных изданий. Его окружение постаралось не изображать его как сложную личность, чей образ сохранился в живой памяти. Напротив, его превратили в икону. Трансформация началась сразу после его смерти, с некрологов в немецкоязычной прессе. В январе 1836 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали

⁷ В Вознесенской женской гимназии // Южный край. 1907. 13 ноября. № 9234. С. 5.

письмо, где описывалась его безмятежная христианская кончина⁸, в феврале газеты Лемберга (современного Львова) в австрийской Галиции, Мюнхена и Нюрнберга в Баварии и, возможно, других городов опубликовали похожие сообщения о кончине «консисториального советника и проповедника местной [харьковской] евангелической общины, г. Амвросия Розенштрауха, 67 лет»⁹. Ни в одном из некрологов ни слова не говорилось о его прошлом.

Самый большой интерес выказал дерптский журнал «Евангелические листки», где ранее публиковались его очерки «У одра умирающих». Ни одна другая современная фигура не удостоилась на его страницах столь пристального внимания. Для пиетистов, не признававших формальных институтов, ощущение общей традиции создавалось посредством нарративов об образцовой жизни [Gleichner 2005: 166–167]. Так, в марте 1836 года в «Евангелических листках» был опубликован рассказ Блюменталья о смерти Розенштрауха вместе с просьбой профессора Буша, редактора, чтобы Блюменталь представил журналу биографию Розенштрауха и другие его работы. Между тем читатели пересылали в редакцию письма, полученные ими от Розенштрауха; львиная доля пришла из Крыма от Килиуса. Буш опубликовал также проповеди Розенштрауха, которые Блюменталь записал по памяти¹⁰.

Читатели как будто услышали голос Розенштрауха, но мало что узнали о нем самом. Блюменталь в целом обрисовал его характер, но возразил, что написать биографию, о которой просит Буш, «было бы невозможно без нескромного обнародования многих ситуаций и обстоятельств [касающихся людей, которые все еще живы], о которых в настоящее время необходимо мол-

⁸ Schreiben aus Charkow vom 20. December, 1835. S. 31–32.

⁹ Rußland // Lemberger Zeitung. 1836. 8 Februar. № 16. S. 65; Verstorbene // Allgemeine Zeitung von und für Bayern. 1836. 4 Februar. № 35; Auswärtig gestorben // Der Bayerische Landbote. 1836. 7 Februar. № 38. S. 164.

¹⁰ См. также: Blumenthal H. Consistorialrath Rosenstrauch's in Charkow seliger Heimgang // Evangelische Blätter. 1836. 8 März. № 10. Kol. 84–87. Проповеди и письма были опубликованы в: Evangelische Blätter № 19, 22, 51, 52 (1836); № 31–35, 49 (1837); № 9–12, 37, 38, 40–44 (1838); № 5 (1839).

чать». Кроме того, писал он, это практически неосуществимо, так как Розенштраух говорил о своем прошлом весьма уклончиво и не оставил, насколько ему известно, «никаких записей, из которых можно было бы составить *правдивую* и *связную* историю его жизни». «Тем более желательна, — добавил он, — была бы скорейшая публикация очерков, написанных благословенным усопшим», — на тот момент они хранились у его дочери Мины; — «некоторые я читал при его жизни и нахожу, что в них содержится много прекрасного и поучительного»¹¹.

Эти строки были датированы 29 мая 1836 года. Со дня смерти Розенштрауха прошло почти полгода, так что у Мины и ее брата Вильгельма было достаточно времени, чтобы рассказать Блюменталю историю своего отца. Или же, следуя пиетистской традиции, они могли бы написать ее сами. Они также могли бы опубликовать его записки о войне 1812 года — тема эта представляла немалый интерес для русских читателей и издателей [Gleixner 2005: 127, 129, 204, 349; Тартаковский 1980: 298–304].

Однако они хранили молчание и не опубликовали ни одного из его сочинений. Учитывая его административные обязанности и обширную переписку, кабинет Розенштрауха должен был быть полон папок, распухших от бумаг. Был ли среди них дневник, который он начал вести в 1788 году? Писал ли он другие воспоминания, наподобие записок о войне или очерков «У одра умирающих»? Машинописная копия записок о войне в конце концов оказалась у его прапрапраправнучки, которая в настоящее время живет в Миссисипи. Она рассказала мне, что, по словам ее бабушки, родившейся в 1889 году, в этих мемуарах первоначально содержался и рассказ о ранних годах жизни Розенштрауха, но семья удалила эту часть, таким образом потеряв представление о причинах его эмиграции в Россию¹². В оригинальной рукописи записок о войне нет признаков того, что в нее вносились подобные изменения; возможно, речь идет об уничтожении дневника

---

¹¹ Blumenthal H. Johannes Ambrosius Rosenstrauch // Evangelische Blätter. 1836. 19 Juli. № 29. Kol. 253–254.

¹² Личное сообщение г-жи Эльке Бриер.

или какого-либо другого документа. В любом случае Мина и Вильгельм явно не хотели, чтобы мир узнал об их происхождении, и были рады, что их отец войдет в культурную память только как харьковский пастор.

Вера, политика и немецкая культурная память

Розенштрауху нашлось место в культурной памяти благодаря тому, что его труды и известные современникам факты биографии напрямую касались насущных проблем века революций. Старый порядок во многих европейских странах пошатнулся; причинами тому служили Наполеоновские войны, распространение капитализма и обнищание масс, рост религиозного скептицизма и политического радикализма, а также европейские революции 1830 и 1848 годов. Протестанты в Германии и других странах разошлись во мнениях о том, как реагировать на эти события. Рационалисты стремились примирить христианство с современностью, поэтому искали естественные объяснения чудесам и применяли к Библии критический исторический анализ. Ортодоксальные протестанты и пиетисты, напротив, хотели укрепить традиционное христианство, поэтому отстаивали веру в божественность Библии и организовали «внутреннюю миссию» (названную так по аналогии с «внешней миссией», занимавшейся прозелитизмом за рубежом) — широкое общественное движение, которое включало благотворительные организации, школы и другие начинания, призванные нести бедным материальное благополучие и Евангелие [Blackbourn 1998: 106–120, 193–194; Nipperdey 1987: 102–114, 241–246, 423–427; Gleixner 2005: 189].

Память о Розенштраухе оказалась темой таких разногласий после того, как в 1838 году некоторые его труды были переизданы Й. К. Ф. Бурком, писателем-пиетистом из Вюртемберга. Бурк составлял антологию текстов, которая должна была служить руководством священникам в разных аспектах их пастырского служения. В частности, в книге был раздел о служении больным, включавший тексты 34 авторов, в том числе «У одра умирающих» Розенштрауха; опубликованная с небольшими

сокращениями, эта работа составила более трети раздела. Бурк также включил краткую биографию Розенштрауха в раздел о людях, ставших пасторами в немолодом возрасте. Согласно Бурку, Розенштраух был благочестивым московским купцом. Однажды он почувствовал неодолимое стремление нести в мир свет Господа, поэтому согласился стать директором театра и принялся насаждать мораль среди актеров и удалять из пьес непристойные отрывки. Однако публика хотела только фри-вольности, а не добродетели, поэтому ему пришлось уйти в отставку. Не желая возвращаться к торговле, он стал священником. Этот рассказ, напоминающий истории, которые Розенштраух рассказывал о себе в Харькове, превратил его в образец пиетистской праведности, который мог служить примером для подражания участникам внутренней миссии [Burk 1838–1839, 1: 20–21; 2: 399–459; Gleixner 2005: 182].

Рационалисты не желали терпеть ничего подобного. Некий Г. А. П. Лорберг раскритиковал книгу Бурка за наивную эмоциональность. Чтобы обосновать свою точку зрения, Лорберг привел в пример «У одра умирающих». В этой работе, писал он, содержатся «истории обращения самого поразительного, но и самого неудовлетворительного рода». Розенштраух, похоже, думал, что закоренелому грешнику достаточно принять Христа на смертном одре, и вот оно, спасение, тут как тут! «Многое в этих историях, — сетовал Лорберг, — стоит на грани мистического фанатизма [*Schwärmerei*]»¹³.

Пиетисты перевели Розенштрауха на все основные языки протестантских стран, кроме английского. Антология Бурка вышла в 1845 году на шведском, а в 1855-м на голландском. Уже в 1875 году «У одра умирающих» перевели на датский. (Рассказ о Розенштраухе и генерале, читавшем проповеди своей семье, также был переведен на датский язык.) Редактор «Евангелических

---

¹³ Lorberg [G. A. P.]. [Рец. на:] Burk. Evangelische Pastoral-Theologie in Beispielen // Theologisches Literaturblatt zur Allgemeinen Kirchenzeitung. 1841. 15 September. № 111. Kol. 900. О рецензенте см.: Georg Albrecht Philipp Lorberg: Nekrolog // Ibid. 1853. 9 Dezember. № 147. Kol. 1168–1180.

лишков» Буш, Бурк и переводчики на голландский, датский и шведский сами были пасторами или богословами, и все они считали, что труды Розенштрауха сослужат хорошую службу делу пиетизма и внутренней миссии [Burk 1845–1847; Burk 1855; Fra Dødslejet 1875]¹⁴.

Пиетисты изображали его как образец христианской добродетели, основываясь на предельно упрощенной версии его биографии. Однако для некоторых немецких современников он стал на тот момент поучительной фигурой именно благодаря неоднозначности его жизни. Источником для этих дискуссий, по-видимому, послужили три текста. Кристиан фон Неттельбладт из Мекленбурга, брат Розенштрауха по ложе, включил биографическую заметку о нем в «Историю масонства в России», которую в 1837 году опубликовал в масонском журнале. Иоганн Георг Коль, автор путевых заметок, счел рассказы о Розенштраухе, которые услышал в Харькове, настолько интересными, что в 1841 году подробно описал его в своей книге о путешествии по России. Наконец, в 1855 году друг Розенштрауха Симон посвятил ему главу в книге о жизни в России [Nettelblatt 1837: 63–64; Kohl 1841, 2: 167–172; Simon 1855: 306–324].

Для некоторых читателей этих текстов Розенштраух стал доказательством существования таинственных путей, которыми Господь направляет людские судьбы. В 1844 году, после того как книга Коля вышла в английском переводе, «Журнал англиканской церкви» перепечатал из нее недостоверный рассказ об удивительном пути Розенштрауха от театрального деятеля до пастора (см. с. 395), а в 1862 году в немецкой пиетистской антологии рассказов о милости Божьей появилась рассказанная Симоном история о том, как голодающей семье Розенштрауха чудесным образом досталась от дочери скупого булочника ветчина (см. с. 173–174) [Heinrich 1862: 31–33]¹⁵.

¹⁴ См. также: Burkhard Frederik Lemm, russisk Generalmajor. † 1872 // Ny kristelig Samler: Et opbyggeligt Tidsskrift. 1877. № 23. S. 13.

¹⁵ См. также: Interesting Account of a Lutheran Pastor // The Church of England Magazine. 1844. 25 May. № 465. P. 339–340.

Биография Розенштрауха послужила поводом и для разговора совсем на другую тему — о значении России для немецкого общества и политики. В течение десятилетий после Наполеоновских войн модернизацию Старого порядка в германских государствах блокировали Россия, Пруссия и Австрия. Репрессивными и авторитарными были все три страны, но Россия вызывала враждебность еще и тем, что в ней видели иностранную державу, которая вмешивается в дела Германии. Эта враждебность усугублялась все шире распространявшимся убеждением в том, что в историческом и культурном плане Россия якобы не входила в европейскую семью народов: это была погруженная в мракобесие «восточная деспотия», вынашивавшая зловеющие планы господства над Европой [Malia 1999: 87–111, 128–129, 146–159].

В 1845 году некто Эдуард Кольбе, о котором мы знаем только то, что он недавно вернулся в Германию из России, где прожил 33 года, опубликовал книгу о России, настолько подстрекательскую, что в немецких государствах ее запретили. Кольбе обличал Россию как деспотическую страну, где отсутствие правопорядка позволяет процветать мошенникам и интриганам. В подтверждение он приводит пример Розенштрауха:

Только за границей удивлялись бы тому, например, что некто вроде Розенштрауха, бывшего актером в Петербурге, оставил сцену, стал продавать в тамошнем магазине помаду, затем перевез свою торговлю в Москву, а оттуда отправился в Саратов суперинтендантом [Rudolphi 1845, 1: 136]¹⁶.

Нет никаких свидетельств о том, что Кольбе лично знал Розенштрауха. Ошибочное утверждение о том, что тот был лютеранским суперинтендантом (епископом) в Саратове на Волге, появилось в биографической заметке Неттельблакта; возможно, этим источником и воспользовался Кольбе.

К 1862 году, когда масонский журнал перепечатал заметку Неттельблакта о Розенштраухе, обстоятельства коренным образом

¹⁶ Цит. по: [Мартин 2015б: 154]. См. также: [Index 1845–1846, 1: 12]; K. Sachsen // Allgemeine Zeitung (Augsburg). 1845. 21 Mai. № 141. S. 1127.

изменились [Nettelbladt 1862]. Миновали три десятилетия политической стабильности, следовавшие за Наполеоновскими войнами, и с революциями 1848 года начался период потрясений, разительно схожий с годами после Французской революции. Племянник Наполеона провозгласил себя императором Франции, а блок консервативных автократий распался, когда Пруссия стала конституционной монархией, а армии нового Наполеона разгромили Россию (в Крымской войне 1853–1856 годов) и Австрию (во франко-австрийской войне 1859 года). В начале 1860-х годов Россия и Австрия проводили либеральные реформы, в Соединенных Штатах вспыхнула гражданская война из-за проблемы рабства, а либеральные националисты объединили Италию и агитировали за объединение Германии. Разрушение Старого порядка в странах Запада, начатое Американской и Французской революциями и Наполеоном I, казалось, вот-вот завершится.

На фоне страха и возбуждения, вызванных этими событиями, заметка Неттельбладта о Розенштраухе была подхвачена в 1864 году двумя немецкими авторами противоположных взглядов. Писатель Людвиг Бруньер воспользовался ею, когда писал биографию актера и масона XVIII века Фридриха Людвига Шредера. Бруньер, имевший некоторое, весьма косвенное отношение к Розенштрауху (60 лет назад тот дал рекомендацию его деду для вступления в масонскую ложу), отстаивал либеральный тезис о том, что прежняя враждебность к актерам была лишь очередным проявлением невежества Старого порядка. Высмеивая церковников, осуждавших актеров как грешников, он кратко пересказывает заметку Неттельбладта и злорадно вопрошает: что бы сказали эти церковники, «узнав о том, что бывший актер и франкмасон стал — епископом!» [Brunier 1864: 350]¹⁷.

---

¹⁷ Розенштраух рекомендовал некоего «г-на Бруньера, торговца из Шверина» в ложу «Храма Истины» (GStA FM 5.2. R35 № 32, протоколы от 27 июня 1804 года). Похоже, в то время в Шверине был только один торговец по фамилии Бруньер: Генрих Якоб Бруньер (около 1764–1840). Согласно генеалогическим записям на www.ancestry.com, он был отцом юриста Фридриха Карла Бруньера (1794–1828), а тот, в свою очередь, отцом писателя Людвига Бруньера (1825–1905).

Карл Дидлер, берлинский школьный чиновник в отставке, воспринял историю Неттельбладта совершенно по-другому. В 1860-е Дидлер опубликовал десятки злобещих протонацистских трактатов, чтобы доказать, что масонство, которым, как он утверждал, управляли евреи, с самого начала было заговором революционеров, стремившихся к мировому господству. В одной из его брошюр 1864 года содержался параграф о «епископе Розенштраухе». Рядом с фамилией Розенштрауха, возможно, показавшейся ему еврейской, Дидлер поставил три креста, свой символ для самых ярких приверженцев «духа, *ныне* преобладающего в лиге франкмасонов... *с целью свержения трона и алтаря*». По словам Дидлера, Розенштраух был «одним из самых важных представителей иллюминатов и основал в России множество тайных иллюминатских лож». Его «сыновья» якобы «продолжили работу отца в качестве агентов тайных заговоров. Совсем недавно появилось сообщение, что его подлинное имя осталось неизвестным и что он будто бы был католиком — не евреем ли???»¹⁸

После 1860-х годов немецкоязычные писатели редко упоминали Розенштрауха. Всегда трудно с уверенностью сказать, почему люди чего-то не делают, но в данном случае причина, вероятно, в том, что объединение Германии в 1871 году ознаменовало новую эру в истории страны. Политическая система стабилизировалась, экономика индустриализировалась, бедность масс сократилась, а религия утратила прежнее значение в жизни Германии. Век революций закончился. По мере модернизации общества проблемы, с которыми была связана память о Розенштраухе, уходили в прошлое.

Россия в консервативные 1840-е

Изначально в России знали о Розенштраухе еще меньше, чем в Германии. Те, кто знал его лично, почти не публиковали материалов о нем на русском языке. Рассказы Симона, Коля и Нет-

---

¹⁸ Цит. по: [Мартин 2015б: 148]. О Розенштраухе см. [Didler 1864, № 9: 12]; о жидомасонском заговоре и значении трех крестов см. [Didler 1864, № 1: 5, 33–37].

тельбладта так и не были переведены с немецкого, а воспоминания его друга Рейнгардта вышли на русском языке только в 1887 году. Что касается знавших его или слышавших о нем русских, то в 1810, 1820 и 1830-е годы они не писали книг в тех жанрах, в которых рассказывали о Розенштраухе немецкие современники, — таких как масонские мемуары, пиетистские религиозные трактаты или рассказы о повседневной жизни [Рейнгардт 1887а; Конечный 2010: 7–10; Петров 2017: 199; Dickinson 2006: 22–23].

К 1840-м ситуация изменилась. В то время читательская аудитория в России расширилась, как и разнообразие жанров. Открыто говорить о политике запрещала цензура Николая I, но образованные люди имели возможность обсудить (пусть и в завуалированной форме) плюсы и минусы Старого порядка в России под видом литературных, религиозных и культурных вопросов. Именно на этом этапе русские читатели впервые познакомились с Розенштраухом. Его образ уже не мог закрепиться в мемуарах или других формах живой памяти — время для этого прошло. Поэтому он с самого начала был иконой, символической фигурой культурной памяти.

Сам факт, что его труды вошли в культурную память как в Германии, так и в России, свидетельствует о космополитизме высшего класса Российской империи. В Германии читатели узнали о нем, когда его цикл «У одра умирающих» был опубликован в Дерпте, в остзейских губерниях России, стараниями двух немцев на русской службе — Блюменталя, остзейского немца и российского подданного, и профессора Буша, иммигранта из Гольштейна. Путь трудов Розенштрауха назад в русскую культуру начался с публикации в Германии, которую предприняла вестернизированная русская дворянка М. П. Вагнер (урожденная Балабина), дочь русского генерала и его жены-француженки, вышедшая замуж за врача-остзейца [Плетнев 1885, 3: 544, 569].

Вагнер собрала тексты Розенштрауха из закрывшихся к тому моменту «Евангелических листков» — письма, «У одра умирающих», очерк о нем Блюменталя и записанные Блюменталем проповеди — и составила из них книгу, которая была издана на

немецком языке в Лейпциге в 1845 году. (Второе издание вышло в Дрездене в 1871 году, см. [Mittheilungen].) Она предварила ее вступлением, в котором воспроизвела биографию из пиетистской антологии Бурка и добавила подробность, будто Розенштраух был пастором «более 20 лет» [Mittheilungen: III]. Поскольку в книге Бурка указана верная дата смерти Розенштрауха — 1835 год, из хронологии Вагнер следует, что пастором он стал не позднее 1815 года; на самом деле тогда он только открывал свою послевоенную торговлю. Это говорит о том, что она не располагала собственной биографической информацией и не общалась с людьми, которые его знали.

То, как книга была первоначально принята в России, можно проследить по переписке одного из друзей Вагнер, поэта П. А. Плетнева. Плетнев был важным связующим звеном в интеллектуальной жизни России: он был известен как ректор Санкт-Петербургского университета, бывший наставник императорской семьи, друг и издатель ведущих писателей и преемник Пушкина на посту редактора литературного журнала «Современник»¹⁹. Его бумаги дают нам представление о том, как в 1840-е годы восприняли Розенштрауха русские интеллектуалы — европеизированные космополиты и в то же время консервативные патриоты, сторонники режима Николая I.

Зимой 1845–1846 годов Плетнев послал книгу Вагнер своему старому другу В. А. Жуковскому [Грот 1896, 2: 671], одному из крупнейших русских поэтов и человеку, близкому к режиму: он был учителем наследника престола и автором гимна «Боже, царя храни». Ему было уже за 60, он жил в Германии и продолжал писать романтические стихи, тогда как молодые русские авторы уже перешли на реалистическую прозу. Когда посылка Плетнева дошла до Жуковского, тот начинал работать над произведением, которое стало для него последним, — эпической поэмой «Агасфер» на сюжет о «Вечном жиде», еврее, который оттолкнул Иисуса на его крестном пути и был обречен скитаться по земле из века в век. Когда-нибудь он получит искупление, но до тех

¹⁹ См. «Плетнев Петр Александрович» в [Николаев и др. 1989–2019, 4: 636–642].

пор может только с тоской наблюдать, как смерть освобождает других людей, чтобы они могли вернуться к Богу. Отрывки, описывающие смерть как освобождение, имеют сходство с некоторыми текстами Розенштрауха. Жуковский назвал книгу Вагнер «бриллиантом» [Грот 1896, 2: 772] и попросил еще три экземпляра²⁰.

Неудивительно, что книга понравилась Жуковскому: ведь для романтиков смерть была предметом такого же пристального интереса, как и для приверженцев протестантского возрождения (немецких пиетистов и их единомышленников в других странах). Те и другие, выступая против небрежения чувствами, свойственного многим идеям Просвещения, поставили зло, страдание и загробную жизнь в центр своего мировоззрения. Однако их представления о смерти не совпадали. Романтики выражали чувственную тоску по смерти и лишь смутно представляли себе, что лежит за гробом. Розенштраух, с другой стороны, отказывался приукрашивать боль и уродство смерти, но также ясно представлял себе блаженство, ожидающее по ту сторону. В этом смысле его идеи, типичные для протестантского возрождения, были ближе культуре Просвещения, в которой он был воспитан: то же внимание к физической реальности, лежащей в основе бытия, та же оптимистичная, рационалистическая вера в то, что мир по сути своей добр и законы, которым он подчиняется, постижимы человеческим разумом [Riso 2015: 6, 9, 158–169].

Еще одним литератором, который попросил у Плетнева книгу Вагнер, был Я. К. Грот, сотрудничавший с «Современником». Русский лютеранин немецкого происхождения, Грот в то время был профессором русской литературы в Гельсингфорсе (современный Хельсинки). Грот разделял рационалистское мнение о том, что идеи Розенштрауха теологически наивны, но также и пиетистское восхищение его преданностью пастве. В феврале 1846 года он писал Плетневу, что на обеде с финскими друзьями

---

²⁰ См. письмо Плетнева Жуковскому от 2 июня 1846 года [Плетнев 1885, 3: 572]. Об «Агасфере» Жуковского см. [Terras 1995; Ehrhard 1938: 191]. Благодарю И. Ю. Виноцкого, усмотревшего сходство между Розенштраухом и Агасфером.

они «толковали о Розенштраухе и решили, что он замечателен более по своей ревностной деятельности и характеру, нежели по взглядам и идеям». Грот добавил, что он намерен распространить книгу среди финских пасторов, потому что в нем «они увидят пастора, каким всякий из них должен быть, хотя могут и не вполне соглашаться с его религиозным воззрением, которое в нынешнем протестантском мире мало найдет приверженцев» [Грот 1896, 2: 670]²¹.

До поры до времени Розенштраух был доступен только читателям, знавшим немецкий. Ситуация изменилась благодаря А. О. Ишимовой, дружившей и сотрудничавшей с Гротом и Плетневым. Как и покровительствовавший ей Плетнев, чей отец был провинциальным священником, Ишимова прошла тяжелую жизненную школу. Дочь ссыльного чиновника, большую часть своей юности она провела в отдаленных губерниях, почти без средств к существованию. Позже она переехала в Санкт-Петербург, где пыталась поправить свои дела, открыв частную школу, и наконец получила известность как детская писательница. За мужем она никогда не была²².

Все эти превратности судьбы воспитали в Ишимовой консервативные взгляды, но с примесью идей, которые мы бы назвали феминистскими: она признавала, что этот мир создан для мужчин, но считала, что и женщины должны быть сильными. Русские дворяне, по ее мнению, воспитывали дочерей неприспособленными, и она задалась целью научить молодых девиц жить полноценной жизнью в рамках патриархального уклада. Образец она видела в социальной активности женщин на Западе. В основанном ею журнале «Звездочка» Ишимова опубликовала статью о доме диаконис в немецком городе Кайзерсверте, который послужил

---

²¹ Письмо Грота Плетневу, 9 февраля 1846 года. О Гроте см. «Грот Яков Карлович» в [Николаев и др. 1989–2019, 2: 48–49]; «Плетнев Петр Александрович» в [Николаев и др. 1989–2019, 4: 640].

²² См. статьи «Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)» [Николаев и др. 1989–2019, 2: 427–429]; «Грот Яков Карлович» [Николаев и др. 1989–2019, 2: 49]; «Плетнев Петр Александрович» [Николаев и др. 1989–2019, 4: 636, 640].

образцом для дома сестер милосердия княгини Барятинской. В статье рассказывалось, что диаконисы объединились в сплоченную общину, чтобы заботиться о больных и бедных, а основатель дома, пастор Теодор Флиднер, обеспечивал руководство и учил, что Бог одинаково любит все народы. Русские православные монастыри, добавляет Ишимова, являют собой обители праздности и невежества, и было бы неплохо подражать этой протестантской модели. Возможно, она увидела в Розенштраухе фигуру, схожую с пастором Флиднером. Вскоре после выхода книги Вагнер она перевела оттуда большую часть его сочинений на русский и опубликовала в «Звездочке» в 1846 году (№ 19, 20). Год спустя ее перевод вышел отдельной книгой [Костюхина 2014; Ишимова 1847; Розенштраух 1847].

По просьбе Ишимовой Плетнев послал книгу Н. В. Гоголю. Письма Ишимовой к Гоголю, как правило, выдержаны в льстивом тоне; она явно ожидала, что он пренебрежительно отнесется к книге, поэтому не преминула отметить, что Жуковский назвал ее «бриллиантом». Обычно Гоголь и вправду не принимал ее творчество всерьез [Ишимова, Извединова 1893: 554; Гоголь 1937–1952, 13: 211]²³. Но именно в тот период он переживал кризис. Своими ранними произведениями он снискал всеобщее восхищение как проникательный критик общества. Однако теперь, проведя почти десять лет за границей, вдали от русской действительности, он сделался более религиозным и консервативным. В новой книге, вышедшей в январе 1847 года, «Выбранные места из переписки с друзьями», он, к возмущению многих своих знакомых, утверждал, что беззакония в России вызваны не самодержавием или крепостничеством, а отсутствием христианского духа в сердцах людей. На фоне поднявшегося шума он, возможно, утешался как всемерной поддержкой со стороны Ишимовой, так и подтверждением своих идей, которое мог найти у Розенштрауха. В июне 1847 года он завершает письмо Плетневу просьбой: «А. О. Ишимову поблагодари за книжечку “Розенштраух”. Я нашел, что она очень хороша. Письмо же [к Ки-

²³ См. письмо Гоголя от 11 февраля 1847 года.

лиусу] о легкости ига Христова — сущий перл» [Гоголь 1937–1952, 13: 321]²⁴.

Эти отзывы о Розенштраухе российских публичных лиц скреплены одной общей идеей. Либеральная интеллигенция 1840-х годов была убеждена, что России необходимы системные перемены, а долг литературы — во всеуслышание заявлять об этом, разоблачая грубое уродство тирании и несправедливости. Однако Плетнев, Жуковский, Грот, Ишимова и Гоголь придерживались более старомодных взглядов: они считали, что беды происходят от духовного отчуждения, а следовательно, литература должна создавать эстетически прекрасные произведения, побуждающие к добру и примиряющие людей с Богом и друг с другом. Они верили, что православие и русская душа служат самой благодатной почвой для таких семян; России суждено стать первой среди народов, но в конечном счете искупление станет миссией всего человечества. Идеи Розенштрауха, упирающие на духовную борьбу личности, согласовывались с этим консервативным мировоззрением.

Ишимова дала своим читателям лишь смутное, искаженное представление о том, кто такой Розенштраух. Отчасти в этом была виновата его собственная скрытность, но, без сомнения, она также не хотела будить ксенофобских настроений в читателях, полагавших, что иностранцы в России пользуются незаслуженным авторитетом и привилегиями. В предисловии она попыталась развеять подобные подозрения, приукрасив и без того ошибочные сведения, которые Вагнер почерпнула у Бурка. Подобно агиографу, она свела жизнь Розенштрауха к простой истории непоколебимой религиозной преданности: он, пишет Ишимова,

...будучи с самого детства ревностным Христианином, был сначала богатым купцом, потом директором театра, наконец — 50ти лет от роду — учеником богословии [sic] и вскоре потом пастором, в звании которого, он в продолжении более нежели двадцати лет, наставлял, просвещал и утешал свою паству, как нежный отец [Розенштраух 1847: 7].

²⁴ См. также [Ишимова, Извединова 552–555; Gogol' 1969: vii–xxvii].

Одно только чтение Розенштрауха, по мнению Ишимовой, уже служило проявлением русского патриотизма: «Он был соотечественником нашим, он родился и жил в России, следовательно мы более других имеем право пользоваться его мудрыми наставлениями», — писала она. Отмечая, что его книга переводится «не на Русский, а на Английский язык» (язык главного геополитического соперника России), она сообщает, что ее издание продиктовано желанием «предупредить этот перевод, и скорее доставить Русским возможность узнать человека, действовавшего в отечестве их так благотворно на души Христиан» [Розенштраух 1847: 7–8].

Два опубликованных в русских журналах отзыва на книгу Ишимовой четко обозначили как политический раскол между левыми и правыми, так и литературный конфликт между реалистами и их критиками. По мнению реалистов, люди — неважно, являются ли они плодом вымысла писателя или существуют в реальности — формируются средой. Если они правы, то существование зла и несправедливости в России доказывает, что общество нуждается в реформах. Если же они неправы и душа человека не зависит от того, что его окружает, то решить проблемы можно только обновлением духа. Соответственно, реалисты политически склонялись влево, а их критики — вправо. Это разделение отразилось и в откликах на книгу Ишимовой. Либеральный журнал «Отечественные записки» был на стороне реалистов и критиковал Ишимову за то, что она лишь изобразила в идеализированном виде духовность Розенштрауха, но не разъяснила обстоятельств, которые сформировали его личность²⁵. Консервативная «Библиотека для чтения», напротив, похвалила ее за то, что она «познакомила... русских читателей с простым и прекрасным человеком, которого вся жизнь посвящена была строгому и смиренному исполнению самых священных и благородных обязанностей»²⁶.

---

²⁵ Библиографическая хроника // Отечественные записки. 1847. № 20, раздел. 6. С. 31–32.

²⁶ Литературная летопись // Библиотека для чтения. 1847. Февраль. № 81. С. 42.

Но не все консерваторы разделяли столь благоприятное мнение о Розенштраухе. Режим Николая I пытался сохранить равновесие между двумя идеями: с одной стороны, провозглашалась исключительность русской религии и нации, с другой — родственность России христианской Европе. Рецензент «Библиотеки для чтения» косвенно подчеркнул последнее. Однако для других важнее была исключительность России. Ишимова переслала Гоголю письма, полученные ею в 1847 году от пожилой москвички по имени Мария Извединова, которая, по ее словам, пользовалась репутацией «самой благочестивой, умной и доброй женщины». Ишимова назвала письма исполненными «невежественных понятий», хотя на самом деле они были ясными и говорили о солидных познаниях автора в вопросах православия. Извединова с негодованием обрушилась на книгу Розенштрауха, а также на статью Ишимовой в «Звездочке», где та расхваливала немецкий дом диаконис и критиковала русские монастыри. Православие, писала Извединова, — единственно истинная вера не только для русских, как, по-видимому, считает Ишимова, но и в глазах Бога; так зачем же так «выхвалять» лютеранского пастора? Превозносить немца за его служение умирающим и обходить молчанием русских священников, которые делали то же самое, означает пресмыкаться перед иностранцами. Что касается статьи, то она повторяет лютеранскую клевету на созерцательную духовность русского монашества и поощряет предубеждение европеизированных русских о том, что «все немецкое хорошо, а русское худо» [Ишимова, Извединова 1893: 555, 566].

Россия между реформой и революцией

За полтора десятилетия после 1847 года я не обнаружил упоминаний о Розенштраухе на русском языке. Эти годы были временем коренных перемен не только для Германии, но, как мы увидим, и для России. Катастрофическое поражение России в Крымской войне воочию продемонстрировало отсталость русского Старого порядка, а смерть Николая I в 1855 году устранила главное препятствие на пути реформ. Век революций

с полной силой обрушился на Россию. Наследник Николая I, Александр II, начал Великие реформы, первой из которых стала отмена крепостного права в 1861 году. Многим русским этого было мало. Либералы мечтали о конституции; социалисты — о том, чтобы отдать всю землю крестьянам. В стране также нарастали волнения. В 1861 в 1862 годах по Санкт-Петербургу прокатилась волна студенческих беспорядков, произошла серия крупных пожаров, виновников которых так и не нашли, распространялись листовки с призывами к революции. В 1863 году восстали польские губернии России, что привело к яростной националистической реакции русского общественного мнения [Gleason 1980: 160–179]. На этом фоне в 1863 году в Санкт-Петербурге вышел новый русский перевод Розенштрауха, сделанный с оригинального немецкого издания Марии Вагнер [Розенштраух 1863]²⁷.

Возобновившийся интерес к Розенштрауху был вызван религиозным брожением в российском обществе. Критика Старого порядка не обошла стороной и православную церковь. Как священники, так и миряне утверждали, что духовенство часто не справляется со своей пастырской миссией. Одно из предложений по реформе церкви состояло в том, чтобы сделать священство, до сих пор являвшееся наследственным сословием, открытым для посторонних, то есть для всех, кто чувствовал в себе духовное призвание. Другой задачей было завершить перевод Библии на русский язык, работу над которым консервативные церковные власти прервали в 1820-е годы. Кроме того, предполагалось издавать больше религиозной литературы для мирян [Freeze 1983: 208, 241]. Эти идеи демонстрировали некоторую близость к пиетизму, поэтому неудивительно, что их сторонникам книга Розенштрауха пришлось ко двору. Автором нового перевода был активный приверженец новых веяний, санкт-петербургский профессор истории Н. Н. Астафьев, а его публикацию санкционировала сама православная церковь.

---

²⁷ В предисловии Астафьев повторяет Ишимову, что говорит о его знакомстве с ее книгой. Почему он решил перевести книгу заново, неясно.

По закону книги на нравственные темы требовали одобрения комитета общей цензуры, но религиозные книги, написанные на русском языке, подлежали церковной цензуре²⁸. Возможно, из-за того, что церковные цензоры при Николае I были известны своей строгостью, Ишимова прошла общую цензуру. Однако к 1863 году в церковной цензуре наступил такой разброд, что Астафьеву удалось добиться ее согласия на издание нового перевода Розенштрауха [Freeze 1983: 230–234]²⁹.

Астафьев сделал свою книгу достоянием публичной сферы, сильно изменившейся со времен Ишимовой. Теперь в русских газетах открыто обсуждалась политика, а их читательская аудитория стала шире и разнообразнее. Естественные науки, высшая библейская критика (изучавшая историческое происхождение Библии) и труды философов-материалистов (объявлявших религию плодом человеческого воображения) позволяли образованным людям ставить под сомнение само существование Бога. Космополитизм сдавал позиции, по мере того как представление о русской идентичности все теснее связывалось со славянством и православием. Романтизм в литературе окончательно сменился реалистической прозой. Самые влиятельные литераторы-реалисты, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, провозгласили миссией литературы обличение социальной несправедливости, а не создание прекрасного или воспитание чувств. Они также утверждали, что русский народ должен перестать слепо доверять царю, Богу или другой высшей силе и взять ответственность за будущее своей страны на себя. Первый шаг, твердили они, — признать, что Бога нет [Maiorova 2010: 7–12, 155–162; Frede 2011: 135–143].

На фоне этих разногласий и споров по меньшей мере два санкт-петербургских периодических издания сочли, что книга Астафьева заинтересует их читателей. «Северная пчела», прежде главная ежедневная газета России, поддерживавшая режим Николая I,

---

²⁸ Об Астафьеве см. [Венгеров 1889–1904, 1: 842]. Закон о цензуре: ПСЗ (Собрание второе), т. 3, № 1979 (22 апреля 1828 года), с. 462.

²⁹ Вид цензуры, одобрявшей книгу, указывался внутри самой книги.

а ныне старающаяся перестроиться в более либеральное издание, опубликовала в марте 1863 года рецензию, занявшую четыре полных столбца газетного листа. Рецензент, выступивший под псевдонимом «Один из Русских лютеран», воспользовался книгой Розенштрауха, чтобы доказать, что лютеранская вера была неотъемлемой частью российской жизни и способствовала прогрессу страны. Он писал, что «началом стремления, называемого просвещением, прогрессом, гуманностью, цивилизацией и проч.» — всех этих лозунгов левых — был Христос. Далее он приводит длинные выдержки из книги Розенштрауха и, наконец, возвращается в сегодняшний день. Католицизм в Испании и Польше, пишет он, отличается ненавистью и фанатизмом; излишне добавлять, что Польша в настоящее время бунтует против России, а католицизм служит жупелом не только для русских националистов, но и для либералов всей Европы. Однако в России, под эгидой исключительно терпимой православной церкви, христиане всех конфессий живут в ладу. Мудрость царя и христианский дух народа спасают Россию как от революционного безумия, так и от губительного религиозного фанатизма, поэтому ее будущий прогресс обеспечен. На первый взгляд это была похвала величию России. Читая между строк, можно увидеть здесь призыв к русским стать именно такой терпимой нацией, какой называет их рецензент, и сопротивляться соблазнам шовинизма и ксенофобии³⁰.

Вторая рецензия появилась в журнале «Странник», новом ежемесячнике, основанном протоиереем В. В. Гречулевичем для того, чтобы сблизить православие с более широкой культурой. В разделе «Библиография» июльского номера за 1863 год обсуждались только две книги, и одной из них был астафьевский Розенштраух. Как и гельсингфорсский профессор русской литературы Я. К. Грот, рецензент, православный священник, нашел книгу интеллектуально посредственной, но духовно вдохновляющей и выразил надежду, что его коллеги из числа русского духовенства напишут аналогичные отчеты о собственном пастырском

---

³⁰ Библиография // Северная пчела. 1863. 30 марта. № 85. С. 338–339.

труде. В рецензии не было и тени возмущения, которое выразила Изведина по поводу того, что православным русским предлагают учиться у лютеранского пастора³¹.

Прошло еще два десятилетия после Великих реформ, оставивших русское общество в состоянии раздора и неопределенности. В 1881 году Александра II убили народовольцы, и его преемник Александр III установил в стране консервативный авторитарный режим. Либеральные реформы зашли в тупик. Теперь русская интеллигенция видела надежду в другом: социализме, национализме, религии или мудрости простого народа. Тем временем книга Розенштрауха продолжала распространяться и доходить до читателей: о том, что она получила официальное одобрение, свидетельствует ее присутствие на полках библиотек таких учреждений, как Санкт-Петербургский университет, военно-морская база в Кронштадте и Московская духовная академия³².

В июне 1886 года либеральная Санкт-Петербургская ежедневная газета «Новости и биржевая газета» опубликовала статью Н. С. Лескова, известного писателя и литературного критика, человека широких христианских взглядов³³. В ней рассказывается о следующем происшествии. Несколькими годами ранее Ф. М. Достоевский, истово православный русский националист, рассердился на одну русскую даму за то, что она перешла (незаконно) в лютеранство. Как он ни пенял ей, что она предала свой народ и свою веру, все было тщетно. Почему же, спрашивала она, «русский человек всех лучше, а вера его всех истиннее?» Раздраженный, он наконец посоветовал ей обратиться к «куфельному [кухонному] мужику», любому простому крестьянину, служившему в ее доме. Фраза Достоевского «Ступайте к куфельному мужику, он вас научит» весь сезон гуляла по светским салонам. Общество было шокировано: как это их, образованных людей,

³¹ Библиография // Странник. 1863. № 4. С. 6–8 (рец. П. Матвеевского).

³² См.: Каталог русских книг библиотеки Императорского С.-Петербургского университета: В 2 т. Т. 1. С. 752; Каталог русских книг флотской библиотеки в Кронштадте 1851 года. С. 29; [Корсунский 1881–1910, 2, ч. 3: 410].

³³ См. [Leskov 1992: 9–12], предисловие переводчика.

посылают за наставлениями к простому мужику! Да и чему он будет их учить?³⁴

Ответ на этот вопрос, пишет Лесков, дал Л. Н. Толстой. В его недавней повести «Смерть Ивана Ильича» рассказывается о высокопоставленном чиновнике, который лежит при смерти, охваченный отчаянием и оставленный без внимания модничающей женой. Рядом с ним только его слуга-крестьянин. Это, по словам Лескова, и есть тот самый кухонный мужик, и урок, которому он может научить, прост: все мы смертны, поэтому возлюби ближнего своего. Правдой мужика был не русский шовинизм Достоевского, а всеобщее братство. Отношение к смерти как к факту жизни делает нас добрее и придает нам сил, когда приходит наш час. Крестьяне это знают, а люди из «общества» — нет, потому что богатство отвлекает их от встречи с последней реальностью.

Но где доказательства, что Толстой прав? «Был в России один превосходный мастер наблюдать умирающих», — пишет Лесков. Это Розенштраух, у которого «было сходство с гр. Л. Н. Толстым» в том, что он тоже «почувствовал влечение к религии в зрелом возрасте» [Лесков 1956–1958, 11: 140]. Не ожидая, что читателям знакомо это имя, он неопределенно говорит о Розенштраухе как о русском немце, но главное то, что он стар, умен и правдив. Вслед за Ишимовой и Астафьевым Лесков считал, что Розенштраух 20 лет прослужил пастором; хотя они правильно указали, что он стал пастором в возрасте примерно 50 лет, Лесков ошибочно пишет, что в 60; от себя он добавляет, будто записи Розенштрауха были личными заметками, не предназначенными для печати. «Свидетельство такого человека, — пишет он, — должно внушать доверие» [Лесков 1956–1958, 11: 141]. Удивительно, по его мнению, то, что в наблюдениях немца Розенштрауха простолюдины умирают терпеливо и спокойно, так, как описано у И. С. Тургенева, а «статские и действительные статские советники» — так же тяжело, как Иван Ильич. Розенштраух писал о немецкой лютеран-

---

³⁴ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом [Лесков 1956–1958, 11: 134–156].

ской вере и публиковался в пиетистском журнале; теперь же, полвека спустя, его цитировали в русской деловой газете, чтобы подтвердить взгляды величайших российских романистов — Достоевского, Толстого и Тургенева — о мировоззрении русского народа.

Последнее найденное мною упоминание о Розенштраухе было сделано двумя десятилетиями позже. Россия в то время переживала потрясения еще более глубокие, чем во времена Великих реформ. Революция 1905 года ввергла некоторые регионы империи в гражданскую войну и закончилась введением демократических свобод и учреждением выборного парламента. Казалось, страна встала на путь превращения в либеральную монархию европейского образца. Вместо религиозной терпимости Старого порядка, дававшей определенные права лишь некоторым религиозным меньшинствам, русским была предоставлена свобода совести — полное право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Это означало, что православной церкви теперь придется бороться за верующих. Одна из школ православной мысли придерживалась мнения, что церковь сможет выиграть эту борьбу только в том случае, если оживит отношения между священниками и паствой [Werth 2012: 36]. Для того чтобы это случилось, утверждал один священнослужитель в 1907 году, священники должны регулярно посещать больных прихожан, не ожидая, пока те окажутся при смерти и нужно будет совершить над ними последние обряды. Эта мысль пришла ему в голову, писал он, когда он недавно наткнулся на брошюру «Записки пастора Розенштрауха»³⁵.

Прочтение Розенштрауха в России со временем менялось. В консервативные 1840-е годы его труды рассматривались как подтверждение того, что прогресс требует перемен в сердцах людей, или же как нападки на русские религиозные традиции. В 1860-е их читали как комментарий к Великим реформам.

---

³⁵ Чаадаевский. Забытое средство пастырского душеспасения — пастырство у постели больного // Известия по С.-Петербургской епархии. 1907. 22 июня. № 12. С. 20.

В 1880-е годах они оказались ключом к душе русского крестьянства. И, наконец, на заре XX века он показал, как православие может возродиться в либеральную эпоху, которая, как казалось, вот-вот наступит.

Интерес к нему был стойким, так как то, о чем он писал, было непосредственно связано с непреходящими проблемами России. Русская культура XIX века была одержима так называемыми проклятыми вопросами — великими экзистенциальными вопросами о Боге, жизни, взаимоотношениях между богатыми и бедными и судьбе народа [Frede 2011: 211]. Розенштраух предлагал ответы на эти вопросы. Он говорил, что Бог существует, что жизнь человека обретает смысл, когда он отказывается от привилегий и служит бедным. Конечно, он не был ни православным, ни русским. Однако он размышлял различия между религиями, представляя свои идеи как универсальные истины. Размышлял он и национальные различия, называя (русский) социальный статус людей, о которых писал, но заменяя их (немецкие) имена инициалами. А его молчание о собственном прошлом позволяло читателям думать, что он «родился и жил в России». Русские интеллигенты, в свою очередь, готовы были закрывать глаза на его иностранное происхождение, поскольку считали, что величие их нации в ее универсализме. Они верили, что русский простой народ воплощает в себе доброту всего человечества и что образованная элита России подражает европейским образцам, потому что обладает уникальной способностью усваивать то лучшее, что есть в других культурах³⁶. Ничто хорошее или истинное не может быть чуждо России, в том числе мудрость Розенштрауха.

---

³⁶ Классическая формулировка этой идеи содержится в Пушкинской речи Ф. М. Достоевского. См. [Достоевский 1972–1990, 26: 146–147; Levitt 1989: 130–138].

Глава 16

Почетные граждане

Память, которую Розенштраух оставил о себе следующим поколениям, показывает, как личный опыт отдельного человека может пережить своего носителя и повлиять на ход истории. Опубликовав «У одра умирающих», он сделал свои копившиеся всю жизнь мысли и чувства достоянием немецкой и русской культурной памяти. Это, конечно, выделило его среди прочих, так как в большинстве своем люди книг не пишут и публичной известности не приобретают. Однако его наследие сохранилось и в памяти живущих, в первую очередь членов его семьи, и в этом смысле он ничем не отличался от других. У всех, кто жил во второй половине XIX века, имелись родители, бабушки, дедушки или другие пожилые родственники и знакомые, помнившие век революций; люди росли, слушая их рассказы и наблюдая их поведение. Изучая жизнь потомков Розенштрауха, мы можем увидеть, как в процессе, повторяющемся с бесчисленными вариациями в миллионах семей, наследие века революций формировало людей, создавших современный мир.

Молодые одновременно подражают старшим и бунтуют против них. В роду Розенштрауха мы можем проследить эти процессы на протяжении трех поколений. В юности Розенштраух, по-видимому, руководствовался идеалами Просвещения и стремился к свободе, и потому отверг традиционный бюргерский путь: отказался вернуться домой в Бреслау, стать цирюльником и жениться на бюргерской дочке — католичке. Вместо этого он стал актером и сбежал с протестанткой. Цена, которую он заплатил за этот выбор, была высока: он потерял семью и социальный статус уважаемого человека, а в конечном итоге лишился и жены,

и своей церкви, и немецкой родины. По своим подробностям его биография уникальна, но общая схема — экспериментирование и травматические разрывы — была в ту эпоху войн, революций и духовных потрясений характерна для многих.

Он хотел, чтобы жизнь его детей сложилась лучше, поэтому старался воспитать их так, чтобы они добились успеха в мире начала XIX века. В эту новую эпоху во многих странах Европы главной социальной силой была буржуазия, класс предпринимателей и образованных профессионалов, таких как врачи и юристы. В отличие от бюргеров Старого порядка, буржуазия видела в социальном укладе не статичную систему сословий, в которой каждому было уготовано определенное место, а систему гибкую, где талантливый человек мог подняться к богатству и власти. Буржуазия, мыслившая в этих категориях, преобладала в передовых либеральных обществах Западной Европы, но в зачаточном состоянии существовала и в России. Иммигранты, чувствовавшие себя как дома и в России, и в Европе, занимали в этой русской буржуазии важное место.

Образование, которое Розенштраух дал детям, их браки и дело, которое он им завещал, — все говорит о том, что он хотел видеть их представителями этого класса. Элиза умерла молодой, Мина, по-видимому, так и не вышла замуж, но Вильгельм унаследовал отцовский магазин, обзавелся детьми и прожил долгую жизнь. Именно он вывел Розенштраухов на верный путь. Детство Вильгельма было омрачено бедностью и нестабильностью положения, но он был еще молод, когда начал руководить семейной фирмой и научился быть хозяином самому себе. Честолюбивый и голодный, он достиг больших высот в деловой и общественной жизни, но когда положение в Российской империи и в его собственной семье изменилось, приспособиться оказалось трудно. Следующее поколение выросло в его тени. У его детей и их потомков, воспитанных в уверенности, что материальное благополучие — их неотъемлемое право, не было необходимости пробиваться в жизни самостоятельно: они привыкли к комфортному, но ничем не примечательному буржуазному существованию, которое продолжалось до падения императорской России.

Покорение вершин

В 1820 году, когда после отъезда отца в Одессу Вильгельм возглавил магазин на Кузнецком Мосту, ему было всего 28 лет. В следующие полтора десятилетия, благодаря неустанным трудам на нивах коммерческой, общественной и церковной деятельности, он социально возвысился до статуса одного из самых уважаемых граждан Москвы. Его жизнь показывает, сколько возможностей, но и ограничений таила в себе буржуазная карьера в Российской империи при Старом порядке.

Его возвышение строилось на экономическом успехе. Деловых документов от него сохранилось мало — мы располагаем только фрагментами. Главным его делом всегда оставался магазин предметов роскоши, но, по крайней мере в ранние годы, он пытался расширить сферу деятельности. В то время разрабатывались способы изготовления товаров, имитирующих предметы роскоши, но более дешевых, так что среднему классу впервые оказались доступны вещи, традиционно предназначенные для дворян. Подобно немецкому просветительскому театру времен Розенштрауха, потребительская революция сократила культурную и бытовую дистанцию между дворянством и средним классом, тем самым подорвав основы Старого порядка. Осознавал ли Вильгельм эти последствия потребительской революции, неизвестно, но два его предприятия показывают, что он понимал, какие новые возможности она давала.

Одно из его предприятий было связано с оздоровительным туризмом. Европейская элита часто выезжала на курорты, в основном в бывшей Священной Римской империи — не только ради лечебных свойств местных минеральных вод, но и ради светской жизни и культурных увеселений, например театральных постановок вроде тех, в которых некогда играл Розенштраух. Вильгельм предоставил москвичам, которые не могли позволить себе заграничный вояж, возможность испытать нечто подобное. В 1820-е годы один немецкий врач изобрел способ воспроизводить минеральный состав вод из различных природных источников. Вильгельм и друг его отца Лодер, которого он знал по масонской ложе и который, по-видимому, был его наставником,

приобрели права на эту технологию, убедили Николая I и других влиятельных русских стать акционерами и в 1828 году открыли «заведение искусственных минеральных вод» в Москве. Здесь, согласно газетному сообщению, мутная вода Москвы-реки превращалась в воды различных курортов Центральной Европы, и посетители, «в числе коих замечаете знатнейших особ», наслаждались атмосферой, подобной той, что царит «в публичных собраниях больших городов образованнейших в Европе государств»¹. Заведение имело коммерческий успех и просуществовало до 1870 года [Vischniakoff 1900: 237].

Другим начинанием Вильгельма в области потребительской революции было серебрение. Серебряные чаши, чайники, канделябры и прочее были дорогими символами высокого положения элиты. Серебрение, процесс, изобретенный в Великобритании в XVIII веке, при котором на металлическую основу наносится тонкая пластинка серебра, позволяло изготавливать изделия, выглядевшие так же, как серебряные, но стоившие дешевле. Вильгельм одним из первых российских предпринимателей применил эту технику. В 1829 году он основал мастерскую по изготовлению посеребренных предметов домашнего обихода. Его продукция завоевывала награды на российских промышленных выставках, и, по-видимому, мастерская действовала до начала 1840-х годов [Лобанева 1956: 6, 12–13, 29].

К сожалению, у нас нет сведений о его доходах и прибылях, но приблизительным показателем масштаба его деятельности может служить его гильдейская принадлежность. В 1814–1824 годах он был купцом третьей гильдии, в 1825 году — второй, а в 1826–1833-м — первой. В последующие годы, судя по отрывочным свидетельствам, он состоял то в первой, то во второй гильдии [Найденов 1883–1889, 7: 233 (1833); 9: 283 (1857); Нистрем 1842, 3: 237; Петров 1843: 260]². Принадлежность к любой из этих

¹ О московских искусственных минеральных водах // Московский телеграф. 1828. Июнь. № 12. С. 492.

² См. также: РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4130. Л. 2; Personalnotizen // Das Inland. 1851. 8 Oktober. № 41. Kol. 726.

гильдий вводила его в торговую элиту империи: в каждый от-дельно взятый год только 500–1000 семей во всей России принадлежали к первой гильдии, и только 1200–2700 ко второй [Hildermeier 1986: 348–349]³.

Как и его отец, он не только стремился к деловым успехам, но искал духовный смысл, хотел способствовать общему благу и пользоваться общественным уважением. Но он пошел по другому пути. Ведь у него не было сомнительного прошлого, которое нужно было скрывать; к тому же он действительно был человеком двух культур и имел прочные позиции в московском купечестве. Менялось и время. Александр I и Николай I пытались модернизировать Россию, укрепляя как собственные инструменты власти (полицию и бюрократию), так и общественные классы, как казалось, более других пригодные к тому, чтобы повести народ к современному образу жизни (духовенство и буржуазию). Примерно до 1820 года Александр видел в гражданском обществе союзника и потому поощрял социальную гибкость, благодаря которой Розенштраух смог перейти из театра в коммерцию, а оттуда в духовенство. Однако доверие к гражданскому обществу ослабло уже в последние годы правления Александра, а с воцарением Николая в 1825 году исчезло окончательно.

С этого момента стратегией режима стало создание эффективных, но авторитарных институтов и подход к общественным проблемам в категориях Старого порядка, в котором каждому классу, религии и национальности отводилось строго определенное место. Например, лютеранская церковь, как мы уже видели, перешла к централизованному управлению своими приходами, подняла образовательную планку для пасторов и взяла на вооружение узнаваемый западноевропейский архитектурный стиль: все это нужно было для того, чтобы построить организацию с нисходящей властью, компетентным духовенством и ярко выраженной культурной идентичностью. Тем же принципом Николай руководствовался и в других сферах. Например, он предоставил зажиточным простолюдинам новые привилегии, но

³ Приведены средние величины за пятилетние периоды 1816–1858 годов.

затруднил им переход в дворянство; он поощрял благотворительность в пользу бедных, но ограничил для них доступ к образованию и, следовательно, к культуре высших классов [Wortman 1995–2000, 1: 250; Днепров 2017, 1: 198–199; Андреева 2019: 57; LeDonne 2020: 143].

В 1820-е годы Вильгельм прокладывал себе путь, приспосабливаясь к этим условиям. Его коммерческие начинания привносили в высшие классы западный образ жизни. Будучи комиссионером, совершавшим внутренние и зарубежные коммерческие сделки для Московского университета, он стал связующим звеном между российским высшим образованием и Западом⁴. Он способствовал модернизации российской промышленности и торговли, вступив в комитет по сбору средств для училища, которое давало бы коммерческое образование сыновьям московских купцов. Кроме того, он активно помогал бедным. Он пообещал ежегодные пожертвования глазной больнице в Санкт-Петербурге, а также помог основать аналогичную больницу для бедных в Москве. В 1828 году Общество попечительное о тюрьмах, занимавшееся гуманизацией условий содержания заключенных, открыло московское отделение под руководством генерал-губернатора Д. В. Голицына и митрополита Филарета (Дроздова), одного из высших иерархов Русской православной церкви. На протяжении десятилетий Вильгельм был одним из ведущих членов Общества. Это не было sine curой: например, он разработал предложения по благоустройству одной из московских тюрем, а в другой надзирал над реконструкцией. Состоял он и в других поддерживаемых правительством организациях по оказанию помощи заключенным и неимущим [Глебов, Иванов 1860: 143, 459; Карпов 1869]⁵.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп 29. Д. 90. Л. 3. Письмо Лодера попечителю Московского университета А. А. Писареву, 16 декабря 1825 года.

⁵ См. также: Beiträge zum Besten der Privat-Augen-Heilanstalt zu St. Petersburg // St. Petersburgische Zeitschrift. 1824. № 15. S. 113; Объявление // Вестник Европы. 1826. № 6. С. 155–160; НИОР РГБ. Ф. 316. Картон 14. Ед. хр. 6. Л. 12 об., 20. Доклад Ф. П. Газа Обществу попечительному о тюрьмах.

В дополнение к коммерческой и гражданской деятельности, Вильгельм также активно сотрудничал с лютеранской церковью. В 1820 году, возглавив семейное дело, он сразу же удвоил и без того солидное ежегодное пожертвование, которое его отец вносил в церковный фонд помощи вдовам и сиротам⁶. Председателем совета его церкви был его друг Лодер; в 1823 году Вильгельм стал членом совета, а в 1836 году, после смерти Лодера, — председателем. С 1832 года он состоял в Евангелическом библийском обществе, протестантском осколке Российского библийского общества, к тому времени распущенного. Позже, с 1859 года, он также возглавлял московское отделение фонда поддержки нуждающихся лютеранских общин. Все эти должности он занимал почти до конца жизни [Fechner 1876, 2: 531–532, 573–577, 580–581, 592].

В награду за свои труды на благо общества Вильгельм хотел почестей и привилегий. Их ему охотно предоставляли власти, которым это было на руку. По мнению правительства, современной стране требовалась буржуазия, которая не только гналась бы за личной выгодой, но и служила общему благу посредством филантропии и другой полезной деятельности. В России ближе всего к такому классу стояло купечество, однако оно постоянно теряло талантливых людей. Купцы рисковали утратить привилегированный статус, если оказывались не в состоянии платить ежегодный гильдейский взнос, поэтому у них был стимул бросать торговлю и поступать на государственную службу: чиновники могли продвигаться по служебной лестнице и при достижении достаточно высокого чина получать наследственное дворянство. Если Россия хотела создать сильную буржуазию, отток купцов в чиновники должен был прекратиться. Поэтому правительство постаралось сделать статус купца более привлекательным, предоставив торговой элите новые права. Вильгельм, очевидно, на них и нацелился [Smith A. 2017: 332–336].

Закон 1824 года гласил, что купечество первой гильдии «составляет особый класс почетных людей в Государстве», и давал право на получение престижных статусных символов. В их числе были

⁶ ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 43.

ордена, обычно предназначавшиеся для дворян или государственных чиновников, и звание коммерции советника, придуманное специально для купцов. Это были титулы, которые можно было присовокуплять к своему имени и которые давали право на то, чтобы с их носителями в торжественных случаях обращались как с ровней дворянам. Кавалер ордена также получал ежегодную денежную выплату и право носить особую медаль⁷. В декабре 1825 года Лодер ходатайствовал о присвоении Вильгельму звания коммерции советника. В письме Лодера перечислены именно те его добродетели, которые государство стремилось поощрять: коммерческий успех, образованность и гражданская активность. Вильгельм, писал он, был купцом первой гильдии, учился в Дерптском университете и на добровольных началах состоял комиссионером Московского университета и членом церковного совета. Ходатайство было удовлетворено в августе следующего года. Несколько недель спустя в иностранных газетах появилась заметка, сообщавшая — возможно, для того, чтобы произвести впечатление на купцов, с которыми Вильгельм вел дела, — что коммерсант и университетский комиссионер Розенштраух произведен в коммерции советники⁸. Кроме того, Вильгельм был награжден несколькими орденами: в 1829 году он стал кавалером ордена Святой Анны третьей степени; в 1834 году в знак признания заслуг в Обществе попечительном о тюрьмах его наградили орденом Святого Владимира четвертой степени, а в 1842 году — орденом Святого Станислава второй степени [Список 1828–1852, 5: 169; Список 1828–1852, 2: 515]⁹.

⁷ ПСЗ (Собрание первое), т. 39, № 30115 (14 ноября 1824 года), с. 593; о коммерции советниках см.: ПСЗ (Собрание первое), т. 26, № 19347 (27 марта 1800 года), с. 102–103; об орденах см., например: ПСЗ (Собрание первое), т. 21, № 15515 (22 сентября 1782 года), с. 673.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 90. Л. 3 (Лодер — Писареву, 16 декабря 1825 года); РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4130. Л. 2 (свидетельство, выданное Вильгельму Розенштрауху Домом Московского градского общества); Moskau, 9. Sept. // Friedens- und Kriegskurier (Nürnberg). 1826. 2 Oktober. № 235. 6. п.; Rußland // Laibacher Zeitung. 1826. 3 Oktober. № 80. S. 322.

⁹ См. также: РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4130. Л. 2; Внутренние известия // Коммерческая газета. 1835. 22 января. № 10. С. 37.

В обществе Старого порядка такие почести были важны. Вильгельм уже не просто, как говорили англичане, «промышлял торговлей». Теперь, надевая ордена и называя себя «коммерции советник и кавалер Розенштраух», он символически причислялся к правящему слою Российской империи. Для него самого это было источником престижа и, по-видимому, личного удовлетворения. Для имперского режима это означало, что этот талантливый, амбициозный буржуа и его семья, скорее всего, останутся лояльными монархистами и не превратятся в либеральных политических смутьянов, как многие из их ровни на Западе.

Другим путем к влиятельности и связям были для него сношения с иностранными правительствами. Овдовевший зять Вильгельма Кинен, прусский консул, сделал его своим заместителем, а после того, как Кинен в 1827 году уехал в Германию, тот стал исполнять обязанности консула¹⁰. Как сообщал прусский посланник в Берлин, в Министерство иностранных дел:

Пока что его торговля не слишком масштабна, но благодаря своей деятельности в Москве он завязал разнообразные знакомства, которые помогут ему стать весьма полезным тамошним подданным Его Королевского [прусского] Величества. Кроме того могу <...> доложить, что он горячо стремится получить должность Королевского консула, как только появится подобная вакансия¹¹.

В 1829 году, когда стало ясно, что Кинен не собирается возвращаться, желание Вильгельма исполнилось. В знак признания его (неоплачиваемой) службы и для поощрения дальнейшего усердия Пруссия в 1837 году наградила его орденом Красного орла четвертой степени [Amburger 1982: 252]¹².

¹⁰ GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442 (документы, касающиеся прусского консульства в Москве), fol. 35 (посол Фридрих фон Шелер — в Министерство иностранных дел Пруссии, 7 февраля / 26 января 1827 года).

¹¹ GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fols. 40–40v (Шелер — в Министерство иностранных дел 31/19 августа 1827 года). Цит. по: [Мартин 2015б: 138].

¹² См. также: Amtliche Nachrichten: Kronik des Tages // Allgemeine Preußische Staats-Zeitung. 1837. 23 Januar. № 23. S. 90.

Вершиной стараний Николая I воспитать собственную буржуазию стало учреждение в 1832 году нового статуса — потомственного почетного гражданина. У Вильгельма были на него все права: с 1825 года он состоял во второй или первой гильдии, всегда был платежеспособен, не обвинялся в преступлениях, а также имел звание коммерции советника и орден. Эти достижения показывали, что он не традиционный бюргер или купец, живущий только торговлей, а современный буржуа, сочетающий исключительный коммерческий успех с патриотическим служением императору и стране. Его ходатайство о присвоении ему звания потомственного почетного гражданина было одобрено в феврале 1834 года¹³.

Благодаря новому званию его привилегии становились пожизненными и наследственными, как у дворян. Кроме того, оно давало независимость: в отличие от купцов, крестьян и прочих жителей Российской империи, почетные граждане не составляли корпоративного объединения, руководители которого имели власть над его членами. Юридический статус его семьи перестал определяться превратностями торговли, и он больше не зависел, как было ранее и как зависел его отец, от таких структур, как Дирекция императорских театров, лютеранская церковь или купеческие гильдии. Потомственные почетные граждане, по словам одного историка, были «самыми свободными людьми в имперском российском обществе» [Smith A. 2017: 349].

Связи

Помимо торговли, гражданской активности и стремления к званиям и почестям, Вильгельм укреплял свое положение, создавая сеть личных связей. Центром этой сети была его семья. У него и Софи было восемь детей; точнее, нам известно о восьми доживших до совершеннолетия. Фридрих (Фриц)¹⁴, София и Ан-

¹³ ПСЗ (Собрание второе), т. 7, № 5284 (10 апреля 1832 года), с. 194; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4130. Л. 2.

¹⁴ Мы знаем, что Фридриха называли Фрицем, так как на обороте его портрета работы В. Элерса стоит надпись: «Fritz Rosenstrauch».

Рис. 16.1, 16.2. Софи и Вильгельм Розенштраух. Художник В. Элерс, 1844

на родились между 1816 и 1820 годами. После шестилетнего перерыва, в 1826–1837 годах, на свет появились Вильгельмина (Мина), Эмилия, Вильгельм, Наталия и Карл [Найденов 1883–1889, 7: 233; 9: 283].

В 1844 году, когда Софи исполнилось 50, художнику В. Элерсу были заказаны портреты всей семьи. (См. рис. 16.1–16.4.) Изящно раскрашенные карандашные рисунки излучают спокойствие, уверенность, порядок, процветание и семейное счастье — отличительные признаки успешной жизни в соответствии с идеалами буржуазной культуры.

Как и его отец, Вильгельм через браки своих детей создавал альянсы с другими успешными западными иммигрантами. Две его дочери, София и Эмилия, к 1850 году уже вышли замуж. Как было принято в буржуазной среде XIX века, их мужья были старше, чем они, и твердо стояли на ногах. В конце 1830-х годов София (р. 1818) вышла за Ганса Рудольфа Германа (р. 1805), им-

мигранта из Саксонии; он был химиком и управлял «заведением искусственных минеральных вод» Вильгельма. Эмилия (р. 1828) в 1848 году вышла замуж за купца Людвигу Германа Вольнера (р. 1817), иммигранта из Пруссии. Оба зятя вместе с Вильгельмом вошли в совет церкви Святого Михаила, чем еще сильнее укрепили семейные узы [Fechner 1873, 2: 533, 594; Vischniakoff 1900: 236–237]¹⁵.

Еще одним источником связей был шури́н Вильгельма Кинен, вдовец его сестры Элизы. В 1827 году Кинен переехал во Франкфурт, и его дело в Москве перенял другой его шури́н, Фердинанд Глогау, ставший также консулом Франкфурта в Москве [Amburger 1982: 172]. Сын Вильгельма Фриц начал свою карьеру с работы на Глогау. Сын Кинена (племянник Вильгельма) стал компаньоном Глогау; с 1843 года сын Кинена был голландским консулом в Москве, в то время как Вильгельм был прусским консулом¹⁶.

Таким образом, Вильгельм входил в сеть иммигрантов, игравших важную роль в торговых и консульских отношениях России с Европой. Кроме того, у него были связи среди видных русских. Через Общество попечительное о тюрьмах он познакомился с генерал-губернатором Голицыным и митрополитом Филаретом. В числе его друзей имелись и писатели. Племянница его жены была замужем за М. П. Погодиным, профессором и известным издателем, который стал другом семьи [Барсуков 1888–1910, 4: 129–133]. Вильгельм водил знакомство и с другими литераторами, такими как Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский, И. М. Снегирев и (по-видимому) А. А. Фет [П. К. 1840: 202; Снегирев 1903: 545–546; Фет 1893: 137]¹⁷.

Личные связи, подобные тем, которыми окружал себя Вильгельм, были весьма ценны для купца. Во-первых, с друзьями

¹⁵ См. также: Amburger-Datenbank, записи 22928 (Hermann) и 51242 (Wollner).

¹⁶ Amburger-Datenbank, запись 26771 (Michael Georg Wilhelm Kinen).

¹⁷ См. также: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2671 (письмо Вильгельма П. А. Вяземскому).

можно было заключать деловое партнерство. Так, двое партнеров Вильгельма были старыми друзьями его отца еще по Санкт-Петербургу. Отец Вильгельма принял российское подданство одновременно с одним из своих братьев по масонской ложе, ювелиром Кристофом Андреасом Ремплером. В 1823 году Ремплер был назначен «оценщиком кабинета Его Величества» — должность, которую его потомки занимали до самой революции. Возможно, благодаря этому знакомству Вильгельм смог осуществлять крупные поставки ювелирных изделий императорскому двору: один москвич отметил в 1824 году, что Александр I в своей поездке по провинциальным городам «щедро сыплет деньги и подарки» и что «к [Вильгельму] Розенштрауху прислано 30 тысяч [рублей] для покупки разных мелочных подарков, как то: перстни, фермуары, табакерки, цены не выше 800 рублей и не менее 150» [Булгаковы 2010, 2: 460]. Позже, как мы увидим, Розенштраухи и Ремплеры породнятся через брак.

Братом отца Вильгельма по санкт-петербургской ложе был и купец из остзейских немцев Кристоф Иоганн Кноп [Серков 2020, 2: 272; 4: 355]. В 1822 году Кноп держал магазин косметики на Невском проспекте, на втором этаже Милютинских рядов, в доме купца Глазунова [Аллер 1822: 20, 495, 604]¹⁸; вероятно, после переезда Розенштрауха в Москву помещение его магазина занял Кноп. Кноп и Розенштраухи поддерживали отношения, по мере того как их магазины превращались в элитные международные торговые фирмы. Так, в 1830-е и 1840-е годы в России и за рубежом широко рекламировалось швейцарское травяное масло Виллера, средство от выпадения волос; указывалось, что продавать его в России уполномочены только магазины Кнопа на Невском проспекте и Розенштрауха на Кузнецком Мосту, а также что Кноп, Розенштраух и один розничный торговец в Одессе имеют в России эксклюзивное право на продажу масла для волос, крема для кожи и зубного порошка лондонской фир-

¹⁸ См. также: Verkauf aus freier Hand // Intelligenzblatt Nr. 61 der St. Petersburgischen Zeitung. 1838. 17 März. S. 187.

мы «A. Rowland and Son»¹⁹. Еще в 1860-е годы Кноп был достаточно известен, чтобы удостоиться упоминания в «Преступлении и наказании» Достоевского [Достоевский 1972–1990, 6: 277].

Личные связи не только создавали возможности для успешной торговли, но и открывали доступ к кредитам. Поскольку коммерческая банковская система в России отсутствовала, коммерсанты полагались на частные займы. Их можно было получить либо от незнакомых лиц, судивших о кредитоспособности заемщика отчасти по его связям с богатыми, уважаемыми людьми, либо от друзей и родственников. Сохранилось много писем, которые Вильгельм писал с 1840-х по 1860-е годы Погодину, активно занимавшемуся денежным кредитованием. Вильгельм занимал крупные суммы. Например, в марте 1846 года он был должен Погодину 10 000 рублей ассигнациями. Нередко частные кредиторы не знали своих заемщиков или не вполне доверяли им, поэтому многие из них взымали проценты, значительно превышающие установленный законом максимум в 6 %. Выгода, которую Вильгельм извлек из своей личной связи с Погодиным, заключалась в том, что он платил всего 6 % и временами мог апеллировать к их дружбе, чтобы просить о продлении кредита [Antonov 2016: 31, 65, 91, 133, 157, 261]²⁰.

¹⁹ См.: Особенное прибавление № 32 // Прибавление № 168 к Санкт-Петербургским ведомостям. 1836. 26 июля. Б. pag.; Verkauf aus freier Hand // Intelligenzblatt Nr. 61 der St. Petersburgischen Zeitung 1838. 17 März. S. 187; Verkauf aus freier Hand // Intelligenzblatt Nr. 120 der St. Petersburgischen Zeitung. 1838. 2 Juni. S. 406; Zeugniß über die Wirksamkeit des K. Willer'schen Schweizerkräuter-Oels // Frankfurter Ober-Postamts-Zeitung. 1838. 2 September. № 242. б. п.; Частные известия // Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1841. 12 июля. № 155. С. 1705; [L'Indicateur 1841: XXVI–XXIX]; Санкт-Петербургские ведомости. 1848. 29 февраля. № 48. С. 192.

²⁰ О Погодине как заемщике и заимодавце см., например, [Барсуков 1888–1910, 3: 322; 9: 184, 442; Шенрок 1892–1897, 4: 143]. Упоминание Вильгельмом долга в 10 000 рублей см. в НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 9 (22 марта 1846 года). О его процентной ставке см.: НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 21. Л. 1 (17 марта 1840 года); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 9 (22 марта 1846 года). Просьбы о продлении см. в: НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 21. Л. 4 (16 декабря 1842 года); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 15 (7 декабря 1848 года).

Еще одним преимуществом для коммерции, которое Вильгельм, по-видимому, извлекал из своих знакомств, была реклама. Я не могу утверждать, что здесь была какая-то связь, но у Вильгельма были друзья в литературном мире, и писатели изображали его магазин в весьма заманчивых красках. Например, вот как один автор описал Кузнецкий Мост в 1826 году:

Однакож Почтенный читатель, оставя дома кошелек ваш и запасшись благоразумием, можно из любопытства заглянуть в магазины; начнем с Розенштрауха. При первом шаге вашем в его магазин глаза ваши не будут знать, на чем остановиться, все так прекрасно и у места расставлено, что вдвое кажется лучше, чем есть на самом деле. Начиная от богатых ламп, ваз, бронзы, даже до последней щеточки для ногтей, все так чисто и хорошо расположено, что обвораживает зрение. Скупой! Не ходи сюда, или долго будешь раскаиваться [Гурьянов 1827–1831, 3: 160–161].

Примерно такие же упоминания о магазине Вильгельма мы встречаем в последующие годы и десятилетия. В сатирическом рассказе 1828 года (П. Л. Яковлев, «Записки молодого мужа о старой жене своей» [Яковлев 1828–1830, 1: 49–59]) жена, помыкающая мужем, дает ему список поручений, в котором значится: «Взять у Розенштрауха четыре маленьких калейдоскопа» [Яковлев 1828–1830, 1: 55]. В повести В. А. Ушакова «Густав Гацфельд» (1839) купеческая дочка, которую в пансионе донимают товарки из дворянских семей, мечтает, как она превзойдет их богатством и положением: «она легко могла... встретив одну из них в магазине Розенштрауха, занятую рассматриванием сторублевых вещиц, тут же потребовать бронзы и фарфора тысяч на пять» [Ушаков 1839: 79]. В 1856 году журналистка Александра С. Ш. выговаривает дамам за то, что они белятся и румянятся [Александра С. Ш. 1856], но добавляет, что если уж им так хочется, пусть покупают эти «снадобья» только самого лучшего качества: «Наши молодые актрисы, которым они необходимы на сцене, берут их у Розенштрауха и Торбека» [Александра С. Ш. 1856: 356]. Одна из героинь повести Е. Нарской «Свободный выбор» (1858)

говорит: «...я заезжала к Розенштрауху... что это у него за прелестные вещи!» [Нарская 1858: 144]. В романе И. С. Тургенева «Накануне» персонажу, ищущему «подарочек» для дамы, предлагают: «Да вот есть у меня вещица: фермуарчик, я его на днях купил у Розенштрауха» [Тургенев 1978–1986, 6: 271]. Еще в одной повести 1901 года мы волей автора переносимся в годы его детства, 1840-е, когда герой покупает невесте «в знаменитом магазине золотых вещей Розенштрауха... браслет с огромным рубином и бриллиантами» [Салиас 1901: 492].

Личные отношения также были полезны, чтобы отвести неприятности — например, когда нужно было убедить высокопоставленного клиента выплатить долг. Князь Барятинский десять лет игнорировал предъявленный ему счет; Вильгельм наконец осмелился потребовать оплаты у вдовы должника, княгини Барятинской, но только после того, как его отец стал ее духовным наставником²¹. Кроме того, друзья, занимающие высокие посты, могли бы при необходимости воздействовать на судебную систему. О том, что случалось — или, как полагали, могло случиться — с торговцами без таких защитников, говорит случай, описанный британцем, который посетил Москву в 1837–1838 годах. Некоторое время назад, пишет он, в ювелирный магазин (по мнению автора, в магазин Вильгельма) вошел генерал и попросил показать несколько дорогих колец с бриллиантами. Тут какой-то нищий (на самом деле сообщник генерала) отвлек на себя внимание, а когда порядок был восстановлен, одно из колец исчезло. Торговец справедливо обвинил генерала в краже кольца, однако не только не добился справедливости, но и был оштрафован за клевету на генерала [Venables 1839: 237–239].

Круг друзей и знакомых Вильгельма, по-видимому, не включал радикалов или инакомыслящих. В литературном мире он общался прежде всего с Погодиным — известным националистом и сторонником режима. В качестве консула Вильгельм представлял Пруссию, консервативного союзника России. Даже его церковь слыла консервативной. В 1880-е годы один русский мемуа-

²¹ Барятинская, в. Л. 41.

рист вспоминал рассказ своей матери-лютеранки о московских церквях 1840-х. Пасторы церкви Святых Петра и Павла были теологическими рационалистами, поэтому туда ходили «почти все вновь прибывавшие члены немецкой колонии». Напротив, в церкви Святого Михаила пасторы были консервативны и возражали против танцев и игры в карты. К этой общине принадлежало «все высшее общество немецкой колонии», в том числе аристократы, некоторые сенаторы и «самые старые, издавна поселившиеся в Москве дома немецкого купечества: Розенштраух и другие» [Фил-нов 1888: 615].

Три поколения

Для человека с такими широкими связями и публичной известностью Вильгельм был чрезвычайно скрытен в личных делах. В частности, он молчал о своем отце. Отца он любил и уважал, но, то ли из-за его неудачного брака, то ли из-за актерского прошлого, то ли из-за каких-то еще фактов его биографии, Вильгельм предпочитал не афишировать, что он сын Розенштрауха. Поэт Ф. Н. Глинка в 1839 году написал, что Вильгельм унаследовал «от почтенного родителя своего любовь к бедным, высокое стремление к пользе человечества»²². Насколько мне известно, это единственный опубликованный источник, в котором о Вильгельме говорится как о сыне своего отца.

Это молчание тем более примечательно, что их родство ни для кого не было тайной. Вильгельма видели рядом с отцом в магазине, в масонской ложе, в церкви Святого Михаила и вообще в обществе. Лодер и другие бывшие братья по ложе продолжали активно работать в церкви. В 1867 году, когда Андреас Вильгельм Фехнер стал пастором в церкви Святого Михаила, церковный совет и Московскую лютеранскую консисторию возглавляли, соответственно, Вильгельм (с 1836 года) и старый друг его отца Блюменталь (с 1843 года) [Fechner 1876, 2: 309, 488]. В своей

---

²² Рецензия на брошюру Ф. Н. Глинки «Обед, какого не бывало» (1839), подписанная «П. К.» [П. К. 1840: 202].

«Хронике евангелических общин в Москве» Фехнер часто упоминает обоих Розенштраухов; биография отца показалась ему настолько интригующей, что он полностью процитировал сказанное о нем Лодером в бытность его кандидатом в пасторы в 1822 году. То, что он нигде не обмолвился о родстве обоих Розенштраухов, было, несомненно, его усмотрением.

Другие, возможно, не знали всего до конца. Позже Погодин написал некролог Вильгельму, в котором превозносил его как семьянина и гражданина, проникнутого заботой об интересах общества. Косвенно в нем затрагивались и домашние неурядицы его последних лет, и это говорило о том, что Погодин не стремился обойти личные вопросы. Однако в некрологе ни разу не упомянуто, что отцом покойного был пастор Розенштраух, чья книга дважды переводилась для русских читателей²³.

Скрытность Вильгельма, по-видимому, объяснялась ощущением собственной уязвимости. Он не оставил никаких письменных свидетельств о своих личных чувствах, но можно вообразить, каким могло представляться ему его прошлое. Отказ родителей подчиняться правилам общественного приличия омрачил его детство. Его отец и мать исповедовали разные религии, занимались презируемой профессией и вступили в брак в нарушение установленных норм; даже будучи ребенком, Вильгельм, возможно, ощущал возникшую из-за этого напряженность. Решение отца разорвать все связи с Бреслау лишило Вильгельма родственников по отцовской линии. Детство он провел в Касселе, в кругу материнской родни, и тот факт, что позже он назвал свою младшую дочь Наталией Иоганной Елизаветой, возможно, в честь своей бабушки Иоганны Елизаветы Хампе, говорит о том, что у него остались о тех временах счастливые воспоминания²⁴. Когда

---

²³ Погодин М. П. Некролог // Московские ведомости. 1870. 5 июня. № 118. С. 1. В другом некрологе о Вильгельме сказано просто: «один из известных московских старожилов» (Некролог // Иллюстрированная газета. 1870. 18 июня. № 24. С. 383).

²⁴ О семействе Хампе см. [Könnecke 1894: 41, 43, 46]. О других именах Наталии мне рассказала Эльке Бриер, один из ее потомков.

ему было шесть лет, мать бросила семью, без сомнения, оставив после себя горькие взаимные обвинения. С бабушкой, тетками и дядьями вскоре тоже пришлось расстаться. Следующие годы были тяжелыми для оставшегося семейства. Позже его отец описал страдания детей в рассказе о скупом булочнике и обсахаренной ветчине, а также в другом рассказе, который писатель-путешественник Коль услышал от жителей Харькова:

[Розенштраух] был так беден, что делил со всей семьей одну убогую постель из соломы, и впоследствии часто рассказывал своему сыну [Вильгельму], жившему в Москве и к тому времени уже разбогатевшему, как часто причинял ему страдания нищенский облик сына, потому что временами он не знал, чем его накормить и во что одеть [Kohl 1841, 2: 168–169].

Когда отец уехал в Россию, Вильгельму было 12 лет. Дети остались в Ростове, но позже приехали к отцу в Санкт-Петербург [Nettelbladt 1862: 198]. Ему было 14 лет, когда убили его брата, и он видел горе отца, его поиски Бога, его обиду на театр. Когда открылся их магазин на Невском проспекте, ему было 17; в 20 лет, когда началась война 1812 года, он уже стал помощником отца, но в ходе войны они почти все потеряли. Потом судьба чудесным образом сделала крутой поворот. Они получили второй шанс и ухватились за него обеими руками.

Весь этот опыт преподавал ему четкий урок: не позволять страстям или порыву диктовать жизненно важные решения. Семью, корни и уважение общества трудно восстановить, если однажды они были утрачены. Успех требует смелости и инициативы, а также благоразумия и веры. Господь дал, Господь и взял: у Вильгельма, который чуть не умер во время эпидемии холеры 1830 года, это знание было в крови²⁵.

Обстоятельства, в которых он воспитывался, сделали Вильгельма тем, кем он стал, — властным, консервативным человеком, который в раннем возрасте освободился от опеки отца, а потом

²⁵ Барятинская, в. Л. 33.

полностью задавил авторитетом собственных детей. Всего в 28 лет он уже был отцом семейства и владельцем семейного магазина. Количество дел, которые он на себя брал, говорило о железной дисциплине и целеустремленности. В течение десятилетий он не только управлял магазином, но также был прусским консулом и комиссионером Московского университета, возглавлял церковный совет и состоял в многочисленных благотворительных, религиозных и образовательных организациях. Такой успех обеспечил его детям безбедное существование, но одновременно лишил их каких-либо шансов самостоятельно прокладывать себе путь в жизни.

Источники позволяют нам получить представление о личностях только двух старших детей Вильгельма — Фрица (р. 1816) и Софии (р. 1818), тех самых двух внуков Розенштрауха, чье благочестие так порадовало деда в 1829 году, когда они гостили у него в Харькове. (См. рис. 16.3 и 16.4.) Софии было легче соответствовать ожиданиям своего круга. Барышне полагалось удачно выйти замуж, вести домашнее хозяйство и блистать в обществе — это были главные обязанности, к которым ее готовило воспитание. Она вышла замуж за Рудольфа Германа, партнера своего отца по заведению искусственных минеральных вод, и ее дом стал образцом блеска и изящества. Русский купец и геолог-любитель Н. П. Вишняков познакомился с ней, когда ей было около 60 лет. По его словам, она по-прежнему была красива: «светская дама до мозга костей», хозяйка, державшаяся «столь же величественно, сколь располагающе», она говорила по-русски, по-немецки, по-французски и по-английски, проявляла «живой интерес к общественной жизни, придворным делам, театру, концертам [и] балам» и пренебрежительно отзывалась о научных интересах своего молчаливого мужа как об унылом дилетантстве. О ее семье Вишняков пишет только, что ее отец был весьма уважаемым человеком, владельцем одного из лучших магазинов Москвы [Vischniakoff 1900: 235–236]. Похоже, ничего другого за пределами семейного круга о ее происхождении не говорили.

У Фрица тоже был вкус ко всему изящному, но, в отличие от сестры, это плохо подходило для его будущей роли. Он был

Рис. 16.3 и 16.4. Дети Вильгельма Фриц и София. Художник В. Элерс

старшим сыном — следующий по старшинству брат был на 15 лет моложе — и, таким образом, наследником семейного дела. Выросший в богатой семье, остававшийся всегда только помощником отца и холостяком (своей семьей он так и не обзавелся), он не обладал ни чувством внутреннего беспокойства, свойственным отцу и деду, ни их самостоятельностью, и ему недоставало целеустремленности, дисциплины и чувства выполненного долга, которыми объяснялся их успех. Неудивительно, что он разочаровал Вильгельма. Мы представляем себе их взаимоотношения благодаря длинному письму на русском языке, которое 31-летний Фриц написал Погдину из Гамбурга в марте 1847 года. Начинается оно так:

Смотрите на меня глазами человеческими, снисходительными, а не чрез призму религии, как смотрит на все людские дела батюшка (я не говорю этим что человеку не нужна религия, — нет — счастлив тот кто ее имеет, и кому она

служит в жизни путеводителем, но как часто строго-религиозные люди требуют от других того, что превышает их силы, не соответствует ни их возрасту, ни полученному воспитанию): так было со мною издавна: от 20-летнего юноши батюшка требовал степенности 40-летнего мужа; скрытность и охлаждение к нему с моей стороны были плодами его строгих правил, той же причине припишу и шалости мои.

Причиной конфликта были деньги и пристрастие Фрица к красивой жизни не по средствам:

Судя по себе, ему казалось удивительным, что я не мог довольствоваться получаемым моим жалованием (самый значительный оклад который я получал не превышал 500 р. сер. [1750 р. асс. — А. М.]) в то время, как многие семейства существуют с меньшим; я же, разумеется по легкомыслию, не мог отставать в издержках от своих товарищей, не зная нужд, избалованный в своих привычках, я не знал цены деньгам, издерживал свой доход и делал долги.

В 18 лет он работал у Глогау, шурина его дяди Г. Кинена. Он «не получал жалованья, а имел из дому карманных денег 5 р. асс. в месяц, в которых должен был ежемесячно отдавать батюшке отчет». Вильгельм считал, что этого достаточно: «...вспоминая свою собственную юность, он мне утверждал что сам, в мои лета получал не более». Положение ухудшалось по мере того, как Фриц накапливал долги, платить которые вынужден был его отец; однако он не желал признаваться в мотовстве и объяснял издержки своего образа жизни всего лишь одной «слабостью»:

Любил блеснуть сначала галстуком, новомодным пальто, а потом лошадьми, экипажем, но непростительна ли была в [мо]лодом человеке такая слабость, и много ли бы она стоила батюшке, когда бы с моей стороны все могло было делаться не скрытно, пред его глазами и как то делали прочие мои товарищи.

Отчаявшись, Вильгельм отправил его в Гамбург, но снабдил лишь небольшими деньгами и «двусмысленной рекомендацией», с которой найти работу не представлялось возможным:

Скажите, Михаил Петрович, взяли бы Вы для помощи в каком-либо деле, 30-летнего человека, о котором отец его отзывается двусмысленно, и которого он, после десяти лет, которые он был при нем, обязал послать в свет, собственными силами отыскивать пропитание?

В довершение всего, его родители не поверили, что единственной причиной, по которой он сидел без дела в Гамбурге, было отсутствие у него денег, чтобы переехать куда-нибудь еще. Поэтому они отказывались выслать и те деньги, которые ему причитались, и даже пытались добиться, чтобы его выселили из гостиницы:

По поручению батюшки, Г. Фишер с которым он в торговых сношениях, призвал к себе хозяина гостиницы, в которой я живу, и сообщил ему что батюшка обо мне ничего не хочет знать, что деньги, которые ему следуют за квартиру, стол, отопление и проч. он должен счесть потерянными, потому что я никакого состояния не имею, и ни откуда денег ожидать не могу. Далее батюшка, непростительным образом, очерняет Г. Фишеру и чрез него хозяину трактира моего, женщину, совершенно с своей стороны невиновную в моих теперешних несчастных отношениях к семейству моему.

В этом, собственно, была вся суть: в том, что Погодин назвал «преступной страстью» к «чужой жене», с которой он живет. Фриц жил в одной гостинице с некоей М. К. Л., с которой он до того виделся ежедневно в течение пяти лет; в тот момент она собиралась поступить в лейпцигский театр. Это описание подходит Марии Карловне Леоновой (1818–1912), замужней певице московского Большого театра, которая в 1847 году уехала в Гамбург, как деликатно выразился ее биограф, «в силу семейных обстоятельств». Фриц горячо отрицал свою любовную связь с ней, но легко себе представить, как Вильгельм, помнящий

Рис. 16.5. Вильгельм Розенштраух. Художник Карл Лаш, 1850

об актерском прошлом собственного отца и уходе из семьи матери, отнесся к связи сына с замужней актрисой²⁶.

В конце концов Леонова осталась в Германии, а Фриц отправился в Лондон, где отыскал в растущем интересе Запада к России некоторые финансовые возможности. Русские писатели, руководствуясь широко распространенным убеждением, что литература должна выражать уникальный дух нации, в то время пытались

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 23. Л. 26–31 об.; «Мария Карловна Леонова» [Божерянов 1903, 2, вып. 4, отд. 3: 32].

Рис. 16.6. Софи Розенштраух. Художник Карл Лаш, 1850

в своих романах и повестях постичь душу русского народа. В 1840-е годы их произведения нашли читателей на Западе, что вызвало интерес не только к русской литературе, но и к своеобразности России. Для иммигрантов в России новая озабоченность национальным вопросом стала палкой о двух концах. Внутри России это сделало их уязвимыми для ксенофобии: как раз в то время, когда Фриц был в Гамбурге, А. О. Ишимовой объяснили, что своим переводом книги «У одра умирающих» она предаёт Россию, а Погодин назвал свою тещу (сестру матери Фрица) типичной «русской немкой», которой «голоса кротости, любви...

недостает» [Гоголь 1988, 1: 423; Мау 1994: 13–19]²⁷. Однако за границей русских с иностранными корнями ценили за их понимание таинственной страны царей. Фриц, чья мать была англичанкой, очевидно, хорошо владел языком, поэтому два британских издателя обратились к нему с просьбой перевести что-нибудь из русской литературы. Представляя себе, что может заинтересовать читателей, он попросил Погодина прислать ему по почте произведения «Гоголя, гр. Соллогуба, Загоскина и др., описывающие русские нравы». Позже он попросил еще книг у отца. Вильгельм, обнаружив собственное невежество, обратился к Погодину, чтобы тот посоветовал «чтонибудь интересное из прозаических сочинениях [sic] Гоголя, и Пушкина <...> ибо я сам понятий об них не имею». Кончилось тем, что Фриц опубликовал свой перевод Соллогуба, помирился с родителями и вернулся домой²⁸.

Закат

В 1850 году художнику Карлу Лашу были заказаны портреты Вильгельма и Софи (см. рис. 16.5 и 16.6). Вильгельму было 58 лет, а Софи — 56. У обоих гладкие, без морщин лица, подтянутые фигуры, темные волосы; только поредевшая шевелюра и седеющие бакенбарды Вильгельма выдают немолодой возраст. Софи изображена в черном шелковом платье и отороченном мехом черном бархатном жакете, с золотой брошью и ожерельем; на голове кружевной шарф, вышитый золотой нитью. Вильгельм изображен в простом черном сюртуке коммерсанта, с орденом Святого Станислава на шее и орденами Святой Анны, Святого Владимира и Красного орла на груди. В типично буржуазном духе наряд жены демонстрирует богатство семьи, а одежда мужа — ее положение в деловом мире и обществе.

²⁷ См. письмо Погодина от 2/14 июня 1847 года.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 23. Л. 4 (Фриц — Погодину, 1 февраля 1848 года); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 13 (Вильгельм — Погодину, 18 июня 1848 года). Фриц перевел повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» [Sollogub 1850]; «Ф. фон Розенштраух» назван как переводчик в [Shattock 1999: col. 183–184].

На портретах Лаша Вильгельм и Софи предстают буржуазной четой на пике своего расцвета, но на самом деле на их горизонте сгущались тучи. В сентябре 1851 года, спустя всего год после написания портрета, Софи умерла²⁹. Можно представить себе Вильгельма, стоически переносящего горе, но это всего лишь предположение; ни один из сохранившихся источников ничего не сообщает об их супружестве и чувствах друг к другу.

Ход времени теперь давил на Вильгельма сильнее, чем когда-либо раньше. Потеряв спутницу, с которой он прожил почти 40 лет, и оставшись наедине с воспоминаниями о прошлом, он, должно быть, чувствовал себя особенно одиноким. Между тем будущее не спешило наступать. Дочери София и Эмилия были замужем, у него было по меньшей мере четверо внуков. Но остальные шестеро его детей, в возрасте от 14 до 35 лет, не обзавелись семьями; дочь Анна после перенесенной в детстве болезни осталась инвалидом и не могла ходить. Однако в 1855 году произошло радостное событие. Старый друг его отца Ремплер завещал свой ювелирный магазин в Санкт-Петербурге шведу Карлу Эдуарду Болину, зятю Ремплера. Брат Болина Хенрик Конрад (р. 1818) открыл филиал своего семейного магазина на Кузнецком Мосту, а в 1855 году женился на младшей дочери Вильгельма Наталии (р. 1834), породнив таким образом два ведущих московских купеческих дома³⁰.

У самого Вильгельма началась в делах черная полоса. Каждый март он обязан был выплачивать долги Погодину. В марте 1853 го-

---

²⁹ Изображение ее надгробия см. «Sophie Goodchild Rosenstrauch», Find a Grave Memorial 123587266. URL: <https://www.findagrave.com> (дата обращения: 09.10.2023).

³⁰ Детей дочери Вильгельма Софии звали Фридрих Вильгельм (Василий Рудольфович, р. 1839) и София; см. [Vischniakoff 1900: 235; Тимофеев б. д.]. Я обнаружил записи о двоих из детей Эмилии: Александрина (р. 1849, по мужу Гюнц фон Рековски) и Вильгельм Антон (р. 1851); см.: «Robert Wollner», URL: <https://www.myheritage.com> (дата обращения: 23.12.2023); «Lübeck, Germany, Burials, 1832–1988 for Alexandrine Von Gynz-Rekawski» [sic]. URL: <https://www.ancestry.com> (дата обращения: 23.12.2023); [Wollner 1879: 91]. О болезни Анны см.: «Heinrik Conrad (Andrej Vas.) Bolin». URL: <https://www.geni.com> (дата обращения: 23.12.2023). О Болине см. там же; [Скурлов 1997].

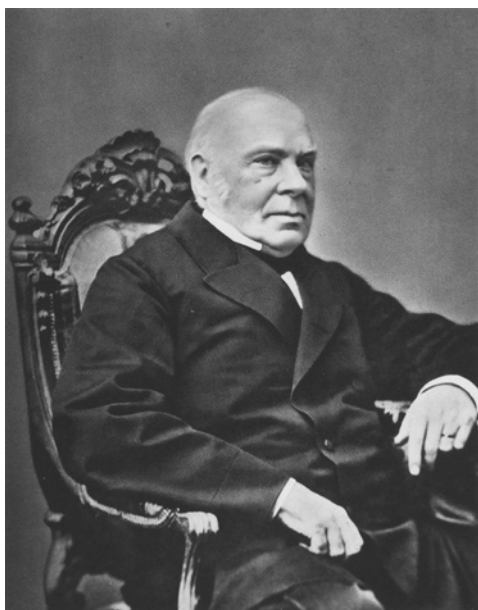

Рис. 16.7. Вильгельм Розенштраух (после 1863 года)

да он написал ему, что торговля идет вяло, а в марте 1855 года, во время Крымской войны, она пришла в такой упадок, что он едва смог покрыть свои расходы. Подобных писем, написанных в последующие годы, не сохранилось, так что, возможно, ситуация наладилась³¹.

Хотя жизнь его клонилась к закату, он не спешил передавать кому бы то ни было эстафету: сам управлял магазином и оставался на всех общественных должностях. Он сделал лишь одну уступку: в 1858 году убедил прусское правительство назначить Фрица вице-консулом. О. фон Бисмарк, тогдашний посол Пруссии в Санкт-Петербурге, писал в 1860 году, что посольство почти еженедельно обращалось к Вильгельму «по какому-либо вопросу об истребовании или обнаружении наследства или еще каком-либо посредничестве», и «каждый раз порученное ему дело бы-

³¹ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 19–12 об. (письма от 9 марта 1853 и 12 марта 1855 года).

вало исполнено быстро и в срок». Вильгельм, писал он, был достоин всяческой похвалы за «честность, служебное рвение и осмотрительность»³².

Вильгельму было чуть за 70, когда все пошло прахом. На фотографии мы видим, как он выглядел примерно в тот период. (См. рис. 16.7.) Его взгляд так же тверд, как на портрете Лаша 1850 года, но держится он не так прямо, а волосы совсем поредели и поседели. Вид у него более отрешенный, когда он позирует без наград, полученных от монархов России и Пруссии, и с обручальным кольцом на левой руке, как по русскому обычаю положено вдовцу. Современная техника фотографии не передает ореола изящества и величия, которым традиционно окружалась элита при Старом порядке. Без теплого свечения масляных красок Лаша или сентиментальности линий на карандашном рисунке Элера камера видит только старика в кресле³³.

Причиной катастрофы стал его сын Фриц. Ему было уже за 40, он так и не женился, оставался помощником отца и по-прежнему, как и в гамбургской истории с актрисой, был склонен вести себя безрассудно, а во всех неприятностях обвинять других.

Путь вниз начался после отмены крепостного права в 1861 году, которая вызвала экономический спад. В марте 1862 года Вильгельм писал Погодину: «...нет никакой продажи, и долгов никто мне не платит». В разгар кризиса, в январе 1863 года, Фриц подписал и передал купцу Якову Фейгину три официальных вексельных бланка на общую сумму в 42 500 рублей. Позднее Фриц говорил, что это был залог под акции стоимостью 43 000 рублей, которые он взял займы у Фейгина, чтобы заклю-

³² GStA III HA. MdA. Abt. II. Nr. 442. Blatt 83r–83v (Бисмарк барону фон Шлейницу, 5 сентября 1860 года); GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fols. 70–71 (посол Карл фон Вергер в Министерство иностранных дел, 12 июля / 30 июня 1858 года); 77–77v (документ о назначении Фрица вице-консулом). Цит. по: [Мартин 2015б: 139].

³³ Согласно оригинальной подписи, снимок был сделан в студии «Шерер, Набгольц и Ко.». Эта московская фотостудия открылась в 1863 году; см.: Фотографическая фирма «Шерер, Набгольц и Ко.». URL: <http://hisdoc.ru/articles/25090/> (дата обращения: 09.10.2023).

чить контракт. Имел ли этот контракт отношение к делам его отца, неизвестно. Он взял акции под 5 % с условием, что вернет их через год; каждый месяц задержки грозил ему выплатой неустойки в 3000 рублей. Год прошел, наступил январь 1864-го, но он оказался не в состоянии выплатить долг. Неустойка стремительно росла с каждым месяцем, и Фриц, вместо того чтобы разобраться с долгом, затеял тяжбу, которая длилась десять лет³⁴.

До Великих реформ, затронувших и судебную систему, в адрес российских судов часто звучали обвинения в продажности и произволе, в невежестве судей и отсутствии профессиональных адвокатов. Однако недавние исследования показывают, что наши стереотипные представления об обществе Старого порядка основаны на чрезмерном доверии к критическим заявлениям его противников. Мы ведь уже видели, насколько наше мнение о цирюльниках в Германии XVIII века искажено враждебными высказываниями о них медиков. Аналогичным образом, существуют аргументы в пользу того, что и суды и чиновники в дореформенной России были достаточно честными и эффективными, а наше дурное впечатление о них вызвано главным образом вводящими в заблуждение выпадами сторонников Великих реформ [Antonov 2016: 16, 220, 264, 285, 298–299; Schattenberg 2008: 11–23, 40, 231–238]. Тяжба Фрица говорит о том, что в этом споре отчасти правы обе стороны: он, очевидно, надеялся выиграть с помощью юридических махинаций, но события обернулись против него.

Когда ему были предъявлены векселя Фейгина, Фриц признал свою подпись, но заявил, что оставил их незаполненными — Фейгин сам проставил в них сумму 42 500 рублей. Следовательно, утверждал он, векселя недействительны и платить по ним он не будет. После того как Фейгин обратился к властям, к Фрицу ночью нагрянули полицейские, опечатали его квартиру, а его самого

³⁴ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 22. Л. 22 об. (Вильгельм — Погодину, 7 марта 1862 года); «Оспаривание векселей тем что, они были выданы в виде бланков. — Присяга» [Носенко 1878, 1, вып. 1: 302–303]; «По вексельной претензии потомственного почетного гражданина Якова Фейгина к конкурсному управлению Розенштрауха на сумму 42500 р.» [Сборник 1876, 4: 769–770].

увезли в долговую тюрьму. Фриц, в свою очередь, подал жалобу на Фейгина, обвиняя его в подлоге. Фейгин возразил, что это обвинение противоречит самому определению подлога: ведь подлинность подписей никто не оспаривает, а по закону, чтобы векселя были действительными, достаточно одних подписей. Сторонники правовой реформы считали, что при существующем российском законодательстве слишком легко с помощью необоснованных обвинений в подлоге добиваться того, чтобы долговые дела передавались из гражданской юрисдикции коммерческого суда в уголовный суд, и это позволяет должникам запугивать кредиторов угрозами уголовного преследования. Именно на это и рассчитывал Фриц³⁵.

Военный генерал-губернатор Москвы М. А. Офросимов дал ход обвинению Фрица и начал расследование. Его отца Офросимов заверил, что вести дело будет один из лучших следователей — очередное указание на то, насколько высокие связи были у Вильгельма в правительстве³⁶. То, что обнаружил следователь, позволило генерал-губернатору распорядиться, чтобы дело направили в уголовный суд, но Фейгин обратился в Сенат, высший апелляционный суд России, с просьбой отменить это решение.

Между тем Вильгельм попросил вмешаться прусского временного поверенного в делах в Санкт-Петербурге Вильгельма фон Пирха. Однако факты, о которых Пирх узнал в российском Министерстве иностранных дел, представили Фрица в невыгодном свете. Всего двумя годами ранее Фриц был награжден прусским королевским Орденом Короны четвертой степени; взамен от него ожидали, что он будет защищать честь королевства в качестве его вице-консула. В свете его недавнего поведения Министерство

³⁵ РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 2, 3 об., 19 об., 25, 35 об. (сенатское досье дела Фейгина); GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fols. 109–10v (Пирх — в Министерство иностранных дел, 25/13 апреля 1864 года); Дело купца Фейгина с Конкурсным Управлением по делам Розенштрауха (определение Общего Собрания 1 и 3 Д-в и Д-та Герольдии) // Юридический вестник. 1873. Октябрь–ноябрь. № 5. С. 37–41.

³⁶ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 23. Л. 16 об. (Фриц — Погодину, 9 мая 1865 года); РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 18.

и иностранных дел Пруссии хотело, чтобы он был уволен. Пирх возражал, но только потому, писал он, что Вильгельм «настолько расстроен этими событиями, глубоко затрагивающими его семейное и финансовое положение», что может тоже уйти в отставку³⁷.

Остаток 1864 и часть 1865 года Фриц находился в подвешенном состоянии. К тому же он заболел³⁸. В апреле 1865 года Сенат удовлетворил ходатайство Фейгина, и уголовное расследование по обвинению его в подлоге было прекращено. Теперь дело должно было быть передано в коммерческий суд, заместителя председателя которого Фриц считал личным врагом. В мае, лежа на койке в тюремной больнице, он засыпал Погодина письмами. В духе риторики времен Великих реформ он требовал, чтобы судебные процедуры были быстрыми и прозрачными, и утверждал, что подвергся «самому возмутительному безотчетному произволу» со стороны «лицеприятного и подкупленного следователя», которого назначил генерал-губернатор. На самом же деле он уповал на торговлю влиянием и процедурные махинации. Он жаловался, что генерал-губернатор «предупрежден» против него «противниками». Он также сообщал, что министр внутренних дел П. А. Валуев предложил прусскому посольству свою помощь и что он (Фриц) направил петицию князю В. А. Долгорукову, могущественному шефу жандармов и начальнику Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии — ведомств, которым поручено бороться с политическим инакомыслием и финансовыми преступлениями; не мог бы Погодин ходатайствовать за него перед этими господами?³⁹ Тем временем Вильгельм, по-видимому, чтобы защитить активы семьи, 1 июня 1865 года

---

³⁷ GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fol. 102 (свидетельство о награждении, 14 апреля 1862 года); GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fols. 109–112, 115–116 (Пирх — в Министерство иностранных дел 25/13 апреля, 8 июня / 27 мая и 23/11 июня 1864 года), цит. 115v.

³⁸ GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fol. 134 (письмо неизвестного в Министерство иностранных дел, 28/16 февраля 1866 года).

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 23. Л. 22, 23 (Фриц — Погодину, 1 и 6 июля 1865 года), 13 об. — 14 об. (6 мая 1865 года), 16 (9 мая 1865 года); РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 36 об.; [Antonov 2016: 23, 41, 55].

продал свой магазин купцу Карлу Эдмунду Мазингу, который пообещал выплатить 104 000 рублей серебром в течение 12 лет. По словам Погодина, Мазинг был «воспитанник [Вильгельма], который с мальчиков служил ему в продолжении 30 лет, и к которому он имел полную доверенность». В конце июля Фриц сообщил Погодину, что воспрепятствует передаче дела в коммерческий суд, объявив о банкротстве⁴⁰.

Вильгельм был болен и отправился лечиться за границу. Его дочь Эмилия с семьей в том же году переехала в Берлин; возможно, он намеревался переехать туда же. После нескольких месяцев отсутствия он в октябре 1865 года вернулся в Москву, но не оставлял мыслей о том, чтобы навсегда покинуть Россию⁴¹.

В феврале 1866 года власти объявили Фрица несостоятельным. Теперь он больше не мог занимать должность вице-консула Пруссии; в апреле и он, и Вильгельм подали в отставку. Вильгельм занимал этот пост 37 лет, дольше, чем любой другой прусский консул в России. То ли из-за возраста и недомоганий, то ли упав духом, он оставил и другие свои должности. В 1863 году он после 31 года службы вышел из Евангелического библийского общества, а в 1869 году ушел с поста председателя совета церкви Святого Михаила, на котором оставался 33 года [Думашевский 1874: 358; Amburger 1982: 253; Fechner 1876, 2: 531, 577]⁴².

Согласно российскому законодательству, кредиторы банкрота назначали конкурсное управление, чтобы распорядиться его акти-

⁴⁰ Погодин М. П. Некролог // Московские ведомости. 1870. 5 июня. № 118; НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел IV. Картон 1. Ед. хр. 64 (договор купли-продажи); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 23. Л. 24 (Фриц — Погодину, 27 июля 1865 года).

⁴¹ О его поездке на лечение см.: GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fol. 133 (письмо неизвестного в Министерство иностранных дел, 13/1 февраля 1866 года); о мыслях о переезде за границу см.: НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 20. Л. 5–5 об. (Анна Розенштраух — Погодину, 24 марта 1869 года). Фехнер [Fechner 1876, 2: 593] пишет, что в том году муж Эмилии переехал в Берлин; по всей видимости, она уехала с ним.

⁴² См. также: GStA III HA MdA, Abt. II, Nr. 442, fols. 134–134v (письмо неизвестного в Министерство иностранных дел, 28/16 февраля 1866 года); fols. 139–140 (прошения Вильгельма и Фрица об отставке).

вами, принять решение о порядке погашения его долгов и оценить его вину в собственном разорении. Степень вины определяла его будущее после ликвидации активов. Если его признавали невиновным (несостоятельность «несчастливая»), все оставшиеся долги аннулировались, а кредиторы даже могли позволить ему сохранить часть имущества. Если его признавали виновным в халатности (несостоятельность «неосторожная»), он продолжал нести ответственность за свои неоплаченные долги; если же признавалась его вина в уголовном преступлении (несостоятельность «подложная»), ему грозило судебное преследование. Вердикт управления, подлежавший одобрению кредиторами, был юридически обязывающим [Antonov 2016: 122, 129, 131; Устав 1868: 297, 331–332]⁴³.

Всю жизнь Вильгельм старался обзавестись друзьями, и эти старания окупились: конкурсное управление, которое сформировали кредиторы, с пониманием отнеслось к делу его сына. Первым председателем был сын бывшего пастора его церкви, а его преемником стал член церковного совета. Конкурсное управление освободило Фрица из тюрьмы, где он томился более двух лет. В октябре 1866 года, всерьез восприняв заявление Фрица о подлоге, оно приостановило финансовые претензии Фейгина до рассмотрения в судебном порядке; в феврале 1867 года добилось нового уголовного расследования; а в мае 1867 года полностью вычло претензии Фейгина из долгов Фрица. Стратегия срабатывания двух судебных инстанций, казалось, сработала. В сентябре 1867 года уголовный суд объявил, что дело должно быть рассмотрено в коммерческом суде, а в мае 1869 года коммерческий суд постановил передать его в уголовный суд. Круг замкнулся: тяжба зашла в тупик⁴⁴.

⁴³ См. статьи Устава 1859–1862, 2000, 2002, 2003.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 36 об. — 41 об. Председателями конкурсного управления были Кольрейф и Лютер; РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 23 об., 24 об. Похоже, в Москве было только два юриста с такими фамилиями: Левин Кольрейф и Александр Лютер, см.: Amburger-Datenbank, записи 27741 (Kohlreiff) и 72126 (Luther). В последний раз о тюремном заключении Фрица упоминается, когда он был объявлен банкротом; GStA III HA, MdA, Abt. II, Nr. 442, fol. 134 (письмо неизвестного в Министерство иностранных дел 28/16 февраля 1866 года).

Между тем дело всей жизни Вильгельма рушилось. В конце марта 1869 года его дочь Анна написала Погодину, что он собирался продать их дом, чтобы переехать за границу, но теперь заболел и сомневается. Несколькими неделями ранее, 1 марта 1869 года, Мазинг прекратил выплаты за магазин. Вильгельм обратился в суд, но до конца разбирательства не дожил: он умер в июне 1870 года. Развязка описана в судебном документе: «Ныне же оказывается, что в продолжении предсмертной болезни скончавшегося 3го сего Июня кредитора Розенштрауха, должник Мазинг торговлю свою прекратил, существовавший в Москве 60 лет магазин закрыл и товар вывез неизвестно куда»⁴⁵.

Эпилог

Вильгельм умер, когда благосостояние его семьи шло на убыль, и затянувшиеся судебные разбирательства никак не способствовали его умножению. Мазинга объявили банкротом, но в 1873 году дочери Вильгельма Анна и Мина все еще пытались в судебном порядке взыскать несколько тысяч рублей из того, что он им задолжал. Продолжало тянуться и дело Фрица. Сенат отклонил апелляцию Фейгина о выходе из порочного круга между коммерческим и уголовным судами, поэтому Фейгин напрямую обратился с петицией к императору Александру II, который приказал Сенату и Министерству юстиции пересмотреть дело. После этого Сенат отклонил обвинения Фрица в подлоге и обязал коммерческий суд рассмотреть иск Фейгина. Коммерческий суд встал на сторону Фейгина, и в апреле 1874 года Сенат отклонил последнюю апелляцию других кредиторов, которые, по-ви-

---

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел IV. Картон 1. Ед. хр. 63. Л. 3–3 об. (копия неподписанной служебной записки в Московский коммерческий суд 24 июня 1870 года); Картон 1. Ед. хр. 64. Л. 1–2 об. (копия неподписанной служебной записки в Московский коммерческий суд, 12 октября 1869 года); НИОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 28. Ед. хр. 20. Л. 5–5 об. (Анна — Погодину 24 марта 1869 года).

димому, опасались, что требование Фейгина будет удовлетворено за их счет⁴⁶.

Если, несмотря на все беды, семье и удалось сохранить свое положение в кругу московской буржуазии, то это произошло в значительной степени благодаря прошлым достижениям Вильгельма. Он добился для них звания потомственных почетных граждан, так что им не грозило понижение в сословном статусе, которое обычно ожидало разорившегося русского купца. Он сделался одним из первых лиц в немецкой общине, став председателем совета церкви Святого Михаила, и некоторые из его детей продолжали занимать должности в конгрегации. Он создал очень успешный и широко известный магазин; по меньшей мере один из его сыновей и двое зятьев также владели собственным делом, хотя только ювелирная компания его зятя Болина была такой же успешной, как магазин Вильгельма в дни своего расцвета⁴⁷. По его стопам пошли и внуки: они говорили на нескольких языках, как правило, находили себе супругов в кругу европейских иммигрантов и занимались торговлей или промышленностью⁴⁸. Его отдаленное влияние ощущается даже

⁴⁶ Определение московской судебной палаты по делу Розенштраух с Мазингом // Судебный вестник. 1874. 10 января. № 7. О судебной тяжбе между Фрицем и Фейгиным см.: РГИА. Ф. 1330. Оп. 7. Д. 1130. Л. 1–9, 41 об. — 42; [Думашевский 1874: 359]; «Оспаривание векселей тем что, они были выданы в виде бланков. — Присяга» [Носенко 1878, 1, вып. 1: 303–304]; Дело купца Фейгина с Конкурсным Управлением по делам Розенштрауха (определение Общего Собрания 1 и 3 Д-в и Д-та Герольдии) // Юридический вестник. 1873. Октябрь–ноябрь. № 5. С. 36.

⁴⁷ О роли семьи в церкви см. [Fechner 1876, 2: 533, 538, 638]. О производстве искусственных минеральных вод мужем Софии Рудольфом Германом см. [Vischniakoff 1900: 237]. Предприятие Карла, сына Вильгельма, упомянуто в [Безобразов 1883–1884, 5: 543; Залесский 1887: 24].

⁴⁸ Сын Карла Эрнст был инженером, см.: Э. Виль, «Кольцов, Георгий Эрнестович» в энциклопедии «Немцы России» [Брандес 1999, 3: 153]. Дочь Наталии София вышла замуж за немецкого иммигранта Людвиг фон Цаберна, а их дочь, также названная Софией, вышла замуж за Густава Люти, коммерсанта, сына швейцарских иммигрантов (личное сообщение внучки Софии Люти, Бригит Шуман). О Людвиге фон Цаберне см. также: Amburger-Datenbank, запись 51473. Другая дочь Наталии, Мария, вышла замуж за юриста из Прибалтики по имени Генрих Юлиус Штраус, а их дочь Эрнестина (Эрна) Штраус вышла замуж за Беренда Хохорста, сына прусских иммигрантов, московского предпринимателя (личное сообщение внучки Эрны, Эльке Бриер).

Рис. 16.8. Внучка Вильгельма Розенштрауха Софи фон Цаберн (1856–1946) со своей правнучкой Бригит Шуман (1937–2022) на Швейцарской национальной выставке в Цюрихе (1939)

сегодня. Работая над этой книгой, я познакомился с одним из его потомков, Бригит Шуман, живущей в Швейцарии. Она с детства говорила по-немецки и по-русски, так как семья была двуязычной еще со времен Вильгельма, и у нее сохранились детские воспоминания о прабабушке — та была внучкой Вильгельма и, вероятно, помнила его магазин на Кузнецком Мосту. Иными словами, две долгие жизни — вот все, что отделяет эпоху Вильгельма Розенштрауха от нашего с вами времени. (См. рис. 16.8.)

Дети и внуки Вильгельма переняли от него и скрытность во всем, что касается памяти об Иоганне Амвросии Розенштраухе. В десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, такая позиция не была самоочевидной. В России того времени наблюдался большой интерес к истории начала XIX века, так как ре-

формы Александра I, война 1812 года и восстание декабристов рассматривались как истоки современной российской политики⁴⁹. Как яркая фигура того периода Розенштраух вызывал любопытство, но его потомки отказались по меньшей мере от трех возможностей удовлетворить его.

Одна из возможностей представилась, когда историк М. П. Корелин приобрел копию записок Розенштрауха о войне 1812 года. В 1896 году он опубликовал статью, в которой подробно описал свою находку. В статье отсутствовала информация о личности мемуариста, но Корелин пообещал назвать его имя в будущей публикации. В архиве в Москве я нашел рукописную копию записок, которая, судя по бумаге и почерку, была сделана в конце XIX века; вверху кто-то написал другим почерком: «Розенштраух». Происхождение рукописи неизвестно. Я предполагаю, что она принадлежала Корелину и что имя было добавлено позже, так как поначалу он не знал, кто автор. Однако открытие было сделано слишком поздно: Корелин умер в 1899 году, так и не обнаружив его [Корелин 1896: 57]⁵⁰.

Вторая возможность предать гласности историю Розенштрауха появилась, когда оригинал рукописи был передан на хранение в собрание Комиссии по изучению старой Москвы. К 1909 году, когда была основана комиссия, все дети Вильгельма, кроме одного, умерли, так что дарителем, вероятно, был кто-то из его внуков⁵¹.

⁴⁹ См., например, статью «Ф. В. Ростопчин» в [Кизеветтер 1915: 32, 63]; предисловие без заглавия в [Пыпин 1918: V–VIII]; а также [Мельгунов 1923: 187].

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 49 (Розенштраух И. А. *Geschichtliche Ereignisse in Moskau im Jahre 1812. Zur Zeit der Anwesenheit des Feindes in dieser Stadt*).

⁵¹ Мы не знаем, как долго прожила Анна. София умерла в 1884 году, Эмилия — в 1892-м. См. [Сайтов, Модзалевский 1907–1908, 1: 265]; «Berlin, Germany, Deaths, 1874–1920 for Elisabeth Emilie Wollner». URL: <https://www.ancestry.com> (дата обращения: 23.12.2023). Фриц, который, как сообщалось, по-прежнему ежедневно ходил в Большой театр, умер в 1898 году [Никифоров 1901: 5]; *Todtenliste // Pernausche Zeitung*. 1898. 15 Januar. № 4. S. 3. В городском справочнике Москвы их брат Вильгельм в последний раз указан в 1905 году, Мина — в 1906-м, а Карл — в 1907-м; см. раздел «Общий алфавит жителей гор. Москвы» в ежегоднике «Вся Москва: Адресная и справочная книга» [Вся Москва 1905–1907, 1905: 397; 1906: 330; 1907: 300]. Наталия умерла в 1911 году; *Amburger-Datenbank*, запись 5495.

Мы не знаем, что именно даритель рассказал архивистам о мемуарах, но в информации, которую те записали, ошибочно указывалось, что автором был производитель керамики по фамилии Ауэрбах [Козлов 2019]⁵².

Третьей возможностью стала подготовка «Русского биографического словаря», монументального справочного издания, публикация которого была одним из проявлений интереса к истории, вспыхнувшего в позднеимперской России. Словарь насчитывал десятки томов, выходивших с 1890-х годов до Первой мировой войны; каждый включал множество статей самых разных авторов. Том, содержащий фамилии на «Р», вышел в 1913 году и содержал статьи как об Иоганне Амвросии Розенштраухе (что любопытно, авторства Б. В. Савинкова, знаменитого революционера-террориста), так и о Вильгельме Розенштраухе. Возможно, другая семья была бы польщена своим присутствием в этой энциклопедии русской истории и оказала бы содействие, предоставив сведения, — но только не семья Розенштраух. Все, чем располагали авторы, — это скудные опубликованные источники. В статьях говорилось, что Иоганн Амвросий приехал в Москву купцом, недолгое время был актером, а позже стал пастором. А Вильгельм якобы родился в Голландии и унаследовал семейный магазин в Москве после смерти отца (чье имя не названо). Авторы даже не подозревали, что эти два человека связаны между собой родством [РБС, 16: 372–373].

Может быть, семья просто не знала истории своего предка или не интересовалась ею? Факты свидетельствуют об обратном. Эрна Штраус, правнучка Вильгельма Розенштрауха, гостила с детьми у родственников в Германии летом 1914 года, когда началась Первая мировая война. Она так и не вернулась в Россию и провела остаток своей жизни в Германии. Когда в 1980-е она переехала в дом престарелых, родные обнаружили среди ее вещей машинописный документ, содержащий полный текст мемуаров Розенштрауха о 1812 годе и текст статьи в немецкой газете

---

⁵² Архивист Федор Петров из Государственного исторического музея сообщил мне, что рукопись была приписана Ауэрбаху, когда создавалось собрание.

1937 года о сожжении Москвы во время наполеоновского нашествия. Очевидно, эти записки были так важны для Эрны, что она сама или кто-то из родственников вывез рукопись из России, в 1930-е прочитал связанные с ней новости, а позже не поленился перепечатать их на машинке. И все же была причина — то ли семейные предания XIX века, то ли враждебность ко всему русскому, долгое время сохранявшаяся в Германии в XX веке, — по которой мемуары казались ей вещью столь щекотливой, что она держала само их существование в тайне даже от собственной семьи⁵³.

Розенштраухи, оставшиеся в России, имели еще больше оснований скрывать свое происхождение. Портрет Розенштрауха работы Лампи, висевший в московской квартире одной из внучек Вильгельма, был осквернен антинемецкими погромщиками во время Первой мировой войны, а после большевистской революции его пришлось прятать на чердаке. В сталинские годы любое общение с иностранцами стало настолько опасным, что советские родственники Эрны разорвали с ней связь⁵⁴, а портрет Лампи был отдан русской знакомой семьи. Осенью 1941 года, когда гитлеровская армия приближалась к Москве, эта знакомая получила открытку, якобы от верховного командования Германии, с благодарностью за сохранение картины. Возможно, это была чья-то злонамеренная шутка, а может быть, и завуалированная угроза донести на нее в органы как на вражеского агента [Епатко 1998: 423–431; Побединская 2003].

Память о Розенштраухе вновь всплыла в России и Украине только после распада Советского Союза, когда возродилась религиозная жизнь, восстановились связи с Западом, и люди стремились заполнить духовную пустоту, оставшуюся после падения коммунизма. Портрет Лампи сейчас хранится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а петербургское протестантское издательство переиздало «У одра умирающих» на русском языке для нового поколения читателей [Розенштраух 1998]. Бывшая харь-

⁵³ Личное сообщение Эльке Бриер.

⁵⁴ То же — в личном сообщении Эльке Бриер.

ковская община Розенштрауха, распущенная при Сталине в 1938 году, была восстановлена в 1989-м и первоначально собиралась в подвале построенного им пасторского дома. Позже ее новый пастор выпустил брошюру, чтобы познакомить прихожан с историей их общины; страницы, где речь идет о ее ранних годах, в основном посвящены роли Розенштрауха в становлении общины [Сергеев и др. 2003: 41–44]⁵⁵. Наследие, сформировавшееся в Священной Римской империи и в горниле Наполеоновских войн, сохраненное живой и культурной памятью и загнанное в подполье коммунизмом и двумя мировыми войнами, обрело в XXI веке новую жизнь.

---

⁵⁵ О Розенштраухе см. [Сергеев и др. 2003: 6–10].

Заключение

В 1860-е, оглядываясь на русскую кампанию Наполеона с полувековой дистанции, Л. Н. Толстой в «Войне и мире» задается вопросом: почему в 1812 году случилась война? Только ли потому, что такова была воля Наполеона и Александра I? Нет, отвечает он:

Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин [Толстой 1978–1985, 6: 9]¹.

В этой книге мы рассмотрели, как «бесчисленное количество сложных, разнообразных причин» определило путь одной семьи в Германии и России в век революций. Во введении было задано несколько тем, которые проходят через всю книгу: внутренняя жизнь людей прошлого, их восприятие измерений времени и пространства, их принадлежность к сообществам, а также сходство работы историка и детектива. Что же мы узнали, подойдя к концу нашего повествования?

Поколения века революций

Одной из наших тем была внутренняя жизнь Розенштрауха и его наследников — их личности, их поиск цели и смысла. Их история — это история смены поколений в обоих смыслах

---

¹ См. также [Love 2012].

слова «поколение»: как возрастной группы, сформированной историческим опытом всего общества, и как сменяющих друг друга во времени членов одной семьи.

Розенштраух взбунтовался против Старого порядка. С одной стороны, его бунт носил психологический характер. В отличие от большинства людей Средневековья и раннего Нового времени, он не рассматривал себя в первую очередь как часть семьи, сословия, церкви или другой общности Старого порядка и не стремился жить в соответствии с ее традициями. Напротив, подобно современным людям, он видел в себе личность, сформированную собственным уникальным опытом, и намеревался руководствоваться в жизни собственным выбором: по своему выбору он отказался от ремесла цирюльника, стал актером, сбежал с Барбарой Антонеттой, а позже сделал все, чтобы стать священником.

Его бунт был также идеологическим, поскольку он принял идеи Просвещения и масонства — двух движений, бросивших вызов жесткой социальной иерархии Старого порядка. Однако, в отличие от многих представителей своего поколения, он не присоединился ни к одному из новых политических движений, возникших в век революций. Возможно, причина крылась в его постоянных переездах с места на место, которые мешали ему в полной мере участвовать в жизни своих современников. Если бы после 1807 года он все еще жил в Касселе, который стал столицей нового королевства Вестфалия под управлением брата Наполеона Жерома, он увидел бы повседневную реальность наполеоновского правления и, возможно, стал бы решительным сторонником или врагом французского императора. Если бы он вернулся домой, в Бреслау, он, возможно, почувствовал бы прилив немецких националистических чувств, когда в 1813 году король Пруссии Фридрих Вильгельм III призвал свой народ к войне, чтобы освободить Пруссию и всю Германию от французов². Если бы его корни в России были глубже, он, возможно, разделил бы

---

² О наполеоновской Вестфалии см. [Mustafa 2017]; о призыве Фридриха Вильгельма — [Nipperdey 1987: 83–84].

всплеск русского патриотизма, вызванный вторжением Наполеона в 1812 году, а может быть, декабристы из числа знакомых масонов втянули бы его в революционное движение. Но из-за кочевой жизни он всюду был чужаком, и его взгляды всегда оставались принципиально аполитичными.

За потрясениями Наполеоновских войн последовала консервативная эпоха, когда политический и социальный контроль по всей Европе был ужесточен, а Старый порядок вынужденно сосуществовал с силами современности. В этот период Розенштраух перестроился, присоединившись к двум общественным силам, игравшим ключевую роль в послевоенном порядке: как коммерсант он способствовал развитию современного капитализма и культуры потребления, а как священник проповедовал консервативные моральные ценности и укреплял организационные и бюрократические аспекты в своей общине. Таким образом он участвовал в становлении буржуазной культуры и бюрократического управления, характерных для XIX века.

Вильгельм представлял новое поколение в обоих смыслах. Он родился в 1792 году, и его детство прошло на фоне военных, политических и культурных потрясений, последовавших за Французской революцией. Как и у многих его сверстников (включая Николая I, родившегося в 1796 году), его реакцией на этот формирующий опыт стали пристрастие к порядку и дисциплине и уважение к правилам и институтам: эти качества он сделал своим жизненным принципом. Все это также наложило отпечаток на его характер, в отличие от других поколений семьи. Нестабильность, которую он пережил в детстве, сделала его консервативным и скрытным в том, что касалось его происхождения. Но помогая отцу в налаживании семейного дела и взяв в свои руки бразды правления в молодом возрасте, он выработал в себе самостоятельность и властность. Эти два поколенческих момента — возрастная группа и положение в семье — сделали его классическим буржуа постнаполеоновской эпохи: честолюбивым предпринимателем, активным церковным и общественным деятелем, верноподданным своего монарха, любящим, но

авторитарным главой большой семьи и человеком жестких моральных норм.

Никто из детей Вильгельма не сделал столь впечатляющей карьеры. Причина, по-видимому, опять же связана с поколениями. Все они выросли в стабильной, консервативной России Николая I; у них не было таких стимулов к действию, как воспоминания о войне и возможности, созданные послевоенным восстановлением, а в собственной семье они так и не смогли полностью выйти из тени отца.

Пространства и народы

Две наши следующие темы — восприятие Розенштраухами времени и пространства и их личная принадлежность к двум большим сообществам: мобильной диаспоре космополитичных скитальцев, с одной стороны, и Германии и России как империям и нациям, с другой. С ретроспективной точки зрения XIX века эти темы оказываются тесно связанными.

В эпоху Розенштрауха расстояния пугали. Люди передвигались пешком, под парусом или в конных экипажах, и любое путешествие было долгим и трудным, как мы видели, когда реконструировали его странствия. В результате тот, кто уезжал далеко, лишь в редких случаях возвращался. Способность Розенштрауха перестраивать собственную личность, а также его одиночество, возраставшее по мере взросления, во многом были связаны с изоляцией, создаваемой расстояниями. Уплыв в Россию, он так и не вернулся в Германию. Переехав в Одессу, он больше никогда не увидел ни московских друзей, ни своих детей Вильгельма и Элизу, а внуков видел только потому, что его невестка Софи дважды привозила их к нему в гости, совершая для этого длительную поездку из Москвы в Харьков.

В поздние годы жизни Вильгельма ситуация с транспортом радикально изменилась: железнодорожный бум 1850–1860-х сократил время пути между крупными городами Европы всего до нескольких дней. Когда в 1865 году Вильгельм заболел, ему не составило труда съездить на пару месяцев за границу на лечение.

Мы не знаем, куда именно он ездил, но если он хотел навестить свою дочь Эмилию, переехавшую в Берлин, сделать это было очень легко. Телеграф усилил этот эффект, позволив сообщениям преодолевать большие расстояния почти мгновенно. В результате Вильгельм мог легко поддерживать контакты с деловыми партнерами за рубежом, а также, при выполнении консульских обязанностей, с посольством Пруссии в Санкт-Петербурге и Министерством иностранных дел в Берлине.

Расстояние — также и категория сознания. Представление современников о расстоянии между странами изменилось под воздействием не только технических новшеств, но и национализма. Для Розенштрауха, как и для большинства людей Старого порядка, национальная принадлежность не имела большого значения. Не то чтобы он совсем ее не замечал: его воспоминания о 1812 годе изобилуют этническими стереотипами в оценке французов и русских, а соотечественники-немцы были ему ближе, так как говорили с ним на одном языке. Однако в качестве маркеров идентичности больший вес имели другие факторы. Когда его спросили о его происхождении, он указал не национальность (немец или, возможно, пруссак), но сословие (бюргер), родной город (Бреслау) и родную провинцию (Силезия). Подавая прошение о российском подданстве, он указал в документах, что он актер и подданный прусского короля, который хочет стать купцом и подданным русского императора; национальность не упоминалась. В масонских ложах и в Москве 1812 года он легко общался с русскими и французами, коль скоро они принадлежали к единой с ним культуре Просвещения и могли говорить по-немецки.

К концу его жизни и в последующие годы превалирующее отношение к этим вопросам начало меняться, поскольку традициям империи и Старого порядка был противопоставлен национализм. Нация определяется общей идентичностью, объединяющей тех, кто к ней принадлежит, и отличающей их от иностранцев. Одной из задач националистов было объединить свою нацию, разрушив стены, разделявшие ее на социальные классы. В этом смысле наследие Розенштрауха было полезно как в Германии, так

и в России, поскольку его труды поощряли состоятельных людей нравственно объединяться с массами. Другой заботой националистов было выявление предполагаемых врагов своей нации и борьба с ними. Для этого тоже пригодился Розенштраух: Карл Дидлер и Эдуард Кольбе ссылались на него, чтобы настроить немецкое общественное мнение против евреев и русских, а Мария Извединова — чтобы настроить русских против немцев.

Хотя упадок Старого порядка увеличил дистанцию между странами, он также создал возможности для ее сокращения. Это позволило потомкам Розенштрауха и дальше выступать в качестве международных посредников — но уже по-новому. Кочевая жизнь Розенштрауха и его способность внутренне меняться были возможны благодаря разрозненности религиозных общин, сословий и местных сообществ в Европе Старого порядка. В XIX веке эта разрозненность постепенно уступила место целостным государствам с капиталистической экономикой. Когда Европа вступила в Новое время, Розенштраухи нашли для себя новые формы посредничества. Началось с Вильгельма, ставшего консулом прусского правительства в Москве. Один из его внуков стал профессором славянской литературы в немецком университете, одна из внучек вышла замуж за немецкого иммигранта, управлявшего московской фабрикой немецкой корпорации, а один из племянников обосновался в Париже, где стал банкиром и специализировался на международных кредитных операциях³. В разных сферах — государственной, культурной, промышленной и финансовой — Розенштраухи продолжали выполнять роль посредников, чья деятельность связывала народы Европы воедино.

³ О внуке Вильгельма см.: Hexelschneider E. Wilhelm Wollner. Sächsische Biografie, pub. Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde. URL: <https://saebi.isgv.de/tabellensuche?search=Wilhelm+Wollner> (дата обращения: 24.12.2023). О племяннике Вильгельма, Вильгельме Кинене, жившем в Париже, — [Mumm von Schwarzenstein 1978: 8, 104; Claeys 2015: 166]. О Беренде Хохорсте, муже внучки Вильгельма Эрнестины (Эрны), управляющем московской фабрики «Hoechst» (тогда называвшейся «Farbwerke vormals Meister Lucius & Brüning AG»), мне рассказала внучка Эрны, Эльке Бриер.

Неизвестное

Последняя наша тема — сходство между работой историка и сыщика. Тот и другой по крупицам собирают улики, связывают нити и заполняют пробелы путем умозаключений, гипотез и творческой реконструкции. Подобно уликам, на которые опирается детектив, свидетельства историка разбросаны по темным уголкам. О том, что Розенштраух имел отношение к ремеслу цирюльника, я узнал лишь благодаря тому, что одна генеалогическая организация, как оказалось, микрофильмовала приходскую книгу, в которой брилонский священник назвал его *chirurgus* («хирург»). А об отношениях Вильгельма с его сыном Фрицем мы знаем только благодаря письму Фрица, которое сохранилось в архивах. Кроме того, свидетельства, которыми располагает историк, неравномерны. Вопросы, представляющие лишь второстепенный интерес, порой широко отражаются в документах, в то время как вопросы первостепенной важности — нет; таким образом, мы знаем о многих рядовых масонских собраниях, которые посещал Розенштраух, но почти ничего об убийстве его сына.

В биографии Розенштрауха осталось много неизвестного. Кое о чем из неизвестного нам известно, то есть мы знаем, на какие вопросы у нас нет ответов. В ряде случаев мы можем делать предположения. Например, представляется разумным предположить, что консервативность Вильгельма в зрелом возрасте была обусловлена памятью о беспокойном детстве. В других случаях мы можем заполнить пробелы свидетельствами из других источников. Как Розенштраух оказался на сцене? Каковы были его впечатления от путешествий? Почему он разочаровался в театре? Помочь ответить на такие вопросы нам могут мемуары или путевые заметки его современников. Но в иных случаях ничто не заменит непосредственного знания о наших главных героях. Почему Розенштраух и Барбара Антонетта поженились и почему их брак позже распался? Что связывало Розенштрауха с Александром I? Без сведений о самих людях мои ответы на эти вопросы неизбежно оказываются лишь предположениями.

Но есть, скажем так, неизвестное, которое нам неизвестно. Семья и детство Розенштрауха, должно быть, оказали влияние на всю его жизнь, но я понятия не имею, как именно. Я по умолчанию предполагал, что после расставания с Барбарой Антонеттой у него не было любовных связей, но я и этого не знаю. Когда я представлял его биографию на научных конференциях, некоторые слушатели на основании причудливости его жизненного пути высказывали мнение, что он, по сути, был авантюристом. Я так не думаю, но уверен, что ранние годы его жизни действительно содержали какую-то тайну, и необходимостью хранить ее объясняются и его нежелание говорить о своем происхождении, и, возможно, некоторая общая беспокойность его жизни. Однако в чем заключалась эта тайна и не является ли она всего лишь иллюзией исторического воображения — это так и остается неразгаданной загадкой.

Список иллюстраций

Рис. 1.1. Эдуард Гертнер. Рыночная площадь в Бреслау (1847). Arterpics/Alamy Stock Photo.

Рис. 1.2. «Цирюльник». Гравюра А. Габлера из книги для юношества о разных профессиях 1791 года. Австрийская национальная библиотека, Вена; Google/Austrian Books Online.

Рис. 2.1. Карл Шпицвег. Странствующие комедианты (ок. 1838). The Picture Art Collection/Alamy Stock Photo.

Рис. 3.1. Ренье Родкен. Вид города Брилона в Вестфалии, территория Кельн, Зауэрланд (ок. 1720–1730). Архив дома-музея Хевенер в Брилоне.

Рис. 3.2. Запись о венчании Розенштрауха и Барбары Антонетты в брилонском приходском регистре, сделанная рукой викария Бранденбурга. Архиепископский архив Падерборна.

Рис. 4.1. Титульный лист и список актеров, игравших в пьесе В. Томбринка «Половина кольца», поставленной в Мюнстере труппой Мюллера. Австрийская национальная библиотека, Вена; Google/Austrian Books Online.

Рис. 6.1. «Собрание масонов по случаю посвящения в мастера». Английская литография, основанная на оригинальной работе французского гравера середины XVIII века, известного под именем Габанон. Photo 12/Alamy Stock Photo.

Рис. 8.1. Бенжамен Патерсен. Вид на Дворцовую площадь от начала Невского проспекта (1801). Album/Alamy Stock Photo.

Рис. 9.1. Максим Воробьев. Казанский собор в Санкт-Петербурге (1817). Album/Alamy Stock Photo.

Рис. 10.1. Н. Сверчков. Русские сани (1876). Arterpics/Alamy Stock Photo.

Рис. 11.1. Отрывок из воспоминаний о 1812 годе, написанный рукой Розенштрауха. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 1об.

Рис. 11.2. Прошение Розенштрауха. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 20. Оп. 2. Д. 2219. Л. 171–171об.

Рис. 12.1. Огюст Виктор Деруа. Кузнецкий Мост (ок. 1850). © agefo-tostock.

Рис. 12.2. Массонская печать Розенштрауха. Предоставлено Сергеем Штраусом.

Рис. 14.1. Церковь Розенштрауха в Харькове. Воспроизведено по: Редин Е. К. Альбом выставки XII археологического съезда в Харькове, илл. 81.

Рис. 14.2. Иоганн Амвросий Розенштраух. Художник Иоганн Баптист Фердинанд Матиас Лампи. 1834. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Фотографы: И. Э. Регентова, С. В. Покровский.

Рис. 15.1. Иоганн Амвросий Розенштраух, покойный консисториальный советник и пастор харьковской евангелическо-лютеранской общины. Предоставлено Российской национальной библиотекой.

Рис. 16.1, 16.2. Софи и Вильгельм Розенштраух. Художник В. Элерс, 1844. Предоставлено Сергеем Штраусом.

Рис. 16.3, 16.4. Дети Вильгельма Фриц и София. Художник В. Элерс. Предоставлено Сергеем Штраусом.

Рис. 16.5. Вильгельм Розенштраух. Художник Карл Лаш, 1850. Предоставлено Сергеем Штраусом.

Рис. 16.6. Софи Розенштраух. Художник Карл Лаш, 1850. Предоставлено Сергеем Штраусом.

Рис. 16.7. Вильгельм Розенштраух (после 1863 года). Grafika.ru.

Рис. 16.8. Внучка Вильгельма Розенштрауха Софи фон Цаберн (1856–1946) со своей правнучкой Бригит Шуман (1937–2022) на Швейцарской национальной выставке в Цюрихе (1939). Предоставлено Бригит Шуман.

Список карт

Карта 1.1. Священная Римская империя времен молодости Розенштрауха, включая его родной город (Бреслау, Силезия) и место его женитьбы (Брилон, Вестфалия).

Карта 4.1. Маршруты Розенштрауха в 1790–1794 годах.

Карта 6.1. Передвижения Розенштрауха в 1801–1804 годах.

Карта 10.1. Путь из Петербурга в Москву.

Карта 13.1. Путь из Москвы в Одессу.

Библиография

Архивы

Германия

Archiv des Erzbistums Köln (Архив архиепископства Кельна)

Erzbistumsarchiv Paderborn (Архиепископский архив Падерборна)

GStA — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Тайный государственный архив прусского культурного наследия), Берлин

HStA — Hessisches Staatsarchiv (Гессенский государственный архив), Марбург

Landeshauptarchiv (Главный государственный архив), Шверин.

Stadtarchiv Stralsund (Штральзундский городской архив)

Нидерланды

Drents Archief (Дрентский архив), Ассен

Frans Walkate Archief, Кампен

Streekarchief Bommelerwaard (Региональный архив Боммелеваарда), Залтбоммел

Россия

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

Франция

Archives Nationales (Национальный архив), Париж

Сокращения и отсылки

Барятинская, а, б, в, г, д, ж — НИОР РГБ ф. 231. Раздел II. Картон 203.
Ед. хр. 6 а, б, в, г, д, ж

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

ПСЗ (Собрание первое) — Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. СПб., 1830

ПСЗ (Собрание второе) — Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. СПб., 1830

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

Amburger-Datenbank — Leibniz-Institut für Ost- und Südosteuropaforschung, Erik-Amburger-Datenbank Ausländer im vorrevolutionären Russland. URL: <https://www.amburger.ios-regensburg.de/>

GStA — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

HStA — Hessisches Staatsarchiv

Theater-Kalender — Theater-Kalender / Hg. H. A. O. Reichard. 25 vols. Gotha, 1775–1800

Электронные базы данных

Ancestry, <http://www.ancestry.com>

Carl Maria von Weber Gesamtausgabe, <http://weber-gesamtausgabe.de/de/Index>

FamilySearch, <https://familysearch.org>

Fichier Bossu du Fonds maçonnique du Département des manuscrits de la Bibliothèque nationale de France, <https://fichier-bossu.fr/>

Find a Grave, <http://www.findagrave.com>

Geni, <http://www.geni.com>

Groningen Growth and Development Centre, Faculty of Economics and Business, Maddison Historical Statistics, <https://www.rug.nl/ggdc/historical-development/maddison/>

Helsingfors Universitet, Studentmatrikel 1640–1852, <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/>

Leibniz-Institut für Ost- und Südosteuropaforschung, Erik-Amburger-Datenbank Ausländer im vorrevolutionären Russland, <https://www.amburger.ios-regensburg.de/>

MyHeritage, <http://www.myheritage.com>

Universitätsbibliothek Ilmenau, Ilmenauer Discovery Tool, <https://find.bibliothek.tu-ilmenau.de/Search/Results?lookfor=rosenstrauch+theaterzettel+1804&type=AllFields&page=2>

Weikinn'sche Quellensammlung zur Witterungsgeschichte Mitteleuropas (Meteorologischer Teil), DOI:10.6094/UNIFR/11658, <https://freidok.uni-freiburg.de/data/11658>

Тексты И.-А. Розенштрауха

Розенштраух 2015 — Розенштраух И.-А. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / Вступ. ст. и коммент. А. Мартина; пер. с нем. Ю. Корякова; пер. с англ. (вступ. статья) Е. Леменовой. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Розенштраух 1847 — Иоганн-Амвросий Розенштраух, Лютеранский пастор в Харькове / Пер. с нем. А. Ишимовой. СПб.: Типография Академии наук, 1847.

Розенштраух 1863 — У одра умирающих. Из записок покойного И. А. Розенштрауха, евангелического проповедника в Харькове / Пер. с нем. Н. А[стафьева]. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1863.

Розенштраух 1998 — Розенштраух И. А. У одра умирающих. СПб.: Библия для всех, 1998. См. также: URL: <https://www.adventisty.ru/forum/forum12/topic1270/>

Burk 1838–1839 — Burk J. Ch. F. Evangelische Pastoral-Theologie in Beispielen: 2 Bd. Stuttgart, 1838–1839 (включает тексты Розенштрауха).

Burk 1845–1847 — Burk J. Ch. F. Evangelisk Pastoral-Theologie i Exempel / Öfvers. af C. A. F. [Carl Adolf Forssell]: 2 Bd. Gefle, 1845–1847 (включает тексты Розенштрауха).

Burk 1855 — Burk, Joh. Christ. Friedr. Predikanten-spiegel: Mededeelingen uit het ambtsleven van predikanten, volgens de Evangelische Pastoral Theologie in Beispielen / door I. Busch Keiser: 2 Deelen. Groningen, 1855 (включает тексты Розенштрауха).

Erfahrungen — Erfahrungen eines evangelischen Seelsorgers an Sterbetten // Evangelische Blätter. 1833. August 26. № 35; September 3. № 36; September 10. № 37; September 17. № 38. Kol. 331–334, 337–375. Кроме того, проповеди и письма Розенштрауха печатались в: Evangelische Blätter. 1836. № 19, 22, 51, 52; 1837. № 31–35, 49; 1838. № 9–12, 37, 38, 40–44; 1839. № 5.

Fra Dødslejet 1875 — Fra Dødslejet, en evangelisk Sjaelesørgers Erfaringer / Ved. V. Heise. Middelfart, 1875.

Mittheilungen — Mittheilungen aus dem Nachlasse von Johannes Ambrosius Rosenstrauch, früherem Consistorialrath und Prediger in Charkow. Leipzig, 1845; Dresden, 1871.

Источники

Авдеева 1842 — Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842.

Аксаков 1858 — Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

Аксаков 1900 — Графиня О. И. Орлова-Давыдова (Из письма Аксакова к одному из приятелей) // Русский архив. 1900. Т. 38. № 8. С. 555–558.

Александра С. Ш. 1856 — Александра С. Ш. Моды, платья и наряды московских дам // Москвитянин. 1856. № 7. С. 352–368.

Аллер 1822 — Аллер С. И. Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов / Издал Самуил Аллер на 1823 год. СПб.: Тип Департамента народного просвещения, 1822.

Безобразов 1883–1884 — Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве / Ред. В. П. Безобразов: В 6 т. СПб., 1883–1884.

Бильбасов 1901–1903 — Архив графов Мордвиновых / Ред. В. А. Бильбасов: В 10 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901–1903.

Благово 1989 — Благово Д. Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, 1989.

Булгаковы 2010 — Братья Булгаковы. Переписка: В 3 т. М.: Захаров, 2010.

Булгарин 2001 — Булгарин Ф. В. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Вигель 2000 — Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.

Винский 1914 — Винский Г. С. Мое время. СПб.: Огни, 1914.

Военский и др. 1914 — Акты и документы, относящиеся к истории Спб. городского управления и города С.-Петербурга в эпоху Отечественной войны / Ред. К. А. Военский, Ф. Ф. Прохоров, А. С. Николаев. СПб.: С.-Петерб. гор. дума, 1914.

Вся Москва 1905–1907 — Вся Москва. Адресная и справочная книга. Т. 1905–1907 гг. М., 1905–1907.

Гераков 1828 — Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям, 1820: 2 т. (в одном). Петроград [sic]: Тип. Н. Греча, 1828.

Гераков 1830 — Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. Петроград [sic]: Тип. Н. Греча, 1830.

Гёте 1975 — Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1: Стихотворения. М.: художественная литература, 1975.

Гёте 1978 — Гёте И. В. Годы учения Вильгельма Мейстера / Пер. с нем. Н. Касаткиной // Гёте И. В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978.

Глинка 1808 — [Глинка С. Н.] Кузнецкой мост, или Владычество моды и роскоши // Русский вестник. 1808. № 3. С. 331–360.

Гоголь 1937–1952 — Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952.

Гоголь 1988 — Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. М.: Художественная литература, 1988.

Город Харьков 1840 — Город Харьков // Современник. 1840. Т. 20. С. 100–145.

Грамота 1885 — Грамота на права и выгоды городам Российской империи. М.: Гор. тип., 1885.

Грот 1896 — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Ред. К. Я. Грот: В 3 т. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1896.

Гурьянов 1827–1831 — [Гурьянов И. Г.]. Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского: В 4 т. М.: Тип. С. Селивановского, 1827–1831.

Данилевский 1866 — Данилевский Г. П. Украинская старина: Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866.

Днепров 2017 — Днепров Е. Д. Российское законодательство об образовании XIX — начала XX века. Сборник документов: В 3 т. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017.

Дорожник 1824 — Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1824.

Достоевский 1972–1990 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.

Думашевский 1874 — Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1873 г. / Ред. А. Б. Думашевский. Т. 1 (другие тома отсутствуют). СПб., 1874.

Жихарев 1989 — Жихарев С. П. Записки современника. В 2 т. Л.: Искусство, 1989.

Завалишин 1879 — Завалишин Д. И. Отрывки из записок Д. И. Завалишина // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 1. № 2. С. 145–155.

Залесский 1887 — Залесский В. Г. Устройство отопления и вентиляции в психиатрической клинике в Москве // Записки московского отделения Императорского Русского Технического общества. 1887. № 3–4. С. 17–38.

Инсарский 1898 — Инсарский В. А. Записки: В 6 т. СПб.: Изд. редакции «Русская старина», 1898.

Ишимова 1847 — [Ишимова М. О.]. Дюссельдорф и Кайзерсверт: Отрывок из дневника // Звездочка. 1847. № 21. С. 1–26.

Ишимова, Извединова 1893 — Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочинений Гоголя // Русская старина. 1893 (июнь). Т. 78. С. 551–567.

Казанова 1874 — Казанова Дж. Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765–1766 / Пер. с франц. Д. Рябикина // Русская старина. Т. IX. 1874. С. 532–565.

Кант 1966 — Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–35.

Каратыгин 1875 — Воспоминания А. А. Каратыгина // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 719–738.

Карпов 1869 — Карпов И. Воспоминание об учреждении в Москве тюремного комитета и о первой его деятельности // Современная летопись. 1869. № 17. С. 1–3.

Кокорев 1932 — Кокорев И. Т. Очерки Москвы сороковых годов. М.: Academia, 1932.

Корнеев 1999 — Жизнь масонской ложи в документах / Ред. В. Е. Корнеев // Российский архив. 1999. Вып. 9. С. 69–82.

Курсунский 1881–1910 — Курсунский И. Систематический каталог книг библиотеки Московской Духовной академии: В 5 томах. М., 1881–1910.

Коцебу 2001 — Коцебу А. Достопамятный год моей жизни / Пер. с нем. М.: Аграф, 2001.

Лабзин 1892 — А. Ф. Лабзин и его ссылка (1822) // Русский архив. 1892. Т. 12. С. 353–392.

Лесков 1956–1958 — Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958.

Максимович 1788–1789 — [Максимович Л.] Новый и полный географический словарь Российского государства: В 6 т. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788–1789.

Маршак 1968 — Маршак С. Я. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Произведения для детей. Сказки разных народов. Из английской и чешской народной поэзии. Пьесы. М.: Художественная литература, 1968.

Найденов 1883–1889 — Найденов Н. А. Материалы для истории Московского купечества: В 9 т. М.: Кушнерёв и Ко и типография М. Г. Молчанинова, 1883–1889.

Нарская 1858 — Нарская Е. Свободный выбор: повесть // Русский вестник. 1858. № 17. С. 103–184.

Никитенко 1904 — Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Зап. и дневник (1804–1877 гг.). СПб.: 1904: Тип. Герольд, 1904.

Никифоров 1901 — Никифоров Д. И. Из прошлого Москвы (записки старожила). М., 1901 (репр. изд.: М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2013).

Нистрем 1842 — Нистрем Н. Московский адрес-календарь для жителей Москвы: В 4 т. М.: Тип. С. Селивановского, 1842.

Носенко 1878 — Сборник решений 4 департамента общих собраний Правительствующего Сената по делам коммерческих судов империи с 1872 по 1 июля 1877 г. 2 т. в 4 вып. / Сост. Д. Носенко. СПб., 1878.

Отчет 1873 — Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870–1872 г. М., 1873.

П. К. 1840 — П. К. Обед, какого не бывало! Москва, 1840 (книжное обозрение) // Маяк современного просвещения и образованности. Ч. 12. 1840. С. 199–204.

Петров 1843 — Петров А. Памятная книжка российской промышленности на 1843 год. М., 1843.

Плетнев 1885 — Переписка и сочинения П. А. Плетнева / Ред. Я. К. Грот: В 3 т. СПб., 1885.

Пушкин 1959–1962 — Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Пушкин 1984 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984.

Радищев 1983 — Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие А. Радищева. М.: Наука, 1983.

Реймерс 1809 — Реймерс Г. фон. Санктпетербургская адресная книга на 1809 год: В 2 т. СПб.: 1809.

Рейнгардт 1887а — Рейнгардт Ф. О. Розенштраух, Иоганн-Амброзий, пастор г. Харькова // Харьковский сборник: Литературно-научное приложение к Харьковскому календарю за 1887 год. 1887. № 1. С. 151–155.

Рейнгардт 1887б — Рейнгардт Ф. О. Г. Харьков 20-тых и 30-тых годов (по воспоминаниям Ф. О. Рейнгардта) // Харьковский сборник: Литературно-научное приложение к Харьковскому календарю за 1887 год. 1887. № 1. С. 1–28.

Ростопчин 1853 — Ростопчин Ф. В. Мысли в слух на Красном крыльце // Сочинения Ростопчина (графа Федора Васильевича). СПб.: А. Смирдин, 1853.

Сайтов, Модзалевский 1907–1908 — Московский некрополь / Ред. В. И. Сайтов, Б. Л. Модзалевский: В 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908.

Салиас 1901 — Салиас Евг., граф. Сумма трех слагаемых... // Вестник Европы 1901. Т. 36. № 10. С. 485–536.

Сборник 1876 — Сборник решений общего собрания 1-х 3-х д-тов и д-та герольдии Правительствующего Сената за последнее (1864–1875 гг.) одиннадцатилетие: В 5 т. СПб., 1876.

Семенова и др. 2007 — Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века / Ред. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. М.: РОССПЭН, 2007.

Скальковский 1837 — Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793–1823. Одесса: Городская типография, 1837.

Снегирев 1903 — Дневник Ивана Михайловича Снегирева: 1843-й год // Русский архив. 1903. Т. 41. № 4. С. 534–548.

Список 1828–1852 — Список кавалерам российских императорских и царских орденов всех наименований. СПб., 1828–1852.

Толстой 1978–1985 — Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.

Тургенев 1978–1986 — Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. М.: Наука, 1978–1986.

Устав 1868 — Устав торговый, устав о векселях, устав торговой несостоятельности (по изд. 1857 г. и прод. 1863 и 1864 г.). М.: Тип. Т. Рис., 1868.

Ушаков 1839 — Ушаков В. А. Густав Гацфельд // Отечественные записки. 1839. № 7. Разд. «Словесность». С. 5–130.

Фет 1893 — Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1893.

Фил-нов 1888 — Фил[о]нов Д. Д. Материалы для биографии основателя алтайской миссии архимандрита Макария // Православное обозрение. 1888. Т. 2. С. 588–623.

Шиллер 1957 — Шиллер Ф. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Искусство, 1957.

Штейнгель 1985–1992 — Штейнгель В. И. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1985–1992.

Щукин 1897–1908 — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года / Ред. П. И. Щукин: В 10 т. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897–1908.

Яковлев 1828–1830 — [Яковлев П. Л.]. Записки москвича: В 3 т. М.: Тип. С. Селивановского, 1828–1830.

Adams 1804 — Adams J. Q. Letters on Silesia, Written During a Tour Through That Country in the Years 1800, 1801. London, 1804.

Adelung 1774–1786 — Adelung J. Ch. Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der ober-deutschen: 5 Bd. Leipzig, 1774–1786.

Alber 1897 — Alber J. Das 50-jährige Kirchweih-Jubiläum der Evangelisch-lutherischen Gemeinde Großliebenthal (27. Oktober 1896) nebst Chronik des Großliebenthaler Kirchspiels. Odessa, 1897.

Allgemeines Landrecht 1794 — Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten. 4 Bd. Berlin, 1794.

Anderson 1746 — Anderson J. The History and Constitutions of the Most Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons. London, 1746.

Anon 1872 — Anon. Geschiedenis van de z. a. loge «Le profond silence» gevestigd in het O. van Kampen, van 5770 tot 5870. Kampen, 5872 [1872] [Нидерландский язык].

Attenhofer 1817 — Attenhofer H. L. von. Medizinische Topographie der Haupt- und Residenzstadt St. Petersburg. Zurich, 1817.

Beauharnais 1927 — Beauharnais H. de. *Mémoires de la reine Hortense*, publiés par le prince Napoléon. 3 vols. Paris, 1927.

Bemerkungen 1784 — Bemerkungen über die Wäserische Schauspieler Gesellschaft, bei ihrem Aufenthalt in Stettin, im Sommer 1784 // Pommersches Archiv der Wissenschaften und des Geschmacks. 1784. Bd. 2. S. 140–158.

Bienemann 1893 — Bienemann F. *Werden und Wachsen einer deutschen Kolonie in Süd-Rußland: Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Odessa*. Odessa, 1893.

Borissow 1819 — Borissow C. I. *The Commerce of St. Petersburg: With a Brief Description of the Trade of the Russian Empire*. London, 1819.

Brandes 1799–1800 — Brandes J. Ch. *Meine Lebensgeschichte*: 3 Bd. Berlin, 1799–1800.

Brunier 1864 — Brunier L. *Friedrich Ludwig Schröder: Ein Künstler- und Lebensbild*. Leipzig, 1864.

Buettner 1915 — Narrative of Johann Carl Buettner in the American Revolution. New York, n. d. [1915].

Busch 1867 — Busch H. von. *Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland*: 2 Bd. St. Petersburg, 1867.

Buschmann 1841 — Buschmann F. *Geschichte der Stadt Camen // Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Alterthumskunde*. 1841. Bd. 4. S. 177–288.

Christ 1912 — Christ J. A. *Schauspielerleben im achtzehnten Jahrhundert*. Ebenhausen-München, 1912.

Cocceji 1749–1751 — [Cocceji S. von]. *Project des Corporis Juris Fridericiani das ist Sr. Königl. Majestät in Preussen in der Vernunft und Landes-Verfassungen gegründete Land-Recht*: 2 Bd. Halle, 1749–1751.

Conrad et al. 1890–1894 — *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*: 6 Bd. / Hg. J. Conrad et al. Jena, 1890–1894.

Daevel 1814 — Daevel v[on]. *Epistelchen an den Pastor Bieder, der von dem Hofschauspieler Herrn Rosenstrauch in der Abendstunde gespielt wurde // Taschenbuch für Theater und Theater-Freunde / Hg. F. A. Gebhardt*. St. Petersburg, 1814.

Devrient 1848–1874 — Devrient E. *Geschichte der deutschen Schauspielkunst*: 5 Bd. Leipzig, 1848–1874.

Didler 1864 — [Didler K.] *Freimaurer-Denkschrift: Über die politische Wirksamkeit des Freimaurer-Bundes als der unter verschiedenen Namen und Formen unter uns im Finstern schleichenden Propaganda zum Sturz der legitimen Throne und des positiven Christenthums*. № 1, 9. Berlin, 1864.

Döllen 1880 — Döllen A. Kurze Geschichte der evangelisch-lutherischen Kirche und Gemeinde zu Charkow. Charkow, 1880.

Engelhard 1778 — Engelhard R. Erdbeschreibung der Hessischen Lande Casselischen Antheiles mit Anmerkungen aus der Geschichte und aus Urkunden erläutert: 2 Bd. Kassel, 1778.

Engelhardt 1828–1832 — Engelhardt G. Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner: 4 Bd. St. Petersburg, 1828–1832.

Eybel 1779–1782 — Eybel J. V. Einleitung in das katholische Kirchenrecht: 4 Bd., 7 Bücher. Frankfurt; Leipzig, 1779; Linz, 1779–1781; Wien, 1782.

Fechner 1876 — Fechner A. W. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau: 2 Bd. Moskau, 1876.

Fessler 1804 — Fessler I. A. Fessler's Rückblicke auf die letzten sechs Jahre seiner Logenthätigkeit: 2 Bd. / Hg. Friedrich Mossdorf. Dresden, 1804.

Fessler 1851 — Fessler I. A. Dr. Fessler's Rückblicke auf seine siebenjährige Pilgerschaft: Ein Nachlass. 2nd ed. / Hg. Friedrich Bülow. Leipzig, 1851.

Forster 1791 — Forster G. Ansichten vom Niederrhein, von Brabant, Flandern, Holland, England und Frankreich, im April, Mai und Junius 1790. 2 Bd. Berlin, 1791.

G. U. V. 1836 — G. U. V. Freimaurer-Logenbuch, enthaltend die vollständigen Rituale und Ceremoniale aller drei Johannisgrade nach dem Systeme der grossen Landes-Loge, sowie das Rituale und Ceremoniale des dritten bis siebenten Grades nach dem Royal Yorker Systeme. Leipzig, 1836.

Gädicke 1818 — Gädicke J. Ch. Freimaurer-Lexicon. Berlin, 1818.

Georgi 1790 — Georgi J. G. Versuch einer Beschreibung der Rußisch Kayserlichen Residenzstadt St. Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. St. Petersburg, 1790.

Gesetzbuch 1815 — Gesetzbuch der Großen Freimaurer-Loge Asträa, Erster Theil. o. O., 5815 [1815].

Gilbert 1791–1792 — Gilbert L. W. Handbuch für Reisende durch Deutschland: 2 Bd. Leipzig, 1791–1792.

Gogol' 1969 — Gogol' N. V. Selected Passages from Correspondence with Friends / Transl. J. Zeldin. Nashville, TN, 1969.

Günderode 1781 — [Günderode F. J. von]. Briefe eines Reisenden über den gegenwärtigen Zustand von Cassel mit aller Freiheit geschrieben. Frankfurt, 1781.

Häberlin 1855 — [Häberlin, Ch. W.]. Mittheilungen aus dem Leben des theuern Vaters Carl Köllner. Kornthal, 1855.

Hamilton 1920 — Hamilton F. The Days Before Yesterday. New York, 1920.

Handbook 1839 — Handbook for Travelers in Denmark, Norway, Sweden, and Russia. London, 1839.

Hasselblatt, Otto 1889 — Album academicum der kaiserlichen Universität Dorpat / Hg. A. Hasselblatt, G. Otto. München, 1889.

Heinrich 1862 — Heinrich K. [Carl Heinrich Christian Keck]. Silberblicke: Eine Reihe hellleuchtender Beweise der Güte und Hülfe Gottes. Leipzig, 1862.

Henderson 1826 — Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia. London, 1826.

Hessen 1996 — Wir Wilhelm von Gottes Gnaden: Die Lebenserinnerungen Kurfürst Wilhelms I / Hg. und übersetzt von R. von Hessen. Frankfurt, 1996.

Hessische Medicinalordnung 1778 — Hessische Medicinalordnung und Gesetze, welche das Sanitätswesen im Lande überhaupt betreffen. Kassel, 1778.

Hoche 1800 — Hoche J. G. Reise durch Osnabrück und Niedermünster in das Saterland, Ostfriesland und Gröningen. Bremen, 1800.

Hoffmann 1782 — Hoffmann Ch. L. Vom Scharbock, von der Lustseuche... Münster, 1782.

Hünemohr 1810 — Stettiner Theater-Archiv: Ein Taschenbuch für Schauspieler und Schauspielfreunde / Hg. C. C. D. Hünemohr. Stettin, 1810.

Huray 1801 — [Huray D.]. Fragmente aus dem Leben eines Schauspielers. Bd. 1 (последующие тома отсутствуют). Königsberg, 1801.

Index 1845–1846 — Index librorum prohibitorum: Katalog über die in den Jahren 1844 und 1845 in Deutschland verbotenen Bücher. 2 Bd. Jena, 1845–1846.

Installationsfeier 1830 — Installationsfeier der ger. und vollk. St. Joh.–Johannes Evangelist zur Eintracht, im Morgen von Darmstadt. Am 23. 10. 5816 // Maurerischer Blüthenkranz aus den Archiven deutscher Logen: 3 Bd. / Hg. F. J. Razen. Bd. 3. Dresden, 5830 [1830]. S. 139–154.

Jacobi 1786–1795 — Jacobi J. H. Geographisch-statistisch-historische Tabellen zum zweckmäßigen und nützlichen Unterricht der Jugend: 3 Bd. in 4. Hamburg & Berlin, 1786–1795.

Jacobi 1794 — Jacobi J. H. Statistisch-geographische Beschreibung der Fürstenthümer Anspach und Bayreuth und des Herzogthums Mecklenburg. Berlin, 1794.

Jäger 1782–1784 — Jäger W. Geographisch-Historisch-Statistisches Zeitungs-Lexicon: 2 Bd. Nürnberg, 1782–1784.

Jesse 1841 — Jesse W. [Captain]. Notes of a Half-Pay in Search of Health: or, Russia, Circassia, and the Crimea in 1839–1840: 2 vols. London, 1841.

Jung, Fast 1988 — Jung K.-G., Fast H. Bericht Ludwig Bezners über seinen Besuch bei Johann Cornies, 1821 // Mennonitische Geschichtsblätter. 1988. № 45. S. 70–77.

Jünger 1792–1795 — Jünger J. F. Comisches Theater: 3 Bd. Leipzig, 1792–1795.

Kähler 1814 — A. K. Z. K. [L. A. Kähler]. Versuch einer consequenten Beantwortung der Frage: Ziemt es einem Prediger, Maurer zu werden? Guben, 1814.

Kemp 1903 — Kemp F. A. van der. An Autobiography. New York, 1903.

Knigge 1786 — [Knigge A.] Beytrag zur neuesten Geschichte des Freimaurerordens in neun Gesprächen. Berlin, 1786.

Knigge 1793 — Knigge A. Briefe, auf einer Reise aus Lothringen nach Niedersachsen geschrieben. Hannover, 1793.

Kohl 1841 — Kohl J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen: 3 Bd. Dresden, 1841.

Kolbe 1853 — [Kolbe E.] Unterhaltungen über Russland: 2 Bd. Altenburg, 1853.

König 1854 — König B. W. Preußens Consular-Reglement nach seiner heutigen Geltung und in seiner heutigen Anwendung. Berlin, 1854.

Krebel 1783 — Krebel G. F. Die vornehmsten europäischen Reisen: 2 Bd. Hamburg, 1783.

Krebs 1840 — [Krebs J.] Schlesische Zustände im ersten Jahrhunderte der preussischen Herrschaft: Ein Beitrag zur Cultur- und Sitten-Geschichte Schlesiens, in vertrauten Briefen eines dem Tode Entgegehenden. Breslau, 1840.

Krieger 1805 — Krieger J. Ch. Cassel in historisch-topographischer Hinsicht: Nebst einer Geschichte und Beschreibung von Wilhelmshöhe und seinen Anlagen. Marburg, 1805.

Krug 1830–1836 — Krug W. T. Krug's gesammelte Schriften: 6 Bd., 12 Bücher. Braunschweig, 1830–1836.

Kruse 1808 — Kruse J. E. Allgemeiner und besonders Hamburgischer Contorist: 2 Bd. Hamburg, 1808.

Kurze Geschichte 1788 — Kurze Geschichte des gegenwärtigen Theaters zu Breslau // Neues Theater-Journal für Deutschland. 1788. № 1. S. 33–59.

L'Indicateur 1841 — L'Indicateur européen, ou Livre de route des voyageurs sur le continent. Florence, 1841.

Lagarde 1824 — Lagarde A. de. Voyage de Moscou à Vienne, par Kiow, Odessa, Constantinople, Bucharrest et Hermanstadt. Paris, 1824.

Ledderhose 1781 — Ledderhose C. W. Beyträge zur Beschreibung des Kirchen-Staats der Hessen-Casselischen Lande. Kassel, 1781.

Ledderhose 1787–1789 — Ledderhose C. W. Kleine Schriften: 5 Bd. Marburg, 1787–1789 (Eisenach, 1792–).

Lemm 1876 — Lemm D. Burchard Friedrich Lemm, weiland Russisch-Kaiserlicher Generalmajor a. D.: Ein Bild aus der Verborgenheit des Christenlebens. Hamburg, 1876.

Lemmerich 1862 — Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg: 2 Bd. St. Petersburg, 1862.

Leskov 1992 — Leskov N. On the Edge of the World / Transl. M. Prokurat. Crestwood, NY, 1992.

Lewald 1992 — The Education of Fanny Lewald: An Autobiography / Transl. and ed. H. B. Lewis. Albany, NY, 1992.

Liebeskind 1795 — [Liebeskind J. H.] Rückerinnerungen von einer Reise durch einen Theil von Teutschland, Preußen, Kurland und Liefland, während des Aufenthalts der Franzosen in Mainz und der Unruhen in Polen. Strasbourg, 1795.

Limmer 1823 — Limmer K. Meine Verfolgung in Rußland: Eine aktenmäßige Darstellung der Jesuitischen Umtriebe des D. Ignatius Feßler und seiner Verbündeten in jenen Gegenden. Leipzig, 1823.

Limmer 1837 — Limmer K. Entwurf einer urkundlich-pragmatischen Geschichte von Thüringen. Ronneburg, 1837.

Limmer 1845–1848 — Limmer K. Urkundlich-pragmatisch-allgemeine Geschichte der Neu-Sächsischen Lande: 3 Bd. Grimma, 1845–1848.

Luchmann 1992 — Beieinanderseyn ist das tägliche Brod der Liebe: Briefe C. A. Overbecks an seine Familie aus St. Petersburg 1804 und aus Paris 1807–1811 / Hg. F. Luchmann. Lübeck, 1992.

Ludovici, Schedel 1797–1801 — Ludovici C. G., Schedel J. Ch. Neu eröffnete [sic] Academie der Kaufleute, oder encyclopädisches Kaufmannslexicon: 6 Bd. Leipzig, 1797–1801.

Lyall 1825 — Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia: 2 vols. London, 1825.

Macmichael 1819 — Macmichael W. Journey from Moscow to Constantinople in the Years 1817, 1818. London, 1819.

Mirabeau 1912 — Une lettre inédite de Mirabeau au colonel de Nijs, 3 avril 1788 // Revue historique de la Révolution Française et de l'Empire. 1912. № 3. P. 110–112.

Meißner 1805 — Meißner J. G. Kurze Beschreibung von Schlesien. Bunzlau, 1805.

Missions-Zöglinge 1825 — Missions-Zöglinge im Dienste auswärtiger Missions-Gesellschaften // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. 1825. Bd. 10. № 3. S. 324–358.

Mumm von Schwarzenstein 1778 — Mumm von Schwarzenstein C. Der Friede von Frankfurt 1771: Tagebuchblätter / Hg. G. Mumm von Schwarzenstein. Frankfurt, 1778.

Müller 1813 — Müller Ch. St. Petersburg: Ein Beitrag zur Geschichte unserer Zeit in Briefen, aus den Jahren 1810, 1811 und 1812. Mainz: Kupferberg, 1813.

Nederlandsche vry-metzelaars almanach 1794 — Nederlandsche vry-metzelaars almanach, voor het jaar 1794. Rotterdam, 1794 [нидерландский язык].

Nettelblatt 1837 — [Nettelblatt Ch. von]. Geschichte der Freimaurerey in Rußland // Kalender für die Provinzial-Loge von Mecklenburg und die zu ihrem Sprengel gehörenden Logen. 1837. Bd. 13. S. 40–70.

Nettelblatt 1862 — [Nettelblatt Ch. von]. Johann Ambrosius Rosenstrauch // Die Bauhütte: Organ des Verein's deutscher Freimaurer. 1862. 21 Juni. S. 198.

Neue Sammlung 1792–1824 — Neue Sammlung aller in dem souverainen Herzogthum Schlesien und der demselben incorporirten Grafschaft Glatz in Finanz-Polizey-Sachen etc. ergangenen und publicirten Verordnungen, Edicte, Mandate, Rescripte: 12 Bd. Breslau, 1792–1824.

Oettingen 1785 — Fürstlich Oetting-Oetting- und Oetting-Spielbergische Wanderordnung. Oettingen, 1785.

Ortloff 1803 — Ortloff J. A. Corpus iuris opificiarum, oder Sammlung von allgemeinen Innungsgesetzen und Verordnungen für Handwerker. Erlangen, 1803.

Paterson 1858 — Paterson J. The Book for Every Land: Reminiscences of Labour and Adventure in the Work of Bible Circulation in the North of Europe and in Russia / Ed. W. L. Alexander. London, 1858.

Pestalozzi 1819–1826 — [Pestalozzi J. H.]. Pestalozzi's sämtliche Schriften: 15 Bd. Stuttgart, 1819–1826.

Petri 1809 — Petri J. Ch. Neuestes Gemählde von Lief- und Ehistland, unter Katharina II und Alexander I in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht: Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des russischen Reichs: 2 Bd. Leipzig, 1809.

Porter 1821–1822 — Porter R. K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. &c., During the Years 1817, 1818, 1819, and 1820: 2 vols. London, 1821–1822.

Probst 1839 — Probst L. D. Leben und Schicksale des Russisch-Kaiserlichen pensionirten Hof-Schauspielers Leonhard Diedrich Probst, genannt Lindenstein, treu und offen von ihm selbst niedergeschrieben. Reval, 1839.

Raabe 1844–1859 — *Gesetzsammlung für die Meklenburg-Schwerin'schen Lande* / Hg. H. F. W. Raabe. Sammlung 2: 6 Bd. Ludwigslust, 1844–1859.

Raupach 1809 — Raupach F. *Reise von St. Petersburg nach dem Gesundbrunnen zu Lipezk am Don, nebst einem Beitrage zur Charakteristik der Russen*. Breslau, 1809.

Razen 1830 — Razen F. J. *Maurerischer Blütenkranz aus den Archiven deutscher Logen*: 3 Bd. Dresden, 5830 [1830].

Rebmann o. J. — Rebmann G. F. *Holland und Frankreich*, in *Briefen geschrieben auf einer Reise von der Niederelbe nach Paris in Jahr 1796 und dem fünften der französischen Republik*: 2 Bd. Paris und Köln, o. J.

Reglement o. J. — *Königlich-Preußisches General-Land-Schul-Reglement für die Römisch-Catholischen in . . . Schlesien und der Grafschaft Glatz*. Glogau, o. J.

Reichard 1784 — Reichard H. A. O. *Handbuch für Reisende aus allen Ständen*. Leipzig, 1784.

Reichard 1877 — Reichard H. A. O. *Seine Selbstbiographie* / Hg. H. Uhde. Stuttgart, 1877.

Reimers 1805 — Reimers H. von. *St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts: Mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums*: 2 Bd. St. Petersburg, 1805.

Reinbeck 1806 — Reinbeck G. *Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805*: 2 Bd. Leipzig, 1806.

Rencke 1808 — Rencke K. Ch. *Breslau: Ein Wegweiser für Fremde und Einheimische*. Breslau, 1808.

Richter 1799 — Richter J. G. *Moskwa: Eine Skizze*. Leipzig, 1799.

Rieck 1840 — Rieck G. *Der böhmische Veteran: Franz Bersling's Leben, Reisen und Kriegsfahrten in allen fünf Welttheilen, nach mündlichen und schriftlichen Mittheilungen bearbeitet*. Schweidnitz, 1840.

Röper 1808 — Röper F. L. *Geschichte und Anekdoten von Dobberan in Mecklenburg, nebst einer umständlichen Beschreibung der dortigen Seebadeanstalten, und einem Grundrisse von Dobberan*. Doberan, 1808.

Rudolphi 1845 — Rudolphi [Kolbe] E. *Dreißig Jahre in Rußland*: 2 Bd. Zurich, 1845.

Salzmann 1784–1788 — Salzmann Ch. G. *Carl von Carlsberg oder über das menschliche Elend*: 6 Bd. Karlsruhe, 1784–1788.

Sammlung 1821 — *Sammlung der Gesetze, welche das heutige livländische Landrecht enthalten, kritisch bearbeitet*. Riga, 1821.

Sammlung 1759–1790 — Sammlung der in dem souverainen Herzogthum Schlesien und dessen incorporirten Grafschaft Glatz in Finantz- Justiz-Criminal- Geistlichen- Consistorial- Kirchen-Sachen etc. etc. publicirten Edicte, Patente, Ordnungen, Mandaten, Rescripte, etc.: 19 Bd. Breslau, 1759–1790.

Schaub 1802 — Schaub, Dr. Etwas über Nenndorf, die dasigen bituminösen Schwefelquellen und Badeanstalten betreffend // Kaiserlich privilegirter Reichs-Anzeiger. 1802. 3 August. № 205. Kol. 2537–2545.

Schlippenbach 1816–1817 — Schlippenbach U. von. Lebensblüthen aus Süden und Norden in Wahrheit und Traum: 2 Bd. Hamburg, 1816–1817.

Schmettow 1789 — Schmettow W. F., Graf von. Preisschrift, worin die von Königl. Societät der Wissenschaften zu Göttingen gegebene Aufgabe... beantwortet ist. o. O., 1789.

Schmidtman 1804 — Schmidtman L. J. Versuch einer ausführlichen praktischen Anleitung zur Gründung einer vollkommnen Medizinal-Verfassung und Polizey: 2 Bd. Hannover, 1804.

Schminke 1767 — Schminke F. Ch. Versuch einer genauen und umständlichen Beschreibung der Hochfürstlich-Hessischen Residenz- und Hauptstadt Cassel nebst den nahe gelegenen Lustschlossern, Gärten und andern sehenswürdigen Sachen. Kassel, 1767.

Schöne 1967 — Schöne M. Das Herzogtum Westfalen aus der Sicht eines Preußen (1797) // Westfälische Forschungen. 1967. № 20. S. 194–208.

Scotti 1830–1831 — Sammlung der Gesetze und Verordnungen, welche in dem vormaligen Churfürstenthum Cöln (im rheinischen Erzstifte Cöln, im Herzogthum Westphalen und im Veste Recklinghausen) über Gegenstände der Landeshoheit, Verfassung, Verwaltung und Rechtspflege ergangen sind: 4 Bd. / Hg. J. J. Scotti. Düsseldorf, 1830–1831.

Seibertz 1819–1823 — Seibertz J. S. Westfälische Beiträge zur Deutschen Geschichte: 2 Bd. Darmstadt, 1819–1823.

Seibertz 1890 — Seibertz J. S. Chronik des Minoritenklosters in Brilon. Brilon, 1890.

Seida und Landensberg 1803 — Seida und Landensberg F. E. von. Maximilian Franz, letzter Kurfürst zu Köln und Bischof zu Münster: Eine biographisch-karakteristische Skizze. Nürnberg, 1803.

Senf 1788 — [Senf H. C. L.] Gedichte von Filidor: Mit Musik. Leipzig, o. J. [1788].

Siggelkow 1797 — Siggelkow F. W. Ch. Handbuch des Meklenburgischen Kirchen- und Pastoralrechts besonders für die Herzoglich-Meklenburg-Schwerin-Güstrowschen Lande. Schwerin, 1797.

Simon 1855 — Simon J. Ph. Russisches Leben in geschichtlicher, kirchlicher, gesellschaftlicher und staatlicher Beziehung. Düsseldorf, 1855.

Skizzirte Geschichte 1795 — Skizzirte Geschichte und merkwürdige Vorfälle der jetzigen Hof- und National- Schaubühne zu Mannheim // Taschenbuch fürs Theater. Mannheim, 1795. S. 1–44.

Sollogub 1850 — Sollogub, Count [Vladimir]. The Tarantas: Travelling Impressions of Young Russia, With Eight Illustrations. London, 1850.

Stapf 1820 — Stapf F. Vollständiger Pastoralunterricht über die Ehe, oder über das gesetz- und pflichtmäßige Verhalten des Pfarrers vor — bey — und nach der ehelichen Trauung, nach den Grundsätzen des katholischen Kirchenrechts. Bamberg, 1820.

Statistische Uebersicht 1805 — Statistische Uebersicht von St. Petersburg in den letztverflossenen fünf Jahren // Konstantinopel und St. Petersburg: Der Orient und der Norden. 1805. Bd. 1. № 9. S. 40–44.

Statutarische Rechte 1793 — Statutarische Rechte der Stadt Breslau, so durch Observanz oder Analogie vom Magistrat eingeführt worden, mit einigen Erläuterungen und Abweichungen von der ersten Auflage und dem Königlich neuen Gesetzbuche. Brieg, 1793.

Storch 1794 — Storch H. Gemaehldte von St. Petersburg: 2 Bd. Riga, o. J. [1794].

Storch 1795 — Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs. Riga, 1795.

Storch 1797–1803 — Storch H. Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reiches am Ende des achtzehnten Jahrhunderts: 8 Bd. Leipzig, 1797–1803.

Storch 1804–1808 — Storch H. Rußland unter Alexander dem Ersten: Eine historische Zeitschrift: 9 Bd. St. Petersburg, 1804–1808.

Strippelmann 1834 — Strippelmann F. G. L. Das Ehescheidungsrecht, nach gemeinem und insbesondere nach hessischem Rechte. Kassel, 1834.

Stüve 1789 — Stüve J. E. Beschreibung und Geschichte des Hochstifts und Fürstenthums Osnabrück. Osnabrück, 1789.

Tarnow 1819 — Tarnow F. Briefe auf einer Reise nach Petersburg an Freunde geschrieben. Berlin, 1819.

Theater-Kalender — Reichard H. A. O. Theater-Kalender: 25 Bd. Gotha, 1775–1800.

Thombrinck 1792 — Thombrinck W. Der halbe Ring: Ein Original Schauspiel in Fünf Aufzügen. Lingen, 1792.

Troschel 1784 — J. E. T. [Troschel J. E.] Reise von Berlin über Breslau nach dem schlesischen Gebirge im Sommer 1783. Berlin, 1784.

Vater 1800 — Vater C. F. W. A. Preussisch-Schlesische Civil-, Medicinal- und Sanitäts- Verfassung: Ein Versuch: 3 Bd. Breslau, 1800.

Venables 1839 — Venables R. L. Domestic Scenes in Russia in a Series of Letters Describing a Year's Residence in That Country, Chiefly in the Interior. London, 1839.

Vischniakoff 1900 — Vischniakoff N. Allgemeine Beschreibung der Mineralien-Sammlung von Rudolph Hermann. Moskau, 1900.

Vogel 1805 — Vogel S. G. Neue Annalen des Seebades zu Doberan. № 2. Rostock, 1805.

Voit 1791–1804 — Voit J. P. Faßliche Beschreibung der gemeinnützlichsten Künste und Handwerke für junge Leute: 3 Bd. Nürnberg, 1791–1804.

Volkman 1783 — Volkman J. J. Neueste Reise durch die Vereinigten Niederlande, vorzüglich in Absicht auf die Kunstsammlungen, Naturgeschichte, Oekonomie und Manufacturen. Leipzig, 1783.

Vorschriften 1821 — Vorschriften für die Studierenden der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1821.

Wegner 1991 — Wegner K.-H. «Lust-Reisen nach Cassel»: Ein Göttinger Student berichtet aus Kassel zur Zeit der Französischen Revolution. Kassel, 1991.

Wehnert 1802 — Wehnert J. C. M. Mecklenburgische Gemeinnützige Blätter. Bd. 5. № 1–2. Neustrelitz, 1802.

Werner 1865–1869 — Werner K. Christian Gottlob Barth, Doktor der Theologie, nach seinem Leben und Wirken gezeichnet: 3 Bd. Calw, 1865–1869.

Wichelhausen 1803 — Wichelhausen E. Züge zu einem Gemählde von Moskwa, in Hinsicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse. Berlin, 1803.

Wiese 1804 — Wiese [G. W. V. von] Handbuch des gemeinen in Teutschland üblichen Kirchenrechts als Commentar über seine Grundsätze desselben: 3 Bd. in 4. Leipzig, 1804.

Wildberg 1810 — Wildberg F. L. Jahrbuch der Universitäten Deutschlands. Bd 1. Neustrelitz, 1810.

Wollner 1879 — Wollner W. Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig, 1879.

Wundemann 1800–1803 — Wundemann J. Ch. F. Meklenburg, in Hinsicht auf Kultur, Kunst und Geschmack: 2 Bd. Schwerin, 1800–1803.

Zimmermann 1794 — Zimmermann [F.-A.]. Beschreibung der Stadt Breslau im Herzogthum Schlesien. Brieg, 1794.

Zschokke 1825–1828 — Zschokke H. Ausgewählte Schriften: 40 Bd. Aarau, 1825–1828.

Zur Jubelfeier 1889 — Zur Jubelfeier des 150-jährigen Bestehens der St. Annen-Schule, am 3. Januar 1889. St. Petersburg, 1889.

Литература

Ададуров 2017 — Ададуров В. В. Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона. Том 1: Религия — Язык. Киев: Лаурис, 2017.

Адарюков, Сидоров 1925 — Русская книга девятнадцатого века / Ред. В. Я. Адарюков, А. А. Сидоров. М.: Государственное издательство, 1925.

Андреева 2019 — Андреева Т. В. На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России и царствование Николая I: исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019.

Багалеи 1898–1904 — Багалеи Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2 т. Харьков, 1898–1904.

Барсуков 1888–1910 — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888–1910.

Белоусов, Абдуллаев 2021 — Белоусов М. С., Абдуллаев Я. С. Первые испанские революции и правящие круги Российской империи // Российская история. 2021. № 1. С. 46–57.

Божерянов 1903 — Божерянов И. Н. Иллюстрированная история русского театра XIX века: В 2 т. СПб.: Изд. авт., 1903.

Болин, Булатов 2001 — В. А. Болин = W. A. Bolin: Болин в России. Придворный ювелир конца XIX — начала XX в. / Под общ. ред. К. Болина и П. Булатова. М.: Новый Эрмитаж-один, 2001.

Брандес 1999 — Брандес Д. Беттигер // Немцы России. Энциклопедия / Ред. В. Карев и др.: В 3 т. Т. 1. М.: ЭРН, 1999. С. 193.

Брокгауз, Ефрон 1890–1907 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: В 86 т. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890–1907.

Бухаркин, Яковлев 2001–2011 — Три века Санкт-Петербурга / Ред. П. Е. Бухаркин, В. В. Яковлев: В 3 т., 10 кн. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2001–2011.

Венгеров 1889–1904 — Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): В 6 т. СПб.: Семеновская типолитография (И. Ефрона), 1889–1904.

Веселовский 1857 — Веселовский К. С. О климате России. СПб.: 1857.

Вишленкова 2011 — Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Глебов, Иванов 1860 — Глебов И. Ф., Иванов Д. История Московской практической академии коммерческих наук. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1860.

Губкина 2003 — Губкина Н. В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Епатко 1998 — Епатко Ю. Г. Неизвестные портреты кисти К. Лаши и И. Б. Лампи-младшего // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1996. М.: Наука, 1998. С. 423–431.

Згурський 2019 — Згурський Г. Лютеранський пастор Йоганн Амброзій Розенштраух (1768–1835) як один із засновників наукової танатології // Спадок Реформації: до 500-річчя 95 тез Мартіна Лютера та пам'яті Ю. О. Голубкіна (1941–2010) / За ред. С. Б. Сорочана, А. М. Домановського. Харків: Майдан, 2019. С. 198–207.

Земцов 2012 — Земцов В. Н. Лористон в ставке Кутузова // Французский ежегодник. М., 2012. С. 99–117.

Зорин 2001 — Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литературная и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Карпычева 2005 — [Карпычева Л. А.]. Община Христа Спасителя // Сестры милосердия России / Ред. Н. А. Беляков. СПб.: Лики России, 2005. С. 69–76.

Келлер 1997 — Келлер А. В. Немцы в Москве XVI — начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М.: Тип. ОАО Внешторгиздат, 1997. С. 53–105.

Кизеветтер 1915 — Кизеветтер А. А. Исторические отклики. М.: К. Ф. Некрасов, 1915.

Кириченко 2001 — Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX — начала XX века / Ред. Е. Л. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Козлов 2019 — Козлов В. Ф. У истоков москвоведения: о первых годах деятельности Комиссии по изучению старой Москвы (1909–1917) // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 10. С. 46–59.

Конечный 2010 — Конечный А. М. Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. СПб.: Российский институт истории искусств, 2010.

Корелин 1896 — Корелин М. С. Новые данные о состоянии Москвы в 1812 году // Русская мысль. 1896. № 10. С. 57–73.

Костюхина 2014 — Костюхина М. С. У истоков феминизма в детской литературе (споры и обиды) // Детские чтения. 2014. Т. 6. № 2. С. 339–348.

Лобанева 1956 — Лобанева Т. А. Изделия накладного серебра. Москва, XIX век. М.: Госкультпросветиздат, 1956.

Марасинова 2017 — Марасинова Е. Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Мартин 2015a — Мартин А. М. Просвещенный метрополис. Созидание имперской Москвы, 1762–1855 / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Мартин 2015b — Мартин А. М. Жизнь и странствия И.-А. Розенштрауха // Розенштраух Иоганн-Амвросий. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / Пер. с англ. Е. Леменовой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5–168.

Мельгунов 1923 — Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. Берлин: Ватага, 1923.

Мур 2016 — Мур Б., младший. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / Пер. с англ. А. Глухова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Николаев и др. 1989–2019 — Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Ред. П. А. Николаев и др.: В 6 т. М., 1989–2019.

Николай Михайлович 1912 — Николай Михайлович, Вел. Князь. Император Александр I: Опыт исторического исследования. В 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912.

Никольский 1925 — Никольский В. А. Старая Москва: Историко-культурный путеводитель. Л.: Изд. Брокгауз-ефрон, 1925.

Пайпс 1993 — Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993.

Петров 2017 — Петров К. В. Цензура в системе русско-немецких книжных связей XIX — начала XX в. Дисс. ... канд. филологических наук. Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры. СПб., 2017.

Петряев 1984 — Петряев Е. Д. Живая память. М.: Молодая гвардия, 1984.

Побединская 2003 — Побединская А. Память о себе: Коллекция Григория Диомидовича Душина // Мир музея, 2003. № 5. С. 6–9.

Погожев 1906 — Погожев В. П. Столетие организации императорских московских театров (Опыт исторического обзора). Вып. 1: Обзор с 1806 по 1826 год. СПб.: Дирекция императорских театров, 1906.

Пыпин 1918 — Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.

Раев 1990 — Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / Пер. с франц. Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.

РБС — Русский биографический словарь. Издание Императорского русского исторического общества: В 25 т. СПб.: 1896–1918.

Рогов 1997 — Рогов К. Ю. Декабристы и немцы // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 105–126.

Семенова 1998 — Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.: Весь Мир; СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.

Сергеев и др. 2003 — Сергеев И., Вардашко В., Савченко О. Немецкая лютеранско-евангелическая община г. Харькова. Харків: Оригинал, 2003.

Серков 2000 — Серков А. И. История российского масонства XIX века. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2000.

Серков 2019 — Серков А. И. Российские масоны, 1721–2019: Биографический словарь. Век XVIII: В 3 т. М.: Ганга, 2019.

Серков 2020 — Серков А. И. Российские масоны, 1721–2019: Биографический словарь. Век XIX: В 4 т. М.: Ганга, 2020.

Скурлов 1997 — Скурлов В. В. Придворные ювелиры Болины // Фаберже и петербургские ювелиры / Ред. Т. Ф. Фаберже, А. С. Горыня, В. В. Скурлов. СПб.: Журнал «Нева», 1997. С. 312–327.

Слезкин 2005 — Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Пер. с англ. Б. Ильина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Соколовская 1991 — Соколовская Т. О. Раннее александровское масонство // Масонство в его прошлом и настоящем / Ред. С. П. Мельгунов, Н. П. Сидоров: В 2 т. Т. 2. М.: СП ИКПА, 1991 [Репринт изд. 1915 г.]. С. 153–202.

Соколовская, Лотарева 2007 — Соколовская Т. О., Лотарева Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007.

Столетие 1870 — Столетие С.-Петербургского английского собрания, 1770–1870. СПб., 1870.

Страхова 2006 — Страхова Н. П. Российский таможенный тариф 1822 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, религиоведение, международные отношения. 2006. № 11. С. 15–22.

Студеникин 1874 — Студеникин И. Салтычиха // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 497–546.

Тартаковский 1973 — Тартаковский А. Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 года // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 356–379.

Тартаковский 1980 — Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980.

Тастевен 1993 — Тастевен Ф. Кузнецкий мост и прилегающие к нему улицы в конце XVIII столетия. М.: 1912 [репринт 1993].

Татищев 1888 — Татищев С. С. Император Николай I и прусский двор // Исторический вестник. 1888. № 31. С. 349–369.

Федоров 2004 — Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Фрис 2016 — Фрис Я. де. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

Хабермас 2016 — Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы / Пер. с нем. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.

Хобсбаум 1999 — Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / Пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов на Дону: Феникс, 1999.

Чистович 1894 — Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия: Комиссия духовных училищ. СПб.: Синодальная тип., 1894.

Шенрок 1892–1897 — Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892–1897.

Элиас 2001 — Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. / Пер. с нем. А. Руткевича. М.: Университетская книга, 2001.

Aengenvoort 1999 — Aengenvoort A. Migration — Siedlungsbildung — Akkulturation: Die Auswanderung Nordwestdeutscher nach Ohio, 1830–1914. Stuttgart, 1999.

Allen 1985 — Allen J. L. The Garden-Desert Continuum: Competing Views of the Great Plains in the Nineteenth Century // Great Plains Quarterly. 1985. Vol. 5, № 4. P. 207–220.

Allgemeines Handbuch 1900–1901 — Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. 3. Auflage: 2 Bd. Leipzig, 1900–1901.

Amburger 1980 — Amburger E. Die Konsulate der Freien Stadt Frankfurt, Kurhessens, Hessen-Darmstadts und Nassaus im Russischen Reich // Festschrift für Heinz F. Friedrichs / Hg. G. Geßner. Neustadt an der Aisch, 1980. S. 15–25.

Amburger 1982 — Amburger E. Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Russland: Ausgewählte Aufsätze / Hg. Klaus Zernack. Wiesbaden, 1982.

Amburger 1984 — Amburger E. Die deutschen Schulen in Russland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburgs // Deutscher Einfluss auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa / Hg. F. B. Kaiser, B. Stasiewski. Köln, 1984. S. 1–26.

Antonov 2016 — Antonov S. Bankrupts and Usurers of Imperial Russia: Debt, Property, and the Law in the Age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, MA, 2016.

Antonova 2013 — Antonova K. P. An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. New York, 2013.

Arlinghaus 2015 — Forms of Individuality and Literacy in the Medieval and Early Modern Periods / Ed. F.-J. Arlinghaus. Turnhout, 2015.

Assel, Jäger 1999 — Assel J., Jäger G. Zur Ikonographie des Lesens-Darstellungen von Leser(innen) und des Lesens im Bild // Handbuch Lesen: Im Auftrag der Stiftung Lesen und der Deutschen Literaturkonferenz / Hg. B. Franzmann et al. München, 1999. S. 638–673.

Assmann 1995 — Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / Tr. John Czaplicka // New German Critique. 1995. № 65. P. 125–133.

Assmann 2008 — Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. A. Erll, A. Nünning. Berlin, 2008. P. 109–118.

Auerbach 1993 — Auerbach I. Auswanderung aus Kurhessen: Nach Osten oder Westen? Marburg, 1993.

Auerbach 1996 — Auerbach I. Die Hessen in Amerika, 1776–1783. Darmstadt, 1996.

B. S. 1900 — B. S. Beiträge zur Geschichte des Kasseler Theaters am Ende des 18. Jahrhunderts // Hessenland: Zeitschrift für hessische Geschichte und Literatur. 1900. 2 Juli. Bd. 14, № 13. S. 167–171.

Bade 1982 — Bade K. J. Altes Handwerk, Wanderzwang und gute Policey: Gesellenwanderung zwischen Zunftökonomie und Gewerbereform // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. Bd. 69, № 1. S. 1–37.

Bärensprung 1837 — Bärensprung H. W. Versuch einer Geschichte des Theaters in Meklenburg-Schwerin. Schwerin, 1837.

Bartlett 1979 — Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804. Cambridge, 1979.

Bartlett, Mitchell 1999 — Bartlett R., Mitchell B. State-Sponsored Immigration into Eastern Europe in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // The

German Lands and Eastern Europe: Essays on the History of their Social, Cultural and Political Relations / Ed. R. Bartlett, K. Schönwälder. Houndmills, 1999. P. 91–114.

Baumeier, Schlimmgen-Ehmke 2001 — Goldene Zeiten: Sauerländer Wirtschaftsbürger vom 17. bis zum 19. Jahrhundert / Hg. S. Baumeier, K. Schlimmgen-Ehmke. Essen, 2001.

Baumgart 2009 — Baumgart P. Brandenburg-Preußen unter dem ancien régime: Ausgewählte Abhandlungen. Berlin, 2009.

Becker, Schaper 2013 — Die Gründung der drei Friedrich-Wilhelms-Universitäten: Universitäre Bildungsreform in Preußen / Hg. Th. Becker, U. Schaper. Berlin, 2013.

Bernardy 1956 — Bernardy F. de. Son of Talleyrand: The Life of Count Charles de Flahaut, 1785–1870 / Transl. L. Norton. London, 1956.

Berndl 2004 — Berndl K. Ernst Ferdinand Klein (1743–1810): Ein Zeitbild aus der zweiten Hälfte des Achtzehnten Jahrhunderts. Münster, 2004.

Binterim, Mooren 1892–1893 — Binterim A. J., Mooren A. Die Erzdiözese Köln bis zur französischen Staatsumwälzung: 2 Bd. Düsseldorf, 1892–1893.

Biographie 1811–1862 — Biographie universelle, ancienne et moderne: 85 vols. Paris, 1811–1862.

Blackbourn 1998 — Blackbourn D. The Long Nineteenth Century: A History of Germany, 1780–1918. New York, 1998.

Blackbourn 2002 — Blackbourn D. Fashionable Spa Towns in Nineteenth-Century Europe // Water, Leisure and Culture: European Historical Perspectives / Ed. S. C. Anderson, B. H. Tabb. Oxford, 2002. P. 9–21.

Blackbourn 2013–2014 — Blackbourn D. Honey, I Shrunk German History // German Studies Association Newsletter. 2013–2014. № 2. P. 44–53.

Blamires 2009 — Blamires D. Telling Tales: The Impact of Germany on English Children's Books, 1780–1918. Cambridge, 2009.

Blanning 1996 — Blanning T. C. W. The Oxford Illustrated History of Modern Europe. Oxford, 1996.

Blanning 2010 — Blanning T. [T. C. W.]. The Romantic Revolution: A History. New York, 2010.

Blum 1961 — Blum J. Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ, 1961.

Bott 2001 — Bott G. Die hessischen Bäder Wilhelmsbad und Hofgeismar im 18. Jahrhundert // Reisebilder aus Hessen: Fremdenverkehr, Kur und Tourismus seit dem 18. Jahrhundert / Hg. U. Eisenbach, G. Hardach. Darmstadt, 2001. S. 47–59.

Brandes 1993 — Brandes D. Von den Zaren adoptiert: Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien 1751–1914. München, 1993.

Brandt, Hogendoorn 1993 — German and Dutch Theatre, 1600–1848 / Ed. G. W. Brandt, W. Hogendoorn. Cambridge, 1993.

Bröcker 1894 — Bröcker C. Die Freimaurer-Logen Deutschlands von 1737 bis einschliesslich 1893. Berlin, 1894.

Brökel 2003 — Brökel G. Vergangene Zeiten: Geschichte aus Brilon: 5 Bd. Bd. 1. Brilon, 2003.

Broman 1996 — Broman Th. H. The Transformation of German Academic Medicine, 1750–1820. Cambridge, 1996.

Bruford 1965 — Bruford W. H. Deutsche Kultur der Goethezeit. Konstanz, 1965.

Brümmer 1876–1877 — Brümmer F. Deutsches Dichter-Lexikon: Biographische und bibliographische Mittheilungen über deutsche Dichter aller Zeiten: 2 Bd. Eichstätt, 1876–1877.

Bruns 1970 — Bruns A. Beiträge zur Geschichte der Stadt // Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop. Brilon, 1970. S. 45–64.

Bruns 1988 — Bruns A. Brilon 1816–1918. Brilon, 1988.

Bryant 1994 — Bryant B. Here Comes the Showboat! Lexington, KY, 1994.

Burbank, Hagen 2007 — Burbank J., Hagen M. von. Coming into the Territory: Uncertainty and Empire // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, IN, 2007. P. 1–29.

Burbank, Ransel 1998 — Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. J. Burbank, D. L. Ransel. Bloomington, IN, 1998.

Burson 2013 — Burson J. D. Entangled History and the Scholarly Concept of Enlightenment // Contributions to the History of Concepts. 2013. Vol. 8, № 2. P. 1–24.

Bushnell 2017 — Bushnell J. Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Bloomington, IN, 2017.

Caplan 2001 — Caplan J. «This or That Particular Person»: Protocols of Identification in Nineteenth-Century Europe // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World / Ed. J. Caplan, J. Torpey. Princeton, NJ, 2001. P. 49–66.

Cardoza, Hagemann 2020 — Cardoza Th., Hagemann K. History and Memory of Army Women and Female Soldiers, 1770s–1870s // The Oxford Handbook of Gender, War, and the Western World since 1600 / Ed. K. Hagemann, S. Dudink, S. O. Rose. New York, 2020. P. 177–195.

Carey 2008 — Carey P. The Power of Prophecy: Prince Dipanagra and the End of an Old Order in Java, 1785–1855. Leiden, 2008.

Carlson 2008 — Carlson M. National Theatres: Then and Now // National Theatres in a Changing Europe / Ed. S. E. Wilmer. Houndmills, 2008. P. 21–33.

Charter 2013 — Charter of the Masonic Lodge of Alexander and the Triple Salvation (1818) // Foreign Languages and Noble Sociability: Documents from Russian Masonic Lodges / Ed. D. Offord, V. Rjéoutski. Bristol, 2013.

Claeys 2015 — Claeys T. Les investissements français en Russie de 1857 à 1914: Conseils, expertises et stratégies // Quaestio Rossica. 2015. № 4. P. 163–179.

Coates 1995 — Coates C. Grands Vins: The Finest Châteaux of Bordeaux and Their Wines. Berkeley, CA, 1995.

Cohen 2017 — Cohen Th. V. The Macrohistory of Microhistory // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2017. Vol 47, № 1. P. 53–73.

Colenbrander 1905–1922 — Gedenkstukken der algemeene geschiedenis van Nederland van 1795 tot 1840 / Ed. H. T. Colenbrander. 10 Vols. in 22. 's-Gravenhage, 1905–1922.

Collis, Bayer 2020 — Collis R., Bayer N. Initiating the Millennium: The Avignon Society and Illuminism in Europe. New York, 2020.

Corbin 1986 — Corbin A. The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination / Transl. M. L. Kochan, R. Porter, Ch. Prendergast. Cambridge, MA, 1986.

Cracraft 2003 — Cracraft J. The Revolution of Peter the Great. Cambridge, MA, 2003.

Creet 2014 — Creet J. Peripheral to the Past: Memory and Microhistory // HAGAR Studies in Culture, Polity and Identities. 2014. Vol. 12, № 1. P. 73–89.

Daridan 1994 — Daridan G. MM. Le Couteulx et Cie, banquiers à Paris: Un clan familial dans la crise du XVIIIe siècle. Paris, 1994.

Darnton 1982 — Darnton R. The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge, MA, 1982.

Davies 2016 — Davies B. L. The Russo-Turkish War, 1768–1774: Catherine II and the Ottoman Empire. London, 2016.

Dawson 2002 — Dawson R. P. The Contested Quill: Literature by Women in Germany, 1770–1800. Newark, DE, 2002.

Deichert 1908 — Deichert H. Geschichte des Medizinalwesens im Gebiet des ehemaligen Königreichs Hannover: Ein Beitrag zur vaterländischen Kulturgeschichte. Hannover, 1908.

Delaforce 2004 — Delaforce P. Wellington the Beau: The Life and Loves of the Duke of Wellington. Barnsley, 2004.

Dethlefs 2014 — Dethlefs G. Dienst jenseits der Grenze: Adelige Offiziere in Overijssel und im Münsterland, 1650–1802 // *Virtus: Journal of Nobility Studies*. 2014. № 21. S. 59–86.

Detzler 2004 — Detzler W. Robert Pinkerton: Principal Agent of the BFBS in the Kingdoms of Germany // *Sowing the Word: The Cultural Impact of the British and Foreign Bible Society, 1804–2004* / Ed. S. Batalden, K. Cann, J. Dean. Sheffield, 2004. P. 268–285.

Dickinson 2006 — Dickinson S. *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam, 2006.

Diebold 1913 — Diebold B. L. *Das schauspielerische Rollenfach im deutschen Theaterbetrieb der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Leipzig & Hamburg, 1913.

Diedrich 2013 — Diedrich M. I. From American Slaves to Hessian Subjects: Silenced Black Narratives of the American Revolution // *Germany and the Black Diaspora: Points of Contact, 1250–1914* / Ed. M. Honeck, M. Klimke, A. Kuhlmann. New York, 2013. P. 92–112.

Ditfurth 1839–1840 — Ditfurth M. von. *Die Hessen in den Feldzügen von 1793, 1794 und 1795 in Flandern, Brabant, Holland und Westphalen*: 2 Bd. Kassel, 1839–1840.

Dixon 1999 — Dixon S. *The Modernisation of Russia, 1676–1825*. Cambridge, 1999.

Döring 1931 — Döring Th. *Die Geschichte des Essener Theaters von den Anfängen bis 1892* // *Beiträge zur Geschichte von Stadt und Stift Essen*, herausgegeben von dem Historischen Verein für Stadt und Stift Essen. 1931. № 49. S. 233–341.

Dotzauer 1977 — Dotzauer W. *Freimaurergesellschaften am Rhein: Aufgeklärte Sozietäten auf dem linken Rheinufer vom Ausgang des Ancien Régime bis zum Ende der Napoleonischen Herrschaft*. Wiesbaden, 1977.

Druffel 1907 — Druffel P. *Das Münsterische Medizinalwesen von 1750 bis 1818* // *Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Altertumskunde*. 1907. № 65. S. 44–128.

Dülmen 1999 — Dülmen R. van. *Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit*: 3 Bd. München, 1999.

Düringer, Barthels 1841 — Düringer Ph. J., Barthels H. *Theater-Lexikon: Theoretisch-praktisches Handbuch für Vorstände, Mitglieder und Freunde des deutschen Theaters*. Leipzig, 1841.

Dyck et al. 2015–2020 — *Transformation on the Southern Ukrainian Steppe: Letters and Papers of Johann Cornies* / Ed. H. L. Dyck, I. I. Epp, J. R. Staples: 2 vols. Toronto, 2015–2020.

Ebert 1872 — Ebert H. Versuch einer Geschichte des Theaters in Rostock. Bd. 1. Rostock, 1872 (другие тома отсутствуют).

Elking 1856 — Elking M. von. Leben und Wirken des Herzoglich Braunschweig'schen General-Lieutenants Friedrich Adolph Riedesel Freiherrn zu Eisenbach. 3 Bd. Leipzig, 1856.

Egli 1886 — Egli J. J. Geschichte der geographischen Namenkunde. Leipzig, 1886.

Ehrhard 1938 — Ehrhard M. V. A. Joukovski et le préromantisme russe. Paris, 1938.

Eklof, Saburova 2017 — Eklof B., Saburova T. A Generation of Revolutionaries: Nikolai Charushin and Russian Populism from the Great Reforms to Perestroika. Bloomington, IN, 2017.

Elias 2000 — Elias N., The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Wiley, 2000

Engelbrecht et al. 1959 — Engelbrecht Ch. et al. Theater in Kassel: Aus der Geschichte des Staatstheaters Kassel von den Anfängen bis zur Gegenwart. Kassel, 1959.

Epple 2012 — Epple A. Globale Mikrogeschichte: Auf dem Weg zu einer Geschichte der Relationen // Im Kleinen das Große suchen: Mikrogeschichte in Theorie und Praxis — Hanns Haas zum 70. Geburtstag / Hg. E. Hiebl, E. Langthaler. Innsbruck, 2012. P. 37–47.

Epstein 1966 — Epstein K. The Genesis of German Conservatism. Princeton, NJ, 1966.

Erdsieck 2009 — Erdsieck I. Maçons met mededogen: De politieke en maatschappelijke invloed van de vrijmetselarij op de samenleving. Delden, 2009 [нидерландский язык].

Esdaile 2019 — Esdaile Ch. J. The Wars of the French Revolution, 1792–1801. Abingdon, 2019.

Evers 2006 — Evers M. Begegnungen mit der deutschen Kultur: Niederländisch-deutsche Beziehungen zwischen 1780 und 1920. Würzburg, 2006.

Faggionato 2005 — Faggionato R. A Rosicrucian Utopia: The Masonic Circle of N. I. Novikov / Transl. M. Boyd, B. Lotti. Dordrecht, 2005.

Findel 1878 — Findel J. G. Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis auf die Gegenwart. 4th ed. Leipzig, 1878.

Fink 1897 — Fink E. Geschichte der landesherrlichen Besuche in Breslau. Breslau, 1897.

Fischer 1892 — Fischer K. Geschichte des deutschen Volksschullehrerstandes: 2 Bd. Hannover, 1892.

Flynn 1988 — Flynn J. T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835. Washington, DC, 1988.

Flynn 2017 — Flynn Th. O. The Western Christian Presence in the Russias and Qājār Persia, c. 1760 — c. 1870. Leiden, 2017.

Fogleman 2013 — Fogleman A. S. Two Troubled Souls: An Eighteenth-Century Couple's Spiritual Journey in the Atlantic World. Chapel Hill, NC, 2013.

Forrest 2015 — Forrest A. Napoleon's Vision of Empire and the Decision to Invade Russia // Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Houndmills, 2015. P. 43–56.

Förster 1902 — Förster Th. Geschichte der Loge «Zu den drei Balken» in Münster i. W. mit kulturgeschichtlichen Zeitbildern der deutschen Freimaurerei von 1778 bis 1902. Berlin, 1902.

Forum 2017 — Forum: The German Enlightenment // German History. 2017. December. Vol. 35, № 4. P. 588–602.

Franklin 2019 — Franklin S. The Russian Graphosphere, 1450–1850. Cambridge, 2019.

Frede 2011 — Frede V. Doubt, Atheism, and the Nineteenth-Century Russian Intelligentsia. Madison, WI, 2011.

Freeze 1977 — Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, MA, 1977.

Freeze 1983 — Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ, 1983.

Freisauff 1887 — Freisauff R. von. Mozart's Don Juan 1787–1887: Ein Beitrag zur Geschichte dieser Oper. Salzburg, 1887.

Friedeburg 1997 — Friedeburg R. von. Ländliche Gesellschaft und Obrigkeit: Gemeindeprotest und politische Mobilisierung im 18. und 19. Jahrhundert. Göttingen, 1997.

Gazagnadou 1994 — Gazagnadou D. Les postes à relais de chevaux chinoises, mongoles et mameloukes au XIIIe siècle: Un cas de diffusion institutionnelle? // Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. La circulation des nouvelles au moyen âge: XXIVe congrès de la S.H.M.E.S., Avignon, juin 1993. 1994. P. 243–250.

Geelen 1947 — Geelen A. van. Deutsches Bühnenleben zu Amsterdam in der zweiten Hälfte des achtzehnten Jahrhunderts. Nijmegen, 1947.

Gerth 2014 — Gerth N. A Model Town: Tver // The Classical Imperial Order, and the Rise of Civic Society in the Russian Provinces, 1763–1861. PhD thesis. University of Notre Dame, 2014.

Ghobrial 2019 — Ghobrial J.-P. A. Introduction: Seeing the World Like a Microhistorian // Past and Present. 2019. № 242, suppl. 14. P. 1–22.

Głąb, Suleja 2013 — Głąb W., Suleja T. Das Universitätsarchiv in Wrocław — Ein multikultureller Tiegel // Die Gründung der drei Friedrich-Wilhelms-Universitäten: Universitäre Bildungsreform in Preußen / Hg. Th. Becker, U. Schaper. Berlin, 2013.

Gleason 1980 — Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. New York, 1980.

Gleixner 2005 — Gleixner U. Pietismus und Bürgertum: Eine historische Anthropologie der Frömmigkeit. Göttingen, 2005.

Gorißen 2001 — Gorißen S. Westfalens rückständigste Provinz? Eisenerzbergbau und Eisenhüttenwesen im kurkölnischen Sauerland des 18. Jahrhunderts // Goldene Zeiten: Sauerländer Wirtschaftsbürger vom 17. bis zum 19. Jahrhundert / Hg. S. Baumeier, K. Schlimmgen-Ehmke. Essen, 2001. S. 14–23.

Gottzmann, Hörner 2007 — Gottzmann C. L., Hörner P. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart: 3 Bd. Berlin, 2007.

Grandhaye 2011 — Grandhaye J. Les décembristes: Une génération républicaine en Russie autocratique. Paris, 2011.

Green 2003 — Green A. The Federal Alternative? A New View of Modern German History // Historical Journal. 2003. Vol. 46, № 1. P. 187–202.

Grève 1990 — Le voyage en Russie: Anthologie des voyageurs français au XVIIIe et XIXe siècles / Ed. C. de Grève. Paris, 1990.

Grout, Williams 2003 — Grout D. J., Williams H. W. A Short History of Opera. New York, 2003.

Grubb 2011 — Grubb F. German Immigration and Servitude in America, 1709–1920. Abingdon, 2011.

Hamburg 2016 — Hamburg G. M. Russia's Path Toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven, CT, 2016.

Harrington 2014 — Harrington J. F. The Faithful Executioner: Life and Death, Honor and Shame in the Turbulent Sixteenth Century. New York, 2014.

Hartje 2005 — Hartje N. Biedermeier and Early Realism // The Alte Nationalgalerie Berlin / Ed. C. Keisch. London, 2005. P. 53–71.

Hartley 2008 — Hartley J. M. Russia, 1762–1825: Military Power, the State, and the People. Westport, CT, 2008.

Hartley et al. 2015 — Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Houndmills, 2015.

Healy 2003 — Healy R. The Jesuit Specter in Imperial Germany. Boston, 2003.

Herlihy 1986 — Herlihy P. *Odessa: A History, 1794–1914*. Cambridge, MA, 1986.

Herrero 1971 — Herrero J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español*. Madrid, 1971.

Hildebrand 1853 — Hildebrand B. *Statistische Mittheilungen über die volkwirtschaftlichen Zustände Kurhessens*. Berlin, 1853.

Hildermeier 1986 — Hildermeier M. *Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Struktur*. Köln, 1986.

Hoffman 1981 — Hoffman E. W. *Black Hessians: American Blacks as German Soldiers* // *Negro History Bulletin*. 1981. Vol. 44, № 4. P. 81–82, 91.

Hudson 1986 — Hudson H. D., Jr. *The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century*. Newtonville, MA, 1986.

Hughan 1884 — Hughan W. J. *Origin of the English Rite of Freemasonry, Especially in Relation to the Royal Arch Degree*. London, 1884.

Hulshoff, Eijken 1991 — Hulshoff, L., Eijken E. D. *Enige wetenswaardigheden over de graven van Heiden Hompesch-Ootmarsum voor en na de omwenteling van 1795 // Overijsselse historische bijdragen: Verslagen en mededelingen van de Vereeniging tot Beoefening van Overijsselsch Regt en Geschiedenis*. 1991. № 106. P. 107–113 [нидерландский язык].

Ingrao 1987 — Ingrao Ch. W. *The Hessian Mercenary State: Ideas, Institutions, and Reform under Frederick II, 1760–1785*. Cambridge, 1987.

Irgang 2007 — Irgang W. *Schlesien im Mittelalter: Siedlung — Kirche — Urkunden: Ausgewählte Aufsätze* / Hg. N. Kersken, J. Warmbrunn. Marburg, 2007.

Ivanov 2020 — Ivanov A. V. *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia*. Madison, WI, 2020.

Jacob 1991 — Jacob M. C. *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe*. New York, 1991.

Johnson 1998 — Johnson D. *De Mist, Race and Nation* // *Alternation*. 1998. Vol. 5, № 1. P. 85–97.

Jones 2013 — Jones R. E. *Bread Upon the Waters: The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811*. Pittsburgh, 2013.

Jourdan 2008 — Jourdan A. *La Révolution batave: Entre la France et l'Amérique (1795–1806)*. Rennes, 2008.

Kabuzan 1990 — Kabuzan V. M. *Die deutsche Bevölkerung im Russischen Reich (1796–1917): Zusammensetzung, Verteilung, Bevölkerungsanteil // Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart: Ein internationaler Beitrag zur deutsch-sowjetischen Verständigung* / Hg. I. Fleischhauer, H. H. Jedig. Baden-Baden, 1990. S. 63–82.

Kardasis 2001 — Kardasis V. A. *Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861*. Lanham, MD, 2001.

Karge et al. 2011 — Karge W., Münch E., Schmied H. *Die Geschichte Mecklenburgs*. Rostock: 2011 [Электронное издание].

Keller 1995 — Keller A. *Das Deutsche Theater und die Entwicklung der deutschen Gesellschaft in St. Petersburg im 18. und 19. Jahrhundert*. MA thesis, University of Freiburg, 1995.

Keuten 2006 — Keuten A. *Patriotische Paradoxa: St. Petersburger deutschsprachige Periodika zwischen 1805 und 1815 // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*. 2006. № 8. S. 49–88.

Kindl 1970 — Kindl H. *Briloner Kirchengeschichte // Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop*. Brilon, 1970. S. 91–130.

Kizilov 2007 — Kizilov M. *Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11, № 1–2. P. 1–31.

Klingebiel 2000 — Klingebiel Th. *Huguenot Settlements in Central Europe // In Search of Peace and Prosperity: New German Settlements in Eighteenth-Century Europe and America / Ed. H. Lehmann, H. Wellenreuther, R. Wilson*. University Park, PA, 2000. P. 39–67.

Klingenberg 1962 — Klingenberg K.-H. *Iffland und Kotzebue als Dramatiker*. Weimar, 1962.

Kloek, Mijnhardt 2004 — Kloek J., Mijnhardt W. *Dutch Culture in a European Perspective: 1800, Blueprints for a National Community / Transl. B. Jackson*. Vol. 2. Assen and Houndmills, 2004.

Kollmann 2017 — Kollmann N. Sh. *The Russian Empire, 1450–1801*. Oxford, 2017.

Kołodziejczyk 2006 — Kołodziejczyk D. *Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: The Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries // Oriente Moderno*. 2006. Vol. 25, № 1. P. 149–159.

Könnecke 1894 — Könnecke G. *Hessisches Buchdruckerbuch, enthaltend Nachweis aller bisher bekannt gewordenen Buchdruckereien des jetzigen Regierungsbezirks Cassel und des Kreises Biedenkopf*. Marburg, 1894.

Konzett 2000 — *Encyclopedia of German Literature / Ed. M. Konzett*. Chicago, 2000.

Kosch et al. 1953–2021 — Kosch W., Bennwitz H., Bigler-Marschall I. *Deutsches Theater-Lexikon: Biographisches und Bibliographisches Handbuch*. 16 Bd. 1953–2021.

Kraus 1882–1886 — *Real-Encyclopädie der Christlichen Alterthümer / Hg. F. X. Kraus*: 2 Bd. Freiburg im Breisgau, 1882–1886.

Krollage o. J. — Krollage R. Theater in Osnabrück: «Ein tollkühnes Wagnis» — Osnabrücker Bühnengeschichte 1771 bis 1909 vor der Eröffnung des Hauses am Domhof. Osnabrück, o. J.

Krünitz et al. 1773–1858 — Ökonomisch-technologische Encyclopädie / Hg. J. G. Krünitz et al.: 242 Bd. Berlin, 1773–1858.

Kubben 2011 — Kubben R. M. H. Regeneration and Hegemony: Franco-Batavian Relations in the Revolutionary Era, 1795–1803. The Hague, 2011.

Kuhlmann-Smirnov 2013 — Kuhlmann-Smirnov A. Schwarze Europäer im Alten Reich: Handel, Migration, Hof. Göttingen, 2013.

Kutsch, Riemens 2003 — Kutsch K. J., Riemens L. Großes Sängerlexikon. 7 Bd. München, 2003.

Kuujo 1993 — Kuujo E. Deutsch als Amtssprache in Altfinnland // Finnland-Studien II / Hg. E. Hösch, H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 1993. S. 27–32.

Kuzmany 2007 — Kuzmany B. Die Grenze an der Grenze: Die Entstehung des Freihandelsprivilegs der Stadt Brody // Die galizische Grenze 1772–1867: Kommunikation oder Isolation? / Hg. Ch. Augustynowicz, A. Kappeler. Wien, 2007. S. 115–126.

La Vopa 1988 — La Vopa A. J. Grace, Talent, and Merit: Poor Students, Clerical Careers, and Professional Ideology in Eighteenth-Century Germany. Cambridge, 1988.

La Vopa 1995 — La Vopa A. J. Herder's Publikum: Language, Print, and Sociability in Eighteenth-Century Germany // Eighteenth-Century Studies. 1995. Vol. 29, № 1. P. 5–24.

Lamport 1990 — Lamport F. J. German Classical Drama: Theater, Humanity and Nation, 1750–1870. Cambridge, 1990.

Landgraf 2004 — Landgraf E. Romantic Love and the Enlightenment: From Gallantry and Seduction to Authenticity and Self-Validation // German Quarterly. 2004. Vol. 77, № 1. P. 29–46.

Lautzas 1973 — Lautzas P. Die Festung Mainz im Zeitalter des Ancien Régime, der Französischen Revolution und des Empire: Ein Beitrag zur Militärstruktur des Mittelrhein-Gebietes. Wiesbaden, 1973.

Ledderhose 1890 — Ledderhose K. F. Saltet, Johann Bernhard // Allgemeine Deutsche Biographie: 56 Bd. Bd. 30. Leipzig, 1890. S. 283–285.

LeDonne 2020 — LeDonne J. P. Forging a Unitary State: Russia's Management of the Eurasian Space, 1650–1850. Toronto, 2020.

Leighton 1982 — Leighton L. G. Freemasonry in Russia: The Grand Lodge of Astraea (1815–1822) // Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60, № 2. P. 244–261.

Lenz 1970 — Deutschbaltisches biographisches Lexikon, 1710–1960 / Hg. W. Lenz. Köln, 1970.

Levi 1991 — Levi G. On Microhistory // *New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P. Burke. University Park, PA, 1991. P. 93–113.

Levi 2019 — Levi G. Frail Frontiers? // *Past and Present*. 2019. № 242, suppl. 14. P. 37–49.

Levitt 1989 — Levitt M. C. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca, NY, 1989.

Ley 1975 — Ley F. Alexandre 1er et sa Sainte-Alliance (1811–1825), avec des documents inédits. Paris, 1975.

Lieven 2009 — Lieven D. Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009.

Lieven 2015 — Lieven D. International Relations in the Napoleonic Era: The Long View // *Russia and the Napoleonic Wars* / Ed. J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Houndmills, 2015. P. 12–27.

Lilly 2002 — Lilly I. K. Female Sexuality in the Pre-Revolutionary «Moscow Text» of Russian Literature // *Moscow and Petersburg: The City in Russian Culture* / Ed. I. K. Lilly. Nottingham, 2002. P. 31–47.

Lilly 2004 — Lilly I. K. Conviviality in the Prerevolutionary «Moscow Text» of Russian Culture // *Russian Review*. 2004. № 3. P. 427–448.

Linde 2001 — Linde R. Das katholische Bürgertum im 18. Jahrhundert. Die Paderborner Familien Unkraut und Dammers // *Goldene Zeiten: Sauerländer Wirtschaftsbürger vom 17. bis zum 19. Jahrhundert* / Hg. S. Baumeier, K. Schlimgen-Ehmke. Essen, 2001. S. 122–141.

Lindemann 1996 — Lindemann M. Health and Healing in Eighteenth-Century Germany. Baltimore, 1996.

Lindemann 1999 — Lindemann M. Medicine and Society in Early Modern Europe. Cambridge, 1999.

Linnebach 2014 — Linnebach A. Das Museum der Aufklärung und sein Publikum: Kunsthau und Museum Fridericianum in Kassel im Kontext des historischen Besucherbuches (1769–1796). Kassel, 2014.

Lock 1995 — Lock K.-H. Zwischen Winkel und Zirkel: Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei in Mecklenburg-Vorpommern. Schwerin, 1995.

Lottum 2007 — Lottum J. van. Across the North Sea: The Impact of the Dutch Republic on International Labour Migration, c. 1550–1850. Amsterdam, 2007.

Love 2012 — Love J. The Great Man in War and Peace // *Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in «War and Peace»* / Ed. R. McPeak, D. T. Orwin. Ithaca, NY, 2012. P. 85–97.

Madariaga 1981 — Madariaga I. de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven, CT, 1981.

Maiorova 2010 — Maiorova O. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation Through Cultural Mythology, 1855–1870*. Madison, WI, 2010.

Malia 1999 — Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA, 1999.

Manen 2001 — Manen K. G. van. *Verboden en getolereerd: Een onderzoek naar lutheranen, lutheranisme en lutherse gemeentevorming in Gelderland ten tijde van de Republiek*. Hilversum, 2001 [нидерландский язык].

Marcade 1883 — Marcade A. *Talleyrand: Prêtre et évêque*. Paris, 1883.

Martin 1997 — Martin A. M. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. DeKalb, IL, 1997.

Martus 2015 — Martus S. *Aufklärung: Das deutsche 18. Jahrhundert — Ein Epochenbild*. Berlin, 2015.

Maurer-Schmoock 1982 — Maurer-Schmoock S. *Deutsches Theater im 18. Jahrhundert*. Tübingen, 1982.

Maxwell, Davis 2016 — Maxwell A., Davis S. E. *Germanness beyond Germany: Collective Identity in German Diaspora Communities* // *German Studies Review*. 2016. Vol. 39, № 1. P. 1–15.

May 1994 — May R. *The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English*. Evanston, IL, 1994.

McCaffray 2018 — McCaffray S. P. *The Winter Palace and the People: Staging and Consuming Russia's Monarchy, 1754–1917*. DeKalb, IL, 2018.

McConachie 2008 — McConachie B. *Towards a History of National Theatres in Europe* // *National Theatres in a Changing Europe* / Ed. S. E. Wilmer. Houndmills, 2008. P. 49–60.

Meidenbauer 1991 — Meidenbauer J. *Aufklärung und Öffentlichkeit: Studien zu den Anfängen der Vereins- und Meinungsbildung in Hessen-Kassel 1770 bis 1806*. Darmstadt, 1991.

Melton 1988 — Melton J. Van Horn. *Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria*. Cambridge, 1988.

Menger 2014 — Menger Ph. *Die Heilige Allianz: Religion und Politik bei Alexander I (1801–1825)*. Stuttgart, 2014.

Merkel 2000 — Merkel K. *Die Besichtigung von Kassel-Reisekultur im 18. Jahrhundert* // *Kassel im 18. Jahrhundert: Residenz und Stadt* / Hg. H. Wunder, Ch. Vanja, K.-H. Wegner. Kassel, 2000. S. 15–43.

Miller 2002 — Miller J. D. *Beads and Prayers: The Rosary in History and Devotion*. London, 2002.

Molhuysen, Blok 1911–1937 — Nieuw Nederlandsch biografisch woordenboek / Ed. P. C. Molhuysen, P. J. Blok: 10 Vols. Leiden, 1911–1937 [нидерландский язык].

Mooser 1948–1951 — Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII-me siècle: 3 vols. Genève, 1948–1951.

Müller, Tochtrop 1970–750 Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop. Brilon, 1970.

Müller-Dietz 1967 — Müller-Dietz H. Frühe balneologische Forschungen an der deutschen Ostseeküste // Medizinhistorisches Journal. 1967. Bd. 2, № 3–4. S. 239–247.

Munro 2008 — Munro G. The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison, NJ, 2008.

Murray 2004 — Encyclopedia of the Romantic Era, 1760–1850 / Ed. Ch. J. Murray: 2 vols. New York, 2004.

Mustafa 2017 — Mustafa S. A. Napoleon's Paper Kingdom: The Life and Death of Westphalia, 1807–1813. Lanham, MD, 2017.

Nipperdey 1987 — Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1987.

North 2008 — North M. «Material Delight and the Joy of Living»: Cultural Consumption in the Age of Enlightenment in Germany / Transl. by P. Selwyn. Aldershot, 2008.

North 2015 — North M. The Baltic: A History / Transl. by K. Kronenberg. Cambridge, MA, 2015.

O'Meara 2019 — O'Meara P. The Russian Nobility in the Age of Alexander I. London, 2019.

Obser 1888 — Obser C. Badische Politik in den Jahren 1782 bis 1792 // Zeitschrift für Geschichte und Politik. 1888. Bd. 5, № 12. S. 901–920.

Offord et al. 2018 — Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History. Amsterdam, 2018.

Okenfuss 1985 — Okenfuss M. J. From School Class to Social Caste: The Divisiveness of Early-Modern Russian Education // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Vol. 33, № 3. P. 321–344.

Opie, Opie 1951 — The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / Ed. I. Opie, P. Opie. Oxford, 1951.

Orlov 2015 — Orlov A. A. Russia and Britain in International Relations in the Period 1807–1812 // Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Houndmills, 2015. P. 84–96.

Pancheri 2001 — Pancheri R. I Lampi e gli Asburgo-Lorena: Un vincolo di fedeltà attraverso tre generazioni // Un ritrattista nell'Europa delle corti: Giovanni Battista Lampi 1751–1830 / Ed. F. Mazzocca et al. Trento, 2001. P. 94–115.

Pasture 2012 — Pasture P. Beyond the Feminization Thesis: Gendering the History of Christianity in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Beyond the Feminization Thesis: Gender and Christianity in Modern Europe / Ed. P. Pasture et al. Leuven, 2012. P. 1–33.

Peth 1879 — Peth J. Geschichte des Theaters und der Musik zu Mainz: Ein Beitrag zur deutschen Theatergeschichte. Mainz, 1879.

Petri 1965 — Petri H. Ignaz Lindl und die deutsche Bauernkolonie Sarata in Bessarabien // Südostdeutsches Archiv. 1965. Bd. 8. S. 78–112.

Pettitt 2018 — Pettitt J. Holocaust Narratives: Second-Generation «Perpetrators» and the Problem of Liminality // The European Legacy: Toward New Paradigms. 2018. Vol. 23, № 3. P. 286–300.

Pfeiffer 2012 — Pfeiffer G. C. Freemason, Mozart's Contemporary, and Theatre Director on the Edge: Franz Kratter (1758–1830) and *Der Friede am Pruth* («The Treaty of Prut», 1799). Cataloguing the Komplex Mauerbach, Vienna // TheMA: Open Access Research Journal for Theatre, Music, Arts. 2012. Vol. 1, № 1. P. 19–64.

Pies 1973 — Pies E. Prinzipale: Zur Genealogie des deutschsprachigen Berufstheaters vom 17. bis 19. Jahrhundert. Ratingen, 1973.

Polasky 2015 — Polasky J. Revolutions Without Borders: The Call to Liberty in the Atlantic World. New Haven, CT, 2015.

Rabow-Edling 2007 — Rabow-Edling S. The Decembrists and the Concept of a Civic Nation // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35, № 2. P. 369–291.

Raeff 1966 — Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.

Raeff 1967 — Raeff M. Les Slaves, les Allemands et les «Lumières» // Canadian Slavic Studies. 1967. Vol. 1, № 4. P. 521–551.

Raeff 1983 — Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, CT, 1983.

Ragsdale 1980 — Ragsdale H. Détente in the Napoleonic Era: Bonaparte and the Russians. Lawrence, KS, 1980.

Randolph 2007a — Randolph J. W. The Singing Coachman or, The Road and Russia's Ethnographic Invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 1. № 1–2. P. 33–61.

Randolph 2007b — Randolph J. W. The House in the Garden: The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca, NY, 2007.

Randolph 2017 — Randolph J. W. *Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850* / Ed. S. Franklin, K. Bowers. Cambridge, 2017. P. 155–183.

Ransel 2009 — Ransel D. L. *A Russian Merchant's Tale: The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on His Diary*. Bloomington, IN, 2009.

Recke 1827–1832 — *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland* / Hg. J. F. von Recke: 4 Bd. Mitau, 1827–1832.

Repertorien 2006 — *Repertorien des Hessischen Staatsarchivs Darmstadt, Bestand F 27 G: Herrschaft Riedesel zu Eisenbach — Burgprivatarchiv*. Darmstadt, September 2006.

Rey 2012 — Rey M.-P. *Alexander I: The Tsar Who Defeated Napoleon* / Transl. S. Emanuel. DeKalb, IL, 2012.

Riso 2015 — Riso M. *The Narrative of the Good Death: The Evangelical Deathbed in Victorian England*. Farnham, 2015.

Robisheaux 2009 — Robisheaux Th. *The Last Witch of Langenburg: Murder in a German Village*. New York, 2009.

Robisheaux 2017 — *Microhistory Today: A Roundtable Discussion* / Ed. Th. Robisheaux // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. Vol. 47, № 1. P. 7–52.

Roche 1989 — Roche D. *La culture des apparences: Une histoire du vêtement, XVIIe-XVIIIe siècle*. Paris, 1989.

Romaniello 2016 — Romaniello M. P. *Humoral Bodies in Cold Climates // Russian History Through the Senses: From 1700 to the Present* / Ed. M. P. Romaniello, T. Starks. London, 2016. P. 25–30.

Romaniello 2019 — Romaniello M. P. *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge, 2019.

Romaniello, Starks 2016 — *Russian History Through the Senses: From 1700 to the Present* / Ed. M. P. Romaniello, T. Starks. London, 2016.

Roque, Barthélemy 1865 — Roque, L. de la, Barthélemy E. de. *Catalogue de la noblesse des colonies et des familles anoblies ou titrées sous l'Empire, la Restauration, et le gouvernement de juillet*. Paris, 1865.

Rosendaal 1995 — Rosendaal J. *Vrijmetselarij en Revolutie // «Een Stille leerschool van deugd en goede zeden»: Vrijmetselarij in Nederland in de 18e en 19e eeuw* / Ed. A. van de Sande, J. Rosendaal. Hilversum, 1995. P. 63–70 [нидерландский язык].

Rösener 1993 — Rösener W. *Die Bauern in der europäischen Geschichte*. München, 1993.

Rosenkranz 1970 — Rosenkranz J. Die Volksschulen // 750 Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop. Brilon, 1970. S. 45–64.

Rothschild 2011 — Rothschild E. The Inner Life of Empires: An Eighteenth-Century History. Princeton, NJ, 2011.

Rückblick 1866 — Rückblick auf die Wirksamkeit der Universität Dorpat: Zur Erinnerung an die Jahre von 1802–1865. Dorpat, 1866.

Salehi 1990 — Salehi S. August Wilhelm Ifflands dramatisches Werk: Versuch einer Neubewertung. Frankfurt, 1990.

Sander 1989 — Sander S. Handwerkschirurgen: Sozialgeschichte einer verdrängten Berufsgruppe. Göttingen, 1989.

Schama 1977 — Schama S. Patriots and Liberators: Revolution in the Netherlands 1780–1813. New York, 1977.

Schattenberg 2008 — Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt, 2008.

Schenk 1901 — Schenk M. Fr. Aus der Geschichte der Entstehung und Entwicklung der evangelisch-lutherisch Kolonien in den Gouvernements Bessarabien und Cherson, speciell in kirchlicher Beziehung. Odessa, 1901.

Schiemann 1904 — Schieman Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 1: Kaiser Alexander I. und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin, 1904.

Schlarb 2007 — Schlarb C. Tradition im Wandel: Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Bessarabien 1814–1940. Köln, 2007.

Schleunes 1989 — Schleunes K. A. Schooling and Society: The Politics of Education in Prussia and Bavaria, 1750–1900. Oxford, 1989.

Schlömer 2017 — Schlömer C. Brilon — eine Stadtgeschichte // Bartsch Ch. et al. 800 Jahre Stadt Brilon: 4 Bd. Bd. 1. Brilon, 2017.

Schlömer 2019 — Schlömer C. Die Kloster- und Lehrbibliothek des Gymnasiums Petrinum Brilon 1655–1803: Erschließung der ältesten Bestände des 16. bis zum 18. Jahrhundert. Master These, Universität Paderborn, 2019.

Schmitt 1990 — Schmitt P. Schauspieler und Theaterbetrieb: Studien zur Sozialgeschichte des Schauspielerstandes im deutschsprachigen Raum 1700–1900. Tübingen, 1990.

Schmitz 1970 — Schmitz K. J. Die Nikolaikirche // 750 Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop. Brilon, 1970.

Schmoller 1888 — Schmoller G. Das brandenburgisch-preußische Innungswesen von 1640–1806, hauptsächlich die Reform unter Friedrich Wilhelm I. (Schluß) // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 1888. № 1. S. 325–383.

Schnelling-Reinicke 2013 — Schnelling-Reinicke I. Die archivische Überlieferung der drei Friedrich-Wilhelms-Universitäten Berlin, Breslau und Bonn im Geheimen Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz // Die Gründung der drei Friedrich-Wilhelms-Universitäten: Universitäre Bildungsreform in Preußen / Hg. Th. Becker, U. Schaper. Berlin, 2013.

Scholz 2020 — Scholz L. Borders and Freedom of Movement in the Holy Roman Empire. Oxford, 2020.

Schönle, Zorin 2018 — Schönle A., Zorin A. On the Periphery of Europe, 1762–1825: The Self-Invention of the Russian Elite. DeKalb, IL, 2018.

Schubert 1983 — Schubert E. Arme Leute: Bettler und Gauner im Franken des 18. Jahrhunderts. Neustadt an der Aisch, 1983.

Schulze 2014 — Schulze H. The Prussian Military State, 1763–1806 // The Rise of Prussia, 1700–1830 / Ed. Ph. G. Dwyer. London, 2014. P. 201–219.

Schütz 1972 — Schütz W. Geschichte der christlichen Predigt. Berlin, 1972.

Seesemann 1979 — Seesemann H. Theologische und literarische Bildungsinteressen in Dorpat und Estland zwischen 1815 und 1835 // Zeitschrift für Ostforschung. 1979. Bd. 28, № 4. S. 577–587.

Senger 2012 — Senger M. Als die Post abging // Tief verwurzelt — weit verzweigt: Leben im Henne- und Rarbachthal; Pfarrei Kirchrarbach und Pfarvikarie Oberhenneborn / Hg. B. Halbe et al. Schmallenberg-Kirchrarbach, 2012. S. 499–506.

Sharpe 2007 — Sharpe L. A. National Repertoire: Schiller, Iffland and the German Stage. Oxford, 2007.

Shattock 1999 — The Cambridge Bibliography of English Literature / Ed. J. Shattock. Vol. 4: 1800–1900. Cambridge, 1999.

Sheehan 1989 — Sheehan J. J. German History 1770–1866. Oxford, 1989.

Smith A. 2014 — Smith A. K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. New York, 2014.

Smith A. 2016 — Smith A. K. Fermentation, Taste, and Identity // Russian History Through the Senses: From 1700 to the Present / Ed. M. P. Roman-iello, T. Starks. London, 2016. P. 45–66.

Smith A. 2017 — Smith A. K. Honored Citizens and the Creation of a Middle Class in Imperial Russia // Slavic Review. 2017. Vol. 76, № 2. P. 327–349.

Smith D. 1999 — Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, IL, 1999.

Smith H. 2005 — Smith H. W. The Vanishing Point of German History: An Essay on Perspective // History and Memory. 2005. Vol. 17, № 1–2. P. 267–295.

Spaulding 2017 — Spaulding R. M. Introduction // *German History*. 2017. Vol. 35, № 3. Special Issue: New Research from Towns and Cities in Central Europe. P. 353–361.

Stach 1942 — Grunau und die Mariupoler Kolonien: Materialien zur Geschichte deutscher Siedlungen im Schwarzmeergebiet / Hg. J. Stach. Leipzig, 1942.

Steveling 1999 — Steveling L. Juristen in Münster: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechts- und Staatswissenschaftlichen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster/Westf. Münster, 1999.

Steward 2016 — Steward J. The Role of Inland Spas as Sites of Transnational Cultural Exchange in the Production of European Leisure Culture (1750–1870) // *Leisure Cultures in Urban Europe, c. 1700–1870: A Transnational Perspective* / Ed. P. Borsay, J. H. Furnée. Manchester, 2016. P. 224–259.

Stieglitz 2000 — Stieglitz A. von. Hof und Hofgesellschaft der Residenz Kassel in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Kassel im 18. Jahrhundert: Residenz und Stadt* / Hg. H. Wunder, Ch. Vanja, K.-H. Wegner. Kassel, 2000. S. 321–349.

Stites 2005 — Stites R. *Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power*. New Haven, CT, 2005.

Stites 2014 — Stites R. *The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe*. New York, 2014.

Stölzel 1891 — Stölzel A. Über das landesherrliche Ehescheidungsrecht: Ein Beitrag zur Geschichte des Ehescheidungsrechtes und zur Interpretation der neuern Reichsgesetzgebung. Berlin, 1891.

Struck 1895 — Struck F. Die ältesten Zeiten des Theaters zu Stralsund (1697–1834): Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Theaters. Stralsund, 1895.

Sugenheim 1861 — Sugenheim S. *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des 19. Jahrhunderts*. St. Petersburg, 1861.

Sunderland 2006 — Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY, 2006.

Sutherland 2015 — Sutherland D. M. G. Urban Violence in 1789 // *The Oxford Handbook of the French Revolution* / Ed. D. Andress. Oxford, 2015. P. 272–289.

Tastevin 1908 — Tastevin F. *Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812*. Moscou, 1908.

Terras 1995 — Terras V. *Freedom Through Suffering: Vasilii Zhukovskii and His Ahasuerus* // *Freedom and Responsibility in Russian Literature*:

Essays in Honor of Robert Louis Jackson / Ed. E. Ch. Allen, G. S. Morson. Evanston, IL, 1995. P. 20–28.

Thiébaud 2004 — Thiébaud G. Charles de Flahaut, un diplomate de l'Europe impériale vers une Europe des nations. Mémoire de maîtrise, Université de Paris Sorbonne-Paris IV. 2004.

Tochtrop 1970 — Tochtrop Th. Drangsal im Dreissigjährigen Krieg; Brilon im Siebenjährigen Krieg // Jahre Stadt Brilon, 1220 bis 1970 / Hg. M. Müller, Th. Tochtrop. Brilon, 1970. S. 180–181.

Tombe 1905 — Tombe J. W. des. Iets over het zoogenaamd pensioen van Portugal // De navorscher. 1905. № 55. P. 555–590 [нидерландский язык].

Tuchtenhagen 1994 — Tuchtenhagen R. Bildung als Auftrag und Aufgabe: Deutsche Schulen in St. Petersburg, 1704–1934 // Nordost-Archiv. 1994. Bd. 3, № 1. S. 63–88.

Urry 2007 — Urry J. None But Saints: The Transformation of Mennonite Life in Russia 1789–1889. Kitchener, Ont., 2007.

Vander Schel 2013 — Vander Schel K. M. Embedded Grace: Christ, History, and the Reign of God in Schleiermacher's Dogmatics. Minneapolis, 2013.

Walther 1899 — Archiv und Bibliothek des Grossh. Hof- und Nationaltheaters in Mannheim 1779–1839 / Hg. F. Walther: 2 Bd. Leipzig, 1899.

Weil 1932 — Weil R. Das Berliner Theaterpublikum unter A. W. Ifflands Direktion (1796 bis 1814): Ein Beitrag zur Methodologie der Theaterwissenschaft. Berlin, 1932.

Weinhold 1853 — Weinhold K. Ueber deutsche Dialektforschung: Die Laut- und Wortbildung und die Formen der schlesischen Mundart. Wien, 1853.

Werth 2008 — Werth P. W. Empire, Religious Freedom, and the Legal Regulation of «Mixed» Marriages in Russia // Journal of Modern History. 2008. Vol. 80, № 2. P. 296–331.

Werth 2012 — Werth P. W. The Emergence of «Freedom of Conscience» in Imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13, № 3. P. 585–610.

Werth 2014 — Werth P. W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014.

Whaley 2012 — Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire: 2 vols. Oxford, 2012.

Whaley 2015 — Whaley J. «Wahre Aufklärung kann erreicht und segensreich werden»: The German Enlightenment and its Interpretation // Oxford German Studies. 2015. Vol. 44, № 4. P. 428–448.

Whaley 2018 — Whaley J. Central European History and the Holy Roman Empire // Central European History. 2018. Vol. 51, № 1. P. 40–45.

Williams 1985 — Williams S. *German Actors of the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Idealism, Romanticism, and Realism*. Westport, CT, 1985.

Williamson 2018 — Williamson G. S. *Retracing the Sattelzeit: Thoughts on the Historiography of the French Revolutionary and Napoleonic Eras // Central European History*. 2018. Vol. 51, № 1. P. 66–74.

Wilmer 2008 — Wilmer S. E. *National Theatres in a Changing Europe*. Houndmills, 2008.

Wilson 2016 — Wilson P. H. *Prussia as a Fiscal-Military State // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honour of P. G. M. Dickson / Ed. Ch. Storrs*. London, 2016. P. 95–124.

Wirtschafter 2008 — Wirtschafter E. K. *Russia's Age of Serfdom, 1649–1861*. Malden, MA, 2008.

Wittich 1896 — Wittich W. *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland*. Leipzig, 1896.

Wolff 1994 — Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, CA, 1994.

Wörner-Heil 2000 — Wörner-Heil O. «Extreme Familiarität und Gleichheit»: Freimaurerlogen in Kassel von 1766 bis 1794 // *Kassel im 18. Jahrhundert: Residenz und Stadt / Hg. H. Wunder, Ch. Vanja, K.-H. Wegner*. Kassel, 2000. S. 229–261.

Wortman 1995–2000 — Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy: 2 vols*. Princeton, NJ, 1995–2000.

Wunder 1998 — Wunder H. *He Is the Sun, She Is the Moon: Women in Early Modern Germany / Transl. by Th. Dunlap*. Cambridge, MA, 1998.

Wunder et al. 2000 — *Kassel im 18. Jahrhundert: Residenz und Stadt / Hg. H. Wunder, Ch. Vanja, K.-H. Wegner*. Kassel, 2000.

Wurst 2004 — Wurst K. A. *Love, Romantic // Encyclopedia of the Romantic Era, 1760–1850 / Ed. Ch. J. Murray: 2 vols*. New York, 2004. Vol. 2. P. 696–698.

Zylberberg 2001 — Zylberberg M. *Capitalisme et catholicisme dans la France moderne: La dynastie Le Couteulx*. Paris, 2001.

Предметно-именной указатель

- актерская карьера Розенштрауха
11, *passim*; см. также: театр,
немецкий
влияние на взгляды 85,
145–147, 170–172, 237, 256, 289,
293, 320, 321, 387, 390–392
влияние на манеру письма
174, 175, 278, 279, 285–287
влияние на умения 251,
294–296, 333, 377–379
жизнь в России 254, 255, 345,
350, 405–407, 450–452
заработки 122, 137, 144, 148,
218–221
отзывы о его игре 135, 136,
140–144, 217–219, 227–229,
231, 232
побудительные причины стать
актером 15, 53, 64, 67, 70–73,
180, 449
позорное пятно профессии 86
скрытность на данный
предмет 59, 375, 394–396,
428, 429
социальные связи 116–118,
124, 127, 211–213, 274
сыгранные роли 105–109, 128,
134–141, 138–140, 170, 218,
227–229, 231, 232
- актеры, немецкие (в целом) 57,
59, 60, 63, 65–67, 115, 128, 131,
135, 141, 166, 188–190, 193, 206,
211–215, 220, 224, 254, 255, 275,
395, 399, 432; см. также: театр,
немецкий; директора театров;
театральные труппы
бедность 60–62, 68–70,
172–174, 224
в Восточной Европе 211, 212
в Голландской республике 115,
128, 188, 395
в Москве 215, 275
в Санкт-Петербурге 188–190,
192, 193, 214–220, 237, 254,
255, 275
заработки 122, 137, 144, 148,
218–221
использование псевдонимов
66–68
контакт с публикой 54–56,
60–64, 72, 133, 142, 228
критика театральных рецен-
зентов 141–143, 228, 229
низкая репутация в обществе
54, 60–66, 71, 166, 172–174, 224
происхождение, профессио-
нальная подготовка, начало
карьеры 63–70

- роли (амплуа) 59, 133–135, 139–141
- семейные узы, браки и разводы 61, 62, 65, 145–147, 175
- сокрытие личной жизни 59, 60, 65, 66
- актеры немецкие (лица):
- Арресто Христлиб Георг Генрих 189, 212, 213, 216, 217
  - Богнер, семья 154, 175
  - Брандес Иоганн Христиан 61, 62, 64–66, 70, 117, 121
  - Брюкль Жанетт 62, 212
  - Ваксмут Доротея Елизавета (урожд. Кейльхольц) 131, 137, 139, 146
  - Ваксмут Эммануэль 146
  - Герман Гунниус Фридрих Вильгельм 212, 213, 217
  - Гурай Даниэль 69, 70, 77, 85, 106
  - Дальберг Анна 212, 217
  - Дистель Иоганн Бернгард 175, 180, 184
  - Кейльхольц Адольф Филипп Кристиан 136, 137, 139, 146, 213
  - Крикeberg Карл Людвиг 68, 154, 160–163, 165–170, 175, 180, 190; см. Директора театров
  - Крикeberg София Фридерика 154, 175, 184
  - Крист Йозеф Антон 70, 71, 117, 121, 138, 172, 174, 179, 202, 205
  - Леве Доротея 175, 212, 213, 217
  - Линденштейн Пробст 66, 68
  - Леонгард Дидрих 61, 64
  - Рекке Фридрих 154, 190, 212, 213
  - Хартвиг 140, 141, 144, 146
  - Хасслох Карл Теодор 127, 128, 130–133, 137–139, 139, 144, 146, 150–152, 154, 161, 162, 168–170, 339; см. директора театров
  - Хасслох Христиана Магдалена Елизавета (урожд. Кейльхольц) 136, 137, 139, 141, 142, 146, 154
  - Цайбиг Вильгельмина Шарлотта Альбертина (урожд. Люткенс) 212, 213
  - Шольц Бетти 62, 212, 328, 332
  - Штайгер 140, 141, 144
  - Эвест Фридрих Людвиг 68, 69, 212
- акцент Розенштрауха 38, 143, 229
- Александр I, русский император 189, 193, 194, 211, 215, 216, 221, 240–243, 252, 270, 290–292, 306, 313, 315, 323, 325, 331, 341, 343, 357, 362, 367, 369, 372, 373, 379, 399, 453, 461, 485, 490, 496
- и Вильгельм Розенштраух 461, 485, 496
- и масонство 240–243, 330, 331, 367, 379, 461
- и немецкий театр в Санкт-Петербурге 180, 189, 215, 221
- и Розенштраух 194, 241, 243, 325, 369, 372, 379
- религиозные взгляды и политика 292, 293, 307, 362, 363, 366, 367, 399
- Александр II, русский император 315, 442, 445, 483
- и Вильгельм Розенштраух 483
- Американская революция 12, 19, 78, 80, 81, 111, 112, 118, 432; см.

- также: Гессен-Кассель;
Ридезель; рабство
и Розенштраух 12, 19, 78, 80, 81
Амстердамский немецкий театр
116, 128; см. театральные
труппы
Арресто Христлиб Георг Генрих
189, 212, 213, 216, 217; см.
актеры, немецкие (лица)
Астафьев Николай Николаевич,
переводчик 442, 443, 446
- Базельская миссия 370, 371,
374, 375
Балтийский регион 159, 163, 164,
193, 203, 359; см. также:
Континентальная блокада
как место встречи 164, 193
судоходство 163, 203, 359
Баратаев Михаил Петрович,
князь 249, 324, 325, 332, 340,
342, 343; см. масоны в России
барокко 36, 43, 75, 76, 94, 129, 132,
207, 387; см. также: католи-
цизм
архитектура и градострои-
тельство 76, 94, 207
культура 36, 57, 75, 94, 129, 132
Барятинская Ольга 406, 408, 422;
см. Орлова-Давыдова, Ольга
Ивановна
Барятинская Мария Федоровна,
княгиня 249, 384–386, 392, 394,
404–408, 413, 422, 438, 464, 467
Бенда 134, 136, 139; см. компози-
торы
Бер 178; см. масоны, в Германии
Бертье Луи-Александр, фельд-
маршал 290, 295
- Беттигер Карл Август 327, 328,
331, 332, 342, 365, 367–370, 372,
373, 376, 381, 398, 399, 401–403
и Розенштраух 327, 328, 332,
342, 365, 367, 369, 372, 373, 381,
398, 399, 401–403
масонство 331, 332, 342, 365,
367, 381, 398, 401
обвинения в незаконных
деяниях 401–403
падение 403
священник в Одессе 331, 332,
367, 372, 373, 399, 401, 402
Бетховен 15, 54; см. композиторы
Бецнер 370, 371, 373, 374; см.
духовенство протестантское
в России
Бинеман Фридрих, историк 361,
367, 384, 424
Бисмарк Отто фон 476
Блумауэр 139; см. драматурги
Блюменталь Генрих, врач 390,
391, 394, 396, 409, 410, 414, 415,
426, 427, 434, 465
Богарне Гортензия де 297
Богнер, семья 154, 175; см.
актеры, немецкие (лица)
Болин Карл Эдвард, ювелир 475
Болин Наталия Иоганна Елиза-
вета (дочь Вильгельма
Розенштрауха) 475
Болин Хенрик Конрад, ювелир
(зять Вильгельма Розенштрау-
ха) 475, 484
Бонгар де Рокиньи Жозеф-Бар-
телеми, виконт де, полковник
295, 296, 298
Бородинское сражение 277,
279, 282

- Бранденбург Иоганн Йодокус
Альберт, викарий 93–96,
98–100, 117
- Брандес Иоганн Христиан 61, 62,
64–66, 70, 117, 121; см. актеры,
немецкие (лица)
- Бреслау 28, 30–43, 48–52, 63, 64,
67, 77, 80, 101, 178, 180, 182,
207, 248, 308, 320, 394, 349, 466,
491, 494
воспитательное воздействие
на Розенштрауха 34–40
- Брилон 6, 8, 27–31, 50, 74, 88–97,
99, 105
- Британское и иностранное
библейское общество 371, 374
- Бруннер Людвиг, писатель 432
- Брюкль Жанетт 62, 212; см.
актеры, немецкие (лица)
- Бурк Иоганн Христиан Фридрих,
писатель 428–430, 435, 439; см.
также *У одра умирающих*.
Из записок евангельского
пастора
- Бурхард 135, 139, 177; см. драма-
турги
Граф Санта Веккья 135
- Буш Фридрих, теолог и издатель
409, 426, 430, 434; см. также:
Евангелические листки
- бюргеры немецкие 32, 33, 41, 43,
55–58, 64, 65, 70–73, 83, 91, 111,
133, 145, 153, 153, 159, 160, 165,
174, 176, 177, 182, 183, 214, 217,
225, 226, 239, 242, 258, 299, 328,
329, 449, 450, 458, 494; см.
также: буржуазное общество
и культура
в сравнении с буржуазией 450
- и культура Просвещения
55–58, 70, 73, 176, 239, 449, 494
и масоны 32, 182, 183, 239,
242, 494
и немецкая культура 55–58, 91,
111, 153, 159, 239, 494
и общество Старого порядка
41, 58, 71, 91, 111, 145, 153, 226,
450, 494
и театральная публика 56, 133,
152, 165, 214, 225
и театральные актеры 32, 64,
65, 70–73, 133, 152, 153, 182,
214, 328, 449, 494
отношения с дворянами 41, 55,
56, 65, 71, 72, 111, 113, 153, 159,
165, 176, 177, 183, 217, 226,
328, 329
Розенштраух как б. 32, 160,
182, 328, 449, 494
семья жены Розенштрауха как
б. 83, 145, 152
стереотипные представления
о б. 57, 58, 225–229
- Вагнер Мария Петровна (урожд.
Балабина) 434–436, 438, 439, 442
- Вайтольсхаузен по прозвищу
Шраутенбах, Людвиг Бальта-
зар фон 122
- Ваксмут Доротея Елизавета
(урожд. Кейльхольц) 131, 137,
139, 146; см. актеры, немецкие
(лица)
- Ваксмут Эммануэль 146; см.
актеры, немецкие (лица)
- Валуев Петр Александрович,
министр внутренних дел
России 480

- Везер Иоганн Христиан 63, 64;
см. директора театров
- Везера труппа 63, 64; см. театральные труппы
- Великобритания / британцы 58, 78, 113, 118, 156, 159, 191, 194, 201, 202, 209, 210, 225, 237, 252, 253, 265, 277, 307, 310, 320, 343, 353, 355, 452, 464
британцы в России 244, 310, 457, 473
и Вильгельм Розенштраух 310, 452
его жена 310, 311
и Германия 58, 156, 191, 225, 253, 276
и масонство 120
и Россия 159, 191, 194, 201, 202, 252, 253, 277, 307
- Вестфалия 27, 31, 88–92, 99, 105, 108, 187, 197, 491; см. также: Мюнстер; Оснабрюк; театральные труппы — Мюллера труппа
- Вигель Филипп Филиппович, мемуарист 224–226, 269, 273
- Вильгельм IX, ландграф Гессен-Касселя 110, 129
и театр 129
- Вишняков Николай Петрович, купец и геолог 468
- внутренняя миссия, немецкая 428–430; см. также: Барятинская, Мария Федоровна, княгиня; Кайзерсверт; Орлова-Давыдова; пиетизм, вера и религиозная практика
- войны Французской революции 7, 10, 12, 22, 80, 105, 112, 124–126, 129, 136, 186, 187, 190, 194, 202, 247, 252–255, 277, 278, 282, 288, 290–294, 298–301, 305, 306, 334, 342, 361, 390, 428, 431, 432; см. также: Континентальная блокада
и Наполеоновские 12, 22, 247, 312, 342, 361, 390, 428, 431, 432, 489, 492
1792–1797 (война Первой коалиции) 112, 124, 186, 190
и Розенштраух 112, 190
1798–1802 (война Второй коалиции) 186
1805–1807 (войны Третьей и Четвертой коалиций) 237, 252–255
1812 (русский поход) 10, 194, 202, 277, 278, 282, 288, 290–294, 298–301, 305, 379, 381, 414, и Розенштраух 294–304, 414, 427
1813–1814, кампании последствия 306
- Вольнер Людвиг Герман (зять Вильгельма Розенштрауха) 460
- Вольнер Эмилия (дочь Вильгельма Розенштрауха) 460
- Воронихин Андрей Никифорович 250, 251; см. масоны в России
- Враницкий Пауль 137, 139; см. композиторы
Оберон, или Король эльфов 137
- врачи 41, 44, 47, 48–50, 114, 163, 164, 177, 178, 184, 210, 240, 242, 266, 300, 327, 328, 409, 412, 423, 434, 450, 451; см. «ученые»

Вундеман Иоганн Христиан
Фридрих, пастор и писатель
176, 178

Вяземский Петр Андреевич 460

Газета для элегантного света
203, 217, 219, 220, 227

Гейм Иоганнес Кристиан (Иван
Андреевич) 327, 328; см.
масоны в России

Георг III, король Британии 78, 109

Герман Ганс Рудольф (зять
Вильгельма Розенштрауха)
459, 468, 484

Герман Софи (дочь Вильгельма
Розенштрауха) 459, 468, 484

Герцен Александр Иванович 402

Гессен-Кассель 75, 76, 79, 84, 88,
89, 91, 92, 98, 101, 110, 112, 131,
132, 137, 148, 156, 161, 187, 197,
258; см. также: Карл I; Фрид-
рих II (ландграф); Кассель;
Вильгельм IX
в войне Первой коалиции 187
в сравнении с Мекленбург-
Шверинем 156, 187
и Американская революция
80, 112
культура Просвещения 75
ликвидирован Наполеоном 187
религия в Г.-К. 75, 76, 88, 187
чернокожие американцы
в Г.-К 79

Гёте Иоганн Вольфганг 14, 57,
70–72, 120, 140

*Годы учения Вильгельма
Мейстера* 70, 71, 73

Глазунов Сила, купец 250, 251,
253, 461

Глинка Федор Николаевич
460, 465

Глинка Сергей Николаевич,
писатель 275, 276

Глогау Фердинанд, купец и кон-
сул 460, 470

Гоголь Николай Васильевич 438,
439, 441, 473

Голицын Александр Николаевич,
князь, министр духовных дел
и народного просвещения
Российской империи 315, 328,
363, 366–368, 371, 372, 376, 379
и Розенштраух 328, 367, 371,
372, 379

Голицын Дмитрий Владимиро-
вич, московский генерал-
губернатор 454, 460

Голландская республика /
Нидерланды 6, 34, 105,
111–116, 118, 123–128, 159, 188,
190, 191, 210, 211, 247, 299
в сравнении с Германией
113, 118
двойственное отношение
немцев 114, 115
мнение Розентрауха о Г. Р.
115, 116
немцы в Г. Р. 118, 123, 159, 188,
190, 191, 210
оранжисты 116–118
патриоты 118–124
семья Розенштраух и Г. Р. 105,
111, 112, 116, 123–128, 136,
159, 247

Горн Иоганн Кристиан 328; см.
масоны в России

Госснер Иоганнес, священ-
ник 399

- готическая архитектура 37, 78,
 158, 176, 207, 388
 как символ отсталости 158, 176
 как стиль западных цер-
 квей 207
 Гранбаум Адольф Фридрих 365,
 373, 374; см. духовенство
 протестантское в России
 Греция / греки 195, 254, 350,
 360, 374
 в Новороссии 350, 358
 греческий язык 223, 359, 370
 и Розенштраух 223, 360, 370,
 385, 388
 греческое восстание 376
 Гроссман Маргарета Виктория
 151; см. директора театров
 Гросхайм 135, 139; см. компози-
 торы
 Грот Яков Карлович, филолог
 435–437, 439, 444
 Гудчайлд 310–312; см. Розен-
 штраух, Софи (урожд.
 Гудчайлд)
 Гунниус Фридрих Вильгельм
 Герман 212, 213, 217; см.
 актеры, немецкие (лица)
 Гурай Даниэль 69, 70, 77, 85, 106,
 см. актеры, немецкие (лица)
- Далеирак 139; см. композиторы
 Дальберг Анна 212, 217; см.
 актеры, немецкие (лица)
 движение декабристов 308, 316,
 317, 329, 379, 400, 401, 485, 492
 и Розенштраух 317, 329, 379,
 400, 401, 485
 дворянство русское 208, 211, 239,
 240, 246, 265–269, 272, 275, 276,
 289–291, 300, 301, 311, 316, 328,
 329, 359, 379, 404, 434, 437
 Девель Бенедикт Фридрих фон
 231, 232; см. мasons в России
 Девриент Эдуард, писатель 63
 Деллен Александр, историк
 384, 424
 Демидовы, семья 270, 271,
 275 282, 285, 286, 296, 301–303
 Дерптский университет 223, 252,
 369, 409, 456; см. также: Буш;
 Евангелические листки
 и Вильгельм Розенштраух 223,
 252, 456
 теологический факультет 409
 Дидлер Карл, памфлетист-анти-
 семит 433, 495
 Дикас, священник 373, 374
 Дикхоф Генрих 415; см. духовен-
 ство протестантское в России
 директора театров 160, 167, 189,
 195, 206, 214, 219, 251, 339, 394,
 429, 439
 Везер, вдова 63
 Везер Иоганн Христиан 63, 64
 Гроссман Маргарета Викто-
 рия 151
 Крикеберг Карл Людвиг 68,
 154, 160–163, 165–170, 175, 180,
 184, 190
 Мире Жозеф 189, 190, 195, 201,
 206, 207, 209, 211, 212,
 214–218
 Хасслох Карл Теодор 127, 128,
 130–133, 137–139, 139, 144, 146,
 150–152, 154, 161, 162, 168–
 170, 339
 Дирекция Императорских
 театров 215–221, 248, 258

- Дистель Иоганн Бернгард 175, 180, 184; см. актеры немецкие (лица)
 Диттерсдорф 139; см. композиторы
 Доберан 161–166, 168, 169, 177, 180, 182, 198; см. курорты и водолечебницы
 Долгоруков Василий Андреевич, шеф жандармов 480
 Достоевский Федор Михайлович 332, 445–448, 462
 драматурги 62, 140, 170, 188, 211, 216, 228, 342, 395
 Блумауэр Алоиз 139
 Бурхард Фридрих Готлиб Юлий 135, 139, 177
 Иффланд Август Вильгельм 139, 140, 171, 200
 Клингер Фридрих Максимилиан 211
 Комарек Иоганн Непомук 217
 Коцебу Август фон 109, 139, 170, 171, 189, 209, 215, 218, 228, 342, 395
 Краттер Франц 139, 193, 217
 Лессинг Готхольд Эфраим 139, 140, 171
 Шекспир Уильям 139, 140
 Шиллер Фридрих 53, 57, 140, 170, 171, 217, 232
 Юнгер Иоганн Фридрих 135, 139
 духовенство католическое в России 207, 307, 361, 364–367, 379, 398, 399, 444; см. Дикас; Госснер; Линдль
 духовенство протестантское в России 12, 197, 207, 222, 232, 233, 319, 342, 361, 363–366, 369, 380, 387–389, 441, 444; см. также: Беттигер; Фехнер; Фесслер; Нойман
 Бецнер Людвиг Фридрих 370, 371, 373, 374
 Гранбаум Адольф Фридрих 365, 373, 374
 Дикхоф Генрих 415
 Зальтет Иоганн Бернгард 370, 371
 Зедергольм Карл 365, 382
 Кольрейф Адам Христиан Паулюс 379
 Крусберг Хенрик Габриэль 365, 368
 Лиммер Карл 397–399
 Патерсон Джон 373, 374
 Пинкертон Роберт 370
 Пферсдорф Иоганн Генрих Христиан 363, 365, 368
 Хендерсон Эбенезер 373, 374
 Дюмуре Шарль-Франсуа дю Перье, генерал 125, 298
 Дюрок Жерар, генерал 295
Евангелические листки 409, 414, 429, 434
 Евангелическое библейское общество 455, 481
 евреи 35, 36, 39, 40, 47, 60, 61, 67, 77, 92, 96, 171, 176, 254, 336, 350, 357–360, 371, 399, 400, 420, 421, 433, 435, 495; см. также: теории заговора в литературе Просвещения и романтизма 171

- в немецких землях 35, 39, 77, 92
в России 39, 350, 357, 371, 433, 495
и фамилия *Розенштраух* 67, 433
и христианство 35, 67, 96, 336, 350, 360, 371, 400, 420
отношение Розенштрауха к 356, 360, 420, 421
предположения о еврействе Розенштрауха 399, 400, 433
социальная маргинализация 35, 36, 40, 47, 60, 61
- Екатерина II, русская императрица 241, 243, 246, 247, 263, 274, 309, 350, 356, 358, 374, 390
и масонство 241, 243
и немецкие иммигранты 241, 263, 374
и Причерноморье 356–358
реформы 243, 246
- Жорж, мадемуазель (Маргарита-Жозефина Веймер), актриса 220
- Жуковский Василий Андреевич 435, 436, 438, 439
- Журнал роскоши и мод* 211, 219
- Загоскин Михаил Николаевич 473
- Зальтет Иоганн Бернгард 370, 371; см. духовенство, протестантское, в России
- Затценхофен Фридрих 227; см. композиторы
- Звездочка*, журнал 437, 438, 441
- Зедергольм, см. духовенство протестантское в России
- Зенф Г. С. Д., писатель 336; см. также: пиетизм, вера и религиозная практика и Розенштраух 336
- иезуиты 365, 367, 398, 402; см. также: теории заговора в России 365, 367, 398
- Извединова Мария 438, 439, 441, 445, 495
- иллюминаты 120, 433; см. также: теории заговора, масонского Иов (Потемкин), епископ 374
- Исправленный шотландский устав (Орден благотворительных рыцарей) и Розенштраух 323, 326, 337, 401
- итальянский театр 54, 57, 78, 214; см. театральные труппы
- Иффланд Август Вильгельм 139, 140, 171, 200; см. драматурги
- Ишимова Александра Осиповна 437–443, 446, 472
- Кайзерсверт, дом диаконис 437; см. также: Внутренняя миссия
- Каратыгин Петр Андреевич 226
- Карл I, ландграф Гессен-Касселя 75, 76
- Кассель 28, 50, 68, 74–78, 80–84, 86–92, 98, 99, 101, 110, 126–132, 136–138, 140, 143–146, 148–156, 160–163, 168–170, 173, 176, 180, 187, 190, 197, 199, 206, 207, 210, 213, 258, 308, 311–313, 326, 339, 466, 491; см. также: Гессен-Кассель; театральные труппы; Хасслоха труппа и Атлантический мир 78, 81

- и семья жены Розенштрауха 28, 74, 81–89, 237
 история и общество 74–77
 театр 74, 78, 82, 110, 127–132, 138, 140, 143, 144, 148, 150–154, 160–163, 169, 180, 206
Кассельские полицейские и коммерческие ведомости 127, 150, 151, 199, 312, 339
 католицизм в немецкой культуре 28, 43, 91, 94, 128, 198, 398, 399, 444; см. также: теории заговора
 барочный католицизм 36, 43, 94, 207
 законы о браке и разводе 196–198
 и масонство 32, 120, 121, 182, 186
 католицизм в России 207, 307, 361, 364–367, 379, 398, 399, 433, 444
 и император Александр I 307, 362, 367, 379, 399
 немецкие поселенцы 362, 364
 церкви 386, 388, 444
 католицизм в Священной Римской империи 34, 35, 42, 88, 89, 109, 118, 197, 239; См. также Пробуждение — альгойское
 Бреслау и Силезия 28, 32, 34–36, 40, 42, 43, 101, 182
 Вестфалия 88, 91, 99, 197
 Кассель 28, 76, 77, 87–89, 98, 99, 101, 149, 173, 197, 207
 Мекленбург-Шверин 182, 197
 Кауэр Фердинанд 171, 227; см. композиторы
- Кейльхольц Адольф Филипп Кристиан 136, 137, 139, 146, 213; см. актеры, немецкие (лица)
 Келер Людвиг Август, писатель и теолог 333
 Кельнер Карл, пиетист 375
 Килиус 403–405, 426
 Кинен Вильгельм, сын Элизы Кинен 312, 460, 495
 Кинен Георг, зять Розенштрауха 311, 312, 315, 316, 339, 383
 возвращение в Германию 457, 460
 коммерческая деятельность 312, 316
 консул Пруссии 315
 семья 312, 460
 Кинен Елизавета Каролина (Элиза), дочь Розенштрауха 117, 127, 145, 146, 149, 172–174, 221, 232, 257, 309, 311, 312, 339, 383, 450, 460, 493
 замужество и дети 311, 312
 рождение, детство и юность 145, 221
 смерть 383
 Клингер Фридрих Максимилиан 211; см. драматурги
 Кнауф Андреас, купец 283, 284, 300, 301
 Кнезебек Карл Фридрих фон дем, писатель 91
 Книгге Адольф, писатель 335
 Кноп Христоф Иоганн, купец 461, 462
 Козодавлев Осип Петрович 364–366

- Кокорев Иван Тимофеевич, писатель 276
- Коль Иоганн Георг, писатель 313, 395, 410, 430, 433, 467
- Кольбе Эдуард, писатель 431, 495
- Кольрейф Адам Кристиан Пауль 379, 482; см. духовенство, протестантское, в России
- Комарек Иоганн Непомук 217; см. драматурги
- композиторы 54, 139, 178, 227, 328, 332; см. также: Шольц, Фридрих
- Бенда Йиржи (Георг) Антонин 134, 136, 139
- Бетховен Людвиг ван 15, 54
- Враницкий Пауль 137, 139
- Гросхайм Георг Кристоф 135, 139
- Далейрак Никола 139
- Диттерсдорф Карл Диттерс 139
- Затценхофен Фридрих 227
- Кауэр Фердинанд 171, 227
- Мартин-и-Солер Висенте 134, 139, 171
- Моцарт Вольфганг Амадей 54, 134, 139, 171
- Мюллер Венцель 139, 171, 227
- Сальери Антонио 134, 139, 171
- консерваторы / консерватизм 22, 54, 58, 66, 91, 118, 166, 292, 306, 307, 341, 379, 432–442, 445, 447, 464, 465, 467, 492, 493, 496; см. также: Николай I в Германии 58, 66, 118, 166, 432 в России 433–441, 447 и Розенштраух 22, 292, 379, 435, 438–441, 445, 447, 465, 496
- русские консерваторы и Розенштраух 379, 435, 438–441, 445, 447
- консулы иностранные в Москве 315, 457, 476, 479, 494; см. также: Кинен, Георг; Розенштраух, Вильгельм; Розенштраух, Фридрих (Фриц)
- члены семьи Розенштраух 457, 479, 494
- Континентальная блокада 194, 202, 252, 253
- Концертно-театральная дирекция (Кассель) 130, 132, 140, 162
- Корелин Михаил Сергеевич, историк 486; см. также «Исторические происшествия...»
- косметика* 249, 251, 252, 254, 309, 461; см. торговля предметами роскоши
- Коцебу Август фон 109, 139, 170, 171, 189, 209, 215, 218, 228, 342, 395 см. драматурги
- издатель журнала 215
- пережитое в России 189, 209, 342, 395
- пьесы 109, 139, 171, 189, 228
- убийство 342
- Краттер Франц 139, 193, 217; см. драматурги
- крепостное право в Германии 80, 158, 187; см. Священная Римская империя — аграрные отношения
- крепостное право в России 20, 240, 250, 265–273, 301, 302, 307, 350, 353, 355, 357, 407

- и Розенштраух 265, 266, 269, 270, 301, 353, 357, 422, 438, 442
народные восстания 269, 270
отмена 307, 442, 477
- Крикeberg Карл Людвиг 68, 154, 160–163, 165–170, 175, 180, 190, см. актеры, немецкие (лица); директора театров
- Крикeбepгa труппа 154, 162, 165–168, 175, 180, см. театральные труппы
- Крист Йозеф Антон 70, 71, 117, 121, 138, 172, 174, 179, 202, 205; см. актеры, немецкие (лица)
- критика Библии 404, 428, 443
высшая 404, 443
низшая 404
- Кронштадт 194, 201, 202, 204, 209, 253, 445
- Круг Вильгельм Траугот, философ 402
- Крусберг Хенрик Габриэль 365, 368; см. духовенство, протестантское, в России
- Крымская война 432, 441, 475
и Вильгельм Розенштраух 475
- Кузнецкий Мост 270–276, 282, 283, 285, 289, 294, 301, 303, 315, 317, 451, 461, 463, 475, 485; см. также: полемика о роскоши; торговля предметами роскоши
магазин Розенштрауха 270, 272, 274, 451, 461, 463, 475, 485
нелюбовь народа 476, 282
центр торговли предметами роскоши 272, 274, 301
- купечество в России 12, 208, 244–248, 250, 280, 281, 301, 310, 312, 314–316, 331, 351, 374, 376, 394, 453, 455, 458, 461, 463, 465, 468, 475; см. также: Кузнецкий Мост
деятельность Вильгельма Розенштрауха в 12, 312, 455, 458, 463, 468, 475
деятельность Розенштрауха в 10, 245, 247, 280, 281, 301, 310, 314, 351, 374, 376, 394, 461, 463, 465
принадлежность к гильдиям 247, 280, 281, 310, 314
натурализация 247
магазин в Санкт-Петербурге 249–255
законы о 247, 314, 316, 455
иностранцы в к. 301, 316
- Куракин Алексей Борисович, министр внутренних дел России 364
- курорты и водолечебницы 110, 111, 143, 144, 150, 153, 161, 163–166, 177, 451, 452
Доберан 161–166, 168, 169, 177, 180, 182, 198; см. также: театральные труппы — Крикеберга труппа
Московское заведение искусственных минеральных вод 452, 460, 468; см. также: Германн Ганс Рудольф
Ненндорф 166
Нордерней 164
Пирмонт 144, 150, 153, 166
Хофгейсмар 143, 153, 166
- Кутузов Михаил Илларионович, фельдмаршал 291, 292

- Лабзин Александр Федорович
231, 243, 322; см. масоны
в России
- Лампи Иоганн Баптист Ферди-
нанд Маттиас, художник 390,
391, 423, 488
портрет Розенштрауха 391
история портрета 390
- Ланге Самуэль Готлиб 177, 198;
см. масоны в Германии
- ланкастерские школы 307, 332
- Ларме, купец 280, 300
- латынь 36, 44, 48, 95, 100, 222,
223, 233, 338, см. также:
«ученые»
и Розенштраух 222, 223, 338
академическая дисципли-
на 233
как атрибут «ученых» 41, 44,
48, 93, 175, 223, 232
- Лаш Карл, художник 472–474,
476, 477
- Ле Куте де Кантеле, барон Шарль
Эммануэль, полковник
297, 298
- Леве Доротея 175, 212, 213, 217;
см. актеры, немецкие (лица)
- Леонова Мария Карловна
471, 472
- Лесков Николай Андреевич
445, 446
- Лессинг Готхольд Эфраим 139,
140, 171; см. драматурги
- либерализм / либералы 21, 158,
187, 189, 215, 240, 243, 292,
306–308, 313, 315, 316, 325, 334,
342–345, 347, 348, 450, 457; см.
также: Александр I; Бруньер;
движение декабристов;
- Штейнгель; Сперанский;
Чокке
в Германии 187, 189, 240, 432
в России 240, 306–308, 316,
432, 444, 447, 450, 457
и революции после 1815 года
307, 308, 342, 343, 432
- Лиммер Карл 397–399; см.
духовенство протестантское в
России
- Линденштейн 66, 68; см. Пробст
- Линдль Игнац, священник 367,
373, 374, 376, 379, 399
- Лодер Юстус Христиан 68, 328,
341, 342, 378, 424, 451, 454–456,
465, 466; см. масоны в России
- ложи 6, 32, 118–123, 129, 132, 163,
166, 175–180, 182, 183, 185, 186,
196, 198, 213, 225, 231, 238,
240–243, 250, 318, 323–327,
329–332, 336, 337, 338, 343, 344,
351, 379, 381, 385, 394, 399, 400,
415; см. масонские великие
ложи; масонские ложи
- Лорберг Георг Альбрехт Филипп,
писатель и теолог 429
- Лористон Жак 291
- любовь романтическая 85–89
и актеры 59, 62, 133
и Вильгельм Розенштраух 310
и Розенштраух 85, 87, 88, 497
и Фридрих (Фриц) Розенштра-
ух 471
- Людовик XVI, король Франции
112, 297
- лютеранская церковь, духовен-
ство и масонство 36, 198, 232,
319, 320, 331, 341, 361, 363, 380,
386–388, 409, 453, 455, 458, 465;

- см. также: церковь Святого Михаила, лютеранская (Москва); харьковская лютеранская община; Одесса; православие, русское — духовенство
- и Просвещение 12, 16, 36, 176, 239, 320, 361, 386, 387, 444
- карьеры и социальный статус см. также: «ученые»; Новороссия
- и Розенштраух 76, 77, 81, 98, 99, 149, 176, 197, 198, 213, 222, 232, 318, 319, 342, 365, 366, 369, 372, 380, 382, 388, 389, 392, 409, 421–423, 425, 441, 444
- становится пастором 376–380
- лютеранство в России 197, 207, 222, 232, 233, 319, 341, 342, 361, 363–366, 369, 380, 385, 387–389, 415, 441, 444, 447, 455, 458; см. также: духовенство протестантское в России; Финляндия / финляндцы; харьковская лютеранская община; Новороссия; Одесса
- в Москве 319, 365, 380, 385, 387, 388, 399, 423, 441, 465; см. также: церковь Святого Михаила, лютеранская (Москва); церковь Святых Петра и Павла, лютеранская (Москва)
- в Новороссии 361, 364, 365, 369
- в Санкт-Петербурге 207, 213, 232, 233, 363, 366, 380, 387, 399, 422, 423, 445
- как орудие политики правительства 363, 388, 389
- подчинение Шведскому церковному уставу 232, 369
- смешанные браки с православными русскими 311, 319
- терпимость к л. 207, 386, 444
- лютеранство: вера и доктрины 16, 386; см. также Пробуждение
- лютеранство в Германии 12, 239, 319, 361, 364, 365, 422
- мавры 79–81; см. Османская империя / турки / мусульмане
- Мазинг Карл Эдмунд, купец 480, 483
- Майнц, осады 136–138, 163
- Максимилиан Франциск, эрцгерцог, курфюрст-архиепископ Кельнский, князь-епископ Мюнстерский 89, 92, 109
- Мартини Иоганн Маттиас 177, 198; см. масоны, в Германии
- Мартин-и-Солер Висенте 134, 139, 171; см. композиторы
- масонские великие ложи 119, 177–179, 182, 324–327, 330, 343, 344; см. также: масонство
- Астрей* (Санкт-Петербург) 324–327
- Великая ложа Англии* 119, 177
- Великая провинциальная ложа* 179, 324, 326, 330, 343
- Великая ложа Швеции* 179, 182
- Национальная великая масонская ложа Германии* 177, 179

- масонские ложи в Германии:
Четыре стихии (Штральзунд) 177, 185, 196
Густава Адольфа к трем лучам (Штральзунд) 178, 182, 183, 185
орден Талии (Штральзунд) 184
Три звезды (Росток) 177
Храм Истины (Росток) 175–186, 432
- масонские ложи в Голландской республике:
Глубокое безмолвие 6, 121–124, 176
- масонские ложи в Москве:
Александра к тройственному спасению 184, 325–327, 329–331, 343
Гора Фавор 327, 329, 330
Ищущие Манны 330, 400
Капитул Благодетельных рыцарей 327, 337, 344
- масонские ложи в Санкт-Петербурге:
Александра благотворительности к коронованному пеликану 241–243, 257
Елизаветы к добродетели 241
Капитул Феникса 338
Петра к правде 241
Умиравший сфинкс 231, 242, 243
- масонские уставы 177, 323, 324, 326, 337, 338, 401; см. Исправленный шотландский устав; Строгого соблюдения; Шведский устав
- масонство в Российской империи 12, 19, 32, 120, 221, 231, 238, 240, 312, 318, 323, 324, 326, 330, 332, 342, 345, 351, 365–367, 379, 398, 400, 430, 433, 491, 494
в Москве 257, 312, 319, 322, 332, 345, 365, 367, 379, 381, 382, 385, 393, 399, 401, 451, 461, 494
в Санкт-Петербурге 196, 213, 231, 232, 238–244, 257, 312, 322, 324, 325, 338, 345, 351, 366, 367, 381, 399, 401, 461
- масонство 16, 105–126, 152, 175–178, 183, 185, 186, 196, 221, 232, 238–243, 250, 293, 321–324, 236, 330, 331, 333, 334, 336–338, 340, 342, 345, 365, 378, 379, 386, 400, 433, 491; см. также: теории заговора; масоны; масонские великие ложи; масонские ложи; масонские обряды
в Священной Римской империи 29, 239, 451
в Гессен-Касселе 76, 118, 129, 152, 163, 176, 237, 312, 326, 491
в Голландской республике 105, 122–125, 176
в Мекленбург-Шверине 163, 177, 182, 237, 238, 430
как сеть общественных связей 29, 179, 196, 240, 243, 331, 342, 343, 345, 400, 401
- масонство: идеи и традиции 16, 121, 177, 242, 293, 491
высшие степени 196, 242, 323, 324, 326
религиозный мистицизм 186, 241

масоны в Германии:

Бер, скульптор 178
Ланге Самуэль Готлиб 177, 198
Мартини Иоганн Маттиас
177, 198
Неттельбладт барон Христиан
де 178, 180, 185, 198, 200, 221,
222, 249, 430–433
Флоршютц Эвхарий 178
Фогель Самуэль Готлиб
164–166, 177, 180

масоны в Голландии:

Мист Якоб Абрахам де 123
Нейс (Нис) Адриан де 123
Рейн Ян Матейс 123

масоны в России: см. также:

Беттигер; Чермак; Фесслер;
Нейман; Новиков; Поздеев;
Сперанский; Шольц Фридрих
Баратаев Михаил Петрович,
князь 249, 324, 325, 332, 340,
342, 343
Воронихин Андрей Никифо-
рович 250, 251
Гейм Иоганнес Кристиан
(Иван Андреевич)
327, 328
Горн Иоганн Кристиан 328
Девель Бенедикт Фридрих фон
231, 232
Лабзин Александр Федорович
231, 243, 322
Лодер Юстус Христиан 68,
328, 341, 342, 378, 424, 451,
454–456, 465, 466
Пфелер Филипп Фридрих
327, 328
Рейс Фердинанд Фридрих
328, 331

Трейтер Готлиб Иоганн

Вильгельм 328

Шредер Энох 171, 211, 217,
227–229, 242, 432

Мекленбург-Шверин 154,
156–158, 163, 182, 187, 193, 197,
199, 265

крепостное право 158, 187
правительство и экономика
156, 159, 163, 187, 237
религия 197

меннониты 361, 368, 386

меркурианцы 254, 255, 264

Розенштраух как м. 255, 264

микроистория 7, 13, 14, 23

Милютинские ряды 251, 461; см.
также: Глазунов; Невский
проспект

Мире Жозеф 189, 190, 195, 201,
206, 207, 209, 211, 212, 214–218;
см. директора театров

Мист Якоб Абрахам де 123; см.
масоны, в Голландии

модернизации нарратив 13, 18,
20, 48, 191, 431, 433, 454; см.
также: память, историческая
о Старом порядке и Веке
революций

моравские братья 361, 364,
371, 398

Москва 5, 6, 8, 10, 136, 194, 203,
215, 256–259, 262, 265, 266,
268–275, 277, 278, 280, 282–284,
286–291, 297–300, 303–306,
308, 309, 312–315, 318, 319,
322–325, 327, 329, 332, 339, 342,
344, 345, 349, 352–355, 360, 365,
367, 370, 373, 375–385, 387, 388,
393–395, 399, 401, 404, 414, 423,

- 424, 431, 451, 452, 454, 457, 460, 461, 464–468, 479, 481–483, 486–488, 493–495
иностранцы в 272–274
история и общество 256, 257, 271–274
- Моцарт Вольфганг Амадей 54, 134, 139, 171; см. композиторы
- Музеус Карл, журналист 211, 218, 219
- мусульмане 79, 171, 349, 371, 388; см. Османская империя / турки / мусульмане
- Мюллер Венцель 139, 171, 227; см. композиторы
- Мюллера труппа 105–111, 227, см. театральные труппы
- Мюнстер 88, 99, 106, 109–112, 116, 118, 122, 124, 150, 160, 163, 199; см. также Театральные труппы — Мюллера труппа; Вестфалия
- и Розенштраух 99, 106, 109, 111, 112, 122, 124, 150, 160, 163, 199
- Наполеон I 5, 6, 10, 15, 22, 117, 186, 187, 221, 237, 252, 253, 277, 282, 286–298, 302, 306, 307, 312, 317, 340, 363, 432, 490, 491
- и Розенштраух 5, 6, 12, 15, 22, 117, 187, 237, 252, 253, 282, 286, 288–298, 317, 340
- Наполеон III 297
- Наполеоновские войны 12, 22, 247, 312, 342, 361, 390, 428, 431, 432, 489, 492; см. войны, Французской революции и Наполеоновские
- национализм 13, 16, 20, 187, 275, 293, 387, 494; см. также: консерваторы / консерватизм; либерализм / либералы
- в Германии 20, 187, 275, 293, 494
- в России 20, 275, 387, 293
- и Розенштраух 20, 187, 293, 494
- Неандер Август, теолог 409
- Невский проспект 207, 208, 218, 221, 232, 244, 249, 250, 253, 257, 262, 461, 467; см. также: Милютинские ряды
- и Розенштраух 207, 221, 232, 244, 249, 253, 257, 262, 461
- Нейс (Нис) Адриан де 123; см. масоны в Голландии
- немецкий театр в Санкт-Петербурге 188, 189, 193, 206, 211–215, 220, 225–227, 237, 242, 256, 274, 275, 395
- зрители 213, 214, 224, 225, 256, критика рецензентов 211–213, 226–229, 242
- немецкий язык 11, 55, 57, 78, 113, 115, 193, 204, 207, 209, 211, 213, 222, 241, 268, 285, 302, 319, 323, 329, 359, 365, 400, 409, 434, 435, 494; см. также: акцент Розенштрауха
- в России 11, 193, 204, 207, 213, 222, 302, 319, 323, 365, 488
- знакомый французским офицерам 329
- и Просвещение 57, 115, 494
- как лингва-франка Балтийского региона 193, 204
- Ненндорф 166; см. курорты и водолечебницы

- Неттельбладт барон Христиан фон 178, 180, 185, 198, 200, 221, 222, 249, 430–433; см. масоны, в Германии
- Николай I, русский император 315, 380, 387, 389, 414, 434, 435, 441–443, 452, 453, 458, 492, 493 и Вильгельм Розенштраух 458, 492, 493 и Розенштраух 315, 380, 387, 389, 414, 434, 435, 441–443, 453
- Ноай барон Альфред де, полковник 295, 297, 298
- Новиков Николай Иванович, масон 324, 326, 331 и Розенштраух 326
- Новороссия 349–380, 399; см. также: Одесса колонизация 350, 357 лютеранское духовенство 369–376 немецкие поселенцы 360–369
- Нойман Вильгельм, пастор и масон 328, 378
- Нордерней 164; см. курорты и водолечебницы
- образование в Германии 32, 62, 65; см. также: «ученые» Бреслау и Пруссия 32 Священная Римская империя 41, 42 образование в России 32, 192, 222, 232, 240, 356, 363, 365, 385, 450, 454; см. также: образование, и Розенштраух; ланкастерские школы немецкие церковные школы 222, 223, 340, 365, 385 образование и Розенштраух 32, 40–44, 65, 76, 93, 192, 222, 223, 232, 233, 356, 370, 371, 379, 385, 450; см. также: Пробуждение, pietistское
- Общество попечительное о тюрьмах 454, 456, 460
- Одесса 194, 279, 331, 332, 342, 345, 349, 351–353, 355, 357–362, 367–369, 371–376, 378–380, 383, 387, 388, 399, 401, 402, 411, 423, 424, 451, 461, 493; см. также: Бинеман; Беттигер; Линдль; Новороссия в немецкой прессе 194 иностранное духовенство 371, 374, 401 история и общество 358–360 и Розенштраух 194, 279, 332, 342, 345, 349, 351, 359, 360, 367, 369, 371, 374, 376, 378–380, 399, 401, 402, 424, 461, 493 немцы 279, 331, 342, 349, 358, 360–369, 371, 376
- Орден благотворительных рыцарей Святого града и исправленного масонства 326, 327; см. Исправленный шотландский устав
- Орлова-Давыдова Ольга Ивановна (урожд. Барятинская) 406
- Османская империя / турки / мусульмане 79, 171, 204, 254, 259, 336, 349, 350, 360, 361, 371, 373, 376, 388 в представлениях немцев 79 пересечения Германии с 79, 361, 373, 376 и Розенштраух 356, 373

- пересечения России с 259, 349, 350, 356, 357, 361, 373, 376
- Оснабрюк, город и княжество-епископство 109, 110, 114, 160, 163; см. также: театральные труппы — Мюллера труппа; Вестфалия
- Остзейские губернии 65, 159, 164, 188, 193, 211, 212, 232, 233, 255, 256, 307, 323, 327, 328, 363, 369, 434
- лютеране и лютеранство в о. г. 232, 233, 363, 369
- немецкие иммигранты в о. г. 159, 164, 188, 255, 256, 327, 328
- немецкие актеры в о. г. 211, 212
- Розенштраух и о. г. 159, 164, 193, 212, 232, 255, 283, 327, 328, 369, 421, 434, 461
- Офросимов Михаил Александрович, московский генерал-губернатор 479
- Павел I, русский император 189, 215, 243, 292
- память живая 419–425, 434, 489
- образ Розенштрауха в 421, 423–425
- память историческая 6, 419, 420; см. также: модернизации нарратив; общая у Розенштрауха и его современников о Старом порядке и Веке революций 419, 420
- память культурная 419–421, 423, 424, 428, 434, 449, 489
- образ Розенштрауха в 421, 423, 424, 428, 434, 449, 489
- Патерсон Джон 373, 374; см. духовенство протестантское, в России
- Петр I (Великий), русский император 191, 193, 203, 204, 245, 262, 264
- и Розенштраух 193, 203, 262, 264
- пиетизм, вера и религиозная практика 43, 320, 321, 367, 374, 399, 404, 430, 442; см. также: лютеранство, вера и доктрины; моравские братья; рационализм
- и православные русские 374, 442
- и Розенштраух 43, 399, 404, 430, 442
- Пинкертон Роберт 370; см. духовенство лютеранское в России
- Пирмонт 144, 150, 153, 166; см. курорты и водолечебницы
- Пирх Вильгельм, прусский поверенный в делах 479
- Плетнев Петр Андреевич, писатель, издатель 434–439
- Погодин Михаил Петрович, профессор, журналист 460, 462, 464, 466, 469, 471, 473–475, 477, 480–483
- Поздеев Осип Алексеевич, масон 324, 343
- покровитель — подопечный: отношения 93, 95, 117, 240, 325, 343, 384, 306, 437
- и Вильгельм Розенштраух 406
- и Розенштраух 93, 95, 325, 343, 384, 437

- полемика о роскоши 267, 268, 275
 потребительская революция 267, 451, 452; см. также: полемика о роскоши; торговля предметами роскоши; курорты и водолечебницы
- православие русское 191, 192, 207, 214, 264, 306, 307, 311, 319, 349, 350, 354, 355, 366, 369, 374, 379, 380, 385, 386, 388, 408, 409, 413, 414, 422, 438, 439, 441–445, 447, 448, 454
 духовенство 192, 369, 374, 379, 380, 385, 441, 442, 444, 447
 отношение к протестантизму 306, 307, 311, 374, 379, 388, 422, 438
 отношения Розенштрауха с 311, 366, 369, 379, 385, 408, 409, 414, 422, 438, 439, 441, 442, 444, 447, 448
 смешанные браки с протестантами 311, 319
- Пробст Леонгард Дидрих 61, 62, 64–70, 117, 201, 207, 212, 216; псевд. Линденштейн, см. актеры, немецкие (лица)
- Пробуждение* 306, 320, 345, 366, 367, 374, 404, 406; см. также: Госснер; Линдль
 альгойское (католическое) 367, 374
 пиетистское 320, 367, 374, 404 и Александр I 366, 367
- Просвещение, идеи в целом 12, 16, 22, 30, 36, 37, 40, 41, 44, 47, 52–58, 69, 70, 72, 73, 75, 80, 91, 95, 96, 112, 115, 119, 129, 141, 151, 153, 158, 165, 166, 169, 171, 176, 186, 189, 211, 227, 229–231, 239, 240, 243, 293, 309, 320, 321, 333, 335, 340, 345, 361, 386, 387, 436, 449, 491, 494
 и Розенштраух 22, 30, 40, 70, 72, 73, 96, 153, 166, 169, 171, 176, 186, 293, 309, 328, 333, 335, 345, 371, 379, 436, 444, 449, 494
 о градостроительстве 37
 о евреях и мусульманах 36, 40, 171, 176
 о католицизме 36, 40, 91, 176, 186, 239, 386, 444
 о культурном национализме 16, 387
 о масонстве 16, 119, 186, 239, 240, 243, 293, 321, 333, 340, 345, 379, 386, 491
 о публичной сфере 72
 о революции 12, 16, 22, 80, 112, 189, 293, 333, 379, 491
 о религии 16, 36, 40, 53, 75, 186, 229–231, 320, 333, 335, 345, 361, 363, 444
 об образовании 41, 44, 55, 58, 72, 73, 91, 169, 211, 227, 239, 240, 243, 340, 363
 об отсталости 91, 158, 176, 239, 240
- Пруссия 11, 29, 34, 35, 37–39, 44, 45, 49, 51, 64, 80, 91, 112, 137, 158, 178, 179, 187, 188, 201, 211, 306, 309, 315, 319, 363, 431, 432, 457, 460, 464, 476, 477, 479, 481, 491, 494; см. также: Бреслау; консулы, иностранные, в Москве; образование, в Германии; Фридрих II (Великий); Фридрих Вильгельм III

- войны 112, 306, 431, 432, 491
крепостное право 80, 158, 187
Просвещение 37, 112, 158, 211, 309, 363, 491
Силезия 34, 35, 38, 49, 80
цирюльники и ремесленники 158
и Розенштраух 11, 34, 35, 38, 39, 44, 49, 64, 80, 187, 201, 309, 315, 319, 431
Прямодушный, газета 215, 217, 218
публичная сфера 71, 72, 79, 226, 443
Пугачевский бунт 269
путешествия 18, 19, 29, 50, 66, 67, 73, 85, 155, 156, 159, 160, 168, 189, 193, 196, 201–205, 215, 256–265, 270, 273, 298, 353–356, 421, 430, 493, 496
дилижансом в Германии 155, 260
изменения в XIX веке 493, 494
на корабле по Балтийскому морю 200–205
на почтовых (ям), в России 259–261
Пушкин Александр Сергеевич 301, 359, 360, 409, 435, 473
Пфелер Филипп Фридрих 327, 328; см. масоны в России
Пфердсдорф Иоганн Генрих Христиан 363, 365, 368; см. духовенство протестантское в России
рабство 79, 158, 267, 432
американское 79, 158, 432
отношение в Германии 158
Причерноморье и Африка 78, 79, 354
Рагоцки Карл Август, писатель и пастор 339
Радищев Александр Николаевич 265, 266, 268
развод 146, 150, 197–199, 233, 362, 407
законы о р. 197, 198
и актеры 198, 199
Розенштраух и р. 197, 198, 233, 407
Раупах Иоганн Фридрих 258, 264, 265, 268, 270, 271, 353, 354
рационализм 186, 320–322, 367, 387, 396, 409–412, 428, 429, 436, 465; см. также: лютеранство, вера и доктрины
и Розенштраух 186, 321, 322, 396, 410
разногласия с пиетизмом 320, 428
реализм в русской литературе 435, 440, 443; см. также: Греция / греки; движение декабристов; либерализм / либералы; теории заговора
революции 1820–1821 годов 12, 22, 342, 379, 400
и Розенштраух 22, 343, 379
революции 1848 года 12, 197, 428, 432
Реймерс Генрих фон, писатель 11, 221, 244, 249, 251
Рейн 112, 136, 284, 298, 299
Рейн Ян Матейс 123, см. масоны в Голландии

- Рейнбек Георг, писатель 211, 258, 261, 262, 264, 265, 267, 268, 270, 271
- Рейнберга — Шеппленберга труппа 112, 116, см. театральные труппы
- Рейнские музы*, журнал 134, 135, 138, 142, 143,
- Рейнгадт Феликс, мемуарист 390, 394, 434
- Рейс Фердинанд Фридрих 328, 331, см. масоны в России
- Рейхард Генрих Август Оттокар, писатель 59, 60, 105, 188
- Рекке Фридрих 154, 190, 212, 213; см. актеры, немецкие (лица)
- Ремплер Кристоф Андреас, ювелир 218, 244, 461, 475
- реформаты (кальвинисты) 35, 75–77, 83, 98, 99, 115, 118, 149, 176, 192, 197, 207, 239, 361, 373
- Гессен-Кассель 75–77, 83, 98, 149, 197
- Голландская республика 115, 118, 149
- Новороссия 361, 373
- Силезия 35, 75, 76
- Ридезель Фридрих Адольф, генерал 118
- Ришелье Арман-Эмманюэль де Виньеро, герцог дю Плесси 364, 365
- Розенштраух Иоганн Амвросий 5, *passim*
- дети:
- Вильгельмина (Мина) 117, 145, 172–174, 221, 232, 257, 261, 271, 282, 283, 309, 311, 381, 392, 393, 427, 428, 450; см. Розенштраух Вильгельмина (Мина)
- Елизавета (Элиза) 117, 127, 145, 146, 149, 172–174, 221, 232, 257, 309, 311, 312, 339, 383, 450, 460, 493; см. Кинен Елизавета Каролина (Элиза)
- Карл Вильгельм 117, 145, 172–174, 221, 232, 257, 309 см.
- Розенштраух Вильгельм старший сын (имя неизвестно) 87, 145, 172–174, 221, 229, 230
- Исторические происшествия в Москве 1812 года* (записки Розенштрауха о войне 1812 года) 10, 174; см. также: Корелин
- вопрос об авторстве 10, 11
- публикация 10
- существующие экземпляры 427
- таинственность вокруг 427, 428
- У одра умирающих. Из записок евангелического пастора* 410, 426–429, 434, 449, 488
- перевод на другие языки 429, 473
- публикация на немецком 428, 434, 449
- Розенштраух Вильгельм (сын Розенштрауха) 12, *passim*
- потомственный почетный гражданин 458, 484
- пруссский консул 457, 460, 464, 476, 481, 494, 495
- детство и юность 117, 124, 145, 149, 172–174, 221, 223, 232, 247

- личность и взгляды 466–471, 495, 496
 образование 251, 252
 отношения с отцом 384, 427, 465
 портреты 459, 472, 474, 476
 связи в обществе 458–465, 479
 смерть 483
 социальное честолюбие 455–457
- Розенштраух Вильгельмина (Мина) (дочь Розенштрауха) 117, 145, 172–174, 221, 232, 257, 261, 271, 282, 283, 309, 311, 381, 392, 393, 427, 428, 450
- Розенштраух Зуанна Барбара Антонетта (урожд. Хампе), жена Розенштрауха 28, 81–85, 87–90, 92, 93, 94, 96, 98–101, 105, 112, 126–129, 134, 137, 139, 144–150, 197, 199, 200, 230, 308, 339, 340, 491, 496, 497; см. также: Хампе, семья; Хампе, Иоганна Елизавета (теща Розенштрауха)
 брак 28, 83, 87–89, 90, 92, 100, 149, 496
 венчание 28, 96–101
 отношения 84–89, 145–150
 расставание 145, 160, 199
 смерть 149, 339, 340
 беременности 87, 88, 99, 100, 112, 230
 сценическая карьера 127–129, 134–139, 144, 145
- Розенштраух Софи 310–312, 383, 414, 458, 459, 460, 473, 474, 493, урожд. Гудчайлд (жена Вильгельма Розенштрауха)
- Розенштраух Анна (дочь Вильгельма Розенштрауха) 459, 475, 481–483, 486
- Розенштраух Вильгельм (сын Вильгельма Розенштрауха) 459
- Розенштраух Вильгельмина (Мина) (дочь Вильгельма Розенштрауха) 459
- Розенштраух Карл (сын Вильгельма Розенштрауха) 459, 484, 486
- Розенштраух Наталия Иоганна Елизавета (дочь Вильгельма Розенштрауха) 459, 466, 475, 484, 486; см. Болин Наталия Иоганна
- Розенштраух София (дочь Вильгельма Розенштрауха) 459, 468, 469, 474, 475, 484–486, см. Германн Софи
- Розенштраух Фридрих (Фриц) (сын Вильгельма Розенштрауха) 458, 460, 468–474, 476–483, 486, 496
 конфликт с отцом 469–474, 496
 литературная деятельность 472–474
 последние годы и смерть 486
 прусский вице-консул 476, 479, 481
 рождение и детство 458, 460, 468, 469
 финансовый скандал 477–483
- Розенштраух Эмилия (дочь Вильгельма Розенштрауха) 459, 460, 475; см. Вольнер Эмилия
- Российская империя 11, 188, 194, 202, 204, 209, 238, 245, 248, 254,

- 255, 261, 274, 318, 342, 345, 351, 354, 355, 357, 365, 382, 389, 434, 450, 451, 457, 458 см. также: купечество в России; дворянство, русское; крепостное право в России
Великие реформы 442, 445, 447, 478, 480
внешняя торговля 249, 252, 253, 308, 316
географические условия 258, 259, 261, 262, 351–354
как империя 257–265, 354–358
общественная система
Германии как образец 191, 192
система кредитов и банкротств 462, 478, 479, 482, 483
судебная система 464, 478, 479, 482, 483
Российское библейское общество 307, 328, 342, 371, 373, 374, 379, 455
Россия: иностранцы 192, 195, 207–210, 220, 238, 244, 247, 256, 264, 265, 268, 269, 272, 274, 278, 282, 283, 289, 300, 301, 305, 311, 316, 318, 332, 342, 350, 373, 379, 395, 439, 441, 473, 488
в провинциальной России 264, 265
отношения с простыми русскими 266–269
народная ксенофобия во время войны 1812 года 282, 283, 300, 303
отчужденность от простых русских 224, 225, 276, 300
пособники крепостного права 266–269
подозрения в неверности России 305, 316–318, 440, 441
страна возможностей для иммигрантов 188–190, 237, 238, 394, 395
страна возможностей для Розенштрауха 254–257, 344, 345, 349, 359
Россия: немцы 190–193, 210, 220, 224, 254, 255, 267, 294, 330, 350, 393, 494
представления немцев о России 188–190, 193–195, 202–205, 257–272
степень ассимиляции 225, 255, 258–260, 311, 317, 318
стереотипные представления русских о немцах 224–227, 258, 422, 441, 472
Росток 162, 163, 166–169, 176–180, 182–185, 193, 194, 196, 198–202, 207, 210, 219, 221, 249, 467; см. также: масонские ложи в Германии; театральные труппы — Крикеберга труппа связи с Россией 193, 194, 201
Ростопчин Федор Васильевич, генерал-губернатор Москвы 275, 276, 282, 486
Русский биографический словарь 487
русский язык 11, 204, 207, 210, 213, 222–224, 241, 252, 280, 285, 302, 309, 318, 322, 329, 331, 355, 369, 380, 400, 433, 434, 440–443, 468, 469, 473, 488
и Вильгельм Розенштраух 252

- и немецкие иммигранты 309, 318
- и потомки Вильгельма Розенштрауха 468, 469, 473
- и Розенштраух 302
- Савинков Борис Викторович, революционер 487
- Салтыкова Дарья (Салтычиха), крепостница 269, 270
- Сальери Антонио, композитор 134, 139, 171
- Санкт-Петербург 8, 10, 68, 188–190, 192, 193, 196, 201, 203–215, 219–221, 225–227, 229, 232, 233, 237, 238, 241, 242, 244–246, 249, 250, 254–259, 261–268, 270–276, 278, 280, 305, 309, 310, 312–314, 323–325, 338, 345, 351, 353, 359, 363, 367, 373, 376, 380, 381, 383, 387, 394, 395, 399, 401, 422, 423, 431, 437, 442, 454, 461, 467, 475, 476, 479, 488, 494; см. также: образование, в России
- европейские представления о 203–204
- история и общество 203–204, 206–209
- немцы и другие иностранцы в СПб 207–213
- стоимость жизни 220–224
- Санкт-Петербургские ведомости* 201, 205, 414, 415, 425, 462
- Священная Римская империя 29, 31, 34, 35, 38, 41, 42, 45, 47, 49, 80, 88, 89, 108, 109, 112, 113, 118, 123, 155, 186, 188, 191, 193, 197, 198, 239, 245, 259, 260, 318, 350, 451, 489; см. также: бюргеры, немецкие; цехи ремесленные аграрные отношения 78–81, 158, 159
- как империя 20
- легкость передвижения 65, 66, 88, 89, 152–154
- муниципальное гражданство 33, 92
- распад 186, 187
- религиозное разнообразие 34, 35, 76, 77
- социальная система 28, 29, 39–48
- цехи, ремесла и корпорации 12, 45, 47, 48, 86, 248
- Священный союз 307, см. также: Александр I
- Северный архив*, ежемесячник 211, 217
- Семилетняя война 56, 76, 82, 90, 299, 350
- сепаратисты, вюртембергские 361, 368
- Силезия 28, 31–36, 38, 42, 49, 63, 75, 76, 80, 101, 229, 299, 494, см. Бреслау
- Симон Иоганн Филипп 302, 390, 392–394, 402, 403, 420, 421, 430, 433
- смерть 12, 17, 27, 35, 62, 63, 100, 181, 190, 230, 299, 308, 309, 311, 332, 335, 340, 343, 345, 383, 395, 404, 410–415, 423, 425–427, 429, 435, 436, 441, 446, 447, 455, 487
- богатые и бедные перед лицом смерти 411–413, 446

- в литературных описаниях у пиетистов 414
- в литературных описаниях у романтиков 436
- мужчины и женщины перед лицом смерти 411, 412
- смерть и Розенштраух 62, 181, 340, 345, 377, 383, 404, 408–415, 429, 436
- смерть Розенштрауха 12, 311, 395, 410, 414, 425–427, 435
- Снегирев Иван Михайлович, писатель 460
- Современник* 435, 436
- Соллогуб Владимир Александрович, писатель 473, 474
- Сперанский Михаил Михайлович, государственный деятель 243
- Тарнов Фанни, писательница 203, 204
- Театр и другие изящные искусства*, журнал 138, 141–143
- театр немецкий 54–60, 63, 115, 116, 124, 128, 129, 135, 139, 141, 188, 189, 212–220, 224–227, 232, 237, 274, 275, 394, 395, 399; см. также: актерская карьера Розенштрауха; актеры, немецкие (лица); актеры немецкие (в целом); композиторы; немецкий театр в Санкт-Петербурге; драматурги; директора театров; театральные труппы Буря и натиск/ *Sturm und Drang* 57, 86
- гастроли 54, 55, 61, 68, 74, 105, 114, 124, 128, 131, 146, 148, 150, 162–168, 172, 173, 182, 188, 211
- комедия 59, 78, 109, 132–135, 137, 139–141, 169, 170, 218
- мещанская драма 57, 58, 109, 114, 133, 135, 139, 145, 153, 175, 228
- национальный 55, 57, 111, 129, 130
- опера 80, 109, 128, 132–139, 168–171, 227
- придворный театр 111, 140, 154, 214
- репетиции 109, 135, 141, 142, 216
- сети связей 57–59
- стили актерской игры 57, 58
- трагедия 57, 59, 109, 132–134, 137, 139–142, 169, 170, 228
- эпохи Просвещения 54–60
- Театральный календарь* 59, 105, 109, 144
- театральные труппы 18, 54–65, 68–71, 73, 105, 106, 108–112, 114–116, 121, 124, 127–144, 146, 148, 150–152, 154, 158, 160, 162, 163, 165–168, 170, 172, 175, 180, 182, 184, 188, 189, 194, 196, 198, 212, 214, 216–221, 227, 228, 232, 256; см. также: немецкий театр в Санкт-Петербурге
- Амстердамский немецкий театр 116, 128
- Везера труппа 63, 64
- итальянские 54, 55, 57, 78
- Крикберга труппа 154, 162, 165–168, 175, 180
- Мюллера труппа 105–111, 227

- Рейнберга-Шепшленберга
 труппа 112, 116
 французские 54, 55,
 57, 78
 Хасслоха труппа 127, 128,
 130–138, 141, 146, 150, 152,
 162, 168
 теории заговора 334, 342, 397,
 398, 400, 433
 еврейского 433
 иезуитского 398
 масонского 400, 433
 Толстой Лев Николаевич 446,
 447, 490
 Толук Август, теолог 409
 Томбринк Вильгельм, драма-
 тург 106
 торговля предметами роскоши
 76, 111, 210, 274, 276, 280, 315,
 345, 451; см. также: Кузнецкий
 Мост
 в Германии 76, 111
 в России 210, 274, 276, 280,
 315, 451
 и Вильгельм Розенштраух 451
 и Розенштраух 274, 276,
 315, 345
 Тормасов Александр Петрович,
 московский генерал-губерна-
 тор 324, 325, 343
 Трейтер Готлиб Иоганн Виль-
 гельм 328, см. масоны в Рос-
 сии
 Тридцатилетняя война 35, 75,
 109, 113, 191
 Трошель Элиас, лютеранский
 пастор 36
 Тургенев Иван Сергеевич 446,
 447, 464
 турки 204, 336, 360, см. Осман-
 ская империя / турки /
 мусульмане
 Улих Адам Готфрид, драма-
 тург 62
 «ученые» 41, 44, 48, 49, 93, 95,
 232; см. также: Бранденбург;
 латынь
 и Розенштраух 93, 95, 232
 Уэсли (Вестлей) Джон, купец
 310, 311
 Фейгин Яков, купец 477–480,
 482–484
 Фельбигер Иоганн Игнац, аббат
 и деятель образования 42, 43,
 48, 53, 222
 Фесслер Игнац Аурелий, масон
 и священник 243, 322, 342, 366,
 397, 398
 и Розенштраух 243, 322, 342,
 366, 397
 Фет Афанасий Афанасьевич 460
 Фехнер Андреас Вильгельм,
 пастор и историк 424, 465,
 466, 481
 филантропия 186, 241, 331; см.
 также: внутренняя миссия;
 покровитель — опекаемый
 лютеранские церкви 318, 319
 и Розенштраух 318, 319,
 339–342
 и Вильгельм Розенштраух 453,
 466–468
 Филарет (Дроздов), митрополит
 московский 454, 460
 Финляндия / финляндцы 159,
 195, 256, 363, 365, 371, 373

- Флао де ла Бийардери, барон
Шарль де, полковник 295–299
- Флоршютц Евхариус 178, см.
масоны в Германии
- Фогель Самуэль Готлиб 164–166,
177, 180; см. масоны в Гер-
мании
- Франция 27, 34, 39, 58, 77, 89, 111,
112, 118, 120, 124, 125, 129,
136–138, 153, 156, 164, 186, 188,
191, 194, 224, 228, 253, 258, 260,
265, 272, 275, 277, 293, 297, 299,
306, 307, 363, 364, 422, 432
культурное влияние Франции
в Германии 54–57, 78, 129,
194, 195
культурное влияние Франции
в России 207–211, 213, 214,
220, 224, 225, 274, 275
отношение к Франции
в Германии 57, 58, 115, 226,
228, 294
отношение к Франции
в России 220, 224, 255, 274,
275, 294
- Французская революция 15, 19,
22, 80, 105, 110, 112, 120, 129,
153, 172, 176, 189, 240, 275, 292,
296–299, 306, 323, 333, 334, 364,
395, 398, 432, 492
отношение Розенштрауха 125,
138, 333, 334
реакция Германии 111, 112, 129
- французский театр 54, 57, 78,
115, 129, 218, 220, 224, 225, 228;
см. театральные труппы
- французский язык 41, 42, 207,
210, 213, 223, 241, 284, 285, 309,
323, 468
- и дворяне в Германии 41
и дворяне в России 213
и масоны в России
241, 329
и Розенштраух 42, 252
и семья Розенштраух 252
как предмет изучения 41, 42
- Фридрих II (Великий), король
Пруссии 35, 41, 42, 48, 309
- Фридрих II, ландграф Гессен-
Касселя 76–78, 129
- Фридрих Август, герцог Йорка
и Олбани, князь-епископ
Оснабрюка 109, 110
- Фридрих Вильгельм III, король
Пруссии 315, 319, 491
- Фридрих Франциск, герцог
Мекленбург-Шверина 199
- Хампе Иоганна Елизавета (теща
Розенштрауха) 83, 84, 86, 95,
96, 99, 101, 146–149, 466
- Хампе, семья 28, 81–87, 146–150;
см. также: Розенштраух,
Зузанна Барбара Антонетта
(урожд. Хампе)
- Хартвиг 140, 141, 144, 146; см.
актеры, немецкие (лица)
- Харьков 12, 355, 256, 381–383,
385, 386, 388, 390, 392, 395, 401,
403, 411, 413, 415, 423, 429, 430,
467, 468, 493
история и характер города
381–383
- харьковская лютеранская
община 381–388, 392, 424
в XX веке 424
история и организация 384,
385, 387

- отношения прихожан с Розенштраухом 392, 393
 отношения с нелютеранами 412–415
 церковь 386–388, 415
 школа 385, 387, 423–425
- Хасслох Карл Теодор 127, 128, 130–133, 137–139, 139, 144, 146, 150–152, 154, 161, 162, 168–170, 339; см. актеры, немецкие (лица); директора театров
- Хасслоха труппа 127, 128, 130–138, 141, 146, 150, 152, 162, 168; см. театральные труппы
- Хейден-Хомпеш, граф Анн Виллем Карел ван 117
- Хендерсон Эбенезер 373, 374; см. духовенство протестантское в России
- хирурги 33, 43–45, 47–51, см. цирюльники
- Хофгейсмар 143, 153, 166; см. курорты и водолечебницы
- Цайбиг Вильгельмина Шарлотта Альбертина (урожд. Люткенс), см. актеры, немецкие (лица) 212, 213
- церковь Святого Михаила, лютеранская (Москва) 318–322, 378, 387, 424, 460, 465, 481, 484; см. также: Фехнер; Розенштраух Вильгельм и Розенштраух 318, 319
 община 318, 319
- церковь Святых Петра и Павла, лютеранская, Москва 319, 465
 и Розенштраух 319
- цехи, ремесленные 12, 45, 47, 48, 86, 239, 246, 248
 в России 246
 в Священной Римской империи 12, 45, 47, 48, 86, 248
 и масонство 239
- цирюльники (хирурги) 12, 27, 33, 43–53, 64, 87, 158, 172, 174, 251, 265, 449, 478, 491, 496; см. также: честь
 и Розенштраух 33, 44, 45, 48–53, 64, 87, 101, 449, 491
 конкуренция с банщиками и лекарями 47
 обучение и организация 44, 45
 хирурги 33, 43–45, 47–51
- Чермак Леопольд, художник 283–285, 294, 300, 302, 328, 332, 385
 биография, присвоенная Розенштраухом 395
 в войне 1812 года 283–286
 и масонство 332, 385
 школа Ч. 332, 385
- честь 16, 45, 47, 71, 92, 295, 479
 и Вильгельм Розенштраух 71, 455–458
 и кавалерские ордена 456, 457
 и корпоративная идентичность при Старом порядке 45, 47
 актеры и «бродячий люд» 71
 духовенство 92
 торговцы 455
 цирюльники и лекари 47
 и отношения «покровитель — опекаемый» 93–95, 117, 240, 241
- Чокке Генрих, драматург 139, 171, 334, 336

- Шведский устав 232, 233, 323, 337, 338, 369
- Швейцария / швейцарцы 34, 188, 334, 341, 361, 365, 371, 485
- Шверин 6, 154, 155, 159–162, 166, 168–170, 173, 176, 180, 184, 190, 198–200, 206, 210, 212, 213, 215, 432; см. также: театральные труппы — Крикеберга труппа
- Швеция / шведы 159, 164, 166, 167, 182, 201, 232, 256, 365, 475
- Шекспир Уильям 139, 140; см. драматурги
- Шиллер Фридрих 53, 57, 140, 170, 171, 217, 218, 232; см. драматурги
Разбойники 232
- Шиллинг Петер, купец 280, 283, 299, 300
- Шольц Бетти 62, 212, 328, 332; см. актеры немецкие (лица)
- Шольц Фридрих, композитор и масон 328, 332
- Шредер Энох 171, 211, 217, 227–229, 242, 432, см. масоны в России
- Штайгер 140, 141, 144; см. актеры немецкие (лица)
- Штайн, барон Карл фон 158
- Штейнгель Владимир Иванович, декабрист 315–318, 325
- Шторх Генрих, писатель 210, 221, 225
- Штральзунд 6, 166–169, 178, 179, 182–185, 193, 194, 196, 202, 231; см. также: масонские ложи — в Германии; театральные труппы — Крикеберга труппа
- Эвест Фридрих Людвиг 68, 69, 212; см. актеры, немецкие (лица)
- Эггерт Иоахим Николаус, музыкант 184
- Элерс В., художник 458, 459, 469, 477
- Энгельгардт Георг фон, писатель 267
- Юнгер Иоганн Фридрих 135, 139; см. драматурги

Оглавление

Слова благодарности	5
Введение	10
Часть I. Неопределенное начало, 1768–1790	
Глава 1. Силезский цирюльник	27
Глава 2. Непреодолимая тяга к сцене	52
Глава 3. Дочь печатника	74
Часть II. Актер немецкой сцены, 1790–1809	
Глава 4. Театр, революция и масонство	105
Глава 5. Театр ландграфа	127
Глава 6. Непревзойденная игра и честный характер	155
Глава 7. Страна крайностей	188
Глава 8. Вызов на сцену	206
Часть III. Купец Российской империи	
Глава 9. Так называемый косметический магазин	237
Глава 10. Чистая Россия	256
Глава 11. Воля Божия	277
Глава 12. Влиятельная личность	305

Часть IV. Пастор в степях Причерноморья

Глава 13. Новороссия 349

Глава 14. Харьковский мудрец 381

Часть V. Наследие

Глава 15. Память 419

Глава 16. Почетные граждане 449

Заключение 490

Список иллюстраций 498

Библиография 500

Предметно-именной указатель 545

Научное издание

Александр М. Мартин
ИЗ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СТРАНУ ЦАРЕЙ
Одиссея одной семьи, 1768–1870

Директор издательства *И. В. Немировский*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Куратор серии *О. Споуэт*
Заведующая редакцией *О. Петрова*

Дизайн *И. Граве*
Редактор *Р. Рудницкий*
Корректоры *А. Филимонова, И. Манлыбаева*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 01.02.2024.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 36,1.
Тираж 200 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
198207, г. Санкт-Петербург, а/я № 8

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

Александр М. Мартин — профессор истории Университета Нотр-Дам. Автор книг *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I* («Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I», «Библиороссика», 2021) и *Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855* («Просвещенный метрополис. Созидание имперской Москвы, 1762–1855», «НЛО», 2015).

В рукописи анонимный немецкий очевидец описывает то, что он видел в Москве во время русской кампании Наполеона. Кем был этот мемуарист и что привело его в Москву в 1812 году? Поиск ответов на эти вопросы открывает неизвестные страницы из жизни Германии и России на заре современной эпохи.

Автор рукописи, Иоганн Амброзиус Розенштраух (1768–1835), половину своей жизни провел в Священной Римской империи, а другую половину – в России. Неугомонный странник и искатель, а также родоначальник влиятельной купеческой семьи, он был характерной фигурой своей эпохи.

Демонстрируя широкую панораму жизни на немецких землях и в России, книга Александра Мартина показывает, как отдельные люди формируют свое время и сами и формируются под его воздействием.

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА**

И С Т О Р И Я

www.bibliorossicapress.com

ISBN 979-8-88719-516-2

9 798887 195162